

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО

Томъ II.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ЖУРНАЛУ

„СЪВЕРЪ“.

ЗА

ФЕВРАЛЬ.

Печатано подъ наблюденіемъ проф. П. Н. Полевого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Евг. Евдокимова.

1892.

3166B

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 января 1892 г.

Типографія Е. Евдокимова. Спб. Б. Итальянская, № 11.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ II.

ГЛАВА I.

Великій Князь Святополкъ.

Г. 1015—1019.

Святополкъ похититель престола. Добродѣтель Бориса. Братоубійства. Безразсудная жестокость Ярослава. Великодушіе Новгородцевъ. Битва у Любеча. Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ. Война съ Болеславомъ Храбрымъ. Битва на Бугѣ. Взятіе Кіева. Вторичное великодушіе Новгородцевъ. Вѣроломное избіеніе Поляковъ. Болеславъ оставляетъ Россію. Черная рѣка. Битва на Альтѣ. Бѣгство и смерть Святополка.

Владиміръ усыновилъ Святополка, однакожь не любилъ его и, кажется, предвидѣлъ въ немъ будущаго злодѣя. Со- г. 1015.
временный Лѣтописецъ Нѣмецкій, Дитмаръ, говорятъ, что Святополкъ, Правитель Туровской области, женатый на дочери Польскаго Короля Болеслава, хотѣлъ, по наущенію своего тещи, отложиться отъ Россіи, и что Великій Князь, узнавъ о томъ, заключилъ въ темницу сего неблагодарнаго племянника, жену его и Нѣмецкаго Епископа Рениберна, который пріѣхалъ съ дочерью Болеслава (1). Владимиръ — можетъ быть, при концѣ жизни своей — простилъ Святополка: обрадованный смертію дяди и благодѣтеля, сей недостойный Князь спѣшилъ

Свято-
полкъ
похи-
тель
престо-
ла.

Добро-
хътель
Бориса.

воспользоваться ею; созвалъ гражданъ, объявляя себя Государемъ Кіевскимъ и роздалъ имъ множество сокровищъ изъ казны Владиміровой. Граждане брали дары, но съ печальнымъ сердцемъ: ибо друзья и братья ихъ находились въ походѣ съ Княземъ Борисомъ, любезнымъ отцу и народу. Уже Борисъ, ишгдѣ не встрѣтивъ Печенѣговъ, возвращался съ войскомъ и стоялъ на берегу рѣки Альты ⁽²⁾: тамъ принесли ему вѣсть о кончинѣ родителя, и добродѣтельный сынъ занимался единственно своею ибреннею горестію. Товарищи побѣдъ Владиміровыхъ говорили ему: „Князь! съ тобою дружина и войны „отца твоего; поди въ Кіевъ и будь Государемъ Ресіи!“ Борисъ отвѣтствовалъ: „могу ли поднять руку на брата старѣйшаго? Онъ долженъ быть мнѣ вторымъ отцомъ“. Сія нѣжная чувствительность казалась вопиамъ малодушіемъ: оставивъ Князя мягкосердечнаго, они пошли къ тому, кто властолюбіемъ своимъ заслуживалъ въ ихъ глазахъ право владѣть.

Но Святополкъ имѣлъ только дерзость злодѣя. Онъ послалъ увѣрить Бориса въ любви своей, обѣщая дать ему новыя владѣнія, и въ то же время прѣхавъ ночью въ Вышегородъ, собралъ тамошнихъ Боярѣ на совѣтъ ⁽³⁾. „Хотите ли доказатьъ мнѣ вѣрность свою?“ спросилъ новый Государь. Бояре отвѣтствовали, что они рады положить за него свои головы. Святополкъ требовалъ отъ нихъ головы Бориса, и сіи недостойные взялись услужить Князю злодѣяніемъ. Юный Борисъ, окруженный единственно малочисленными слугами, былъ еще въ станѣ на рѣкѣ Альтѣ. Убійцы ночью приблизились къ шатру его, и слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борисъ, увѣдомленный о зломъ намѣреніи брата, взливалъ предъ Всевышнимъ сердце свое въ святыхъ пѣсняхъ Давидовыхъ. Онъ уже зналъ, что убійцы стоятъ за шатромъ, и съ новымъ жаремъ молился... за Святополка ⁽⁴⁾; наконецъ, успокоивъ душу Небесною Вѣрою, легъ на одръ, и съ твердостію ожидалъ смерти. Его молчаніе возвратило смѣлость злодѣямъ: они вломившись въ шатеръ и копьями пронзили Бориса, также вѣрнаго Отрока его, который хотѣлъ собственнымъ тѣломъ защитить Государя и друга. Сей юный воинъ, именемъ Георгій.

Брато-
убій-
ство.

родомъ изъ Венгріи, былъ сердочно любимъ Княземъ своимъ, и въ знакъ его милости носилъ на шеѣ золотую гривну: корыстолюбивые убійцы не могли ее снять, и для того отрубилъ ему голову. Они умертвляли и другихъ Княжескихъ Огроковъ, которые не хотѣли спастись бѣгствомъ, но все легли на мѣстѣ (5). Тѣло Борисово завернули въ наметъ и повезли къ Святополку. Узнавъ, что братъ его еще дышитъ, онъ велѣлъ двумъ Варягамъ довершить злодѣяніе: одинъ изъ нихъ вонзилъ мечъ въ сердце умирающему... Сей несчастный юноша, стройный, величественный, плѣнялъ всехъ красотою и любезностію, имѣлъ взоръ пріятный и веселый; отличался храбростію въ битвахъ и мудростію въ совѣтахъ. — Лѣтописецъ хотѣлъ продать будущимъ вѣкамъ имена главныхъ убійцъ и называетъ ихъ: Путна, Талець, Еловичъ, Ляшко. Въ Несгородо время они были еще въ свѣжей памяти и предметомъ общаго омерзѣнія. Святополкъ безъ сомнѣнія наградилъ сихъ людей, ибо имѣлъ еще нужду въ злодѣяхъ.

Онъ немедленно отправилъ гонца къ Муромскому Князю Глѣбу, сказать ему, что Владиміръ боленъ и желаетъ видѣть его. Глѣбъ, обманутый сею ложною вѣстію, съ малочисленною дружиною спѣшилъ въ Кіевъ. Дорогою онъ упалъ съ лошади и повредилъ себѣ ногу (6); однакожь не хотѣлъ остановиться и продолжалъ свой путь отъ Смоленска водою. Вблизи сего города достигъ его посланный отъ Ярослава, Князя Новгородскаго, съ увѣдомленіемъ о смерти Владиміровой и гнусномъ коварствѣ Святополка; но въ то самое время, когда Глѣбъ, чувствительный, набожный подобно Борису, оплакивалъ отца и любимаго брата, въ усердныхъ молитвахъ повѣряя Небу горестъ свою, явились вооруженные убійцы и схватили его ладію. Дружина Муромская оробѣла: Горысѣръ, начальникъ злодѣевъ, велѣлъ умертвить Князя и собственннй поваръ Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, желая угодить Святополку, зарѣзалъ своего несчастнаго Государя. Трупъ его лежалъ нѣсколько времени на берегу, между двумя колодами, и былъ наконецъ погребенъ въ Вышегородской церкви Св. Василія, вмѣстѣ съ тѣломъ Борса.

Еще Святополкъ не насытился кровію братьевъ. Древлянскій Князь Святославъ, предвидя его намѣреніе овладѣть всею Россією, и будучи не въ силахъ ему сопротивляться, хотѣлъ уйти въ Венгрію; но слуги Святополковы догнали его близъ горъ Карпатскихъ и лишили жизни.— Братоубійца торжествовалъ злодѣянія своп. какъ славныя и счастливыя дѣла: собиралъ гражданъ Кіевскихъ, дарилъ имъ деньги, одежду, и надѣялся щедростію пріобрѣсти любовь народную (?).

Безрассуд-
ство; на-
жестокость
Яросла-
ва.

Скоро нашелся мститель: Ярославъ, сильнѣйшій изъ Князей Удѣльныхъ, возсталъ на изверга; но собственною безразсудною жестокостію едва не отнялъ у себя возможности наказать его. Варяги, призванные Ярославомъ въ Новгородъ, дерзкіе, нестовые, ежедневно оскорбляли мирныхъ гражданъ и цѣломудріе женъ ихъ. Не видя защиты отъ Князя пристрастнаго къ иноземцамъ, Новгородцы вышли изъ терпѣнія и побили великое число Варяговъ. Ярославъ утаилъ гнѣвъ свой, выѣхалъ въ загородный дворецъ, на Ракому, и велѣлъ, съ притворною ласкою, звать къ себѣ именныхъ Новгородцевъ, виновниковъ сего убійства. Они явились безъ оружія, думая оправдаться предъ своимъ Княземъ; но Князь не устыдился быть иѣроломнымъ, и предалъ ихъ смерти. Въ ту же самую ночь подучилъ онъ извѣстіе изъ Кіева отъ сестры своей Переделавы, о кончинѣ отца и злодѣйствѣ брата; ужаснулся, и не зналъ, что дѣлать. Одно усердіе Новгородцевъ могло спасти его отъ участи Борисовой; но кровь ихъ дѣтей и братьевъ еще дымлась на дворѣ Княжескомъ... Не видя лучшаго средства, Ярославъ прибѣгнулъ къ великодушію оскорбленнаго имъ народа, собралъ гражданъ на Вѣче, и сказалъ: „вчера умертвилъ я, безразсудный, вѣрныхъ слугъ своихъ; теперь хотѣлъ бы купить ихъ всѣмъ золотомъ казны моей...“ Народъ безмолвствовалъ. Ярославъ отеръ слезы и продолжалъ: „Друзья! отецъ мой скончался, Святополкъ овладѣлъ престоломъ его и хочетъ погубить братьевъ“. Тогда добрые Новгородцы, забывъ все, единодушно отвѣтствовали ему: „Государь! ты убилъ собственныхъ нашихъ братьевъ, но мы готовы идти на враговъ твоихъ“.— Ярославъ еще болѣе воспламенилъ ихъ усердіе извѣстіемъ о

Безнрав-
ственное
Ново-
город-
цевъ.

повыхъ убійствахъ Святополковыхъ; пабрать 40,000 Россіякъ, 1000 Варяговъ, и сказавъ: *да скончается злоба нечестиваго* ⁽⁸⁾! выступилъ въ поле.

Святополкъ, узнавъ о томъ, собралъ также многочисленное войско, призвалъ Печенѣговъ, и на берегахъ Днѣпра, у Любеча, сошелся съ Ярославомъ. Долго стояли они другъ противъ друга безъ всякаго дѣйствія, но смѣя въ виду непріятели переправляться чрезъ глубокую рѣку, которая была между ими. Уже наступила осень... Наконецъ Воевода Святополковъ обидными и грубыми насмѣшками вывелъ Новгородцевъ изъ терпѣнія. Онъ ѣздилъ берегомъ и кричалъ имъ: „Зачѣмъ вы пришли сюда съ *хромымъ* Княземъ своимъ?“ (ибо Ярославъ имѣлъ отъ природы сей недостатокъ). „Ваше дѣло *плотничать*, а не сражаться“. *Завтра*, сказали воины Новгородскіе, *мы будемъ на другой сторонѣ Днѣпра; а кто не захочетъ идти съ нами, того убьемъ, какъ измѣнника*. Одинъ изъ Вельможъ Святополковыхъ былъ въ согласіи съ Ярославомъ, и ручался ему за успѣхъ ночнаго, быстрого нападенія. Между тѣмъ какъ Святополкъ, ни мало не опасаясь враговъ, шлъ съ дружиною, воины Князя Новгородскаго до свѣта перѣѣхали чрезъ Днѣпръ, оттолкнули лодки отъ берега, желая побѣдить или умереть, и напали на безпечныхъ Кіевлянъ, обвязавъ себѣ головы платками, чтобы различать своихъ и непріятелей. Святополкъ оборонялся храбро; но Печенѣги, отдѣленные отъ его стапа озеромъ, не могли приспѣть къ нему во-время. Дружина Кіевская, чтобы соединиться съ ними, вступила на тонкій ледъ сего озера, и вся обрушилась. Ярославъ побѣдилъ, а Святополкъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Первый вошелъ съ торжествомъ въ Кіевъ; награждалъ щедро своихъ мужественныхъ воиновъ — давъ каждому чшовинку и Новгородцу 10 гривенъ, а другимъ по гривнѣ — и надѣясь княжить мирно, отпустилъ ихъ въ дома ⁽⁹⁾.

Битва
у Любе-
ча.

Но Святополкъ еще не думалъ уступить ему престола, окровавленнаго тремя братоубійствами, и прибѣгнулъ къ защитѣ Болеслава. Сей Король, справедливо названный *Храбрымъ*, г. 1017. былъ готовъ отмстить за своего зятя и желалъ возвратить

Созданъ
Иро-
славъ
съ Им-
перато-
ромъ
Нѣмец-
кимъ.

Война
съ Бо-
лесла-
вомъ.
Храб-
рость.

Польскіе города Червенскіе, отнятыя Владиміромъ у Мечислава: имѣя тогда войну съ Генрикомъ II, Императоромъ Нѣмецкимъ, онъ хотѣлъ кончить оную, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣйствовать противъ Россіи. Епископъ Мерзебургскій, Дитмаръ, лично знакомый съ Генрикомъ II, говоритъ въ своей лѣтописи, что Императоръ вошелъ въ сношеніе съ Ярославомъ, убѣждая его предупредить *общаго* ихъ врага, и что Князь Россійскій, давъ ему слово быть союзникомъ, осадилъ Польскій городъ, но болѣе не причинилъ никакого вреда Болеславу (10).

Такимъ образомъ Ярославъ худо воспользовался благоприятными обстоятельствами: началъ сію бѣдственную войну, но собравъ, кажется, достаточныхъ силъ для пораженія столь опаснаго непріятеля, и далъ ему время заключить миръ съ Генрикомъ. Императоръ, тѣсенный съ разныхъ сторонъ, согласился на условія, предложенныя гордымъ побѣдителемъ, и недовольный слабою помощію Россіянтъ, старался даже утвердить Короля въ его ненависти къ Великому Князю. Болеславъ, усиливъ свое опытное войско союзниками и наемниками, Нѣмцами, Венграми, Печенѣгами (въроятно, Молдавскими) расположился станомъ на берегахъ р. Буга.

г. 1018.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того времени страшный пожаръ обратилъ въ пепель большую часть Кіева (11): Ярославъ, озабоченный, можетъ быть, стараніемъ утѣшить жителей и загладить слѣды сего несчастья, едва успѣлъ изготovitъся къ оборонѣ. Польскіе Историки пишутъ, что онъ никакъ не ожидалъ Болеслава нападенія и безпечно удилъ рыбу въ Дитбирѣ, когда голецъ привезъ ему вѣсть о сей опасности; что Князь Россійскій въ ту же минуту бросилъ уду на землю, и сказавъ: *не время думать о забавѣ; время спасать стечество*, вышелъ въ поле, съ Варягами и Россіянами (12). Король стоялъ на одной сторонѣ Буга, Ярославъ на другой; первый велѣлъ наводить мосты, а второй ожидалъ битвы съ нетерпѣніемъ— и часъ ея насталъ скорѣе, нежели онъ думалъ. Воевода и пѣстунъ Ярославовъ, *Будый*, вздумалъ, стоя за рѣкою, шутить надъ тучностію Болеслава и хвалился проткнуть ему брюхо острымъ копьемъ своимъ (13). Король Польскій въ самомъ дѣлѣ едва могъ двигаться отъ необыкновенной толщины, но имѣлъ

Битва
на Бу-
гѣ.

духъ пылкій и бодрость Героя. Оскорбленный сею дерзостію, онъ сказалъ воинамъ: „отметимъ, или я погибну!“ съѣлъ на коня и бросился въ рѣку; за нимъ все войны. Изумленные такимъ скорымъ нападеніемъ, Россіяне были приведены въ безпорядокъ. Ярославъ уступилъ побѣду храброму неприятелю, и только съ четырьмя воинами ушелъ въ Новгородъ. Южные города Россійскіе, оставленные безъ защиты, не смѣли противиться и высылали дары побѣдителю. Одинъ изъ нихъ не сдавался: Король, взявъ крѣпость приступомъ, осудилъ жителей на рабство или вѣчный плѣнъ ⁽¹⁴⁾. Лучше другихъ укрѣпленный, Кіевъ хотѣлъ обороняться: Болеславъ осадилъ его. Наконецъ утѣшенные граждане отворили ворота — и Епископъ Кіевскій, проводимый духовенствомъ, въ ризахъ служебныхъ, съ крестами встрѣтилъ Болеслава и Святополка ⁽¹⁵⁾, которые 14 Августа вѣхали торжествуя въ нашу столицу, гдѣ были сестры Ярославовы. Народъ снова призналъ Святополка Государемъ, а Болеславъ удовольствовался именемъ великодушнаго покровителя и славою храбрости. Дитмаръ повѣствуетъ, что Король тогда же отправилъ Кіевского Епископа къ Ярославу, съ предложеніемъ возвратитъ ему сестеръ, ежели онъ пришлетъ къ нему дочь его, жону Святополкову (вѣроятно, заключенную въ Новгородской или другой сѣверной области).

Взятіе
Кіева.

Ярославъ, утраченный могуществомъ Короля Польскаго и злобою брата, думалъ уже, подобно отцу своему, бѣжать за море къ Варягамъ; но великодушіе Новгородцевъ спасло его отъ сего несчастія и стыда. Посадникъ Косиятинъ, сынъ Добрыни славнаго, и граждане знаменитые, изрубивъ лодки, приготовленныя для Князя, сказали ему: „Государь! мы хотимъ и „можемъ еще противиться Болеславу. У тебя нѣтъ казны: возьми „все, что имѣемъ“. Они собрали съ каждаго человѣка по четыре куны, съ Бояръ по осемнадцати гривенъ, съ городскихъ чиновниковъ или Старостъ по десяти; немедленно призвали корытолюбивыхъ Варяговъ на помощь и сами вооружились ⁽¹⁶⁾.

Въ о-
рип е
вѣлк
дше
Ново-
гор д-
цевъ.

Вѣроломство Святополково не допустило Новгородцевъ отступить Болеславу. Покоривъ южную Россію зятю своему, Король отправилъ назадъ союзное войско и развелъ собственное

Вѣро-
ломие
новѣле
Пода-
ковъ.

по городамъ Кіевской области, для отдохновенія и продовольствія. Злодѣи не знаютъ благодарности: Святополкъ, боясь долговременной опеки тестя, и желая скорѣе воспользоваться независимостію, тайно велѣлъ градоначальникамъ умертвить всѣхъ Поляковъ, которые думали, что они живутъ съ друзьями и не брали никакихъ предосторожностей (17). Злая воля его исполнилась, къ безславію имени Русскаго. Вѣроятно, что онъ и самому Болеславу готовилъ такую же участь въ Кіевѣ; но сей Государь свѣдалъ о заговорѣ и вышелъ изъ столицы, взявъ съ собою многихъ Волярь Россійскихъ и сестеръ Ярославовыхъ. Дитмаръ говоритъ—и нашъ Лѣтописецъ подтверждаетъ—что Болеславъ принудилъ одну изъ нихъ быть своею наложницею—именно Передславу, за которую онъ нѣкогда сватался, и получивъ отказъ, хотѣлъ насладиться гнусною местию. Хитрый Анастасъ, бывъ прежде любимцемъ Владиміровымъ, умѣлъ спискать и довѣренность Короля Польскаго; сдѣлался хранителемъ его казны, и выѣхалъ съ нею изъ Кіева: измѣнивъ первому отечеству, измѣнилъ и второму для своей личной корысти.—Польскіе Историки увѣряютъ, что многочисленное войско Россіянъ гналось за Болеславомъ; что онъ вторично разбилъ ихъ на Буѣ, и что сія рѣка, два раза несчастная для нашихъ предковъ, съ того времени названа ими *Черною* (18)... Болеславъ оставилъ Россію, но удержалъ за собою города Червенскіе въ Галиціи, и великія сокровища, вывезенныя имъ изъ Кіева, отчасти роздалъ войску, отчасти употребилъ на строеніе церквей въ своемъ Королевствѣ.

Святополкъ, злодѣйствомъ избавивъ Россію отъ Поляковъ, услужилъ врагу своему. Уже Ярославъ шелъ къ Кіеву... Не имѣя сильнаго войска, ни любви подданныхъ, которая спасаетъ Монарха во дни опасностей и бѣдствій, Святополкъ бѣжалъ изъ отечества къ Печенѣгамъ, требовать ихъ помощи. Сии разбойники, всегда готовые опустошать Россію, вступили въ ея предѣлы и приблизились къ берегамъ Алты. Тамъ увидѣли они полки Россійскіе. Ярославъ стоялъ на мѣстѣ, обогренномъ кровію Святаго Бориса. Умиленный симъ печальнымъ воспоминаніемъ, онъ воздѣлъ руки на небо, молился, и сна

Болеславъ оставилъ Россію.

Черная рѣка.

Г. 1019. Битва на Алты.

завь: *кровь невиннаго брата моего вопіеть ко Всевышнему*,—далъ знакъ битвы. Восходящее солнце озарило на поляхъ Альты сраженіе двухъ многочисленныхъ воинствъ, сраженіе упорное и жестокое: никогда, говоритъ Лѣтописецъ, не бывало подобнаго въ нашемъ отечествѣ. Вѣрная дружина Новгородская хотѣла лучше умереть за Ярослава, нежели покориться злобному брату его. Три раза возобновлялась битва: непріатели въ остервененіи своемъ хватали другъ друга за руки и сѣялись мечами. Къ вечеру Святополкъ обратился въ бѣгство. Терзаемый тоскою, сей извергъ впалъ въ разслабленіе и не могъ сидѣть на конѣ. Воины *принесли* его къ Бресту, городу Туровскаго Княженія ⁽¹⁹⁾; онъ велѣлъ имъ идти далѣе за границу. Гонимый Небеснымъ гнѣвомъ, Святополкъ въ помраченіи ума видѣлъ безпрестанно грозныхъ непріателей за собою и трепеталъ отъ ужаса; не дерзнулъ вторично прибѣгнуть къ великодунію Болеслава; миновалъ Польшу и кончилъ гнусную жизнь свою въ пустыняхъ Богемскихъ, заслуживъ проклятіе современниковъ и потомства. Имя *окаяннаго* осталось въ лѣтописяхъ неразлучно съ именемъ сего несчастнаго Князя: ибо злодѣйство есть несчастіе.

Бѣгство и
смерть
Свято-
полка.

ГЛАВА II.

Великій Князь Ярославъ или Георгій.

Г. 1019—1054.

Война съ Полоцкимъ Княземъ. Побѣды Мстиславовы. Паденіе Козчрской Державы. Голодь въ Суздаль. Битва у Листвена. Мирь. Основаніе Юрьева или Дерпта. Завоеванія въ Польшѣ. Смерть Мстислава. Единовластіе. Судиславъ заключенъ. Новые Удѣлы. Побѣда надъ Печенѣгами. Каменныя стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ. Митрополитъ. Строніе монастырей. Любовь Ярослава къ книгамъ. Война съ Ятвягами, Литвою, Мазовшанами, Ямю. Походъ на Грековъ. Древнее предсказаніе. Брачныя союзы. Митрополитъ Россійиницъ. Наставленіе и кончина Ярослава. Гробъ его. Свойства сего Кнзя. Крещеніе костей. Первое царское училище. Кіевъ—второй Царьградъ. Монета Ярослава. Демественное пѣніе. Россія—убѣжище изгнанниковъ. Сѣверныя владѣнія Россіи. Законы.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и, по словамъ лѣтописца, *отерзъ потъ* съ мужественною дружиною, трудами и побѣдою заслуживъ санъ Великаго Кнзя Россійскаго (²⁰). Но бѣдствія войны междуособной еще не прекратились.

Г. 1021.
Война
съ Полоцкимъ
Княземъ.

Въ Полоцкѣ княжилъ тогда Брячиславъ, сынъ Изяславовъ и внукъ Владиміра. Сей юноша хотѣлъ смѣлымъ подвигомъ утвердить свою независимость: взявъ Новгородъ, ограбилъ жителей, и со множествомъ плѣнныхъ возвращался въ свое Удѣльное Княженіе. Но Ярославъ, выступивъ изъ Кіева, встрѣтилъ и разбилъ его на берегахъ рѣки Судомы, въ нынѣшней Псковской Губерніи (²¹). Плѣнники Новгородскіе были освобождены, а Брячиславъ ушелъ въ Полоцкъ, и, какъ вѣроятно, примирился съ Великимъ Княземъ: ибо Ярославъ оставилъ его въ покоѣ.—О сей войнѣ упоминаютъ древніи Исландскіи *Саги*. Варяги или Норманы, служившіе тогда нашимъ Князьямъ,

разсказывалъ, возвратясь въ отечество, слѣдующія обстоя-
 ства, достойныя замѣчанія, хотя, можетъ быть, *отчасти* и
 баснословныя: „Храбрый витязь Эймундъ, сынъ Короля Гейд-
 марьскаго, оказалъ великія услуги Ярославу въ продолже-
 ніе трехлѣтней войны съ Киевскимъ Государемъ (Святопол-
 комъ); наконецъ, взявъ сторону Брячислава, еще болѣе уди-
 вилъ Россіянь своимъ мужествомъ и хитростію. Сей витязь
 засѣлъ съ товарищами въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надлежало
 ѣхать супругѣ Ярославовой: убилъ подъ ною коня и привезъ
 ее къ Брячиславу, остыдивъ многочисленныхъ воиновъ, окру-
 жавшихъ Великую Княгиню. Брячиславъ, заключивъ миръ
 съ братомъ, наградилъ Эймунда цѣлою областію (22)“. —
 Скоро опаснѣйшій непріятель возсталъ на Ярослава.

Мы знаемъ, что Владиміръ отдалъ Воспорскую или Тму-
 тороканскую область въ Удѣлъ сыну своему Мстиславу. Сей
 Князь, рожденный бытъ Героємъ, хотѣлъ войны и побѣды: Импе-
 раторъ Греческій предложилъ ему уничтожить Державу Кага-
 нову въ Тавридѣ. Искавъ дружбы Козаровъ идолопоклонни-
 ковъ, но сильныхъ, Греки некали ихъ погибели, когда они
 приняли Вѣру Христіанскую, но утратили свое могущество.
 Андроникъ, Вождь Императорскій, въ 1016 году присталъ
 къ берегамъ Тавриды, соединился съ войскомъ Мстислава, и
 въ самомъ первомъ сраженіи плѣнилъ Кагана, именемъ Геор-
 гія Цула (23). Греки овладѣли Тавридою, удовольствовавъ
 Мстислава одною благодарностію или золотомъ. — Такимъ обра-
 зомъ пала Козарская Держава въ Европѣ; но въ Азіи, на
 берегахъ Каспійскаго моря, она существовала, кажется, до
 самаго XII вѣка, и въ 1140 году Левитъ Еврейскій, Равви
 Іегуда, писалъ еще похвальное слово Монарху ея, своему еди-
 новѣрцу (24). Съ одной стороны Аскольдъ, Диръ, Олегъ,
 отецъ и сынъ Св. Владиміра; а съ другой Узы, Печенѣги,
 Команы, Ясы ослабили, сокрушили сіе нѣкогда знаменитое Цар-
 ство, которое отъ устья Волжскаго простиралось до Чернаго
 моря, Днѣпра и береговъ Оки. — Черезъ нѣсколько лѣтъ Мсти-
 славъ объявилъ войну Касогамъ или нынѣшнимъ Черкесамъ,
 восточнымъ сосѣдямъ его области. Князь ихъ Редедя, сильный

Побѣда
Мстисла-
ва.

Паденіе
Козарской
Державы.

великанъ, хотѣлъ, слѣдуя обычаю тогдашнихъ временъ богатырскихъ, рѣшить побѣду единоборствомъ. „На что губить дружину?“ сказалъ онъ Мстиславу: „одоли меня, и возьми все, что имѣю: жену, дѣтей и страну мою.“ Мстиславъ, бросивъ оружіе на землю, схватился съ великаномъ. Силы Князя Россійскаго начали изнемогать: онъ призвалъ къ помощи Богородицу—низвергнулъ врага и зарѣзалъ его ножемъ. Война кончилась: Мстиславъступилъ въ область Редеди, взявъ семейство Княжеское и наложилъ дань на подданныхъ ⁽²⁵⁾.

Увѣренный въ своемъ вопиющемъ счастьи, сей Князь не за-
 г. 1023. хотѣлъ уже довольствоваться областію Тмутороканскою, кото-
 рая, будучи отдалена отъ Россіи, могла казаться ему печальною ссылкой: онъ собралъ подвластныхъ ему Козаровъ, Черкесовъ или Касоговъ, и пошелъ къ берегамъ Днѣпровскимъ. Ярослава не было въ столицѣ. Кіевскіе граждане затворились въ стѣнахъ и не пустили брата его; но Черниговъ, менѣе укрѣпленный, принялъ Мстислава.—Великій Князь усмиралъ тогда народный мятежъ въ Суздаль ⁽²⁶⁾. Голодъ свирѣпствовалъ въ сей области, и суевѣрные, приписывая оный злomu чародѣйству, безжалостно убивали нѣкоторыхъ старыхъ женъ, мнимыхъ волшебницъ. Ярославъ наказалъ виновниковъ мятежа, однихъ смертію, другихъ ссылкой, объявивъ народу, что не волшебники, но Богъ караетъ людей голодомъ и моромъ за грѣхи ихъ, и что смертный въ бѣдствіяхъ своихъ долженъ только умолять благодать Всевышняго. Между тѣмъ жители искали помощи въ изобильной странѣ Казанскихъ Болгаровъ, и Волгою привезли оттуда множество хлѣба. Голодъ миновался. Возстановивъ порядокъ въ землѣ Суздальской, Великій Князь спѣшилъ въ Новгородъ, чтобы взять мѣры противъ властолюбиваго брата.

Знаменитый Варягъ Ялунъ пришелъ на помощь Ярославу ⁽²⁷⁾. Сей витязь Скандинавскій носилъ на большихъ глазахъ шитую золотомъ *луду* или повязку; едва могъ видѣть, но еще любилъ войну и битвы. Великій Князь вступилъ въ область Черниговскую. Мстиславъ ожидалъ его у Листвена, на берегу Руды; ночью изготовилъ войско къ сраженію; поставилъ Сѣорянъ или Черниговцевъ въ срединѣ, а любимую

Голодъ въ Суздаль.

Битва у Листвена.

дружины свою на правомъ и лѣвомъ крылѣ. Небо покрылось густыми тучами—и въ то самое время, когда ударилъ громъ и зашумѣлъ сильный дождь, сей отважный Князь напалъ на Ярослава. Варяги стояли мужественно противъ Сѣверянъ: казалось, что ужасъ ночи, буря, гроза, тѣмъ болѣе остервеняли воиновъ; при свѣтѣ молніи, говоритъ Лѣтописецъ, страшно блистало оружіе. Храбрость, искусство и счастье Мстислава рѣшили побѣду: Варяги, утомленные битвою съ Черниговцами, смятые пылкимъ нападеніемъ его дружины, отступили. Вождь ихъ, Ягунъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ Ярославомъ въ Новгородъ, оставивъ на мѣстѣ сраженія златую *луду* свою. На другой день Мстиславъ, осматривая убитыхъ, сказалъ: „мнѣ-ли не „радоваться? здѣсь лежитъ Сѣверянинъ, тамъ Варягъ; а собственная моя дружина цѣла“. Слово недостойное добраго Князя: ибо Черниговцы, усердно пожертвовавъ ему жизнью, стоили по крайней мѣрѣ его сожалѣнія.

Но Мстиславъ изъявилъ рѣдкое великодушіе въ разсужденіи брата, давъ ему знать, чтобы онъ безопасно шелъ въ Кіевъ и господствовалъ, какъ старшій сынъ Великаго Владимира, падъ всею правою стороною Днѣпра. Ярославъ боялся вѣрить ему; правилъ Кіевомъ чрезъ своихъ Намѣстниковъ и собиралъ войско. Наконецъ сіи два брата съѣхались у Городца, подъ Кіевомъ ⁽²⁸⁾; заключили искренній союзъ и раз- г. 1026.
дѣлили Государство: Ярославъ взялъ западную часть его, а Мстиславъ восточную; Днѣпръ служилъ границею между ими, и Россія, десять лѣтъ терзаемая внутренними и вѣшними не-
пріятелями, совершенно успокоилась.

Вся Ливонія платила дань Владиміру: междоусобіе дѣтей его возвратило ей независимость. Ярославъ въ 1030 году г. 1030.
снова покорилъ Чудь, основалъ городъ Юрьевъ, или вышн-
ній Дерптъ, и собирая дань съ жителей, не хотѣлъ насильно Осно-
валъ Юрьевъ
или Дер-
пта.
обращать ихъ въ Христіанство: благоразуміе достохвальное, служившее примѣромъ для всѣхъ Князей Россійскихъ! Пользуясь свободою Вѣры, древняя Ливонія имѣла и собственныхъ гражданскихъ начальниковъ, о коихъ, согласно съ преданіемъ, пишутъ, что они были вмѣстѣ и судіи и палачи, то есть,

обвинивъ преступника, сами отвѣтали ему голову (²⁹).— Однакожь, не смотря на умѣренность Россіянь и на легкость ига, возлагаемаго имп на данниковъ, Чудь и Латыши, какъ увидимъ, не рѣдко старались свергнуть оное, и не щадили крови своей для пріобрѣтенія вольности совершенной.

Завоеванія въ Польшѣ.

г. 1081.

Въ Польшѣ царствовалъ тогда Мечиславъ, малодупинъ и сынъ и наслѣдникъ Великаго Болеслава. Пользуясь слабостію сего Короля и внутренними неустройствами земли его, Ярославъ взялъ Вользь; въ слѣдующій годъ, соединясь съ мужественнымъ братомъ своимъ, овладѣлъ снова всеми городами Червенскими; входилъ въ самую Польшу, вывелъ оттуда множество плѣнниковъ, и населивъ ими берега Роси, заложилъ тамъ города или вѣрности (³⁰).

г. 1032.

г. 1086.

Смерть Мстислава.

Искреннее согласіе двухъ Государей Россійскихъ продолжалось до смерти одного изъ нихъ (³¹). Мстиславъ, выѣхавъ на ловлю, вдругъ занемогъ и скончался. Сей Князь, прозванный *Удалымъ*, не испыталъ превратностей вопнекаго счастья: сражаясь, всегда побѣждалъ; укасный для враговъ, славился милостію къ народу и любовію къ вѣрной дружинѣ; веселился и пировалъ съ нею подобно великому отцу своему, слѣдуя его правилу, что Государь не золотомъ наживаетъ впитязей, а съ впитязями золото. Онъ поднялъ мечъ на брата, но загладилъ сію жестокость, свойственную тогдашнему вѣку, великодушнымъ миромъ съ побѣжденнымъ, и Россія обязана была десятилѣтнею внутреннею тишиною счастливому ихъ союзу, истинно братскому. — Памятникомъ Мстиславовой набожности остался каменный храмъ Богоматери въ Тмутороканѣ, созданный имъ въ знакъ благодарности за одержанную надъ Касожскимъ великаномъ побѣду, и церковь Спаса въ Черниговѣ, заложенная при семъ Князѣ: тамъ хранились и кости его въ Несторово время. Мстиславъ, по словамъ лѣтописи, былъ *чермень лицомъ и дебели тѣломъ*; имѣлъ также необыкновенно большіе глаза. Онъ не оставилъ наслѣдниковъ: единственный его сынъ, Евстафій, умеръ еще за три года до кончины родителя.

Ярославъ сдѣлался Монархомъ всей Россіи и началъ владѣть отъ береговъ моря Балтійскаго до Азій, Венгріи и

Дави. Изъ прежнихъ Удѣльныхъ Князей оставался одинъ Криво-власть.
 Брячиславъ Полоцкій: вѣроятно, что онъ зависѣлъ отъ сво-
 его дяди какъ Государя Самодержавнаго. О дѣтяхъ Влади-
 мировыхъ, Всеволодѣ (³²), Станиславѣ, Позвиздѣ, Лѣтописецъ
 не упоминаетъ болѣе, сказывая только, что Великій Князь,
 обманутый клеветниками, заключилъ во Исковѣ Судислава,
Суди-славъ заключенъ.
 меньшаго своего брата, который, можетъ быть, княжилъ въ
 семь городѣ.

Но Ярославъ ожидалъ только возраста сыновей, чтобы
 вновь подвергнуть Государство бѣдствіямъ Удѣльнаго Прав-
 ленія. Женатый на Ингигердѣ или Аниѣ, дочери Шведскаго
 Короля Олофа — которая получила отъ него въ вѣно городъ
 Альдейгабургъ или Старую Ладогу (³³) — онъ былъ уже отцемъ
 многочисленнаго семейства. Какъ скоро большому сыну его,
Новые удѣлы.
 Владимиру, исполнилось шестнадцать лѣтъ, Великій Князь от-
 правился съ нимъ въ Новгородъ и далъ ему сію область въ
 управленіе. Здравая Политика, основанная на опытахъ и зна-
 ніи сердца человѣческаго, не могла противиться дѣйствию слѣ-
 пой любви родительской, которое обратилось въ несчастное
 обыкновеніе.

Узнавъ о набѣгѣ Печенѣговъ, онъ спѣшилъ изъ Нова-
 города въ южную Россію и сразился съ варварами подъ са-
 мыми стѣнами Кіева. Варяги, всегдашніе его помощники, стояли
 въ срединѣ; на правомъ крылѣ граждане Кіевскіе, на лѣвомъ
 Новгородцы. Битва продолжалась цѣлый день. Ярославъ одер-
Побѣда надъ Печенѣгами.
 жалъ побѣду, самую счастливѣйшую для отечества, сокру-
 шивъ однимъ ударомъ силу лютейшаго изъ враговъ его. Боль-
 шая часть Печенѣговъ легла на мѣстѣ; другіе, гонимые раз-
 дражоннымъ побѣдителемъ, утонули въ рѣкахъ (³⁴); немногіе
 спаслися бѣгствомъ, и Россія навсегда освободилась отъ ихъ
 жестокихъ нападений. Въ память сего знаменитаго торжества
г. 1037.
 Великій Князь заложилъ, на мѣстѣ сраженія, великолѣпную
 церковь, и распространивъ Кіевъ, обвелъ его *каменными*
 стѣнами; подражая Константинополю, онъ назвалъ ихъ глав-
 ныя врата *Златыми*, а новую церковь Святою Софією *Митро-*
политскою, украсивъ ее золотомъ, серебромъ, мусією и дра-

Митро- гоцѣнными сосудами. Тогда былъ уже *Митрополитъ* въ полицѣ. нашей древней столицѣ, именемъ *Θεοπεμπтѣ* — вѣроятно, Грекъ — который, по извѣстію Нестора, въ 1039 году вновь освятилъ храмъ Богоматери, сооруженный Владиміромъ, но поврежденный, какъ надобно думать, сильнымъ Кіевскимъ пожаромъ 1017 году. Ярославъ началъ также строить монастыри: первыми изъ нихъ были въ Кіевѣ монастырь Св. Георгія и Св. Ирины. Сей Государь, по сказанію Лѣтописца, весьма любилъ *церковныя уставы*, духовныхъ Пастырей и въ особенности *Черноризцевъ*; но менѣе любилъ и книги божественныя; ве-

Строе- ніе мо- насты- рей.

Любовь И ро- славова къ кни- гамъ.

дѣлъ переводить ихъ съ Греческаго на Славянскій языкъ, читалъ оныя день и ночь, многія списывалъ и положилъ въ церкви Софійской для народнаго употребленія. Опредѣливъ изъ казны своей достаточное содержаніе Перьямъ, онъ умножилъ число ихъ во всѣхъ городахъ, и предписалъ имъ учить новыхъ Христіанъ, образовывать умъ и нравственность людей грубыхъ; видѣлъ успѣхи Вѣры, и радовался, какъ усердный сынъ Церкви и добрый отецъ народа.

г. 1038. Война съ Ля- гами, Ли- т- вой, Ма- зов- шами, Им- ю

Ревностное благочестіе и любовь къ ученію книжному не усыпляли его воинской дѣятельности. Лтвяги были побѣждены Владиміромъ Великимъ; но сей народъ, обитая въ густыхъ лѣсахъ, питаясь рыбною ловлею и пчеловодствомъ, болѣе всего любилъ дякую свободу и не хотѣлъ никому платить дани.

г. 1040.

Ярославъ имѣлъ съ ними войну; также съ Литовцами, сосѣдами Полоцкаго или Туровскаго Княженія, и съ Мазовшанами,

г. 1041

тогда независимыми отъ Государя Польскаго ⁽³⁵⁾. Сынъ Ве-

г. 1042

ликаго Князя, Владиміръ, ходилъ съ Новгородцами на Имь, или нынѣшнихъ Финляндцевъ, и побѣдилъ ихъ; но въ сей землѣ, бесплодной и каменистой, воины его оставили всѣхъ коней своихъ, бывшихъ тамъ жертвою мора.

г. 1043.

Предпріятіе гораздо важнѣйшее ознаменовало для нашей Исторіи 1043 годъ. Дружба Великихъ Князей съ Императорами, основанная на взаимныхъ выгодахъ, утвердилась единствомъ Вѣры и родственнымъ ихъ союзомъ. Съ помощію Росіянъ шуринъ Владиміровъ завоевалъ не только Тавриду, но и Болгарію; они сражались подъ знаменами Имперіи въ се-

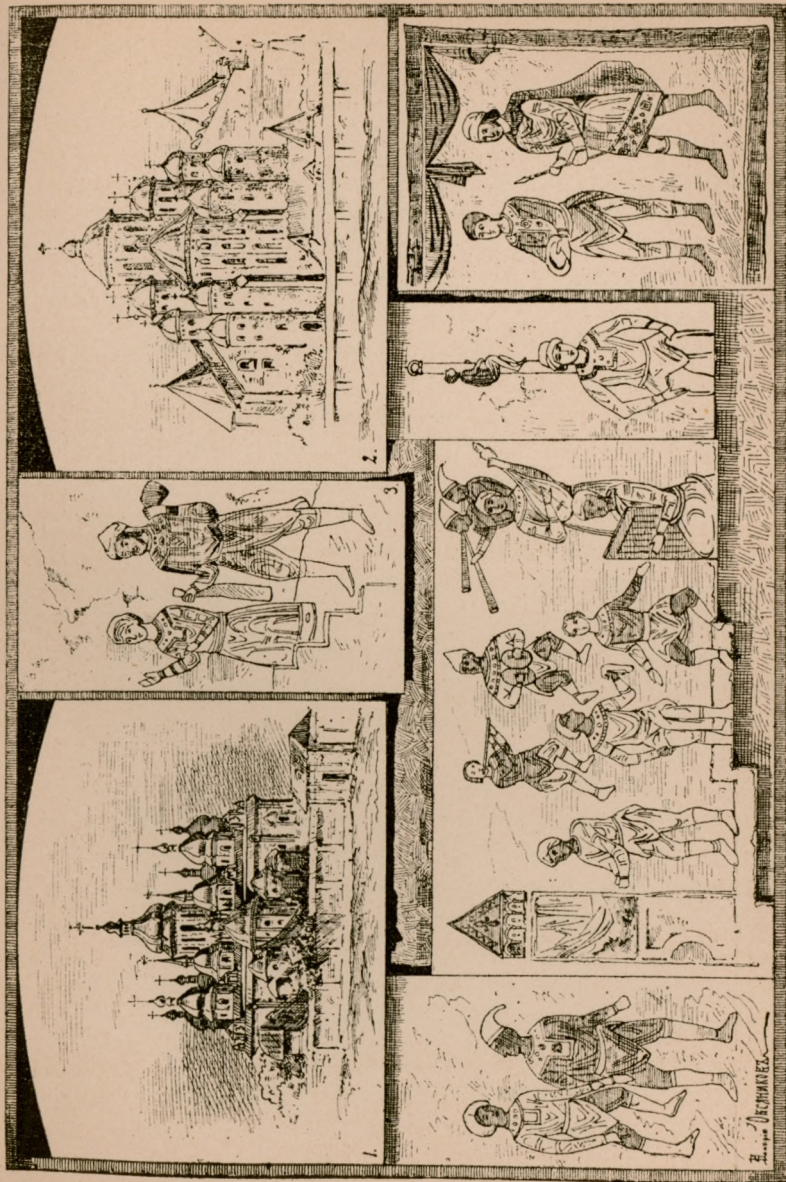

Древняя византийская
1. Прядущая Богоматерь,

Мозаики въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

2. Божія Матерь Нерушимая стѣна.

1. Кієво-Софійскій соборъ (изъ планшннегъ его видѣ).—2. Тотъ-же соборъ по рисунку XVII вѣка.—3, 4, 5. Древннн: фрески на стѣнахъ Кієво-Софійскаго собора.

михъ окрестностяхъ древняго Вавилона. Лѣтописцы Византійскіе разсказываютъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ по кончинѣ Св. Владиміра прибылъ на судахъ въ гавань Цареградскую какой-то родственникъ его; объявилъ намѣреніе вступить въ службу Императора, но тайно ушелъ изъ пристани, разбилъ Грековъ на берегахъ Пропонтиды, и вооруженною рукою открылъ себѣ путь къ острову Лимну, гдѣ Самскій Намѣстникъ и Восвода Солунскій злодѣйскимъ образомъ умертвили его и 800 бывшихъ съ нимъ воиновъ. Сіе обстоятельство не имѣло никакихъ слѣдствій: купцы Россійскіе, пользуясь дружественною связію народа своего съ Имперіею, свободно торговали въ Константинополь. Но сдѣлалась ссора между ими и Греками, которые, начавъ драку, убили одного знаменитаго Россіянина. Вѣроятно, что Великій Князь напрасно требовалъ удовольствія ⁽⁸⁶⁾: оскорбленный несправедливостію, онъ рѣшился наказать Грековъ; поручилъ войско мужественному Полководцу, Вышатѣ, и велѣлъ сыну своему, Владиміру, идти съ нимъ къ Царюграду. Греція вепомнила бѣдствія, претерпѣнныя нѣкогда ею отъ флотовъ Россійскихъ— и Послы Константина Мономаха встрѣтили Владиміра. Императоръ писалъ къ нему, что дружба счастливая и долговременная не должна быть нарушена для причины столь мало-важной; что онъ желаетъ мира и даетъ слово наказать виновниковъ обиды, сдѣланной Россіянамъ. Юный Владиміръ не уважилъ сего письма, отпустилъ Греческихъ Пословъ съ отвѣтомъ высокоумѣреннымъ, какъ говорятъ Византійскіе Историки, и шелъ далѣе. Константинъ Мономахъ, приказавъ взять подѣ стражу купцевъ и воиновъ Россійскихъ, бывшихъ въ Царѣградѣ, и заключивъ ихъ въ разныхъ областяхъ Имперіи, выѣхалъ самъ на Царской яхтѣ противъ непріятеля; за нимъ слѣдовалъ флотъ и конница берегомъ. Россіяне стояли въ боевомъ порядкѣ близъ Фара. Императоръ вторично предложилъ имъ миръ. „Соглашаюсь“ — сказалъ гордый Князь Новгородскій— „сжели вы, богатые Греки, дадите по три фунта „золота на cadaго челоуѣка въ моемъ войскѣ ⁽⁸⁷⁾“. Тогда Мономахъ велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ, и желая за-

Походъ
на Гре-
ковъ.

манить непріятелей въ открытое море, послалъ впередъ три галеры, которыя врѣзались въ средину Владимірова флота и зажгли Греческимъ огнемъ нѣсколько судовъ. Россіяне снялись съ якорей, чтобы удалиться отъ пламени. Тутъ сдѣлась буря, гибельная для малыхъ Россійскихъ лодокъ; одні исчезли въ волнахъ, другія стали на мель, или были извержены на берегъ. Корабль Владиміровъ пошелъ на дно; нѣкто Творимиричъ, одинъ изъ усердныхъ чиновниковъ, спасъ Князя и воеводъ Ярославыхъ, взявъ ихъ къ себѣ въ лодку. Море утихло. На берегу собралось 6,000 Россіянь, которые, не имѣя судовъ, рѣшились возвратиться въ отечество сухимъ путемъ. Главный Воевода Ярославъ, Вышата, предвидя неминуемую для нихъ опасность, хотѣлъ великодушно раздѣлить оную, и сошелъ на берегъ, сказавъ Князю: „иду съ ними; „буду ли живъ, или умру, но не покину достойныхъ вояновъ“⁽³⁸⁾. Между тѣмъ Императоръ праздновалъ бурю какъ побѣду и возвратился въ столицу, отправивъ въ слѣдъ за Россіянами флотъ и два Легіона. 24 галеры Греческія обогнали Владиміра и стали въ заливѣ: Князь пошелъ на нихъ. Греки, будучи со всѣхъ сторонъ окружены непріятельскими лодками, сдѣшались съ ними и вступили въ отчаянный бой. Россіяне побѣдили, взявъ или истребивъ суда Греческія. Адмираль Мономаховъ былъ убитъ, и Владиміръ прішелъ въ Кіевъ со множествомъ плѣнныхъ... Великодушный, но несчастный Вышата сразился въ Болгаріи, у города Варны, съ сильнымъ Греческимъ войскомъ: большая часть его дружины легла на мѣтѣ. Въ Константинополь привели 800 окованныхъ Россіянь и самого Вышату: Императоръ велѣлъ ихъ ослѣпить!

Сія война предвѣвъ нашихъ съ Греціею была послѣднею. Съ того времени Константинополь не видалъ уже ихъ странныхъ флотовъ ва Воспорѣ: ибо Россія, терзаемая междоусобіемъ, скоро утратила свое величіе и силу. Иначе могло бы исполниться древнее предсказаніе, неизвѣстно кѣмъ написанное въ X или XI вѣкѣ подъ истуканомъ Веллерофона (который стоялъ на Таврской площади въ Царѣградѣ), „что Россіяне должны овладѣть столицею Имперіи Восточной“⁽³⁹⁾:

столь имя ихъ ужасало Грековъ!— Чрезъ три года Великій Князь заключилъ миръ съ Имперією, и плѣнники Россійскіе, безчеловѣчно лишеныя зрѣнія, возвратились въ Кіевъ.

Около сего времени Ярославъ вошелъ въ свойство со многими знаменитыми Государями Европы. Въ Польшѣ царствовалъ тогда Казимиръ, внукъ Болеслава *Храбраго*: изгнанный въ дѣтствѣ изъ отечества вмѣстѣ съ матерію, онъ удалился (какъ разсказываютъ Историки Польскіе) во Францію, и не имѣя надежды быть Королемъ, сдѣлался Монахомъ. Наконецъ Вельможи Польскіе, видя мятежъ въ Государствѣ, прибѣгнули къ его великодушію: освобожденный Папою отъ узъ духовнаго обѣта, Казимиръ возвратился изъ келья въ чертоги Царскіе ⁽⁴⁰⁾. Желая пользоваться дружбою могущественнаго Ярослава, онъ женился на сестрѣ его, дочери Св. Владиміра. Польскіе Историки говорятъ, что брачное торжество совершилось въ Краковѣ; что добродѣтельная и любезная *Марія*, названная *Добротивою*, приняла вѣру Латинскую; и что Король ихъ взялъ за супругою великое богатство, множество серебрянныхъ и золотыхъ сосудовъ, также драгоценныхъ конскихъ и другихъ украшеній. Собственный Лѣтописецъ нашъ сказываетъ, что Казимиръ далъ Ярославу за *вѣно*—то есть, за невѣсту свою—800 человекъ; вѣроятно Россіянъ, плѣненныхъ въ 1018 году Болеславомъ. Сей союзъ, одобренный здравою Политикою обѣихъ Государствъ, утвердилъ за Россією города Червенскіе; а Ярославъ, какъ искренній другъ своего зятя, помогъ ему смирить мятежника смѣлаго и хитраго, именемъ Моислава, который овладѣлъ Мазовією и хотѣлъ быть Государемъ независимымъ. Великій Князь, разбивъ

Бр а ч
нн о сь
вѣнн.

Г. 1046.

его многочисленное войско, покорилъ сію область Казимиру. Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ о дочеряхъ Ярославыхъ; но достовѣрные Лѣтописцы чужестранные именуютъ трехъ: Елисавету, Анну и Анастасію или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, Принца Норвежскаго. Въ юности своей выѣхавъ изъ отечества, онъ служилъ Князю Ярославу; влюбился въ прекрасную дочь его, Елисавету, и желая быть достойнымъ ея руки, искалъ великаго имени въ свѣтѣ. Га-

радь отправился въ Константинополь; вступилъ въ службу Императора Восточнаго; въ Африкѣ, въ Сициліи побуждалъ невѣрныхъ; ѣздилъ въ Іерусалимъ для поклоненія Святымъ Мѣстамъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, съ богатствомъ и славою, возвратясь въ Россію, женился на Елисаветѣ, которая одна занимала его сердце и воображеніе среди всѣхъ блестящихъ подвиговъ геройства (⁴¹). Наконецъ онъ сдѣлался Королемъ Норвежскимъ.

Вторая Княжна, Анна, сочеталась бракомъ съ Генрикомъ I. Королемъ Французскимъ. Папа объявилъ кровосмѣшеніемъ супружество отца его и гналъ Роберта, какъ беззаконника, за то, что онъ женился на родственницѣ въ четвертомъ колѣнѣ. Генрикъ, будучи свойственникомъ Государей сосѣдственныхъ, боялся такой же участи, и въ странѣ отдаленной искалъ себѣ знаменитой невѣсты (⁴²). Франція, еще бѣдная и слабая, могла гордиться союзомъ съ Россією, возвеличенною завоеваніями Олега и Великихъ его преемниковъ. Въ 1048 году—по извѣстію древней рукописи, найденной въ С. Омерской церкви—Король отправилъ Посломъ къ Ярославу Епископа Шалонскаго, Рогера: Анна пріѣхала съ нимъ въ Парижъ и соединила кровь Рюрикову съ кровію Государей Французскихъ.— По кончинѣ Генрика I, въ 1060 году, Анна, славная благочестіемъ, удалилась въ монастырь Санлизскій; но чрезъ два года, вопреки желанію сына, вступила въ новое супружество съ Графомъ де-Крепи. Одинъ Французскій Лѣтописецъ говоритъ, что она, потерявъ втораго любезнаго ей супруга, возвратилась въ Россію: но сіе обстоятельство кажется сомнительнымъ. Сынъ ея, Филиппъ, царствовалъ во Франціи, имѣя столь великое уваженіе къ матери, что на всѣхъ бумагахъ государственныхъ, Анна вмѣстѣ съ нимъ подписывала имя свое до самаго 1075 года (⁴³). Честолюбіе, узы семейственныя, привычка и Вѣра Католическая, ею принятая, удерживали сію Королеву во Франціи.

Третья дочь Ярославова, Анастасія, вышла за Короля Венгерскаго, Андрея I. Вѣроятно, что сей брачный союзъ служилъ поводомъ для нѣкоторыхъ Россіянъ переселиться въ Венгрію, гдѣ, въ разныхъ Графствахъ, на лѣвой сторонѣ Ду-

ная, живетъ доннѣ многочисленное ихъ потомство, утративъ чистую Вѣру отцевъ своихъ (⁴⁴).

Ссылаясь на Лѣтописцевъ Норвежскихъ, Торфей называетъ Владиміра, старшаго Ярославова сына, супругомъ Гиды, дочери Англійскаго Короля Гаральда, побѣжденнаго Вильгельмомъ *Завоевателемъ*. Саксонъ Грамматигъ, древнѣйшій Историкъ Датскій, также повѣтствуетъ, что дѣти несчастнаго Гаральда, убитаго въ Гастингскомъ сраженіи, искали убѣжища при Дворѣ Свенона II, Короля Датскаго, и что Свенонъ выдалъ потомъ дочь Гаральдову за Россійскаго Князя, именемъ Владиміра (⁴⁵); но сей Князь не могъ быть *Ярославичъ*. Гаральдъ убитъ въ 1066 году, а Владиміръ, сынъ Ярославовъ, скончался въ 1052 (построивъ въ Новѣгородѣ церковь Св. Софіи, которая еще не разрушена временемъ, и гдѣ погребено его тѣло).

Кромѣ Владиміра, Ярославъ имѣлъ пятерыхъ сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестрѣ Казимира Польскаго, не смотря на то, что его родная тетка была за симъ Королемъ (⁴⁶); а Всеволодъ, по сказанію Нестора, на *Греческой Царевнѣ*. Новѣйшіе Лѣтописцы называютъ Константина Мономаха тестемъ Всеволода; но Константинъ не имѣлъ дѣтей отъ Зои. Мы не знаемъ даже, по Византійскимъ лѣтописямъ, ни одной Греческой Царевны сего времени, кромѣ Евдокіи и Феодоры, умершихъ въ дѣтствѣ (⁴⁷). Развѣ положимъ, что Мономахъ, еще не бывъ Императоромъ, прижилъ супругу Всеволодову съ *первою*, неизвѣстною намъ женою?—О супружествѣ другихъ сыновей Ярославовыхъ не можемъ сказать ничего *вѣрнаго*. Историки Нѣмецкіе пишутъ, что дочь Леопольда, Графа Штадскаго, именемъ Ода, и Кунигунда, Орламиндская Графиня, вышли около половины XI вѣка за Князей Россійскихъ, но скоро овдовѣвъ, возвратились въ Германію и сочетались бракомъ съ Нѣмецкими Принцами (⁴⁸). Вѣроятно, что Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда—Игоревую: сіи меньшіе сыновья Ярославовы скончались въ юношествовѣ, и первая отъ Россійскаго Князя имѣла одного сына, воспитаннаго ею въ

Саксоніи: думаю, Вориса Вячеславича, о коемъ Несторъ говоритъ только съ 1077 года, и который могъ до того времени жить въ Германіи. Лѣтописцы Нѣмецкіе прибавляютъ, что мать его, выѣзжая изъ нашего отечества, зарыла въ землю сокровище, найденное имъ по возвращеніи въ Россію.

Великій Князь провелъ остатокъ жизни своей въ тишинѣ и въ Христіанскомъ благочестіи. Но сія усердная набожность не препятствовала ему думать о пользѣ государственной и въ самыхъ церковныхъ дѣлахъ. Греки, сообщивъ намъ Вѣру и присылая главныхъ духовныхъ Пастырей, надѣялись, можетъ быть, чрезъ нихъ присвоить себѣ и нѣкоторую мірекую власть надъ Россіею: Ярославъ не хотѣлъ того, и еще въ первый годъ своего Единодержавія, будучи въ Новѣгородѣ, самъ избралъ въ начальники для сей Епархіи Луку Жидяту; а въ 1051 году, собравъ въ Кіевѣ Епископовъ, велѣлъ имъ поставить Митрополитомъ Иларіона *Россіянина*, безъ всякаго участія со стороны Константинопольскаго Патріарха ⁽⁴⁹⁾.... Иларіонъ, мужъ ученый и добродѣтельный, былъ Иереемъ въ селѣ Берестовѣ при церкви Святыхъ Апостоловъ: Великій Князь узналъ его достоинства, имѣя тамъ загородный дворецъ и любя, подобно Владиміру, сіе веселое мѣсто.

Наконецъ, чувствуя приближеніе смерти, Ярославъ созвалъ дѣтей своихъ и хотѣлъ благоразумнымъ наставленіемъ предупредить всякую распрю между ими. „Скоро не будетъ меня „на свѣтѣ“, говорилъ онъ; „вы, дѣти одного отца и матери, „должны не только называться братьями, но и сердечно лю- „бить другъ друга. Знайте, что междоусобіе, бѣдственное лично „для васъ, погубить славу и величіе Государства, основан- „наго счастливыми трудами нашихъ отцовъ и дѣдовъ ⁽⁵⁰⁾. „Миръ и согласіе ваше утверждаютъ его могущество. Изяславъ, „старшій братъ, заступитъ мое мѣсто и сядетъ на престолѣ „Кіевскомъ: повинуйтесь ему, какъ вы отцу повиновались. „Святославу даю Черниговъ, Всеволоду Переяславль, Вяче- „славу Смоленскомъ: каждый да будетъ доволенъ своею ча- „стію, или старшій братъ да судитъ васъ какъ Государь! „Онъ защититъ утѣшеннаго и накажетъ виновнаго“. Слова

Г. 1051
Митро-
политъ
Россіи-
нинъ.

Г. 1054.

Настав-
ленія и
воинчи-
на Яро-
славъ.

достопамятныя. мудрыя и бесполезныя! Ярославъ думать, что дѣти могутъ быть разсудительнѣе отцевъ, и къ несчастію ошибся.

Не взирая на старость и болѣзнь, онъ все еще занимался государственными дѣлами: поѣхалъ въ Вышегородъ, и тамъ скончался, имѣя отъ роду болѣе семидесяти лѣтъ (супруга его умерла еще въ 1050 году). Изъ дѣтей былъ съ нимъ одинъ Всеволодъ, котораго онъ любилъ ибжанѣе всѣхъ другихъ и никогда не отпускалъ отъ себя. Горестный сынъ, народъ и Священники въ служебныхъ ризахъ шли за тѣломъ изъ Вышегорода до Кіева, гдѣ оно, заключенное въ мраморную раку, было погребено въ Софійской церкви. Сей памятникъ, украшенный рѣзными изображеніями птицъ и деревъ, уцѣлѣлъ до нашихъ временъ ⁽⁶¹⁾.

Февра
ли 19

Гробъ
Яро-
сла-
вовъ.

Ярославъ заслужилъ въ лѣтописяхъ имя Государя мудраго; не приобрѣлъ оружіемъ новыхъ земель, но возвратилъ утраченное Россією въ бѣдствіяхъ междоусобія; не всегда побѣждалъ, но всегда оказывалъ мужество; успокоилъ отечество и любилъ народъ свой. Слѣдуя въ правленіи благотѣльнымъ намѣреніямъ Владиміра, онъ хотѣлъ загладить вицу ослушнаго сына и примириться съ тѣнію огорченнаго имъ отца.

Свой-
ства се-
го Кил-
ва.

Внѣшняя Политика Ярославова была достойна Монарха сильнаго: онъ привелъ Константинополь въ ужасъ за то, что оскорбленные Россіяне требовали и не нашли тамъ правосудія; но отомстивъ Польшѣ и взявъ свое, великодушною помощію утвердилъ ея цѣлость и благоденствіе.

Ярославъ наказалъ мятежныхъ Новгородцевъ, за убіеніе Варяговъ, такъ, какъ Государи не должны наказывать: вѣроломнымъ обманомъ; но признательный къ ихъ усердію, далъ имъ многія выгоды и права. Князья Новгородскіе слѣдующихъ вѣковъ должны были клясться гражданамъ въ точномъ соблюденіи его *мготныхъ грамотъ*, къ сожалѣнію истребленныхъ временемъ ⁽⁶²⁾. Знаемъ только, что сей народъ, ссылаясь на оныя, почиталъ себя вольнымъ въ избраніи собственныхъ Властителей. Память Ярославова была въ теченіе вѣковъ любезна жителямъ Новгорода, и мѣсто, гдѣ обыкновенно сходился народъ для совѣта, въ самыя позднѣйшія времена именовалось *Дворомъ Ярослава*.

Сей Князь заточилъ брата, обнесеннаго клеветниками; но доказаль свое добродушіе, простивъ мятежнаго племянника, и забывъ, для счастья Россіи, прежнюю вражду Князя Тмутороканскаго.

Креще-
ніе ко-
стел

Ярославъ былъ набоженъ до суевѣрія; онъ вырылъ кости Владиміровыхъ братьевъ, умершихъ въ язычествѣ—Олеговъ и Ярополковы—крестилъ ихъ и положилъ въ Кіевской церкви Св. Богородицы (53). Ревность его къ Христіанству соединилась, какъ мы видѣли, съ любовію къ просвѣщенію. Лѣтописцы среднихъ вѣковъ говорятъ, что сей Великій Князь завелъ въ Новѣгородѣ первое народное училище, гдѣ 300 отроковъ, дѣти Пресвитеровъ и Старѣйшинъ, приобрѣтали свѣдѣнія пужныя для Священнаго Сана и гражданскихъ чиновниковъ (54). Загладивъ слѣды Болеславовыхъ опустошеній въ южной Россіи, населивъ плѣнниками область Кіевскую и будучи, подобно Олегу и Владиміру, основателемъ многихъ городовъ новыхъ (55), онъ хотѣлъ, чтобы столица его, имъ обновленная, распространенная, могла справедливо называться

Перво
народ-
и о в
учили-
ще.

Кіевъ
второй
Царь-
градъ.

вторымъ Царьградомъ. Ярославъ любилъ Искусства: художники Греческіе, имъ призванные въ Россію, украсили храмы живописью и мусіею, донынѣ видимою въ Кіевской Софійской церкви. Сія мусія, составленная изъ четверугольныхъ камешковъ, изображаетъ на золотѣ полѣ лица и одежду Святыхъ по рисунку весьма несовершенному, но съ удивительною свѣжестью красокъ: работа болѣе трудная, нежели изящная, однакожь любопытная для знатоковъ Искусства.—Благопріятный случай сохранилъ также для насъ серебряную монету княженія Ярослава, на коей представленъ воинъ съ Греческою надписью: ὁ Γεωργιος, и съ Русскою: *Ярославе серебро* (56): доказательство, что древняя Россія не только пользовалась чужестранными драгоценными монетами, но имѣла и собственные.—Стараясь о благолѣпнн храмовъ, пріятномъ для глазъ, Великій Князь желалъ, чтобы и слухъ молящихся находилъ тамъ удовольствіе: пишутъ, что около половины XI столѣтія выѣхали къ намъ пѣвцы Греческіе, научившіе Россійскихъ церковниковъ согласному *Демественному* пѣнію (57).

Монета
и р о-
слав-
ва.

Демест-
венное
пѣніе.

Дворъ Ярославъ, окруженный блескомъ величія, служилъ убѣжищемъ для Государей и Князей несчастныхъ. Еще прежде Гаральда, супруга Елисаветина, Олофъ *Святый*, Король Норвежскій, лишенный трона, требовалъ защиты Россійскаго Монарха. Ярославъ принялъ его съ особеннымъ дружелюбіемъ и хотѣлъ дать ему въ управленіе знаменитую область въ Государствѣ своемъ; но сей Король, обольщенный сновидѣніемъ и надеждою поубѣдить Канута, завоевателя Норвегій, выѣхалъ изъ Россіи, оставивъ въ ней юнаго сына своего, Магнуса, который послѣ царствовалъ въ Скандинавіи (58). Дѣти мужественнаго Короля Англійскаго, Эдмунда, изгнанные Канутомъ, Эдвинъ и Эдвардъ, также Принцъ Венгерскій, Андрей (не бывъ еще зятемъ Ярославовымъ), вмѣстѣ съ братомъ своимъ Левентою, искали безопасности въ нашемъ отечествѣ (59).—Ярославъ съ такимъ же великодушіемъ принялъ Князя Варяжскаго Симона, который, будучи изгнанъ дядею, *Якуномъ Слѣпымъ*, со многими единоземцами вступилъ въ Россійскую службу и сдѣлался первымъ Вельможею юнаго Всеволода (60).

Россія
убѣжи-
ще, из-
гнанны
ковъ.

Мы сказали, что Ярославъ не принадлежитъ къ числу завоевателей; однакожь вѣроятно, что въ его княженіе область Новгородская распространилась на Востокъ и Сѣверъ. Жители Перми, окрестностей Печорскихъ, Югра (61), были уже въ XI вѣкѣ данниками Новгородскими (Несторъ зналъ и дикихъ Самоѣдовъ, которые обитали къ Сѣверу отъ Югры): завоеваніе столь отдаленное не могло вдругъ совершиться, и Россіянамъ надлежало прежде овладѣть всеми ближайшими мѣстами Архангельской и Вологодской Губерніи, древнимъ отечествомъ народовъ Чудскихъ, славнымъ въ Сѣверныхъ лѣтописяхъ подъ именемъ Біарміи. Тамъ, на берегахъ Двины, въ началѣ XI вѣка, по сказанію Исландцевъ, былъ торговый городъ, гдѣ съзгались лѣтомъ кунцы Скандинавскіе и гдѣ Норвежцы, отправленные въ Біармію Св. Олофомъ, Ярославовымъ современникомъ, ограбили кладбище и похитили украшеніе Финскаго идола Йомалы (62). Васнословіе ихъ Стихотворцевъ о чудесномъ великолѣпнн сего храма и богатствѣ жителей не входитъ въ Исторію; но жители Біарміи могли нѣкоторыми произведеніями земли

Сѣвер-
ные пле-
дѣнія
Россіи

своей (солью, желѣзомъ, мѣхами) торговать съ Норвежцами, открывшими въ IX вѣкѣ путь къ устью Двины (⁶³), и даже съ Камскими Болгарами, посредствомъ рѣкъ судоходныхъ. Запимаясь рыбною и звѣриною ловлею, огражденные съ одной стороны морями хладными, а съ другой лѣсами дремучими, они спокойно наслаждались независимостію, до самаго того времени, какъ смѣлые и предприимчивые Новгородцы сблизились съ ними чрезъ область Бѣлозерскую и покорили ихъ, въ княженіе Владиміра или Ярослава (⁶⁴). Сія земля, отъ Бѣлозера до рѣки Печоры, была названа Заволочьемъ, и мало по малу населена выходцами Новгородскими, которые принесли туда съ собою и Вѣру Христіанскую (по достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствамъ намъ извѣстно, что въ XII вѣкѣ уже существовали монастыри на берегахъ Двины). Скоро отдаленный хребетъ горъ Уральскихъ, идущій отъ Новой Земли къ Югу, и бывшій нѣсколько времени предметомъ баснословія въ нашемъ отечествѣ, сдѣлался какъ бы границею Россіи, и Новгородцы нашли способъ получать естественныя, драгоценныя произведенія Сибири чрезъ своихъ Югорскихъ данниковъ, которые вымѣнивали оныя у тамошнихъ обитателей на желѣзные орудія и другія дешевыя вещи.

Законы.

Наконецъ блестящее и счастливое правленіе Ярослава оставило въ Россіи памятникъ достойный великаго Монарха. Сему Князю приписываютъ древнѣйшее *собраніе* нашихъ гражданскихъ уставовъ, извѣстное подъ именемъ *Русской Правды* (⁶⁵). Еще въ Олегово время Россіяне имѣли законы; но Ярославъ *можетъ быть*, отмѣнилъ нѣкоторыя, исправилъ другіе, и первый издалъ законы *писменные* на языкѣ Славянскомъ. Они конечно были государственными или *общими*, хотя древніе списки ихъ сохранились единственно въ Новѣгородѣ и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя *особенныя* или мѣстныя учрежденія (⁶⁶). Сей остатокъ древности, подобный *дванадцати дскамъ* Рима, есть вѣрное зеркало тогдашняго гражданского состоянія Россіи, и драгоцененъ для Исторіи: предлагаемъ его здѣсь въ извлеченіи.

ГЛАВА III.

Правда русская, или Законы Ярославовы.

Законы уголовные. Денежныя пени за убійство. Вира. Гражданскія степени. Дикая Вира. Потокъ. Пеня за удары. Дворъ Княжескій есть мѣсто суда. Охраненіе собственности. Воровство. Опѣнка вещей. Бортные знаки и межевые столпы. Птицеловство. Зажигательство. Сводь. Кража людей. Бѣлме. Кабала. Долги. Торговля рабовъ. Сохраненіе пожитковъ. Росты. Улики, оправданія. Испытаніе желѣзомъ и водою. Право наследственное. Судіи Присяжные. Общій характеръ законовъ. Уставъ о мостовыхъ. Уставъ церковный.

Главная цѣль общежитія есть личная безопасность и неотъемлемость собственности; уставъ Ярославовъ утверждаетъ ту и другую слѣдующимъ образомъ:

1. „Кто убьетъ человѣка, тому родственники убитаго мстятъ за смерть смертію; а когда не будетъ мстителей, то съ убійцы взыскать деньгами въ Казну: за голову Волярина Княжескаго, Тиуна *Огнищанъ* или гражданъ именитыхъ, и Тиуна *Конюшаго*, 80 гривенъ или двойную Виру; за Княжескаго Отрока или Грядня, *новара, конюха*, купца, Тиуна и Мечника Боярскаго, за всякаго *Людина*, то есть свободнаго человѣка, Русскаго (Варяжскаго племени) или Славянина, 40 гривенъ или Виру, а за убіеніе жены полвиры. За раба нѣтъ Виры; но кто убилъ его безвинно, долженъ платить господину такъ называемый урокъ, или цѣну убитаго: за Тиуна *сельскаго* или старосту Княжескаго и Боярскаго, за ремесленника, дядьку или пѣстуна, и за кормилицу, 12 гривенъ, за простаго холопа Боярскаго и Людекаго 5 гривенъ, за рабу шесть гривенъ, и сверхъ того въ Казну 12 гривенъ *продажи*“, данн или пени (67).

Законы
уголов
ные.

Денеж-
ная пе-
ни за у-
бійство.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Россіяне получили свои гражданскіе уставы отъ Скандинавовъ. Желая утвердить семейственныя связи, нужныя для безопасности личной въ новыхъ обществахъ, все народы Германскіе давали родственникамъ убитаго право лишить жизни убійцу или взять съ него деньги, опредѣляя разныя пени или Виры (Wehrgeld) по гражданскому состоянію убитыхъ, ничтожныя въ сравненіи съ нынѣшнею цѣною вещей, но тягостныя по тогдашней рѣдкости денегъ⁽⁶⁸⁾. Законодатели берегли жизнь людей, нужныхъ для государственнаго могущества, и думали, что денежная пеня можетъ отвращать злодѣянія. Дѣти Ярославовы, какъ увидимъ, отмѣнили даже и законную месть родственниковъ.

Гражданскіи степени.

Сія уголовная статья весьма ясно представляетъ намъ гражданскія степени древней Россіи. Бояре и Тіуны Княжескіе занимали первую степень. То и другое имя означало знаменитаго чиновника: второе есть Скандинавское или древнее Нѣмецкое *Thaegn, Thiangn, Diakn, мужъ честный, vir probus*⁽⁶⁹⁾; такъ вообще назывались Дворяне Англо-Саксонскіе, иногда дружина Государей, Графы, и проч.— Люди военные, придворные⁽⁷⁰⁾, купцы и земледѣльцы свободные принадлежали ко второй степени; къ третьей, или нижайшей, холопы Княжескіе, Боярскіе и монастырскіе, которые не имѣли никакихъ собственныхъ правъ гражданскихъ. Древнѣйшими рабами въ отечествѣ нашемъ были конечно потомки военнопленныхъ; но въ сіе время— то есть, въ XI вѣкѣ— уже разныя причины могли отнимать у людей свободу. Законодатель говоритъ⁽⁷¹⁾, что „холопомъ „вольнымъ, или полнымъ, бываетъ 1) человекъ купленный „при свидѣтеляхъ; 2) кто не можетъ удовлетворить своихъ „заимодавцевъ; 3) кто женится на рабѣ безъ всякаго условія; „4) кто безъ условія же пойдетъ въ слуги или въ ключники, „и 5) *закупъ*, то есть, наемникъ или на время закабаленный „человекъ, который, не выслуживъ срока, уйдетъ и не докажетъ, „что онъ ходилъ къ Князю или судьямъ, искать управы на „господина. Но служба не дѣлаетъ вольнаго рабомъ. Наемники „могутъ всегда отойти отъ господина, возвративъ ему не за- „работанныя ими деньги. Вольный слуга, обманомъ проданный

„за холопа, совершенно освобождается отъ кабалы, а продавецъ
„вноситъ въ Казну 12 гривенъ пени“.

II. „Ежели кто убьетъ человека въ ссорѣ или въ пьянствѣ
„и скростся, то *Вервь* или округа, гдѣ совершилось убійство, Дикая
Впра.
„платить за него пеню“ — которая называлась въ такомъ случаѣ
дикою Вирою — „но въ разные ероки, и въ нѣсколько лѣтъ,
„для облегченія жителей. За найденное мертвое тѣло человека
„неизвѣстнаго *Вервь* не отвѣтствуетъ. — Когда же убійца не
„скростся, то съ округи или волости взыскать половину *Виры*,
„а другую съ самого убійцы“. Законъ весьма благоразумный
въ тогдашнія времена: облегчая судьбу преступника, разгорачен-
наго виномъ или ссорой, онъ побуждалъ всякаго быть миро-
творцемъ, чтобы въ случаѣ убійства не платить вмѣстѣ съ
виновнымъ. — „Ежели убійство сдѣлается безъ всякой ссоры,
„то волость не платитъ за убійцу, но выдаетъ его *на потокъ*“ — Потокъ.
или въ руки Государю — „съ женою, съ дѣтьми и съ имѣ-
нiемъ“ (72). Уставъ жестокой и несправедливый по нашему
образу мыслей; но жена и дѣти отвѣтствовали тогда за вину
мужа и родителя, ибо считались его *собственностью*.

III. Какъ древніе Нѣмцы, такъ и Ярославовы законы
опредѣляли особенную пеню за всякое дѣйствіе насилія: „за
„ударъ мечемъ необнаженнымъ, или его рукояткою, тростію,
„чашею, стаканомъ (73), пястію, 12 гривенъ; за ударъ палицею Пени за
Удары.
„и жердію 3 гривны, за всякой толчокъ и за рану легкую
„3 гривны, а раненному гривну на леченье“. Слѣдственно гораздо
неизвинительнѣе было ударить голою рукою, легкою чашею или
стаканомъ, нежели тяжелою палицею или самымъ острымъ ме-
чемъ. Угадаемъ ли мысль Законодателя? Когда человекъ въ
ссорѣ *обнажалъ* мечъ, бралъ палицу или жердь, тогда про-
тивникъ его, *видя опасность*, имѣлъ время изготавиться къ
оборонѣ или удалиться. Но рукою или домашнимъ сосудомъ
можно было ударить *внезапно*; также мечемъ необнаженнымъ
и тростію: ибо воинъ *обыкновенно* носилъ мечъ, и всякой чело-
вѣкъ *обыкновенно* ходилъ съ тростію: то и другое не заставляло
остерегаться. Далѣе: „За поврежденіе ноги, руки, глаза, носа,
„виновный платитъ 20 гривенъ въ Казну, а самому изувѣчен-

„пому 10 гривень ⁽⁷⁴⁾; за выдернутый влокъ бороды 12 гривень
 „въ Казну; за выбитый зубъ то же, а самому битому гривну;
 „за отрубленный палець 3 гривны въ Казну, а раненному гривну.
 „Кто погрозитъ мечемъ, съ того взять гривну пени; кто же
 „вынулъ его для обороны, тотъ не подвергается никакому взыска-
 „нiю, ежели и ранитъ своего противника. Кто самовольно, безъ
 „Княжескаго повелѣнiя, накажетъ *Отщанина*“ (имениатаго
 „гражданина) „или *Смерда*“ (земледѣльца и простаго человѣка),
 „платить за перваго 12 гривень Князю, за втораго 3 гривны,
 „а битому гривну въ томъ и въ другомъ случаѣ. Если холопъ
 „ударитъ свободнаго человѣка и скроется, а господинъ не вы-
 „дастъ его, то взыскаъ съ господина 12 гривень. Истець
 „же имѣетъ право вездѣ умертвить раба, своего обидчика“.
 Дѣти Ярославовы, отмѣнивъ сію казнь, дали истцу одно право
 бить виновнаго холопа ⁽⁷⁵⁾, или взять за безчестье гривну.—
 „Если господинъ въ пьянствѣ и безъ вины тѣлесно накажетъ
 „*закупа* или слугу наемнаго, то платитъ ему какъ свобод-
 „ному“. — Большая часть денежной пени, какъ видимъ, шла
 обыкновенно въ Казну, ибо всякое нарушеніе порядка счита-
 лось оскорбленіемъ Государя, блюстителя общей безопасности.

Дворъ
Княже-
скій
есть
мѣсто
суда.

IV°. „Когда на Дворъ Княжескій“—гдѣ обыкновенно су-
 дились дѣла — „придетъ истецъ окривавленный или въ си-
 „няхъ пятнахъ, то ему не нужно представлять иного свидѣ-
 „тельства; а ежели нѣтъ знаковъ, то представляетъ очевид-
 „цевъ драги, и виновникъ ея платитъ 60 *кунъ*“ (см. ниже).
 „Ежели истецъ будетъ окривавленъ, а свидѣтели покажутъ,
 „что онъ самъ началъ драку, то ему нѣтъ удовлетво-
 „ренiя ⁽⁷⁶⁾“.

Оградивъ личную безопасность, Законодатель старался утвер-
 дить цѣлость собственности въ гражданской жизни.

Огра-
женіе
соб-
ствен-
ности.

V°. „Всякой имѣетъ право убить почнаго тата на воров-
 „ствѣ; а кто продержитъ его связаннаго *до свѣта*, тотъ
 „обязанъ итти съ нимъ на Княжескій Дворъ. Убіеніе тата
 „взятаго и связаннаго есть преступленіе, и виновный платитъ
 „въ Казну 12 гривень. Тата *коневыи* выдается головою
 „Князю и теряетъ все права гражданскія, вольность и соб-

Дворъ-
ство.

„ственность“. Столь уважаемъ былъ конь, вѣрный слуга чело-
 ловѣку на войнѣ, въ земледѣліи и въ путешествіяхъ! Древ-
 ніе Саксонскіе законы осуждали на смерть всякаго, кто уве-
 деть чужую лошадь (77). — Далѣе: „Съ вора *клятнаго*“ —
 т. е. домашняго или горничнаго — „взыскивается въ Казну
 „3 гривны, съ вора *житнаго*, который унесетъ хлѣбъ изъ
 „ямы или съ гумна, 3 гривны и 30 кунъ; хозяинъ же бе-
 „ретъ свое жито, и еще полгривны съ вора. — Кто украдетъ
 „скотъ въ хлѣвѣ или въ домѣ, платитъ въ Казну 3 гривны
 „и 30 кунъ, а кто въ полѣ, тотъ 60 кунъ“ (первое счита-
 талось важнѣйшимъ преступленіемъ: ибо воръ нарушалъ тогда
 спокойствіе хозяина): „сверхъ чего за всякую скотину, кото-
 „рая не возвращена лицомъ, хозяинъ беретъ опредѣленную
 „цѣну: за коня *Княжаго* 3 гривны, за простаго 2, за ко-
 „былу 60 кунъ, за жеребца неѣзжалаго гривну, за жеребенка
 „6 *ногatz*, за вола гривну, за корову 40 кунъ, за трех-
 „лѣтняго быка 30 кунъ, за годовика полгривны, за теленка,
 „овцу и свиныю 5 кунъ, за барана и поросенка *ногату* (78)“.

Статья любопытная: ибо она показываетъ тогдашнюю
 оцѣнку вещей. Въ гривнѣ было 20 *ногatz* или 50 *рѣзан-*
ней, а двѣ рѣзани составляли одну *куну*. Сими именами
 означались мелкія кожаныя монеты, ходившія въ Россіи и въ
 Ливоніи (79)“.

Оцѣнка
 вещей.

VI. „За бобра, украденнаго изъ норы, опредѣляется 12
 „гривенъ пени (80)“. Здѣсь говорится о бобрахъ *племян-*
ныхъ, съ коими хозяинъ лишился всего возможнаго при-
 плода. — „Если въ чѣмъ владѣніи будетъ изрыта земля,
 „найдутся сѣти или другіе признаки воровской ловли, то
 „Верьв должна сыскать виновнаго или заплатить пеню“.

VII. „Кто умышленно зарѣжетъ чужаго коня или дру-
 „гую скотину, платитъ 12 гривенъ въ Казну, а хозяину
 „гривцу (81)“. Злоба безчестила гражданъ менѣе, нежели во-
 ровство: тѣмъ болѣе долженствовали законы обуздывать оную.

VIII. „Кто стешетъ *бортные* знаки (82) или запашетъ
 „межу полевою, или перегородитъ дворовую, или срубитъ
 „бортную грань, или *дубъ* гранный или межовой столпъ, съ

Борт-
 ные
 знаки и
 меже-
 вые
 столпы

„того взять въ Казну 12 гривенъ“. Слѣдственно всякое сельское владѣніе имѣло свои предѣлы, утвержденныя Гражданскимъ Правительствомъ, и знаки ихъ были священны для народа.

IX. „За борть сѣвченную виновный даетъ 3 гривны пени въ Казну, за дерево полгривны, за выдраніе пчелъ 3 гривны, а хозяину за медь нелаженаго улья 10 кунъ, за лаженый 5 кунъ⁽⁸³⁾“. Читателю извѣстно, что есть *бортное* ухажье: душла служили тогда ульями, а лѣса единственными пчельниками. — „Ежели тать скроется, должно нескать его по слѣду, но съ чужими людьми и свидѣтелями. „Кто не отведеть слѣда отъ своего жилища, тотъ виноватъ; „по буде слѣдъ кончится у гостиницы, или на пустомъ, „незастроенномъ мѣстѣ, то взысканія нѣтъ“.

Птице-
ловство.

X. „Кто срубить шесть подъ сѣтію птицелова или отрѣзеть ея веревки, платитъ 3 гривны въ Казну, а птицелову гривну; за украденнаго сокола или ястреба 3 гривны въ Казну, а птицелову гривну; за голубя 9 кунъ, за куropyтку 9 кунъ, за утку 30 кунъ; за гуся, журавля и лебедя тоже⁽⁸⁴⁾“. Сею чрезмѣрною пенею Законодатель хотѣлъ обезпечить тогдашнихъ многочисленныхъ птицелововъ въ ихъ промыслѣ.

XI. „За покражу сѣна и дровъ 9 кунъ въ Казну, а хозяину за каждый возъ по двѣ ногаты“.

XII. „Воръ за ладію платитъ 60 кунъ въ Казну, а хозяину за морскую 3 гривны, за *набойную* 2 гривны, за стругъ гривну, за челнъ 8 кунъ, если не можетъ лицомъ возвратить украденнаго⁽⁸⁵⁾“. Имя *набойная* происходитъ отъ десокъ, *набиваемыхъ* сверхъ краевъ мелкаго судна, для возвышенія боковъ его.

Зажигатель-
ство.

XIII. „Зажигатель гумна и дома выдается головою Князю со веѣмъ имѣніемъ, изъ коего надобно прежде вознаградить убытокъ, понесенный хозяиномъ гумна или дома“.

XIV. „Если обличаются въ воровствѣ холопы Княжескіе, Бояръ или простыхъ гражданъ, то съ нихъ не брать въ Казну пени (взыскиваемой единственно съ людей свободныхъ);

„но они должны платить истцу вдвое: на примѣръ, взявъ
 „обратно свою украденную лошадь, истецъ требуетъ еще за
 „оную 2 гривны—разумѣется съ господина, который обязанъ
 „или выкупить своего холопа, или головою выдать его, вмѣ-
 „стѣ съ другими участниками сего воровства, кромѣ ихъ женъ
 „и дѣтей. Ежели холопъ, обокравъ кого, уйдетъ, то госпо-
 „динъ платитъ за всякую унесенную имъ вещь по цѣнѣ обык-
 „новенной. — За воровство слуги наемнаго господинъ не
 „отвѣтствуетъ; но если внесетъ за него пеню, то беретъ
 „слугу въ рабы или можетъ продать ⁽⁸⁶⁾“.

XV. „Утративъ одежду, оружіе, хозяйинъ долженъ за- Сводъ.
 „явить на торгу; опознавъ у *горожанина*, идетъ съ нимъ
 „на *сводъ*, то есть, спрашиваетъ, гдѣ онъ взялъ ее? и пе-
 „реходя такимъ образомъ отъ человѣка къ человѣку, оты-
 „скиваетъ дѣйствительнаго вора, который платитъ за вину
 „3 гривны; а вещь остается въ рукахъ хозяина. Но ежели
 „семлка пойдетъ на жителей *уздныхъ*, то истцу взять за
 „украденное деньги съ *третьяго* отвѣтчика, который идетъ
 „съ поличнымъ далѣе, и наконецъ отысканный воръ платитъ
 „за все по закону. — Кто скажетъ, что краденное куплено
 „у человѣка неизвѣтнаго, или жителя иной области, тому
 „надобно представить двухъ свидѣтелей, гражданъ свободныхъ,
 „или мытника (сборщика пошлинъ), чтобы они клятвою
 „утвердили истину словъ его ⁽⁸⁷⁾. Въ такомъ случаѣ хо-
 „зяинъ беретъ свое лицомъ; а купецъ лишается вещи, по мо-
 „жетъ отыскивать продавца“.

XVI. „Ежели будетъ *украденъ холопъ*, то господинъ, Крѣпк.
сводъ.
 „опознавъ его, также идетъ съ нимъ на *сводъ* отъ человѣка
 „къ человѣку, и *третій* отвѣтчикъ даетъ ему *своего* хо-
 „лопа, но съ украденнымъ идетъ далѣе ⁽⁸⁸⁾. Отысканный
 „виновникъ платитъ всѣ убытки и 12 гривенъ пени Князю;
 „а *третій* отвѣтчикъ беретъ обратно холопа, отданнаго имъ
 „въ залогъ вмѣсто сведеннаго“.

XVII. „О *бѣгломъ* холопѣ господинъ объявляетъ на Възвѣс.
 „торгу, и ежели чрезъ три дни опознаетъ его въ чьемъ
 „домѣ, то хозяйинъ сего дому, возвративъ укрытаго бѣглеца,

„платить еще въ Казну 3 гривны. — Кто бѣглецу дастъ
 „хлѣба или укажетъ путь, тотъ платитъ господину 5 гривенъ,
 „а за рабу 6, или блянется, что онъ не слышалъ объ ихъ
 „бѣгствѣ⁽⁸⁹⁾. Кто представитъ ушедшаго холопа, тому даетъ
 „господинъ гривну; а кто упуститъ задержаннаго бѣглеца,
 „платитъ господину 4 гривны, а за рабу 5 гривенъ: въ
 „первомъ случаѣ пятая, а во второмъ шестая уступается ему
 „за то, что онъ поймалъ бѣглыхъ. — Кто самъ найдетъ раба
 „своего въ городѣ, тотъ беретъ Посадникова Отрока, и даетъ
 „ему 10 кунъ за связаніе бѣглеца“.

Кабала.

XVIII. „Кто возьметъ чужаго холопа въ кабалу, тотъ
 „лишается данныхъ холопу денегъ, или долженъ присягнуть,
 „что онъ считалъ его свободнымъ: въ такомъ случаѣ госпо-
 „динъ выкупаетъ раба, и беретъ все имѣніе, прибрѣтенное симъ
 „рабомъ⁽⁹⁰⁾“.

XIX. „Кто, не спросивъ у хозяина, сядетъ на чужаго
 „коня, тотъ платитъ въ наказаніе 3 гривны“ — то есть, всю
 цѣну лошади. Сей законъ слово въ слово есть повтореніе
 древняго Ютландскаго, и еще болѣе доказываетъ, что граж-
 данскіе уставы Нормановъ были основаніемъ Россійскихъ⁽⁹¹⁾.

XX. „Ежели наемникъ потеряетъ собственную лошадь, то
 „ему не за что отвѣтствовать; а ежели утратить плугъ и борону
 „господскую, то обязанъ платитъ или доказать, что сіи вещи
 „украдены въ его отсутствіе, и что онъ былъ посланъ со двора
 „за господскимъ дѣломъ“. И такъ владѣльцы обрабатывали свои
 земли не одними холопами, но и людьми наемными. — „Вольный
 „слуга не отвѣтствуетъ за скотину, уведенную изъ хлѣва; но
 „когда растеряетъ оную въ полѣ, или не загонитъ на дворъ,
 „то платитъ. — Ежели господинъ обидитъ слугу и не выдастъ
 „ему полнаго жалованья, то обидчикъ, удовольствовавъ истца,
 „вноситъ 60 кунъ пени; ежели насильственно отниметъ у него
 „деньги, то, возвративъ ихъ, платитъ еще въ Казну 3 грив-
 „ны⁽⁹²⁾“.

Волн.

XXI. „Ежели кто будетъ требовать своихъ денегъ съ
 „должника, а должникъ запрется, то истецъ представляетъ свидѣ-
 „телей. Когда они поклянутся въ справедливости его требованія,

„заимодавец беретъ свои деньги и еще и 3 гривны въ удовле-
твореніе.— Если заемъ не свыше трехъ гривенъ, то заимо-
давецъ одинъ присягаетъ; но большій искъ требуетъ свидѣ-
телей или безъ нихъ уничтожается (93)“.

XXII. „Если купецъ повѣрилъ деньги купцу для тор-
говли, и должникъ начнетъ запыраться, то свидѣтелей не
спрашивать, но отвѣтчикъ самъ присягаетъ (94)“. Законода-
тель хотѣлъ, кажется, изъяснить въ семъ случаѣ особенную
довѣренность къ людямъ торговымъ, которыхъ дѣла бы-
ваютъ основаны на чести и вѣрѣ.

XXIII. „Если кто многимъ долженъ, а купецъ ино-
странный, не зная ничего, повѣритъ ему товаръ: въ такомъ
случаѣ продать должника со веѣмъ его имѣніемъ, и первыми
вырученными деньгами удовлетворить иностранца или Казну;
остальное же раздѣлить между прочими займодавцами: по кто
изъ нихъ взялъ уже много ростовъ, тотъ лишается своихъ
денегъ“.

XXIV. „Если чужіе товары или деньги у купца пото-
нутъ, или сгорятъ, или будутъ отняты неприятеlemъ, то
купецъ не отвѣтствуетъ ни головою, ни вольностію, и мо-
жетъ разложить платежъ въ сроки: ибо власть Божія и
несчастіе не суть вина человѣка. Но если купецъ въ пьян-
ствѣ утратитъ ввѣренный ему товаръ или промотаетъ его, или
испортитъ отъ небреженія: то займодавцы поступятъ съ нимъ,
какъ имъ угодно: отерочатъ ли платежъ, или продадутъ долж-
ника въ неволю“.

XXV. „Если холопъ обманомъ, подъ именемъ вольнаго
человѣка, испроситъ у кого деньги, то господинъ его дол-
женъ или заплатить, или отказаться отъ раба; но кто по-
вѣритъ известному холопу, лишается денегъ.— Господинъ,
позволивъ рабу торговать, обязанъ платить за него долги (95)“.

Торгов-
ля ра-
бовъ.

XXVI. „Если гражданинъ отдастъ свои пожитки на
сохраненіе другому, то въ свидѣтеляхъ нѣтъ нужды. Кто
будетъ запыраться въ принятіи вещей, долженъ утвердить
клятвою, что не бралъ ихъ. Тогда онъ правъ: ибо имѣніе
повѣряютъ единственно такимъ людямъ, коихъ честь из-

Сохра-
неніе
пожит-
ковъ.

„вѣтна; и кто беретъ его на сохраненіе, тотъ оказываетъ „услугу⁽⁹⁶⁾“.

Росты.

XXVII. „Кто отдаетъ деньги въ ростъ, или медъ и „жито въ займы, тому въ случаѣ спора представить свидѣтелей, и взять все по сдѣланному договору. Мѣсячные росты берутся единственно за малое время; а кто останется должнымъ „дѣлѣй годъ, платитъ уже *третьи*, а не *мѣсячные*“. Мы не знаемъ, въ чемъ состояли тѣ и другіе, основанные на всеобщемъ обыкновеніи тогдашняго времени; но ясно, что послѣдніе были гораздо тягостнѣе, и что Законодатель хотѣлъ облегчить судьбу должниковъ. — „Законы позволяютъ брать 10 „кунъ съ гривны на годъ“ — то есть, сорокъ на сто⁽⁹⁷⁾. Въ земляхъ, гдѣ торговля, художества и промышленность цвѣтутъ изъ давнихъ временъ, деньги теряютъ цѣну отъ своего множества. Въ Голландіи, въ Англіи заимодавцы довольствуются самымъ малымъ прибыткомъ; но въ странахъ, подобно древней Россіи, богатыхъ только грубыми естественными произведеніями, а не монетою — въ странахъ, гдѣ первобытная дикость нравовъ уже смягчается навыками гражданскими; гдѣ новая внутренняя и вѣшняя торговля знакомитъ людей съ выгодами роскоши — деньги имѣютъ высокую цѣну, и лихоимство пользуется ихъ рѣдкостію.

Слѣдуютъ общія постановленія для уликъ и оправданія:

XXVIII. „Всякой уголовный доносъ требуетъ свидѣтельства и присяги *семи* человекъ⁽⁹⁸⁾; но Варягъ и чужестранецъ обязывается представить только двухъ. Когда дѣло идетъ единственно о побояхъ легкихъ, то нуилы вообще два свидѣтеля; по чужестранца никогда нельзя обвинить безъ семи“. И такъ древніе наши законы особенно покровительствовали иноплеменцамъ.

Уликъ,
оправданій.

XXIX. „Свидѣтели должны быть всегда граждане свободные; только по нуждѣ и въ маломъ искѣ дозволено сослаться „на Тіуна *Боярскаго* или закабаленнаго слугу“. (Слѣдственно Боярскіе Тіуны не были свободные люди, хотя жизнь ихъ, какъ означено въ первой статьѣ, цѣнилась равно съ жизнію вольныхъ гражданъ). — „Но истецъ можетъ воспользоваться

„свидѣтельствомъ раба, и требовать, чтобы отвѣтчикъ оправдался *испытаніемъ желѣза*. Если послѣдній окажется виновнымъ, то платитъ искъ; если оправдается, то истецъ даетъ ему за муку гривну и въ Казну 40 кунъ, Мечнику 5 кунъ, Пняжескому Отроку полгривны (что называется *жельзною поимною*). Когда же отвѣтчикъ вызванъ на сіе испытаніе по неясному свидѣтельству людей свободныхъ, то, оправдавъ себя, не беретъ ничего съ истца, который платитъ единственно пошлину въ Казну. — Не имѣя никакихъ свидѣтелей, самъ истецъ доказываетъ правоту свою *жельзомъ*: чѣмъ рѣшить всякія тяжбы въ убійствѣ, воровствѣ и поклепѣ, ежели искъ стоитъ полгривны золота; а ежели менѣе, то испытывать *водой*; въ двухъ же гривнахъ и менѣе достаточна одна ищцевая присяга ⁽⁹⁹⁾“.

Испытаніе жельзомъ и водою.

Законы суть дополненія лѣтописей: безъ Ярославовой *Правды* мы не знали бы, что древніе Россіяне, подобно другимъ народамъ, употребляли желѣзо и воду для изобличенія преступниковъ: обыкновеніе безразсудное и жестокое, славное въ Исторіи среднихъ вѣковъ подъ именемъ *суда Небеснаго* ⁽¹⁰⁰⁾. Обвиняемый бралъ въ голую руку желѣзо раскаленное или вынималъ ею кольцо изъ кипятка: послѣ чего судьямъ надлежало объявлять и запечатать оную. Ежели черезъ три дни не оставалось язвы или знака на ея кожѣ, то невинность была доказана. Умъ здравый и самая Вѣра истинная долго не могли истребить сего устава языческихъ временъ, и Христіанскіе Пастыри торжественно освящали желѣзо и воду для испытанія добродѣтели или злодѣйства, не только простыхъ гражданъ, но и самыхъ Государей въ случаѣ клеветы или важнаго подозрѣнія. Народъ думалъ, что Богу легко сдѣлать чудо для спасенія невиннаго; но хитрость судей пристрастныхъ могла обманывать зрителей и спасать виновныхъ.

Древнѣйшіе законы всѣхъ народовъ были уголовныя ⁽¹⁰¹⁾; но Ярославовы опредѣляютъ и важныя права наслѣдственности.

XXX. „Когда простолюдинъ умретъ бездѣтенъ, то все его имѣніе взять въ Казну; буде остались дочери незамужнія, то имъ дать нѣкоторую часть оваго. Но Князь не можетъ на-

Право наслѣдственности.

„слѣдовать послѣ Бояръ и мужей, составляющихъ воинскую „дружину (102): если они не имѣютъ сыновей, то наслѣдуютъ „дочери“. Но когда не было и послѣднихъ? родственники ли брали имѣніе или Князь?... Здѣсь видимъ законное, важное преимущество чиновниковъ воинскихъ.

XXXI. „Завѣщаніе умершаго исполняется въ точности. „Буде онъ не изъявилъ воли своей, въ такомъ случаѣ отдать „все дѣтямъ, а часть въ церковь для спасенія его души. Дворъ „отцевскій всегда безъ раздѣла принадлежитъ меньшему сыну“ — какъ юнѣйшему и менѣе другихъ способному наживать доходъ.

XXXII. „Вдова беретъ, что назначилъ ей мужъ: впро- „чемъ она не есть наслѣдница. — Дѣти первой жены наслѣ- „дуютъ ея достояніе или вѣно, назначенное отцемъ для ихъ „матери. — Сестра ничего не имѣетъ, кромѣ добровольнаго при- „даннаго отъ своихъ братьевъ“.

XXXIII. „Если жена, давъ слово остаться вдовою, про- „живетъ имѣніе и выдетъ замужъ, то обязана возвратить дѣ- „тямъ все прожитое. Но дѣти не могутъ согнать вдовствующей „матери со двора, или отнять, что отдано ей супругомъ. Она „властна избрать себѣ одного наслѣдника изъ дѣтей, или дать „всѣмъ равную часть. Ежели мать умереть *безъ языка*, или „безъ завѣщанія, то сынъ или дочь, у коихъ она жила, наслѣ- „дуютъ все ея достояніе“.

XXXIV. „Если будутъ дѣти разныхъ отцевъ, но одной „матери, то каждый сынъ беретъ отцевское. Если второй мужъ „расхитилъ имѣніе перваго, и самъ умеръ, то дѣти его воз- „вращаютъ оно дѣтямъ перваго, согласно съ показаніемъ сви- „дѣтелей“.

XXXV. „Если братья стануть тягаться о наслѣдїи предъ „Княземъ, то Отрокъ Княжескій, посланный для ихъ раздѣла, „получаетъ гривну за трудъ“.

XXXVI. „Ежели останутся дѣти малолѣтныя, а мать „выдетъ за-мужъ, то отдать ихъ при свидѣтеляхъ на руки „ближнему родственнику, съ имѣніемъ и съ домомъ; а что сей „опекунъ присокупить къ оному, то возметъ себѣ за трудъ „и попеченіе о малолѣтныхъ; но приплодъ отъ рабовъ и скота

„остается дѣтямъ.—За все утраченное платитъ опекунъ, коимъ
„можетъ быть и самъ вотчимъ“.

XXXVII. „Дѣти, прижитыя съ рабою, не участвуютъ въ
„наслѣдїи, но получаютъ свободу, и съ матерью“.

Главою правосудїя вообще былъ Князь, а Дворъ Княжескій
обыкновеннымъ мѣстомъ суда ⁽¹⁰³⁾. Но Государь поручалъ сію Судїи.
власть Тіунамъ и своимъ Отрокамъ. — Чиновники, которымъ
надлежало рѣшить уголовныя дѣла, назывались *Вирниками*,
и каждый судья имѣлъ помощника или Отрока, *Мительника*
или писца. Они брали запасъ отъ гражданъ и пошлину съ
каждаго дѣла ⁽¹⁰¹⁾. — Вирнику и писцу его, для объѣзда во-
лости, давали лошадей.

Въ одномъ изъ Новгородскихъ списковъ Ярославовой
Правды сказано, что истецъ во всякой тяжобѣ долженъ ити
съ отвѣтчикомъ *на изводъ передъ 12 гражданъ* — можетъ При-
сл. Ж. ное.
быть, Присяжныхъ, которые разбирали обстоятельства дѣла по
совѣти, оставляя судьѣ опредѣлить наказаніе и взыскивать
пеню. Такъ было и въ Скандинавіи, откуда сей мудрый уставъ
перешелъ въ Великобританію ⁽¹⁰⁵⁾. Англичае наблюдаютъ его
донынѣ въ дѣлахъ уголовныхъ. Саксонъ Грамматикъ повѣ-
ствуетъ, что въ VIII вѣкѣ Рагнаръ Лодброкъ, Король Дат-
скій, первый учредилъ думу двѣнадцати Присяжныхъ.

Такимъ образомъ уставъ Ярославовъ содержитъ въ себѣ
полную систему нашего древняго законодательства, сообразную
съ тогдашними нравами. Въ немъ не упоминается о нѣкото-
рыхъ возможныхъ злодѣяніяхъ, на примѣръ: о смертной отравѣ
(какъ въ XII Декахъ Рима), о насилїи женщизъ (и проч.):
для того ли, что первое было необыкновенно въ Россїи, а
второе казалось Законодателю сомнительнымъ и неяснымъ въ
доказательствахъ? Не упоминается также о многихъ условїяхъ
и сдѣлкахъ, весьма обыкновенныхъ въ самомъ началѣ граж-
данскихъ обществъ; но взаимная польза быть вѣрнымъ въ словѣ
и честь служили вмѣсто законовъ.

Примѣтимъ, что древніе свободные Россїяне не терпѣли Осцій
Харак-
теръ за-
коновч.
низабихъ *тѣлесныхъ* наказаній: виновный платилъ или жизнью,
или вольностью, или деньгами — и скажемъ о сихъ законахъ

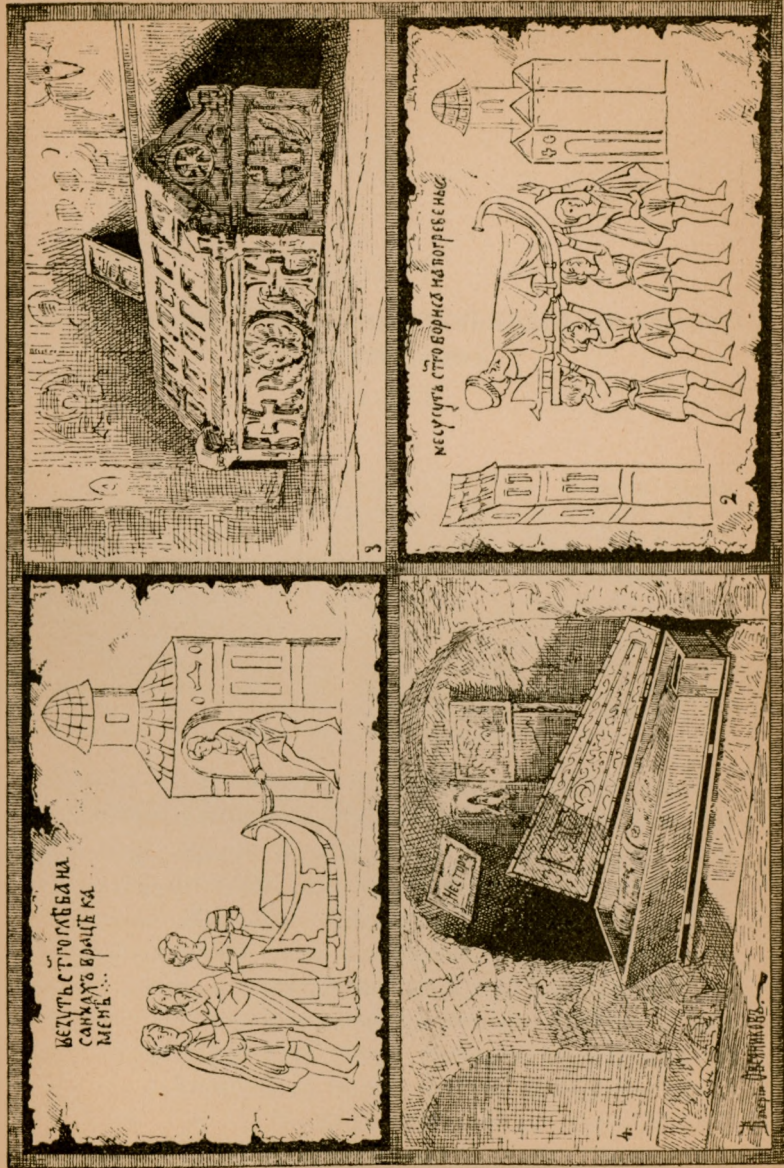
то же, что Монтескьё говоритъ вообще о Германскихъ: они изъявляютъ какое-то удивительное простосердечіе: кратки, грубы, но достойны людей твердыхъ и великодушныхъ, которые боялись рабства болѣе, нежели смерти (¹⁰⁶).

Предложимъ еще одно замѣчаніе: Германцы, овладѣвъ Европою, не давали всѣхъ гражданскихъ правъ своихъ народамъ покореннымъ: такъ по уставу Салическому за убіеніе Франка надлежало платить 200 *су*, и вдвое менѣе за убіеніе Римлянина (¹⁰⁷). Но законы Ярославовы не полагаютъ никакого различія между Россіянами Варяжскаго племени и Славянами: симъ обстоятельствомъ можно утвердить вѣроятность Несторова сказанія, что Князья Варяжскіе *не завосвали* нашего отечества, но были избраны Славянами управлять Государствомъ.

Уставъ
о мосто-
выхъ.

Ярославу же приписываютъ древній уставъ Новгородскій *о мостовыхъ*, по коему знаемъ, что сей городъ, тогда уже весьма обширный, раздѣлялся на Части или Концы (Словенскій, Неревскій, Горничьскій, Людичъ, Плотинскій), а жители на *Сотни*, означаемыя именами ихъ Старѣйшинъ; что одна улица называлась *Добрыниною* (въ память сего знаменитаго Воеводы и дяди Владимірова), а главный рядъ *Великимъ* рядомъ; что Нѣмцы или Варяги, Готы или Готландцы, привлеченные въ Новгородъ торговлею, жили въ особенныхъ улицахъ, и проч.—Но такъ называемый Церковный Уставъ Ярославовъ, о коемъ упоминаютъ новѣйшіе Лѣтописцы, и коего имѣемъ разные списки, есть безъ сомнѣнія подложный, сочиненный около XIV столѣтія. Подобно мнимому Владимірову, онъ даетъ Епископамъ исключительное право судить оскорбленіе женскаго цѣломудрія, всякія обиды, дѣлаемые слабому полу, разводъ, кровосмѣшеніе, ссоры дѣтей съ родителями, зажигательство, воровство, драки и проч. Сей Уставъ не согласенъ съ *Русскою Правдою*, и, кромѣ нецѣлостей, содержитъ въ себѣ выраженія и слова новѣйшихъ временъ; на примѣръ, опредѣляетъ пени *рублями*, еще не употребительными въ денежномъ счетѣ время Ярославовыхъ (¹⁰⁸).

Уставъ
церков-
ный.

1, 2. Бытовые сцены XII вѣка, по рисункамъ, приложеннымъ къ древней рукописи XIV вѣка. — 3. Ярославича гробница въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. — 4. Моши преподобнаго Нестора дѣлонища въ Кіево-Печерской обители.

ГЛАВА IV.

Великій Князь Изяславъ, названный въ крещеніи Димитріємъ.

Г. 1054—1077.

Удѣлы. Побѣда надъ Голядами и Торками. Половцы. Ужасныя чудеса. Освобожденіе Судислава. Междоусобіе. Пораженіе Россіянь на берегахъ Алты. Мятежь въ Кіевѣ. Бѣгство Великаго Князя. Разбитіе Половцевъ. Кіевляне хотять бѣжать въ Грецію. Изяславъ возвращается съ Поляками. Кіевъ новая Капуя. Война съ Полоцкимъ Княземъ. Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба. Новое бѣгство Великаго Князя. Изяславъ у Нѣмецкаго Императора. Посольство Генрика IV въ Кіевъ. Письмо Папы къ Изяславу. Россіяне въ Силезіи. Возвращеніе Изяслава. Междоусобіе. Смерть Великаго Князя. Свойства его. Уничтоженіе смертной казни. Монастырь Кіевопечерскій. Россіяне служатъ въ Греціи. Зависимость нашей Церкви отъ Греческой. Переписка съ Патріархами. Пророки и волшебники.

Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе. Основанная, возвеличенная Единовластіемъ, она утратила силу, блескъ и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малыя области. Владиміръ исправилъ ошибку Святослава, Ярославъ—Владимірову: наслѣдники ихъ не могли воспользоваться снмъ примѣромъ, не умѣли соединить частей въ цѣлое, и Государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Историкъ чужеземный не могъ бы съ удовольствіемъ писать о сихъ временахъ, скудныхъ дѣлами славы и богатыхъ ничтожными распрями многочисленныхъ Властителей, конхъ тѣни, обагренныя кровію бѣдныхъ подданныхъ, мелькають предъ его глазами въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ. Но Россія намъ отечество: ея судьба и

въ славѣ и въ униженіи равно для насъ достопамятна. Мы хотимъ обозрѣть весь путь Государства Россійскаго отъ начала до нынѣшней степени онаго. Увидимъ толпу Князей вѣдостоящихъ и слабыхъ; но среди ихъ увидимъ и Героевъ добродѣтели, сильныхъ мышцею и душою. Въ темной картинѣ междуособія, неустройствъ, бѣдствій, являются также яркія черты ума народнаго, свойства, нравовъ, драгоцѣнныя своею древностію. Однимъ словомъ, Исторія предковъ всегда любопытна для того, кто достоинъ имѣть отечество.

г. 1054-
1060.

Удѣлы.

Дѣти Ярославовы, исполняя его завѣщаніе, раздѣлили по себѣ Государство. Область Изяславова, сверхъ Новгорода, простиралась отъ Кіева на Югъ и Западъ до горъ Карпатскихъ, Польши и Литвы. Князь Черниговскій взялъ еще отдаленный Тмуторокань, Рязань, Муромъ и страну Вятичей; Всеволодъ, кромѣ Переяслава, Ростовъ, Суздаль, Вѣлоозеро и *Поволожье*, или берега Волги. Смоленская область заключала въ себѣ нынѣшнюю Губернію сего имени съ нѣкоторою частію Витебской, Псковской, Калужской и Московской (¹⁰⁹). Пятый сынъ Ярославовъ, Игорь, получилъ отъ старшаго брата, въ *частный Удѣлъ*, городъ Владиміръ. Князь Полоцкій, внукъ славной Рогнѣды, Брячиславъ, умеръ еще въ 1044 году: сынъ его, Всеславъ, наследовалъ Удѣлъ отца — и Россія имѣла тогда шесть юныхъ Государей.

Побѣда
надъ
Голяда-
ми и
Торка-
ми.

Счастливая внутренняя тишина царствовала около десяти лѣтъ; Россіяне вооружались только противъ вѣнскихъ непріятелей. Изяславъ побѣдилъ Голядовъ, жителей, какъ вѣроятно, Прусской *Галиндіи*, народъ Матышскій (¹¹⁰); а Всеволодъ Торковъ, восточныхъ сосѣдовъ Переяславской области, каторые, услышавъ, что и Великій Князь, вмѣстѣ съ Черниговскимъ и Полоцкимъ, идетъ на нихъ сухимъ путемъ и водою, удалились отъ предѣловъ Россіи: жестокая зима, голодъ и моръ истребили большую часть сего народа (¹¹¹). — Но отечество наше, избавленное отъ Торковъ, съ ужасомъ видѣло приближенію пныхъ варваровъ, дотолѣ неизвѣстныхъ въ Исторіи міра.

Полов-
цы

Еще въ 1055 году Половцы, или Команы, входили въ область Переяславскую: тогда Князь ихъ, Болушь, заключилъ

миръ со Всеволодомъ. Сей народъ кочующій, единоплеменный съ Печенѣгами и, вѣроятно, съ нынѣшними Киргизами, обиталъ въ степяхъ Азіатскихъ, близъ моря Каспійскаго; вытѣснлъ Узовъ (именуемыхъ, какъ вѣроятно, Торками въ нашей лѣтописи); принудилъ многихъ изъ нихъ бѣжать къ Дунаю (гдѣ они частію погибли отъ язвы, частію поддалися Грекамъ); изгналъ, кажется, Печенѣговъ изъ нынѣшней юго-восточной Россіи, и занялъ берега Чернаго моря до Молдавіи, ужасая всѣ Государства сосѣдственныя: Греческую Имперію, Венгрію и другія. — О нравахъ его говорятъ Лѣтописцы съ омерзѣніемъ: грабежъ и кровопролитіе служили ему забавою, шатры всегданимъ жилищемъ, кобылье молоко, сырое мясо, кровь животныхъ и стерво обыкновенною пищею. — Миръ съ таими варварами могъ быть только опаснымъ перемиремъ, и г. 1061 въ 1061 году Половцы, не имѣя терпѣнія дожидаться лѣта, съ Княземъ своимъ Сѣкаломъ зимою ворвались въ области Россійскія, побѣдили Всеволода и съ добычею возвратилсъ къ Дону (¹¹²).

Съ сего времени начинаются бѣдствія Россіи, и Лѣтописецъ г. 1061
1064. сказываетъ, что Небо предвѣстило ихъ многими ужасными чудесами; что рѣка Волховъ шла вверху пять дней; что кровавая звѣзда цѣлую недѣлю являлась на Западѣ, солнце У ж а а
пнн чу
деса. утратило свое обыкновенное сіяніе и восходило безъ лучей подобно мѣсяцу; что рыболовы Кіевскіе извлекли въ неводѣ какого-то удивительнаго мертваго уroda, брошеннаго въ Днѣпръ. Сія сказки достойны нѣкотораго замѣчанія, изъясняя страшное впечатлѣніе, оставленное въ умѣ современниковъ тогдашними несчастіями Государства. „Небо правосудно!“ говоритъ Несторъ: „оно наказываетъ Россіянь за ихъ беззаконія. Мы „именуемъ Христіанами, а живемъ какъ язычники; храмы пусты, а на игрищахъ толпятся люди; въ храмахъ безмолвіе, „а въ домахъ трубы, гусли и скоморохи (¹¹³)“. — Сія укоризна безъ сомнѣнія не исправила современниковъ, но осталась для потомства любопытнымъ извѣстіемъ о тогдашнихъ нравахъ.

Дѣти Ярославовы еще не нарушали завѣщанія родительскаго и жили дружно. Изяславъ считаеъ себя болѣе равнымъ.

нежели Государемъ братьевъ своихъ: такъ они, по смерти Вячеслава въ 1057 году, съ *общаго согласія* отдали Смоленскъ Игорю (черезъ два года потомъ умершему), и вспомнивъ о заточенномъ дядѣ, Судиславѣ, возвратили ему свободу. Сей несчастный сынъ Великаго Владиміра, двадцать четыре года сидѣвъ въ темницѣ, клятвенно отказался отъ всякихъ требованій властолюбія, даже отъ самаго свѣта, постригся и кончилъ жизнь въ Кіевскомъ монастырѣ Св. Георгія ⁽¹¹⁴⁾.

О с в о б о ж д е н і е С у д и с л а в а .

Междоусобіе.

Первымъ поводомъ къ междоусобію было отдаленное Княжество Тмутороканское. Владиміръ Ярославичъ оставилъ сына, Ростислава, который, не имѣя никакого Удѣла, жилъ праздно въ Новѣгородѣ ⁽¹¹⁵⁾. Будучи отваженъ и славолюбивъ, онъ подговорилъ съ собою нѣкоторыхъ молодыхъ людей; вмѣстѣ съ Вышатю, сыномъ Новгородскаго Изяслава Посадника, Остромира, ушелъ въ Тмуторокань и выгналъ юнаго Князя, Глѣба Святославича, который управлялъ сею Азовскою областію. Святославъ спѣшилъ туда съ войскомъ: племянникъ его, уважая дядю, отдалъ ему городъ безъ сопротивленія ⁽¹¹⁶⁾; но когда Черниговскій Князь удалился, Ростиславъ снова овладѣлъ Тмутороканемъ. Скоро народы горскіе, Касоги и другіе, должны были признать себя данниками юнаго Героя, такъ, что его славолюбіе и счастье устранили Грековъ, которые господствовали въ Тавридѣ: они подослали къ сему Князю своего знатнаго чиновника, Катапана или Префекта, умѣвшаго вкрасться къ нему въ довѣренность; и въ то время, какъ Ростиславъ, угощая мнѣмгаго друга, пилъ съ нимъ вино, Катапанъ, имѣя подъ ногтемъ скрытый ядъ, впустилъ его въ чашу, отравилъ Князя, уѣхалъ въ Херсонъ, и торжественно объявилъ жителямъ, что завоеватель Тмутороканскій умереть въ седьмой день. Предсказаніе исполнилось; но Херсонцы, гнушаясь такимъ коварствомъ, убили сего злодѣя камнями ⁽¹¹⁷⁾.— Безвременная кончина мужественнаго Ростислава, отпа трехъ сыновей, была въ тогдашнихъ обстоятельствахъ несчастіемъ для Россіи: онъ могъ бы лучше другихъ защитить отечество и сохранить по крайней мѣрѣ вопнекую его славу. Несторъ описываетъ сего юношу, прекраснаго и благовиднаго, не только

г. 1088, Февр. 3.

храбрѣмъ въ битвахъ, но и добрымъ, чувствительнымъ, великодушнымъ.

Святославъ не могъ вторично смирить племянника своего Ростислава, для того, что въ Государствѣ явился новый непріятель: Князь Полоцкій (118). Сей правнукъ Рогнѣдинъ несправедливо дѣтей Ярославовыхъ, и считалъ себя законнымъ наследникомъ престола Великокняжескаго: ибо дѣдъ его, Изяславъ, былъ старшимъ сыномъ св. Владимира. Современный Лѣтописецъ называетъ Всеслава злымъ и кровожаднымъ, суевѣрно приписывая сію жестокость какой-то волшебной повязкѣ, носимой симъ Княземъ для закрытія природной на головѣ язвы. Вселавъ, безъ успѣха осаждавъ Псковъ, неожиданно завоевалъ Новгородъ; плѣнилъ многихъ жителей; не пощадилъ и святыни церкви, ограбивъ Софійскую. Оскорбленные такою наглостію, Ярославичи соединили силы свои, и не смотря на жестокую зиму, осадили Минскъ въ Княжествѣ Полоцкомъ; взяли его, умертвили гражданъ, а женъ и дѣтей отдали въ плѣнъ воинамъ. Вселавъ сошелся съ непріятелями на берегахъ Нѣмена, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. Множество Россіянъ съ обѣихъ сторонъ легло на мѣстѣ. Великій Князь побѣдилъ; но еще страшась племянника, вступилъ съ нимъ въ мирныя переговоры, и звалъ его къ себѣ. Вселавъ, похитивъ клятвѣ Ярославичей, что они не сдѣлаютъ ему никакого зла, переѣхалъ Днѣпръ на лодкѣ, близъ Смоленска. Великій Князь встрѣтилъ его, ввелъ въ шатеръ свой и отдалъ въ руки воинамъ: несчастнаго взяли вмѣстѣ съ двумя сыновьями, отвезли въ Кіевъ и заключили въ темницу.

Провидѣніе наказало вѣроломныхъ: тамъ, гдѣ отецъ ихъ одержалъ славную побѣду надъ Святополкомъ и Печенѣгами, на берегахъ Альты, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Изяславъ и братья его въ ночномъ сраженіи были на голову разбиты свирѣпыми Половцами (119). Великій Князь и Всеволодъ ушли въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Воины первого, стыдясь своего бѣгства, требовали Вѣча; собрались на торговой площади, въ Кіевскомъ Подолѣ, и пріехали сказать Изяславу, чтобы онъ далъ имъ оружіе и коней для вторичной битвы

Мятежъ
въ Ки-
евѣ.

съ Половцами. Великій Князь, оскорбленный симъ своевольствомъ, не хотѣлъ исполнить ихъ желанія. Сдѣлался мятежъ, и недовольные, обвиняя во всемъ главнаго Воеводу Изяслава, именемъ Коснячка, окружили домъ его. Воевода скрылся. Мятежники раздѣлились на двѣ толпы: одни пошли отворить городскую темницу, другіе на дворъ Княжескій. Изяславъ, сидя съ дружиною въ сѣняхъ, смотрѣлъ въ окно, слушалъ укорины народа, и думалъ умирить бунтъ словами. Бояре говорили ему, что надобно послать стражу къ заточенному Всеславу; наконецъ, видя остервенѣніе черни, совѣтовали Великому Князю тайно умертвить его. Но Изяславъ не могъ ни на что рѣшиться, и бунтовщики дѣйствительно освободили Полоцкаго Князя: тогда оба Ярославича въ ужасѣ бѣжали изъ столицы, а народъ объявилъ Всеслава Государемъ своимъ и разграбилъ домъ Княжескій, похитивъ великое множество золота, серебра, куніцъ и бѣлокъ.

Гибель
Велика-
го Ки-
евъ.

Изяславъ удалился въ Польшу, но его братья спокойно княжили въ своихъ Удѣлахъ, а племянникъ Глѣбъ въ области Воспорекой, будучи снова призванъ ея жителями (¹²⁰). Князь Черниговскій имѣлъ случай отметить Половцамъ, которые жгли и грабили въ его области. Предводительствуя малочисленною конною дружиною, онъ вступилъ съ ними въ битву: 3,000 Россіянъ, ободренныхъ примѣромъ и словами Князя, стремительно ударили на 12,000 Половцевъ, смяли ихъ и плѣнили Вождя неприятельскаго; множество варваровъ утонуло въ рѣкѣ Сновѣ. Черниговцы вспомнили великодушную храбрость отцевъ своихъ, приученныхъ къ побѣдѣ Мстиславомъ, знаменитымъ сыномъ Владиміра Великаго.

Разби-
тіе По-
люв-
цевъ.

Король Польскій, Болеславъ II, сынъ Маріи, Владиміровой дочери, и супругъ неизвѣстной намъ Княжны Россійской (¹²¹), принявъ Изяслава со всеми знаками искренняго дружелюбія, какъ Государя несчастнаго и ближняго родственника, охотно согласился быть ему помощникомъ. Всеславъ допустилъ его до самаго Вѣлагорода; наконецъ, выступилъ съ войскомъ изъ Кіева: но утрашенный силою Поляковъ, и, можетъ быть, не вѣря усердію своихъ новыхъ подданныхъ, ночью

г. 1069.

ушелъ изъ стана въ Полоцкъ. Россіяне, свѣдавъ о бѣгствѣ его, съ ужасомъ возвратились въ Кіевъ. Всѣ граждане собрались на Вѣче, и немедленно отправили Пословъ къ Святославу и Всеволоду, объявить имъ, что Кіевляне, изгнавъ Государи законнаго, признають вину свою; но какъ Изяславъ ведетъ съ собою враговъ иноплеменныхъ, коихъ жестокость еще памятна Россіянамъ, то граждане не могутъ впустить его въ столицу, и прибѣгаютъ въ сей крайности къ великодушнѣе достойныхъ сыновъ Ярослава и отечества. „Врата Кіева для васъ отверсты“, говорили Послы: „идите спасти градъ великаго отца своего, а ежели не исполните нашего моленія, то мы, обративъ въ пепель столицу Россіи, съ женами и дѣтьми уйдемъ въ землю Греческую“. Святославъ обѣщалъ за нихъ вступиться, но требовалъ, чтобы они изъявили покорность Изяславу. „Когда братъ мой“ —сказалъ Черниговскій князь— „войдетъ въ городъ мирно, и съ малочисленною дружиною, то вамъ нечего страшиться. Когда же онъ захочетъ предать Кіевъ въ жертву Ляхамъ, то мы готовы мечемъ отразить Изяслава, какъ непріятели“. Въ то же самое время Святославъ и Всеволодъ извѣстили брата о раскаяніи Кіевлянъ, совѣтуя, чтобы онъ удалилъ Поляковъ, шелъ въ столицу и забылъ мщеніе, если не хочетъ быть врагомъ Россіи и братьевъ. Великій Князь, давъ слово быть милосердымъ, послалъ въ Кіевъ сына своего, Метислава, который, въ противность торжественному договору, началъ какъ звѣрь свирѣпетовать въ столицѣ: умертвилъ 70 человекъ, освободившихъ Всеслава; другихъ ослѣпилъ, и жестоко наказалъ множество невинныхъ, безъ суда, безъ всякаго изслѣдованія. Граждане не смѣли жаловаться, и съ покорностію встрѣтили Изяслава, вѣхавшаго въ столицу съ Болеславомъ и съ малымъ числомъ Поляковъ ⁽¹²²⁾.

Кіевляне хотѣли бѣжать въ Грцію.

Изяславъ возмущаетъ съ Поляками

2 Май

Историки Польскіе говорятъ, что Великій Князь, обранный Королю счастливою перемѣною судьбы своей, взялся содержать его войско, давалъ ему съѣтныя припасы, одежду и жалованье; что Болеславъ, плѣненный красотою мѣста, роскошными пріятностями Кіева и *любезностію Россіянокъ*,

Кіевъ погнавъ Кауца.

едва могъ выйти изъ сей новой Капуп; что онъ, на возвратномъ пути, въ Червенской области или Галиціи, осаждалъ Перемишль, который, будучи весьма укрѣпленъ искусствомъ, каменными стѣнами и башнями, долгое время оборонялся (123).
 Если сіе обстоятельство справедливо, то Болеславъ вышелъ изъ Россіи непріателемъ: что же могло вооружить его противъ Великаго Князя? Сказаніе Нестора служить объясненіемъ: Россіяне, ненавидя Поляковъ, тайно убивали ихъ, и Король, утраченный сою народною местию, подобно его знаменитому прадѣду Болеславу I, спѣшилъ оставить паше отечество.

Изяславъ, черезъ семь мѣсяцевъ снова Государь Кіевскій, не забылъ, что бѣдственный для него мятежъ сдѣлался на торговой площади: сіе мѣсто, отдаленное отъ дворца, казалось ему опаснымъ, и для того онъ перевелъ торгъ изъ Подола въ верхнюю часть города (124): осторожность малодушная и бесполезная! Едва учредивъ порядокъ въ столицѣ, Великій Князь спѣшилъ отметить Всеславу, и жаркимъ приступомъ взявъ Полоцкъ, отдалъ сей важный городъ въ Удѣлъ Мстиславу: по внезапной же его кончинѣ Святополку, другому своему сыну. Но въ то самое время бодрый Всеславъ съ сильнымъ войскомъ явился подъ стѣнами Новгорода, гдѣ начальствовалъ юный Глѣбъ Святославовичъ, переведенный туда отцемъ изъ Тмутароканя. Ненавидя Полоцкаго Князя, Новгородцы сразились отчаянно, разбили его, и могли бы взять въ плѣнъ, но великодушно дали ему спастись бѣгствомъ (125).—

Война
съ Не-
стору-
чимъ
Кня-
земъ.

Октяб-
ря 28.

г. 1071.

Сія война кончилась ничѣмъ: ибо дѣятельный Всеславъ умѣлъ снова овладѣть своею наслѣдственной областію, и хотя былъ еще побѣжденъ Ярополкомъ, третьимъ сыномъ Великаго Князя, однакожь удержалъ за собою Полоцкъ.— Между тѣмъ бѣдное отечество стесало отъ виѣшнихъ непріятелей; требовало защитниковъ, и не находило ихъ: Половцы свободно грабили на берегахъ Десны.

Пере-
селіе
мощи
Бориса
и Глѣ-
ба.

Союзъ Ярославичей казался неразрывнымъ. Изяславъ, соорудивъ новую церковь въ Вышегородѣ, управляемомъ тогда Вельможею Чуднымъ, вздумалъ поставить въ ней гробы Бориса и Глѣба, и призвалъ своихъ братьевъ на сіе торже-

ство (126). Оно совершилось въ присутствіи знаменитѣйшаго Духовенства, Бояръ и народа, 2 Мая, день, въ который Великій Князь, за три года предъ тѣмъ, вступилъ съ Болеславомъ въ Кіевъ. Самы Ярославичи несли раку Борису, и Митрополитъ Георгій призналъ святость Россійскихъ Мучениковъ, къ удовольствію Государя и народа. Духовное празднество заключилось веселымъ пиромъ: три Князя обѣдали за однимъ столомъ, вмѣстѣ съ своими Боярами, и развѣхались друзьями.

Ся дружба скоро обратилась въ злобу. Святославъ, желая большей власти, увѣрилъ Всеволода, что старшій братъ тайно сговаривается противъ нихъ съ Княземъ Полоцкимъ. Они вооружились, и несчастный Изяславъ вторично бѣжалъ въ Польшу, надѣясь, что великія сокровища, увезенныя имъ изъ Кіева, доставятъ ему сильныхъ помощниковъ внѣ Государства (127). Но Болеславъ уже не хотѣлъ искать новыхъ опасностей въ Россіи: взявъ его сокровища, и (по словамъ Лѣтописца) *указалъ ему путь отъ себя*. Горестный изгнанникъ отправился къ Нѣмецкому Императору, Генрику IV; былъ ему представленъ въ Маинцѣ Саксонскимъ Маркграфомъ Деди; поднесъ въ даръ множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также мѣховъ драгоценныхъ, и требовалъ его заступленія, обѣщая, какъ говорятъ Нѣмецкіе Лѣтописцы, признать себя данникомъ Имперіи. Юный и храбрый Генрикъ, готовимый судьбою къ бѣдствіямъ гораздо ужаснѣйшимъ Изяславовыхъ, не отказался быть защитникомъ угнетеннаго. Окруженный въ собственномъ Государствѣ измѣнниками и непріятелями, онъ послалъ въ Кіевъ Бурхарда, Трирскаго духовнаго Чиновника, брата Оды, шурина Вячеслава, какъ вѣроятно, и велѣлъ объявить Князьямъ Россійскимъ, чтобы они возвратили Изяславу законную власть, или, не смотря на отдаленность, мужественное войско Нѣмецкое смирить хищниковъ (128). Въ Кіевѣ господствовалъ тогда Святославъ, придавъ, можетъ быть, Всеволоду нѣкоторые изъ южныхъ городовъ: онъ дружелюбно угостилъ Пословъ Императорскихъ, и старался увѣрить ихъ въ своей справедливости. Несторъ пи-

Г. 1073.
Новое
бѣгство
Велик.
Князя.

Г. 1075.
Изгнание у
Нѣмцевъ.
Императора-

Посольство
Генриха IV въ
Кіевъ.

шетъ, что сей Князь, подобно Гудейскому Царю Езекии, велчался предъ Нѣмцами богатствомъ казны своей, и что они, видя множество золота, серебра, драгоценныхъ паволокъ, благоразумно сказали: *Государь! мертвое богатство есть ничто въ сравненіи съ мужествомъ и великодушіемъ*“. Слѣдствіе доказало истину ихъ словъ“, прибавляетъ Несторъ: „по смерти Святослава исчезли какъ прахъ всѣ его сокровища“. — Вурхардъ возвратился къ Императору съ дарами, которые удивили Германію. „Никогда“ — говоритъ современный Нѣмецкій Лѣтописецъ (129) — „не видали мы столько золота, серебра и богатыхъ тканей“. Генрикъ, обезоруженный щедростію Святослава, и не имѣя впрочемъ никакого способа воевать съ Россіянами, утѣшилъ изгнанника однимъ безплоднымъ сожалѣніемъ.

Письмо
Папы
къ Изяславу.

Изяславъ обратился къ Папѣ, славному въ Исторіи Григорію VII. хотѣвшему быть Главою всеобщей Монархіи или Царемъ Царей, и послалъ въ Римъ сына своего. Жертвуя властолюбію и православіемъ Восточной Церкви и достоинствомъ Государя независимаго, онъ признавалъ не только духовную, но и мірскую власть Папы надъ Россією; требовалъ его защиты и жаловался ему на Короля Польскаго. Григорій отправилъ пословъ къ Великому Князю и къ Болеславу, написавъ къ первому слѣдующее:

„Григорій Епископъ, слуга слугъ Божіихъ, Димитрію, Князю Россіянъ (Regi Russorum), и Княгинѣ, супругѣ его, желаетъ здравія и посылаетъ Апостольское благословеніе.

„Сынъ вашъ, посѣтивъ святыя мѣста Рима, смиренно молилъ насъ, чтобы мы властію Св. Петра утвердили его на Княженіи, и далъ присягу быть вѣрнымъ Главѣ Апостоловъ. Мы исполнили сію благую волю — согласную съ вашею, какъ онъ свидѣтельствуеть — поручили ему кормило Государства Россійскаго именемъ Верховнаго Апостола, съ тѣмъ намѣреніемъ и желаніемъ, чтобы Св. Петръ сохранилъ ваше здравіе, княженіе и благое достояніе до кончины живота, и сдѣлалъ васъ нѣкогда сопричастникомъ славы вѣчныя. Желая также изъяснить готовность къ дальнѣйшимъ

„услугамъ, довѣряемъ симъ Посламъ—изъ конхъ *одинъ вамъ*
 „извѣстенъ и *другъ вѣрный* ⁽¹³⁰⁾—изустно переговорить съ
 „вами о всемъ, что есть и чего нѣтъ въ писемъ. Примите
 „ихъ съ любовію, какъ пословъ Св. Петра; благосклонно
 „выслушайте и несомнѣнно вѣрьте тому, что они предложатъ
 „вамъ отъ имени нашего—и проч. Всемогущій Богъ да оза-
 „ритъ сердца ваши и да преведетъ васъ отъ благъ времен-
 „ныхъ ко славѣ вѣчной. Писано въ Римѣ, 15 Маія, Ин-
 „дикта XIII“ (то есть, 1075 году).

Такимъ образомъ Изяславъ, самъ не имѣя тогда власти надъ Россією, далъ поводъ надменному Григорію причислить сію Державу ко мнимымъ владѣніямъ Св. Петра, зависящимъ отъ мнимаго Апостольскаго Намѣстника!... Въ писемъ къ Болеславу говоритъ Папа: „Беззаконно присвоивъ себѣ казну Государя Россійскаго, ты нарушилъ добродѣтель Христіанскую. Молю и заклинаю тебя именемъ Божиимъ отдать ему все взятое тобою или твоими людьми: ибо хищники не внидутъ въ Царствіе Небесное, ежели не возвратятъ похищеннаго“.

Заступленіе гордаго Папы едва ли имѣло какое нибудь дѣйствіе, и въ слѣдующемъ году юные Князья Россійскіе, Владиміръ Мономахъ и Олегъ—первый Всеволодовъ, а второй Святославовъ сынъ—заключивъ союзъ съ Поляками, ходили съ войскомъ въ Силезію, помогать Болеславу противъ Герцога Богемскаго ⁽¹³¹⁾. Но скоро обстоятельства, къ счастью Изяславу, перемѣнились. Главный врагъ его, Святославъ, умеръ, отъ разрѣзанія какой-то затвердѣлости или опухоли. Тогда изгнанникъ ободрился: собралъ нѣсколько тысячъ Поляковъ и вступилъ въ Россію. Добродушный Всеволодъ встрѣтилъ его въ Волыни и, вмѣсто битвы, предложилъ ему миръ. Братья клялися, забывъ прошедшее, умереть друзьями, и старшій вѣхалъ въ Кіевъ Государемъ, уступивъ меньшему Княженіе Черниговское, а сыну его, Влади-
 міру, Смоленскъ ⁽¹³²⁾.

Опасаяся честолюбія непокойныхъ племянниковъ и замысловъ давнишняго врага своего, Всеслава, они хотѣли уда-

Г. 1076
Росси-
не въ
Силезіи

Декаб-
ря 27.

Г. 1077.
Юля 5.
Восвра-
щеніе
Изясла-
ва.

Мелко-
усоби*

лить первыхъ отъ всякаго участія въ правленіи и вторично изгнать послѣдняго. Романъ *Святославичъ* княжилъ въ Во-спорской области: сынъ *Вячеславовъ*, Борисъ, въ самое то время, когда *Изяславъ* и *Всеволодъ* заключали миръ на границѣ, овладѣлъ *Черниговымъ*; но предвидя, что дяди не оставятъ его въ покоѣ и накажутъ какъ хищника, чрезъ нѣсколько дней ушелъ въ *Тмуторокань* къ *Роману* ⁽¹³³⁾. Князь *Новгородскій*, *Глѣбъ*, юноша прекрасный и добродушный, къ общему сожалѣнію, погибъ тогда въ отдаленномъ *Заволочьѣ*:
 г. 1078. *Изяславъ* отдалъ его Княженію *Святополку*, а другому сыну своему, *Ярополку*, *Вышегородъ*. *Олегъ Святославичъ* господствовалъ въ области *Владимірской*: онъ долженъ былъ, по волѣ дядей своихъ, выѣхать оттуда и жить праздно въ *Черниговѣ*. Князь *Полоцкій* довольствовался независимостію и наслѣдственнымъ *Удѣломъ*: *Ярославичи* объявили ему войну. *Всеволодъ* ходилъ къ его столицѣ, и ничего болѣе не сдѣлалъ. Въ слѣдующій годъ *Владиміръ Мономахъ* и *Святополкъ* выжгли только ся предмѣстіе; но *Мономахъ* возвратился къ отцу съ богатою добычею, и далъ ему и печальному *Олегу* роскошный обѣдъ на *красномъ дворѣ* въ *Черниговѣ*, и поднесъ *Всеволоду* въ даръ нѣсколько фунтовъ золота ⁽¹³¹⁾.

Свой *Олегъ*, рожденный властолюбивымъ, не могъ быть обольщенъ ласками дяди и брата; считалъ себя невольникомъ въ домѣ *Всеволодовомъ*; хотѣлъ свободы, господства; бѣжалъ въ *Тмуторокань* и рѣшился, вмѣстѣ съ *Борисомъ Вячеславичемъ*, искать счастья оружіемъ. Нанявъ *Половцевъ*, они вошли въ предѣлы *Черниговекаго Княженія*, и разбили *Всеволода*. Многіе знаменитые *Вояре* лишились тутъ жизни ⁽¹³⁵⁾. Побѣдители взяли *Черниговъ*, и думали, что все Государство должно признать власть ихъ; а несчастный *Всеволодъ* ушелъ въ *Кіевъ*, гдѣ *Изяславъ* обнялъ его съ нѣжностію и сказалъ ему сіи достопамятныя слова: „Утѣшься, горестный братъ, и вспомни, „что было со мною въ жизни! Отверженный народомъ, всегда „мнѣ любезнымъ; лишенный престола и всего законнаго до- „стоянія, могъ ли я чѣмъ нибудь укорять себя? Вторично „изгнанный братьями единокровными — и за что? свидѣтель-

„ствуюсь Богомъ въ мой невинности— я скитался въ земляхъ „чуждыхъ; искалъ сожалѣнія иноплеменниковъ! По крайней „мѣрѣ ты имѣешь друга. Если намъ княжить въ землѣ Рус- „ской, то обоймъ; если быть изгнаннымъ, то вмѣстѣ. Я по- „ложу за тебя свою голову“... Онъ немедленно собралъ войско. Мужественный Владиміръ спѣшилъ также изъ Смоленска къ отцу своему, и едва могъ пробиться сквозь многочисленныя толпы Половцевъ ⁽¹³⁶⁾. Великій Князь, Всеволодъ, Ярополкъ и Мономахъ соединенными силами обступили Черниговъ. Олегъ и Борисъ находились въ отсутствіи; но граждане хотѣли обороняться. Владиміръ взялъ приступомъ внѣшнія укрѣпленія и стѣснилъ осажденныхъ внутри города. Узнавъ, что племянники идутъ съ войскомъ къ Чернигову. Изяславъ встрѣтилъ ихъ. Олегъ не надѣялся побѣдить четырехъ соединенныхъ Князей, и совѣтовалъ брату вступить въ мирныя переговоры; но гордый Борисъ отвѣтствовалъ ему: „останься спокойнымъ зрителемъ моей битвы съ ними“ — сразился близъ Чернигова, и заплатилъ жизнью за свое властолюбіе. Еще кровь лилась рѣкою. Изяславъ стоялъ среди пѣхоты: непріятельскій всадникъ ударилъ его копьемъ въ плечо: Великій Князь палъ мертвый на землю. Наконецъ Олегъ обратился въ бѣгство, и съ малымъ числомъ воиновъ ушелъ въ Тмуторокань. — Бояре привезли тѣло Изяслава въ ладіи: на берегу жители Кіевскіе, знатные и бѣдные, свѣтскіе и духовные, ожидали его со слезами; вопль народный (какъ говорить Лѣтописецъ) заглушалъ священное пѣніе. Ярополкъ съ Княжескою дружиною шелъ за трупомъ, оплакивая несчастную судьбу и добродѣтели отца своего. — Положенное въ мраморную раку, тѣло Великаго Князя было предано землѣ въ храмъ Богоматери, гдѣ стоялъ памятникъ Св. Владиміра.

Смерть
Велик.
Князя.

Несторъ пишетъ, что Изяславъ, пріятный лицомъ и величественный станомъ, не менѣе украшался и тихимъ нравомъ, любилъ правду, ненавидѣлъ криводушіе; что онъ истинно простилъ мятежныхъ Кіевлянъ, и не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ жестокостяхъ Мстиславовыхъ; помнилъ только любовь Всеволода, добровольно уступившаго ему Великому Кня-

Свой-
ства
Изясла-
ва.

женіе, и забылъ вражду его; сказалъ, что охотно умретъ за брата, и, къ несчастію, сдержалъ слово... Вѣрнѣ похвалѣ современника благоразумнаго, любившаго отечество и добродѣтель; но Изяславъ былъ столь же малодушенъ, сколь мягкосердеченъ: хотѣлъ престола и не умѣлъ твердо сидѣть на ономъ. Своевольныя злодѣянія сына въ Кіевѣ— ибо казнь безъ суда и нарушеніе слова есть всегда злодѣяніе—изъявляютъ, по крайней мѣрѣ, слабость отца, который въ то же самое время сдѣлалъ его Княземъ Владѣтельнымъ. Наконецъ бѣдствіе Минска и вѣроломное заточеніе Всеслава согласны ли съ похвалами Лѣтописца?

Уничто-
женіе
смерт-
ной ка-
зни.

Изяславъ оставилъ свое имя въ нашихъ древнихъ законахъ. По кончинѣ родителя онъ призвалъ на совѣтъ братьевъ своихъ, Святослава и Всеволода, также умнѣйшихъ Вельможъ того времени: Коснячка, Воеводу ненавистнаго Кіевлянамъ ⁽¹³⁷⁾, Перенита, Никифора, Чудина, и совершенно уничтожилъ смертную казнь, оставивъ денежную пеню за всякія убійства: по издлинному ли челоувѣколюбію, какъ Владиміръ, или для сохраненія людей, которые могли еще служить отечеству? или для обогащенія *Вирами* казны Государей?

Мона-
стырь
Кіево-
печер-
скій.

При Изяславѣ былъ основанъ славный монастырь Кіевопечерскій, и самъ Несторъ разсказываетъ достопамятныя обстоятельства сего учрежденія. Нѣкто, житель города Любеча, одушевленный Христіанскимъ усердіемъ, захотѣлъ видѣть Святую гору, возлюбилъ житіе Монаховъ Аѳонскихъ, и постриженный въ ихъ Обители, былъ названъ Антоніемъ. Игуменъ, наставивъ его въ правилахъ монастырскихъ, далъ ему благословеніе и велѣлъ итти въ Россію, предвидя, что онъ будетъ въ нашемъ отечествѣ свѣтиломъ Черноризцевъ. Антоній возвратился еще при Князѣ Ярославѣ ⁽¹³⁸⁾, обходилъ тогдашніе монастыри Россійскіе, и близъ Кіева, на высокомъ берегу Днѣпровскомъ, увидѣлъ пещеру: Иларіонъ, будучи еще простымъ Іереемъ Берестовскимъ, ископалъ оную собственными руками, и часто, окруженный безмолвіемъ дремучаго лѣса, молился въ ней Богу. Она стояла уже пустая: Иларіонъ, въ санѣ Митрополита, насъ Церковь и жилъ въ сто-

лицѣ. Антоній плѣнился красотою сего дикаго уединенія, остался въ пещерѣ Иларіоновой и посвятилъ дни свои молитвѣ. Слухъ о пустынникѣ разнесся въ окрестностяхъ: многіе люди желали видѣть святаго мужа; самъ Великій Князь Изяславъ приходилъ къ нему съ своею дружиною требовать благословенія. Двѣнадцать Монаховъ, отчасти Антоніемъ постриженныхъ, выкопали тамъ подземную церковь съ кельями. Число ихъ безпрестанно умножалось: Великій Князь отдалъ имъ всю гору надъ пещерами, гдѣ они заложили большую церковь съ оградою. Смиренный Антоній не хотѣлъ начальства: поручивъ новую Обитель Игумену Варлааму, уединился въ пещеру, однакожь не избавился отъ гоненія. Считаая Антонія другомъ Всеславовымъ, Великій Князь приказалъ воиnamъ ночью схватить его и вывезти изъ области Кіевской. Но добродѣтельный мужъ скоро возвратился съ честію въ любимую свою пещеру, и жилъ въ ней до самой кончины, имѣвъ удовольствіе видѣть Лавру Кіевскую въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Щедрость и набожность Ярославичей обогатили сей монастырь доходами и помѣстьями. Святославъ далъ 100 гривенъ, или 50 фунтовъ золота, на строеніе каменнаго великолѣпнаго храма Печерскаго, призвалъ художниковъ изъ Константинополя, и своими руками началъ копать ровъ для основанія церкви. Знаменитый Варягъ Симонъ, Вельможа Всеволодовъ, подарилъ Антонію на украшеніе алтаря златую цѣпь въ 50 гривенъ и вѣнецъ драгоцѣнный, наслѣдіе отца его, Князя Варяжскаго. Святой Θεодосій, преемникъ Варлаамовъ, заимствовалъ отъ Цареградскаго Студійскаго монастыря уставъ Черноризцевъ, который сдѣлался общимъ для всѣхъ монастырей Россійскихъ. Сей благочестивый Игумень завелъ въ Кіевѣ первый домъ страннопріимства, и питалъ несчастныхъ въ темницахъ. Добродѣтель Θεодосіева была столь уважаема, что Великій Князь не рѣдко приходилъ бесѣдовать съ нимъ наединѣ, оставался у него обѣдать, ѣлъ хлѣбъ, сочиво, и съ улыбкою говаривалъ, что роскопная трапеза Княжеская ему не такъ пріятна, какъ монастырская. Любя Изяслава, Θεодосій великодушно обличалъ виновнаго брата, гонителя ег-

въ беззаконіи. Святославъ терпѣлъ сіи укоризны, оправдывался, и когда святой мужъ входилъ въ шумный дворецъ его, гдѣ часто гремѣла музыка, органы и гусли, тогда все умолкало. Лежа на смертномъ одрѣ, Θεодосій благословилъ Святослава и сына его, Глѣба. — Монахи Печерскіе, возбуждаемые наставленіемъ и примѣромъ своихъ достойныхъ начальниковъ, служили ревностно Богу и человѣчеству; нѣкоторые изъ нихъ пріяли вѣнды Мучениковъ, обращая идолопоклонниковъ: Леонтій въ Ростовѣ, Св. Кукша въ землѣ Вятичей (въ Орловской или Калужской Губерніи). Самые Вельможи, отказываясь отъ свѣта, пекали душевнаго мира въ Печерской Обители. Такъ Варлаамъ, первый Игуменъ, сынъ знаменитѣйшаго Воярина Іоанна и внукъ славнаго Выпаты, ослѣпленнаго Константиномъ Мономахомъ, былъ постриженъ Антоніемъ. Сей юноша, плѣненный ученіемъ святаго мужа, пріѣхалъ къ нему со многими Отроками, которые вели навьюченныхъ лошадей; сошелъ съ коня, бросилъ къ ногамъ Антонія свою одежду Воярскую и сказалъ: „вотъ престель міра! употреби, какъ тебѣ угодно, мое бывшее имѣніе; хочу жить въ уединеніи и бѣдности“.

Изяславъ и его братья соблюдали неразрывную дружбу съ Греками, и давали имъ войско, которое въ частыхъ внутреннихъ неурядицахъ поддерживало слабыхъ Императоровъ на тронѣ. Знаменитый Алексій Комнинъ, еще не Государь, но только Полководецъ Имперіи, въ 1077 году емиря мятежника Никифора Врѣнія, имѣлъ съ собою множество судовъ Россійскихъ (¹³⁰).—Ярославичи возвратили Константинопольскому Патріарху важное право ставить Кіевскихъ Митрополитовъ: Георгій, преемникъ Иларіоновъ, родомъ Грекъ, былъ присланъ изъ Царяграда; утраченный, можетъ быть, раздоромъ Князей, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ выѣхалъ изъ нашего отечества. Съ того времени Церковь Россійская, до самаго паденія Восточной Имперіи, зависѣла отъ Патріарха Константинопольскаго, и въ росписи Епископствъ, находившихся подъ его вѣдѣніемъ, считалась *семидесятымъ*. Въ знакъ уваженія къ достоинству нашихъ Митрополитовъ, Патрі-

Росси-
не слу-
жать въ
Греціи.

Зависимость
нашей
Церкви
отъ Гре-
ческой.

архи обыкновенно писали къ нимъ грамоты за *свинцовою*, а не восковою *печатью*: честь, которую они дѣлали только Императорамъ, Королямъ и знаменитѣйшимъ сановникамъ ⁽¹⁴⁰⁾.

Переписка съ Патриархами.

Успѣхи Христіанскаго благочестія въ Россіи не могли искоренить языческихъ суевѣрій и мнимаго чародѣйства. Къ Исторіи тогдашнихъ временъ относятся слѣдующія извѣстія Несторovy:

Въ 1071 году явился въ Кіевѣ волхвъ, который сказывалъ народу, что Днѣпръ скоро потечетъ вверхъ и всѣ земли перемѣстятся; что Греція будетъ тамъ, гдѣ Россія, а Россія тамъ, гдѣ Греція. Невѣжды вѣрили, а благоразумные надъ нимъ смѣялись, говоря ему, чтобы онъ самъ берегся. Сей чловѣкъ (пишетъ Несторъ) дѣйствительно пропалъ въ одну ночь безъ вѣсти.

Пророки и волхвы.

Около того же времени сдѣлался въ Ростовской области голодъ. Два кудесника или обманщика, жители Ярославля—основаннаго, думаю, Великимъ Княземъ Ярославомъ—ходили по Волгѣ и въ каждомъ селеніи объявляли, что бабы причиною всего зла, и скрываютъ въ *самыхъ себѣ* хлѣбъ, медъ и рыбу ⁽¹⁴¹⁾. Люди приводили къ нимъ матерей, сестеръ, женъ; а мнимые волхвы, будто бы подрѣзывая имъ плеча, и высыпая изъ своего рукава жито, кричали: „видите, что лежало у нихъ за кожею“! Сія злодѣи съ шайкою помощниковъ убивали невинныхъ женщинъ, грабили имѣніе богатыхъ, и дошли наконецъ до Бѣлозера, гдѣ Вельможа Янъ, сынъ Вышатинъ, собиралъ дань для Князя Святослава: онъ велѣлъ ловить ихъ, и чрезъ нѣсколько дней Бѣлозерцы привели къ нему двухъ главныхъ обманщиковъ, которые не хотѣли вникаться, и доказывая мудрость свою, открывали за тайну, что Діаволь сотворилъ тѣло чловѣка, гніющее въ могилѣ, а Богъ душу, парящую на небеса; что Антихристъ спитъ въ безднѣ; что они вѣрують въ его могущество и знаютъ все сокровенное отъ другихъ людей. „Но знаете ли собственную вашу участь?“ сказалъ Янъ. „Ты представишь насъ Святославу“, говорили кудесники: „а если умертвишь, то будешь несчастливъ“. Смѣясь

надъ сею угрозою, онъ велѣлъ ихъ повѣсить на дубу, какъ государственныхъ преступниковъ.

Не только въ Скандинавіи, но и въ Россіи Финны и Чудь славились волшебствомъ, подобно какъ въ древней Италіи Тосканцы (¹⁴²). Несторъ рассказываетъ, что Новгородцы ходили въ Эстонию узнавать будущее отъ тамошнихъ мудрецовъ, которые водились съ *черными крылатыми духами*. Одинъ изъ такихъ кудесниковъ торжественно осуждалъ въ Новѣгородѣ Вѣру Христіанскую, бранилъ Епископа и хотѣлъ итти пѣшкомъ черезъ Волховъ. Народъ слушалъ его какъ челоуѣка божественнаго. Ревностный Епископъ облачился въ Святительскія ризы, сталъ на площади, и держа крестъ въ рукахъ, звалъ къ себѣ вѣрныхъ Христіанъ. Но ослѣпленные гражданъ толпились вокругъ обманщика: одинъ Князь Глѣбъ и дружино его приложились къ святому кресту. Тогда Глѣбъ подошелъ ко мнимому чародѣю и спросилъ: предвидитъ ли онъ, что будетъ съ нимъ въ тотъ день? — Волшебникъ отвѣтствовалъ: „я сдѣлаю великія чудеса“. „Нѣтъ!“ сказалъ смѣлый Князь — и топоромъ разсѣкъ ему голову (¹⁴³). Обманщикъ палъ мертвый къ ногамъ его, и народъ увѣрился въ своемъ заблужденіи.

Г Л А В А V.

Великій Князь Всеволодъ.

Г. 1078—1093.

Междоусобія. Олегъ въ Родосѣ. Подвиги Мономаха. Убіеніе Ярополка. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ. Засуха и моръ. Землетрясеніе. Видѣнія. Набѣги Половцевъ. Слабость Великаго Князя. Кончина его. Дочь Всеволодова за Генрикомъ IV. Митрополитъ Іоаннъ. Его сочиненіе. Крестильницы. Праздникъ 9 Маія. Сношенія съ Римомъ.

Не сынъ Изяславовъ, но Всеволодъ наслѣдовалъ престолъ Великокняжескій. Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеобщему уваженію къ семейственнымъ связямъ, имѣлъ во всякомъ случаѣ право старѣйшинства и заступалъ мѣсто отца для племянниковъ.—Сей Государь утвердилъ Святополка на Княженіи Новгородскомъ, другому сыну Изяславову, Ярополку, отдалъ Владиміръ и Туровъ ⁽¹⁴⁴⁾, а Мономаху Черниговъ.

Романъ Святославичъ, Князь Тмутороканскій, желая отмстить за Олега и Бориса, немедленно началъ войну междоусобную, которая стоила ему жизни. Половцы, его наемники, заключили миръ со Всеволодомъ у Переяславля, и на возвратномъ пути умертвили Романа; а брата его, Олега, неволею отравили въ Константинополь. Пользуясь несчастьемъ Святославичей, Великій Князь прислалъ въ Тмуторокань Намѣстника своего, Ратибора. Но сія область Воспорекая, убожище Князей обдѣленныхъ, скоро была завоевана Давидомъ *Игоревичемъ* и Володаремъ *Ростиславичемъ*, внукомъ и правнукомъ Великаго Ярослава, которые также не долго въ ней господствовали. Изгнанныкъ Олегъ, живъ два года на островѣ

г. 1078
— 1084.

Междо-
усобія.

Олегъ
въ Го-
досѣ.

Родосѣ, славномъ въ Исторіи своими древними мудрыми законами, Науками, великолѣбіемъ зданій и Колоссомъ огромнымъ, возвратился въ Тмуторокань и, вѣроятно, съ помощію Грековъ овладѣлъ имъ; казнилъ многихъ виновныхъ Козаромъ, его личныхъ непріятелей, давшихъ совѣтъ Половцамъ умертвить Романа; а Володаря и Давида отпустилъ въ Россію (145).

Всеволодъ любилъ мѣрѣ, и видѣлъ безпрестанное кровопролитіе. Полоцкій Князь осадилъ Смоленскъ; Владиміръ спѣшилъ туда съ Черниговскою конницею; не засталъ Всеслава, но Смоленскъ, зажженный непріятелемъ, еще дымился въ пеплѣ. Мономахъ, въ наказаніе врагу своему, огнемъ и мечемъ опустошилъ его землю, и чрезъ нѣсколько времени взялъ Минскъ, отнялъ всѣхъ рабовъ и скотъ у жителей. Такимъ образомъ сей несчастный городъ вторично пострадалъ за своего Князя. — Мужественный сынъ Всеволодовъ не вынулъ меча изъ рукъ: побѣдилъ Торковъ, обитавшихъ близъ Переяслава; два раза ходилъ усмирять непокойныхъ Вятичей, и вездѣ гналъ неутомимыхъ злодѣевъ Россіи, Половцевъ, на берегахъ Десны, Хороля; плѣнялъ ихъ Вожей, отбивалъ добычу (146). Но сіи успѣхи не могли утвердить государственной безопасности, и Князья Россійскіе междуусобіемъ своимъ усиливали внѣшнихъ непріятелей.

Подвиги
Монома-
ха.

Ростиславичи, воспитанные, кажется, въ домѣ у Ярополка, бѣжали отъ него, и въ отсутствіе дяди, который гостилъ у Всеволода въ недѣлю Пасхи, вооруженною рукою заняли Владиміръ. Всякой знаменитой мятежникъ, обѣщая с. 1084. грабежъ и добычу, могъ собирать тогда шайки усердныхъ помощниковъ: доказательство, сколь правленіе было слабо и своеволие народа необузданно! Всеволодъ, оскорбленный несчастіемъ племянника, велѣлъ Мономаху идти на Ростиславичей: ихъ выгнали, и Ярополкъ возвратился въ свой Удѣлъ съ честію. — Въ то же время Давидъ Игоревичъ, скитаясь въ южной Россіи и вѣдъ предѣловъ ея, завладѣлъ Олешьемъ, Греческимъ городомъ близъ устья Днѣпровскаго, и нагло ограбилъ тамъ многихъ купцевъ: Всеволодъ, призвавъ его къ себѣ, далъ ему Дорогобузь въ Волынѣ (147).

Самъ Ярополкъ, облагодѣтельствованный Всеволодомъ, не устыдился быть врагомъ его: Князь слабый, послушный коварнымъ совѣтникамъ, и скоро наказанный за свою безразсудность. Дядя, свѣдавъ о злыхъ намѣреніяхъ сего неблагодарнаго, предупредилъ ихъ опасное исполненіе; и слухъ, что Мономахъ идетъ съ войскомъ, заставилъ Ярополка бѣжать въ Польшу. Владиміръ нашелъ въ Луцкѣ мать его, супругу, дружину, казну; возвратился съ ними въ Кіевъ, а владѣніе Ярополково отдалъ Давиду Игоревичу. — Но Ярополкъ, не смыскавъ заступниковъ внѣ Россіи, скоро умилостивилъ Всеволода искреннимъ раскаяніемъ, и заключивъ миръ съ его сыномъ, Мономахомъ, въ Волиннѣ, получилъ обратно свое Княженіе (148). Судьба не дала ему времени заслужить великодушіе дяди или снова быть неблагодарнымъ. Онъ чрезъ нѣсколько дней погибъ отъ руки злодѣя, на пути въ *Червенскій* Звенигородъ: сей преступникъ, именемъ Нерядецъ, ѣхалъ за нимъ верхомъ вмѣстѣ съ другими Княжескими Отроками и вонзилъ саблю въ бокъ своему Государю, покойно лежавшему въ колесницѣ. Ярополкъ всталъ, извлекъ изъ себя окровавленное желѣзо, громко сказалъ: „умираю отъ коварнаго врага“, и скончался. Лѣтописецъ не объявляетъ тайной причины злодѣйства, сказывая только, что убійца бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику, старшему изъ Ростиславичей, которымъ Всеволодъ уступилъ сей городъ въ Удѣлъ (149), и которые, принявъ измѣнника, навлекли на себя гнусное подозрѣніе, болѣе несчастное, нежели справедливое. Отроки Ярополковы привезли тѣло убіеннаго въ Кіевъ, чтобы воздать ему честь погребенія тамъ, гдѣ лежали кости его родителя: Всеволодъ, Мономахъ, Ростиславъ (меньшій сынъ Великаго Князя), Духовенство и народъ встрѣтили оное съ искреннимъ изъявленіемъ горести (150). — Лѣтописецъ говоритъ, что Ярополкъ, добродушный подобно отцу своему, давалъ всегда церковную *десятину* въ храмъ Богоматери, исполняя завѣщаніе Владиміра Великаго; завидовалъ святости Борпса и Глѣба, и желалъ также умереть мученикомъ. Давидъ Игоревичъ наслѣдовалъ область Владимірекую.

г. 1085.

г. 1086

Убіеніе
Яро-
полка.
Июль
23.

г. 1088.

Паладе-
че Бол-
гаровъ
на Му-
ромъ.

Между тѣмъ, какъ Всеволодъ занимался возстановленіемъ порядка и тишины въ ближнихъ областяхъ, Камскіе Болгары взяли Муромъ. Не имѣя духа воинскаго, любя торговлю, земледѣліе, и въ случаѣ неурожая питая восточный край Россіи, они хотѣли, вѣроятно, отместить жителямъ Муромской области за какую нибудь обиду или несправедливость: по крайней мѣрѣ сія война не имѣла дальнѣйшаго слѣдствія, и взятый ими городъ не долго былъ въ ихъ власти ⁽¹⁵¹⁾.

г. 1092.

Засуха
и мѣръ.

Великій Князь не могъ утѣшиться всеобщимъ спокойствіемъ. Междоусобіе прекратилось; но бѣдствія иного рода постигли Россію. Отъ безпрестанныхъ, неслыханныхъ жаровъ вездѣ изсохли поля, и лѣса въ болотныхъ мѣстахъ сами собою воспламенялись, къ ужасу сельскихъ жителей; голодъ, болѣзни, моръ свирѣпетовали во многихъ областяхъ, и въ одномъ Кіевѣ умерло отъ 14 Ноября до 1 Февраля 7000 человекъ. Воображеніе несчастныхъ видѣло во всемъ стран- нныя знаменія гнѣва Божескаго: въ самыхъ обыкновенныхъ метеорахъ, въ затмѣніи солнца, въ легкомъ бывшемъ тогда землетрясеніи. Въ симъ случаямъ естественнымъ суевѣріе при-

Семле-
гресо-
віа.

бавило нелѣпыя чудеса: рассказывали, что огромный змѣй упалъ съ неба въ то время, какъ Великій Князь забавлялся ловлею звѣрей; что злые духи въ Полоцкѣ ночью и днемъ скакали на коняхъ, невидимо уязвляя гражданъ, и что мно- жество людей отъ того умерло ⁽¹⁵²⁾. Народъ стоналъ, Госу-

видѣ-
віа.

даръ былъ въ уныніи, Половцы грабили; на обѣихъ сторо- нахъ Днѣпра дымилась села, обращенныя въ пепель сими жестокими варварами, которые взяли даже нѣсколько горо- довъ: Песоченъ на рѣкѣ Супоѣ, Переволоку близъ устья Ворекры, и нигдѣ, кажется, не находили сопротивленія. На- конецъ Василько Ростиславичъ, правнукъ Ярославовъ, угово- рилъ ихъ оставить Россію, и вмѣстѣ съ нимъ воевать Польшу, ослабленную внутренними раздорами ⁽¹⁵³⁾. Сей Князь, по смерти брата своего, Рюрика, наслѣдовалъ часть Перемышльской области: скоро увидимъ его великодушіе и злосчастіе.

Набѣси
Полов-
цевъ.

Всеволодъ, огорчаемый бѣдствіями народными и власто- любіемъ своихъ племянниковъ — которые, желая господство-

вать, не давали ему покоя и безпрестанно требовали Удѣловъ — съ завистию воспоминалъ то счастливое время, когда онъ жилъ въ Переяславѣ, довольный жребіемъ Удѣльнаго Князя и спокойный сердцемъ ⁽¹⁵⁴⁾. Не имѣвъ никогда великодушнѣйшей твердости, сей Князь, обремененный лѣтами и недугами, впалъ въ совершенное разслабленіе духа; удалилъ отъ себя Бояръ опытныхъ, слушалъ только юныхъ любимцевъ, и не хотѣлъ уже слѣдовать древнему обычаю Государей Россійскихъ, которые сами, въ присутствіи Вельможъ, судили народъ свой на дворѣ Княжескомъ. Сильные утѣняли слабыхъ; Намѣтники и Тіуны грабили Россію какъ Половцы: Всеволодъ не внималъ жалобамъ. — Чувствуя приближеніе конца, онъ послалъ за большимъ сыномъ въ Черниговъ, и скончался въ объятіяхъ Владимира и Ростислава, орошенный ихъ искренними слезами: Христіанинъ набожный, челоуѣколюбивый, *трезвый* и цѣломудренный отъ самой юности; однимъ словомъ, достохвальный между частными людьми, но слабый и слѣдственно порочный на степени Государей.

Слабость
Великаго
Князя

г. 1093
Кончина
его.

Великій Ярославъ желалъ, чтобы любимый сынъ его, со временемъ наслѣдовавъ законнымъ образомъ Кіевскую область, былъ и во гробѣ съ нимъ неразлученъ ⁽¹⁵⁵⁾: воля нѣжнаго отца исполнилась, и Всеволода погребли, на другой день кончины его, тамъ же, гдѣ лежали Ярославовы кости — въ Софійскомъ храмѣ — съ обыкновенными торжественными обрядами, и въ присутствіи народа, который погребалъ тогда Государей какъ истинныхъ отцевъ своихъ, съ чувствительностію и слезами, забывая ихъ слабости и помня одни благодѣянія.

Всеволодъ оставилъ супругу втораго брака, мачиху Владимира, и трехъ дочерей, Яну или Анну, Евпраксію и Екатерину; первыя двѣ отказались отъ свѣта и заключились въ монастырь ⁽¹⁵⁶⁾. Мы знаемъ, что Императоръ Генрикъ IV въ 1089 году женился на Россійской Княжнѣ, Агнесѣ или Адельгейдѣ, вдовѣ Маркграфа Штаденскаго, которая послѣ умерла Игуменьей: она могла быть дочерью Всеволода ⁽¹⁵⁷⁾. Въ то же время другая Россіянка, именемъ *Евпраксія*, была за сыномъ Болеслава, отравленнымъ въ цвѣтущей юности; но

Дочь
Всево-
лода
и
Генри-
комъ
IV.

Историки Польскіе называютъ сію Князю родною сестрою Святополка Изяславича.

Митро-
политъ
Іоаннъ.

При Всеволодѣ былъ Митрополитомъ Грекъ Іоаннъ, мужъ знаменитый ученостію и Христіанскими добродѣтелями, ревностный наставникъ Духовенства и другъ несчастныхъ. „Никогда“ (сказано въ лѣтописи) „не бывало у насъ такого „и не будетъ!“ Мы имѣемъ его сочиненіе, названное *Церковнымъ правиломъ*, въ коемъ онъ съ великою ревностію осуждаетъ тогдашнее обыкновеніе Князей Россійскихъ выдавать дочерей за Государей Латинской Вѣры; доказываетъ всякому гостю или купцу, сколь грѣшно торговать крещеными рабами въ землѣ язычниковъ (Половцевъ), даже ѣздить туда, и для выгодъ сребролюбія окверняться ихъ нечистыми яствами; налагаетъ епитимью на тѣхъ, которые сокупаются съ правнучатыми или женятся безъ вѣнчанія, думая, что сей обрядъ изобрѣтенъ единственно для Князей и Бояръ; отлучаетъ отъ церкви Іереевъ, благословляющихъ союзъ мужа съ третьою женою; велитъ имъ и Монахамъ служить для всѣхъ людей примѣромъ трезвости; наконецъ, въ дополненіе къ гражданскимъ законамъ, уставляетъ *духовное покаяніе* для преступниковъ благоправія и цѣломудрія. Сей Митрополитъ, наименованный отъ современниковъ *Пророкомъ Христа* (158), святилъ церковь Феодосіева монастыря Печерекаго, о коей написано столь много чудеснаго въ Патерикѣ Кіевскомъ. Византійскіе художники, украсивъ оную, не захотѣли уже возвратиться въ отечество и кончили жизнь свою въ Печерекѣ Обители: донинѣ показываютъ тамъ гробы ихъ.— Въ 1089 году, когда преставился Митрополитъ Іоаннъ, дочь Всеволодова, Инка, ѣздилъ въ Константинополь и привезла съ собою новаго Митрополита, скопца, имевшемъ также Іоанна, но человекъ весьма обыкновеннаго, слабого здоровьемъ, и столь блѣднаго, что народъ прозвалъ его *мертвецомъ* (159): онъ черезъ годъ умеръ. Третій Митрополитъ Всеволодова княженія былъ Ефремъ, Грекъ, по извѣстію новѣйшихъ Лѣтописцевъ; другіе же называютъ его Монахомъ Печерскимъ. Несторъ сказываетъ только, что Ефремъ, скопецъ подобно

Его со-
чиненіе.

Иоанну, жилъ въ *Переяславль*, гдѣ находилась тогда *Митрополія*, и что онъ, создавъ многіе храмы каменные, первый началъ въ Россіи строить при церквахъ крестильницы (160). Сей Митрополитъ, какъ пишутъ, установилъ торжествовать 9 Маія пренесеніе мощей Св. Николая изъ Ликии въ Италіанскій городъ Баръ (161): праздникъ Западной Церкви, отвергаемый Греками, и доказательство, что мы имѣли тогда дружжелюбное сношеніе съ Римомъ. Несторъ молчитъ, но Лѣтописецъ среднихъ временъ говоритъ о какомъ-то Святителѣ *Симео- нѣ съ Рима* Теодорѣ, пріѣзжавшемъ въ Великому Князю отъ Папы (Урбана II) въ 1091 году (162). Властолюбивые Намѣстники Св. Петра безъ сомнѣнія всячески старались подчинить себѣ Церковь Россійскую.

Г Л А В А VI.

Великій Князь Святополкъ-Михаилъ.

Г. 1093—1112.

Великодушіе Мономаха. Война съ Половцами. Бракъ Святополковъ. Безпокойный Олегъ. Жалкое состояніе южной Россіи. Саранча. Побѣды. Вѣроломство Россіянь. Междоусобіа. Гордость Олегава. Сожженіе монастыря Киевопечерскаго. Храбрость и добродушіе Мстислава. Краснорѣчивое Мономахово письмо. Вѣроломство Давида и Святополка. Ослѣпленіе Василька. Слезы Мономаховы. Рѣчь Митрополита. Прекрасная душа Василькова. Местъ Ростиславичей. Корыстолюбіе Поляковъ. Новое коварство Святополка. Умѣренность Ростиславичей. Пораженіе Венгровъ. Междоусобіа. Новый съѣздъ Князей. Умирненіе Давида. Строптивость Новгородцевъ. Совѣтъ Князей. Счастливая война съ Половцами. Война съ Мордвою и съ Князьями Подолкими. Бѣдствіе Россіянь въ Семигалии. Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами. Походъ знаменитый. Имя Тмуророкапя исчезаетъ въ лѣтописяхъ. Кончина Святополкова. Евреи въ Кіевѣ. Брачные союзы. Митрополиты. Князь Святоша. Св. Антоній Римлянинъ. Путешествіе Даниїла. Россіяне въ Іерусалимѣ. Конецъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Янъ.

1. 1093. Владимиръ могъ бы сѣсть на престолъ родителя своего; но сей чувствительный, миролюбивый Князь уступилъ оный Изяславу сыну, и сказавъ: „отецъ его былъ старѣе и княжилъ въ столицѣ прежде моего отца; не хочу кровопролитія и войны междоусобной“, объявилъ Святополка Государемъ Россійскимъ; самъ отправился въ Черниговъ, а братъ его, Ростиславъ, въ Переяславль.

Великодушіе Мономаха.

Святополкъ, княживъ нѣсколько лѣтъ въ Новѣгородѣ, еще въ 1088 году выѣхалъ оттуда, будучи, какъ вѣроятно, недоволенъ его безпокойными гражданами (которые тогда же призвали къ себѣ юнаго Князя, Мстислава, сына Владимірова) и жилъ въ Туровѣ ⁽¹⁶³⁾: онъ съ радостію прибылъ въ Кіевъ,

Апрѣль 21.

и народъ также съ радостію встрѣтилъ новаго Государя, обѣщая себѣ миръ и тишину подъ его властію. Сія надежда не исполнилась, и начало Святополкова княженія ознаменовалось великими несчастіями.

Половцы, узнавъ о кончинѣ Всеволода, изъявили желаніе остаться друзьями Россіи. Легкомысленный Святополкъ не посоветовался съ Боярами отца своего и дяди: велѣлъ заключить Пословъ въ темницу; но свѣдавъ, что мстительные варвары вездѣ жгутъ и грабятъ въ его области, вздумалъ самъ просить ихъ о мирѣ. Половцы уже не хотѣли слушать сихъ предложеній, и Великій Князь, собравъ только 800 воиновъ, спѣшили выступить въ поле. Едва благоразумные Бояре могли удержать его, представляя ему, что, вопреки надменному самохвалству молодыхъ людей, нужны не *сотни*, а *тысячи* для отраженія враговъ; что область Кіевская, изнуренная войнами, истощенная данями, опустѣла, и что надобно требовать помощи отъ мужественнаго Владиміра. Князь Черниговскій немедленно вооружился, и призвалъ брата своего, Ростислава. Но Князья, соединивъ дружины, не могли согласиться въ мысляхъ; стояли подъ Кіевомъ и ссорились между собою. Наконецъ Бояре сказали имъ: „ваша распря губитъ народъ; смирите враговъ и тогда уже думайте о свеихъ несогласіяхъ ⁽¹⁶⁴⁾“. Святополкъ и Владиміръ, принявъ благій совѣтъ, обнялися братски, и въ знакъ нескрѣпленной взаимной любви цѣловали святой крестъ, по тогдашнему обыкновенію.

Непріятели осаждали Торческъ, городъ населенный Торками, которые, оставивъ жизнь кочевую, поддалися Россіянамъ ⁽¹⁶⁵⁾: Князья хотѣли освободить его, — Святополкъ битвою, Мономахъ миромъ. Остановясь близъ Триполя, они призвали Бояръ на совѣтъ. Янгъ, Всевода Кіевскій, другъ блаженнаго Θεодосія, и многіе другіе были одного мнѣнія съ Княземъ Черниговскимъ. „Половцы (говорили они) видятъ блескъ мечей нашихъ, и не отвергнутъ мира“. Но Кіевляне, желая побѣды, склонили большинствію голосовъ на свою сторону, и войско Россійское перешло за Стугну. Святополкъ велъ правое крыло, Владиміръ лѣвое: Ростиславъ находился въ сре-

Война
съ По-
ловца-
ми.

динѣ. Они поставили знамена между земляными укрѣпленіями Трипольскими (¹⁶⁶), и ждали непріятеля, который, выславъ напередъ стрѣлковъ, вдругъ устремился всеми силами на Святополка. Кіевляне не могли выдержать сего удара, и замѣшались. Великій Князь оказалъ примѣрную неустранимость; бился долго, упорно, и послѣдній оставилъ мѣсто сраженія. Средина и лѣвое крыло, не умѣвъ искуснымъ, быстрымъ движеніемъ спасти правого, еще нѣсколько времени стояли, но также уступили превосходству непріятеля. Земля дымилась кровію. Россіяне, спасаясь отъ меча побѣдителей, толпами гибли въ рѣкѣ Стугнѣ, которая отъ дождей наполнилась водою. Мономахъ, видя утопающаго брата, забылъ собственную опасность и бросился во глубину: усердная дружина извлекла его изъ волнъ — и сей Князь, оплакивая Ростислава, многихъ Бояръ своихъ, отечество, съ горестію возвратился въ Черниговъ, а Святополкъ въ Кіевъ. Несчастная мать Ростиславова ожидала сына: ей принесли тѣло сего юноши, коего безвременная смерть была предметомъ всеобщаго сожалѣнія.

Половцы снова осадили Торческъ. Граждане оборонялись мужественно; но изнуренные голодомъ и жаждою, напрасно требовали съѣстныхъ припасовъ отъ Святополка: бдительный непріятель со всехъ сторонъ окружилъ городъ, который держался болѣе двухъ мѣсяцевъ. Половцы, оставивъ часть войска для осады, приближился къ столицѣ. Святополкъ хотѣлъ еще сразиться, и вторично разбитый подъ Кіевомъ (¹⁶⁷), ушелъ только съ двумя воинами. Торческъ сдался: стѣны и зданія его обратились въ пепель, а граждане были отведены въ неволю.

Не имѣвъ счастья воинскаго, Святополкъ надѣялся инымъ способомъ обезоружить Половцевъ, и женился на дочери пхъ Князя, Тугоркана. Но сей родственный союзъ, который могъ быть оправданъ одною государственною пользою, не защитилъ Россіи отъ варваровъ: Князь Тмутороканскій, Олегъ Святославичъ, въ *третій разъ* пришелъ съ ними разорять отечество, осадилъ Мономаха въ Черниговъ, и требовалъ сей области какъ законнаго наслѣдія: ибо она принадлежала нѣ-

г. 1094.
Бракъ
Свято-
и о Л-
вовъ.

Безпо-
койный
Олегъ.

когда его родителю. Владиміръ, любимый своею дружиною и народомъ, нѣсколько дней оборонялся; но жалѣя крови, великодушно сказалъ: *да не радуются враги отечества!* и добровольно уступилъ Княженію Олегу: вторая жертва, принесенная имъ общей пользѣ (168)! Онъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Переяславль съ женою и дѣтьми, подѣ щитами малочисленной, вѣрной дружины, готовой отражать толпы хищныхъ Половцевъ, которые, не смотря на миръ, еще долгое время свирѣпствовали въ Черниговской области: жестокій Олегъ, довольный ихъ помощію, равнодушно смотрѣлъ на сіи злодѣйства.—Вся южная Россія представляла тогда картину самыхъ ужаснѣйшихъ бѣдъ. „Города опустѣли“, пишетъ Несторъ: „въ селахъ пылаютъ церкви, дома, житницы и гумны. Жители издыхаютъ подѣ остриемъ меча, или трепещутъ, ожидая смерти. Плѣнники, заключенные въ узы, пдутъ наги и босы въ отдаленную страну варваровъ, сказывая другъ другу со слезами: *я изъ такого-то города Русскаго, я изъ такой-то веси!* Не видимъ на лугахъ своихъ ни стадъ, ни коней; нивы заросли травою, и дикіе звѣри обитаютъ тамъ, гдѣ прежде жили Христіане (169)!“ Къ умноженію несчастій, Россія узнала въ сіе время новый бичъ естественный: саранча, дотолѣ неизвѣстная нашимъ предкамъ, покрывъ землю, совершенно потребила жатву: тучи сихъ пагубныхъ насѣкомыхъ летѣли отъ Юга къ Сѣверу, оставляя за собою отчаяніе и голодъ для бѣдныхъ поселянъ.

Налетѣе
состои-
ше вѣ-
и о л
Россіи.

Августа
26. Са-
ранча.

Наконецъ Великій Князь и Владиміръ ободрили побѣдамъ увывшій духъ своего народа. Онѣ, къ сожалѣнію, начались вѣроломствомъ. Долговременныя несчастія государственныя остервеняютъ сердца и вредятъ самой нравственности людей. Вожди Половецкіе, Итларь и Китанъ, заключивъ миръ съ Мономахомъ, взяли въ *тали*, или въ аманаты, сына его, Святослава. Китанъ безопасно жилъ въ станѣ близъ городского вала: Итларь гостилъ въ Переяславлѣ у Вельможи Ратлора. Тогда недостойные совѣтники предложили Князю воспользоваться оплошностію ненавистныхъ враговъ, нарушить священный миръ и не менѣе священные законы гостепріимства—

г. 1095.
Побѣ-
ды.

Въро-
лом-
ство
Росси-
яны.

24 Фе-
връя.

однимъ словомъ, злодѣйки умертвить всѣхъ Половцевъ. Владиміръ колебался; но дружина успокоила его робкую совѣсть, доказывая, что сіи варвары тысячу разъ сами преступали клятву... Въ глубокую ночь Россіяне, вмѣстѣ съ Торками, имъ подвластными, вышли изъ города, зарѣзали соннаго Кнѣзятана, его воиновъ, и съ торжествомъ привели ко Владиміру освобожденнаго Святослава (170). Итларь, не зная ничего, спокойно готовился по утру завтракать у своихъ ласковыхъ хозяевъ, когда сынъ Ратиборовъ, Олбегъ, пустилъ ему въ грудь стрѣлу, сквозъ отверстіе, нарочно для того сдѣланное вверху горницы; и несчастный Итларь, со многими знаменитыми товарищами, былъ жертвою гнуснаго заговора, который лучшему изъ тогдашнихъ Князей Россійскихъ казался дозволенною хитростію!

Ожидая справедливой мести за такое злодѣяніе, Владиміръ и Святополкъ хотѣли предупредить оную. Въ *первый* разъ дерзнули Россіяне искать Половцевъ въ ихъ собственной землѣ; взяли множество скота, вельблюдовъ, коней, плѣнниковъ, и возвратились благополучно. — Но въ то же самое лѣто Юрьевъ, городъ на берегу Роси, былъ сожженъ Половцами (171): жители его ушли съ Епископомъ въ столицу, и Великій Князь населилъ ими, близъ Кіева, особенный новый городокъ, давъ ему имя *Святополча*.

Междо-
усобиц.

Олегъ Черниговскій, вопреки данному слову, не ходилъ съ Великимъ Княземъ на Половцевъ. Святополкъ и Владиміръ требовали отъ него, чтобы онъ хотя выдалъ имъ или самъ велѣлъ умертвить знатнаго Половецкаго юношу, сына Итларева, бывшаго у него въ рукахъ; но Князь Черниговскій отвергнулъ и сіе предложеніе, какъ злодѣйство бесполезное. Съ обѣихъ сторонъ неудовольствіе возрастало. Святополкъ и Владиміръ, дѣйствуя во всемъ согласно, вооруженною рукою отняли у Давида Святославича, брата Олегова, Смоленскъ, отданный ему, какъ вѣроятно, еще Всеволодомъ, и послали его княжить въ Новгородъ, откуда Мономахъ перевелъ сына своего, Мстислава, въ Ростовъ (172); но своевольные Новгородцы чрезъ два года объявили Давиду, что онъ имъ не

надобень, и вторично призвали къ себѣ, на его мѣсто, Мстислава. Лишенный Удѣла, Давидъ прибѣгнулъ, можетъ быть, къ Олеговой защитѣ: по крайней мѣрѣ ему возвратили область Смоленскую. Юный сынъ Мономаховъ, Изяславъ, Правитель Курека, подалъ новый ко враждѣ случай, печаянно завладѣвъ Муромомъ, городомъ Черниговскаго Князя, и взявъ въ плѣнъ Олегава Намѣстника.

Въ сихъ обстоятельствахъ Святополкъ и Владиміръ прислали звать Олега въ Кіевъ, на *свѣздъ Княжескій*. „Тамъ, въ старѣйшемъ градѣ Русскомъ“ — говорили они — „утвердимъ безопасность Государства въ общемъ совѣтѣ съ знаменитѣйшимъ Духовенствомъ, съ Боярами отцевъ нашихъ и гражданами“. Олегъ, не вѣря ихъ доброму намѣренію, съ гордостію имъ отвѣтствовалъ: „я Князь. и не хочу совѣтоваться ни съ Г о р -
д о с т ь
О л о г о в а. Мопахами, ни съ чернію“. *Когда такъ*, сказали Святополкъ и Владиміръ: *когда не хочешь воевать съ непріятелями земли Русской, ни совѣтоваться съ братьями, то признаемъ тебя самого зрагомъ отчества, и Богъ да судитъ между нами!* Взявъ Черниговъ, они приступили къ Стародубу, гдѣ находился Олегъ, и болѣе мѣсяца проливали невинную кровь въ жестокихъ битвахъ (173). Наконецъ Черниговскій Князь, смиренный голодомъ, долженъ былъ покориться, и клятвенно обѣщавъ пріѣхать на совѣтъ въ Кіевъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Давидомъ.

Святополкъ нетерпѣливо хотѣлъ прекратить сію междо- Май 24.
усобную войну, ибо Половцы тогда опустошали Россію; одна толпа ихъ сожгла въ Берестовѣ домъ Княжескій, другая мѣстечко Устье, близъ Переяслава, и тесть Святопольковъ, Тугорканъ, осадилъ сію Мономахову столицу. Великій Князь и Владиміръ умѣли скрыть свои движенія отъ непріятеля, перешли Днѣпръ, явились внезапно подъ стѣнами осажденнаго города (174). 30 Май.
Обрадованные жители встрѣтили ихъ, и Россіяне бросились въ Трубежъ, ревностно желая битвы съ Половцами, которые стояли на другой сторонѣ сей рѣки. Напрасно осторожный Владиміръ хотѣлъ построить возновъ: не внимая начальникамъ, они устремились на варваровъ, и своимъ мужествомъ рѣшили по- Іюня 19.

бѣду. Самъ Тугорканъ, сынъ его, знаменитѣйшіе Половцы легли на мѣстѣ. Святополкъ взялъ тѣло перваго и съ честію предаль оное землѣ недалеко отъ своего Берестовекаго дворца. — Въ
 20-го Іюля самое время, когда Россіяне торжествовали свою побѣду, другой Князь Половецкій, Бонякъ, едва не овладѣлъ Кіевомъ; выжогъ предмѣстіе, *красный дворъ* Всеволодовъ на Выдобицахъ, монастыри; ворвался ночью въ Обитель Печерскую, умертвилъ нѣсколько безоружныхъ Монаховъ, пробужденныхъ шумомъ и воплемъ свирѣпаго неприятели; ограбилъ церковь, кельи, и съ добычею удалился, оставивъ деревянныя зданія въ пламени.

Сожженіе монастыря Кіева въ Печерскаго.

Святополкъ, возвратясь въ Кіевъ, напрасно ждалъ Олега, который, не бывъ принятъ Смоленскими жителями, пошелъ къ Мурому (175). Изяславъ, сынъ Мономаховъ, призвалъ къ себѣ войско изъ Ростова, Суздаля, Вѣлаозера, и готовился отразить сего неприятели. „Иди княжить въ свою Ростовскую область“, велѣлъ сказать ему Олегъ: „отецъ твой отнял у меня Черниговъ: не ужели и въ Муромѣ, наслѣдственномъ моемъ достояніи, вы лишите меня хлѣба? Я не хочу войны, и желаю примириться съ Владиміромъ“. Олегъ имѣлъ съ собою многочисленную дружину, набранную имъ въ Рязани, которая зависѣла тогда отъ Черниговскихъ Князей; но получивъ гордый отказъ, смѣло обнажилъ мечъ. Юный Изяславъ палъ въ сраженіи, и войско его разсѣялось. Побѣдитель взялъ Муромъ (гдѣ была супруга Изяславова), Суздаль, Ростовъ, и слѣдуя тогдашнему варварскому обыкновенію, плѣнилъ множество безоружныхъ гражданъ.

в Сеп-
табр.

Мстиславъ Владиміровичъ, Князь Новгородскій, крестникъ Олеговъ, свѣдавъ о несчастной судьбѣ Изяславова, велѣлъ привезти къ себѣ тѣло его, и съ горестію погребъ оное въ Софійской церкви. Сей великодушный Князь, любя справедливость, не винилъ Олега въ завоеваніи Муромъ, но требовалъ, чтобы онъ вышелъ изъ Ростова и Суздаля; не упрекалъ его даже и смертію Изяслава, говоря ему чрезъ Пословъ: „ты убилъ моего брата; но въ ратяхъ гибнуть Цари и Герои. Будь доволенъ своимъ наслѣдственнымъ городомъ: въ такомъ случаѣ умолю отца моего примириться съ тобою“. Олегъ не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній, думая скоро взять самый

Новгородъ. Тогда Мстиславъ, любимый народомъ, вооружился ⁽¹⁷⁶⁾. Храбрость и добродушие Мстислава.

Начальникъ отряда Новгородскаго, Добрыня Ругуйловичъ, захватилъ людей Олеговыхъ, посланныхъ для собранія дани, и сбиль его передовое войско на рѣкѣ Медвѣдицѣ (въ Тверской Губерніи). Олегъ не могъ удержать ни Ростова, ни Суздаля; выжегъ сей послѣдній городъ, оставивъ въ немъ только одинъ монастырь съ церквами, и засѣлъ въ Муромѣ. Добродушный Мстиславъ, уважая крестнаго отца, снова предложилъ ему миръ, желая только, чтобы онъ возвратилъ плѣнныхъ, и въ то же время убѣдительно просилъ родителя своего забыть вражду Олегову. Мономахъ отправилъ въ Суздаль меньшаго сына, Вячеслава, съ коннымъ отрядомъ союзныхъ Половцевъ, написалъ къ Олегу краснорѣчивое письмо такого содержанія ⁽¹⁷⁷⁾: „Долго печальное сердце мое боролось съ закономъ Христіанна, обязаннаго прощать и миловать: Богъ велитъ братьямъ любить другъ друга; но самые умные дѣды, самые добрые и блаженные отцы наши, обольщаемые врагомъ Христовымъ, возставали на кровныхъ... Пишу къ тебѣ, убѣжденный твоимъ крестнымъ сыномъ, который молитъ меня оставить злобу для блага земли Русской, и предать смерть его брата на судъ Вожій. Сей юноша устыдилъ отца своимъ великодушіемъ! Дорзнемъ ли, въ самомъ дѣлѣ, отвергнуть примѣръ Божественной кротости, данный намъ Спасителемъ, мы, тлѣнныя созданія? Нынѣ въ чести и въ славѣ, завтра въ могилѣ, и другіе раздѣлять наше богатство! Вспомнимъ, братъ мой, отцевъ своихъ: что они взяли съ собою, кромѣ добродѣтели? Убивъ моего сына и твоего собственнаго крестника, видя кровь сего агнца, видя сей юный, увядшій цвѣтъ, ты не пожалѣлъ объ немъ; не пожалѣлъ о слезахъ отца и матери; не хотѣлъ написать ко мнѣ письма утѣшительнаго; не хотѣлъ прислать бѣдной, невинной снохи, чтобы я вмѣстѣ съ нею оплакалъ ея мужа, не выдавъ ихъ радостнаго брака, не слыхавъ ихъ веселыхъ свадебныхъ пѣней... Ради Бога отпусти несчастную, да сътуецъ какъ горлица въ домъ мсемъ; а меня утѣшить отецъ Небесный. — Не укоряю тебя безвременною кончиною любезнаго мнѣ сына: и знаменитѣйшіе люди находятъ смерть въ битвахъ; онъ некаль

Письмо Мономахово.

„чужаго и ввелъ меня въ стыдъ и въ печаль, обманутый
 „слугами корыстолюбивыми. Но лучше, если бы ты, взявъ
 „Муромъ, не бралъ Ростова, и тогда же примирился со мною.
 „Разсуди самъ, мнѣ ли надлежало говорить первому или тебѣ?
 „Если имѣешь совѣсть, если захочешь успокоить мое сердце,
 „и съ Посломъ или Священникомъ напишешь ко мнѣ гра-
 „моту безъ всякаго лукавства,—то в змешь дѣбрымъ порядкомъ
 „область свою, обратишь къ себѣ наше сердце, и будемъ жить
 „еще дружелюбнѣе прежняго. Я не врагъ тебѣ, и не хотѣлъ
 „крови твоей у Стародуба“ (гдѣ Святополкъ и Мономахъ
 „осаждали сего Князя): „но дай Богъ, чтобы и братья не желали
 „пролитія моей. Мы выгнали тебя изъ Чернигова единственно
 „за дружбу твою съ немѣрными; и въ томъ каюсь, послушавъ
 „брата (Святополка). Ты господствуешь теперь въ Муромѣ,
 „а сыновья мои въ области своего дѣда. Захочешь ли умерт-
 „вить ихъ? Твоя воля. Богу извѣстно, что я желаю добра
 „отечеству и братьямъ. Да лишится навѣки мира душевнаго,
 „кто не желаетъ изъ васъ мира Христіанамъ!—Не боязнь и
 „не крайность заставляютъ меня говорить тѣмъ образомъ,
 „но совѣсть и душа, которая мнѣ всего на свѣтѣ драгоцѣннѣе“.

Виро-
 ломство
 Олега.

Олегъ согласился заключить миръ, чтобы обмануть пле-
 мянника; и когда Мстиславъ, распустивъ воиновъ по селамъ,
 безопасно сидѣлъ за обѣдомъ съ Воярами своими, гонцы при-
 несли ему вѣсть, что коварный его дядя стоитъ уже на Клязьмѣ
 съ войскомъ (178). Олегъ думалъ, что Мстиславъ, изумленный
 его внезапнымъ нападеніемъ, уйдетъ изъ Суздаля; но сей юный
 Князь, въ одни сутки собравъ дружину Новгородецкую, Ро-
 стовскую, Бѣлозерскую, приготовился къ битвѣ за городскимъ
 валомъ. Олегъ четыре дни стоялъ неподвижно, и Вячеславъ,
 другой сынъ Мономаховъ, успѣлъ соединиться съ братомъ. Тогда
 началось сраженіе. Олегъ ужаснулся, видя славное знамя Вла-
 димірово въ рукахъ вождя Половецкаго, заходившаго къ нему
 въ тылъ съ отрядомъ Мстиславовой пѣхоты, и скоро обра-
 тился въ бѣгство; поручилъ меньшему своему брату, Ярославу,
 Муромъ, а самъ удалился въ Рязань. Мстиславъ, умѣренный
 въ счастьи, не хотѣлъ завладѣть ни тѣмъ, ни другимъ го-

Г. 1097,
 Марта
 1

родомъ, освободивъ единственно Ростовскихъ и Суздальскихъ плѣнниковъ, тамъ заключенныхъ. Бѣгая отъ него, Олегъ скитался въ отчаяніи, и не зналъ, гдѣ приклонить голову; но племянникъ велѣлъ ему сказать, чтобы онъ былъ спокоенъ. „Святополкъ и Владиміръ не лишатъ тебя земли Русской“, говорилъ сей чувствительный юноша: „я буду твоимъ вѣрнымъ ходатаемъ. Остайся и властвуй въ своемъ Княженіи: только смирися“. Мстиславъ сдержалъ слово: вышелъ изъ Муромской области, возвратился въ Новгородъ и примирилъ Олега съ Великимъ Княземъ и своимъ отцемъ.

Велико
души
Мстислава.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Россія въ первый разъ увидѣла торжественное собраніе Князей своихъ, на берегу Днѣпра, въ городѣ Любечѣ. Сидя на одномъ коврѣ ⁽¹⁷⁹⁾, они благо-разумно разсуждали, что отечество гибнетъ отъ ихъ несогласія; что имъ должно наконецъ прекратить междоусобіе, вспомнить древнюю славу предковъ, соединиться душою и сердцемъ, унять вѣшнихъ разбойниковъ, Половцевъ — успокоить Государство, заслужить любовь народную. Нѣтъ сомнѣнія, что Мономахъ, другъ отечества и благоразумнѣйшій изъ Князей Россійскихъ, былъ виновникомъ и душою сего достопамятнаго собранія. Въ примѣръ умѣренности и безкорыстія онъ уступилъ Святославичамъ все, что принадлежало нѣкогда ихъ родителю, и Князья съ общаго согласія утвердили за Святополкомъ область Кіевскую, за Мономахомъ частный Удѣлъ отца его: Переяславль, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро; за Олегомъ, Давидомъ и Ярославомъ Святославичами Черниговъ, Рязань, Муромъ; за Давидомъ Игоревичемъ Владиміръ Волынской; за Володаремъ и Василькомъ Росгиславичами Перемышль и Теробовль, отданные имъ еще Всеволодомъ. Каждый былъ доволенъ; каждый цѣловалъ святой крестъ, говоря: *да будетъ земля Русская общимъ для насъ отечествомъ; а кто возстанетъ на брата, на того мы все возстанемъ*. Добрый народъ благословлялъ согласіе своихъ Князей: Князья обнимали другъ друга какъ истинные братья.

Съездъ
Князей

Сей торжественный союзъ былъ въ одно время заключенъ и нарушенъ самымъ гнуснѣйшимъ злодѣйствомъ, коего воспо-

Злодѣ-
ство
Давида
и Свя-
топол-
ка.

Ноябра

минаніе должно быть оскорбительно для самаго отдаленнѣйшаго потомства. Лѣтописецъ извиняетъ главнаго злодѣя, сказывая, что клеветники обманули его; но такъ обманываются одни изверги. Сей недостойный внукъ Ярославъ, Давидъ Игоревичъ, пріѣхавъ изъ Любеча въ Кіевъ, объявилъ Святополку, что Мономахъ и Василько Ростиславичъ суть ихъ тайные враги; что первый думаетъ завладѣть престоломъ Великокняжескимъ, а второй городомъ Владиміромъ; что убіенный братъ ихъ, Ярополкъ Изяславичъ, погибъ отъ руки Василькова наемника, который ушелъ къ Ростиславичамъ ⁽¹⁸⁰⁾; что благоразуміе требуетъ осторожности, а месть жертвы. Великій Князь содрогнулся и заплакалъ, вспомнивъ несчастную судьбу любимаго брата. „Но справедливо ли сіе ужасное обвиненіе?“ сказалъ онъ: „да накажетъ тебя Богъ, если обманываешь меня отъ за-“
 „висти и злобы“. Давидъ клялся, что ни ему въ Владиміръ, ни Святополку въ Кіевъ не господствовать мирно, пока живъ Василько; и сынъ Изяславъ согласился быть вѣроломнымъ подобно отцу своему. Не зная ничего, спокойный въ совѣти, Василько ѣхалъ тогда мимо Кіева, зашелъ помолиться въ монастырь Св. Михаила, ужиналъ въ сей Обители и ночевалъ въ станѣ за городомъ. Святополкъ и Давидъ прислали звать его, убѣждали остаться въ Кіевѣ до именинъ Великаго Князя, то есть, до Михайлова дня; но Василько, готовясь воевать съ Поляками, спѣшилъ домой и не хотѣлъ исполнить Святополкова желанія. „Видишь ли?“ сказала Давидъ Великому Князю: „онъ презираетъ тебя въ самой области твоей: чтожь будетъ, когда пріѣдетъ въ свою? займетъ безъ сомнѣнія Туровъ, Пинскъ и другія мѣста, тебѣ принадлежащія ⁽¹⁸¹⁾. Вели схватить его и отдать мнѣ, или ты вспомнишь совѣтъ мой, но поздно“. Святополкъ вторично послалъ сказать Васильку, чтобы онъ заѣхалъ къ нему хотя на минуту, обнять своихъ дядей и побесѣдовать съ ними. Несчастный Князь далъ слово; сѣлъ на коня, и вѣзжалъ уже въ городъ: тутъ встрѣтился ему одинъ изъ его усердныхъ Отроковъ, и съ ужасомъ объявилъ о гнусномъ заговорѣ. Василько не вѣрилъ. „Мы дѣловали крестъ—“
 „сказалъ онъ—и клялся умереть друзьями; не хочу подозрѣ-

„нѣмъ оскорбить моихъ родственниковъ“ — перекрестился, и съ малочисленною дружиною въѣхалъ въ Кіевъ. Ласковый Святополкъ принялъ гостя на дворѣ Княжескомъ, ввелъ въ горницу, и самъ вышелъ, сказывая, что велитъ готовить завтракъ для любезнаго племянника. Василько остался съ Давидомъ: началъ говорить съ нимъ; но сей злодѣй, еще новый въ ремеслѣ своемъ, блѣднѣлъ, не могъ отвѣчать ни слова и спѣшилъ удалиться ⁽¹⁸²⁾. По данному знаку входятъ воины, заключаютъ Василька въ тяжкіе оковы. Мѣра злодѣйства еще не совершилась, и Святополкъ боялся народнаго негодованія: въ слѣдующій день созвавъ Бояръ и гражданъ Кіевскихъ, онъ торжественно объявилъ имъ слышанное отъ Давида. Народъ отвѣтствовалъ: „Государь! безопасность твоя для насъ священна: казни Василька, если онъ дѣйствительно врагъ твой; когда же Давидъ оклеветалъ его, то Богъ отмститъ ему за кровь невиннаго“. Знаменитыя духовныя особы смѣло говорили Великому Князю о челоуѣколюбіи и гнусности вѣроломства. Онъ колебался; но снова утраченный коварными словами Давида, отдалъ ему жертву въ руки. Василька ночью привезли въ Бѣлгородъ и заперли въ тѣной горницѣ; въ глазахъ его острили ножъ, разстлали коверъ; взяли несчастнаго и хотѣли положить на землю. Угадавъ намѣреніе сихъ достойныхъ слугъ Давида и Святополка, онъ затрепеталъ, и хотя былъ окованъ, но долгое время оборонялся съ такимъ усиленіемъ, что имъ надлежало кликнуть помощниковъ. Его связали; раздавили ему грудь доскою, и вырвали обѣ зѣницы... Василько лежалъ на коврѣ безъ чувства. Злодѣи отправились съ нимъ въ Владиміръ, пріѣхали въ городъ Здвиженскъ обѣдать и велѣли хозяйкѣ вымыть окровавленную рубашку Князя. Жалостный вопль сей чувствительной женщины привелъ его въ память. Онъ спросилъ: „гдѣ я?“ выпилъ свѣжей воды, оцупалъ свою рубашку, и сказалъ: „начто вы сняли съ меня окровавленную? я хотѣлъ стать въ ней предъ Судією Всевышнимъ“... Давидъ ожидалъ Василька въ столицѣ своей, Владимірѣ, и заключилъ въ темницу, приставивъ къ нему двухъ Отроковъ и 30 воиновъ для стражи.

Осваби-
леніе
Василь-
ка.

Слезы
Мономаховы.

Мономахъ, узнавъ о семъ злодѣйствѣ, пришелъ въ ужасъ и залился слезами. „Никогда еще—сказалъ онъ—не бывало подобнаго въ землѣ Русской!“ и немедленно увѣдомилъ о томъ Святославичей, Олега и Давида. „Прекратимъ зло въ началѣ“, писалъ къ нимъ сей добрый Князь: „накажемъ изверга, который посрамилъ отечество и далъ ножъ брату на брата; или кровь еще болѣе польется, и мы все обратимся въ убійць; земля Русская погибнетъ: варвары овладѣютъ ею“. Олегъ и Давидъ, подвигнутые такимъ же великодушнымъ негодованіемъ, соединились съ Мономахомъ, приблизились къ Кіеву и грозно требовали отвѣта отъ Святополка. Послы ихъ говорили именемъ Князей: „Ежели Василько преступникъ, то для чего же не хотѣлъ ты судиться съ нимъ предъ нами? и въ чемъ состоитъ вина его?“ Великій Князь оправдывался своимъ легковѣріемъ, и тѣмъ, что не онъ, а Давидъ ослѣпилъ ихъ племянника. „Но въ твоемъ городѣ“, сказали Послы и вышли изъ дворца. На другой день Владиміръ и Святославичи уже готовились итти за Днѣпръ (183), чтобы осадить Кіевъ. Малодушный Святополкъ думалъ бѣжать; но граждане не пустили его, и зная доброе сердце Мономаха, отправили къ нему Посольство. Митрополитъ и вдовствующая супруга Всеволодова явились въ станъ соединенныхъ Князей: первый говорилъ именемъ народа, вторая плакала и молила: „Князя великодушные!“ сказалъ Митрополитъ Владиміру и Святославичамъ: „не терзайте отечества междуособіемъ, не веселите враговъ его. Съ какимъ трудомъ отцы и дѣды ваши утверждали величіе и безопасность Государства! Они приобрѣтали чуждыя земли; а вы что дѣлаете? губите собственную“. Владиміръ пролилъ слезы: онъ уважалъ память своего родителя, вдовствующую Княгиню его и Пастыря Церкви; а всего болѣе любилъ Россію. „Такъ!“ отвѣтствовала Мономахъ съ горестію: „мы недостойны своихъ великихъ предковъ и заслуживаемъ сію укоризну“. Князья согласились на миръ, и Владиміръ простилъ Святополку собственную обиду: ибо сей неблагодарный, обязанный ему престоломъ, не устыдился повѣрить клеветѣ и считать его своимъ тайнымъ злодѣемъ. Великій Князь, сло-

Г дѣ въ
Митро-
политѣ.

живѣ всю вину на Давида, далъ слово наказать его какъ общаго недруга.

Давидъ свѣдалъ о томъ и хотѣлъ отвратить бурю. Здѣсь одинъ изъ дополнителѣй Несторовой лѣтописи, именемъ Василь—
 лій—вѣроятно, Инокъ или Священникъ—представляетъ самъ
 важное дѣйствующее лице, и рассказываетъ слѣдующія обстоя-
 тельства: „Я былъ тогда въ Владимірѣ. Князь Давидъ ночью
 „прислалъ за мною. Окруженный своими Боярами, онъ
 „велѣлъ мнѣ сѣсть и сказалъ: *Василько говоритъ, что я*
 „*могу примириться съ Владиміромъ. Иди къ заключен-*
 „*ному* (184): *сговѣлуй ему, чтобы онъ отправилъ Посла*
 „*къ Мономаху и склонилъ сего Князя оставить меня*
 „*въ покоѣ. Въ знакъ благодарности дамъ Васильку любой*
 „*изъ городовъ Червенскихъ: Всеволожь, Шеполь или Пере-*
 „*мель.* Я исполнилъ Давидову волю. Насчастный Василько
 „слушалъ меня со вниманіемъ, и съ кротостію отвѣтствовалъ:
 „*Я не говорилъ ни слова; но сдѣлаю удобное Давиду, и* И пре-
 „*не хочу, чтобы для меня проливали кровь Россіяны.* краснал
 „*Только удивляюсь, что Давидъ въ знакъ милости даетъ* душ а
 „*мнѣ собственный мой городъ Шеполь: я и въ темницѣ* Василь-
 „*Князь Тереховля. Скажи, что желаю видѣть и послать* кова.
 „*къ Владиміру Боярина моего, Кулмея.* Давидъ не хотѣлъ
 „того, отвѣтствуя, что сего человѣка нѣтъ въ Владимірѣ. Я
 „вторично пришелъ къ Васильку, который выслалъ слугу,
 „сѣлъ со мною и говорилъ такъ: *Слышу, что Давидъ мы-*
 „*слитъ отдать меня въ руки Ляхамъ; онъ еще не сътъ*
 „*моею кровію: ему надобна осталъная. Я мстилъ Ля-*
 „*хамъ за отечество и сдѣлалъ имъ много зла* (185): *пусть*
 „*воля Давидова совершится! Не боюсь смерти. Но любя*
 „*истину, открою тебѣ всю мою душу. Богъ наказалъ*
 „*меня за гордость. Зная, что идутъ ко мнѣ союзные*
 „*Торки, Берендѣи, Половцы и Печенѣги, я думалъ въ*
 „*своей надменности: Теперь скажу брату Володарю и Да-*
 „*виду: дайте мнѣ только свою младшую дружину; а сами*
 „*пейте и веселитесь. Зимомъ выступлю, лѣтомъ завоюю Польшу.*
 „*Земля у насъ не богата жителями: пойду на Дунайскихъ*

„Болгаровъ, и плѣнниками населю ея пустыни. А тамъ буду проситься у Святополка и Владиміра на общихъ враговъ отечества, на злодѣевъ Половцевъ; достигну славы или положу голову за Русскую землю. *Въ душѣ моей не было иной мысли. Клянуса Богомъ, что я не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго зла ни Святополку, ни Давиду, ни другимъ братьямъ любезнымъ*“. Сей несчастный Князь, въ стѣнахъ темницы открывая душу свою какому нибудь смиренному Иноку, не думалъ, что самое отдаленное потомство услышитъ его слова, достойныя Героя!

Еще болѣе мѣсяца Василько томился въ заключеніи: Владиміръ — озабоченный, какъ вѣроятно, набѣгами Половцевъ — не могъ освободить его (186). Давидъ ободрился и хотѣлъ увеличить область свою завоеваніемъ Теробовля; но уstraшенный мужествомъ Володаря Ростиславича, не дерзнулъ обнажить меча въ полѣ и бѣжалъ въ городъ Бужскъ. Володаръ, осадивъ его, требовалъ единственно брата, и гнусный Давидъ, принужденный отпустить Василька, увѣрялъ, что одинъ Святополкъ былъ виною злодѣянія. „Не въ моей области“ — говорилъ онъ — „пострадалъ братъ твой; я долженъ былъ на все согласиться, чтобы не имѣть такой же участи“. Володаръ заключилъ миръ; но какъ скоро освободилъ Василька, то снова объявилъ войну Давиду. Ослѣпленные злобою мести, Ростиславичи обратили въ пепель городъ Всеволожъ, безчеловѣчно умертвили жителей, и приступивъ ко Владиміру, велѣли сказать гражданамъ, чтобы они выдали имъ трехъ совѣтниковъ Давидовыхъ, научившихъ его погубить Василька. Граждане созвали Вѣче и разсуждали, что имъ дѣлать. „Мы рады умереть за самого Князя“, говорилъ народъ; „а слуги его не стоятъ кровопролитія. Онъ долженъ исполнить нашу волю, или отворимъ городскія ворота и скажемъ ему: *промышляй о себѣ!*“ Давидъ хотѣлъ спасти наперсниковъ (187); но боясь возмущенія, предалъ двухъ изъ нихъ въ жертву (третій ушелъ въ Кіевъ). Злодѣевъ повѣсили и разстрѣляли: Васильковы Отроки совершили сію месть въ знакъ любви къ своему Князю.

Местъ
Рости-
славичей.

Ростиславичи удалились; но Давидъ не избавился отъ бѣдствія. Святополкъ, обязанный торжественною клятвою, шелъ наказать его, и стоялъ уже въ Брестѣ. Давидъ некалъ защиты у Короля Польскаго, Владислава: сей Государь, взявъ отъ него 50 гривенъ золота, велѣлъ ему ѣхать съ собою, расположился станомъ на Бугѣ, и вступилъ въ переговоры съ Великимъ Княземъ. Королю хотѣлось новыхъ даровъ: получивъ ихъ отъ Святополка, онъ совѣтовалъ Давиду возвратиться въ свою область, ручаясь за его безопасность. Но Великій Князь, съ согласія Поляковъ, немедленно осадилъ Владиміръ. Обманутый Королемъ, Давидъ чрезъ семь недѣль примирился съ Святополкомъ, уступилъ ему Владимірскую область и выѣхалъ въ Польшу (183).

Коры-
столю-
біе По-
ляковъ.

Апрѣль
9.

Святополкъ не замедлил остыдить себя новымъ вѣроломствомъ. Вступая въ предѣлы Волыніи, онъ торжественно клялся Ростиславичамъ, что будетъ имъ другомъ и желаетъ единственно смирить ихъ общаго непріятеля, Давида; но побѣдивъ его, Великій Князь захотѣлъ овладѣть Перемышлемъ и Теремболомъ, объявляя, что сіи города принадлежали нѣкогда отцу его и брату. Святополкъ надѣялся на многочисленное войско, а мужественные Ростиславичи на свою правду. Слѣпый Василько явился на мѣстѣ битвы, и показывая въ рукахъ крестъ, громко кричалъ Святополку: „Видишь ли метителя, клятвопреступникъ? Лишивъ меня зрѣнія, хочешь отнять и жизнь мою. Крестъ святой да будетъ намъ судією!“ Сраженіе было кровопролитное (189). Святополкъ не могъ устоять и бѣжалъ въ Владиміръ: поручилъ сей городъ сыну Мстиславу, прижитому съ наложницею; другаго сына, Ярослава, отправилъ въ Венгрію за наемнымъ войскомъ; племянника, Святошу Давидовича, оставилъ въ Луцкѣ, а самъ уѣхалъ въ Кіевъ. Ростиславичи гнались за побѣжденнымъ только до границъ своей области и возвратились, не желая никакихъ приобрѣтеній: умѣренность великодушная! Они помнили клятву, данную ими въ Любечѣ, и гнушались примѣрами вѣроломства.

Умѣрен-
ность
Рости-
славичей.

Сынъ Великаго Князя, Ярославъ, склонилъ Государя Венгерскаго объявить войну Ростиславичамъ, и Коломанъ, собравъ

великія силы, вступилъ въ Червенскую область. Володаръ за-
творился въ Перемышль. Давидъ Игоревичъ (¹⁹⁰), напрасно
искавъ друзей и союзниковъ внѣ Государства, возвратился
тогда изъ Польши: видя общую опасность, прибѣгнувъ къ
Ростилавичамъ, и въ знакъ довѣренности оставивъ жену свою
у Володаря, отправился къ Половцамъ. Ханъ Бонякъ, встрѣ-
тивъ его на границѣ, взялся дѣйствовать противъ врага
Россіи. Лѣтописецъ говоритъ, что Половцевъ было 390 чело-
вѣкъ, а Давидовыхъ воиновъ 100; что Бонякъ, искусный
гадатель будущаго, въ темную глубокую ночь отѣхалъ отъ
стана и началъ *вить*; что звѣри степные отвѣтствовали ему
такимъ же воемъ, и что обрадованный Ханъ предсказалъ
Давиду несомнительную побѣду. Суевѣріе бываетъ иногда
счастливо: ободривъ воиновъ, мужественный Бонякъ раздѣлялъ
ихъ на три части; велѣлъ товарищу своему, Алтунопѣ, идти
прямо на Венгровъ съ 50 стрѣлками; поручилъ Давиду
главный отрядъ, а самъ засѣлъ впереди, по обѣимъ сторо-
намъ дороги, имѣя не болѣе ста человекъ. Алтунопа увидѣлъ
вдали множество Венгровъ, коихъ оружіе и латы блистали
отъ первыхъ лучей восходящаго солнца, и которые стояли
рядами на великомъ пространствѣ. Онъ шелъ смѣло, и пу-
стивъ нѣсколько стрѣлъ, обратился въ бѣгство. Когда же
Венгры устремились влѣдъ за нимъ безъ всякаго порядка,
Бонякъ ударилъ на нихъ въ тылъ, Алтунопа спереди, Да-
видъ также (¹⁹¹). Володаръ, осажденный въ Перемышль, могъ
воспользоваться симъ случаемъ для удачной вылазки. Изу-
мленные Венгры въ ужасѣ, въ смятеніи, давили другъ друга;
бросались въ рѣку Санъ, и тонули. Побѣдители гнали ихъ
два дни. Самъ Коломанъ едва спасъ жизнь свою, потерявъ
около 40,000 воиновъ, многихъ Бароновъ и тѣлохранителей;
а сынъ Святополковъ ушелъ въ Брестъ. Венгерскіе Лѣтописцы
разсказываютъ, что виною сего *безпримѣрнаго* несчастія была
неосторожность ихъ Государя, обманутаго притворными сле-
зами вдовствующей Россійской Княгини *Ланки*, которая, стоя
на колѣняхъ, умоляла его быть милосерднымъ къ ея народу;
что Венгры, не ожидая сопротивленія и битвы, спали крѣп-

Пора-
женіе
Вен-
гровъ.

кимъ спомъ, когда Ханъ Половецкій напалъ къ глубокоюю ночью на ихъ станъ, и не давъ имъ опомниться, умертвилъ множество людей. Коломанъ безъ сомнѣнiя думалъ тогда завладѣть Червенскою областiю; съ нимъ были не только знаменитѣйшiе свѣтскiе чиновники, но и Епископы, готовые обращать Россiянъ въ свою Вѣру. Одинъ изъ сихъ Епископовъ, именемъ Купанъ, погибъ въ сраженiи.

Давидъ Игоревичъ, желая употребить въ свою пользу несчастье Святополка и союзниковъ его, взялъ Червень ⁽¹⁹²⁾, и внезапно осадилъ Владимiръ, гдѣ сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, собственною неустрашимостiю ободрялъ воиновъ; но пораженный стрѣлою—въ самое то мгновенiе, какъ онъ натягивалъ лукъ—сей юноша палъ на стѣнѣ и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Три дни кончина его была тайною для народа: узнавъ оную, граждане въ общемъ совѣтѣ положили увѣдомить Святополка о своей крайности. Съ одной стороны они боялись гнѣва его, съ другой неминуемаго голода ⁽¹⁹³⁾. Святополкъ отправилъ къ нимъ Воеводу Путяту, и велѣлъ ему соединиться въ Луцкѣ съ дружиною Святоши. Сей юный племянникъ Великаго Князя взялъ подъ стражу Давидовыхъ Пословъ, которыхъ онъ до того времени клятвенно увѣрялъ въ дружбѣ, обѣщаясь извѣстить ихъ Государя о первомъ движенiи Святополкова войска. Обманутый Давидъ безопасно отдыхалъ въ полдень, когда Путята и Святоша напали на его станъ; въ то же время осажденные сдѣлали вылазку. Пробужденный шумомъ и крикомъ битвы, Давидъ искалъ спасенiя въ бѣгствѣ, и Владимiрцы съ радостiю приняли въ городъ свой Посадника Святополкова ⁽¹⁹⁴⁾; но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро Путята вывелъ оттуда войско. Боякъ, славный побѣдитель Венгровъ, вступилъ за Давида и возвратилъ ему область его, изгнавъ Святошу изъ Луцка и Посадника Кiевского изъ Владимiра.

Между
усобiя.

Августа
5.

Тогда Князья Россiйскiе, взаимно огорчаемые своимъ несогласiемъ, вѣроломствомъ, малодушнымъ властолюбиемъ, вторично собралися близъ Кiева: Святополкъ, Мономахъ и Святославичи; заключили новый союзъ между собою и звали Давида

г. 1160.
Июня 50.
Новый
ст. вида
Кн. вида

вида. Сей Князь Владимірскій не дерзнулъ ихъ ослушаться; но прѣхавъ, гордо сказалъ: „Я здѣсь: чего отъ меня хотите? „кто недоволенъ мною?“ ... *Не ты ли самъ*—отвѣтствовалъ ему Владиміръ— *желалъ общаго Княжескаго собранія, чтобы представить намъ свои неудовольствія? Теперь сидишь на одномъ коврѣ съ братьями: говори, кто и чѣмъ оскорбилъ тебя?* Давидъ молчалъ. Князья вѣтали и сѣли на коней. Отѣхавъ въ сторону, каждый совѣтовался со своею дружиною. Давидъ сидѣлъ одинъ. Наконецъ они снеслись между собою, и Послы ихъ торжественно сказали ему: „Князь Давидъ! объявляемъ волю нашихъ Государей (195). Область Владимірская уже не твоя отнынѣ: ибо ты былъ причиною вражды и злодѣйства, неслыханнаго въ Россіи. Но живи спокойно; не бойся мести. Вужскъ остается твоимъ городомъ: Святополкъ даетъ тебѣ Дубно и Черторижскъ, Мономахъ 200 гривенъ, Олегъ и братъ его тоже“. Давидъ смирился, и Святополкъ чрезъ нѣкоторое время уступилъ ему Дорогобужъ Волынскій, отдавъ Владиміръ сыну своему Ярославу. Соединенные Князья отправили также Пословъ къ Ростиславичамъ, требуя, чтобы они выдали плѣнниковъ, взятыхъ ими въ битвѣ съ коварнымъ Святополкомъ, и господствовали въ одномъ Перемышлѣ; чтобы Володаръ взялъ къ себѣ несчастнаго Василька или прислалъ къ дядямъ, которые обязываются *кормить* его. Но Ростиславичи съ гордостію отвергнули сіе предложеніе, и великодушный слѣпецъ хотѣлъ умереть Теревольскимъ Княземъ. Святополкъ, испытавъ храбрость ихъ, не смѣлъ уже воевать съ ними; но строго наказалъ своего родного племянника, Ярослава, сына Ярополкова, который, господствуя въ Брестѣ, вооружался и хотѣлъ завладѣть другими городами (196). Его привезли въ Кіевъ окованнаго цѣпями. Митрополитъ и Духовенство испросили ему свободу; но сей несчастный, бѣжавъ изъ Кіева, попался въ руки Владимірскому Князю, сыну Святополкову: снова былъ заключенъ, и чрезъ десять мѣсяцевъ умеръ въ темницѣ.

Усми-
реніе
Давида.

г. 1101.

Раздѣленіе Государства, вообще ослабивъ его могущество, уменьшило и власть Князей. Народъ, видя ихъ междуусобіе и частое изгнаніе, не могъ имѣть къ нимъ того священнаго

уваженія, которое необходимо для государственнаго блага. Читатель замѣтилъ уже многіе примѣры тогдашняго своевольства гражданъ: слѣдующее происшествіе еще яенѣе доказываетъ оное. Великій Князь и Мономахъ согласились отдать Новгородъ сыну перваго, а Мстиславу, въ замѣну сей области, Владиміръ. Исполняя волю отца, Мстиславъ явился во Дворецъ Кіевскомъ, сопровождаемый знатными Новгородцами и Боярами Мономаха. Когда Святополкъ посадилъ ихъ, Бояре говорили ему: „Мономахъ прислалъ къ тебѣ Мстислава, чтобы ты отпразднвалъ его „княжить въ Владиміръ, а сына своего въ Новгородъ“. *Нѣтъ!* сказали Послы Новгородскіе: *объявляемъ торжественно, что сего не будетъ. Святополкъ! ты самъ добровольно оставилъ насъ: теперь не хотимъ ни тебя, ни сына твоего. Пусть идетъ въ Новгородъ, если у него двѣ головы! Мы сами воспитали Мстислава, даннаго намъ еще Всеволодомъ* (197). Великій Князь долго спорилъ съ ними; но, поставивъ на своемъ, они возвратились въ Новгородъ со Мстиславомъ.

Декабри 2. Стрелковости Новгородцевъ.

Между тѣмъ второй Княжескій съѣздъ былъ счастливей перваго, утвердивъ союзъ Святославичей съ Великимъ Княземъ и Мономахомъ. Половцы, опасаясь слѣдствій онаго, именемъ всѣхъ Хановъ требовали мира, и заключивъ его въ городѣ Саковѣ, взяли и дали анатовъ. Сей миръ, какъ и прежніе, только отсрочилъ войну, необходимую по мнѣнію благоразумнаго Князя Владиміра. Въ слѣдующій годъ, весною, онъ и Святополкъ имѣли свиданіе близъ Кіева, на лугу, и сидя въ одномъ шатрѣ, совѣтовались съ Боярами (198). Дружина Великаго Князя говорила, что весна не благопріятна для военныхъ дѣйствій; что если они для конницы возьмутъ лошадей у земледѣльцевъ, то поля останутся не вспаханы, и въ селахъ не будетъ хлѣба. „Удивляюсь (отвѣтствовалъ Мономахъ), что вы жалѣете коней болѣе отечества. Мы дадимъ время пахать земледѣльцу; а Половчинъ застрѣлитъ его на самой нивѣ, въѣдетъ въ село, плѣнитъ жену, дѣтей, и возьметъ все имѣніе оратая“. Бояре не могли оспоривать сего убѣдительнаго возраженія, и Великій Князь, вставъ съ мѣста, сказалъ: я

Совѣтъ Князей

готовъ! Владиміръ съ нѣжностію обнялъ брата, говоря ему, что земля Русская назоветъ его своимъ благодѣтелемъ. Они старались возбудить такую же ревность и въ другихъ Князьяхъ, призывая ихъ смирить варваровъ или умереть Героями. Олегъ Святославичъ отговорился болѣзнію; но два брата его охотно вооружились. Князь Полоцкій, Всеславъ, знаменитый врагъ племени Ярославова, скончался въ 1101 году ⁽¹⁹⁹⁾: меньшій сынъ его, Давидъ, жертвуя наслѣдственною злобою общему благу, прибылъ въ станъ соединенныхъ войскъ: также Игоревъ внукъ, Мстиславъ, коего отецъ неизвѣстенъ, и который, вмѣстѣ съ дядею своимъ, Давидомъ Игоревичемъ, въ 1099 году осаждалъ Владиміръ, искалъ потомъ добычи или славы на морѣ ⁽²⁰⁰⁾. Великій Князь взялъ съ собою роднаго племянника, Вячеслава, а Мономахъ сына своего, Ярополка. Грозное ополченіе сухимъ путемъ и водою двинулось къ Югу. Флотъ остановился за Днѣпровскими порогами, у Хортицкаго острова: тамъ построилось войско, и четыре дни шло степями къ Востоку до мѣста называемаго *Сутень*. Встревоженные непріатели собирались многочисленными толпами къ вежамъ своихъ Хановъ, которые, видя опасность, совѣтовались между собою, что имъ дѣлать. Старшій изъ нихъ, именовъ Урособа, говорилъ товарищамъ, что надобно просить мира, и что Россіяне, долгое время терпѣвъ отъ Половцевъ, будутъ сражаться отчаянно. Ко славѣ соединенныхъ Князей, младшіе Ханы отвергнули сей благоразумный совѣтъ, съ гордостію отвѣтствуя: „Старець! ты боишься Россіянь! но мы положимъ дерзкихъ враговъ на мѣстѣ, и возьмемъ всѣ беззащитные города ихъ“.

Въ то время, когда Половцы уже дѣлили въ мысляхъ своихъ добычу нашего стана, Россіяне готовились къ битвѣ молитвою и благочестивыми обѣтами; одни давали клятву, въ случаѣ побѣды, наградить убогихъ; другіе украсить церкви и монастыри вкладами. Успокоенные теплою вѣрою, они шли съ бодростію и веселіемъ. Алтунопа, славнѣйшій изъ хребцовъ Половецкихъ, былъ впереди на стражѣ: Россіяне, окруживъ его, совершенно истребили сей отрядъ непріятельскій. Начался главное сраженіе. Лѣтописецъ говоритъ, что много-

Счаст-
ливый
войско
съ По-
ловца-
ми.

численные полки варваровъ казались на обширной стени дремучимъ, необозримымъ боромъ; но что Половцы, обьятые тайнымъ ужасомъ, были какъ сонныя, едва могли править своими конями, и смятые первымъ ударомъ нашихъ, бѣжали во все стороны. Никогда еще Россійскіе Князья не одерживали такой знаменитой побѣды надъ варварами. Урособа и 19 другихъ Хановъ пали въ сраженіи. Одного изъ нихъ, именовъ Бельдюза, привели къ Святополку: сей плѣнникъ хотѣлъ откупиться серебромъ, золотомъ и конями. Святополкъ велѣлъ отвести его къ Владиміру, который сказалъ ему: „Ты не учишь дѣтей своихъ и товарищей бояться клятвопреступленія. Сколько разъ вы обѣщали миръ и губили Христіанъ? *Да будетъ же кровь твоя на главѣ твоей!*“ Бельдюза разсѣкли на части. Побѣдители взяли въ добычу множество скота, вельблюдовъ, коней; освободили невольниковъ, и въ числѣ плѣнныхъ захватили Торковъ и Печенѣговъ, которые служили Половцамъ. Увѣнчанный славою Мономахъ, призывая Россіянъ къ торжеству и веселію, хвалилъ ихъ мужество, но всего болѣе славилъ Небо. „Сей день (говорилъ онъ) есть праздникъ для отечества. Всевышній избавилъ отъ враговъ землю Русскую: они лежатъ у ногъ нашихъ! Сокрушены главы змія, и мы обогатились достояніемъ невѣрныхъ“. Въ надеждѣ, что Половцы не дерзнутъ уже беспокоить Россію, Святополкъ старался загладить слѣды ихъ прежнихъ опустошеній, и возобновилъ городъ Юрьевъ, ими сожженный, на берегу Роси.

Къ несчастію, сіи мирныя пощеченія о гражданскомъ благосостояніи Государства не могли тогда имѣть успѣха: княженіе Святополка, отъ начала до конца, представляетъ цѣль ратныхъ дѣйствій. Россія была станомъ воинскимъ, и звукъ оружія не давалъ успокоиться ея жителямъ.

Ярославъ Святославичъ, братъ Олеговъ и Давидовъ, былъ побѣжденъ Мордвою, въ Губерніи Тамбовской или Нижегородской, гдѣ сей народъ обиталъ издревле, въ сосѣдствѣ съ Казанскими Волгарами.—Слѣдуя примѣру отцевъ своихъ, Великій Князь и Мономахъ вооружились противъ наслѣдниковъ Всеславовыхъ, которые независимо господствовали въ Полоц-

г. 1104.
Марта
24. Вой-
на съ
Морд-
вою и
съ Кня-
земъ и
Коло-
дими.

вой области. Путята, Воевода Святополковъ, Олегъ и Ярополкъ, сынъ Владиміровъ, ходили осаждать Глѣба Всеславича въ Минскѣ. Родной братъ Глѣбовъ, Давидъ, находился съ ними: вѣроятно, что онъ держалъ ихъ сторону. Но войско соединенное возвратилось безъ успѣха.—Всеславичи, избавленные отъ сей опасности, хотѣли покорить Семигалию. Несторъ называетъ ся жителей данниками Россіи (201): быть можетъ, что они прежде зависѣли отъ Князей Полоцкихъ и вздумали тогда отложиться. Кровопрлитная битва утвердила ихъ свободу: Всеславичи, потерявъ 9000 воиновъ, едва могли спасти остатокъ своей рати..

Г. 1106.
Пора-
женію
Россі-
янъ въ
Семига-
ліи.

Съ другой стороны Половцы новымъ грабительствомъ до-
казали Мономаху, что онъ еще не *сокрушилъ идры*, и что
не всѣ *главы* ся пали отъ меча Россійскаго. Уже варвары съ
добычею и съ невольниками возвращались въ свою землю, когда
Воеводы Святополковы настигли ихъ за Сулою и выручили
плѣнныхъ (202). Въ слѣдующій годъ отважный Бонякъ, за-
хвативъ табуны Переяславскіе, приступилъ къ Лубнамъ, вмѣ-
стѣ съ знаменитыхъ Вождемъ Половецкимъ, старымъ Шару-
каномъ. Великій Князь, Олегъ, Мстиславъ, Игоревъ внукъ,
Мономахъ съ двумя сынами, перешли за Сулу и съ грознымъ
воплемъ устремились на варваровъ, которые не имѣли времени
построиться, ни съѣсть на коней, и спасаясь бѣгствомъ, оста-
вили весь обозъ свой въ добычу побѣдителю. Россіяне, гнавъ
ихъ до самаго Хороля, многихъ убили и взяли въ плѣнъ.—

Новые
успѣхи
въ вой-
нѣ съ
Полов-
цами.

Г. 1107,
7 Мая.

Сии успѣхи не возгордили Олега и Мономаха, которые въ
томъ же году женили сыновей своихъ на дочеряхъ Ханскихъ (203).
Омерзѣніе къ злымъ язычникамъ уступало Политикѣ и на-
деждѣ успокоить Государство хотя на малое время.—Миръ
не продолжался ни двухъ лѣтъ: Россіяне уже въ 1109 и въ
слѣдующемъ году воевали близъ Дона и брали вежи Поло-

12 Авгу-
ста.

12 Ген-
таря
1108 г.

Г. 1111.

векія. Наконецъ Мономахъ снова убѣдилъ Князей дѣйстви-
вать соединенными силами, и въ то время, когда народъ го-
вѣлъ, слушая въ храмахъ молитвы Великопостныя, воины
собирались подъ знаменами. Достоинно замѣчанія, что около
сего времени были многія воздушныя явленія въ Россіи, и

самое землетрясеніе; но благоразумные люди старались ободрять суевѣрныхъ, толкуя имъ, что необыкновенныя знаменія предвѣщаютъ иногда необыкновенное *счастіе* для Государства, или побѣду: ибо Россіяне не знали тогда иного счастія. Самые мирные Иноки возбуждали Князей разить злобныхъ супостатовъ, вѣдая, что Богъ мира есть также и Богъ воинствъ, подвигнутыхъ любовію ко благу отечества (²⁰⁴). Россіяне выступили 26 Февраля, и въ осьмый день стояли уже на Гольтвѣ, ожидая заднихъ отрядовъ. На берегахъ Ворсклы они торжественно цѣловали крестъ, готовясь умереть великодушно; оставили многія рѣки за собою, и 19 Марта увидѣли Донъ. Тамъ войны облеклися въ брони (²⁰⁵), и стройными рядами двинулись къ Югу. Сей знаменитый походъ напоминаетъ Святославовъ, когда отважный внукъ Рюриковъ шелъ отъ береговъ Днѣпра сокрушить величіе Козарской Имперіи. Его смѣлые витязи ободряли, можетъ быть, другъ друга пѣнями войны и кровопролитія: Владиміровы и Святополковы съ благоговѣніемъ внимали церковному пѣнію Гереевъ, коимъ Мономахъ велѣлъ итти предъ воинствомъ со крестами. Россіяне пощадили неприятельскій городъ Осеневъ (ибо жители встрѣтили ихъ съ дарами: съ виномъ, медомъ и рыбою); другой, именовъ Сугровъ, былъ обращенъ въ пепель. Сіи города на берегу Дона существовали до самаго нашествія Татаръ и были, какъ вѣроятно, основаны Козарамъ: Половцы, завладѣвъ ихъ странною, и сами уже обитали въ домахъ. 24 Марта Князь разбилъ варваровъ, и праздновали Благовѣщеніе вмѣстѣ съ побѣдою; но черезъ два дни свирѣпые враги окружили ихъ со всѣхъ сторонъ на берегахъ Сала. Битва, самая отчаянная и кровопролитная, доказала превосходство Россіянъ въ искусствѣ воинскомъ. Мономахъ сражался какъ истинный Герой, и быстрымъ движеніемъ своихъ полковъ сломилъ непріятеля. Лѣтописецъ говоритъ, что Ангель свыше каралъ Половцевъ, и что головы ихъ, *невидимою* рукою сѣвѣаемая, летѣли на землю: Богъ всегда *невидимо* помогаетъ храбрымъ. — Россіяне, довольные множествомъ плѣнныхъ, добычею, славою (которая, по увѣренію современниковъ, разнеслася отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи до

Походъ
знаменитый.

И въ
Тмутаракань

и с че- самая Рима), возвратились въ отечество, уже не думая о сво-
застъ въ ихъ древнихъ завоеваніяхъ на берегахъ Азовскаго моря, гдѣ
лѣтми- Половцы безъ сомнѣнія тогда господствовали, овладѣвъ Вос-
сахъ порскимъ Царствомъ или Тмутороканскимъ Княженіемъ, коего
имя съ сего времени исчезло въ нашихъ Лѣтописяхъ (206).

г. 1112. Въ числѣ многихъ Князей, ходившихъ на Донъ съ Вла-
диміромъ и Святополкомъ, былъ и Давидъ Игоревичъ Доро-
гобужскій, памятный злодѣйствомъ: онъ скоро умеръ; область
его наслѣдовалъ зять Мстислава Новгородскаго, Ярославъ Свято-
полковичъ, который ознаменовалъ свое мужество двукратною
побѣдою надъ Ятвягами, строптивыми данниками нашего оте-
чества (207). Сею войною заключились подвиги Россіянь въ
бурное княженіе Святополка, умершаго въ 1113 году. Онъ
имѣлъ всѣ пороки малодушныхъ: вѣроломство, неблагодарность,
Апрѣля 16. Кончалъ на Свя-
тополкѣ. подозрительность, надменность въ счастіи и робость въ бѣд-
ствіяхъ. При немъ унизилося достоинство Великаго Князя, и
только сильная рука Мономахова держала его 20 лѣтъ на
престолѣ, даруя побѣды отечеству (208).

Святополкъ былъ набоженъ: готовясь къ войнѣ, къ путе-
шествію, онъ всегда бралъ молитву у Печерскаго Игумена,
надъ гробомъ Θεодосія, и тамъ же благодарилъ Всевышняго
за всякую побѣду; украшалъ, строилъ церкви, — какъ-то Ми-
хаила Златоверхаго въ Кіевѣ, гдѣ погребено тѣло сего Князя —
и въ 1108 году велѣлъ Митрополиту вписать Θεодосіево имя
въ Синодикъ, для поминовенія во всѣхъ Россійскихъ Еписко-
піяхъ. Довольный наружностію благочестія, онъ явно престу-
палъ святыя уставы нравственности, имѣя наложницъ и рав-
ная побочныхъ дѣтей съ законными.

Святополкъ оставилъ супругу, которая, по его смерти,
раздала великое богатство монастырямъ, Священникамъ и бѣд-
нымъ (ибо онъ собралъ множество золота, и притомъ всякими
средствами: терпѣлъ Евреевъ въ Кіевѣ — вѣроятно, переѣхав-
шихъ къ намъ изъ Тавриды — и самъ не стыдился, къ утѣ-
щенію народа, торговать солью, которую привозили купцы изъ
Галича и Черемышля). — Сбыслава, дочь Великаго Князя, въ
1102 году сочеталась бракомъ съ Королемъ Польскимъ, Боле-

Евреи
въ Кіе-
вѣ.

Прода-
жа соли.
Брач-
ные со-
юзы.

слагомъ Кривоустымъ. Взаимная государственная польза требовала сего союза, и Балдвинъ, Епископъ Краковскій, ходатайствовалъ разрѣшеніе отъ Папы: ибо Княжна Россійская была въ свойствѣ съ Королемъ. Брачное торжество совершилось въ Краковѣ: Болеславъ, въ изъявленіе своего удовольствія, щедро одарилъ Вельможъ Польскихъ. Онъ уважалъ тестя, и простилъ своего брата, мятежнаго Избыгнѣва, который, въ 1106 году пріѣхавъ въ Кіевъ, молилъ Великаго Князя быть посредникомъ между ими. Вторая дочь Святополкова, именемъ Передслава, въ 1104 вышла за Королевича Венгерскаго, сына Коломанова, Ладислава или Николая. Въ то же самое время—въ 1104 году—третья Княжна Россійская, дочь знаменитаго Володаря и племянница Василькова, была выдана за Царевича Греческаго, сына Алексіева, Андроника или Исаакія: первый убитъ на войнѣ въ цвѣтущей юности; второй былъ родоначальникомъ Императоровъ Трапезунтскихъ.—Коломанъ, Государь Венгерскій, уже престарѣлый женился въ 1112 году на дочери Мономаховой, Евфиміи; но сей бракъ имѣлъ несчастныя слѣдствія. Подозрѣвая супругу въ невѣрности, Коломанъ развелся съ нею, и Евфимія беременная возвратилась въ отечество, гдѣ родила сына, Бориса (209).

Въ княженіе Святополково Митрополитами были Греки Митрополиты. Николай и Никифоръ: первый ѣздилъ Посломъ въ Мономаху отъ Кіевскихъ гражданъ въ 1098 году, и ходатайствовалъ за несчастнаго племянника Святополкова, Ярослава; при второмъ сынъ Давида Черниговскаго, Святославъ, названный за его благочестіе *Святошею*, отказался отъ міра, и заключился въ Обители Печерской, уважая монашескія добродѣтели болѣе гражданскихъ. Сей Князь, бывъ сперва слугою иноковъ и вратаремъ, долгое время смирялъ плоть свою трудами и воздержаніемъ, безпрестанно работая въ кельѣ или въ саду, имъ разведенномъ; отдавалъ бѣднымъ все, что имѣлъ, и способствовалъ въ монастырѣ своемъ заведенію библиотеки.—Время Никифоровой паствы ознаменовалось еще въ церковныхъ лѣтописяхъ прибытіемъ въ Новгородъ Св. Антонія Римскаго, уче- Князь Святоша. Св. Антоній Римлянинъ.

наго мужа, которому тамошніе чиновники и Епископъ Никита дали, на берегу Волхова, мѣсто и село для основанія монастыря, одного изъ древнѣйшихъ въ Россіи (2⁰).

Къ достопамятностямъ вѣка Святополкова принадлежитъ любопытное путешествіе Россійскаго Игумена Даніила къ Святѣмъ Мѣстамъ, уже завоеваннымъ тогда Крестоносцами. Славный Бальдвинъ царствовалъ въ Иерусалимѣ: Даніилъ въ своихъ запискахъ хвалитъ его добродѣтели, привѣтливость, смиреніе. Подъ защитою Королевской дружины сей Игумень ходилъ къ Дамаску, въ Акру, и могъ безопасно осмотрѣть всю Палестину, гдѣ еще скитались толпы невѣрныхъ и грабили Христіанъ. Онъ выпросилъ дозволеніе у Бальдвина поставить лампаду надъ гробомъ Спасителя и записалъ въ Обители Св. Саввы, для помянанія на ектеніяхъ, имена Князей Россійскихъ: Святополка-Михаила, Владиміра-Василія, Давида Святославича, Олега-Михаила, Святослава-Панкратія и Глѣба Минскаго. Достоинно замѣчанія, что многіе знатные Кіевляне и Новгородцы находились тогда въ Иерусалимѣ (2¹¹). Алексій Комнинъ безъ сомнѣнія приглашалъ и Россіянь дѣйствовать противъ общихъ враговъ Христіанства; отечество наше имѣло собственныхъ: но вѣроятно, что сіе обстоятельство не мѣшало нѣкоторымъ витязямъ Россійскимъ искать опасностей и славы подъ знаменами Крестоваго воинства. Впрочемъ быть можетъ, что одно Христіанское усердіе и желаніе поклониться гробу Иисусову приводило ихъ въ Палестину: ибо мы знаемъ по инымъ современнымъ и не менѣе достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, что Россіяне въ XI вѣкѣ часто давали Небу объѣтъ видѣть ея мѣста святія (2¹²).

Описаніе временъ Святополковыхъ заключимъ извѣстіемъ, что Несторъ при семъ Князѣ кончилъ свою лѣтопись, сказавъ намъ въ 1106 году о смерти *доброго*, девяностолѣтняго *старца* Яня, славнаго Воеводы, жизнью подобнаго древнимъ Христіанскимъ праведникамъ, и сообщившаго ему многія свѣдѣнія для его историческаго творенія (2¹³). Отсельъ путешественниками нашими будутъ другіе, также современные Лѣтописцы.

Путешествіе Даніила.

Россіяне въ Иерусалимѣ.

Конечъ Честной лѣтописи. Старецъ Янь.

Г Л А В А VII.

Владиміръ Мономахъ, названный въ крещеніи Василіемъ.

Г. 1113—1125.

Грѣбать Жидовъ въ Кіевѣ. Мономахъ усмиряеть мятежъ. Новое пренесеніе мощей Бориса и Глѣба. Законъ о ростахъ. Побѣды въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону. Черные Клобуки. Бѣдовезпы. Дѣла съ Греками. Мономахова шапка. Царевичъ Леонъ. Усмиреніе Минскаго Князя и Новгородцевъ. Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи. Ихъ неудача. Пльнь Володаря. Смерть трехъ Князей знаменитыхъ. Кончина Мономахова. Свойства его. Поученіе. Основаніе Владиміра Залѣскаго. Гада, супруга Мономахова. Ея дѣти. Сочиненіе Митрополита Никифора.

По смерти Святополка-Михаила граждане Кіевскіе, опредѣливъ въ торжественномъ совѣтѣ, что достойнѣйшій изъ Князей Россійскихъ долженъ быть Великимъ Княземъ, отправили Пословъ къ Мономаху и звали его властвовать въ столицѣ. Добродушный Владиміръ давно уже забылъ несправедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивалъ его кончину, и въ сердечной горести отказался отъ предложенной ему чести. Вѣроятно, что онъ боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи дѣтьми старшаго Ярослава сына, по тогдашнему обыкновенію должны были наследовать престолъ Великокняжескій. Сей отказъ имѣлъ несчастныя слѣдствія: Кіевляне не хотѣли слышать о другомъ Государѣ; а мятежники, пользуясь безначаліемъ, ограбили домъ Тысяческаго, именемъ Путяты, и всѣхъ Жидовъ, бывшихъ въ столицѣ подъ особеннымъ покровительствомъ корыстолюбиваго Святополка (21¹). Спокойные граждане, приведенные въ ужасъ такимъ безпорядкомъ, вторично звали Мономаха.

Грѣбать
Жидовъ
въ Кіевѣ.

Апрѣля
20.

Моно-
махъ
усми-
ряетъ
мятежъ.

г. 1115.
Май 2.
Новое
прене-
сеніе
мощей
Бориса
и Глѣба.

„Спаси насъ“ — говорили ихъ Послы — „отъ неистовства черни; „спаси отъ грабителей домъ печальной супруги Святополковой, „собственные наши дома и святыню монастырей“. Владиміръ пріѣхалъ въ столицу: народъ изъявилъ необычайную радость, и мятежники усмирились, видя Князя великодушнаго на главномъ престолѣ Россійскомъ.

Даже и Святославичи не противились общему желанію; уступили Мономаху права свои, остались Князьями Удѣльными и жилъ съ нимъ въ согласіи до самой ихъ кончины. Они счастливѣе отцевъ своихъ торжествовали вмѣстѣ пренесеніе мощей Св. Бориса и Глѣба изъ ветхой церкви въ новый каменный храмъ Вышегородскій: симъ дѣйствіемъ Владиміръ изъявилъ, въ началѣ своего правленія, не только набожность, но и любовь къ отечеству: ибо древняя Россія признавала оныхъ Мучениковъ главными ея небесными заступниками, ужасомъ враговъ и подпорою нашихъ вопствѣ. Еще будучи Княземъ Переяславскимъ, онъ украсилъ серебряную раку Святыхъ золотомъ, хрусталемъ и рѣзбою стѣль хитрою, какъ говоритъ Лѣтописецъ, что Греки дивились ея богатству и художеству. Изъ отдаленнѣйшихъ странъ Россіи собрались тогда въ Вышегородѣ Князья, Духовенство, Воеводы, Бояре; безчисленное множество людей тѣснилось на улицахъ и стѣнахъ городскихъ; всякой хотѣлъ прикоснуться къ святому праху, и Владиміръ, чтобы очистить дорогу для Клироса, велѣлъ бросать народу ткани, одежды, драгоценныя шкуры звѣрей, сребренники ⁽²¹⁵⁾. Олегъ далъ роскошный пиръ Князьямъ; три дни угощали бѣдныхъ и странниковъ. — Сіе торжество, и церковное и государственное, изображая духъ времени, достойно замѣчанія въ исторіи.

Мономахъ спѣшилъ также благодѣяніями челоуѣколюбиваго законодательства утвердить свое право на имя отца народнаго. Причиною Кіевскаго мятежа было, кажется, лихоимство Евреевъ: вѣроятно, что они, пользуясь тогдашнею рѣдкостью денегъ, угнетали должниковъ неумѣренными ростами. Мономахъ, желая облегчить судьбу недостаточныхъ людей, собралъ въ Берестовскомъ дворцѣ своемъ знатнѣйшихъ Бояръ и Тысячскихъ: Рати-

бора Кіевскаго, Прокопія Бѣлогородскаго, Станислава Переяславскаго, Нажира Милослава и Боярина Олегова, Іоанна Чудиновича; разсуждалъ, совѣтовался съ ними, и наконецъ опредѣлилъ, что заимодавецъ, взявъ три раза съ одного должника такъ называемые *третье росты*, лишается уже истинныхъ своихъ денегъ или капитала; ибо какъ ни велики были тогдашніе годовые росты, но мѣсячные и третные еще превышали ихъ ⁽²¹⁶⁾. Мономахъ включилъ сей законъ въ Уставъ Ярославъ.

Законъ
о ро-
стахъ.

Сей государь шадилъ кровь людей; но зналъ, что вѣрнѣйшее средство утвердить тишину есть быть грознымъ для вѣншихъ и внутреннихъ непріятелей. Сынъ его Метиславъ, два раза побѣдивъ Чудь, завладѣлъ городомъ Оденпе, или *Медвѣжьєю Головою* въ Ливоніи ⁽²¹⁷⁾. Призванный отцемъ княжить въ Бѣлѣгородѣ, онъ поручилъ Новгородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовалъ воинскій духъ свой счастливымъ, но многотруднымъ походомъ въ Финляндію. Худый зимній путь (ибо весна уже наступала) и бѣдность земли угрожали Россіянамъ голодною смертію; недостатокъ былъ такъ великъ, что они за каждый хлѣбъ платили ногоу. — Меньшій братъ Метиславовъ, Георгій, княжившій въ Суздаль, ходилъ Волгою на судахъ въ землю Казанскихъ Волгаровъ, побѣдилъ ихъ и возвратился съ добычею. Третій сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, воевалъ въ окрестностяхъ Дона; взялъ три города въ области Половецкой: Валнъ, Чешлюевъ, Сугровъ; плѣнилъ множество Ясовъ, тамъ обитавшихъ, и въ числѣ ихъ прекрасную дѣвицу, на коей онъ женился. Около сего же времени Владиміръ выгналъ изъ Россіи Берендѣевъ, Печенѣговъ и Торковъ, новыхъ пришельцевъ: утѣсняемые Половцами и разбитые ими близъ Дона, они искали убѣжища въ окрестностяхъ Переяслава, но, любя грабежъ, не могли кочевать тамъ спокойно. Однакожъ многіе изъ нихъ остались на Днѣпрѣ, были извѣстны подъ общимъ именемъ *Черныхъ Клобуковъ* или *Черкасовъ*, и служили Россіянамъ ⁽²¹⁸⁾. — Лѣтописъ Владимірова времени упоминаетъ еще о Бѣловежцахъ, охотно принятыхъ Великимъ Княземъ. Сіи обитатели нѣкогда знаменитой крѣпости Козарской на берегахъ Дона, взятой мужественнымъ Святославомъ I, спасаясь

Г. 1116-
1123.
Побѣда
въ Ли-
воніи,
въ Фин-
ляндіи,
въ Вол-
гаріи,
на До-
ну.

Черны
Клобу-
ки.

Бѣло-
вежцы.

отъ свирѣлости Половцевъ, основали новый городъ въ верховьѣхъ рѣки Остера и назвали его именемъ древняго, или Бѣлоу Вежею, коей извѣстныя развалины (во 120 верстахъ отъ Чернигова) свидѣтельствуютъ, что въ ней находились *каменные* стѣны, башни, ворота и другія зданія. Козары, наученные Греками, строили лучше нашихъ предковъ ⁽²¹⁹⁾.

Успѣхи Мономахова оружія такъ прославили сего Великаго Князя на Востокъ и Западъ, что имя его, по выраженію Лѣтописцевъ, гремѣло въ мірѣ, и страны сосѣдственныя трепетали онаго. Если вѣрить новѣйшимъ повѣствователямъ, то Владиміръ ужасалъ и Греческую Имперію. Они рассказываютъ, что Великій князь, вспомнивъ знаменитыя побѣды, одержанныя его предками надъ Греками, со многочисленнымъ войскомъ отправилъ Мстислава къ Адрианополю и завоевалъ Фракію; что утраченный Алексѣй Комнинъ прислалъ въ Кіевъ дары: крестъ животворящаго древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря, вѣнецъ, золотую цѣпь и бармы Константина Мономаха, дѣда Владимірова; что Неофитъ, Митрополитъ Ефесскій, вручилъ сіи дары Великому Князю, склонилъ его къ миру, вѣнчалъ въ Кіевскомъ Соборномъ храмѣ Императорскимъ вѣнцемъ и возгласилъ *Царемъ* Россійскимъ ⁽²²⁰⁾. Въ Оружейной Московской Палатѣ хранятся такъ называемая *Мономахова золотая шапка* или корона, цѣпь, держава, скипетръ и древнія бармы, коими украшаются Самодержцы наши въ день своего торжественнаго вѣнчанія, и которыя дѣйствительно могли быть даромъ Императора Алексѣя. Мы знаемъ, что и въ X Вѣкѣ Государи Россійскіе часто требовали Царской утвари отъ Византійскихъ Императоровъ ⁽²²¹⁾; знаемъ также, что Великіе Князья Московскіе XIV столѣтія отказывали въ завѣщаніяхъ наследнику трона нѣкоторыя изъ сихъ вещей, сдѣланныхъ въ Греціи (какъ то свидѣтельствуютъ надписи оныхъ и самая работа). Но завоеваніе Фракіи кажется сомнительнымъ, и въ *древнихъ* лѣтописяхъ находятся только слѣдующія извѣстія о дѣлахъ Владиміра въ отношеніи къ Грекамъ:

„Въ 1116 году *супругъ Мономаховой дочери Маріи, Царевичъ Леонъ*, сынъ бывшаго Императора Діогена, собравъ

Дѣла
съ Гре-
ками.

Моно-
мова.
шапка.

Царе-
вичъ
Леонъ.

войско на берегахъ Чернаго моря, вступилъ въ сѣверныя области Имперіи и завладѣлъ городами Дунайскими; но Царь Алексѣй подослалъ къ нему въ Доростолъ двухъ Аравитянъ, которые злодѣйски умертвили его (Августа 15). Тогда Владиміръ, желая или отменить за убійство зятя, или сохранить для юнаго сына Маріи, именемъ Василія, взятые Леономъ города, волѣлъ итти на Дунай Воеводѣ, Иоанну Войтишичу, и сыну своему, Вячеславу, съ другимъ Бояриномъ, Оомою Ратиборовичемъ; первый дѣйствительно занялъ нѣкоторые изъ оныхъ, а Вячеславъ безъ успѣха отступилъ отъ Доростола (²²²). Вопреки сему сказанію, Анна Комнина въ Исторіи отца ея, славнаго Императора Алексія, увѣряетъ, что Леонъ, сынъ Діогеновъ, погибъ въ сраженіи съ Турками близъ Антиохіи. „Черезъ нѣкоторое время, пишетъ Анна, явился въ Имперіи обманщикъ, принявшій на себя его имя. Сосланный за то въ Херсонъ, онъ былъ освобожденъ Пловцами, и предводительствуя ихъ толпами, шель во Оракію; но взятый въ плѣнъ Греками, испыталъ, что дерзость не остается безъ наказанія: ему выкололи глаза“ (въ 1096 году). Сего несчастнаго и другіе Византійскіе Лѣтописцы именуютъ самозванцемъ; но зять Мономаховъ, убитый въ Доростолѣ, былъ конечно истиннымъ Діогеновымъ сыномъ: ибо Владиміръ, находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ Дворомъ Константинопольскимъ, не могъ, кажется, дать себя въ обманъ лжецу-бродягѣ. — Вдовствующая супруга Леонова, Марія, скончалась Монахиней въ Россіи, гдѣ сынъ ея, Василій, усердно служилъ Великимъ Князьямъ; а города Дунайскіе были скоро возвращены Имперіи, или силою оружія, или въ слѣдствіе мирныхъ договоровъ.

Владиміръ, одолевая внѣшнихъ непріятелей, смирялъ и внутреннихъ. Князь Минскій, Глѣбъ, не хотѣлъ ему повиноваться, сжегъ городъ Слуцкъ, захватывалъ людей между Припетью и Двиною; за то сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, опустошилъ Друцкъ и вывелъ жителей въ новый городокъ, для нихъ основанный. Самъ Великій Князь, соединясь съ Давидомъ Черниговскимъ и съ Ольговичами, взялъ городъ Вячеславль, Оршу, Копысь; осаждалъ Минскъ, смирилъ Глѣба, и вновь имъ оскорбленный, привелъ его какъ плѣнника въ

Г. 1116-
1128.

Усири-
п іе
М и п-
скаго
Князя П
Ново-
город-
жск.

Кіевъ, гдѣ опъ и скончался (²²³). — Безпокойные Новгородцы, употребляя во зло юность своего Князя Всеволода, мятежными поступками заслужили гнѣвъ Мономаха, который, призвавъ всѣхъ тамошнихъ Бояръ въ Кіевъ, велѣлъ имъ торжественно присягнуть въ вѣрности, удержалъ нѣкоторыхъ у себя, а другихъ заточилъ. Правые, или не столь виновные, возвратились домой, узнавъ опытомъ, что самый челоуѣколюбивый, но мудрый Государь не оставляетъ дерзкихъ ослушниковъ безъ наказанія (²²⁴). Уже нѣсколько времени Посадники Новгородскіе были, кажется, избираемы изъ тамошнихъ гражданъ: Владиміръ, опасаясь ихъ мятежнаго духа, далъ сей санъ Кіевскому Вельможѣ Борису.

Сынъ Святополковъ, Ярославъ или Ярославецъ, Князь Владимірскій, ненавидѣлъ жену свою, дочь Мстислава, и не боялся огорчать ея дѣда: Мономахъ выступилъ съ войскомъ, соединился съ Ростиславичами, Князьями югозападной Россіи, около двухъ мѣсяцевъ держалъ городъ Владиміръ въ осадѣ, и принудилъ Ярослава повориться; но сей легкомысленный племянникъ снова оскорбилъ дядю, съ презрѣніемъ удаливъ отъ себя нелюбимую супругу: онъ бѣжалъ въ Польшу. Никто изъ Бояръ не хотѣлъ за нимъ слѣдовать, и Великій Князь отдалъ Владимірскій Удѣлъ сыну своему, Роману, Володареву зятю, который въ томъ же году умеръ. Мономахъ послалъ на его мѣсто другаго сына, Андрея (женатаго на внука Половецкаго Князя, Тугоркана) и велѣлъ ему предупредить замыслы Болеслава Кривоустаго, зная, что сей Король, свойственникъ изгнаннаго Князя Владимірскаго, ожидаетъ только удобнаго случая для объявленія войны Россіянамъ. Андрей опустошилъ содѣственные владѣнія Королевскія и возвратился съ добычею. Ляхи, приведенные Ярославомъ, хотѣли взять Червень; но съ великимъ урономъ были отражены тамошнимъ Намѣстникомъ Оомою Ратиборовичемъ. Тогда Ярославъ прибѣгнулъ къ Государю Венгерскому, Стефану, который, желая отмстить Россіянамъ за отца своего, побѣжденнаго ими на берегахъ Сана, вступилъ въ область Владимірскую, вмѣстѣ съ Богемцами и Поляками. Великій Князь, не имѣвъ времени

Изгна-
ніе и
бѣд-
ствіе
Князя
Влади-
мирскі-
го.

Г. 1159.
Венгры.
Богем-

собрать войско, съ малою дружиною отправилъ Ростислава къ городу Владиміру, гдѣ юный Андрей, осажденный многочисленными непріятелями, не терялъ бодрости. Уже надменный Ярославъ, подѣхавъ къ стѣнамъ, грозилъ сыну Мономахову и народу страшную местию въ случаѣ сопротивленія; осматривалъ крѣпость и въ умѣ своемъ назначалъ мѣста для приступа, отложеннаго только до слѣдующаго дня. Въ одну минуту все перемѣнилось. Два человѣка вышли тайно изъ крѣпости, засѣли на пути между непріятельскимъ станомъ и городомъ, и копьями пронзили неосторожнаго Ярослава, когда онъ сам-третей возвращался къ союзному войску ⁽²²⁵⁾. Несчастный умеръ въ ту же ночь; а союзники, изумленные его бѣдствіемъ, спѣшили заключить миръ съ Великимъ Княземъ. Лѣтописецъ Венгерскій повѣствуетъ, что Стефанъ, огорченный смертію Ярослава, клялся взять крѣпость или умереть; но что Воеводы его не хотѣли ему повиноваться, сняли шатры свои и принудили Короля Ихъ на-
удача. возвратиться въ Венгрію ⁽²²⁶⁾.

Въ станѣ Владиміровыхъ непріятелей были и Ростиславичи, до того времени усердные защитники отечества: какимъ образомъ сіи два брата, славные благородствомъ и великодушіемъ, могли присоединиться ко врагамъ Россіи? Въ древнѣйшихъ Лѣтописцахъ Польскихъ находимъ объясненіе. Мужественный Володаръ, ужасъ и бичъ сосѣдственныхъ Ляховъ, не умѣлъ защитить себя отъ ихъ коварства. Они подослали къ нему одного хитраго Вельможу, именемъ Петра, который вступилъ въ его службу, притворно изъявлялъ ненависть къ Болеславу, вкрался въ довѣренность къ добродушному Князю Черемышльскому, ѣздилъ съ нимъ на охоту, и въ лѣсу, съ помощію своихъ людей, внезапно схвативъ безоружнаго Володаря, увезъ его связаннаго къ себѣ въ замокъ ⁽²²⁷⁾: что случилось не за-долго до осады Владиміра. Братъ и сынъ выкупили знаменитаго плѣнника изъ неволи, отправивъ въ Польшу, на возахъ и вельблюдахъ, множество золота, серебра, драгоценныхъ одеждъ, сосудовъ. Сверхъ того Ростиславичи обязались жить въ союзѣ съ Болеславомъ, и находились, кажется, въ его станѣ, подъ Владиміромъ, единственно для за-

Плѣнъ
Воло-
дара.

включенія сего договора, или желая быть посредниками между изгнанникомъ Ярославомъ и Великимъ Княземъ.

Завоеваніемъ Минска и пріобрѣтеніемъ Владиміра Мономаха утвердилъ свое могущество внутри Государства, но не думалъ перемѣнить системы наследственныхъ Удѣловъ, столь противной благу и спокойствію отечества. Долговременное обыкновеніе казалось тогда уже закономъ; или Владиміръ боялся отчаяннаго сопротивленія Князей Черниговскихъ, Полоцкихъ и Ростиславичей, которые не уступили бы ему правъ своихъ безъ страшнаго кровопролитія. Онъ не имѣлъ дерзкой рѣшительности тѣхъ людей, кои жертвуютъ благомъ современниковъ невѣрному счастью потомства: хотѣлъ быть *первымъ*, а не *единственнымъ* Княземъ Россійскимъ: покровителемъ Россіи и Главою частныхъ Владѣтелей, а не Государемъ Самодержавнымъ. Справедливость вооружила его противъ хищника Глѣба и Князя Владимірскаго (ибо сей послѣдній хотѣлъ обезчестить семейство Мономахова разводомъ съ дочерью Мстислава и звалъ иноплемениковъ грабить отечество): та же справедливость не позволяла ему отнять законнаго достоянія у Князей спокойныхъ. — По кончинѣ гордаго Олега и кроткаго Давида, вообще уважаемаго за его правдивость, меньшій ихъ братъ, Ярославъ, мирно княжилъ въ области Черниговской, а сыновья Володаревы, Владимірко, Ростиславъ, и Васильковичи, Григорій съ Іоанномъ, наследовали Перемышль, Звенигородъ, Теребовль и другія мѣста въ юго-западной Россіи, когда въ 1124 году умерли отцы ихъ, оставивъ навсегда въ Россіи память своихъ счастливыхъ дѣлъ воинскихъ, вѣрности въ обѣтахъ и любви къ отечественной славѣ (221).

Смерть
трехъ
Князей
знаменитыхъ.

Г. 1125.
Май 19.
Кончина
Мономаха.

Княживъ въ столицѣ 13 лѣтъ, Владиміръ Мономахъ скончался на 73 году отъ рожденія, *славный побѣдами за Русскую землю и благими нравами*, какъ говорятъ древніе Лѣтописцы. Уже въ слабости и недугѣ онъ поѣхалъ на мѣсто, орошенное святою кровію Борнеа, и тамъ, у церкви имъ созданной, на берегу Альты, предалъ духъ свой Богу въ живѣйшихъ чувствованіяхъ утѣшительной Вѣры. Горестныя дѣти

и Вельможи привезли его тѣло въ Кіевъ, и совершили обрядъ погребенія въ Софійскомъ храмѣ. Набожность была тогда весьма обыкновенною добродѣтелию; но Владиміръ отличался Христіанскимъ сердечнымъ умиленіемъ: слезы обыкновенно текли изъ глазъ его, когда онъ въ храмахъ молился Вседержителю, за отечество и народъ, ему любезный ⁽²²⁰⁾. Не менѣе хвалятъ Лѣтописцы нѣжную его привязанность къ отцу (котораго сей рѣдкій сынъ *никогда и ни въ чемъ не ослушался*), снисхожденіе къ слабому человѣчеству, милосердіе, щедрость, незлобіе: ибо онъ, по ихъ словамъ, *творилъ добро врагамъ своимъ и любилъ отпускать ихъ съ дарами*. Но всего яснѣе и лучше изображаетъ его душу поученіе, имъ самимъ написанное для сыновей. Къ счастью, ^{Почте- ніе.} сей остатокъ древности сохранился въ одной харатейной лѣтописи, и достоинъ занять мѣсто въ исторіи ⁽²³⁰⁾.

Великій Князь говоритъ въ началѣ, что дѣдъ его, Ярославъ, далъ ему Русское имя Владиміра и Христіанское Василія, а отецъ и мать прозваніе *Мономаха* или *Единоборца*: для того ли, что Владиміръ дѣйствительно былъ по матери внукомъ Греческаго Царя Константина Мономаха, или въ самой первой юности изъявилъ особенную доблесть воинскую? — „Приближаясь ко гробу“ — пишетъ онъ — „благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ: Рука Его довела меня до старости маститой. А вы, дѣти любезныя, и всякой, кто будетъ читать сіе писаніе, наблюдайте правила, въ ономъ изображенныя. Когда же сердце ваше не одобритъ ихъ, не осуждайте моего намѣренія; но скажите только: *онъ говоритъ несправедливо!*“

„Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству есть основаніе добродѣтели. Великъ Господь; чудесны дѣла его!“ Описавъ въ главныхъ чертахъ, и по большей части словами Давида, красоту творенія и благодать Творца, Владиміръ продолжаетъ:

„О дѣти мои! хвалите Бога! Любите также человѣчество. Не постъ, не уединеніе, не Монашество спасетъ васъ, но благодѣянія. Не забывайте бѣдныхъ; кормите ихъ, и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе и поручено вамъ только на время. Не скрывайте богатства въ нѣдрахъ земли; сіе про-

„тивно Христіанству. Будьте отцами сиротъ: судите вдовиць
 „сами; не дайте сильнымъ губить слабыхъ. Не убивайте ни
 „праваго, ни виновнаго: жизнь и душа Христіанина священна.
 „Не призывайте всуе имени Бога; утвердивъ же клятву цѣ-
 „лованіемъ крестнымъ, не преступайте оныя. Братья сказали
 „мнѣ: *изгонимъ Ростиславичей и возьмемъ ихъ область,*
 „*или ты намъ не союзникъ!* Но я отвѣтствовалъ: *не могу*
 „*забыть крестнаго цѣлованія* (²³¹); развернулъ Псалтирь и
 „читалъ съ умиленіемъ: *вскую печальна еси, душе моя?*
 „*Уповай на Бога, яко исповьмся ему. Не ревнуй лукав-*
 „*нующимъ ниже завиди творящимъ беззаконіе.*— Не остав-
 „ляйте больныхъ; не страшитесь видѣть мертвыхъ: ибо всѣ
 „умремъ. Принимайте съ любовью благословіе Духовныхъ;
 „не удаляйтесь отъ нихъ; творите имъ добро, да молятся за
 „васъ Всевышнему.— Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ
 „сердцѣ, и думайте: *мы тлѣнны; нынѣ живы, а завтра*
 „*во гробъ.*— Войтесъ всякой лжи, піянства и любострастія,
 „равно гибельнаго для тѣла и души.— Чтите старыхъ людей
 „какъ отцевъ, любите юныхъ какъ братьевъ.— Въ хозяйствѣ
 „сами прилѣжно за всѣмъ смотрите, не полагаясь на Отроковъ
 „и Тіуновъ, да гости не осудятъ ни дому, ни обѣда вашего.—
 „На войнѣ будьте дѣятельны; служите примѣромъ для Вос-
 „водъ. Не время тогда думать о ширшествахъ и нѣгѣ. Разста-
 „вивъ ночную стражу, отдохните. Человѣкъ погибаетъ внезапно:
 „для того не слагайте съ себя оружія, гдѣ можетъ встрѣ-
 „тись опасность, и рано садитесь на коней (²³²).— Путе-
 „шествуя въ своихъ областяхъ, не дайте жителей въ обиду
 „Княжескимъ Отрокамъ; а гдѣ остановитесь, напоите, накормите
 „хозяина. Всего же болѣе чтите гостя, и знаменитаго и
 „простаго, и купца и Посла; если не можете одарить его, то
 „хотя брашномъ и питіемъ удовольствуйте: ибо гости распу-
 „скаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую и худую объ насъ
 „славу.— Привѣтствуйте всякаго человѣка, когда идете мимо.—
 „Любите женъ своихъ, но не дайте имъ власти надъ
 „собою.— Все хорошее, узнавъ, вы должны помнить: чего не
 „знаете, тому учитесь. Отецъ мой, сидя дома, говорилъ *пятью*

„языками (233): за что хвалить насъ чужестранцы. Лѣньность мать пороковъ: берегитесь ее. Человѣкъ долженъ всегда заниматься: въ пути, на конѣ, не имѣя дѣла, вмѣсто суетныхъ мыслей читайте наизусть молитвы, или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: *Господи помилуй!* Не засыпайте никогда безъ земнаго поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь въ землю три раза. Да не застанеть васъ солнце на ложѣ! Идите рано въ церковь воздать Богу хвалу утреннюю: такъ дѣлалъ отецъ мой; такъ дѣлали все добрые мужи. Когда озаряло ихъ солнце, они славили Господа съ радостію и говорили: *просвѣти очи мои, Христе Боже, и даждь ми еси свѣтъ твой красный*. Потомъ сѣдѣлисъ думать съ дружиною, или судить народъ, или ѣздили на охоту; а въ полдень спали: ибо не только человѣку, но и звѣрямъ и птицамъ Богъ присудилъ отдыхать въ часъ полуденный.—Такъ жилъ и вашъ отецъ. Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть Отроку: на охотѣ и войнѣ, днемъ и ночью, въ зной лѣтній и холодъ зимній не зналъ покоя; не надѣялся на Посадниковъ и Бирючей; не давалъ бѣдныхъ и вдовицъ въ обиду сильнымъ; самъ назиралъ церковь и Божественное служеніе, домашній распорядокъ, конюшню, охоту, ястребовъ и соколовъ“. — Исчисливъ свои дѣла воинскія, уже извѣстныя Читателю (234), Владиміръ пишетъ далѣе: „Всѣхъ походовъ моихъ было 83; а другихъ маловажныхъ не упомяну. Я заключилъ съ Половцами 19 мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ болѣе ста лучшихъ ихъ Князей и выпустилъ изъ неволи, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и потопилъ въ рѣкахъ (235). — Кто путешествовалъ скорѣе меня? Выѣхавъ рано изъ Чернигова, я бывалъ въ Кіевѣ у родителя прежде Венгеренъ.—Любя охоту, мы часто ловили звѣрей съ вашимъ дѣдомъ. Своими руками въ густыхъ лѣсахъ вязалъ я дикихъ коней вдругъ по нѣскольку. Два раза буйволъ металъ меня на рогахъ, олень бодалъ, лось топтала ногами; вепрь сорвалъ мечъ съ бедра моей, медвѣдь прокусилъ сѣдло; лютый звѣрь однажды бросился и низвергнулъ коня подо мною. Сколько разъ я падалъ съ лошади! Дважды разбилъ себѣ голову.

„повреждалъ руки и ноги, не блюдя жизни въ юности, и не щадя головы своей. Но Господь хранилъ меня. И вы, дѣти мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни звѣрей свирѣпныхъ; но являйтесь мужами во всякомъ случаѣ, посланномъ отъ Бога. Если Провидѣніе опредѣлитъ кому умереть, то не спасутъ его ни отецъ, ни мать, ни братья. Храненіе Божіе надежнѣе „человѣческаго“.

Безъ сего завѣщанія (236), столь умно писаннаго, мы не знали бы всей прекрасной души Владиміра, который не сокрушилъ чуждыхъ Государствъ, но былъ защитою, славою, утѣшеніемъ собственнаго; и никто изъ древнихъ Князей Россійскихъ не имѣетъ болѣе права на любовь потомства: ибо онъ съ живѣйшимъ усердіемъ служилъ отечеству и добродѣтели. Если Мономахъ одинъ разъ въ жизни не усомнился нарушить Права Народнаго и вѣроломнымъ образомъ умертвить Князей Половецкихъ, то можемъ отнести къ нему слова Цицеронова: *такъ извиняетъ чловѣка* (237). Считаая Половцевъ врагами Христіанства и Неба (ибо они жгли церкви), Россіяне думали, что истребятъ ихъ, какимъ бы то образомъ ни было, есть богоугодное дѣло.

Къ сожалѣнію, древніе Лѣтописцы наши, рассказывая подробно вопіекія и церковныя дѣла, едва упоминаютъ о государственныхъ или гражданскихъ, коими Владиміръ украсилъ свое правленіе. Знаемъ только, что онъ, желая доставить народу все возможныя удобства, сдѣлалъ на Днѣпрѣ мостъ; часто ѣздилъ въ Ростовскую и Суздальскую землю, послѣдственную область Всеволодова Дому, для хозяйственныхъ распоряженій; выбралъ прекрасное мѣсто на берегу Клязмы, основалъ городъ, назвалъ его *Владиміромъ Залѣскимъ*, окружилъ валомъ и построилъ тамъ церковь Св. Спаса. Сынъ его, Мстиславъ, распроетранилъ въ 1114 году укрѣпленія Новгородскія, а Посадникъ, именемъ Павелъ, заложилъ каменную стѣну въ Ладогѣ (238).

Во время Мономахова княженія, довольно спокойное и мирное въ сравненіи съ другими, были нѣкоторыя бѣдствія: рѣдкая засуха въ 1124 году и сильный въ Кіевѣ пожаръ, который

Слова-
ніе
Влади-
мира За-
лѣскаго.

Въ д-
ствіи.

продолжался два дни, обративъ въ пепель большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю *Жидовскую улицу*. Народъ съ ужасомъ видѣлъ еще одно совершенное затмѣніе солнца и звѣзды на небѣ въ самый полдень. Въ южной Россіи случились два землетрясенія, а въ сѣверной страшная буря, которая срывала дома и потопила множество скота въ Волховѣ (239).

Мономахъ оставилъ пять сыновей и супругу третьяго брака. Нѣтъ сомнѣнія, что *первою* была Гида, дочь Англійскаго Короля Гаральда, о коей мы упоминали (240), и которая, по извѣстію древняго Историка Датскаго, около 1070 году вышла за нашего Князя, именемъ Владиміра. Норвежскіе Лѣтописцы сказываютъ, что сынъ Гиды и сего Князя женился на Христинѣ, дочери Шведскаго Короля, Инга Стенкильсона: супруга Метислава Владиміровича дѣйствительно называлась Христиною (241). Ея дочери, внуки Мономаховы, вступили въ знаменитые брачные союзы: *одна* съ Норвежскимъ Королемъ, Сигурдомъ, а послѣ съ Датскимъ Эрикомъ Эдмундомъ; *вторая* съ Канутомъ Святымъ, Королемъ Оботритскимъ, отцемъ *Валдемара*, славнаго Государя Датскаго, названнаго симъ именемъ, можетъ быть, въ честь его великаго прадѣда, *Владиміра* Мономаха; *третья* съ Греческимъ Царевичемъ: думаю, сыномъ Императора Іоанна, Алексіемъ, коего супруга именемъ и родомъ неизвѣстна по Византійскимъ лѣтописямъ (242).

Въ годъ сего бракосочетанія (1120) пріѣхалъ изъ Константинополя въ Россію Митрополитъ Никита и заступилъ мѣсто умершаго Никифора, мужа знаменитаго свѣдѣніями и краснорѣчіемъ: чего памятникомъ остались два письма его къ Мономаху: первое о *раздѣленіи Церквей*, Восточной и Западной; второе о *постѣ*, особенно любопытное, ибо оно содержитъ въ себѣ не только богословскія, но и философическія умствованія, заключаемая хвалою добродѣтелей Мономаховыхъ (243). „*Разумъ*“ — пишетъ Никифоръ — „*разумъ есть свѣтлое око души, обитающей во главѣ*. Какъ ты, Государь мудрый, сидя на престолѣ, чрезъ Воеводъ своихъ управляешь народомъ, такъ душа посредствомъ пяти чувствъ

Гиды
супруга
Мономаха:
она
дѣти.

Сочиненіе
Митрополита
Никифора.

„ править тѣломъ. Не имѣю нужды во многорѣчїи: ибо умъ
„ твой летаетъ быстро, постигая смыслъ каждаго слова. Могу
„ ли предписывать тебѣ законы для умѣренности въ чувствен-
„ ныхъ наслажденїяхъ, когда ты, сынъ Княжеской и Царской
„ (Греческой) крови, Властитель земли сильныя, не знаешь дому,
„ всегда въ трудахъ и путешествїяхъ, спишь на голой землѣ,
„ единственно для важныхъ дѣлъ государственныхъ вступаешь
„ во дворецъ свѣтлый, и снимая съ себя любимую одежду про-
„ стую, надѣваешь Властительскую; когда, угощая другихъ
„ обѣдами Княжескими, самъ только смотришь на яства роскош-
„ нныя?... Восхваляю ли тебѣ и другїя добродѣтели? Восхваляю ли
„ щедрость, когда десница твоя ко веѣмъ простерта; когда ты
„ ни сребра, ни злата не таишь, не считаешь въ казнѣ своей,
„ но обѣими руками раздаешь ихъ, хотя оскудѣть не можешь,
„ ибо благодать Божїя съ тобою?... Скажу единое: какъ душа
„ обязана испытывать или повѣрять дѣйствїя чувствъ, зрѣнїя,
„ слуха, ея всегдашнихъ орудїй, дабы не обмануться въ своихъ
„ заключенїяхъ: такъ и Государь долженъ повѣрять донесенїя
„ Вельможъ. Вспомни, кто изгнанъ, кто наказанъ тобою: не
„ клевета ли погубила сихъ несчастныхъ?... Князь любезный!
„ да не оскорбитъ тебя искренняя рѣчь моя! Не думай, чтобы
„ я слышалъ жалобу осужденныхъ и за нихъ вступался; нѣтъ.
„ пишу единственно на воспоминанїе тебѣ: ибо власть великая
„ требуетъ и великаго отчета; а мы начинаемъ теперь постъ.
„ время душеспасительныхъ размышленїй, когда Пастыри цер-
„ ковные должны и Князьямъ смѣло говорить истину. Вѣдаю,
„ что мы сами, можетъ быть, въ зломъ недугѣ; но Слово Божїе
„ въ насъ здраво и цѣло: ежели оно полезно, то надобно ли
„ входить въ дальнѣйшее изслѣдованїе? Человѣкъ въ лицѣ,
„ Богъ въ сердцѣ“, и проч. — Такимъ образомъ древнїе учителя
нашей Церкви бесѣдовали съ Государями, соединяя усердную
хвалу съ наставленїемъ Христіанскимъ. Слогъ сихъ писемъ
ознаменованъ печатїю вѣка: грубъ, однакожь довольно ясенъ,
и многїя выраженїя сильны.

ГЛАВА VIII.

Великій Князь Мстиславъ.

Г. 1125—1132.

Набѣгъ Половцевъ. Изгнаніе Ярослава Черниговскаго. Начало особенныхъ Княженій, Муромскаго и Рязанскаго. Удаленіе Половцевъ за Волгу. Междоусобіе въ юго-западной Россіи. Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію. Война съ Чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Голодъ. Древнѣйшая грамота.

Мстиславъ Владиміровичъ наслѣдовалъ достоинство Великаго Князя. Братья его господствовали въ Удѣлахъ: Ярополкъ въ Переяславль, Вячеславъ въ Туровъ, Андрей въ Владиміръ, Георгій въ Суздаль; а сыновья, Изяславъ и Ростиславъ, въ Курскъ и Смоленскъ.—Новый Государь, уже давно извѣстный мужествомъ и великодушіемъ, явилъ добродѣтели отца своего на престолѣ Россіи: имѣлъ ту же ревностную любовь къ общему благу, ту же твердость, соединенную въ немъ, подобно какъ и въ Мономахъ, съ нѣжною чувствительностію души (244). г. 1125.

Княженіе его, къ несчастію кратковременное, прославилось разными успѣхами воинскими, которыми онъ желалъ единственно успокоить Государство и возстановить древнее величіе онаго.

Половцы, свѣдавъ о кончинѣ Мономаха, думали, что Россія осиротѣла и будетъ снова жертвою ихъ грабительства. Они хотѣли соединиться съ Торками, кочевавшими близъ Переяславля; но Ярополкъ Владиміровичъ, тамошній Князь, узналъ о сѣмъ намѣреніи: велѣлъ Торкамъ вѣхъ въ городъ, и самъ, не имѣвъ терпѣнія дожидаться помощи отъ своихъ братьевъ,

Набѣгъ
Полов-
цевъ.

съ одною Переяславскою дружиною ударить на варваровъ, разбилъ ихъ и множество потопилъ въ рѣкахъ.

г. 1127.

Игна-
нтіе Яро-
слава
Черни-
говска-
го.

Мстиславъ, объявивъ себя покровителемъ угнѣненныхъ Князей, долженъ былъ обнажить мечъ на Всеволода Ольговича, который выгналъ изъ Чернигова дядю своего, Ярослава, умертвилъ его бояръ вѣрныхъ и разграбилъ ихъ дома. Мстиславъ клялся изгнанному Князю наказать сего мятежнаго сына Олгова. Слѣдую несчастному примѣру отца, Всеволодъ заключилъ союзъ съ Половцами: варвары, въ числѣ семи тысячъ, спѣшили къ границамъ Россіи, давъ вѣсть о томъ Черниговскому хищнику; но Послы ихъ не могли уже возвратиться и были схвачены, въ окрестностяхъ рѣки Сейма, Посадниками Ярополка ⁽²⁴⁵⁾. Ожидавъ долгое время отвѣта и боясь измѣны, Половцы ушли наконецъ во-свои. Тогда Всеволодъ приобѣнулъ къ смиренію; молилъ Великаго Князя забыть вину его и между тѣмъ обсылалъ дарами Вельможъ Кіевскихъ. Мстиславъ еще не колебался, однакожь медлилъ, и несчастный дядя самъ пріѣхалъ изъ Муромъ, чтобы напомнить ему священный обѣтъ мести. Бояре, не ослѣпленные дарами Всеволода, были за Ярослава; но какой-то Григорій, Игумень Андреевской Обители, любимецъ покойнаго Мономаха, весьма уважаемый Великимъ Княземъ, говорилъ, что миролюбіе есть должность Христіанина. Митрополитъ Никита уже скончался ⁽²⁴⁶⁾, и Церковь Россійская не имѣла Главъ: сей Игумень склонилъ на свою сторону всѣхъ духовныхъ сановниковъ, которые торжественно сказали Мстиславу: „Государь! лучше преступить клятву, нежели убивать Христіанъ. Не бойся грѣха: мы беремъ его на свою душу“. Убѣжденный ими, Великій Князь примирился со Всеволодомъ, и бѣдный Ярославъ съ горестію возвратился въ Муромъ (гдѣ и скончался черезъ два года, оставивъ сію область и Рязанскую въ наслѣдіе сыновьямъ). Мстиславъ забылъ наставленіе отца: „давъ клятву, исполняйте оную!“ Шадить кровь людей есть безъ сомнѣнія добродѣтель; но Монархъ, преступная обѣтъ, нарушаетъ законъ Естественный и Народный; а миролюбіе, которое спасаетъ виновнаго отъ казни, бываетъ вреднѣе самой жестокости. Къ

Начало
особен-
ныхъ
Гнаше
ій, Му-
ромска-
го и Рязанска-
го.

честь Мстислава скажемъ, что онъ во всю жизнь свою оплакивалъ сей проступокъ ⁽²⁴⁷⁾.

Великій Князь, излишно снисходительный въ отношеніи ко Всеволоду, отпустилъ по крайней мѣрѣ варварамъ, его союзникамъ. Лѣтописцы говорятъ, что войско Мстислава „загнало Половцевъ не только за Донъ, но и за Волгу“, и что они уже не смѣли безпокоить нашихъ предѣловъ ⁽²⁴⁸⁾.

Удаленіе Половцевъ за Волгу.

Еще при жизни Мономаха сыновья Володаревы, Владиміръ и Ростиславъ, начали ссориться между собою; однакожь, боясь его, не смѣли воевать другъ съ другомъ. Исполняя завѣщаніе отца, первый господствовалъ въ Звенигородѣ, а второй въ Перемышлѣ. Когда же Момахъ скончался, Владиміръ хотѣлъ изгнать брата. За Ростислава стояли Васильковичи, Иоаннъ и Григорій; также и Великій Князь Мстиславъ, желая единственно отвратить зло насилія. Мирныя убѣжденія, съѣзды и переговоры въ Серетѣ остались безполезными: Владиміръ уѣхалъ въ Венгрію, чтобы просить войска у Короля Стефана. Тогда Ростиславъ осадилъ Звенигородъ, гдѣ 3000 Венгровъ и Россіянь оборонялись столь мужественно, что онъ долженъ былъ отступитъ. Но сія война не имѣла дальнѣйшихъ слѣдствій. Владиміръ, возвратясь въ отчизну, смирился: ибо Великій Князь рѣшительно требовалъ, чтобы каждый изъ братьевъ довольствовался своимъ Удѣломъ ⁽²⁴⁹⁾.

Междоусобіе въ юго-западн. оуб. Россіи.

Важнѣйшее происшествіе сего времени есть паденіе знаменитаго Дому Князей Полоцкихъ, которые издавна отдѣлились, такъ сказать, отъ Россіи, желая быть Владѣтелями независимыми. Мстиславъ рѣшился покорить сію древнюю область Кривичей, и сдѣлалъ то, чего напрасно хотѣли его дѣды ⁽²⁵⁰⁾. Онъ привелъ въ движеніе силы многихъ Князей; велѣлъ идти братьямъ своимъ, Вячеславу изъ Турова, Андрею изъ Владиміра, сыну Изяславу изъ Курска, давъ ему собственный полкъ Княжескій; Ростиславу, другому сыну, изъ Смоленска; Всеволодку Давидовичу, внуку Игореву и зятю Мономахову, изъ Городна; Вячеславу Ярославичу, внуку Святополка-Михаила, изъ Клецка. Всѣ они должны были начать военныя дѣйствія въ одинъ день. Всеволодъ Ольговичъ,

Ссылка на Киевскія Полоцкія и Гроднскія.

4 Август.

послушній Великому Князю, и братья его вмѣстѣ съ отрядомъ вѣрныхъ Торковъ, отданныхъ въ начальство Боярину Ивану Воитешичу, въ то же время шли къ Минскому городу Борисову. Изяславъ взялъ Логожскъ еще ранѣе назначеннаго Мстиславомъ дня, и спѣшили соединиться съ дядями, обступившими городъ Изяславль, Удѣль знаменитой Рогнѣды, первой супруги Св. Владиміра. Тамъ находился Брячиславъ, сынъ Бориса Всеславича, зять Мстиславовъ: хотѣвъ бѣжать къ отцу, онъ попался въ руки къ своему шурину, который велъ съ собою многихъ плѣнныхъ Логожанъ. Узнавъ, что сіи плѣнники и Брячиславъ довольны умѣренностію побѣдителя, осажденные граждане рѣшились сдаться, но требовали клятвы отъ Вячеслава, сына Мономахова, что онъ защититъ ихъ отъ всякаго насилія. Клятва была дана и нарушена. Ночью, въ слѣдъ за дружиною Тисячскихъ, посланною въ городъ, бросились всѣ воины Андреевы и Вячеславовы: Князья не могли или не хотѣли остановить ихъ; едва спасли имѣніе дочери Мстиславовой, мечемъ удержавъ неустовыхъ грабителей, а бѣдныхъ гражданъ отдали имъ въ жертву. Скоро и Всеволодъ, старшій сынъ Великаго Князя, вступилъ съ Новгородцами въ область Полоцкую: устрешенные жители не оборонялись, и выгнали своего Князя, Давида, на мѣсто коего, согласно съ ихъ желаніемъ, Мстиславъ далъ имъ Рогволода, брата Давидова ⁽²⁵¹⁾; а чрезъ два года отправилъ всѣхъ Князей Полоцкихъ въ ссылку, за то, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что они не хотѣли дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ враговъ нашего отечества, Половцевъ ⁽²⁵²⁾. Всеславичи Давидъ, Ростиславъ, Святославъ, и племянники ихъ Василько, Іоаннъ, сыновья Рогволодовы, съ женами и дѣтьми были на

г. 1129.

трехъ ладіяхъ отвезены въ Константинополь. Мстиславъ отдалъ Княженіе Полоцкое и Минское сыну своему Изяславу. Князь Новгородскій Всеволодъ, соединясь съ братьями, два раза ходилъ на Чудь, или Эстонцевъ, зимою: обратилъ въ пещель селенія, умертвилъ жителей, взялъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей; но въ другомъ походѣ самъ лишился многихъ воиновъ. Сей народъ ненавидѣлъ Россіянъ какъ угнетителей,

г. 1190—
1191.
Война
съ
Чудью
и Лив-
вою.

отрекался платить дань, и сопротивленіемъ отягчалъ свою долю.—Самъ Великій Князь воевалъ Литву и привелъ въ Кіевъ г. 1181 великое число плѣнниковъ ⁽²⁵³⁾. Тогдашнія безпрестанныя войны доставляли нашимъ Князьямъ и Боярамъ множество невольниковъ, которые отчасти шли въ продажу, отчасти (какъ надобно думать) были разсеяемы по деревнямъ.

Мстиславъ, по возвращеніи изъ Литвы, скончался на 56 году Копи- на Мсти- слава. Г. 1182. Апр. 16 отъ рожденія, заслуживъ имя Великаго. Онъ умѣлъ властвовать, хранилъ порядокъ внутри Государства, и если бы дожилъ до лѣтъ отца своего, то могъ бы утвердить спокойствіе Россіи на долгое время.—Сей Великій Князь, вторично женатый на дочери знатнаго Новгородца, Димитрія Завидича, имѣлъ отъ нее двухъ сыновей: Святополка и Владиміра (кромѣ дочерей, изъ коихъ одна была за Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ). Старшіе ихъ братья родились отъ Христинны, первой супруги ⁽²⁵⁴⁾.

Сверхъ тогдашнихъ мнимыхъ ужасовъ, солнечныхъ затмѣній, и легкаго землетрясенія въ южной Россіи (Августа 1, 1126 года), дѣйствительнымъ несчастіемъ княженія Мстислава Голоду былъ страшный голодъ въ сѣверныхъ областяхъ, особенно же въ Новгородской. Отъ жестокаго, совсѣмъ необыкновеннаго холода вымерзли озими, глубокой снѣгъ лежалъ до 30 Апрѣля, вода затопила нпвы, селенія, и земледѣльцы весною увидѣли на поляхъ, вмѣсто зелени, одну грязь. Правительство не имѣло запасовъ, и цѣна хлѣба такъ возвысилась, что осмина ржи въ 1128 году стоила вышними серебряными деньгами около рубля сорока копѣекъ ⁽²⁵⁵⁾. Народъ питался мякиною, лошадинымъ мясомъ, липовымъ листомъ, березовою корою, мхомъ, дѣвесною гнилью. Изпуренные голодомъ люди считались какъ привидѣнія: падали мертвые на дорогахъ, улицахъ и площадяхъ. Новгородъ казался обширнымъ кладбищемъ; трупы заражали воздухъ смрадомъ тлѣнія, и каменники не успѣвали вывозить ихъ. Отцы и матери отдавали дѣтей купцамъ иноземнымъ въ рабство, и многіе граждане искали пропитанія въ странахъ отдаленныхъ. „Новгородъ опустѣлъ“, говорятъ Лѣтописцы: однакожь войско его чрезъ годъ уже

разило непріятелей, торговля цвѣла по прелъному, купческія суда ходили въ Готландію и Данію (²⁵⁶).

Древ.
иѣтнѣ
грамо-
та.

Замѣтимъ, что самая древнѣйшая изъ подлинныхъ Княжескихъ грамотъ Русскихъ, донынѣ намъ извѣстныхъ, есть Мстиславова, данная имъ Новгородскому Юрьевскому монастырю, вмѣсто крѣпости, на земли и судныя пошлины, съ приписью сына его, Всеволода, что онъ даритъ тому же монастырю серебряное блюдо для употребленія за братскою трапезою.

Г Л А В А IX.

Великій Князь Ярополкъ.

Г. 1132—1139.

Неустройства. Дань Печорская. Завоеваніе Дерпта. Битва на Ждановой горѣ. Кровавое пролитіе въ южной Россіи. Изгнаніе Князя изъ Новгорода. Великодушіе Василька Полоцкаго. Псковъ отдѣлился отъ Новгорода. Уставъ о церковной дани. Новгородцы опять изгоняютъ Князя. Междоусобіе въ южной Россіи. Миръ и кончина Великаго Князя. Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое Княженіе. Характеръ Владимірка. Борись воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ; является въ станѣ Короля Французскаго; убитъ измѣнникомъ.

Превосходныя достоинства Мстислава удерживали част- г. 1132.
ныхъ Князей въ границахъ благоразумной умѣренности: кончина его разрушила порядокъ.

Граждане Кіевскіе объявили Ярополка Владиміровича Государемъ своимъ и призвали его въ столицу. Согласно съ торжественнымъ договоромъ, заключеннымъ между имъ и старшимъ братомъ, въ исполненіе Мономахова завѣщанія, онъ уступилъ Переяславль Всеволоду, сыну Мстислава. Сей Князь Новгородскій, пріѣхавъ туда, чрезъ нѣсколько часовъ былъ изгнанъ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, Княземъ Суздальскимъ и Ростовскимъ, который заключилъ союзъ съ меньшимъ братомъ, Андреемъ, и боялся, чтобы Ярополкъ не сдѣлалъ Всеволода наслѣдникомъ Кіевского престола. Великій Князь убѣдилъ Георгія выѣхать изъ Переяславля ⁽²⁵⁷⁾; но, чтобы успокоить братьевъ, отдалъ сію область другому племяннику, Изяславу Мстиславичу, Князю Полоцкому. Такимъ образомъ слабость новаго Государя обнаружилась въ излишней снисходительности, и несчастныя слѣдствія доказали, сколь малодушіе его было вредно для Государства. Новгородцы, Ладожане и Псковитяне (которые составляли одну область) уже не хотѣли принять Всеволода. „Забывъ клятву умереть съ

неустрой-
ства

„нами (говорили они), ты некаль другаго Княженія: иди же, „куда тебѣ угодно!“ Несчастнѣйшій Князь долженъ былъ удалиться. Граждане скоро одумались и возвратили изгнанника; но власть его ограничилась, и Посадники, издревле знаменитые слуги Князей, сдѣлались ихъ совѣтниками въ могуществѣ, будучи съ того времени избираемы народомъ ⁽²⁵⁸⁾. — Полочане также воспользовались отсутствіемъ Изяслава: выгнали брата его, Святополка, и признали Княземъ своимъ Василька Рогволодовича, который возвратился тогда изъ Царяграда ⁽²⁵⁹⁾.

Новыя перемены служили только поводомъ къ новымъ беспорядкамъ и неудовольствіямъ. Желая совершенно угодить братьямъ, Ярополкъ склонилъ Изяслава уступить Переяславль дядѣ своему, Вячеславу. Племянникъ въ замѣну получилъ Туровъ и Пинскъ, сверхъ его прежней Мпнской области; былъ доволенъ и ѣздилъ въ Удѣлы Мстиславичей, въ Смоленскъ, въ Новгородъ, собирать дары и налоги для Ярополка. Достойно примѣчанія, что Новгородъ, владѣя отдаленными странами нынѣшней Архангельской Губерніи, платилъ за нихъ Великимъ Князьямъ особенную дань, которая называлась *Печорскою*. Но скоро вѣрность Изяслава и братьевъ его поколебалась: легкомысленный Вячеславъ, жалѣя о своемъ бывшемъ Удѣлѣ, отнялъ у племянника Туровъ, а Георгій Владиміровичъ взялъ Переяславль, отдавъ за то Ярополку часть своей Ростовской и Суздальской области ⁽²⁶⁰⁾. Огорченный Изяславъ прибѣгнувъ ко Всеволоду: сей Новгородскій Князь не задолго до того времени побѣдилъ мятежную Чудь, взялъ Юрьевъ или Дерптъ, основанный Великимъ Ярославомъ, и въ надеждѣ на свою храбрость обѣщалъ брату завоевать для него область Суздальскую. Онъ не сдержалъ слова: дошелъ только до рѣки Дубны и возвратился. Между тѣмъ въ Новгородѣ господствовало неустройство: народъ волновался, избиралъ, смѣнялъ Посадниковъ, и даже утопилъ одного изъ главныхъ чиновниковъ своихъ, бросивъ его съ мосту, который служилъ Новгородцамъ вмѣсто скалы Тарпейской. Недовольные худымъ успѣхомъ Всеволодова похода, они требовали войны, и хотѣли снова итти къ Суздаю. Напрасно Михаилъ, тогдашній Ма-

г. 1133.

Д а н ъ
Печор-
ска я.
Г. 1131-
1135.

Завое-
ваніе
Дерпта.

трополитъ Кіевскій, пріѣхавъ къ нимъ, старался отвратить ихъ отъ сего междоусобія: Новгородцы считали оное нужнымъ для своей чести; не пустили отъ себя Митрополита, и не смотря на жестокость зимы, выступили въ поле 31 Декабря; съ удивительнымъ терпѣніемъ сносили холодъ, вьюги, мятели, и кровопролитною битвою, 26 Генваря, на долгое время просла-

Битва на Ждановской горѣ.

вили Жданову гору (въ нынѣшней Владимірской Губерніи); потеряли множество людей, убили еще болѣе Суздальцевъ, но не могли одержать побѣды; возвратились съ миромъ и немедленно освободили Митрополита, который предеказалъ имъ несчастныя слѣдствія ихъ похода ⁽²⁶¹⁾.

И южная Россія была въ сіе время театромъ раздора. Ольговичи, Князья Черниговскіе, дружные тогда со Мстиславичами, объявили войну Ярополку и братьямъ его; призвали Половцевъ; жгли города, села; грабили, пльняли Россіянь, и заключили миръ подъ Кіевомъ. Изяславъ былъ тутъ же. Онъ не ходилъ вторично съ Новгородцами въ область Суздальскую: Великій Князь уступилъ ему Владиміръ, Андрею, брату своему, Переяславль, а Ростовъ и Суздаль возвратилъ Георгію, который сверхъ того удержалъ за собою Остеръ въ южной Россіи. Въ семъ случаѣ Новгородцы поступили какъ истинные, добрые сыны отечества: не хотѣвъ взять участія въ междоусобіи, они прислали своего Посадника Мирослава, и наконецъ Епископа Нифонта, обезоружить Князей словами благоумія. Нифонтъ, мужъ строгой добродѣтели, сильными убѣжденіями тронулъ ихъ сердца и болѣе всѣхъ способствовалъ заключенію мира ⁽²⁶²⁾.

Кровопролитіе въ южной Россіи.

Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять возгорѣлась война, и Князья Черниговскіе новыми злодѣйствами утрашили бѣд-ныхъ жителей Переяславской области. Въ жестокой битвѣ, на берегахъ Супоя, Великій Князь лишился всей дружины своей; она гналась за Половцами и была отрѣзана непріятелями: ибо Ярополкъ съ большею частію войска малодушно оставилъ мѣсто сраженія. Пльнивъ знатнѣйшихъ Бояръ, Ольговичи взяли и зная Великаго Князя. Василько, сынъ Мономаховой дочери, Маріи, и Греческаго Царевича Леона, находился въ

Г. 1136.
Августа 8.

числѣ убитыхъ.—Завоевавъ Триполь, Халепъ, окрестности Вѣлагорода, Василева, побѣдители уже стояли на берегахъ Лыбеди, когда Ярополкъ, готовый ко вторичной битвѣ, но ужасаясь кровопролитія, вопреки мнѣнію братьевъ предложилъ миръ, и согласился уступить Ольговичамъ Курекъ съ частію Переяславской области ⁽²⁶³⁾. Митрополитъ ходилъ къ нимъ въ станъ, и приводилъ ихъ къ цѣлованію Креста, по тогдашнему обычаю.

Изгна-
н іе
Князя
изъ Но-
вогоро-
да.

Между тѣмъ Новгородцы, мира другихъ, сами не умѣли наслаждаться внутреннею тишиною. Князь былъ жертвою ихъ безпокойнаго духа. Собравъ гражданъ Ладожскихъ, Псковскихъ, они торжественно осудили Всеволода на изгнаніе, ставя ему въ вину, 1) что „онъ не *блюдетъ* простаго народа, и „любить только забавы, ястребовъ и собакъ; 2) хотѣлъ княжить въ Переяславль; 3) ушелъ съ мѣста битвы на Ждановой горѣ прежде всѣхъ, и 4) непостояненъ въ мысляхъ: „то держитъ сторону Князя Черниговскаго, то пристааетъ ко „врагамъ его“. Всеволодъ былъ заключенъ въ Епископскомъ домѣ съ женою, дѣтьми и тещею, супругою Князя Святоши; сидѣлъ какъ преступникъ 7 недѣль за всегдашнюю стражу тридцати вожновъ, и получилъ свободу, когда Святославъ Ольговичъ, братъ Князя Черниговскаго, избранный народомъ, пріѣхалъ княжить въ Новгородъ. Оставивъ тамъ аманатомъ юнаго сына своего, Владиміра, Всеволодъ искалъ защиты Ярополковой, и добросердечный Великій Князь, забывъ вину сего племянника (хотѣвшаго прежде, въ досаду ему, овладѣть Суздальскою землею), далъ изгнаннику Вышегородъ ⁽²⁶⁴⁾; но равнодушно смотрѣлъ на то, что древняя столица Рюрикова, всегдашнее достояніе Государей Кіевскихъ, уже не признавала надъ собою ихъ власти.

Мятежъ продолжался въ Новгородѣ. Всеволодъ имѣлъ тамъ многихъ ревностныхъ друзей, нечуждыхъ народу, который одного изъ нихъ, именемъ Георгія Жирославича, бросилъ въ Волховъ. Сіи люди, не теряя надежды успѣть въ своемъ намѣреніи, хотѣли даже застрѣлить Князя Святослава ⁽²⁶⁵⁾. Самъ Посадникъ держалъ ихъ сто-

и Псковитянами ушелъ ко Всеволоду, сказывая ему, что все́ добрые ихъ сограждане желаютъ его возвращенія. Рожденный, воспитанный съ ними, сей Князь любилъ Новгородъ какъ отчизну и благодарныхъ его жителей какъ братьевъ; тосковалъ въ изгнаніи, и съ сердечною радостію спѣшилъ приблизиться къ своей наслѣдственной столицѣ. На пути встрѣтилъ его съ дружиною Василько Рогволодовичъ, Князь Полоцкій, въ 1129 г. сосланный Мстиславомъ въ Константинополь: онъ имѣлъ случай отметить сыну за жестокость отца; но Василько былъ великодушенъ: видѣлъ Всеволода въ несчастіи и клялся забыть древнюю вражду; желалъ ему добра, и самъ съ честію проводилъ его чрезъ свои области.

Василько-
дущіи
Василь-
на По-
лоцка-
го.

Псковитяне съ искреннимъ усердіемъ приняли Всеволода: Новгородцы же не хотѣли объ немъ слышать, и свѣдавъ, что онъ уже во Псковѣ, разграбили дома его доброжелателей, а другихъ обложили пенями, и собранныя 1500 гривенъ отдали купцамъ на заготовленіе нужныхъ вещей для войны. Святославъ призвалъ брата своего, Глѣба, изъ Курска; призвалъ самыхъ Половцевъ. Уже варвары надѣялись опустошить сѣверную Россію, какъ они съ жестокимъ огнемъ сего Князя грабили южную; но Псковитяне рѣшились быть друзьями Всеволода; заваливъ все́ дороги въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, они взяли такія мѣры для обороны, что утраченный Святославъ не хотѣлъ итти далѣе Дубровны, и возвратился ⁽²⁸⁶⁾. Такимъ образомъ городъ Псковъ сдѣлался на время особеннымъ Княженіемъ: Святополь Мстиславичъ наслѣдовалъ сію область по кончинѣ брата своего, набожнаго, благотельнаго Всеволода-Гавріила, коего гробницу и древнее оружіе донинѣ показываютъ въ тамошней Соборной церкви.

Псковъ
отдѣ-
лился
отъ Но-
вогоро-
да.

Новгородцы, избравъ Святослава, объявили себя непріятелями Великаго Князя, также Суздальскаго и Смоленскаго. Псковитяне не хотѣли имѣть съ ними сношенія: ни Василько, Князь Полоцкій, вѣрный союзникъ Всеволодовъ. Лишенные подвозовъ, они терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ (котораго осьмина стоила тогда въ Новѣгородѣ 7 рѣзаней), и неудовольствіе народное обратилось на Князя невиннаго. Одно ду-

ховенство имѣло пѣкоторую причину жаловаться на Свято-слава: ибо онъ сочетался какимъ-то незаконнымъ бракомъ въ Новгородѣ, не уваживъ запрещенія Епископскаго, и велѣвъ обвинчать себя собственному или придворному Иерее. За то сей Князь старался обезоружить Нифонта своею щедростію, возобновивъ древній уставъ Владиміровъ о церковной дани, опредѣливъ Епископу брать, вмѣсто десятины отъ *Вуръ* и *продажъ*, 100 гривенъ изъ казны Княжеской, кромѣ уѣздныхъ оброковъ и пошлины съ купеческихъ судовъ ⁽²⁰⁷⁾. Но Святославъ не могъ успокоить народа, и былъ изгнанъ съ безчестіемъ. Желая защититъ себя отъ мести Ольговичей, граждане оставили въ залогъ у себя его Бояръ и Княгиню; сослали ее въ монастырь Св. Варвары и призвали въ Новгородъ Ростислава, внука Мономахова, сына Георгіева; заключили миръ съ Великимъ Княземъ, Псковитянами, и хвалялись своею мудрою Политикою. — Горестный Святославъ, разлученный съ женою, на пути своемъ въ Черниговъ былъ остановленъ Смоленскими жителями и запертъ въ монастырь Смядынскомъ; ибо Ольговичи снова объявили тогда войну роду Мономахову.

Сип безпокойные Князья вмѣстѣ съ Половцами ограбили селенія и города на берегахъ Сулы. Андрей Владиміровичъ не могъ отразитъ ихъ, ни имѣть скорой помощи отъ братьевъ, которые, въ надеждѣ на миръ, распустили войско. Онъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ бѣдствія своихъ подданныхъ, и смѣшился уѣхать изъ Переяславля, оставивъ ихъ въ добычу врагамъ и не менѣе хищнымъ Намѣстникамъ ⁽²⁰⁸⁾. Заключение Святослава еще болѣе остервенило жестокихъ Ольговичей: пылая гнѣвомъ, они какъ тигры свирѣпетовали въ южной Россіи, взяли Прилукъ, думали осадитъ Кіевъ. Но Ярополкъ собралъ уже сильную рать, заставилъ ихъ удалиться и скоро приступилъ къ Чернигову. Не только все Россійскіе Князья соединились съ нимъ, но и Венгры дали ему войско; въ станѣ его находилось еще около 1000 конныхъ Берендѣевъ или Торковъ. Жители Черниговскіе ужаснулись и требовали отъ своего Князя, Всеволода, чтобы онъ

Уставъ о церковной дани.

г. 1138, Апрель 17.

Новгородцы опять изгнаны тѣмъ Княземъ. Мил 10.

Между-усобіе въ вож. н о П Россіи.

старался умплостивить Ярополка. „Ты хочешъ бѣжать къ „Половцамъ“, говорили они: „но варвары не спасутъ твоей „области: мы будемъ жертвою враговъ. Пожалѣй о народѣ „и смирися. Знаемъ челоуѣколюбіе Ярополково: онъ не ра- „дуется кровопролитію и гибели Россіяны“. Черниговцы не обманулись: Великій Князь, тронутый моленіемъ Всеволода, явилъ рѣдкій примѣръ великодушія или слабости: заключивъ миръ, утвержденный съ обѣихъ сторонъ клятвою и дарами, возвратился въ Кіевъ и скончался (269). Сей Князь, подобно Мономаху, любилъ добродѣтель, какъ увѣряютъ Лѣтописцы; но онъ не зналъ, въ чемъ состоитъ добродѣтель Государя. Съ его времени началась та непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха, которая въ теченіе цѣлаго вѣка была главнымъ несчастіемъ Россіи: ибо первые не хотѣли довольствоваться своею наслѣдственною областію и не могли, завидуя вторымъ, спокойно видѣть ихъ на престолѣ Великокняжескомъ.

Миръ и
кончи-
на По-
ловецкаго
Князя.

Г. 1139.
Февра-
ли 18.

Стоитъ
и въ
вражда
между
потом-
ками
Олега и
Моно-
маха.

Вмѣстѣ съ другими Россіянами находилась подъ Черниговымъ, въ Ярополковомъ станѣ, и вспомогательная дружина *Галицкая*: такъ съ сего времени называется въ лѣтописяхъ юго-западная область Россіи, гдѣ сынъ Володаревъ, честолюбивый Владимірко, господствуя вмѣстѣ съ братьями, перенесъ свою особенную столицу на берегъ Днѣстра, въ Галичь, и прославился мужествомъ. Онъ не могъ забыть коварнаго злодѣянія Ляховъ, столь безчестно плѣвившихъ Володаря, и мстилъ имъ при всякомъ случаѣ (270). Какой-то знатный Венгерецъ, Болеславовъ Вельможа, начальникъ города Вислицы, измѣнивъ Государю, тайно звалъ Галицкаго Князя въ ея богатую область. Владимірко безъ сопротивленія завладѣлъ оною и сдержалъ данное Венгерцу слово: осыпалъ его золотомъ, ласкою, почестями; но гнушаясь злодѣяніемъ, во-лѣлъ тогда-же ослѣпить сего измѣнника и сдѣлать овнухомъ. „Изверги не должны имѣть дѣтей, имъ подобныхъ“, ска-залъ Владимірко, хотѣвъ такимъ образомъ согласить природную ненависть къ Полякамъ съ любовію къ добродѣтели. Онъ удовлетворялся взятою добычею, и не могъ удержать

Галиц-
каго
Князя
ио.

Харак-
теръ
Влади-
мірка.

за собою Вислицы. Польскіе Лѣтописцы говорятъ, что Болеславъ старался отметить ему такимъ же грабежемъ въ Галицкой области: свирѣпствовалъ огнемъ и мечемъ, плавалъ въ крови невинныхъ земледѣльцовъ, пастырей, жень, и возвратился съ *честію!* Тогдашніе ужасы войны безъ сомнѣнія превосходили нынѣшніе, и казались не злодѣйствомъ, но ея принадлежностію, обыкновенною и необходимою.

Борисъ
воюетъ
съ Ко-
ролемъ
Венгер-
скимъ.

Владимірко — то врагъ, то союзникъ Венгровъ — участвовалъ также въ войнѣ Бориса, сына Евфиміи, Мономаховой дочери, съ Королемъ Белою *Смлымъ* (²⁷¹). Еще въ утробѣ матери осужденный на изгнаніе и воспитанный въ нашемъ отечествѣ, Борисъ, возмужавъ, хотѣлъ мечемъ доказать силу наслѣдственныхъ правъ своихъ, и вступилъ въ Венгрію съ *Россіянами*, его союзниками, и съ Болеславомъ Польскимъ; но въ рѣшительной битвѣ не выдержалъ перваго удара Нѣмцевъ и бѣжалъ какъ малодушный, не умѣвъ воспользоваться благорасположеніемъ многихъ Венгерскихъ Боярь, которые думали, что онъ былъ законный сынъ ихъ Государя, и что Коломанъ единственно по ненависти своей къ Россійской крови изгналъ супругу, вѣрную и невинную.

Борисъ
въ ста-
нѣ Ко-
роля
Фран-
цузска-
го.

Напрасно искавъ защиты Нѣмецкаго Императора, Борисъ чрезъ нѣсколько лѣтъ явился въ станѣ Людовика VII, когда сей Французскій Монархъ шелъ чрезъ Паннонію въ Обѣтованную землю. Узнавъ о томъ, Гейза, Король Венгерскій, требовалъ головы своего опаснаго непріятеля; но Людовикъ сжалился надъ несчастнымъ, и призвавъ на совѣтъ Епископовъ, объявилъ Посламъ Гейзы, что требованіе ихъ Короля не согласно ни съ честію, ни съ Вѣрою Христіанскою. Борисъ, женатый на родственницѣ Мануила, Греческаго Императора, удалился въ Царьградъ, выѣхавъ тайно изъ Французскаго стана на конѣ Людовиковомъ; воевалъ еще съ Гейзою подъ знаменами Мануила и былъ застрѣленъ измѣнникомъ, Половецкимъ воиномъ, въ 1156 году (²⁷²). Сынъ его, *младшій* Коломанъ, извѣстный храбростію, служилъ послѣ Грекамъ и правительствовалъ въ Киликіи.

Убитъ
малѣн-
никомъ.

ГЛАВА X.

Великій Князь Всеволодь Ольговичъ.

Г. 1139—1146.

Всеволодь изгоняеть Вячеслава. Междоусобіа. Мужество Андрея. Честность Всеволода. Его благоразуміе. Равнодушіе Новгородцевъ къ Княжеской чести. Безпокойства въ Новгородѣ. Смерть Андрея Добраго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россіине въ Польшѣ. Первая вражда Георгія съ Изяславомъ. Мореходство Новгородцевъ. Браки. Походъ на Галичь. Іоаннъ Берладникъ. Всеволодь избираетъ Наслѣдника. Дѣла Польскія. Война съ Галицкимъ Княземъ. Мужество Воеводы Звенигородскаго. Кончина Всеволода.

Вячеславъ, Князь Переяславскій, спѣшилъ въ Кіевъ, г. 1139
быть наслѣдникомъ Ярополковымъ, и Митрополитъ, прово- Февра-
ждаемый народомъ, встрѣтилъ его какъ Государя. Но все- ля 22.
володь Ольговичъ не далъ ему времени утвердить власть Марта
свою: узнавъ въ Вышгородѣ о кончинѣ Ярополковой, не- 5.
медленно собралъ войско, обступилъ Кіевъ и зажегъ пред- Всево-
мѣстіе Коньревское ⁽²⁷³⁾. Устрашонный Вячеславъ послалъ лодь
Митрополита сказать Всеволоду: „я не хищникъ: но ежели яго-
„условія нашихъ отцевъ не кажутся тебѣ закономъ священ- плеть
„нымъ, то будь Государемъ Кіевскимъ: иду въ Туровъ“. Вяче-
Онъ дѣйствительно уѣхалъ изъ столицы, а Всеволодь съ слава.
торжествомъ сѣлъ на престолѣ Великокняжескомъ, давъ *свят-*
ый пиръ Митрополиту и Боярамъ; вино, медъ, явства, Междо-
овощи были развозимы для народа; церкви и монастыри усобіа.
получили богатую милостыню.—Къ неудовольствію брата своего, Игоря,
Игоря, Всеволодь отдалъ Черниговъ сыну Давидову, Владиміру.

Новый Великій Князь изъявилъ желаніе остаться въ мирѣ Междо-
съ сыновьями и внуками Мономаха; но они не хотѣли ѣхать усобіа.
къ нему, замышляя свергнуть его съ престола. Тогда Все-
володь рѣшился отнять у нихъ владѣнія и послалъ Воеводъ
на Изяслава Мстиславича. Сія рать, объятая ужасомъ прежде
битвы, возвратилась съ уничтоженіемъ и стыдомъ ⁽²⁷⁴⁾. Въ

намѣреніи загладить первую неудачу, Всеволодъ приказалъ брату Князя Черниговскаго, Изяславу Давидовичу, вмѣстѣ съ Галицкими Князьями воевать область Туровецкую и Владимірскую; а самъ выступилъ противъ Андрея, гордо объявивъ ему, чтобы онъ ѣхалъ въ Курскъ, и что Переяславль долженъ быть Удѣломъ Святослава Ольговича. Великодушный Андрей издавна не боялся враговъ многочисленныхъ. „Нѣтъ!“ отвѣтствовалъ сей Князь: „дѣдъ, отецъ мой княжили въ Переяславлѣ, а не въ Курскѣ; здѣсь моя отчина и дружина вѣрная: живой не выду отсюда. Пусть Всеволодъ обагрить свои руки моею кровію! Не онъ будетъ первый: Святополкъ, подобно ему властолюбивый, умертвилъ также Бориса и Глѣба; по долго ли пользовался властію?“ Великій Князь стоялъ на берегахъ Днѣпра и велѣлъ Святославу изгнать Андрея: по мужественный сынъ Мономаховъ, обративъ его въ бѣгство, купилъ побѣдою миръ. Къ чести Всеволода сказано въ лѣтописи, что онъ во время договоровъ, видя ночью сильный пожаръ въ Переяславлѣ, не хотѣлъ воспользоваться онымъ. Сія два Князя, обѣщавъ забыть вражду, чрезъ нѣсколько дней съѣхались въ Малотинѣ для заключенія союза съ Хапана Половецкими.

Между тѣмъ Владимірко Галицкій съ Иоанномъ Васильковичемъ, братъ Черниговскаго Князя съ Половцами, и Ляхи, союзники Всеволодовы, вошли въ область Изяславу и Туровецкую. Но гордый Владимірко, стыдился быть слугою или орудіемъ Государя Кіевскаго, искалъ въ юномъ, мужественномъ Изяславѣ Мстиславичѣ не врага, а достойнаго сподвижника въ опасностяхъ славы: они встрѣтились въ полѣ для того, чтобы разетаться друзьями. Ляхи же и Половцы удовольствовались однимъ грабежемъ. Спмъ война кончилась. Благоразумный Всеволодъ не отвергнулъ мирныхъ предложеній Изяслава и дяди его, Вячеслава Туровекаго; далъ слово не тревожить ихъ въ населѣдственныхъ Удѣлахъ, и желалъ согласить свое честолюбіе съ государственною тишиною ⁽²⁷⁵⁾.

Еще Георгій Владиміровичъ, Князь Суздальскій, оставался его врагомъ, прибылъ въ Смоленскъ, и требовалъ вой-

Мужество
Андрея.

Честность
Всеволода.

Его
благоразуміе

Повиновение
Новгороду.

ска отъ Новгородцевъ, чтобы отметить Всеволоду. Юный Князь ихъ, Ростиславъ, представлялъ имъ обязанность вступиться за честь Мономахова Дому; но думая о выгодахъ мирной торговли болѣе, нежели о чести Княжеской, они не хотѣли вооружиться. Ростиславъ ушелъ къ отцу: Георгій въ наказаніе отнялъ у Новгородцевъ Торжекъ. Сіи люди выго- цель изъ Кнѣжеской чести. яли Князей, но не могли жить безъ нихъ; звали къ себѣ вторично Святослава, и въ залогъ вѣрности дали аманатовъ Всеволоду. Святославъ пріѣхалъ; однакожь спокойствія и ти- Блажен- шества въ Ново- городѣ. шины не было. Распри господствовали въ сей области. Князь и любимцы его также питали духъ несогласія и метили лич- нымъ врагамъ: нѣкоторыхъ знатныхъ Бояръ сослали въ Кіевъ г. 1140 или заключили въ оковы; другіе бѣжали въ Суздаль. Всеволодъ хотѣлъ послать сына своего на мѣсто брата и граж- дане, въ надеждѣ имѣть лучшаго Князя, отправили за нимъ Епископа Нифонта въ Кіевъ. Тогда, не увѣренный въ своей г. 1141. безопасности, Святославъ уѣхалъ тайно изъ Новгорода вмѣ- стѣ съ Посадникомъ Якуномъ. Народъ озлобился; догнавъ несчастнаго любимца Княжескаго, оковалъ цѣпями и заточилъ въ область Чудскую, равно какъ и брата Якунова, взявъ съ нихъ 1100 гривенъ пени. Сіи изгнанники скоро нашли вѣр- ное убѣжище тамъ же, гдѣ и враги ихъ ⁽²⁷⁶⁾: при Дворѣ Георгія Владиміровича, и благословляя милостиваго Князя, навсегда отказались отъ своего мятежнаго отечества.

Уже сынъ Всеволодовъ былъ на пути съ Нифонтомъ и доѣхалъ до Чернигова, когда вѣтреныя Новгородцы, пере- мѣнивъ мысли, дали знать Великому Князю, что не хотятъ ни сына, ни ближнихъ его, и что одинъ родъ Мономаховъ достоинъ управлять имъ. Оскорбленный Всеволодъ задержалъ ихъ Пословъ и самого Нифонта. Узнавъ о томъ, Новогородцы объявили Всеволоду, что они покорны ему, какъ об- щему Государю Россіи, желая *отъ его руки* имѣть власти- телемъ своимъ брата Великой Княгини, Святополка или Вла- диміра Мстиславичей. Однакожь сія уклонность не смягчила Всеволода, который призвалъ къ себѣ обоихъ меньшихъ шурьевъ и далъ имъ Врестовскую область, для того, чтобы они не

соглашались княжить въ Новгородѣ, и чтобы его беспокоя-
ные жители испытали все бѣдствія безначалія (277).

Въ самомъ дѣлѣ Новгородцы, лишеныя защиты Госу-
даря, были всячески притѣсняемы: никто не хотѣлъ везти
къ нимъ хлѣба, и купцы ихъ, остановленные въ другихъ го-
родахъ Россійскихъ, сидѣли по темницамъ. Они терпѣли де-
вятъ мѣсяцевъ, избравъ въ Посадники врага Святославова,
именемъ Судилу, который вмѣстѣ съ другими единомышлен-
никами возвратился изъ Суздаля: наконецъ прибѣгнули къ
Георгію Владиміровичу и звали его къ себѣ правительство-
вать. Онъ не хотѣлъ выѣхать изъ своей вѣрной области, но
вторично далъ имъ сына, и скоро имѣлъ причину раскаяться:
ибо Всеволодъ, въ досаду ему, занялъ Остеръ (городокъ
Георгіевъ), а Новгородцы—свѣдавъ, что Великій Князь, въ
удовольствіе супругѣ или брату ея, Изяславу Мстиславичу,
согласился наконецъ исполнить ихъ желаніе, и что шуринъ
его, Святополкъ, уже къ нимъ ѣдетъ — заключили, по обык-
новенію, Георгіева сына въ Епископскомъ домѣ (278). Ка-
питолій граничилъ въ Римѣ съ Тарпейскою скалою: въ Новѣ-
городѣ престоль съ темницею! Боялся ли народъ остаться
безъ Властителя и на всякой случай берегъ смѣненнаго? или,
упосниій дерзостію, хотѣлъ явить его преемнику разпительный
примѣръ своего могущества, поручая ему вывести бывшаго
Князя изъ темницы? Какъ скоро Святополкъ пріѣхалъ, граж-
дане отпустили Ростислава къ отцу.

г. 1142,
Апрѣль
19.

Смерть
Андрея
Добра-
го.

Въ сіе время, къ общей горести, представился Андрей
Владиміровичъ, въ лѣтахъ мужества, заслуживъ имя *Доб-*
раго, и не уронивъ чести Мономахова Дому (279). Вячеславъ
былъ его наслѣдникомъ, но медлилъ выѣхать изъ Турова.
„Иди въ свою отчину, Переяславль“, говорили ему Послы
Всеволодовы: „Туровъ есть древній городъ *Кіевскій*; отдаю
его моему сыну“. Тихій Вячеславъ жилъ спокойнѣе и без-
опаснѣе въ западной Россіи: сосѣдство съ Половцами тре-
бовало дѣятельной осторожности, несогласной съ его миролю-
біемъ. Принужденный исполнить требованіе Всеволодово, онъ
увидѣлъ, что Россія имѣла *своихъ* Половцевъ: Игорь и Свя-

тославъ Ольговичи объявили ему войну. Недовольные тѣмъ, что Великій Князь наградилъ сына Удѣломъ и не хотѣлъ отдать имъ ни Сѣверскаго Новагорода, ни земли Вятичой, они вступили въ тѣсный союзъ съ Князьями Черниговскими, сыновьями Давида, и надѣялись оружіемъ пріобрѣсти себѣ^{грабс} выгодные Удѣлы; опустошили нѣсколько городовъ Георгія Владиміровича Суздальскаго, захвативъ вездѣ скотъ и товары; напали на область Переяславскую, и два мѣсяца жгли села, травили хлѣбъ, разоряли бѣдныхъ земледѣльцевъ. Вячеславъ слышалъ стоить людей, смотрѣлъ на дымъ пылающихъ воевъ, и сидѣлъ праздно въ городѣ, ожидая защиты отъ Всеволода и своихъ храбрыхъ племянниковъ, Мстиславичей. Великій Князь дѣйствительно отрядилъ къ нему Воеводу съ конницею Печенѣжскою; съ другой стороны пришелъ Изяславъ Владимірскій; а братъ его, Князь Смоленскій, завладѣлъ городами Черниговскими на берегахъ Сожа. Инокъ Святоша былъ еще живъ: Всеволодъ послалъ его усовѣстить хитниковъ. Наконецъ они смирились. Великій Князь отдалъ Игорю Юрьевъ и Рогачевъ, Святославу Черторицкъ и Клецкъ, а Давидовичамъ Брестъ и Дрогичинъ, хитрымъ образомъ уничтоживъ опасный союзъ сихъ Князей съ его братьями.

Хит-
рость
Всево-
лоды.

Но послѣдніе вторично изъявили досаду, когда Вячеславъ, съ согласія Всеволодова, уступилъ Переяславъ Изяславу Мстиславичу, снова взявъ себѣ Туровъ, и когда сынъ Великаго Князя, юный Святославъ, на обмѣнъ получилъ Владимірскую область. „Братъ нашъ—говорили Ольговичи—думаетъ только о сынѣ, дружится съ своими ненавистными шурьями, окружилъ себя ими, и не даетъ намъ ни одного богатаго города“. Тщетно желали они поссорить его съ добрыми Мстиславичами: Великій Князь не внималъ злословію и хотѣлъ внутренняго спокойствія (280).

Утвердивъ себя на престолѣ Кіевскомъ, онъ велѣлъ сыну Святославу, вмѣстѣ съ Изяславомъ Давидовичемъ и Владиміромъ Галлицкимъ, идти въ Польшу, гдѣ Герцогъ Влади-
славъ, зять Великаго Князя, ссорился съ меньшими братьями: съ Болеславомъ (также зятемъ Всеволодовымъ) и съ другими. Къ несчастію, Россіяне, призванные возстановить тишину Го-

Г. 1143.
Гонва-
ря 1.
Россія-
не въ
Поль-
шѣ.

сударства, дѣйствовали какъ враги онаго, и вывели множество плѣнныхъ Ляховъ, болѣе мирныхъ, нежели ратныхъ ⁽²⁸¹⁾.

Увѣренный въ искреннемъ дружелюбіи Всеволода, Изяславъ Мстиславичъ хотѣлъ, кажется, примирить его и съ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, и для того ѣздилъ къ нему въ Суздаль; но сіи два Князя не согласились въ мысляхъ, и разстались врагами: что, ко вреду Государства, имѣло послѣ собой кровопролитныя слѣдствія. Въ семъ путешествіи Изяславъ видѣлся съ вѣрнымъ братомъ своимъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, и пировалъ на свадьбѣ Князя Новгородскаго, Святополка, котораго невѣста была привезена изъ Моравіи: вѣроятно, родственица Богемекаго Короля Владислава ⁽²⁸²⁾. Новгородъ успокоился: купеческія суда его ходили за море, привозили инопезные товары въ Россію, и въ 1142 году мужественно отразили флотъ Шведскаго Короля, выѣхавшаго на разбой съ шестидесятью ладіями и съ *Епископомъ*. Финляндцы, дерзнувъ грабить Ладожекую область, были побиты ея жителями и Курелами, Новгородскими данниками.

Желая прекратить наслѣдственную вражду между потомствомъ Рюрикѣвымъ и Ярослава Великаго, благоразумный Всеволодъ женилъ сына своего, юнаго Святослава, на дочери Василька Полоцкаго; а Изяславъ Мстиславичъ выдалъ свою за Рюволода Борисовича, позвавъ къ себѣ, на свадебный пиръ. Всеволода, супругу его и Бояръ Кіевскихъ ⁽²⁸³⁾. Но веселясь и пируя, Князья разсуждали о дѣлахъ государственныхъ: Всеволодъ убѣдилъ ихъ возстать общими силами на гордаго Владимірка, который, по смерти братьевъ, Ростислава и Васильковичей, сдѣлался единовластителемъ въ Галичѣ, хотѣлъ даже изгнать Всеволодова сына изъ Владимірекой области, и возвратилъ Великому Князю такъ называемую крестную или присяжную грамоту въ знакъ объявленія войны. Ольговичи, Князь Черниговскій съ братомъ, Вячеславъ Туровскій съ племянниками Изяславомъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, Борисомъ и Глѣбомъ, сыновьями умершаго Всеволодка Городненскаго, съѣли на коней и пошли къ Тербовлю, соединясь съ Новгородскимъ Воеводою Неревинцемъ и Герцогомъ Польскимъ, Владиславомъ.

Перича
Вражда
Георгія
съ Изя-
славъ.

г 1144.

Море-
ходство
Новго-
род-
цевъ.

Браки.

Помощь
на Га-
личь.

Владимірко услышалъ грозную вѣсть: призвалъ въ союзъ Венгровъ и выступилъ въ поле съ Ваномъ, дядею Короля Гейзы ⁽²⁸⁴⁾. Рѣка Сереть раздѣляла войска, готовыя къ битвѣ. Всеволодъ искалъ переправы: Князь Галицкій, не выпуская его изъ вида, шелъ другимъ берегомъ, и въ седьмой день сталъ на горахъ, ожидая нападенія; но Всеволодъ не хотѣлъ сразиться: ибо мѣсто благоприятствовало его противнику. Когда же Изяславъ Давидовичъ, братъ Черниговскаго Князя, съ отрядомъ наемныхъ Половцевъ взялъ Ушину и Микулинъ въ землѣ Галицкой: тогда Великій Князь приступилъ къ Звенигороду. Въ слѣдъ за неприятелемъ Владимірко сошелъ въ долины. Видя станъ его на другой сторонѣ города, за мелкою рѣкою, Всеволодъ тронудея съ мѣста въ боевомъ порядкѣ, и хитро обманулъ неприятеля: вмѣсто того, чтобы вступить съ нимъ въ битву, зашелъ ему въ тылъ, расположився на высотахъ, отрѣзалъ его отъ Перемышля и Галича, оставивъ между собою и городомъ вязкія болота. Дружина Владиміркова оробѣла. „Мы стоимъ здѣсь“ — говорили его Бояре и воины — „а враги могутъ итти къ столицѣ, плѣнить наши семейства“. Князь Галицкій, не имѣя надежды сбить многочисленное войско съ неприступнаго мѣста, началъ переговоры съ братомъ Всеволодовымъ; склонилъ его на свою сторону; требовалъ мира и далъ слово Игорю способствовать ему, по смерти Всеволода, въ восшествіи на престолъ Кіевскій. Великій Князь не соглашался. „Но ты хочешь сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ“, сказалъ Игорь брату: „оставь же мнѣ благодарнаго и могущаго союзника, столь цужнаго въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ Россіи!“ Всеволодъ исполнилъ наконецъ его волю, и въ тотъ же день обнялъ Князя Галицкаго какъ друга; взялъ съ него за трудъ 1200 гривенъ *серебра*, роздалъ оныя союзнымъ Князьямъ и возвратился въ столицу, доказавъ, что умѣетъ счастливо воевать, а не умѣетъ пользоваться воинскимъ счастіемъ.

Миръ не продолжился. Братъ Владимірковъ, Ростиславъ, оставилъ сына, пмепемъ Іоанна, прозваннаго *Берладникомъ* ⁽²⁸⁵⁾, у коего дядя отнялъ законное наслѣдство: сей юноша жилъ

Іоаннъ
Берлад-
никъ.

къ Звенигородѣ и снискалъ любовь народа. Пользуясь отсутствіемъ Владимірка, уѣхавшаго въ Тисемъницу для звѣрпой ловли, Галичане призвали къ себѣ Іоанна и единодушно объявили своимъ Княземъ. Гибннй Владимірко приступилъ къ городу. Жители сопротивлялись мужественно; но Іоаннъ въ ночной вылазкѣ былъ отрѣзанъ отъ городскихъ воротъ: пробился сквозь непріятелей, ушелъ къ Дунаю, и наконецъ въ Кіевъ. Галичане сдались. Склонный болѣе къ строгости, нежели къ милосердію, Владимірко плавалъ въ ихъ крови, и съ досадою слышалъ, что Великій Князь взялъ его племянника подъ защиту, какъ невинно гонимаго.

Г. 1145.
Г. сево-
лодъ
изби-
раетъ
наслѣд-
ника.

Дѣла
Поль-
скія.

Однакожь Всеволодъ еще не думалъ нарушить мира, слабый здоровьемъ и сверхъ того озабоченный неустройствами Польши, гдѣ любезный ему зять, Герцогъ Владиславъ, не могъ ужиться въ согласіи съ братьями. Созвавъ Князей во дворцѣ Кіевскомъ, Всеволодъ сказалъ имъ, что онъ, предвидя свою кончину, подобно Мономаху и Мстиславу, избираетъ наслѣдника, и что Игорь будетъ Гоеударемъ Россіи. Князья должныствовали присягнуть ему: Черниговскіе и Святославъ Ольговичъ исполнили его волю. Изяславъ Мстиславичъ долго колебался; однакожь не дерзнулъ быть ослушникомъ. Успокоенный симъ торжественнымъ обрядомъ, Всеволодъ началъ говорить о дѣлахъ Польскихъ. „По-
„кись единственно о своемъ здравіи“, отвѣтствовалъ Игорь: „мы, вѣрные твои братья, утвердимъ Владислава на тронѣ“. Игорь, предводительствуя войскомъ, вступилъ въ Польшу. Кровопродія не было: меньшіе братья Владиславовы, стоявшіе въ укрѣпленномъ станѣ за болотомъ, не хотѣли обороняться и прибѣгнувъ къ суду нашихъ Князей, уступили Владиславу четыре города, а Россіи Визну. Не смотря на то, Игорь возвратился съ добычею и съ плѣнниками. Владиславъ же скоро утратилъ престолъ, заслуживъ ненависть народную гоненіемъ единокровныхъ и несправедливою казнью знаменитаго Вельможи Петра, коему онъ отрѣзалъ языкъ, выкололъ глаза, и такимъ образомъ, по словамъ нашего Лѣтописца, отпустилъ за Россійскаго Князя Володаря, въ 1122 году коварно плѣненнаго симъ Вельможею ⁽²⁸⁶⁾.

Владиславъ ѡбжалъ къ тестю, въ надеждѣ на его помощь; но Всеволодъ, удостовѣренный тогда въ непріятельскихъ замыслахъ Галицкаго Князя, выступалъ въ походъ съ дружинами Кіевскою, Черниговскою, Переяславскою, Смоленскою, Туровскою, Владимірекою, и съ союзными *дикими* Половцами, оставивъ Святослава Ольговича въ столицѣ (²⁸⁷). Успѣхъ не отвѣтствовалъ ни силѣ войска, ни славѣ предводителя. Оно шло съ трудомъ неописаннымъ: ибо дожди согнали снѣгъ прежде времени; конница тонула въ грязи. Всеволодъ осадилъ наконецъ Звенигородъ и сжегъ внѣшнія укрѣпленія, однакожь не могъ овладѣть крѣпостью: ибо тамъ начальствовалъ мужественный Воевода, Иванъ Халдѣевичъ, который, узнавъ, что жители въ общемъ совѣтѣ положили сдаться, умертвилъ трехъ главныхъ виновниковъ сего Вѣча, и сбросилъ некаженные трупы ихъ съ городекой стѣны. Народъ ужаснулся, и страхъ имѣлъ дѣйствіе храбрости: Звенигородцы съ утра до вечера бились какъ отчаянные. Всеволодъ отступилъ и возвратился въ Кіевъ, гдѣ скоро началъ готовиться къ новой войнѣ, свѣдавъ, что Владимірко взялъ Придуку. Но жестокая болѣзнь исхитила обнаженный мечъ изъ руки его. Отвезенный въ Вышегородъ—мѣсто славное тогда чудесами Святыхъ Мучениковъ, Бориса и Глѣба—Великій Князь напрасно ждалъ облегченія; объявилъ Игоря своимъ преемникомъ, велѣлъ народу присягнуть ему въ вѣрности, и послалъ зятя своего, Владислава Польскаго, напомнить Изяславу Мстиславичу данную имъ клятву. Съ такимъ же увѣщаніемъ ѣздилъ Бояринъ, Мирославъ Андреевичъ, къ Князьямъ Черниговскимъ, которые, согласно съ Изяславомъ, отвѣтствовали, что они, уступивъ старѣйшинство Игорю, не измѣнятъ совѣсти. Тогда Всеволодъ спокойно закрылъ глаза навѣки (²⁸⁸): Князь умный и хитрый, памятный отчасти разбоями междоусобія, отчасти государственными благодѣяніями! Достигнувъ престола Кіевского, онъ хотѣлъ устройства и тишины; исполнялъ данное слово, любилъ справедливость и повелѣвалъ съ твердостью; однимъ словомъ, былъ лучшимъ изъ Князей Олегова мятежнаго рода.

Война съ Галицкими Князьями.

Мужество Всеволода Звенигородскаго.

Августа 1. Кончина Всеволода.

Г Л А В А XI.

Великій Князь Игорь Ольговичъ.

Вѣче въ Кіевѣ. Измѣна Кіевлянъ. Рѣчь Изяслава. Корыстолюбіе Черниговскихъ Князей. Предательство. Игорь взятъ въ плѣнъ. Грабежъ въ Кіевѣ.

г. 1146. Игорь, предавъ землѣ тѣло Всеволода, собралъ Кіевлянъ среди Двора Ярославова, требовалъ вторичнаго обѣта вѣрности, и распустилъ ихъ. Но граждане еще не были довольны, открыли Вѣче и звали Князя (2⁹). Пріѣхалъ одинъ братъ его, Святославъ, и спрашивалъ, чего они желаютъ? „Правосудіа“, отвѣтствовалъ народъ: „Тіуны Всеволодовы угнетали слабыхъ: „Ратша *опустошилъ* Кіевъ, Тудоръ Вышегородъ. Святославъ! дай клятву за себя и за брата, что вы сами будете намъ „судіями, или вмѣсто себя изберете Вельможъ достойнѣйшихъ“. Онъ сошелъ съ коня и цѣлованіемъ креста увѣрилъ гражданъ, что новый Князь исполнитъ все обязанности отца Россіянъ; что хищники не останутся Тіунами; что лучшіе Вельможи заступятъ ихъ мѣсто, и будутъ довольствоваться одною установленною пошлиною, не обременяя судимыхъ никакими иными налогами. „Мы благодарны“, сказали граждане: „теперь не сомнѣвайтесь въ нашей вѣрности“. То же обѣщавъ ихъ Посламъ самъ Великій Князь Игорь, и думая, что дѣло кончилось, сѣлъ спокойно за обѣдъ; но мятежная чернь устремилась грабить домъ ненавистнаго, богатаго Ратши. Святославъ съ дружиною едва могъ возстановить порядокъ (2⁹⁰).

Такое начало не обѣщало хорошихъ слѣдствій. Игорь же, слушая злыхъ Вельможъ, которые въ народномъ угнетеніи ви-

дѣли собственную пользу, не исполнилъ даннаго гражданамъ слова, и хищники остались Тіунами. Тогда Кіевляне, думая, что Государь-влятвопреступникъ уже не есть Государь законный, тайно предложили Изяславу Метиславичу быть Великимъ Княземъ. Любовь къ Мономахову роду не угасла въ ихъ сердцахъ, и сей внукъ его отличался доблестію воинскою. Взявъ въ церкви Св. Михаила благословеніе у Епископа Евфимія, онъ съ вѣрною дружиною выступилъ изъ Переяславля. На пути встрѣтились ему Послы Черныхъ Клобуковъ и городовъ Кіевской области. „Иди, Князь добрый!“ говорили они: „мы все за тебя; не хотимъ Ольговичей. Гдѣ увидимъ твои знамена, тамъ и будемъ“. Собравъ на берегахъ Днѣпра войско многочисленное, бодрый Изяславъ сталъ посреди онаго и сказалъ: „Друзья и братья! я не спорилъ о старѣйшинствѣ съ достойнымъ Всеволодомъ, моимъ зятемъ, чтивъ его какъ второго отца. Но Игорь и Святославъ должны ли повелѣвать нами? Богъ разсудитъ меня съ ними. Или паду славно предъ вашими глазами, или сяду на престолъ моего дѣда и родителя!“ Онъ повелъ войско къ Кіеву.

Измѣна
Кіев-
лянъ.

Рѣчь
Изясла-
ва.

Уже новый Великій Князь зналъ опасность: ибо Изяславъ, увѣдомленный имъ о восшествіи его на престолъ, не только не отвѣтствовалъ ему ни слова, но удержалъ и Посла неволею въ Переяславль. Игорь требовалъ вспоможенія отъ Князей Черниговскихъ: они торговались; хотѣли многихъ городовъ; наконецъ, удовлетворенные во всемъ, готовились идти къ брату. Ихъ медленность и коварная измѣна знаменитѣйшихъ чиновниковъ погубили его.

Корн-
столю-
ство Чер-
нигов-
скихъ
Князей

Тысячскій Улѣбъ пользовался довѣренностію Всеволода и былъ утвержденъ Игоремъ въ своемъ важномъ санѣ: также и первый Бояринъ, Іоаннъ Войтишичъ, вѣрный слуга Мономаховъ, завоеватель городовъ Дунайскихъ ⁽²⁹¹⁾. Желая добра Изяславу, они не устыдились предательства: изъявляя усердіе Игорю, и въ то же время тайно ссылались съ его врагомъ, совѣтуя ему спѣшить къ Кіеву. Изяславъ приближился. Ольговичи, готовые къ битвѣ, и сынъ Всеволодовъ, Святославъ, стояли внѣ города съ своими дружинами; а Кіевляне особенно,

Пред-
тель-
ство.

Августа 13. на *могилъ Олеговой*. Вдругъ открылась измѣна: Игорь увидѣлъ, что хоругвь Изяслава разбивается въ Полкахъ Кіевскихъ; что Тысячскій сего Князя предводительствуетъ ими; что Улѣбъ, Иоаннъ Войтишичъ и многіе единомышленники ихъ, повергнувъ свои знамена, бѣгутъ подъ Изяславы; что Берендѣи продъ самыми Златыми вратами грабятъ обозъ Великокняжескій (292). Еще Игорь не терялъ бодрости. „Врагъ нашъ есть влѣтвoprеступникъ: Богъ намъ поможетъ“, говорилъ онъ, и хотѣлъ ударить на Изяслава, стоявшаго за озеромъ. Надлежало обойти оное, и когда многочисленная дружина Игорова стѣснилась между глубокими дебрями, Черные Клобуки заѣхали ей въ тылъ. Изяславъ напалъ спереди, смялъ непріятеля, разилъ бѣгущихъ—и торжествуя вошелъ въ Кіевъ, гдѣ народъ вмѣстѣ съ Іереями, облаченными въ ризы, проводилъ его въ храмъ Софійскій благодарить Небо за побѣду и престоль Великокняжескій. — Несчастнаго Игоря, слабого погами, схватили въ болотѣ, гдѣ увязъ его конь; держали нѣсколько дней въ монастырѣ на Выдобичахъ и заключили въ темницѣ Іоанновской Обители, въ Переяславлѣ. Сей Князь, за кратковременное удовольствіе честолюбія наказанный неволю и стыдомъ, неимѣлъ и послѣдняго утѣшенія злосчастныхъ: никто не жалѣлъ объ немъ—кромѣ вѣрнаго брата, Святослава, который съ малою дружиною ушелъ въ Новгородъ Сѣверскій. Племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичъ, хотѣлъ скрыться въ Кіевской Обители Св. Ирины: представленный Изяславу, онъ былъ имъ обласканъ какъ любимый сынъ; но вѣрные слуги отца его, въ особенности же Игоревы, не имѣли причины хвалиться великодушіемъ побѣдителя, дозволившаго народу грабить ихъ дома и села. Съ плѣнныхъ Боярѣ взяли окупъ.

Августа 17.
Игорь
взятъ.

Г Л А В А XII.

Великій Князь Изяславъ Мстиславичъ.

Г. 1146—1154.

Строгость Великаго Князя. Коварство Черниговскихъ Князей. Добродушіе Святослава. Георгій возстаеъ на Изяслава. Богатство Книжеское. Игорь Схимникъ. Пѣжность Святославова въ дружбѣ. Начало Москвы. Бродники. Поставленіе Россійскаго Митрополита. Любовь къ Мономаху. Измѣна Черниговскихъ Князей. Убіеніе Игоря. Война междоусобная. Медленность Георгія. Народный обѣдъ въ Новѣгородѣ. Рѣчь Изяслава. Опустошеніе земли Судальской. Несправедливость Великаго Князя. Битва у Переяславля. Бѣгство Изяслава. Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками. Мужество Андрея. Памятникъ коню. Миръ. Коварство Георгія. Новая вражда. Добросердечіе Изяслава и Вячеслава. Побѣда Владиміркова. Бодрость Андрея. Хитрость Владимірка. Твердость Изяславова. Воинская хитрость. Безпечность Георгія и торжество Изяслава. Ристаніе въ Киевѣ. Справедливость Великаго Князя. Признательность Вячеслава. Благодарность къ Королю Венгерскому. Осада Киева. Мирюлюбіе Вячеслава. Пылкость Андрея. Отступленіе Георгія. Усердіе Киевлянъ. Битва. Изяславъ раненъ. Бѣгство и вѣроломство Георгія. Помощь Венгровъ. Рѣчь Изяславова и побѣда. Притворство Владимірка. Простодушіе Гейзы. Любовь Георгія къ южной Россіи. Вѣроломство Владимірка. Подвиги Андрея. Наслѣшка Владиміркова. Печальная одежда. Смерть Владимірка. Рѣчь Ярослава. Сомнительная побѣда. Бракъ Изяславовъ. Дѣла Новгородскія. Кончина Изяслава. Характеръ его. Своевольство Полочанъ.

Изяславъ — по словамъ Лѣтописцевъ — *благословенная* г. 1146. *отрасль добраго корня*—могъ бы обѣщать себѣ и подданнымъ дни счастливыя, ибо народъ любилъ его; но Исторія сего времени не представляетъ намъ ничего, кромѣ злодѣйствъ междоусобія. Храбрые умирали за Князей, а не за отечество, которое оплакивало ихъ побѣды, вредныя для его могущества и гражданскаго образованія.

Утвердивъ миръ съ Половцами—которые всякому новому Государю предлагали тогда союзъ, ибо хотѣли даровъ—Великій Князь оказалъ, можетъ быть, излишнюю строгость въ разсужденіи своего дяди. Обманутый совѣтами Боляръ, и въ надеждѣ на прежнія ласки Изяславы, на самыя его обѣщанія, миролюбивый Князь Туровскій, Вячеславъ, узнавъ о торжествѣ племянника, вообразилъ себя по старшинству Государемъ Россіи: занялъ города Кіевскіе, и своевольно отдалъ Владиміръ сыну Андресву, Мономахову внуку (293). Посланный братомъ, Смоленскій Князь изгналъ Вячеслава; велѣлъ ему княжить только въ Пересопницѣ или Дорогобужѣ Волынскомъ; а Намѣстниковъ его, окованныхъ цѣпями, вмѣстѣ съ Туровскимъ Епископомъ, Іоакимомъ, привелъ въ Кіевъ.

Стро-
гость
Велик.
Князя.

Назначивъ Туровъ въ Удѣлъ меньшему сыну, именемъ Ярославу, Великій Князь обратилъ вниманіе на Игоря брата. Спасаясь бѣгствомъ отъ побѣдителя, Святославъ хотѣлъ удостовѣриться въ искренней дружбѣ Князей Черниговскихъ, чтобы единодушно дѣйствовать съ нимъ для освобожденія Игоря. Они дали ему въ томъ клятву; но Святославъ, оставивъ у нихъ своего Болярина и похвѣвъ готовиться къ войнѣ, свѣдалъ отъ него, что сіи коварные братья тайно дружатся съ Великимъ Княземъ, и наконецъ заключили съ нимъ союзъ, предавъ Игоря въ его волю, какъ недостойнаго ни власти, ни свободы. Скоро общіе Послы Изяславы и Давидовичей торжественно объявили Святославу, что онъ можетъ спокойно вняжить въ своей области, если уступить имъ Новгородъ Сѣверскій и клятвенно откажется отъ брата. Сей добрый, нѣжный родственникъ залился слезами, и сказавъ въ отвѣтъ: „возьмите все, что имѣю; освободите только Игоря“, рѣшился искать покровителя въ сынѣ Мономаховомъ (294).

Боляр-
ство
Черни-
говск.
Князей.

Добро-
душіе
Свето-
слава.

Георгій
в ои-
свѣтъ
на Из-
яслава.

Георгій Владиміровичъ Суздальскій видѣлъ съ досадою, что гордый Изяславъ, вопреки древнему уставу, отнявъ старшинство у дядей, сѣлъ на тронѣ Кіевскомъ. Пользуясь симъ расположеніемъ, Святославъ обратился къ Георгію и молилъ его освободить Игоря. „Иди въ Кіевъ“, говорилъ онъ: „спаси несчастнаго, и властвуй въ землѣ Русской. Богъ по-

„могаетъ тому, кто вступается за утѣсненных“. Георгій далъ ему слово, и началъ готовить войско.—Святославъ нашелъ и другихъ защитниковъ въ Ханахъ Половецкихъ, братьяхъ его матери: они съ тремястами вадниковъ немедленно явились въ Новгородѣ Сѣверскомъ, куда прибыли также юный Князь Рязанскій, Владиміръ, внукъ Ярославъ, и Галицкій изгнанникъ, Іоаннъ Ростиславичъ *Берладникъ* ⁽²⁹⁵⁾.

Уже Давидовичи, соединясь съ сыномъ Великаго Князя, Мстиславомъ, Вождемъ Переяславской дружины и Берендѣевъ, вступили въ область Сѣверскую и грабили оную, тщетно хотѣвъ взять Новгородъ. Въ надеждѣ усовестить ихъ, Духовникъ Святославъ пріѣхалъ къ нимъ въ станъ и сказалъ именемъ Князя: „Родственники жестокие! довольны ли вы злодѣйствами, разоривъ мою область, взявъ имѣніе, стада, истребивъ огнемъ хлѣбъ и запасы? жалеете ли еще умертвить меня?“ Союзники вторично требовали, чтобы онъ навсегда отступился отъ несчастнаго Игоря. „Нѣтъ!“ отвѣтствовала Святославъ: „пока душа моя въ тѣлѣ, не измѣню еднокровному!“ Давидовичи заняли село Игоревое, гдѣ сей Князь имѣлъ дворецъ и хранилъ свое богатство; нашли вино и медъ въ погребахъ, желѣзо и мѣдь въ кладовыхъ; отправили множество возовъ съ добычею, и веселясь разрушеніемъ, сожгли дворецъ, церковь, гумно Княжеское, гдѣ было *десять сотъ* скирдовъ хлѣба.

Богатство
Княже-
ское.

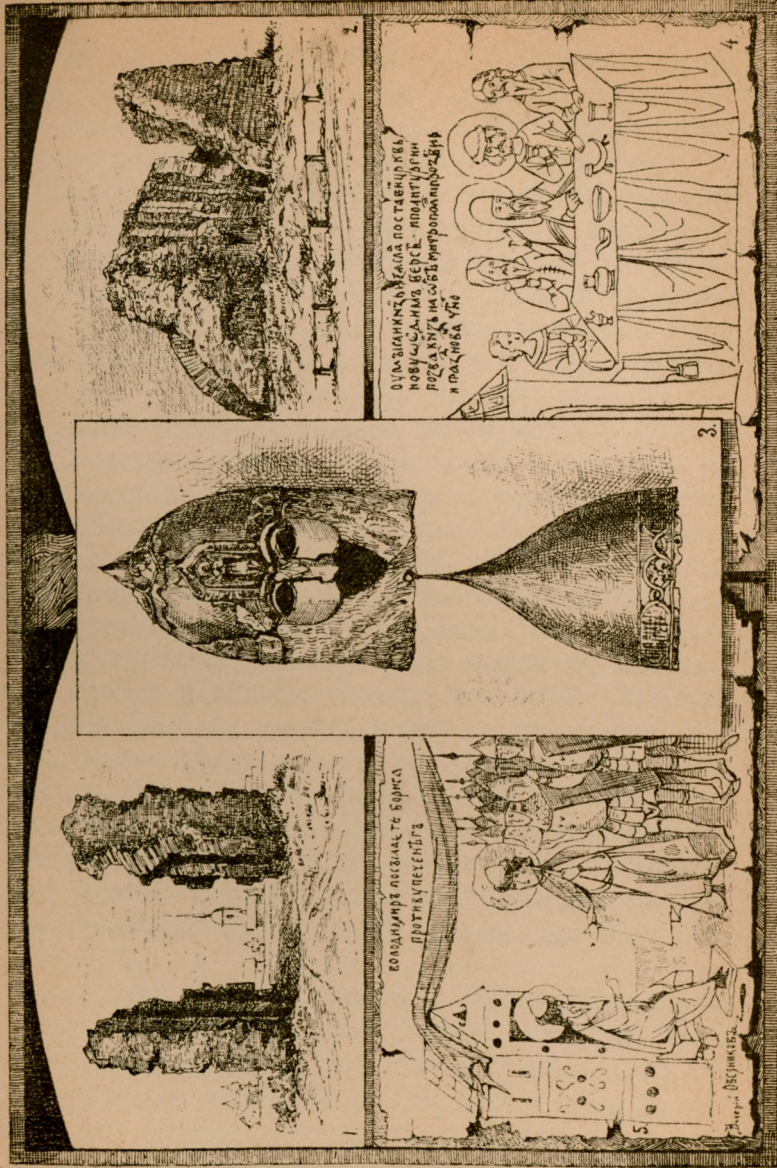
Великій Князь, свѣдавъ о воинскихъ приготовленіяхъ Георгія Владиміровича, велѣлъ другу своему, Ростиславу Ярославичу Рязанскому, набѣгами тревожить Суздальскую область; самъ же выступилъ изъ Кіева и соединился съ Князьями Черниговскими, осаждавшими Путивль. Зная ихъ вѣроломство, жители не хотѣли договариваться съ ними, но охотно сдались Великому Князю ⁽²⁹⁶⁾. Тамъ находился собственный домъ Святослава: Князья раздѣлили его имѣніе. Лѣтописецъ сказываетъ, что они нашли въ выходахъ 500 *берковцевъ* меду и 80 *корчагъ* вина; ограбили славуя церковь Вознесенія, богатую серебряными сосудами, кадильницами, утварію шитою золотомъ, коваными Евангеліями и книгами. Семь сотъ рабовъ Княжескихъ были также ихъ добычею.

Десять
ст. 25.

Святославъ ожидалъ Георгія: онъ дѣйствительно шелъ къ нему въ помощь; свѣдавъ же о нападеніи Князя Рязанскаго на Суздальскую область, возвратился изъ Козельска. Одинъ сынъ его, Іоаннъ Георгіевичъ, пріѣхалъ съ дружескими увѣреніями къ Святославу, который, въ знакъ благодарности, отдалъ ему Курскъ и Посомье, но принужденъ былъ искать убѣжища въ своихъ сѣверныхъ владѣніяхъ. Многочисленная рать Великокняжеская шла къ Новугороду. Старый Вельможа Черниговскаго Князя, бывший нѣкогда вѣрнымъ слугою Олеговымъ, изъ сожалѣнія тайно увѣдомилъ Святослава о предстоящей ему опасности. „Спасай жену, дѣтей своихъ и сестру Игореву!“ говорили его друзья и Бояре⁽²⁹⁷⁾: „всѣ запасы твои уже въ рукахъ непріятельскихъ. Удалимся въ *тснью* землю Карачевскую: ея дремучіе боры и помощь Георгіева будутъ твоею защитою“. Нѣкоторые Вельможи говорили искренно; другіе хотѣли только избавиться отъ кровопролитія, и сами остались въ Новѣгородѣ, когда Святославъ уѣхалъ въ Карачевъ. За нимъ гнался Изяславъ Давидовичъ съ 3000 всадниковъ и Воеводою Кіевскимъ, Шварномъ. Уже бѣгство не могло спасти несчастнаго: надлежало отдаться въ плѣнъ или сразиться. Отчаянный Святославъ съ вѣною дружиною и *дикими* Половцами ударилъ на врага; разбилъ его, опустошилъ Карачевъ и немедленно удалился въ сопредѣльную землю Вятичей, которая зависѣла отъ Черниговскихъ Владѣтелей. Великій Князь—напрасно желавъ побѣдою загладить неудачу Изяслава—отдалъ Давидовичамъ всю завоеванную область, кромѣ Курска; исключительно присвоилъ себѣ одно Игоревое достояніе и возвратился въ Кіевъ.

г. 1147,
Генва-
ра 16.

Въ сіе время Игорь былъ уже Монахомъ. Изнуренный печалію и болѣзнію, онъ изъявилъ желаніе отказаться отъ свѣта, когда Великій Князь готовился итти на его брата⁽²⁹⁸⁾. „Давно, и въ самомъ счастіи, я хотѣлъ посвятить Богу душу мою“, говорилъ Игорь: „нынѣ, въ темницѣ и при дверяхъ гроба, могу ли желать иного?“ Изяславъ отвѣтствовалъ ему: „ты свободенъ; но выпускаю тебя единственно ради болѣзни твоей“. Его отнесли въ келью; онъ 8 дней лежалъ какъ

1. Киевскія Золотія ворота (зъ прежнемъ видѣ). — 2. Тѣ-же ворота (зъ современнымъ ихъ состоянiемъ). — 3. Древнiя шлемы XII вѣка (хранятся въ Московскои Оружейной Палатѣ). — 4, 5. Бытовныя сцены XII вѣка, по рисункамъ современнаго художника XIV вѣка.

мертвый; но постриженный Святителемъ Евфиміемъ, совершенно выздоровѣлъ, и въ Кіевской Обители Св. Θεодора принялъ Схиму, которая не спасла его отъ гнѣва Судьбы: скоро увидимъ жалкій конецъ сего несчастнаго Олега сына.

Игорь
Схим-
никъ.

Князья Черниговскіе выгнали Святослава изъ Брянска, Козельска, Дѣдослава; но слыша, что Георгій прислалъ къ нему 1000 Вѣлозерскихъ латниковъ, отступили къ Черягону. Они не устыдились всенародно объявить въ странѣ Вятичей, чтобы жители старались умертвить Святослава, и что убійцы будутъ награждены его имѣніемъ! Рождественники гнали сего Князя, друзья оставляли. Въ числѣ ихъ находился Воевода, Князь Іоаннъ *Берладникъ*: онъ не захотѣлъ болѣе съ нимъ сдѣлаться, взялъ у него за службу 200 гривенъ серебра, 6 фунтовъ золота, и перешелъ къ Смоленскому Князю. Только Владиміръ Рязанскій, и сынъ Георгіевъ, Іоаннъ, усердно дѣлили труды и безпокойства съ Святославомъ, который, имѣвъ несчастіе лишиться послѣдняго, изъявилъ достохвальную чувствительность: видя Іоанна больнаго, забылъ войну и неприятелей; молился, думалъ единственно объ немъ; столь горестно оплакивалъ кончину сего юноши, что самъ Георгій старался его утѣшить, и приславъ богатые дары, обѣщалъ другимъ сыномъ замѣнить ему умершаго вѣрнаго сподвижника. Общая ненависть къ Великому Князю утвердила союзъ между ими: Князь Суздальскій изгналъ Рязанскаго, союзника Изяслава, заставилъ его бѣжать къ Половцамъ, взялъ Торжекъ и плѣнилъ жителей; а Святославъ разорилъ часть Смоленской области, вокругъ Прогвы, или землю Голядскую⁽²⁹⁹⁾.

Февра-
ля 24.
Чув-
ствитель-
ность
Свято-
слава.

Довольный зломъ, причиненнымъ Удѣлу Изяславовыхъ братьевъ, Георгій желалъ лично угостить Святослава, коего сынъ, Олегъ, подарилъ ему тогда рѣдкаго красотою парда. Лѣтописецъ хвалитъ искреннее дружество, веселую бесѣду Князей, великолѣпнѣе обѣденнаго пиршества и щедрость Георгія въ награжденіи Бояръ Святославовыхъ. Между сими Вельможами отличался девятистолѣтній старецъ, именемъ Петръ; онъ служилъ дѣду, отцу Государя своего; уже не могъ сѣсть на коня,

но слѣдовалъ за Княземъ, ибо сей Князь былъ несчастливъ. Георгій, непріятель Ростислава Рязанскаго, осыпалъ ласками и дарами его племянника, Владиміра, какъ друга и товарища Святославова ⁽³⁰⁰⁾.

Начало
Москвы.

Сіе угощеніе достопамятно: оно происходило въ *Москву*. Къ сожалѣнію, Лѣтописцы современные не упоминаютъ о любопытномъ для насъ ея началѣ, ибо не могли предвидѣть, что городокъ бѣдный и едва извѣстный въ отдаленной землѣ Суздальской будетъ со временемъ главою обширнѣйшей Монархіи въ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ знаемъ, что Москва существовала въ 1147 году, Марта 28, и можемъ вѣрить новѣйшимъ Лѣтописцамъ въ томъ, что Георгій былъ ея строителемъ ⁽³⁰¹⁾. Они рассказываютъ, что сей Князь, пріѣхавъ на берегъ Москвы-рѣки, въ села зажиточнаго Боярина *Кучка*, *Степана Ивановича*, велѣлъ умертвить его за какую-то дерзость, и плѣнный красотою мѣста, основалъ тамъ городъ; а сына своего, Андрея, княжившаго въ Суздальскомъ Владимірѣ, женилъ на прелестной дочери казненаго Боярина. „Москва есть *третій Римъ*“ — говорятъ ея повѣствователи — „и четвертаго не будетъ. Капитолій заложенъ на мѣстѣ, гдѣ найдена окровавленная голова человѣческая: Москва также на крови основана, и къ изумленію враговъ нашихъ сдѣлалась Царствомъ знаменитымъ“. Она долгое время именовалась *Кучковымъ*.

Город
Угры.

Ободренный Святославъ возвратился къ берегамъ Оки. Тамъ соединились съ нимъ Ханы Половецкіе, его дяди, и такъ называемые *Бродники*, о коихъ здѣсь въ первый разъ упоминается. Сіи люди были Христіане, обитали въ степяхъ Донецкихъ среди варваровъ, уподоблялись имъ дикою жизнію и, какъ вѣроятно, состояли большею частію изъ бѣглецовъ Русскихъ: они за деньги служили нашимъ Князьямъ въ ихъ междоусобіяхъ ⁽³⁰²⁾. Разоривъ многія селенія въ верховьѣ Угры, въ Смоленской области, Святославъ завоевалъ всю страну Вятичей, отъ Мценска до Сѣверскаго Удѣла, и вмѣстѣ съ Глѣбомъ, сыномъ Георгія, шелъ далѣе, когда Послы Давидовичей встрѣтили его и сказали именемъ Князей: „Забудемъ про-

„шедшее. Дай намъ клятву союзника, и возьми свою отчину.
„Не хотимъ твоего имѣнія“. Успѣхи ли Ольговича склонили ихъ къ миру? или сынъ Всеволодовъ, Святославъ, который, въ замѣну Владиміра получивъ въ Удѣлъ отъ Великаго Князя Бужскъ, Меджибожъ, Котельницу и другіе города, держалъ его сторону, но жалѣлъ о дядѣ и тайно съ нимъ пересылался? Какъ бы то ни было, Черниговскіе Князя, Святославъ Ольговичъ и сынъ Всеволодовъ заключили союзъ, чтобы соединенными силами противоборствовать Изяславу Мстиславичу ⁽³⁰³⁾.

Еще Великій Князь не зналъ сего вѣроломства Давидовичей и спокойно занимался въ Кіевѣ важнымъ дѣломъ церковнымъ. Слѣдуя примѣру Великаго Ярослава, онъ созвалъ шесть Россійскихъ Епископовъ и велѣлъ имъ безъ всякаго сношенія съ Царемградомъ (гдѣ Духовенство не имѣло тогда Главы) на мѣсто скончавшагося Митрополита, Грека Михаила, поставить Климента, Черноризца, Схимника, знаменитаго не только Ангельскимъ Образомъ, но и рѣдкою мудростію ⁽³⁰⁴⁾. Нѣкоторые Епископы представляли, что благословеніе Патріарха для того необходимо; что нарушить сей древній обрядъ есть уклониться отъ православія Восточной Церкви, и что умершій Святитель Михаилъ обязалъ ихъ всѣхъ грамотою не служить безъ Митрополита въ Софійскомъ храмѣ. Другіе, не столь упорные, объявили себя готовыми исполнить волю Изяславову, согласную съ пользою и честію Государства. Епископъ Смоленскій, Онуфрій, выдумалъ посвятить Митрополита главою Св. Климента, привезенною Владиміромъ изъ Херсона (такъ же, какъ Греческіе Архіереи издревле ставили Патріарховъ рукою Іоанна Крестителя) и симъ торжественнымъ обрядомъ успокоилъ Духовенство. Одинъ Нифонтъ, Святитель Новгородскій, не признавалъ Климента Пастыремъ Церкви; осуждалъ Епископовъ какъ челоуѣкоугодниковъ, и заслужилъ благоволеніе Николая IV, который, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заступивъ мѣсто изгнаннаго Цареградскаго Патріарха, Козьмы II, написалъ къ Нифонту одобрительную грамоту и сравнивалъ его въ ней съ первыми Святыми Отцами.

Поста-
вление
Рос-
сийск.
Митро-
полита

Въ то время, какъ Изяславъ, распустивъ Соборъ и возобновивъ миръ съ Половцами⁽³⁰⁵⁾, думалъ наслаждаться спокойствіемъ, коварные Давидовичи прислали объявить ему, что Святославъ завоевалъ ихъ область; что они желаютъ выгнать его съ помощію Великаго Князя и смирить Георгія, ихъ врага общаго. Изяславъ отпустилъ въ нимъ племянника, Всеволодова сына⁽³⁰⁶⁾, и скоро, убѣжденный вторичною просьбою Князей Черниговскихъ, велѣлъ собирать войску, чтобы итти на Святослава и Георгія. „Пойдемъ съ радостію и съ дѣтьми на Ольговича“, говорили ему Кіевляне: „по Георгій твой дядя. Го-
 „сударь! дерзнемъ ли поднять руку на сына *Мономахова*?“
 Столь народъ любилъ память добродѣтельнаго Владимира! Изяславъ не хотѣлъ слушать Бояръ, которые сомнѣвались въ вѣрности Князей Черниговскихъ. „Мы дали взаимную клятву быть „союзниками“, сказала онъ съ твердостію: „иду — и пусть „малодушные остаются!“ Уже Великій Князь стоялъ на рѣкѣ Супоѣ, поручивъ столицу брату своему, Владимиру. Къ счастью, Бояринъ Кіевскій, Удѣбъ, свѣдалъ въ Черниговѣ тайный разговоръ и спѣшилъ увѣдомить Изяслава, что Давидовичи мыслятъ злодѣйски умертвить его или выдать Святославу, находясь въ согласіи съ Георгіемъ. Великій Князь не вѣрилъ тому; но чрезъ Посла требовалъ отъ нихъ новой клятвы въ дружествѣ⁽³⁰⁷⁾. „Развѣ мы нарушили прежнюю?“ говорили они: „Христіанинъ не долженъ призывать веуе имени Божія“. Тогда Посоль обличилъ ихъ въ гнусномъ злоумышленіи. Безмолвствуя, Давидовичи смотрѣли другъ на друга, и выслали Боярина, совѣтовались, и наконецъ, призвавъ его, отвѣтствовали: „Не „запираемся; но можемъ ли спокойно видѣть злосчастіе брата своего Игоря? Онъ Чернецъ, Схимникъ, и все еще въ не- „волѣ. Изяславъ, самъ имѣя братьевъ, снесъ ли бы ихъ за- „ключеніе? Да возвратитъ свободу Игорю, и мы будемъ искрен- „ними друзьями?“ Бояринъ Кіевскій напомнилъ имъ безкорыстію своего Князя, не хотѣвшаго удержатъ за собою ни Сѣверскаго Новгорода, ни Путивля, и сказавъ: „Богъ да судить „и сила животворящаго Креста да наважетъ влятвопреступни- „ковъ!“ бросилъ на столъ *крестныя* или союзныя грамоты.

Любовь
къ Мо-
номаху

Извѣстна
Черни-
говск.
Князей.

Война была объявлена, и гонцы Изяславы въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Новѣгородѣ, обнародовали вѣроломство Князей Черниговскихъ, звали метителей, воспаляли сердца праведнымъ гнѣвомъ.

Сія вѣсть имѣла въ Кіевѣ слѣдствіе ужасное: Владиміръ Мстиславичъ собралъ гражданъ на Вѣче къ Св. Софіи. Митрополитъ, Лазарь Тысячскій и всѣ Бояре тамъ присутствовали. Послы Изяславы выступили и сказали громогласно (³⁰⁸): „Великій Князь *умлетъ* своего брата, Лазаря и всѣхъ гражданъ Кіевскихъ, а Митрополиту кланяется“... Народъ съ нетерпѣніемъ хотѣлъ знать вину Посольства. Вѣстникъ говорилъ: „*Такъ вѣщаетъ Изяславъ*: Князя Черниговскіе и „сынъ Всеволодовъ, сынъ сестры моей, облагодетельствованный мною, „забывъ святость крестнаго цѣлованія, тайно согласились съ „Ольговичемъ и Георгіемъ Суздальскимъ. Они думали лишить „меня жизни или свободы; но Богъ сохранилъ вашего Князя. „Теперь, братья Кіевляне, исполните обѣтъ свой: идите со „мною на враговъ Мономахова роду. Вооружитесь отъ мала „до велика. Конные на коняхъ, пѣшіе въ ладіяхъ да спѣ- „шатъ къ Чернигову! Бѣроломные надѣялись, убивъ меня, „истребить и васъ“. Всѣ единогласно отвѣтствовали: „идемъ за тебя, и съ дѣтьми!“ Но, къ несчастію, сыскался одинъ человекъ, который сіе прекрасное народное усердіе омрачилъ мыслию злодѣйства. „Мы рады итти“, говорилъ онъ: „но „вспомните, что было нѣкогда при Изяславѣ Ярославичѣ. Поль- „зуюсь народнымъ волненіемъ, злые люди освободили Всеслава „и возвели на престолъ: дѣды наши за то пострадали. Врагъ „Князя и народа, Игорь, не въ темницѣ сидитъ, а живетъ спокойно „въ монастырѣ Св. Θεодора: умертвимъ его, и тогда пойдемъ „наказать Черниговскихъ!“ Сія мысль имѣла дѣйствіе вдохновенія. Тысячи голосовъ повторили: „да умретъ Игорь!“ Напрасно Князь Владиміръ, утраченный такимъ намѣреніемъ, говорилъ народу: „Братъ мой не хочетъ убійства. Игорь оста- „нется за стражею; а мы пойдемъ къ своему Государю“. Кіевляне твердили: „Знаемъ, что добромъ не возможно раз- „дѣлаться съ племенемъ Олеговымъ“. Митрополитъ Лазарь

и Владиміровъ Тысячскій, Рагуйло, запрещали, удерживали, молили: народъ не слушалъ, и толпами устремился къ монастырю. Владиміръ сѣлъ на коня, хотѣлъ предупредить неистовыхъ, но встрѣтилъ ихъ уже въ монастырскихъ вратахъ: схвативъ Игоря въ церкви, въ самый часъ Божественной Литургіи, они вели его съ шумомъ и свирѣпымъ воплемъ. „Братъ любезный! куда ведутъ меня?“ спросилъ Игорь. Владиміръ старался освободить несчастнаго, закрылъ собственною одеждою, привелъ въ домъ къ своей матери, и заперъ ворота, презирая ярость мятежниковъ, которые толкали его, били,— сорвали съ Боярина Владимірова, Михаила, крестъ и златыя цѣпи. Но жертва была обречена: злодѣи вломилсь въ домъ, безжалостно убили Игоря, и влекли нагаго по улицамъ до самой торговой площади; стали вокругъ, и смотрѣли какъ невинные. Присланные отъ Владиміра Тысячекіе въ глубокой горести сказали гражданамъ: „Воля народная исполнилась: „Игорь убитъ! Погребемъ же тѣло его“. Народъ отвѣтствовалъ: „Убийцы не мы, а Давидовичи и сынъ Всеволодовъ. „Богъ и Святая Софія защитили нашего Князя!“ Трупъ Игоревъ отнесли въ церковь; на другой день облачили въ ризу Схимника и предали землѣ въ монастырь Св. Симеона. Игумень Θεодоровской Обители, Ананія, совершая печальный обрядъ, воскликнулъ къ зрителямъ: „Горе живущимъ нынѣ! „горе вѣку суетному и сердцамъ жестокимъ!“ Въ то самое время загремѣлъ громъ: народъ изумился, и слезами раскаянія хотѣлъ обезоружить гнѣвное Небо ⁽³⁰⁰⁾.—Великій Князь, свѣдавъ о семъ злодѣйствѣ, огорчился въ душѣ своей, и говорилъ Боярамъ, проливая слезы: „Теперь назовутъ меня убійцею Игоря! Богъ мнѣ свидѣтель, что я не имѣлъ въ томъ ни малѣйшаго участія, ни дѣломъ, ни словомъ: „Онъ разсудитъ насъ въ другой жизни. Кіевляне поступили „неистово“. Но боясь строгостію утратить любовь народную, Изяславъ оставилъ виновныхъ безъ наказанія; возвратился въ столицу, и ждалъ рати Смоленской.

Убіеніе
Игоря.

Война
между
собир.

Война началась. Святославъ Ольговичъ, увѣдомленный о жалостной кончинѣ брата, созвалъ дружину. и рыдая въ го-

Пгорела икона Божіей Матери (въ Кіевѣ-Печерской обители).

расти, заклипалъ всёхъ быть усердными орудіями мести сира-
ведливой. Онъ пошелъ къ Куреку, гдѣ находился сынъ Ве-
ликаго Князя, Мстиславъ, который, чтобы узнать вѣрность
жителей, спрашивалъ, готовы-ли они сразиться? „Готовы“,
отвѣтствовали граждане: „но только не обнажимъ меча на
„внука Мономахова“: ибо Глѣбъ, сынъ Георгія Владиміро-
вича, былъ съ Святославомъ. Юный Мстиславъ уѣхалъ къ
отцу, а Курекъ и города на берегахъ Сейма добровольно
поддалися Глѣбу⁽³¹⁰⁾; другіе оборонялись и не хотѣли измѣ-
нить Государю Кіевскому: напрасно Святославъ и Глѣбъ гро-
зили жителямъ вѣчною неволею и Половцами. Соединясь съ
дружиною Черниговскою, сн Князя взяли приступомъ только
одинъ городъ; свѣдавъ же, что Изяславъ идетъ къ Сулѣ, и
что рать Смоленская выжгла Любечъ, ушли въ Черниговъ,
оставленные своими друзьями, Половцами. Великій Князь за-
воевалъ крѣпкій городъ Всеволожь, обратилъ въ пещель Бѣ-
лую Вежу и другія мѣста въ Черниговской области, но безъ
успѣха приступалъ къ *Глѣбу* (ибо жители, въ надеждѣ на
Святаго защитника своего, оборонялись мужественно) и воз-
вратился въ Кіевъ торжествовать побѣду веселымъ широмъ,
отложивъ дальнѣйшія предпріятія до удобнаго времени. Онъ
велѣлъ брату своему, Ростиславу, идти въ Смоленскъ и вмѣстѣ
съ Новгородцами тревожить область Суздальскую.

Скоро непріятельскія дѣйствія возобновились. Глѣбъ за-
нялъ Остеръ, и давъ слово Великому Князю ѣхать къ нему
въ Кіевъ для свиданія, хотѣлъ нечаянно взять Переяславль;
но былъ отраженъ⁽³¹¹⁾. Въ то же время Черниговцы, дру-
жина Святослава и Половцы, ихъ союзники, опустошили Бра-
гинь, Изяславъ, осадивъ Глѣба въ Городцѣ или Остерѣ, при-
пудилъ его смириться, и сталъ близъ Чернигова на *Олего-
вомъ полѣ*, предлагая врагамъ своимъ битву. Они не смѣли,
ибо видѣли рать многочисленную. Великій Князь пошелъ къ
Любечу, гдѣ находились ихъ запасы. Давидовичи, Святославъ
и сынъ Всеволодовъ, соединясь съ Князьями Рязанскими, рѣ-
шились наконецъ ему противоборствовать. Уже стрѣлки на-
чали дѣло; но сильный, необыкновенный зимою дождь раз-

вель непріятелей. Рѣка, бывшая между ими, наполнилась водою, и самый Дигъръ тронулся: Изяславъ едва успѣлъ перейти на другую сторону; а Венгры, служившіе ему какъ союзники, обломались на льду.

Тогда Святославъ и Князья Черниговскіе отправили Посольство къ Георгію. „Мы воюемъ“ — говорили они — „а ты въ бездѣйствіи. Непритель обратилъ въ пепель наши города за Десною и села въ окрестностяхъ Дигъра, а по мощи отъ тебя не видимъ. Исполни обѣтъ, утвержденный цѣлованіемъ креста: иди съ нами на Изяслава, или мы „прибѣгнемъ къ великодушію врага сильнаго“. Георгій все еще медлилъ ⁽³¹²⁾. Другое обстоятельство также способствовало миру. Ростиславъ, старшій сынъ Георгіевъ, посланный отцемъ дѣйствовать за-одно съ Князьями Черниговскими, гнушался ихъ вѣроломствомъ, и сказавъ дружинѣ: „пусть гнѣвается родитель, но злодѣи Мономаховой крови не будутъ мнѣ союзниками“, пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ встрѣтилъ его дружески, угостилъ, осыпалъ дарами. Сей юноша, по имѣя въ Суздальской землѣ никакого Удѣла, предложилъ свои ревностныя услуги Великому Князю, какъ старшему изъ внуковъ Мономаховыхъ. Изяславъ отвѣтствовалъ: „Всѣхъ насъ старѣе отецъ твой; но онъ не умѣетъ жить съ нами въ дружбѣ, а я хочу быть для всѣхъ моихъ братьевъ и братьями родственнымъ. Георгій не даетъ тебѣ городовъ: возьми ихъ у меня“. Онъ далъ ему бывший Удѣлъ своего неблагодарнаго племянника, Святослава Всеволодовича ⁽³¹³⁾, вмѣстѣ съ Городцемъ Остерскимъ, выславъ оттуда коварнаго Глѣба. „Спѣши къ друзьямъ“ — сказалъ ему Великій Князь — „и требуй отъ нихъ Удѣла“: ибо Глѣбъ, смирясь неволью, оставался единомышленникомъ непріятелей Изяславовыхъ и вторично хотѣлъ было завладѣть Переяславлемъ. Думая, что искренній, чувствительный Ростиславъ можетъ примирить отца съ Великимъ Княземъ, и страшаясь быть жертвою ихъ союза, Давидовичи изъявили ему желаніе прекратить войну, говоря благоразумно: „*Миръ стоитъ до рати, а рать до мира*: такъ слышали мы отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Не вини

Медлен-
и сть
Георгіа.

„насть, хотѣвшихъ войною освободить брата. Но Игорь уже въ могилѣ, гдѣ и всѣ будемъ. Богъ да судить прочее; а намъ не должно губить отечества“. Изяславъ хотѣлъ знать мысли брата. Смоленскій Князь отвѣтствовалъ: „И Христіанинъ и люблю Русскую землю: не хочу кровопролитія; но если Давидовичи и Святославъ не перестанутъ злоститься на тебя за Игоря, то лучше явно воевать—и будетъ, что угодно Богу“. Тогда Великій Князь отправилъ Послами въ Черниговъ Вѣлгородскаго Епископа Феодора, Печерекаго Игумена Феодосія и Бояръ, которые заключили торжественный миръ. Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и племянникъ его, сынъ Всеволодовъ, въ Соборномъ храмѣ цѣловали крестъ, давъ клятву оставить злобу и „блюсти Русскую землю за-одно съ „Изяславомъ“. Скоро Великій Князь позвалъ ихъ на совѣтъ въ Городецъ: Святославъ и племянникъ его отказались отъ свиданія; но Давидовичи, отвѣтствуя за вѣрность того и другаго, условились тамъ съ Изяславомъ дѣйствовать противъ Георгія Суздальскаго, который отнималъ дани у Новгородцевъ и беспокоилъ ихъ границы. Союзники вмѣстѣ пировали и разъѣхались, отложивъ войну до зимы: ибо рѣки, топи, болота затрудняли путь лѣтомъ, и медленность страшила Полководцевъ болѣе, нежели морозы, снѣга и мятели.—Черниговцы должныствовали итти къ Ростову и встрѣтить Великаго Князя на берегахъ Волги.

Георгій, желая казаться великодушнымъ защитникомъ угнанныхъ Ольговичей, въ самомъ дѣлѣ мыслилъ только о себѣ, и ненавидѣлъ Изяслава единственно какъ похитителя достоинства Великокняжескаго; не могъ также простить и Новгородцамъ бесчестное изгнаніе своего сына, Ростислава. Князь ихъ, Святополкъ, хотѣвъ въ 1147 году отмстить Суздальскому за взятіе Торжка, возвратился съ дороги отъ распутия, и жители сего опустошеннаго города томились въ неволѣ. Епископъ Нифонтъ, другъ народнаго благоденствія, ѣздилъ въ Суздаль; былъ принятъ съ отмѣннымъ уваженіемъ, святить тамъ храмы, освободилъ всѣхъ плѣнниковъ, но не могъ склонить Георгія къ миру ⁽³¹⁴⁾.

Оставивъ Владиміра въ столицѣ, сына своего въ Переяславль, а Ростислава Георгіевича пославъ въ Бужскъ, чтобы охранять тамошнія границы и спокойно ждать конца войны, Великій Князь отправился въ Смоленскъ къ брату, веселился съ нимъ, праздновалъ, мѣнялся дарами и расположилъ военныя дѣйствія ⁽³¹⁵⁾. Онъ поручилъ всю рать Смоленскому Князю, велѣлъ ему идти къ берегамъ Волги, къ устью Медвѣдицы, и пріѣхалъ въ Новгородъ. Тамъ начальствовалъ уже не братъ его, а сынъ, Ярославъ: ибо Святополкъ, утративъ любовь народную, былъ переведенъ Изяславомъ въ область Владимірскую. Граждане давно не видали у себя Великихъ Князей и встрѣтили внука Мономахова съ живѣйшею радостію. Многочисленныя толпы провождали его до городскихъ воротъ, гдѣ стояли всѣ Бояре съ юнымъ Княземъ. Отслушавъ Литургію въ Софійскомъ храмѣ, Изяславъ далъ пиръ народу. Бирючи или Герольды ходили по улицамъ и звали гражданъ обѣдать съ Княземъ. Такъ называемое *Городище*, донинѣ извѣстное, было мѣстомъ сего истинно великолѣбнаго пира: Государь веселился съ народомъ, какъ добрый отецъ среди любезнаго ему семейства. На другой день ударили въ Вѣчевый колоколь, и граждане слѣзили на Дворъ Ярославовъ: тамъ Великій Князь, въ собраніи Новгородцевъ и Псковитянь, произнесъ краткую, но сильную рѣчь. „Братья!“ сказалъ онъ: „Князь „Суздальскій оскорбляетъ Новгородъ. Оставивъ столицу Русскую, я прибылъ защитить васъ ⁽³¹⁶⁾. Хотите ли войны? мечъ въ рукѣ моей. Хотите ли мира? вступимъ въ переговоры“. *Войны! войны!* отвѣтствовалъ народъ: „ты нашъ Владиміръ, ты Мстиславъ! пойдѣмъ съ тобою всѣ, отъ стараго до младенца“. Ратники надѣли шлемы. Псковитяне, Курелы собрали также войско, и Великій Князь на устьѣ Медвѣдицы соединился съ братомъ своимъ, Ростиславомъ. Напрасно ждали они возвращенія Посла, отправленнаго ими къ дядѣ еще изъ Смоленска: Георгій задержалъ его и не хотѣлъ отвѣтствовать на ихъ жалобы. Напрасно ждали и Князей Черниговскихъ, которые остановились въ землѣ Вятчей и хотѣли прежде видѣть, кому счастье войны будетъ благоприятствовать.

Народ-
ныя
обѣды
въ Новѣ-
городѣ.

Рѣчь
Изясла-
ва.

Мстиславичи вступили въ область Суздальскую: села и города заплыдали на берегахъ Волги до *Улича* и Мологи; жители спасались бѣгствомъ. Новгородцы разорили окрестности Ярославля, и война кончилась безъ сраженія: ибо весна уже наступала, рѣки покрывались водою и кони худо служили всадникамъ. Изяславъ, проводивъ Новгородцевъ, весновалъ въ Смоленскъ и благополучно возвратился въ столицу, къ искренней радости народа. Семь тысячъ плѣнниковъ свидѣтельствовали его побѣду.

г. 1149.
Опусто-
шеніе
земли
Суз-
даль-
скоб.

Скоро Великій Князь испыталъ превратность счастья, и могъ приписать оную собственной несправедливости. Ростиславъ Георгіевичъ былъ ему истиннымъ другомъ; но клеветники говорили Изяславу, что сей Князь, въ его отсутствію, старался обольстить Дифіровекихъ Берендѣевъ и самыхъ Кіевлянъ, хотѣлъ завладѣть столицею и подобно отцу ненавидитъ родъ Мстислава (³¹⁷). Люди, склонные къ чистосердечной довѣренности, легко вѣрятъ и злословію: Великій Князь, упрекая Ростислава неблагодарностію, отнялъ у него все имѣніе, оружіе, коней; заключилъ въ цѣпи дружину, и самого отправилъ съ тремя человекъми въ лодкѣ къ отцу, не давъ ему суда и не хотѣвъ слушать оправданій. Георгій оскорбился безчестіемъ сына гораздо болѣе, нежели оцупошеніемъ Суздальской области. „Такъ платитъ Изяславъ неосторожному юношѣ за „безразсудную любовь и дружбу!“ говорилъ онъ: „жестокій „племянникъ совершенно отчуждаетъ меня и дѣтей моихъ отъ *земли Русской*“ (смыъ именемъ преимущественно означалась тогда *Россія южная*). Георгій наконецъ выступилъ, соединясь съ Половцами. Святославъ Ольговичъ, видя безпрестанно въ мысляхъ своихъ окровавленную тѣнь брата и считая Великаго Князя убійцею, обрадовался случаю мести: миръ, клятвенно утвержденный въ Черниговомскѣ храмѣ, и брачный союзъ юной его дочери съ сыномъ Князя Смоленскаго не могли укротить сей злобы, ибо она казалась ему священнымъ долгомъ. Но Давидовичи рѣшительно отказались отъ дружбы Георгія, отвѣтствуя: „ты не спасъ городовъ нашихъ; нынѣ, „заключивъ союзъ съ Изяславомъ, не хотимъ нарушить онаго,

Неспра-
ведли-
вость
Велик.
Князя.

„и не можемъ играть душою“⁽³¹⁸⁾. Усердно помогая Великому Князю, они вмѣстѣ съ нимъ убѣждали Святослава быть его другомъ, согласно съ данною ими клятвою. „Буду“ (сказалъ Ольговичъ), когда Изяславъ возвратитъ мнѣ все „имѣніе моего брата“. Увѣренный, что Георгій дѣйствительно намѣренъ итти къ Кіеву, Святославъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу близъ Обояна; также и сынъ Всеволодовъ, единственно въ угодность дядѣ. Георгій долго стоялъ у Бѣлой Вежи, надѣясь однимъ страхомъ побѣдить Великаго Князя. Но Изяславъ, собравъ вѣрныхъ братьевъ, готовился къ битвѣ. „Я „отдалъ бы ему (говорилъ онъ) любую область, если бы „Георгій пришелъ одинъ съ дѣтьми своими; но съ нимъ вар- „вары Половцы и враги мои, Ольговичи“. Кіевляне хотѣли мира: „заключимъ его (сказалъ Изяславъ), но имѣя въ ру- „кахъ оружіе“. Георгій осадилъ Переяславль: тамъ находились Владиміръ и Святополкъ Мстиславичи. Великій Князь спѣшилъ защитить городъ и вошелъ въ него; а Георгій, желая оказать умѣренность, послалъ Боярина съ такими словами: „Чтобы отвратить несчастное кровопролитіе, забываю обиды, „разореніе моихъ областей и старѣйшинство, коего ты лишилъ „меня несправедливо. *Царствуй* въ Кіевѣ: отдай мнѣ только „Переяславль, да господствуетъ въ немъ сынъ мой!“ Гордый Изяславъ велѣлъ задержать Посла; отелушалъ Литургію у Св. Михаила, и готовясь обнажить мечъ, требовалъ благословія отъ Епископа Евфимія⁽³¹⁹⁾. Напрасно сей добрый Пастырь слезно умолялъ его примириться. „Нѣтъ!“ сказалъ Князь: „я „добылъ Кіева и Переяславля головою: могу ли отдать „ихъ?“ Умные Бояре совѣтовали ему хотя помедлить, думая, что Георгій безъ сраженія удалится, съ однимъ стыдомъ неудачи. Но Изяславъ, слѣдуя мнѣнію другихъ и порыву собственнаго, нетерпѣливаго мужества, расположилъ войско противъ непріятеля. Уже солнце спускалось къ Западу, и въ Переяславль благовѣстили къ Вечернѣ: Полководцы еще не давали знака, и рать не двигалась; одни стрѣлки были въ дѣйствиіи. Георгій началъ отступать: тогда Изяславъ, какъ бы пробужденный отъ глубокаго сна, быстро устремился впередъ,

вообразивъ, что непріятель ѡбжитъ. Затрубили въ воинскія трубы; солнце закатилось, и шумъ битвы раздался. Она была кровопролитна и несчастлива для Великаго Князя. Берендѣи обратили тылъ; за ними Изяславъ Давидовичъ съ дружиною Черниговскою; за ними Кіевляне; а Переяславцы измѣнили, взявъ сторону Георгія. Изяславъ пробился сквозь полкъ Ольговича и Суздальскій, прискакалъ самъ-третей въ Кіевъ, и собравъ жителей, спрашивалъ, могутъ ли они выдержать осаду? Граждане въ уныніи отвѣтствовали ему и Ростиславу Смоленскому: „Отцы, сыновья и братья наши лежатъ на полѣ битвы: другіе въ плѣну или безъ оружія. Государи добрые! не подвергайте столицы расхищенію; удалитесь на время въ свои частныя области. Вы знаете, что мы не уживемся съ Георгіемъ: когда увидимъ ваши знамена, то все единодушно на него возстанемъ“. Великій Князь, взявъ супругу, дѣтей, Митрополита Климента, поѣхалъ въ Владиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ ⁽³²⁰⁾. Георгій вошелъ въ Переяславль, черезъ 3 дни въ Кіевъ, и дружельюбно пригласивъ туда Владиміра Черниговскаго, въ общемъ Княжескомъ совѣтѣ распорядилъ **Удѣлы**: отдалъ Святославу Ольговичу Курскъ, Посемье, Сновскую область, Слуцкъ и всю землю Дреговичей, бывшую въ завѣнности отъ Великаго Княженія; сыновьямъ же: Ростиславу Переяславль, Андрею Вышгородъ, Борису Бѣлгородъ, Глѣбу Каневъ, Васильку Суздаль. Знаменитый Епископъ Нифонтъ находился тогда въ Кіевѣ: призванный Изяславомъ, онъ все еще не хотѣлъ покориться Митрополиту Клименту; называлъ его не Пастыремъ Церкви, а *волкомъ*, и заключенный въ монастырѣ Печерскомъ, великодушно сносилъ гоненіе. Георгій возвратилъ ему свободу, и съ честію отпустивъ къ Новгородцамъ сего любезнаго имъ Епископа, надѣялся тѣмъ преклонить сердца ихъ, хотя въ то же самое время Воевода Іоаннъ Берладникъ, оставивъ Смоленскаго Князя и вступивъ въ Георгіеву службу, нападалъ на чиновниковъ Новгородскихъ, собиравшихъ дань въ уѣздахъ ⁽³²¹⁾.

Августа
23. Битва у Переяслава.

Въѣздно
Изяслава.

Изгнанный Великій Князь обратился къ старшему дядѣ, Вячеславу, имъ оскорбленному; льстилъ ему именемъ втораго

Созданъ
съ Нен-
грамъ,
Богем-
гами и
Подляк-
ми.

отца, предлагалъ господствовать въ Кіевѣ. Но Вячеславъ держалъ сторону Георгія, не вѣря ласкамъ, не боясь угрозы племянника, который нашелъ союзниковъ въ Венгерскомъ Королѣ Гейзѣ, Владиславѣ Богемскомъ и въ Ляхахъ. Первый не за долго до того времени женился на его меньшей сестрѣ, Евфросивіи—такъ она называется въ Буллѣ Папы, Иннокентія IV—и далъ шурина 10,000 всадниковъ ⁽³²²⁾. Лѣтописецъ сказываетъ, что Государи Богемскій и Польскій, *сваты* Изяславы, сами привели къ нему войско, и что Болеславъ Кудрявый, вмѣстѣ съ братомъ Генрикомъ угощенный роскошнымъ обѣдомъ въ Владимірѣ, *опоясалъ мечемъ* многихъ Сынней Боярскихъ. Но сіи иноземные союзники, узнавъ, что Георгій соединился съ Вячеславомъ въ Пересопницѣ, и что мужественный Владиміръ Галицкій идетъ къ нему въ помощь, не захотѣли битвы, остановились у Чемерина и совѣтовали Изяславу примириться съ дядею ⁽³²³⁾. Они, какъ посредники между ими, вступили въ переговоры, увѣряя, что равно доброхотствуютъ той и другой сторонѣ. „Вѣрю и благодарю васъ“, отвѣтствовалъ Георгій: „идите же домой и не тяготите земли нашей; тогда я готовъ удовлетворить требованіямъ моего племянника“. Союзники вышли весьма охотно изъ Россіи; но хитрый Георгій, удаливъ ихъ, отвергнулъ мирныя предложенія, которыя состояли въ томъ, чтобы онъ, господствуя въ столицѣ Кіевской или уступивъ оную старшему брату, клятвенно утвердилъ за Изяславомъ область Владимірскую, Луцкую и Великій Новгородъ со всеми данями. Князь Суздальскій надѣялся отнять у племянника все владѣнія, а гордый Изяславъ предпочиталъ гибель миру постыдному.

Г. 1150.
Муже-
ство
Андрей.

Непріятельскія дѣйствія начались въ Волынѣ осадою Луцка, славною для сына Георгіева Андрея, ибо онъ имѣлъ случай оказать рѣдкое мужество. Въ одну ночь, оставленный союзными Половцами—которые съ Воеводою своимъ, Жирославомъ, бѣжали отъ пустой тревоги ⁽³²⁴⁾—сей Князь презрѣлъ общій страхъ, устыдилъ дружину и хотѣлъ лучше умереть, нежели сойтн съ мѣста. Видя же подъ стѣнами Луцка знамена отца своего (пришедшаго къ городу съ другою стороны) и сильную

Февра-
ря 8.

вылазку осажденныхъ, Андрей устремился въ битву, гвалъ неприятелей, и былъ на мосту окруженъ ими. Его братья, Ростиславъ, Борисъ, остались далеко, ничего не зная: ибо пылкій Андрей не велѣлъ распустить своей хоругви, не вспомнилъ сего обряда воинскаго и не приготовилъ ихъ къ сраженію. Только два воина могли слѣдовать за Княземъ: одинъ пожертвовалъ ему жизнью. Камни сыпались съ городскихъ стѣнъ; уязвленный конь Андреевъ исходилъ кровію; острая рогатина прошла сквозь луку сѣдельную. Герой готовился умереть великодушно, подобно Изяславу I, его прадѣду; изломилъ копье, вынулъ мечъ; призвалъ имя Св. Θεодора (ибо въ сей день торжествовали его память), сразилъ Нѣмца, готоваго пронзить ему грудь, и благополучно возвратился къ отцу. Георгій, дядя Вячеславъ, Бояре, витязи, съ радостными слезами славили храбрость юности. Добрый конь его вынесъ господина изъ опасности и палъ мертвый: благодарный Андрей соорудилъ ему памятникъ надъ рѣкою Стыремъ.

Памятникъ
коню.

Братъ Изяславовъ, Владиміръ, начальствовалъ въ Луцкѣ. Три недѣли продолжалась осада: жители не могли почерпнуть воды въ Стырь, и Великій Князь хотѣлъ отважиться на битву для спасенія города. Тутъ Владимірко Галицкій оказалъ чело-
вѣколюбіе: сталъ между неприятелями, чтобы не допустить ихъ до кровопролитія, и взялъ на себя быть ходатаемъ мира. Юрій Ярославичъ, внукъ бывшаго Великаго Князя, Святополка-Михаила (³²⁵), и Ростиславъ, сынъ Георгіевъ, мѣшали оному; но Владимірко, кроткій Вячеславъ и всѣхъ болѣе добродушный Андрей склонили Георгія прекратить несчастную вражду. Весною заключили миръ. Изяславъ призналъ себя *основнымъ*, то есть, *слабѣйшимъ*; слѣхался съ дядями въ Мирь. Пересопницѣ, и сидѣлъ съ ними на одномъ коврѣ. Согласилъ, чтобы племянникъ княжилъ спокойно въ области Владимірекой и пользовался данями Новгородскими; обязались также возвратить другъ другу всякое движимое имѣніе, отнятое въ теченіе войны. Изяславъ сложилъ съ себя достоинство Великаго Князя; а Георгій, желая казаться справедливымъ, уступилъ Кіевъ брату, старшему Мономахову сыну.

Свадьбы и пиры были слѣдствіемъ мира: одна дочь Георгіева, именемъ Ольга, вышла за Ярослава Владиміровича Галицкаго, а другая за Олега, сына Святославова ⁽³²⁶⁾.

Ковар-
ство
Георгія.

Всѣ казались довольными; но скоро обнаружилось коварство Георгія. Въ угодность ему, какъ вѣроятно, Бояре его представили, что тихій, слабый Вячеславъ не удержитъ за собою Россійской столицы: Георгій, согласный съ ними, послалъ брата княжить въ Вышегородъ, на мѣсто своего сына Андрея. Сверхъ того, будучи корыстолюбивъ, онъ не исполнилъ условій, и не возвратилъ Изяславу воинской добычи. Племянникъ жаловался: не получивъ удовлетворенія, занялъ Луцкъ, Пересопницу, гдѣ находился Глѣбъ Георгіевичъ. Давъ ему свободу, Изяславъ сказалъ: „У меня нѣтъ вражды съ вами, братьями; „но могу ли сносить обиды? Иду на вашего отца, который „не любитъ ни правды, ни ближнихъ“. Увѣренный въ добротетвѣ Кіевлянъ, онъ съ малочисленною дружиною пришелъ къ берегамъ Днѣпра и соединился съ Берендѣями; а Князь Суздальскій, изумленный нечаянною опасностію, бѣжалъ въ Городецъ ⁽³²⁷⁾.

Повыл
правда.

Надѣясь воспользоваться симъ случаемъ, слабодушный Вячеславъ пріѣхалъ въ Кіевъ и расположился во дворцѣ. Но граждане стремились толпами на встрѣчу къ Изяславу. „Ты „нашъ Государь!“ восклицали они: „не желаемъ ни Георгія, „ни брата его!“ Великій Князь послалъ объявить дядѣ, чтобы онъ, не хотѣвъ добровольно принять отъ него чести старшійшинства, немедленно удалился, ибо обстоятельства перемѣнились. „Убей меня здѣсь“, отвѣтствовалъ Вячеславъ: „а жи- „ваго не изгонишь“. Сія минутная твердость была бесполезна. Провождаемый множествомъ народа изъ Софійской церкви, Изяславъ вѣхалъ на Дворъ Ярославовъ, гдѣ дядя его сидѣлъ въ сѣняхъ. Бояре совѣтовали Великому Князю употребить паче силіе; нѣкоторые вызывались даже подрубить сѣни. „Нѣтъ!“ сказалъ онъ: „я не убійца моихъ ближнихъ; люблю дядю, и „пойду къ нему самъ“. Князья обнялися дружелюбно. „Видишь ли мятежъ народа?“ говорилъ племянникъ: „дай ми- „новать общему волненію, и для собственной безопасности иди

„въ Вышегородъ. Будь увѣренъ, что я не забуду тебя“. Вячеславъ удалился.

Торжество Великаго Князя было не долговременно. Снять его, Мстиславъ, хотѣлъ взять Переяславль: тамъ княжилъ Ростиславъ Георгіевичъ, который вмѣстѣ съ Андреемъ рѣшился мужественною обороною загладить постыдное бѣгство отца, привелъ въ городъ Днѣпровскихъ кочующихъ Торговъ, готовыхъ соединиться съ Кіевлянами, и ждалъ врага неустрашимо. Великій Князь не имѣлъ времени заняться сою осадю: свѣдавъ о приближеніи Владимірка Галицкаго, друга Георгіева, также о соединеніи Давидовичей съ Княземъ Суздальскимъ, онъ поѣхалъ къ Вячеславу и вторично предложилъ ему сѣсть на тронъ Мономаховъ. „Для чего же ты выгналъ меня съ безчестіемъ изъ Кіева?“ возразилъ дядя: „теперь отдаешь его мнѣ, когда сильные враги готовы изгнать тебя самого“. Смягченный ласковыми словами племянника, сей добродушный Князь обнялъ его съ нѣжностію, и заключивъ съ нимъ искренній союзъ надъ гробомъ Святыхъ Бориса и Глѣба, отдалъ ему всю дружину свою, знаменитую мужествомъ, чтобы отразить Владимірка. Изяславъ при звукѣ трубъ воинскихъ бодро выступилъ изъ столицы ⁽³²⁸⁾; но счастье опять измѣнило его храбрости. Еще дружина Вячеславова не успѣла къ нему присоединиться: Берендѣи же и Кіевляне, встрѣтивъ Галичанъ на берегахъ Стугны, ужаснулись ихъ силы, и путивъ нѣсколько стрѣлъ, разбѣялись. Онъ удерживалъ бѣгущихъ; хотѣлъ умереть на мѣстѣ; молилъ, заклиналъ робкихъ; наконецъ, видя вокругъ себя малочисленныхъ Венгровъ и Поляковъ, сказалъ дружнѣ съ горестію: „одни ли чужеземцы будутъ моими защитниками?“ и самъ поворотилъ коня. Непріятель слѣдовалъ за нимъ осторожно, боясь хитрости. Великій Князь напелъ въ Кіевъ Вячеслава, и еще не успѣлъ отобѣдать съ нимъ во дворцѣ, когда имъ сказали, что Георгій на берегу Днѣпра, и что Кіевляне перевозятъ его войско въ своихъ лодкахъ. Исполняя совѣтъ племянника, Вячеславъ уѣхалъ въ Вышегородъ, а Великій Князь со всею дружиною въ область Владимірекую, занявъ крѣпости на берегахъ Горыни ⁽³²⁹⁾.

Добродушнѣ Вячеслава.

Побѣда Владимірина.

Георгій и Князь Галицкій сошлись подъ стѣнами Кіева: съ первымъ находились Святославъ, племянникъ его (сынъ Всеволодовъ) и Давидовичи. Напрасно хотѣвъ догнать Изяслава, они вступили въ городъ, коего жители не дерзнули противиться мужественному Владимірку. Сей Князь и Георгій торжествовали побѣду въ монастырѣ Печерскомъ: новые дружественныя обѣты утвердили союзъ между ими. Владимірко выгналъ еще Изяслова сына изъ Дорогобужа, взялъ нѣсколько городовъ Волянскихъ, отдалъ ихъ Мстиславу Георгіевичу, съ нимъ бывшему, но не могъ взять Лудка, и возвратился въ землю Галицкую, довольный своимъ походомъ, который доставилъ ему случай видѣть славные храмы Кіевскіе и гробъ Святыхъ мучениковъ, Бориса и Глѣба ⁽³³⁰⁾.

Бод-
расть
Андрея-
ка.

Георгій, боясь новыхъ предпріятій Изяславовыхъ, поручилъ Волянскую область свою надежнѣйшему изъ сыновей, храброму Андрею. Сей Князь болѣе и болѣе заслуживалъ тогда общее уваженіе: онъ смирилъ Половцевъ, которые, называясь союзниками отца его, грабили въ окрестностяхъ Переяслава и не хотѣли слушать Пословъ Георгія; но удалились, какъ скоро Андрей велѣлъ имъ оставить Россіянъ въ покоѣ ⁽³³¹⁾. Укрѣпивъ Пересопницю, онъ взялъ такія мѣры для безопасности всѣхъ городовъ, что Изяславъ раздумалъ воевать съ нимъ, и въ надеждѣ на его добродушіе предложилъ ему миръ. „Отказываюсь отъ Кіева (говорилъ Великій Князь), если отецъ твой уступитъ мнѣ всю Волянню. Венгры и Ляхи не братья мои: земля ихъ мнѣ не отечество. Желая остаться Русскимъ „и владѣть достояніемъ нашихъ предковъ“. Андрей вторично старался обезоружить родителя; но Георгій отвергнулъ мирныя предложенія, и заставилъ Изяслава снова обратиться къ иноземнымъ союзникамъ.

Меньшій его братъ, Владиміръ Мстиславичъ, поѣхалъ въ Венгрію, и склонилъ Короля объявить войну опаснѣйшему изъ нещрітелей Изяславовыхъ, Владимірку Галицкому, представляя, что сей Князь отважный, честолюбивый, есть общій врагъ Державъ сосѣдственныхъ. Въ глубокую осень, чрезъ горы Карпатскія, Гейза вошелъ въ Галицію, завоевалъ Са-

ночь, думалъ осадить Перемышль. Желая безъ кровопролитія х и т-
избавиться отъ врага сильнаго, хитрый Владимірко купилъ зо- рость
лотомъ дружбу Венгерскаго Архіепископа, именемъ Кукниша, Ваади-
и знатнѣйшихъ чиновниковъ Гейзиныхъ, которые убѣдили сво- мірны.

его легковѣрнаго Монарха отложить войну до зимы. Но связь Гейзы съ Великимъ Княземъ еще болѣе утвердилась: Влади-
мѣръ Метиславичъ женился на дочери Бана, родственника Королевскаго, и вторично посланный братомъ въ Венгрію при-
велъ къ нему 10,000 отборныхъ воиновъ (³²²). Тогда Изя- 1. 1151.

славъ, нетерпѣливо ожидаемый Кіевлянами, Берендѣями и пре-
данною ему дружиною Вячеслава, смѣло выступилъ въ поле,
миновалъ Пересопницу, и зная, что за нимъ идутъ полки
Владимірковы, сѣвшиль къ столицѣ Великаго Княженія.
Бояре говорили ему: „у насъ впереди непріятель, за нами
„другой“. Князь отвѣтствовалъ: „Не время страшиться. Вы
„оставили для меня дома и села Кіевскія; я лишень роди- Твор-
„тельскаго престола: умру или возьму свое и ваше. Достиг- дость
„нетъ ли насъ Владимірко, сразимся; встрѣтимъ ли Георгія, Вааса-
„также сразимся. Иду на судъ Божій“. та.

Граждане Дорогобуца встрѣтили Изяслава со крестами, но боялись Венгровъ. „Будьте покойны“, сказала Великій Князь: „я предводительствую ими: Не вы, люди моего отца „и дѣда, а только одни враги мои должны ихъ ужасаться“. Другіе города изъявляли ему такую же покорность. Онъ ни- гдѣ не медлил; но войско его едва оставило за собою рѣку Ушь, когда легкой отрядъ Галицкаго показалея на другой сторонѣ. Самъ Владимірко, вмѣстѣ съ Андреемъ Георгіевичемъ стоялъ за лѣсомъ, въ ожиданіи своей главной рати. Началась перестрѣлка. Великій Князь хотѣлъ ударить на малочисленныхъ непріятелей: Бояре ему отовѣтовали. „Рѣка „и лѣсъ передъ нами“, говорили они: „пользуясь ими, Влади- „мѣрко можетъ долго сопротивляться; задніе полки его при- „слѣбуютъ къ битвѣ. Лучше не тратить времени, идти впередъ „и соединиться съ усердными Кіевлянами, ждущими тебя на „берегахъ Тетерева“. Изяславъ велѣлъ ночью разложить боль- шіе огни, и тѣмъ обманувъ непріятеля, удалился, шель день

и ночь, отрядилъ Владимира Метиславича къ Бѣлугороду, и надѣялся взять его внезапно. Такъ и случилось. Борисъ Георгіевичъ, пируя въ Бѣлгородскомъ дворцѣ своемъ съ дружиною и съ Попами, вдругъ услышалъ громкій кликъ и воинскія трубы: свѣдалъ, что полки Изяславовы уже входятъ въ городъ, и бѣжалъ къ отцу, не менѣ сына безпечному. Георгій жиялъ спокойно въ Кіевѣ, ничего не зная: приведенный въ ужасъ столь нечаянною вѣстію, онъ бросился въ лодку и уѣхалъ въ Остерь; а Великій Князь, оставивъ въ Бѣлгородѣ Владимира Метиславича для удержанія Галичанъ, вошелъ въ столицу, славимый, ласкаемый народомъ, какъ отецъ дѣтьми. Многіе Бояре Суздальскіе были взяты въ плѣнъ. Великій Князь, изъявивъ въ Софійскомъ храмѣ благодарность Небу, угостилъ обѣдомъ усердныхъ Венгровъ и своихъ друзей Кіевскихъ: а друзьями его были всѣ добрые граждане. За роскошнымъ пиромъ слѣдовали игры: ликуя среди обширнаго двора Ярославова, народъ съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ристаніе искусныхъ Венгерскихъ всадниковъ⁽³³³⁾.

Еще Кіевляне опасались Владимірка; но изумленный бѣгствомъ Георгія, онъ сказалъ Андрею, который шелъ вмѣстѣ съ нимъ: „Свѣтъ мой есть примѣръ безпечности; господствуетъ въ Россіи, и не знаетъ, что въ ней дѣлается; одинъ сынъ въ Пересопницѣ, другой въ Бѣлѣгородѣ, и не даютъ отцу вѣсти о движеніяхъ врага! Когда вы такъ правите землю, я вамъ не товарищъ. Мнѣ ли одному ратоборетковать съ Изяславомъ, теперь уже сильнымъ? Иду въ область свою“. И немедленно возвратился, собирая на пути дань со всѣхъ городовъ Волынскихъ. Обитатели, угрожаемые плѣномъ сносли ему серебро; жены, выкупая мужей, отдавали свои ожерелья и серьги. Андрей съ печальнымъ сердцемъ пріѣхалъ къ отцу въ Городецъ Остерскій⁽³³⁴⁾.

Утвердясь въ столицѣ, Великій Князь призвалъ дядю своего, Вячеслава, изъ Вышегорода. „Богъ взялъ моего родителя“, говорилъ онъ: „будь мнѣ вторымъ отцемъ. Два раза я могъ посадить тебя на престолѣ, и не сдѣлалъ того, ослѣпленный властолюбіемъ. Прости вину мою, да буду спо-

Безпечность Георгія и торжество Изяслава.

Ристаніе въ Кіевѣ.

Справедливость Великаго Князя.

„коенъ въ совѣсти. Кіевъ твой: господствуй въ немъ по-
 „добно отцу и дѣду“. Добрый Вячеславъ, тронутый симъ
 великодушіемъ, съ чувствительностію отвѣтствовалъ: „Ты не-
 „полнилъ наконецъ долгъ собственной чести своей. Не имѣя Призна-
 тель-
 ность.
 Вячеслава.
 „дѣтей, признаю тебя сыномъ и братомъ. Я старъ: не могу
 „одинъ править землею: будь моимъ товарищемъ въ дѣлахъ
 „войны и міра; соединимъ наши полки и дружину. Иди съ
 „ними на враговъ, когда не въ силахъ буду дѣлать съ то-
 „бою опасностей ⁽³³⁵⁾!“ Они цѣловали крестъ въ Софійскомъ
 храмѣ; клялися быть неразлучными во благоденствіи и злоча-
 стіи. Старецъ, по древнему обыкновенію, далъ пиръ Кіевля-
 намъ и добрымъ союзникамъ, Венграмъ. Одаривъ послѣднихъ
 конями, сосудами драгоцѣнными, одеждами, тканями, Изяславъ
 отпустилъ ихъ въ отечество; а въ слѣдъ за ними отправилъ
 сына своего благодарить Короля Гейзу. Сей Посолъ именовъ
 отца долженъ былъ сказать ему слѣдующія выразительныя
 слова: „Да поможетъ тебѣ Богъ, какъ ты помогъ намъ! Благод-
 аря-
 ность.
 Королю
 Венгер-
 скому.
 „Ни сынъ отцу, ни братъ единокровному брату не оказы-
 „валъ услугъ важнѣйшихъ. Будемъ всегда заодно. Твои враги
 „суть наши: не златомъ, одною кровію своею можемъ за-
 „платить тебѣ долгъ. Но соверши доброе дѣло: еще имѣемъ
 „врага сильнаго. Ольговичи и Князь Черниговскій, Влад-
 „миръ, въ союзъ съ Георгіемъ, который сыплетъ злато и
 „и манитъ къ себѣ дикихъ Половцевъ. Не зовемъ тебя са-
 „мого: ибо Царь Греческій имѣетъ рать съ тобою. Но когда
 „наступитъ весна, мирная для Венгріи, то пришли въ Рос-
 „сію новое войско. И мы въ спокойную чреду свою придемъ
 „къ тебѣ съ дружиною вспомогательною. Богъ намъ побор-
 „никъ, народъ и Черные Клобуки друзья“.— Великій Князь
 звалъ также въ помощь къ себѣ брата, Ростислава Смолен-
 скаго, который всегда думалъ, что старшій ихъ дядя имѣетъ
 законное право на область Кіевскую. Вячеславъ, увѣряя сего
 племянника въ дружбѣ, назвалъ его *вторымъ* сыномъ, и
 съ любовію принялъ Изяслава Черниговскаго, который, вопреки
 брату, Владиміру Давидовичу, отказался отъ союза съ
 Княземъ Суздальскимъ.

Осада
Кіева.

Георгій имѣлъ время собрать войско, и сталъ противъ Кіева, вмѣстѣ съ Ольговичами — то есть, двумя Святославами, дядею и племянникомъ — Владиміромъ Черниговскимъ и Половцами, разбивъ шатры свои на дугахъ восточнаго берега Днѣпровскаго. Рѣка покрылась военными ладіями; битвы начались. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о хитромъ вымыслѣ Изяслава; ладіи сего Князя, едѣланныя о двухъ руляхъ, могли *не обращаясь* итти вверхъ и внизъ; одни весла были видимы: гребцы сидѣли подъ защитою высокой палубы, на которой стояли латники и стрѣлки. Отраженный Георгій вздумалъ переправиться ниже Кіева; ввелъ ладіи свои въ *Долобское* озеро ⁽³³⁶⁾, и велѣлъ ихъ тащить оттуда берегомъ до рѣки Золотчи, впадающей въ Днѣпръ. Изяславъ шелъ другою стороною, и суда его вступили въ бой съ нещріателемъ у *Витичевскаго брода*. Князь Суздальскій и тутъ не имѣлъ успѣха; но Половцы тайнымъ обходомъ разстроили Изяславовы мѣры: у городка Заруба, близъ Трубежекаго устья, они бросились въ Днѣпръ на коняхъ своихъ, вооруженные съ головы до ногъ, и закрываясь щитами. Святославъ Ольговичъ и племянникъ его предводительствовали ими. Береговая стража Кіевская оробѣла. Напрасно Воевода Шварнъ хотѣлъ остановить бѣгущихъ: „съ ними не было Князя (говоритъ Лѣтописецъ), а Боарина не всѣ слушаютъ“. Половцы достигли берега, и Георгій спѣшилъ въ томъ же мѣстѣ переправиться черезъ Днѣпръ.

Великій Князь отступилъ къ Кіеву и вмѣстѣ съ дядею сталъ у *Златыхъ* вратъ; Изяславъ Давидовичъ между *Златыми* и *Жидовскими* вратами; подлѣ него Князь Смоленскій; Борисъ Всеволодовичъ Городненскій, внукъ Мономаховъ, у вратъ *Лятскихъ* или *Польскихъ*. Ряды Кіевлянъ окружили городъ. Черные Клобуки явились также подъ его стѣнами съ своими вежами и многочисленными стадами, которыя разсыпались въ окрестностяхъ Кіевскихъ. Дѣятельность, движеніе, необозримый строй людей вооруженныхъ и самый безпорядокъ представляли зрѣлище любопытное. Пользуясь общимъ смятеніемъ, хищные друзья, Берендѣи и Торги, обирали монастыри.

лгли села, сады. Изяславъ, чтобы унять грабителей, велѣлъ брату своему, Владиміру, соединить ихъ и поставить у *Могилы Олеговой*. между оврагами. Воины, граждане, народъ, съ твердостію и мужествомъ ожидали непріятеля ⁽³³⁷⁾.

Но старецъ Вячеславъ еще надѣялся убѣдить брата словами мирными, и въ присутствіи своихъ племянниковъ далъ Послу наставленіе. „Иди къ Георгію“, сказалъ онъ: „цѣлуй „его моимъ именемъ и говори такъ: Сколько разъ молилъ „я васъ, тебя и племянника, не проливать крови Христіанъ „и не губить земли Русской! Изяславъ, возставъ на Игоря, „велѣлъ мнѣ объявить, что ищетъ престола Кіевского един- „ственно для меня, втораго отца своего; а послѣ завладѣлъ „собственными моими городами, Туровымъ и Пинскимъ! Равно „обманутый и тобою—лишенный Чересопицы, Дорогобужа— „не имѣя ничего, кромѣ Вышегорода, я молчалъ; имѣя Бо- „гомъ данную мнѣ силу, полки и дружину, терпѣливо сно- „силъ обиды, самое уничтоженіе, и думая только о пользѣ оте- „чества, унижалъ васъ. Напрасно: вы не хотѣли внимать со- „вѣтамъ челоуѣколюбія; отвергая ихъ, нарушали уставъ Бо- „жій. Нынѣ Изяславъ заглядилъ вину свою: почтилъ дядю „вмѣсто отца; я назвалъ его сыномъ. Бойшься ли унизиться „предо мною? Но кто изъ насъ старшій? Я былъ уже бра- „датель, когда ты родился. Опомнись, или, поднявъ руку на „старшаго, бойся гнѣва Небеснаго!“ — Посолъ Вячеславовъ нашелъ Георгія въ Василевѣ: Князь Суздальскій, выслушавъ его, отправилъ собственного Боярина къ брату; признавалъ его своимъ отцемъ; обѣщалъ во всемъ удовлетворить ему, но требовалъ, чтобы Метиславичи выѣхали изъ области Кіевской. Старецъ отвѣтствовалъ: „У тебя *семь* сыновей: отгоняю ли „ихъ отъ родителя? У меня ихъ только два: не разстанусь „съ ними. Иди въ Черяславль и Курскъ; иди въ *Великій* „Ростовъ, или въ другіе города свои; удали Ольговичей, и „мы примиримся. Когда же хочешь кровопролитія, то матеръ „Божія да судить насъ въ семь вѣкѣ и будущемъ!“ Вяче- „славъ, говоря сіи послѣднія слова, указалъ на Златія врата и на образъ Маріи, тамъ изображенный.

Миро-
любиве
Вяче-
славъ.

Георгій ополчился и подступилъ къ Кіеву отъ Ывлагорода. Стрѣлы летали черезъ Лыбедь. Пылкій Андрей устремился на другую сторону рѣки, и гналъ стрѣлковъ непріятельскихъ къ городу; но былъ оставленъ своими: одинъ Половчинъ схватилъ коня его за узду и принудилъ Героя возвратиться (³³⁸). Юный Владиміръ Андреевичъ, внукъ Мономаховъ, спѣшилъ раздѣлить съ братомъ опасность: пѣтушъ силою удержалъ сего отрока. Дружина ихъ шла на полкъ Вячеславоу и Великаго Князя за Лыбедью; прочее войско Георгіево сразилось съ Борисомъ у вратъ Лятскихъ. Изяславъ наблюдалъ всѣ движенія битвы: онъ велѣлъ братьямъ, не разстроивая полковъ, съ избранными отрядами и Черными Клобуками ударить вдругъ на непріятеля. Смятые ими, Половцы, Суздальцы бѣжали, и трупы наполнили рѣку Лыбедь. Тутъ вмѣстѣ со многими палъ мужественный сынъ Хана славнаго, Воняка, именемъ Севенчъ, который хвалился, подобно отцу своему, *зарубить* мечемъ врата Златяя (³³⁹). Съ того времени Суздальцы не дерзали переходить черезъ Лыбедь, и Георгій скоро отступилъ, чтобы соединиться съ Владиміромъ: ибо Галицкій Князь, забывъ прежнюю досаду, шелъ къ нему въ помощь.

Отступилъ
Георгій

Георгій
Кіев-
лянтъ.

Храбрые Метиславичи пылали нетерпѣніемъ гнаться за врагомъ. Согласно съ характеромъ своимъ, Вячеславъ говорилъ, что они могутъ не спѣшить, и что Всевышній даетъ побѣду не скорому, а справедливому; но убѣжденный ихъ представленіями, и самъ немедленно сѣлъ на копя, вмѣстѣ съ племянниками совершивъ молитву въ храмъ Богоматери. Никогда народъ Кіевскій не вооружался охотнѣе; никогда не изъявлялъ болѣе усердія къ своимъ Государямъ. „Всякой, кто можетъ двигаться и владѣть рукою, да идетъ въ поле!“ сказали граждане: „или да лишится жизни ослушникъ!“ Борисъ Городненскій былъ отправленъ лѣсомъ въ слѣдъ за Георгіемъ, который думалъ взять Ывлагородъ; но видя жителей готовыхъ обороняться, пошелъ на встрѣчу къ Галичанамъ (³⁴⁰). Изяславъ, стараясь предупредить сіе опасное соединеніе, настигъ его за Стугною. Сдѣлалась ужасная буря и тьма; дождь лился рѣкою, и ратники не могли видѣть другъ друга. Какъ бы устранивша

несчастнымъ предзнаменованіемъ, оба войска желали мира: Послы ѣздили изъ стана въ станъ, и Князья могли бы согласиться, если бы мстительные Ольговичи и Половцы тому не воспротивились. Георгій, принявъ ихъ совѣтъ, рѣшился на кровопролитіе; однакожъ убѣгалъ битвы, ожидая Владимірка, и ночью перешелъ за рѣку Руть (нынѣ Ротокъ). Изяславъ не далъ ему итти далѣе: надлежало сразиться. Андрей устроилъ Битва. Суздальцевъ (³⁴¹); обѣхалъ всея ряды; старался воспламенить мужество въ Половцахъ и въ своей дружинѣ. Съ другой стороны Великій Князь, Полководецъ искусный, также наилучшимъ образомъ распорядилъ войско, и требовалъ благословенія отъ Вячеслава. Сей старецъ, утомленный походомъ, долженъ былъ остаться за строемъ. „Неблагодарный Георгій отвергнулъ „миръ, столь любезный душѣ твоей“, говорили ему племянники: „теперь мы готовы умереть за честь нашего отца и дяди“. Вячеславъ отвѣтствовалъ: „Суди Богъ моего брата; я „отъ юности гнушался кровопролитіемъ“.—Битва началась. Изяславъ приказалъ всемъ полкамъ смотрѣть на его собственный, чтобы слѣдовать ему въ движеніяхъ. Андрей встрѣтилъ ихъ, и сильнымъ ударомъ изломилъ свое копіе. Узвленный въ ноздри конь его явился подъ всадникомъ; шлемъ слетѣлъ съ головы, шитъ Андреевъ упалъ на землю: но Богъ сохранилъ мужественнаго Князя. Изяславъ также былъ впереди; также изломилъ копіе: раненный въ бедуру и руку, не могъ усидѣть Изяславъ раненъ. на конѣ и плавалъ въ крови своей. Битва продолжалась. Дикіе варвары, союзники Георгіевы, рѣшили ея судьбу: путивъ тучу стрѣлъ, обратились въ бѣгство; за Половцами Ольговичи, и наконецъ Князь Суздальскій. Многіе изъ его воиновъ утонули въ грязномъ Руть; многіе легли на мѣстѣ или отдались въ плѣнъ. Георгій съ малымъ числомъ ушелъ за Днѣпръ въ Перяславль. Бѣгство Георгія.

Между тѣмъ Великій Князь, нѣсколько времени лежавъ на землѣ, собралъ силы, всталъ, и едва не былъ изрубленъ собственными воинами, которые, въ жару битвы, не узнали его „Я Князь“, говорилъ онъ. „Тѣмъ лучше“, сказали одинъ воинъ, и мечемъ разсѣкъ ему шлемъ, на коемъ блистало золотое

Ч у в-
с т в и-
т е л ь-
н о с т ь
И з я с л а в а

изображеніе Святаго Пантелеймона ⁽³⁴²⁾. Изяславъ, открывъ лицо, увидѣлъ общую радость Кіевлянъ, считавшихъ его мертвымъ, пеходилъ кровію, но слыша, что Владиміръ Черниговскій убитъ, велѣлъ посадить себя на коня и везти къ его труну; искренно сожалѣлъ объ немъ, и съ чувствительностію утѣшалъ горестнаго Изяслава Давидовича, который, взявъ тѣло брата, союзника Георгіева, епѣшилъ защитить свою еголицу: ибо Святославъ Ольговичъ хотѣлъ незаню овладѣть ею; но тучный, дебелый и до крайности утомленный бѣгствомъ, сей Князь принужденъ былъ отдыхать въ Остерѣ, гдѣ свѣдавъ, что въ Черниговѣ уже много войска, онъ рѣшился ѣхать прямо въ Новгородъ Сѣверскій; а послѣ дружелюбно раздѣлился съ Изяславомъ Давидовичемъ: каждый изъ нихъ взялъ часть отцевскую ⁽³⁴³⁾.

В ѣ р о-
д о м с т в о
Г е о р г і я

Мстиславици осадили Переяславль. Утративъ лучшую дружину въ битвѣ, и слыша, что Владимірко Галицкій, достигнувъ Бужска, возвратился, Георгій принялъ миръ отъ снисходительныхъ побѣдителей. „Отдаемъ Переяславль любимому изъ „сыновей твоихъ“, говорили они: „но самъ иди въ Суздаль. „Не можемъ быть съ тобою въ сосѣдствѣ, ибо знаемъ тебя. „Не хотимъ, чтобы ты снова призвалъ друзей своихъ, Половецъ, грабить область Кіевскую“. Георгій далъ клятву выѣхать, и нарушилъ оную подъ видомъ отъѣзнаго усердія къ Св. Борису: праздновалъ его память, жилъ на берегу Альты, молился въ храмѣ сего Мученика и не хотѣлъ удалиться отъ Переяславля ⁽³⁴⁴⁾. Одинъ сынъ его, Андрей, гнушавшійся вѣроломствомъ, отправился въ Суздаль. Узнавъ, что коварный дядя зоветъ къ себѣ Половецъ и Галичанъ, Великій Князь грозно требовалъ исполненія условій: Георгій оставилъ сына въ Переяславлѣ, но выѣхалъ только въ Городецъ, и ждалъ благоприятнѣйшихъ обстоятельствъ.

Надеждою его былъ мужественный Владимірко. Мстиславъ, сынъ Великаго Князя, велъ къ родителю многочисленное союзное войско Короля Гейзы и своею неосторожностію лишился онаго. Ветунивъ въ Волынію, онъ шировалъ съ Венграми, угощаемый дядею, Владиміромъ Мстиславичемъ; слышалъ о приближеніи

Галицкаго Князя, но безопасно легъ спать, въ надеждѣ на стражу и самохвальство Венгровъ ⁽³⁴⁵⁾. „Мы всегда готовы къ бою“, говорили они, и пили безъ всякой умѣренности. Въ полночь тревога разбудила Метислава: дружина его съѣла на коней; но упоенные виномъ союзники лежали какъ мертвые. Владимірко ударилъ на нихъ предъ разсвѣтомъ: билъ, истреблялъ — и Великій Князь получилъ извѣстіе, что сынъ его едва могъ спастись одинъ съ своими Боярами. Тогда Изяславъ призвалъ союзниковъ: Князя Черниговскаго и сына Всеволодова, его племянника: даже и Святославъ Ольговичъ, повинаясь необходимости, далъ ему вспомогательную дружину. Сіе войско осадило Городецъ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, оставленный прежними друзьями и товарищами, Князь Суздальскій долженъ былъ чрезъ нѣсколько дней смириться: уступивъ Переяславль Метиславу Изяславичу, возвратился въ наследственный Удѣлъ свой и поручилъ Городецъ сыну Глѣбу ⁽³⁴⁶⁾. Но скоро Изяславъ отняли у Георгія и сіе приближише въ южной Россіи: сжегъ тамъ всѣ деревянныя зданія, самыя церкви, и сражнялъ крѣпость съ землею.

Наказавъ главнаго непріятеля, Великій Князь желалъ отметить хитрому, счастливому сподвижнику Георгіеву, Владимірку: Король Венгерскій хотѣлъ того же. Имъ надлежало соединиться у подошвы горъ Карпатскихъ ⁽³⁴⁷⁾. Лѣтописцы славятъ взаимную искреннюю дружбу сихъ Государей: сановники Гейзы стѣ его имени привѣтствовали Великаго Князя на дорогѣ; самъ Король, провождаемый братьями, Ладиславомъ и Стефаномъ, всѣмъ Дворомъ, всѣми Баронами, выѣхалъ встрѣтить Изяслава, который велъ за собою многочисленное стройное войско. Съ любовію обнявъ другъ друга, они, въ шатрѣ Королевскомъ, условились не жалѣть крови для усмиренія врага — и на разсвѣтѣ, ударивъ въ бубны, семьдесятъ полковъ Венгерскихъ двинулись впередъ; за ними шли Россіяне и конные Берендѣи; вступивъ въ землю Галицкую, расположились близъ рѣки Сана, ниже Черемышла. Владимірко стоялъ на другой сторонѣ, готовый къ бою, и схватилъ нѣсколько *зажитниковъ* Королевскихъ ⁽³⁴⁸⁾. Тогда было Воскресенье; Гейза, обыкновенно

Помощи
Венгровъ.

г. 1182

новенно праздную сей день, отложилъ битву до слѣдующаго: По данному знаку союзное войско приступило къ рѣкѣ. Изяславъ находился въ срединѣ, и такъ говорилъ ратникамъ: „Братья и дружина! доселѣ Богъ спасалъ отъ безчестія землю Русскую и сыновъ ея: отцы наши всегда славились мужествомъ. Нынѣ ли уронимъ честь свою предъ глазами союзниковъ иноплеменныхъ? Нѣтъ, мы явимъ себя достойными ихъ уваженія“. Въ одно мгновеніе ока Россіяне бросились въ Санъ: Венгры также, и смяли Галичанъ, стоявшихъ за валомъ. Побѣжденный Владимірко, просекавъ на борзомъ конѣ между толпами Венгровъ и Черныхъ Клобуковъ (одинъ съ какимъ-то Избыгивомъ), заключился въ Перемышлѣ. Союзники могли бы тогда взять крѣпость; но воины ихъ, грабя Княжескій богатый дворецъ на берегу Сана, дали время многимъ разсѣяннмъ битвою Галичанамъ собраться въ городѣ. Владимірко хотѣлъ мира: ночью отправилъ къ Архіепископу и Боярамъ Венгерскимъ множество серебра, золота, драгоценныхъ одеждъ, и вторично склонилъ ихъ быть за него ходатаями. Они представили Гейзѣ, что Галиціи Князь, тяжело раненный, признается въ винѣ своей; что Небо милуетъ кающихся грѣшниковъ; что онъ служилъ копіемъ своимъ отцу Гейзину, Белѣ *Сльпому*, противъ Ляховъ; что Владимірко, зная великодушіе Короля и готовясь скоро умереть, поручаетъ ему юнаго сына, и боится единственно злобы Изяславовой. Великій Князь не хотѣлъ слышать о мирѣ. „Если умретъ Владимірко“ — говорилъ онъ — „то безвременная кончина его будетъ справедливою Небесною казнію. Сей вѣроломный, клятвенно обѣщавъ намъ пріязнь свою, разбилъ твое и мое войско. Забудемъ ли безчестіе? Нынѣ Богъ передаетъ Владимірка въ руки наши: возьмемъ его и землю Галицкую“. Метиславъ, сынъ Великаго Князя, еще ревностнѣе отца противился миру: напрасно Владимірко старался моленіемъ и ласками обезоружить ихъ. Но Гейза отвѣтствовалъ: „не могу убить того, кто винится“, и простилъ врага, съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ чужіе, занятые имъ города Россійскіе (Бужекъ, Тихомль, Шумекъ, Выгошевъ, Гнойни) и навсегда остался другомъ Изяславу, или, по

рѣчь
Изясла-
ва и по-
бѣда.

Прор-
ство
Влади-
мірка.

Просты-
дую
Гейза.

тогдашнему выраженію, *не разлучался съ нимъ ни въ добръ, ни въ злѣ*. Изъ шатра Королевскаго послали мнимо-больному Владимірку чудотворный крестъ Св. Стефана: сей Князь даль присягу. „Если онъ измѣнитъ намъ (сказалъ Гейза), то или „мнѣ не царствовать или ему не княжить“. Услуживъ шурина и смиривъ надменнаго Владимірка, бывшаго въ тѣсномъ союзѣ съ Греками, Король спѣшилъ къ берегамъ Сана, отразить Императора Мануила, хотѣвшаго отметить ему за обиду своего Галицкаго друга ⁽³⁴⁹⁾. Изяславъ, возвратяся въ Кіевъ съ торжествомъ, изъявилъ благодарность Всевышнему, праздновалъ съ дядею Вячеславомъ, увѣдомилъ брата своего, Князя Смоленскаго о счастливомъ успѣхѣ похода, и совѣтовалъ ему остерегаться Георгія, слыша, что онъ вооружается въ Ростовѣ.

Князь Суздальскій еще болѣе возненавидѣлъ Метислави-
чей за разрушеніе Городца, который былъ единственнымъ его
достояніемъ въ полуденныхъ, любезныхъ ему странахъ Гоеу-
дарства. Тамъ онъ жилъ духомъ и мыслями; тамъ лежалъ
священный прахъ древнихъ Князей Россійскихъ, славились
храмы чудесами и жители благочестіемъ. Георгій въ наслѣд-
ственномъ восточномъ Удѣлѣ своемъ видѣлъ небо суровое,
дикія степи, дремучіе лѣса, народъ грубый; считалъ себя
какъ бы изгнанникомъ, и презирая святость клятвъ, думалъ
только о способахъ удовлетворить своему властолюбію. Онъ
призвалъ Князей Рязанскихъ и Половцевъ, кочевавшихъ
между Волгою и Дономъ ⁽³⁵⁰⁾; занялъ область Вятчей и
велѣлъ Князю Новгорода Сѣверскаго, Святославу Ольго-
вичу, также быть къ нему въ станъ подъ Глуховъ. Влади-
мірко, свѣдавъ о походѣ Георгія, думалъ вмѣстѣ съ нимъ
начать военныя дѣйствія противъ Метиславичей; но Изя-
славъ успѣлъ отразить его и заставилъ возвратиться. Князь
Галицкій, мужествомъ достойный отца, не хотѣлъ уподоб-
ляться ему въ вѣрности слова: не боялся клятвопреступле-
нія, и доказалъ ошибку снисходительнаго Гейзы, не испол-
нивъ обѣщанія, то есть, силою удержавъ за собою города
Великокняжескіе, Шумскъ, Тихомль и другіе. Видя, что
Георгій намѣренъ осадить Черниговъ, Князь Смоленскій, по

Любовь
Георгія
къ воз-
нол
Россіи.

Виро-
домство
Влади-
мірка.

едѣланному условію съ братомъ, вошелъ въ сей городъ за-
щитить Изяслава Давидовича, ихъ союзника. Тутъ находился
и Святославъ Всеволодовичъ, который уже зналъ характеръ
Георгіевъ, и не любилъ его. Съ душевнымъ прискорбіемъ
они говорили другъ другу: „будетъ ли конецъ нашему меж-
„доусобию“? Набожный Князь Суздальскій, подступивъ къ
Чернигову въ день Воскресный, не хотѣлъ обнажить меча
для праздника ⁽³⁵¹⁾; но велѣлъ Половцамъ жечь и грабить
въ окрестностяхъ! Дѣнадцать дней продолжались битвы,
знаменитыя мужествомъ Андрея Георгіевича: онъ требовалъ,
чтобы Князья, союзники Георгіевы, сами по очереди ходили
на приступъ, для ободренія войска; служилъ имъ образцемъ,
и собственною храбростію воспламенялъ всѣхъ. Осажденные
не могли защитить внѣшнихъ укрѣпленій, сожженныхъ По-
ловцами, и городъ былъ въ опасности; но Великій Князь
спасъ его. Услышавъ только, что Изяславъ перешелъ Днѣпръ,
робкіе Половцы бѣжали: Георгій также отступилъ за Сновъ,
и Князь Черниговскій встрѣтилъ своего избавителя на берегу
рѣки Бѣлоуса.

Подъ-
и Ан-
дрия.

Святославъ Ольговичъ, удерживая Георгія, говорилъ: „Ты
„принудилъ меня воевать; разорилъ мою область, вездѣ потра-
„вилъ хлѣбъ, и теперь удаляешься! Половцы также ушли
„въ степные города свои ⁽³⁵²⁾. Миѣ ли одному бороться съ
„сильными?“ Но Князь Суздальскій, оставивъ у Святослава
только 50 человекъ дружины съ сномъ Василькомъ, вы-
шелъ изъ области Сѣверской, чтобъ овладѣть всею странюю
Вятичей, гдѣ ему никто не противился.

Тогда была уже глубокая осень: Изяславъ дождался
зимы, поручилъ Смоленскому Князю наблюдать за Георгіемъ,
сеадить Новгородъ Сѣверскій и далъ миръ Святославу Оль-
говичу; а сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, съ Кіевскою
дружиною и съ Черными Клобуками воевалъ землю Поло-
вецкую: разбилъ варваровъ на берегахъ Орели и Самары,
захватилъ ихъ вежи, освободилъ множество Россійскихъ плѣн-
никовъ. Но сей успѣхъ не могъ утвердить безопасности во-
сточныхъ предѣловъ Кіевскихъ: скоро Мстиславъ долженъ

Г. 1153,
изъ Ф.
вралъ.

былъ вторично идти къ берегамъ Пела для отраженія Пловцевъ.

Тогда, желая покоя, Великій Князь отправилъ Боярина, Петра Бориславича, съ крестными грамотами къ Владимірку Галицкому. „Ты нарушилъ клятву“—говорилъ ему Посоль— „данную тобою нашему Государю и Королю Венгерскому въ моемъ присутствіи (3^{св}). Еще можешь загладить преступленіе: возврати города Изяславовы и будь его другомъ“. Владимірко отвѣтствовалъ: „Братъ мой Изяславъ нечаянно повелъ на меня Венгровъ: никогда не забуду того; умру или отмщу“. Посоль напоминалъ ему цѣлованіе креста. „Онъ былъ не великъ!“ сказалъ Владимірко въ насмѣшку. „Но сила онаго велика“, возразилъ Петръ: „Вельможа Королевскій объявлялъ тебѣ, что если, цѣловавъ сей чудесный крестъ Св. Стефана, преступишь клятву, то живъ не будешь“. Владимірко не хотѣлъ слушать, и велѣлъ Послу удалиться. Изяславовъ Бояринъ положилъ на столъ грамоты клятвенныя, въ знакъ разрыва. Ему не дали даже и подводъ. Петръ отправился на собственныхъ коняхъ: а Владимірко, пошедши въ церковь къ Вечернѣ и видя его ѣдущаго изъ города, смѣялся надъ нимъ съ своими Боярами.— Въ ту же ночь Отрокъ Княжескій, догнавъ сего Посла, велѣлъ ему остановиться. Петръ ожидалъ новой для себя неприятности, безпокоился, и на другой день, въ вѣдѣтвіе вторичнаго повелѣнія, возвратился въ Галичь. Слуги Владимірковы встрѣтили его предъ дворцемъ въ *черныхъ* одеждахъ. Онъ вошелъ въ сѣни: тамъ юный Князь Ярославъ сидѣлъ на мѣстѣ отца, въ черной мантіи и въ клобукѣ, среди Вельможъ и Бояръ, также одѣтыхъ въ печальныя мантіи. Послу дали стулъ. Ярославъ заливался слезами; царствовало глубокое молчаніе. Изумленный Бояринъ Изяславовъ хотѣлъ знать причину сей общей горести, и свѣдалъ, что Владимірко, совершенно здоровый наканунѣ, отелушавъ Вечерню въ церкви, не могъ сойти съ мѣста, упалъ, и принесенный во дворецъ, скончался. „Да будетъ воля Божія!“ сказалъ Петръ: „всѣ люди смертны“. Ярославъ отеръ слезы.

Посоль-
и къ
Владимі-
рку

Печаль-
ная о-
дежда.

Смерть
Владимі-
рка

Речь
Яросла
ва.

«Мы желали извѣстить тебя о семъ несчастіи», говорилъ онъ Послу: „скажи отъ меня Изяславу: *Богъ взялъ моего родителя, бывъ судіею между имъ и тобою. Могила прекратила вражду. Будь же мнѣ вѣсто отца. Я наслѣдовалъ Княженіе; воины и дружина родительская со мною: одно его копіе поставлено у гроба: и то будетъ въ рукъ моей. Люби меня какъ сына своего, Мстислава: пусть онъ ѣздитъ съ одной стороны, подлѣ твоего стремени, а я съ другой, окруженный всѣми полками Галицкими!*“

Сомни-
тельная
побѣда.

Великій Князь изъявилъ сожалѣніе о внезапной кончинѣ знаменитаго, умнаго Владимірка, основателя могущественной Галицкой области, но требовалъ доказательствъ искренняго дружелюбія отъ Ярослава—то есть, возвращенія городовъ Кіевскихъ, и видя, что ему хотять удовлетворить только ласковыми словами, а не дѣломъ, прибѣгнувъ къ оружію. Войско Галицкое стояло на берегахъ Серета: Изяславъ, пользуясь густымъ утреннимъ туманомъ, перешелъ за сію рѣку. Мгла исчезла, и непріатели увидѣли другъ друга. Юный Князь Галицкій сѣлъ на коня. Усердные Вельможи сказали ему: „Ты у насъ одинъ: что будетъ, если погибнешь? Заключись въ Теревовлѣ: мы сразимся; и кто останется живъ, тотъ придетъ умереть съ тобою“. Въ сраженіи упорномъ и кровопролитномъ побѣда казалась сомнительною. Сынъ и братья Изяславовы не могли устоять; но Великій Князь одолѣлъ на другомъ крылѣ. Съ обѣихъ сторонъ гнались и бѣжали; обѣ стороны взяли плѣнниковъ, но Изяславъ болѣе. Онъ поставилъ на мѣстѣ битвы знамена непріятельскія и схватилъ многихъ разсыянныхъ Галичанъ, которые толпами къ нимъ собирались, обманутые сею хитростію. Видя малое число своей дружины, и боясь вылазки изъ Теревовля, Изяславъ велѣлъ ночью умертвить всѣхъ несчастныхъ плѣнниковъ, кромѣ Вояръ, и съ покойною совѣстію возвратился въ Кіевъ, торжествовать вторый бракъ свой. Невѣстою его была Княжна Абазянская, безъ сомнѣнія Хрестіанка; ибо въ отечествѣ ея и въ сосѣдственныхъ земляхъ Кавказскихъ нахо-

Братья
Изясла-
вовы.

дѣлился издавна храмы истиннаго Бога, коихъ слѣды и развалины донинѣ тамъ видимы (³⁵⁴). Метиславъ, отправленный отцомъ, встрѣтилъ сію Княжну у пороговъ Днѣпровскихъ и сѣ великою честію привезъ въ Кіевъ. г. 1154

Готовясь къ новому междоусобному кровопролитію (ибо непримиримый Князь Суздальскій стоялъ уже съ войскомъ въ землѣ Вятичей, близъ Козельска), Изяславъ съ прискорбіемъ видѣлъ безчестіе своего меньшаго сына, Ярослава, изгнаннаго Новгородцами, которые — въ 1149 году положили на мѣстѣ 1000 Финляндцевъ, хотѣвшихъ ограбить Водескую область (³⁵⁵) — въ теченіе пяти лѣтъ не имѣли иныхъ враговъ, кромѣ самихъ себя, и занимались одними внутренними раздорами. Избранный симъ легкомысленнымъ народомъ, Ростиславъ Смоленскій, въ угодность ему, отправился княжить въ Новгородъ, а Ярославъ въ Владиміръ Волынскій, на мѣсто умершаго Святополка Метиславича.

Малочисленность союзныхъ Половцевъ и конскій падежь заставили Георгія отложить войну (³⁵⁶). Между тѣмъ Изяславъ, не доживъ еще до глубокой старости, скончался, къ неутѣшной горести Кіевлянъ, всѣхъ Россіянъ и самыхъ иноплемениковъ, Берендѣевъ, Торковъ. Они единогласно называли его своимъ Царемъ славнымъ, господиномъ добрымъ, отцемъ подданныхъ. Старець Вячеславъ, проливая слезы, говорилъ: „сынъ любезный! сему гробу надлежало быть моимъ; „но Богъ творить, что Ему угодно!“ — Княженію Изяслава описано въ лѣтописяхъ съ удивительною подробностію. Мужественный и дѣятельный, онъ всего болѣе искалъ любви народной, и для того часто пировалъ съ гражданами; говорилъ на Вѣчахъ, подобно Великому Ярославу; предлагалъ тамъ дѣла Государственныя, и хотѣлъ, чтобы народъ, исполняя волю Государя, служилъ ему охотно и враговъ его считалъ собственными. Раздѣлявъ престолъ съ дядею, добродушнымъ и слабымъ, Изяславъ въ самомъ дѣлѣ не уменьшилъ власти своей, но заслужилъ похвалу современниковъ; обходился съ нимъ какъ вѣрный сынъ съ отцемъ; одинъ бралъ на себя труды, опасности, но приписывалъ ему честь

Дѣла
Нового-
родскія

Номбра
13. Кон-
чина
Изясла-
ва.

Хара-
ктеръ
его.

побѣдъ своихъ, и жилъ самъ въ нижней части города, уступивъ Вячеславу дворецъ Княжескій ⁽³⁵⁷⁾.

С в о б о-
вольст-
во По-
дочанъ.

Готовый умереть за Кіевъ, Изяславъ удалялся отъ иныхъ случаевъ проливать кровь Россіянь: не вступился за сына, оскорбленнаго Новгородцами, ни за Рогволода Борисовича, зятя своего, котораго Полочане въ 1151 году свергнули съ престола, избравъ на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, Князи Минскаго, и признавъ Святослава Ольговича покровителемъ ихъ области ⁽³⁵⁸⁾. Такъ граждане своевольствовали въ нашемъ древнемъ отечествѣ, употребляя во зло правило, что *благо народное священнѣе всѣхъ иныхъ законовъ*.

Тѣло Изяслава было погребено въ монастырѣ Св. Феодора, основанномъ Великимъ Мстиславомъ.

Г Л А В А XIII.

Великій Князь Ростиславъ-Михаилъ Мстисла- вичъ.

Г. 1154—1155.

Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу. Смерть его. Сановники придворные. Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава. Гордость Мстиславова. Своевольство Новгородцевъ. Кіевляне поддаются Изяславу. Георгій вступаетъ въ Кіевъ.

Узнавъ о кончинѣ Великаго Князя, Изяславъ Черниговскій приплылъ къ Кіеву, чтобы оросить слезами гробъ умершаго; г. 1154 но старецъ Вячеславъ и Бояре, справедливо опасаясь его коварныхъ намѣреній, не позволили ему вѣхаться въ столицу. Они ждали Князя Новгородскаго и Смоленскаго. Граждане, Торки, Берендѣи, съ изъявленіемъ усердія встрѣтили Ростислава (который оставилъ въ Новѣгородѣ сына своего, Давида), и добродушный дядя сказалъ ему: „Я стою у дверей гроба; суды, „расправа и безпокойства ратныя уже не мое дѣло. Подобно „Изяславу будь мнѣ сыномъ и Государемъ Россіянъ. Отдаю „тебѣ полкъ и дружину свою“. Бояре, вмѣстѣ съ народомъ, требовали отъ новаго Князя, чтобы онъ, слѣдуя примѣру старшаго брата, всегда уважалъ дядю какъ отца, и въ такомъ случаѣ обѣщались служить ему вѣрно.—Въ Кіевѣ находился тогда Святославъ Всеволодовичъ: призванный Вячеславомъ, онъ вѣхалъ тайно отъ своихъ дядей и взялъ сторону Великаго Князя, отдавашаго ему за то Пинскъ и Туровъ.

Любовь
Кіев-
лянъ къ
Вяче-
славу.

Съ другой стороны Изяславъ Черниговскій и Святославъ Ольговичъ заключили союзъ съ Георгіемъ, котораго снѣтъ Глѣбъ.

нанявъ Половцевъ, осадилъ Переяславль: Мстиславъ Изяславичъ отразилъ ихъ съ помощію Кіевской дружины ⁽³⁵⁹⁾. Великій Князь, чтобы предупредить Суздальскаго, хотѣлъ воспользоваться сею первою удачею и шелъ къ Чернигову; но печальная вѣсть настигла его въ Вышегородѣ. Добрый Вячеславъ скоропостижно умеръ: ввечеру пировалъ съ Боярами и ночью заснулъ навѣн. Искренно сожалѣя о кончинѣ его, Ростиславъ спѣшилъ въ Кіевъ предать землѣ тѣло старца въ Софійскомъ храмѣ и быть свидѣтелемъ обидей горести: ибо народъ любилъ кроткія, Христіанскія добродѣтели сего Мономахова сына. Въ похвалу Великому Князю Лѣтописцы сказываютъ, что онъ, созвавъ во дворцѣ Вельможъ, Тіуновъ, Казначеевъ, Ключниковъ умершаго дяди, велѣлъ принести его пмѣніе: одежды, золото, серебро; все роздалъ по монастырямъ, церквамъ, темницамъ, богадѣльнямъ, и поручилъ исполнить сіе распоряженіе вдовствующей супругѣ отца своего, взялъ себѣ на память одинъ крестъ.

Г. 1155
Смортъ
Виче-
слава.

Санов-
ники
и рид-
ворныя.

Небла-
гоула-
міе и
малоду-
шіе
Ростислава.

Когда Ростиславъ возвратился къ войску, Бояре не совѣтовали ему итти далѣе. „Ты еще слабъ на престолѣ“, говорили они: „утверди власть свою, заслужи любовь народную, и тогда „не бойся Георгія“. Великій Князь отвергнувъ благоразумный совѣтъ; онъ приближился къ Чернигову, требуя, чтобы Изяславъ далъ ему клятву вѣрнаго союзника ⁽³⁶⁰⁾. „Кто вступилъ „въ мою область непріателемъ, съ тѣмъ не хочу дружитися“, отвѣтствовалъ Изяславъ, и соединясь съ Глѣбомъ Георгіевичемъ, расположился станомъ на берегахъ рѣки Бѣлоуса. Тутъ открылось малодушіе Ростислава, который, будучи устранивъ множествомъ Половцевъ, въ самомъ началѣ перестрѣлки далъ знать Черниговскому Князю, что уступаетъ ему Кіевскую область съ Переяславлемъ, желая одного мира. Съ негодованіемъ видя малодушіе дяди, Мстиславъ Изяславичъ поворотилъ коня, и сказавъ: „не будь же ни мнѣ Переяславля, ни тебѣ Кіева“! удалился съ своею дружиною. Войско разстроилось; свирѣпыя Половцы гнали, рубили бѣгущихъ, и схватили, въ числѣ плѣнныхъ, Святослава Всеволодовича. Мстиславъ, взявъ въ Переяславль жену, дѣтей, ушелъ въ Луцкъ, а бывшій Великій Князь

Гор-
дость
Мети-
слава.

въ Смоленскъ, лихась въ то же время и Новагорода: ибо тамошніе жители изгнали сына его, Давида, отправили Епископа Нифонта Посломъ въ Суздаль и призвали Мстислава Георгіевича княжить въ ихъ области ⁽³⁶¹⁾.

Свое-
воль-
ство
Ново-
город-
цевъ.

Кіевляне, услышавъ съ горестію о несчастіи Ростислава, должны были обратиться къ побѣдителю. Епископъ Каневскій, Даміанъ, ихъ именемъ сказалъ Изяславу ⁽³⁶²⁾: „Государь! иди „управлять нами, да не будемъ жертвою варваровъ!“ ибо въ сіе время Половцы свирѣпствовали въ окрестностяхъ Днѣпра, и долго не могли быть усмирены Глѣбомъ Георгіевичемъ, кото-
рому Изяславъ Давидовичъ отдалъ Переяславль. Между тѣмъ Георгій уже шелъ съ войскомъ, и близъ Смоленска получилъ вѣсть о новой, благопріятной для него перемѣнѣ обстоятельствъ; согласился забыть вражду Ростислава Мстиславича, примирился съ нимъ, и спѣшилъ къ Кіеву; простилъ и Святослава Всеволодовича, уваживъ ходатайство его дяди, Съверскаго Князя, и послалъ объявить Черниговскому, чтобы онъ выѣхалъ изъ столицы Мономаховой ⁽³⁶³⁾. Изяславъ колебался, медлил; говорилъ, что Кіевляне добровольно возвели его на престолъ; но убѣжденный Святославомъ Ольговичемъ, и не имѣя надежды отразить силу силою, отправился въ Черниговъ. Георгій, вступивъ въ Кіевъ, съ общаго согласія принялъ санъ Великаго Князя.

Кіевля-
но под-
даются
Изясла-
ву.

Георгій
всту-
паетъ
въ Кі-
евъ.

Марта
20.

Г Л А В А XIV.

Великій Князь Георгій или Юрій Владиміровичъ, прозваніемъ Долгорукій.

Г. 1155—1157.

Удѣлы. Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу. Тишина въ Россіи. Новое кровопролитіе. Берендѣи бьютъ Половцевъ. Союзъ съ Половцами. Смятеніе въ Новѣгородѣ. Союзъ противъ Георгія. Смерть его и свойства. Ненависть къ нему. Дѣла церковныя.

Слѣдуя обыкновенію, онъ назначилъ сыновьямъ удѣлы: Удѣлы. Андрею Вышегородъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль, Васильку окрестности Роси, гдѣ жили Берендѣи и Торки (³⁶⁴); а Святославъ Ольговичъ помѣнялся городами съ своимъ племянникомъ, сыномъ Всеволода, взявъ у него Сновъ, Воротынекъ, Карачевъ, и давъ ему за нихъ другіе.

Опасаясь смѣлаго, пылкаго Мстислава, Великій Князь послалъ Юрія Ярославича, внука Святополкова, съ Воеводами на Горынь (³⁶⁵): они взяли Пересопницу. Въ то же время зять Георгіевъ, Князь Галицкій, и Владиміръ, братъ Смоленскаго, осадили Луцкъ. Мстиславъ отправился искать союзниковъ въ Польшѣ; но меньшій братъ его, Ярославъ, заставилъ непріятелей снять осаду.

Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу.

Достигнувъ главной цѣли своей, обремененный лѣтами и желая спокойствія, Георгій призвалъ Ростислава Смоленскаго, клялся забыть вражду Изяславичей, его племянниковъ, и хотѣлъ видѣть ихъ въ Кіевѣ. Ярославъ повиновался (³⁶⁶); но Мстиславъ, боясь обмана, не ѣхалъ: Георгій послалъ къ нему *крестную грамоту*, въ доказательство искренней дружбы. Узнавъ о семъ союзѣ и прибытіи въ Кіевъ Галицкой вспомогательной дружины,

Князь Черниговскій, недовольный Георгіемъ, также смирился и выдалъ дочь свою за его сына, Глѣба ⁽³⁶⁷⁾. Великій Князь уступилъ Изяславу Корческѣ, а Святославу Ольговичу Мозырѣ. Князья же Рязанскіе новыми крестными обѣтами утвердили связь съ Ростиславомъ Смоленскимъ, коего они признавали ихъ отцемъ и покровителемъ.

Россія наслаждалась тишиною, говорятъ Лѣтописцы ⁽³⁶⁸⁾: Тишина въ Рос- сін. сія тишина была весьма непродолжительна. Метиславъ принялъ *крестную грамоту* отъ дѣда, но не далъ ему собственной, и выгналъ Георгіева союзника, Владимира, роднаго дядю своего, изъ Владимірской области; плѣнилъ его семейство, жену; ограбилъ Боярь и мать, которая съ богатыми дарами возвратилась тогда отъ Королевы Венгерской, ея дочери ⁽³⁶⁹⁾. Г. 1156. Оскорбленный Георгій, въ надеждѣ смирить внука съ помощію одного Галицкаго Князя, не хотѣлъ взять съ собою ни Черниговской, ни Сѣверской дружины, и выступилъ съ Берендѣями. Напрасно искавъ защиты въ Венгріи, изгнанникъ Владиміръ Метиславичъ прибѣгнулъ къ Великому Князю; но Георгій въ самомъ дѣлѣ не думалъ объ немъ, а хотѣлъ, пользуясь случаемъ, завоевать область Волинскую для *другаго* племянника, Владимира Андреевича, чтобы исполнить обѣщаніе, нѣкогда данное отцу его ⁽³⁷⁰⁾. Жестокое сопротивление Метислава уничтожило сіе намѣреніе: десять дней кровь лилась подъ стѣнами Влади- Новое крово- пролитіе. мірскими, и Георгій, какъ бы подвигнутый человѣколюбіемъ, снялъ осаду. „Изяславичъ веселится убійствами и враждою“, сказалъ онъ дѣтямъ и Боярамъ: „желаю не погибели его, а „мира, и будучи старшимъ, уступаю“.—Владиміръ Андреевичъ ходилъ къ Червену съ мирными предложеніями: напоминалъ тамошнимъ гражданамъ о своемъ родителѣ, великодушномъ ихъ Князѣ Андрѣѣ ⁽³⁷¹⁾; обѣщаль быть ему подобнымъ, справедливымъ, милостивымъ; но уязвленный въ горло стрѣлою, удалился, отметивъ жителямъ опустошеніемъ земли Червенской. Георгій наградилъ его Пересопницею и Дорогобужемъ; а Метиславъ, слѣдуя за дѣдомъ, жегъ селенія на берегахъ Горыни.

Великій Князь щадилъ старинныхъ друзей своихъ, Половцевъ. Они тревожили окрестности Днѣпра, и были наказаны

бить
Полов-
цевъ.

мужественными Берендѣями, которые многихъ хищниковъ умертвили, другихъ взяли въ плѣнь, и въ противность Георгіеву желанію не хотѣли ихъ освободить, говоря: „мы умираемъ за „Русскую землю, но плѣнники наша собственность“. Георгій, два раза ѣздивъ въ Каневъ для свиданія съ Ханами Половецкими, не могъ обезоружить ихъ ни ласкою, ни дарами; наконецъ заключилъ съ ними новый союзъ, чтобы въ нужномъ случаѣ воспользоваться помощію сихъ варваровъ (³⁷²): ибо онъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности.

Союзъ
съ По-
ловец-
ки.

Ростиславъ Мстиславичъ имѣлъ преданныхъ ему людей въ Новгородѣ, которые съ единомышленниками своими объявили всенародно, что не хотятъ повиноваться Мстиславу Георгіевичу. Одѣлалось смятеніе; граждане раздѣлились на двѣ стороны: *Торговая* вооружилась за Князя, *Соборская* противъ него, и мостъ Волховскій, съ обѣихъ сторонъ оберегаемый воинскою стражею, былъ границею между несогласными. Но сынъ Георгіевъ бѣжалъ ночью, узнавъ о прибытіи дѣтей Смоленскаго Князя (³⁷³), и такимъ образомъ уступилъ княженіе Ростиславу, который, чрезъ два дни вѣхавъ въ Новгородъ, возстановилъ совершенную тишину.

Смяте-
ніе въ
Новго-
родѣ.

Г. 1157.

Сіе происшествіе долженствовало оскорбить Георгія: у него были и другіе враги. Изяславъ Давидовичъ съ завистию смотрѣлъ на престолъ Кіевскій; искалъ друзей; примирялся съ Ростиславомъ, и для того оставилъ безъ мести невѣрность своего племянника, Святослава Владиміровича, который, вдругъ занявъ на Деснѣ города Черниговскіе, передался къ Смоленскому Князю (³⁷⁴). Мстиславъ Изяславичъ Волинскій также охотно вступилъ въ союзъ съ Давидовичемъ, чтобы дѣйствовать противъ Георгія, и сія Князья, напрасно убѣждавъ Сѣверскаго взять ихъ сторону, готовились идти къ Кіеву, въ надеждѣ на свое мужество, неосторожность и слабость Георгіеву. Судьба отвратила кровопролитіе: Георгій, пировавъ у боярина своего, Петра, ночью занемогъ и чрезъ пять дней умеръ (³⁷⁵). Свѣдавъ о томъ, Изяславъ Давидовичъ пролилъ слезы, и воздѣвъ руки на небо, сказалъ: „благодарю Тебя, Господи, что Ты

Союзъ
противъ
Георгія.

Милѣ.
Смерть
Георгія.

„разсудилъ меня съ нимъ внезапною смертію, а не кровопролитіемъ!“

Георгій властолюбивый, но безпечный, прозванный Долгорукимъ, знаменитъ въ нашей Исторіи гражданскимъ образованіемъ восточнаго края древней Россіи, въ коемъ онъ провель все цвѣтущія лѣта своей жизни. Распространивъ тамъ Вѣру Христіанскую, сей Князь строилъ цоркви въ Суздаль, Владимірѣ, на берегахъ Нерли ⁽³⁷⁶⁾; умножилъ число духовныхъ Пастырей, тогда единственныхъ наставниковъ во благовравіи, единственныхъ просвѣтителей разума; открылъ пути въ лѣсахъ дремучихъ; оживилъ дикія, мертвыя пустыни знаменіями человѣческой дѣятельности; основалъ новыя селенія и города: кромѣ Москвы, *Юрьевъ* Польскій, *Переяславль* Залѣсскій (въ 1152 году), украшая ихъ для своего воображенія сими, ему пріятными именами, и самымъ рѣкамъ давая названія южныхъ ⁽³⁷⁷⁾. Дмитровъ, на берегу Яхромы, также имъ основанъ и названъ по имени его сына, Всеволода-Дмитрія, который (въ 1154) родился на семь мѣствъ.— Но Георгій не имѣлъ добродѣтелей великаго отца; не прославилъ себя въ лѣтописяхъ ни однимъ подвигомъ великодушія, ни однимъ дѣйствіемъ добросердечія, свойственнаго Мономахову племени. Скромныя Лѣтописцы наши рѣдко говорятъ о злыхъ качествахъ Государей, усердно хваля добрыхъ; но Георгій безъ сомнѣнія отличался первымъ, когда, будучи сыномъ Князя столь любимаго, не умѣлъ заслужить любви народной. Мы видѣли, что онъ игралъ святостію клятвъ и волновалъ изнуренную внутренними несогласіями Россію для выгодъ своего честолюбія: къ безславію его намъ извѣстно также слѣдующее происшествіе. Князь Іоаннъ Берладникъ, изгнанный Владиміркомъ изъ Галича, служилъ Георгію, и вдругъ безъ всякой вины въ (1156 году) былъ окованъ цѣпями и привезенъ изъ Суздаля въ Кіевъ: Георгій согласился выдать его, живаго или мертваго, зятю своему, Владиміркову сыну ⁽³⁷⁸⁾. Заступленіе Духовенства спасло жертву: убѣжденный челоѣколюбивыми представленіями Митрополита, Георгій отправилъ Берладника назадъ въ Суздаль; а люди Князя Черниговскаго, высланные на дорогу, силою осво-

Свои
слова
его.

Нена-
видѣть въ
чему.

бодили сего несчастнаго узника.—Однимъ словомъ, народъ Кіевскій столь ненавидѣлъ Долгорукаго, что узнавъ о кончинѣ его, разграбилъ дворець и сельскій домъ Княжескій за Днѣпромъ. называемый Раемъ, также имѣніе Суздальскихъ Бояръ, и многихъ изъ нихъ умертвилъ въ изступленіи злобы. Граждане, не хотѣвъ, кажется, чтобы и тѣло Георгіево лежало вмѣстѣ съ Мономаховымъ, погребли оное внѣ города, въ Берестовской Обители Спаса.

Дѣла
Церков-
ныя.

Церковныя дѣла сего времени достойны замѣчанія. Георгій не желалъ оставить Митрополитомъ Климента, избраннаго по волѣ ненавистнаго ему племянника, и согласно съ мыслями Нифонта, Епископа Новгородскаго, имъ уважаемаго, требовалъ инаго Пастыря отъ Духовенства Цареградскаго. Святитель Полоцкій и Мануиль Смоленскій ⁽³⁷⁹⁾, врагъ Климентовъ, (въ 1156 году) съ великою честью приняли въ Кіевѣ сего новаго Митрополита, именемъ Константина, родомъ Грека; вмѣстѣ съ нимъ *благословили* Великаго Князя, *кляли память* Изяслава Мстиславича, и въ первомъ совѣтѣ уничтожили все церковныя дѣйствія бывшаго Митрополита; наконецъ, разсудивъ основательнѣе, дозволили отправлять службу Іереямъ и Діаконамъ, коихъ посвятилъ Климентъ. Ревностный Нифонтъ не имѣлъ удовольствія видѣть свое полное торжество: онъ спѣшилъ встрѣтить Константина, но еще до его прибытія скончался въ Кіевѣ, названный славнымъ именемъ *поборника всей земли Русской* ⁽³⁸⁰⁾. Сей знаменитый мужъ, другъ Святослава Ольговича, имѣлъ и непріятелей, которые говорили, что онъ похитилъ богатство Софійскаго храма и думалъ съ онымъ уѣхать въ Константинополь: современный Лѣтописецъ Новгородскій опровергаетъ такую недѣльную клевету, и хваля Нифонтовы добродѣтели, говоритъ: „мы только за грѣхи свои „лишились сладостнаго утѣшенія видѣть здѣсь гробъ его“!—Новгородцы, на мѣсто Нифонта, въ общемъ совѣтѣ избрали добродѣтельнаго Игумена Аркадія и еще непоставленнаго ввели въ домъ Епископскій: ибо избраніе главнаго духовнаго сановника зависѣло тамъ единственно отъ народа ⁽³⁸¹⁾.

ГЛАВА XV.

Великій Князь Изяславъ Давидовичъ Кіевскій.
Князь Андрей Суздальскій, прозванный Боголюбскимъ.

Г. 1157—1159.

Паденіе Великаго Княженія Кіевскаго. Новое сильное Княженіе Владимірское. Пронсшествіи въ западной Россіи. Мятежный дух Полочанъ. Раздоръ за Берладника. Безкорыстіе Святослава. Неблагодарность Изяславова. Бѣгство Великаго Князя. Странное завѣщаніе Митрополита. Моръ въ Новѣгородѣ.

Кіевляне, пзъявивъ ненависть къ умершему Великому Князю, г. 1157. послали объявить врагу Георгіеву, Изяславу Давидовичу, чтобы онъ шелъ мирно властвовать въ столицѣ Россійской. Изяславъ при восклицаніяхъ довольнаго народа, вѣхалъ въ Кіевъ, оста- 19 М. в. вивъ въ Черниговѣ племянника своего, Святослава Владиміровича, съ дружиною воинскою: ибо Князь Сѣверскій, хотя и миролюбивый, замышлялъ незапно овладѣть сею удѣльною столицею Ольговичей: его не впустили; но Изяславъ, желая имѣть въ немъ благодарнаго союзника, добровольно отдалъ ему Черниговъ; а племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичъ, получилъ въ Удѣлъ Княженіе Сѣверское. Они заключили миръ на берегахъ Свины (гдѣ нынѣ Березна) въ присутствіи Мстислава, Владимірскаго Князя, который, одоббивъ условія, спокойно возвратился въ Волинію ⁽³⁸²⁾.

Такимъ образомъ Изяславъ Давидовичъ остался повелителемъ одной Кіевской области и нѣкоторыхъ городовъ Черниговской. Переяславль, Новгородъ, Смоленскъ, Туровъ, об-

Паденіе
Релик.
Княже-
нія Кі-
евска-
го.

ласть Горынская и вся западная Россія имѣли тогда Государей особенныхъ, независимыхъ, и достоинство Великаго Князя, прежде соединенное съ могуществомъ, сдѣлалось однимъ пустымъ наименованіемъ. Кіевъ еще сохранялъ знаменитость, обязанный ею, кромѣ своего счастливаго положенія, торговлѣ, множеству избыточныхъ обитателей, богатству храмовъ, монастырей: скоро утратитъ онъ и сію выгоду, лишенный сильныхъ защитниковъ. Но въ то время, какъ древняя столица наша клонится къ совершенному паденію, возникаетъ новая подъ еѣнію Властителя, давно извѣстнаго мужествомъ и великодушіемъ.

Новое
сильное
Княже-
віе Вла-
дими-
рское.

Еще при жизни Георгія Долгорукаго, сынъ его, Андрей, въ 1155 году уѣхалъ изъ Вышгорода (не предупредивъ отца о семь намѣреніи). Оцарь алчнаго властолюбія, злодѣйствъ, грабительствъ, междоусобнаго кровопролитія, Россія южная, въ теченіи двухъ вѣковъ опустошаемая огнемъ и мечемъ, ино-племенниками и своими, казалась ему обителію скорби и предметомъ гнѣва Небснаго. Недовольный, можетъ быть, правленіемъ Георгія, и съ горестію видя народную къ нему ненависть, Андрей, по совѣту шурьевъ своихъ, Кучкойичей, удалился въ землю Суздальскую, менѣе образованную, но гораздо спокойнѣйшую другихъ⁽³⁻³⁾. Тамъ онъ родился и былъ воспитанъ; тамъ народъ еще не изъявлялъ мятежнаго духа, не судилъ и не мѣнялъ Государей, но повповался имъ усердно и сражался за нихъ мужественно. Сей Князь набожный, вмѣсто иныхъ сокровищъ взялъ съ собою Греческій образъ Маріи, украшенный, какъ говорятъ Лѣтописцы, пятнадцатью фунтами золота, кромѣ серебра, жемчугу и камней драгоценныхъ; избралъ мѣсто на берегу Клязмы, въ прешнемъ своемъ Удѣлѣ: заложилъ каменный городъ Боголюбовъ, распространилъ основанный Мономахомъ Владиміръ, украсилъ зданіями каменными, *Златыми* и *Серебряными вратами*. Какъ пѣжный сынъ оплакавъ кончину родителя, онъ воздалъ ему послѣдній долгъ торжественными молитвами, строеніемъ новыхъ церквей, Обителей въ честь умершему, или для спасенія его души: и между тѣмъ, какъ народъ Кіевскій злословилъ память Георгія, священникъ Клиросъ благословлялъ оную въ Владиміръ.

Суздаль, Ростовъ, дотолѣ управляемые Намѣстниками Долго-рукаго (³⁵⁴), единодушно признали Андрея Государемъ. Любимый, уважаемый подданными, сей Князь, славнѣйшій добродѣтелями, могъ бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотѣлъ единственно тишины долговременной, благоустройства въ своемъ наслѣдственномъ Удѣлѣ; основалъ новое *Великое Княженіе Суздальское* или *Владимірское*, и приготовилъ Россію сѣверо-восточную быть, такъ сказать, истиннымъ сердцемъ Государства нашего, оставивъ полуденную въ жертву бѣдствіямъ и раздорамъ кровопролитнымъ.

Борисъ Георгіевичъ, княживъ при отцѣ въ Туровѣ, или добровольно выѣхалъ оттуда въ Суздальскую область, или былъ изгнанъ Юріемъ Ярославичемъ, Святополковымъ внукомъ, который, проесясь отъ старшей вѣтви Княжескаго Дому, имѣлъ право на самую область Кіевскую. Изяславъ, желая доставить Удѣлъ Владиміру Мстиславичу, ссединился съ Князьями Волынскими, Галицкимъ, Смоленскимъ, и приступилъ къ Турову. Юрій искалъ мира, но мужественно оборонялся, и черезъ 10 недѣль многочисленное войско осаждающихъ удалось, потерявъ большую часть коней своихъ отъ заразы (³⁵⁵).

Въ числѣ Изяславовыхъ союзниковъ находились и Полочане, которые едва ли уступали тогда Новгородцамъ въ своесвольствѣ. Мы упоминали о несчастіи Князя Рогволода Борисовича, изгнаннаго ими безъ всякой основательной причины: Святославъ Черниговскій далъ ему вспомогательную дружину, и жители Друцка съ великою радостію приняли его, выславъ Глѣба Ростиславича, ограбивъ домъ, Бояръ, друзей сего послѣдняго (³⁵⁶). Отецъ Глѣбовъ, видя опасное волненіе и въ самомъ Полоцкѣ, старался задобрить гражданъ ласками, дарами, и взявъ съ нихъ новую присягу, осадилъ Друцкъ. Сильный отпоръ жителей заставилъ сего Князя искать мира: Рогволодъ далъ клятву жить съ нимъ въ братствѣ, и нарушилъ оную вмѣстѣ съ вѣроломными Полочанами, которые, думая заладить измѣну измѣною, послали сказать ему: „Князь добрый! мы виновны, свергнувъ тебя съ престола, и разграбивъ твое имѣніе: не помни зла, и возвратися къ намъ: выдадимъ тебѣ Ро-

Происшествіи въ западной Россіи.

Мятежъ ный духъ Полочанъ.

г. 1158.

„стислава Глѣбовича“. Онъ согласился съ ними; но Ростиславъ, увѣдомленный объ ихъ замыслѣ, ходилъ вооруженный, носилъ латы подъ одеждою, и смѣлостію вселялъ боязнь въ злодѣевъ. Наконецъ они устыдились своей робости и звали Князя, жившаго за городомъ, въ собраніе народное, будто бы для дѣлъ государственныхъ. „Вчера я былъ у васъ“, отвѣтствовали Ростиславъ: „для чего же вы не говорили о дѣлахъ?“ однакожь поѣхалъ въ городъ. Вѣрный Отрокъ Княжескій остановилъ его: ибо народъ уже снялъ съ себя личину, грозно вопилъ на Вѣчѣ и лилъ кровь Бояръ, преданныхъ Глѣбовичамъ. Ростиславъ, соединивъ дружинну, удалился въ Минскъ къ брату Володарю; а Рогволодъ, подкрѣпленный силою Князя Смоленскаго, отнялъ Изяславъ у Всеволода Глѣбовича и предписалъ миръ его брату: остался Княземъ Полоцкимъ, далъ Всеволоду Стрѣжевъ, Изяславъ Брячиславу Васильковичу, и возстановилъ тишину кратковременную. Володарь, третій сынъ Глѣбовъ, воевалъ тогда съ Литвою: братья присягнули за него въ вѣрномъ исполненіи мирныхъ условій.

Изяславъ Давидовичъ не долго жилъ въ союзѣ съ Галицкимъ и Волынскими Князьями. Поводомъ къ сему разрыву служилъ знаменитый Воевода перваго, Іоаннъ Берладникъ, Князь Галицкій, ненавидя и боясь сего брата двоюроднаго, изгнаннаго Владиміромъ, умѣлъ склонить на свою сторону не только Венгерскаго Короля съ Поляками, но и многихъ Князей Россійскихъ, желая, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ убѣдили Изяслава выдать ему Іоанна ⁽³⁸⁷⁾. Гнушаясь дѣломъ столь жестокимъ, Великій Князь отвѣчалъ ихъ Посламъ въ Кіевѣ, что онъ никогда на то не согласится. Іоаннъ же, безчеловѣчно гонимый, хотѣлъ метить Ярославу Владиміровичу: ограбилъ нѣсколько богатыхъ судовъ на Дунаѣ, нанялъ 6000 Половцевъ и вступилъ въ Галицію; но скоро былъ оставленъ сими хищниками, ибо не позволялъ имъ опустошать земли и шадилъ доброхотствующихъ ему жителей. Свѣдавъ, что Ярославъ вооружается, Великій Князь предложилъ Святославу Ольговичу тѣсный союзъ и два города, Мозырь и Чечерскъ. Тутъ Святославъ оказалъ безкорыстіе великодушное. „Признаюсь“ —

Галдоръ
за Бер-
ладни-
ка.

Безко-
рыстіе
Свято-
слава

говоришь онъ — „что я досадовалъ, когда ты не отдалъ мнѣ
 „всей области Черниговской; но сердце мое ненавидитъ злобу
 „между родными. Если враги несправедливые угрожаютъ тебѣ
 „войною, то они будутъ и моими врагами. Сохрани меня Богъ
 „отъ мздоимства въ такомъ случаѣ: не хочу никакихъ горо-
 „довъ, и вооружаюсь“ (388). Провавъ три дни, они дали
 знать Князю Галицкому, что готовы соединенными силами
 отразить его нападеніе. Ярославъ успокоился; но Великій Князь
 вздумалъ самъ объявить ему войну за Іоанна Берладника: ибо
 многіе Галичане звали сего Воеводу въ землю свою, увѣряя,
 что народъ толпами устремится подъ его знамена, и что сынъ
 Владиміровъ нелюбимъ гражданами. Святославъ Ольговичъ не
 хотѣлъ идти; удерживалъ Великаго Князя; представлялъ ему,
 что Іоаннъ не сынъ, не братъ ихъ; но пылкій Изяславъ съ
 угрозами отвѣтствовалъ въ Васильковѣ Послу Черниговскому:
 „скажи брату, что онъ, по возвращеніи моемъ изъ Галича,
 „волею и неволею можетъ отправиться назадъ въ Новгородъ
 „Сѣверскій!“ Добродушный Святославъ съ горестію видѣлъ
 несправедливость своего родственника, желая ему добра и мира
 Государству. „Богу открыто смиреніе души моей“, сказалъ онъ
 Вельможамъ: „я не искалъ управы мечемъ, когда Изяславъ,
 „вмѣсто цѣлой области Черниговской, далъ мнѣ только семь
 „городовъ, опустошенныхъ Половцами и населенныхъ *псарями*.
 „Онъ еще не доволенъ, и за миролюбивый, благоразумный со-
 „вѣтъ грозитъ, вопреки святой клятвѣ, выгнать меня изъ
 „Чернигова! Но Провидѣніе караетъ вѣроломныхъ“. Оно въ
 самомъ дѣлѣ наказало брата его. Галицкій, соединяясь съ Во-
 лынскими Князьями, Изяславичами и дядею ихъ, Владиміромъ
 Андреевичемъ, предупредилъ Великаго Князя и занялъ Бѣл-
 городъ. Изяславъ обступилъ ихъ съ войскомъ многочисленнымъ:
 однихъ Половцевъ было у него слишкомъ 20,000. Указывая
 на сильныя полки свои, онъ съ гордостію требовалъ, чтобы
 союзники вышли изъ города. Но Берендѣи и Торки измѣнили
 ему; начальники ихъ тайно велѣли сказать Метиславу: „Князь!
 „отъ насъ все зависить. Если будешь намъ другомъ, какъ
 „отецъ твой, и дашь каждому по доброму городу, мы оста-

Небла-
 годѣр-
 ность
 Изясла-
 ва.

Г-вство
Велик.
Князя.

„внмъ Изяслава“. Они сдержали слово: въ глубокую полночь зажгли шатры свои, и съ грознымъ воплемъ усаkali въ городъ. Пробужденный почною тревогою, Великій Князь съѣлъ на коня; увидѣлъ измѣну и бѣжалъ за Днѣпръ вмѣстѣ съ Владиміромъ Мстиславичемъ, его другомъ; Половцы также: многіе изъ нихъ утонули въ Роси; другихъ плѣнили Юрьевцы и Берендѣи.

Декаб-
ря 22.

Союзники вошли въ столицу, пославъ объявить Смоленскому Князю, Ростиславу, что они единственно для него завоевали престолъ Кіевскій, и будутъ ему послушны какъ старшему. Мстиславъ требовалъ только, чтобы низверженный Митрополитъ Климентъ снова управлялъ Церковью Россійскою: „пбо Константинъ (говорилъ онъ) клялъ память отца моего“. Но Ростиславъ не хотѣлъ слышать о Климентѣ, избранномъ, по его мнѣнію, незаконно. Наконецъ согласились, чтобы не быть Митрополитомъ ни тому, ни другому и призвать новаго изъ Царяграда (³⁸⁹). Изгнанный Мстиславомъ, Константинъ уѣхалъ въ Черниговъ и скоро преставился, удививъ современниковъ и потомство странностію своего завѣщанія. Онъ вручилъ запечатанную духовную Святителю Черниговскому, Антонію, и требовалъ, чтобы сей Епископъ клятвенно обязался исполнить его послѣднюю волю. Антоній въ присутствіи Князя Святослава срѣзалъ печать, и съ изумленіемъ читалъ слѣдующее:

Страд-
ное из-
вѣщаніе
Митро-
полита.

„Не погребайте моего тѣла: да будетъ оно извлечено изъ града „и повержено цсамъ на свиденіе!“ Епископъ не дернулъ нарушить клятвы; но Князь, страшась гнѣва Небснаго, велѣлъ на третій день привезти тѣло Митрополита въ Черниговъ и съ честью предать землѣ въ Соборной церкви, подлѣ гроба Игоря Ярославича (³⁹⁰). Лѣтописцы рассказываютъ, что въ сіи три дни, ясные для Чернигова, была ужасная буря и молнія въ Кіевѣ; что однимъ громовымъ ударомъ убило тамъ семь человекъ, и вѣтеръ сорвалъ шатеръ Ростислава, стоявшаго тогда въ полѣ близъ Вышгорода; что сей Князь старался молитвами въ церквахъ умплоствить Небо, и что вдругъ настала тишина, когда совершилось погребеніе Митрополитова тѣла.

Въ Княженіе Изяслава Новгородъ вторично испыталъ бѣд- Моръ
въ Но-
вгородѣ.
ствіе мора: не успѣвали хоронить ни людей, ни скота; отъ
смрада безчисленныхъ труповъ нельзя было ходить по городу,
ни въ окрестностяхъ (³⁹¹). Лѣтописцы не говорятъ о прои-
хожденіи, свойствѣ и наружныхъ знакахъ сей язвы, которая
свирѣпствовала единственно въ Новгородѣ.

ГЛАВА XVI.

Великій князь Ростиславъ - Михаилъ вторично въ Кіевѣ.

Андрей въ Владимірѣ Суздальскомъ.

Г. 1159—1167.

Злоба Изяславова. Союзъ Ростислава съ Святославомъ. Городъ Берладъ. Впаденіе Половцевъ. Андрей за Изяслава: властвуетъ въ Новѣгородѣ. Клевета на Ростислава. Ростиславъ изгнанъ. Смерть Изяслава. Берладникъ отравленъ ядомъ въ Греціи. Ссора и миръ Великаго Князя со Мстиславомъ. Удѣлы. Набѣгъ ляховъ. Единовластіе Андрея. Изгнаніе братьевъ его въ Грецію. Кончина Святослава: ея слѣдствія. Вѣроломство Епископа. Безпокойства въ землѣ Полодкой. Война съ Волгарами. Побѣда надъ Шведами. Россіяне бьютъ Половцевъ въ степяхъ. Кончина Великаго князя. Его свойства. Союзы и браки. Дѣла церковныя.

г. 1159. Ростиславъ — оставивъ сыновей княжить, Святослава въ Новѣгородѣ, Давида въ Торжкѣ, Романа въ Смоленскѣ —
Апрѣля 12. былъ съ честію и радостію принять отъ всѣхъ жителей Кіевскихъ (392). Племянникъ его, Мстиславъ, возвратился въ юго-западную Россію съ богатою добычею, взявъ имѣніе Изяславовыхъ Вельможъ, множество серебра, золота, рабовъ и всякаго скота.

Бывшій Великій Князь ушелъ въ Сожскую область, ему принадлежавшую, и сѣхался въ Гомѣ, или нынѣшнемъ Гомелѣ, съ женою, которая въ слѣдъ за нимъ бѣжала изъ Кіева. Приписывая свое несчастіе брату Ольговичу, не хотѣвшему дать ему помощи, Изяславъ завоевалъ его область, землю Вятичей, плѣнилъ жителей одного мѣстечка, бывшаго собственностію или вѣномъ Княгини Черниговской, и тревожилъ города

Курскіе. Тогда Святославъ, захвативъ имѣніе и семейства многихъ бояръ сего злобнаго родственника, вступилъ въ союзъ съ Государемъ Кіевскимъ. Они съѣхались въ Моравскѣ, обѣдали другъ у друга, и богатыми дарами утвердили взаимную любовь между собою: Ростиславъ подарилъ Черниговскому Князю нѣсколько соболей, горностаевъ, черныхъ куницъ, песцовъ, волковъ бѣлыхъ и рыбихъ зубовъ; а Святославъ Великому Князю парда и двухъ коней съ окованными сѣдлами (393).

Союзъ
Рости-
слава
съ Сиа-
тосла-
вомъ.

Сіи два Князя, бывъ отъ юности непріятелями, искренно клялися умереть друзьями, и согласились общими силами дѣйствовать противъ Изяслава. Надлежало прежде защитить южные предѣлы Государства отъ вѣнскихъ хищниковъ. Въ Молдавіи, между рѣками Прутомъ и Серетомъ, находился тогда городъ многлюдный и крѣпкій, именемъ Берладъ (нынѣ мѣстечко), основанный близъ развалинъ древней Лакійской Зузидавы (394): онъ былъ гнѣздомъ своевольныхъ бродягъ, людей разнаго племени и Закона, коихъ главное ремесло состояло въ грабежѣ по Черному морю и Дунаю. Шайки ихъ взяли Олешье (знаменитое торговое мѣсто при устьѣ Днѣпра, гдѣ складывались Греческіе товары, отправляемые въ Кіевъ): Воевода Великокняжескій, Георгій Несторовичъ, настигъ ихъ разбойниковъ и выручилъ многихъ взятыхъ ими плѣнниковъ вмѣстѣ съ богатою добычею (395).— Надлежало еще отразить набѣгъ Половцевъ: сынъ Святославовъ въ Черниговской области, а дружина Галицкая, Князья Волинскіе и Берендѣи на западномъ берегу Днѣпра побили и гнали ихъ до границы.

Городъ
Бер-
ладъ.

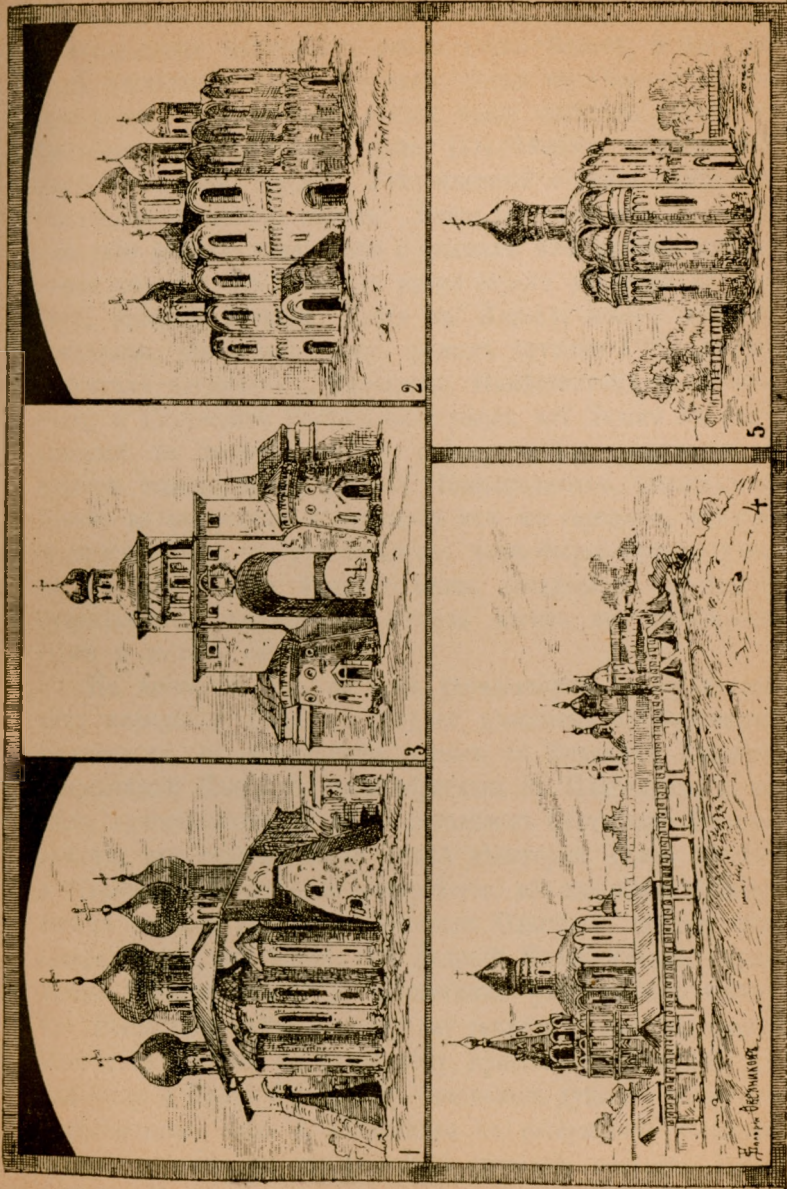
Владе-
ніе По-
ловцевъ.

Сіи хищники явились съ другой стороны, нанятые Изяславомъ Давидовичемъ, который, не теряя времени, осадилъ съ ними Черниговъ, гдѣ Святославъ и племянникъ его, Князь Сѣверскій, едва успѣли изготovitъся къ оборонѣ, требуя войска отъ Ростислава. Но Кіевляне и Берендѣи, вѣря искреннему союзу дяди, не вѣрили племяннику, зная его коварство: чтобы успокоить ихъ, Святославъ Всеволодовичъ прислалъ сына въ залогъ къ Ростиславу, и полки Великокняжескіе спасли Черниговъ. Изяславъ, устранимый силою оныхъ, бѣжалъ въ

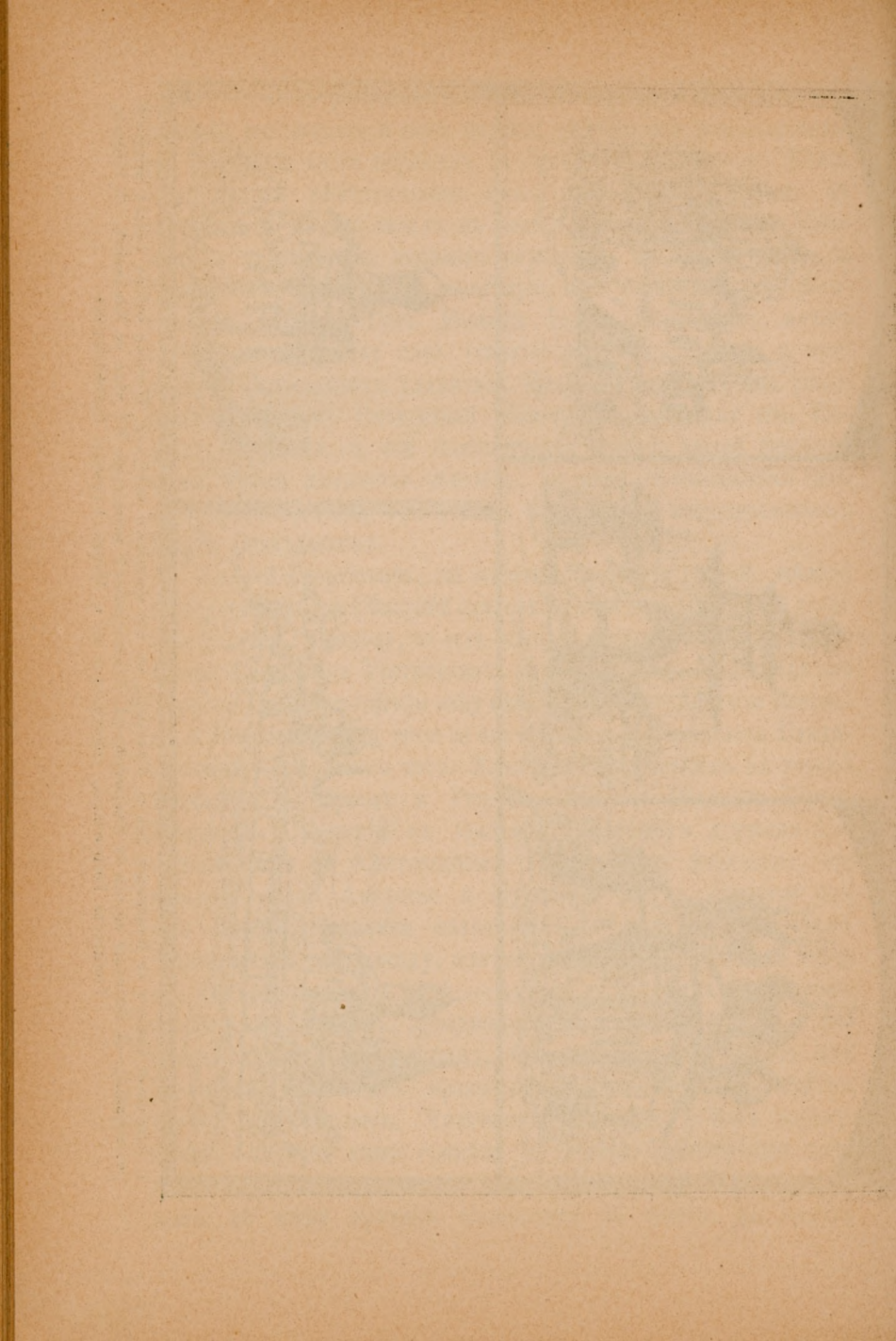
степи (³⁹⁶). Тамъ услышалъ онъ, что неосторожный Святославъ отпустилъ союзниковъ и самъ боленъ: чѣмъ желая воспользоваться, Изяславъ снова перешелъ за Десну съ Половцами. Князь Черниговскій дѣйствительно былъ нездоровъ; однакожь съ супругою и дѣтми стоялъ въ полѣ, успѣлъ возвратить Кіевлянъ и мужественно отразилъ варваровъ. Союзники, гонясь за Изяславомъ, приступили къ Вырю, гдѣ оставалась его Княгиня съ казною. Тутъ Воевода Іоаннъ Берладникъ имѣлъ случай доказать ему свое усердіе: защитилъ городъ, и принудилъ осаждающихъ удалиться. Изяславъ отмстилъ имъ ужаснымъ разореніемъ Смоленской области: ибо наемники его, Половцы, плѣнили въ ней болѣе десяти тысячъ людей безоружныхъ, кромѣ множества убитыхъ; но видя превосходство силъ на сторонѣ враговъ, онъ искалъ союзника въ могущественномъ Князѣ Суздальскомъ.

Андрей Георгіевичъ, не заботясь о Россіи южной, желалъ господствовать въ Сѣверной единовластно и превонть себя древнюю столицу Рюрикову, то есть выгнать оттуда сыновей Великаго Князя: Святослава Ростиславича изъ Новгорода, а Давида изъ Торжка. Недоброхотствуя отцу ихъ, Андрей вступился за Изяслава, и помолвилъ дочь свою за его племянника, Святослава Владиміровича, осаждаемаго тогда Княземъ Черниговскимъ въ городѣ Вицязѣ (³⁹⁷). Романъ и Рюрикъ, сыновья Великаго Князя, Владѣтель Сѣверскій съ братомъ, Полочане и дружина Галицкая были съ Святославомъ Ольговичемъ; но слыша, что сильное войско Андреево и Муромское идетъ отразить ихъ отъ Вицязя, союзники склонились къ миру, и Святославъ Черниговскій снялъ осаду, клятвенно обязавъ племянника чтить его какъ старшаго въ родѣ. — Андрей съѣхался съ Изяславомъ въ Волокъ Ламскомъ, праздновалъ тамъ свадьбу дочери и послалъ сказать Новгородцамъ, что онъ намѣренъ искать ихъ Княженія, не любить кровопролитія, но готовъ воевать въ случаѣ сопротивленія. Чиновники объявили о томъ народу. Слава Андреева давно гремѣла въ Россіи: Новгородцы плѣнились мыслию повиноваться столь знаменитому Князю; однакожь, не имѣя причинъ жаловаться на своего, не вдругъ

Андрей
за Изя-
слава.

1. Ассемский Соборъ во Владимірѣ (на р. Клязьмѣ), въ его прежнемъ видѣ.—2. Тотъ-же соборъ (послѣ недавней реставраціи).—3. Золотыя ворота во Владимірѣ.—4. Рождественскій монастырь XII вѣка во Владимірѣ.—5. Церковь Рождества Богородицы, сооруженная на р. Нерли Андреемъ Боголюбскимъ.

прибѣгнули къ средствамъ насилія: сперва сказали, что область Новгородская никогда не имѣла двухъ Князей, и что Давидъ долженъ оставить Торжекъ; когда же Святославъ Ростиславичъ, угождая имъ, велѣлъ брату выѣхать оттуда въ Смоленскъ, они рѣшились, безъ дальнѣйшихъ околичностей, взять его подъ стражу. Увѣдомленный о семъ намѣреніи, Святославъ не хотѣлъ вѣрить. „Вчера (говорилъ онъ Боярамъ) граждане любили меня; вчера я слышалъ ихъ клятвы, видѣлъ общее усердіе“. Въ самое то время народъ вломился во дворецъ, неволею послалъ Князя въ Ладогу, заперъ жену въ монастырь, разграбилъ казну, оковалъ дружину ⁽³⁹⁸⁾. Андрей отправилъ племянника, Метислава, Намѣстникомъ въ Новгородъ; а Святославъ Ростиславичъ ушелъ изъ Ладоги къ отцу, который, въ первую минуту гнѣва, велѣлъ заключить въ душную темницу всѣхъ купцевъ Новгородскихъ, бывшихъ въ Кіевѣ; но выпустилъ и разослалъ ихъ по городамъ, свѣдавъ съ прискорбіемъ, что нѣкоторые изъ нихъ скоропостижно умерли въ оной. Хотя Великій Князь досадовалъ на Андрея Суздальскаго, однакожъ не думалъ мстить ему кровопролитіемъ и желалъ спокойствія.

Андрей
власт-
нуетъ
въ Но-
вгородъ
рѣ.

Къ несчастію, онъ не могъ удовлетворить своему некреному миролюбію. Видя, что Андрей, довольный пріобрѣтеніемъ Новгорода, не расположенъ воевать съ Великимъ Княземъ, безпокойный Изяславъ снова обратился къ Половцамъ, и нашелъ единомышленника въ непостоянномъ Святославѣ Всеволодовичѣ; ихъ сторону взяли также нѣкоторые Бояре Кіевскіе и Черниговскіе, хотѣвшіе неурядиства: ибо зло общее бываетъ иногда частною выгодною. Святославъ Ольговичъ послалъ сына своего, Олега, въ Кіевъ, гдѣ Великій Князь желалъ дружески угостить его ⁽³⁹⁹⁾. Клеветники увѣрили сего юношу, что Ростиславъ тайно готовитъ ему темницу, и легкомысленный Олегъ, не сказавъ ни слова отцу, присталъ къ Изяславу Давидовичу и Князю Сѣверскому. Святославъ душевно оскорбился вѣроломствомъ сына и племянника въ разсужденіи Великаго Князя; но коварные его Вельможи старались очернить Ростислава. „Знай“ (говорили они своему Князю), „что Духовникъ

Клевета
на Ро-
стисла-
ва.

„Ростиславича ѣздилъ изъ Смоленска къ Изяславу и предлагалъ ему Черниговъ: Государь Кіевскій притворяется другомъ твоимъ, но помогаетъ тебѣ *лживо*; и до сего времени ты не видалъ никакой пользы отъ его союза“. Обманутый клеветою, Черниговскій Князь взялъ сторону брата; однакожь самъ не хотѣлъ участвовать въ войнѣ. Изяславъ съ Союзниками ополчился; стоялъ двѣ недѣли подъ стѣнами Переяславля, убѣждая зятя своего, Глѣба Георгіевича, вооружиться противъ Великаго Князя; не успѣвъ въ томъ, и видя Ростислава готоваго къ битвѣ, удалился. Но вторичное его предпріятіе было счастливейше: въ теченіе зимы усиленный множествомъ Половцевъ, онъ переправился за Днѣпръ выше Кіева и приступилъ къ Подолу, огражденному высокимъ тыномъ ⁽⁴⁰⁰⁾. Тутъ началось сраженіе. Половцы во многихъ мѣстахъ разсѣли ограду, ворвались въ улицы и зажгли дома. Окруженные пламенемъ, дымомъ и мечами варваровъ, Кіевляне съ Берендѣями въ ужасѣ бѣжали на гору къ Златымъ вратамъ каменной стѣны. Тогда Великій Князь, принявъ совѣтъ дружины, оставилъ Кіевъ, и заключился въ Бѣлгородъ, ожидая скорой помощи.

г. 1161.
Февра-
ля 8.

Ростиславъ
из-
гналъ.

Изяславъ вступилъ въ Кіевъ, освободилъ тамъ многихъ друзей своихъ, бывшихъ подъ стражею, и спѣшилъ осадить Бѣлгородъ. Великій Князь сжегъ деревянныя укрѣпленія или *остроги*, и четыре недѣли оборонялся въ крѣпости. Напрасно Святославъ Черниговскій склонялъ брата къ общему миру, совѣтуя ему снять осаду, возвратиться за Днѣпръ и ждать всего отъ справедливости. Изяславъ отвѣтствовалъ его Посламъ: „Ежели уйду за Днѣпръ, то союзники оставятъ меня. Чтожь будетъ со мною? Въ степяхъ ли Половецкихъ найду для себя область? Лучше умру здѣсь отъ меча, нежели отъ голода на берегахъ Сейма“ ⁽⁴⁰¹⁾. Онъ говорилъ смѣло, но дѣйствовалъ малодушно: ибо услышавъ, что Торки, Берендѣи, Печенѣги, Росьскіе, Мстиславъ Волынскій и Галччане идутъ въ помощь Великому Князю, Изяславъ бѣжалъ, и погибъ безъ мужественной обороны: неприятельскій всадникъ, именемъ Вийборъ разсѣвъ ему саблею голову. Великій Князь и Мстиславъ нашли его

плавающего въ крови, и не могли удержаться отъ слезъ искренней горести. „Вотъ слѣдствіе твоей несправедливости!“ сказалъ первый: „недовольный областію Черниговскою, недовольный самымъ „Кіевомъ, ты хотѣлъ отнять у меня и Бѣлгородъ!“ Изяславъ не отвѣтствовалъ, но просилъ воды; ему дали вина — и сей несчастный Князь, взглянувъ дружелюбно на враговъ сострадательныхъ, скончался. Пишутъ, что онъ въ битвахъ обыкновенно носилъ власяницу брата своего, Николая Святоши, а въ сей день почему-то не хотѣлъ надѣть ее. Разбивъ Половцевъ, Олегову дружину, Черниговскую и Князя Сѣверскаго, взявъ ихъ обозы, побѣдители отослали въ Черниговъ тѣло Изяслава, искренно оплаканнаго братомъ Святославомъ и еще искреннѣе Иоанномъ Берладникомъ. Сей злополучный Галицкій Князь, утративъ въ Изяславѣ единственнаго своего покровителя, уѣхалъ въ Грецію и кончилъ горестную жизнь въ Фессалоникѣхъ, отравленный ядомъ, какъ думали современники. Великій Князь, не желая метить ни Святославу Ольговичу, ни гораздо виновнѣйшему Сѣверскому Владѣтелю, нѣкогда имъ облагодетельствованному, удовольствовался ихъ новою присягою, и нашелъ способъ дружелюбно раздѣлаться съ Андреемъ, который добровольно уступилъ ему Новгородъ, извѣдавъ безпокойную строптивость его жителей. Обузданные согласіемъ двухъ сильныхъ Государей, они молчали, и Святославъ Ростиславичъ возвратился управлять ими ⁽⁴⁰²⁾.

Марта
б.
Смерть
Изясла
ва.

Берлад
никъ
отрав
ленъ въ
Греціи.

Мирясь съ непріятелями, Ростиславъ оскорбилъ знамени- тѣйшаго друга своего и племянника, Мстислава Волинскаго, который возвелъ его на престолъ и удержалъ на ономъ. Великій Князь отдалъ ему въ помѣстье Бѣлгородъ, Триполь, Торческъ, какъ будущему наслѣднику всей Кіевской области. Но пылкій Мстиславъ началъ, кажется, прежде времени господствовать въ оной самовластно, не хотѣлъ слушать выговоровъ дяди, и съ гнѣвомъ уѣхавъ въ Волинію ⁽⁴⁰³⁾, старался угрозами преклонить къ себѣ Владиміра Андреевича, княжившаго въ Перессопницѣ. Сей послѣдній отвѣчалъ ему: „Ты властенъ завоевать мою область, и я готовъ скитаться въ бѣдности съ дѣтьми своими по землямъ чуждымъ; но буду

Собра
нн
Велик.
Князи
со
Мста
слава.

Вѣр
ность
Княже
ства.

„всегда душою и сердцемъ за Ростислава“. Огорченный злобою племянника, Великій Князь отнялъ у него города Днѣпровскіе, но съ радостію возвратилъ ему оныя, когда Мстиславъ одумался, и прибѣгнувъ къ дядѣ съ извиненіями. — Столѣ же великодушно поступалъ Великій Князь и съ другими, ближними и дальними родственниками. Меньшій его братъ, Владиміръ Мстиславичъ, упорный союзникъ Изяслава Давидовича, самовольно властвовалъ въ Слудкѣ: Ростиславъ принудилъ Владиміра выѣхать отсюда, но далъ ему пять городовъ Киевскихъ; а внуку Вячеславу, именовъ Роману, два города въ Смоленской области, Васильевъ и Красный. Мы говорили о Туровскомъ Владѣтелѣ, Юріи Ярославичѣ, внуку Святополка-Михаила: отверженный отъ союза двухъ тогда господствующихъ Домовъ Княжескихъ, Мономахова и Черниговскаго, онъ держался единственно своимъ мужествомъ, и счастливо отразилъ пріступъ соединенныхъ Князей Волынскихъ, хотѣвшихъ, подобно Изяславу Давидовичу, изгнать его изъ Турова. Великій Князь, любя справедливость, заключилъ съ нимъ миръ. — Тишина внутренняя была тѣмъ нужнѣе, что внѣшніе непріатели, Ляхи, въ сіе время беспокоили западную Россію и грабили въ окрестностяхъ Червена ⁽⁴⁰⁴⁾.

Андрей Георгіевичъ, ревностно занимаея благомъ Суздальскаго Княженія, оставался спокойнымъ зрителемъ отдаленныхъ происшествій. Имѣя не только доброе сердце, но и разумъ превосходный, онъ видѣлъ ясно причину государственныхъ бѣдствій, и хотѣлъ спасти отъ нихъ по крайней мѣрѣ свою область: то есть отмѣнилъ несчастную Систему Удѣловъ, княжилъ единовластно, и не давалъ городовъ ни братьямъ, ни сыновьямъ. Можетъ быть, Бояре первыхъ осуждали его, ибо лишились выгоды участвовать въ правленіи Князей юныхъ, грабить землю и паживаться. Нѣкоторые думали также, что онъ незаконно властвуетъ въ Суздаль, ибо Георгій назначалъ сіе Княженіе для меньшихъ дѣтей; и что народъ, обязанный уважать волю покойнаго Государя, не могъ безъ вѣроломства избрать Андрея ⁽⁴⁰⁵⁾. Можетъ быть, и братья сего Князя, слѣдуя внушенію коварныхъ Бояръ, изъявляли негодованіе, и

г. 1162—
1163.

Удѣлы.

Набѣгъ.
Ляховъ.

Едино-
властіе
Андрея.

мыслили рано или поздно воспользоваться своимъ правомъ. Какъ бы то ни было, Андрей, дотолъ кроткій во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ, рѣшился для государственнаго спокойствія на дѣло несправедливое по мнѣнію нашихъ предковъ: онъ выгналъ братьевъ: Мстислава, Василька, Михаила; также двухъ племянниковъ (дѣтей умершаго Ростислава Георгіевича) и многихъ знатнѣйшихъ Вельможъ Долгорукаго, тайныхъ своихъ непріятелей. Мстиславъ и Василько Георгіевичи, вмѣстѣ съ ихъ вдовствующею родительницею, мачихою Андрея, удалились въ Константинополь, взявъ съ собою меньшаго брата, осмилѣтнаго Всеволода (столь знаменитаго въ послѣдствіи). Тамъ Императоръ Мануиль принялъ изгнанниковъ съ честію и съ любовію; желалъ ихъ утѣшить благодѣяніями, и далъ Васильку, по извѣтію Россійскихъ и Греческихъ Лѣтописцевъ, область Дунайскую.

Изгна
н іе
братъ-
евъ его
въ Гре
цію.

г. 1164
1166.

Въ Россіи южной кончина Святослава Черниговскаго произвела несогласіе между сыномъ его и племянникомъ. Святославъ, достопамятный своею привязанностію къ несчастному брату Игорю и миролюбіемъ, оставилъ наслѣдникамъ великое богатство. Старшій его сынъ, Олегъ, находился въ отсутствіи. Черниговскій Епископъ Антоній и Вельможи собралися къ горестной овдовѣвшей Княгинѣ, и боясь хищнаго Владѣтеля Сѣверскаго, рѣшились тапчь смерть Святослава до Ологова возвращенія. Веѣ дали въ томъ клятву, и во первыхъ Епископъ, хотя Бояре говорили ему: „нужно ли цѣловать крестъ Святителю? любовь твоя къ дому Княжескому извѣтна“. Но Святитель былъ Грекъ, по словамъ Лѣтописца: хитръ и коваренъ. Онъ въ тотъ же часъ написалъ къ Святославу Всеволодовичу, что дядя его скончался; что Олега и воинской дружины нѣтъ въ городѣ; что Княгиня съ меньшими дѣтьми въ изумленіи отъ горести, и что Святославъ найдетъ у нее сокровища несмѣтныя. Сей Князь немедленно отправилъ сына занять Гомель, а Бояръ своихъ въ другія Черниговскія области; и самъ хотѣлъ вѣзхать въ столицу. Олегъ предупредилъ его; однакожь добровольно уступилъ ему Черниговъ, взявъ Новгородъ Сѣверскій. Святославъ клялся наградить братьевъ Олеговыхъ иными

Кончи
на Свя
тосла
ва: ед
ствит
ель.

Въро
ломство
Еписко
па.

Удѣлами, и забывъ обѣтъ, присвоилъ себѣ одному города умершаго вначатнаго брата, сына Владимірова, Князя Вщижскаго. Съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ. Святославъ уже звалъ Половцевъ; но Великій Князь, будучи тестемъ Олеговымъ, примирилъ сеору и заставилъ Святослава уступить Олегу четыре города (⁴⁰⁶).

Г. 1159-1166.

Безпокойства въ землѣ Полоцкой.

Ростиславъ не могъ успокоить однихъ Владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ. Глѣбовичи, нарушивъ миръ, нечаянно взяли Изяславъ и заключили тамошнихъ Князей, Брячислава и Володшу Васильковичей, въ оковы. Рогволодъ Полоцкій, требуя защиты Государя Кіевскаго, осадилъ Минскъ, и стоявъ тамъ шесть недѣль, освободилъ Васильковичей мирнымъ договоромъ; а послѣ, желая отнять Городокъ у Володаря Глѣбовича самъ утратилъ Полоцкъ, гдѣ народъ призналъ своимъ Владѣтелемъ его племянника двоюроднаго, Всеслава Васильковича. Сынъ Великаго Князя, Давидъ, господствуя въ Витебскѣ, долженъ былъ вступиться за Всеслава, изгнаннаго мятежнымъ Володаремъ, и снова ввелъ его въ Полоцкъ, къ удовольствію народа (⁴⁰⁷). Въ сихъ ничтожныхъ, однакожъ кровопролитныхъ распряхъ Литовцы служили Кривскимъ Владѣтелямъ какъ ихъ подданные.

Бояна съ Болгарами.

Давно Россіяне, притупляя мечи въ гибельномъ междоусобіи, не имѣли никакой знаменитой рати вѣпшней: Андрей, нѣсколько лѣтъ наслаждавшійся мирнымъ спокойствіемъ, вспомнилъ наконецъ воинскую славу юныхъ лѣтъ своихъ, и выступилъ въ поле, соединясь съ дружиною Князя Муромскаго, Юрія Ярославича. Оскорбленный сосѣдственными Болгарами, онъ разбилъ ихъ войско многочисленное, взялъ знамена, и прогналъ Князя. Возвратясь съ конницею на мѣсто битвы, гдѣ пѣхота Владимірская стояла вокругъ Греческаго образа Богоматери, привезеннаго изъ Вышегорода, Андрей палъ предъ святою иконою, слезами изъявилъ благодарность Небу, и желая сохранить память сей важной побѣды, оставилъ особенный праздникъ, донинѣ торжествуемый нашею Церковію. Россіяне завладѣли на Камѣ славнымъ Болгарскимъ городомъ Брахимовымъ, и нѣсколько другихъ городовъ обратили въ пепель (⁴⁰⁸).

Въ сіе же лѣто Новгородцы одержали побѣду надъ Шведами, которые, овладѣвъ тогда Финляндію, хотѣли завоевать Ладогу и пришли на судахъ къ устью Волхова. Жители сами выжгли загородные дома свои, ждали Князя, и подъ начальствомъ храбраго Посадника, Нѣжаты, оборонялись мужественно, такъ, что непріятель отступилъ къ рѣкѣ Вороной или Салмѣ (⁴⁰⁹). Въ пятый день приспѣлъ Святославъ съ Новгородскимъ Посадникомъ Захарію, напалъ на Шведовъ и взялъ множество плѣнниковъ; изъ пятидесяти-пяти судовъ ихъ спаслись только двѣнадцать.

Побѣда
надъ
Шведа-
ми.

Въ окрестностяхъ Днѣпра Половцы не преставали злодѣйствовать и грабить: чтобы унять ихъ, Ростиславъ призвалъ многихъ Князей съ дружинами. Казалось, что онъ хотѣлъ, подобно дѣду Мономаху, прославить себя важнымъ предпріятіемъ и надолго смирить варваровъ; но войско союзное пеклося единственно о безопасности судоходства по Днѣпру, и нѣсколько времени стоявъ у Канева, разошлось, когда флотъ купеческій благополучно прибылъ изъ Греціи.—За то Сѣверскій Князь и братъ Черниговскаго, при наступленіи зимы, отъѣнно жесточкой, съ малочисленною дружиною дерзнули углубиться въ степи Половецкія; взяли станы двухъ Хановъ и возвратились съ добычею, серебромъ и золотомъ (⁴¹⁰).

Россія-
не
бьютъ
Полов-
цвъ изъ
сте-
пяхъ.

Ростиславъ, уже престарѣлый, всего болѣе заботился тогда о судьбѣ дѣтей своихъ: не смотря на слабое здоровье, онъ поѣхалъ въ область Новгородскую, чтобы утвердить Святослава на ея престолѣ. Угощенный зятемъ Олегомъ въ Чечерскѣ, Великій Князь имѣлъ удовольствіе видѣть искреннюю любовь Смоленянъ, которыхъ Послы ветрѣтили его верстъ за 300 отъ города. Сынъ Романъ, внуки, Епископъ Мануилъ, вмѣстѣ съ народомъ, привѣтствовали добраго старца: Вельможи, купцы, по древнему обыкновенію, сносили дары Государю. Утомленный путемъ, онъ не могъ ѣхать далѣе Великихъ Лукъ, и призвавъ туда знатнѣйшихъ Новгородцевъ, взялъ съ нихъ клятву забыть прежнія неудовольствія на сына его, никогда не искать инаго Князя, *разлучиться съ нимъ одною смертію* (⁴¹¹). Щедро одаренный ими и Святославомъ,

успокоенный ихъ согласіемъ, Великій князь возвратился въ Смоленскъ, гдѣ Рогнѣда, дочь Мстислава Великаго, видя изнеможеніе брата, совѣтовала ему остаться, чтобы быть погребеннымъ въ церкви, имъ сооруженной. „Нѣтъ“, сказалъ Ростиславъ: „я хочу лежать въ Кіевской Обители Св. Феодора, вмѣстѣ съ нашимъ отцемъ; ежели Богъ испѣлитъ меня, то „постригуся въ монастырѣ Феодосіевомъ“. Онъ скончался на пути, тихимъ голосомъ читая молитву, смотря на икону Спасителя и проливая слезы Христіанскаго умиленія.

г. 1167.
Марта
14.
Князь
на Ве-
ликого
Князя.

Сей внукъ Мономаховъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ Государей, которые въ своемъ блестящемъ верховномъ санѣ находятъ болѣе тягости, нежели удовольствія. Онъ не искалъ Великаго Княженія, и дважды возведенный на престолъ онаго, искренно желалъ отказаться отъ власти. Любя Печерскаго Игумена, Поликарпа, Ростиславъ имѣлъ обыкновение всякую Субботу и Вскресенье Великаго поста обѣдать во дворцѣ съ симъ благочестивымъ мужемъ и съ двѣнадцатю братьями Феодосіевой Обители; бесѣдовалъ о добродѣтеляхъ Христіанскихъ, и часто говорилъ имъ о намѣреніи удалиться отъ суетнаго міра, чтобы краткую, *мимолетную* жизнь посвятить Небу въ безмолвіи монастырскомъ, особенно послѣ кончины Святослава Ольговича; но разумный Игумень всегда ему отвѣтствовалъ; „Князь! Небо требуетъ отъ тебя иныхъ подвиговъ; дѣлай правду и блюди землю Русскую“ (¹²). Нѣтъ сомнѣнія, что Государь истинно набожный скорѣе инаго можетъ быть отцемъ народа, если одаренъ свыше умомъ и твердостію. Ростиславъ не отличался великими свойствами отца и дѣда; но любилъ миръ, тишину отечества, справедливость, и боялся запятнать себя кровію Россіянъ.

Его
свой-
ства.

Союзы
и бракъ.

Сей Великій Князь былъ другомъ Императора Мануила и помогалъ ему, какъ Государю единоврѣнному, противъ Короля Венгерскаго, Стефана III. Мануиль тогда же заключилъ союзъ и съ Галицкимъ Княземъ, Ярославомъ. Узнавъ о намѣреніи послѣдняго выдать дочь свою за Стефана, Императоръ писалъ къ нему, что сей Король есть извергъ вѣроломства, и что супруга такого человѣка безъ сомнѣнія будетъ

несчастлива. Письмо имѣло дѣйствіе, и хотя Ярославъ, уже отправивъ невѣсту въ Венгрію, не могъ отиѣнть брака, однакожь взялъ сторону Грековъ. Стефанъ — кажется досаду на тестя — развелся съ молодою супругою и женился на дочери Австрійскаго Герцога. — Не смотря на союзъ съ Императоромъ, Галицкій Князь дружески принялъ врага Мануилова, Андроника Комнина, сына Исаакіева, бѣжавшаго изъ темницы Константинопольской, и далъ ему въ удѣлъ нѣсколько городовъ ⁽⁴¹³⁾. Андроникъ, какъ пишутъ Византійскіе Историки, всегда ѣздилъ на охоту съ Ярославомъ, присутствовалъ въ его Совѣтѣ Государственномъ, жилъ во дворцѣ, обѣдалъ за столомъ Княжескимъ, и собиралъ для себя войско. Изъявивъ неудовольствіе Ярославу, Мануиль приелалъ наконецъ въ Галичь двухъ Митрополитовъ, которые уговорили Андроника возвратиться въ Царьградъ: Епископъ Галицкій, Козьма, и Бояре Ярославовы съ честію проводили его за границу. Сей изгнанникъ чрезъ нѣсколько лѣтъ достигъ сана Императорскаго: будучи признательнымъ другому Россіянь, онъ подражалъ имъ во правахъ: любилъ звѣриную ловлю, бѣганіе въ запуски, и низверженный съ престола, хотѣлъ вторично ѣхать въ наше отечество; но былъ пойманъ и замученъ въ Константинополь.

Андроникъ живеть въ Россіи.

Ростиславъ въ 1160 году призвалъ изъ Греціи новаго Митрополита, Феодора, умершаго чрезъ три года. Великій Князь, отдавая наконецъ справедливость достоинствамъ изгнаннаго Святителя, Климента, желалъ возвратить ему санъ Архипастыря нашей Церкви, и для того послалъ Вельможу, Юрія Тусемковича, въ Грецію; но сей Бояринъ встрѣтилъ въ Олешѣ новаго Митрополита, Іоанна, поставленнаго въ Константинополь безъ согласія Великокняжескаго. Ростиславъ былъ весьма доволенъ; однакожь, смягченный дружескимъ письмомъ Мануила и дарами, состоявшими въ бархатахъ и тканяхъ драгоценныхъ, принялъ Греческаго Святителя съ условіемъ, чтобы впредь Императоръ и Патріархъ не избирали Митрополитовъ Россіи безъ воли ея Государей. — Исполняя требованіе честолюбивыхъ Новгородцевъ, Іоаннъ позволилъ ихъ Епископу, именемъ

Дѣла Церковныя.

также Иоанну, мужу добродѣтельному, называться *Архіепископомъ* (¹¹⁴). Сей Митрополитъ, умершій не за-долго до кончины Великаго Князя, славился ученостію, и слыша о желаніи Папы, Александра III, знать особенные Догматы нашей Церкви, писалъ къ нему ласково, оправдывая угады Восточной. Письмо его, истинное или подложное, напечатано на языкѣ Латинскомъ и достойно Пастыря Христіанскаго. „Не знаю“ (говоритъ сочинитель), „какимъ образомъ прозошли ереси въ Вѣрѣ Божественной; не понимаю, какъ могутъ Римляне именовать насъ лже-Христіанами. Мы не слѣдуемъ такому примѣру, и считаемъ ихъ своими братьями, хотя и видимъ, что они во многомъ заблуждаются“. Предложивъ ученіе обѣихъ Церквей, и доказавъ согласіе нашего съ Апостольскимъ, добрый Митрополитъ убѣждаетъ Папу возстановить древнее едицтво Вѣры; кланяется ему отъ имени всего Духовенства, и желаетъ, чтобы любовь братская обитала въ сердцахъ Христіанъ (¹¹⁵).

ГЛАВА XVII.

Великій Князь Мстиславъ Изяславичъ Кіевскій Андрей Суздальскій или Владимірскій.

Г. 1167—1169.

Вѣроломство Владиміра. Изгнаніе Святослава изъ Новагорода. Война съ Половцами. Рѣчь Мстислава. Клевета Болгаръ. Ненависть Андрея ко Мстиславу. Взятіе и совершенное паденіе Кіева.

Сыновья Ростислава, братъ его Владиміръ, народъ Кіевскій и Черныя Клобуки — исполняя извѣстную имъ послѣднюю волю умершаго Великаго Князя — звали на престолъ Мстислава Волынскаго. Сей Князь, задержанный какими-то особенными распоряженіями въ своемъ частномъ Удѣлѣ, поручилъ Кіевъ племяннику, Васильку Ярополковичу, прислалъ новаго Тіуна въ Кіевъ, и скоро узналъ отъ нихъ, что дядя его, братъ Ярославъ, Ростиславичи и Князь Дорогобужскій Владиміръ Андреевичъ, заключивъ тѣсный союзъ, думаютъ самовольно располагать областями: хотятъ превозить себѣ Брестъ, Торческъ и другіе города ⁽⁴¹⁶⁾. Мстиславъ оскорбился; призвалъ Галичанъ, Ляховъ, и выступилъ къ Днѣпру съ сильною ратію. Усердно любивъ отца, Кіевляне любили и сына, знаменитаго дѣлами воинскими; народъ ожидалъ Мстислава съ нетерпѣніемъ, встрѣтилъ съ радостію, и Князя смирились. Только Владиміръ Мстиславичъ, малодушный и вѣроломный, дерзнулъ обороняться въ Вышегородѣ ⁽⁴¹⁷⁾: Великій Князь могъ бы наказать мятежника; но желая тишины, уступилъ ему Котелницу, и чрезъ нѣсколько дней свѣдалъ о новыхъ злыхъ

Вѣроломство Владиміра.

умыслахъ сего дади. Владиміръ хотѣлъ оправдаться. Свиданіе ихъ было въ Обители Печерской. „Еще *не обошли* уста твои, которыми ты цѣловалъ крестъ въ знакъ искренняго дружества!“ говорилъ Мстиславъ, и требовалъ вторичной присяги отъ Владиміра. Давъ оную, безсовѣтный дядя за тайну объявилъ Боярамъ своимъ, что Берендѣи готовы служить ему и свергнуть Мстислава съ престола. Вельможи устыдились повиноваться клятвопреступнику. „И такъ Огроки будутъ моими Боярами!“ сказалъ онъ и пріѣхалъ къ Берендѣямъ, подобно ему вѣроломнымъ: ибо сіи варвары, бывъ дѣйствительно съ нимъ въ согласіи, но видя его оставленнаго и Князями, и Боярами, пустили въ грудь ему двѣ стрѣлы. Владиміръ едва могъ спастись бѣгствомъ. Гнушаясь самъ собою, отверженный двоюроднымъ братомъ, Княземъ Дорогобужскимъ, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился къ Андрею Суздальскому, который принялъ его, но не хотѣлъ видѣть; обѣщалъ ему. Удѣлъ, и велѣлъ жить въ области Глѣба Рязанскаго. Мать Владимірова оставалась въ Кіевѣ: Мстиславъ сказалъ ей: „ты свободна: иди куда хочешь; но могу ли быть съ тобою въ одномъ мѣстѣ, когда сынъ твой ищетъ головы моеи и смѣется надъ святостію крестныхъ обѣтовъ?“

Андрей тогда же принялъ къ себѣ и другаго изгнанника, Святослава Ростиславича. Новгородцы — думая, что смерть отца Святославова разрѣшила ихъ клятву — въ тайныхъ починкахъ собраніяхъ умыслили изгнать своего Князя. Свѣдавъ заговоръ, Святославъ уѣхалъ въ Великія Луки, и велѣлъ объявить Новгородцамъ, что не хочетъ княжить у нихъ. „А мы не хотимъ имѣть тебя Княземъ“, отвѣтствовали граждаде, клялися въ томъ иконою Богоматери, и выгнали его изъ Лукъ. Святославъ бѣжалъ въ Суздальскую область, и съ помощію Андрея обративъ въ пепель Торжекъ, грабилъ окрестности. Съ другой стороны Князь Смоленскій, отмщая за брата, выжегъ Луки⁽⁴¹⁸⁾. Бѣдные жители стремились толпами въ Новгородъ, требуя защиты. Могущественный Андрей, дѣйствуя согласно съ Романомъ Смоленскимъ и Всееславомъ Полоцкимъ, хотѣлъ, чтобы Новгородцы смирились предъ Святославомъ. „Вамъ не будетъ новаго Князя“.

Изгна-
ніе Свя-
тослава
изъ Но-
вогоро-
да.

говорилъ онъ съ угрозами. Но упрямый народъ презиралъ оныя; убилъ Посадника и двухъ иныхъ друзей Святославовыхъ; готовился къ оборонѣ, и просилъ сына у Великаго Князя Мстислава, обѣщаясь умереть за него и за вольность. Едва Послы Новгородскіе могли проѣхать въ Кіевъ: ибо на всѣхъ дорогахъ стерегли ихъ и ловили какъ злодѣевъ. Между тѣмъ въ Новгородѣ начальствовалъ умный Посадникъ Якушъ и заставилъ Святослава удалиться отъ Русы: сей Князь, имѣвъ сильное войско союзное, не дерзнулъ вступитъ въ битву, довольный разореніемъ многихъ селеній, и чрезъ два года умеръ, хвалимый въ лѣтописяхъ за его добродѣтель, безкорыстіе и любовь къ дружинѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ Новгородъ сиротствовалъ безъ Князя, съ нетерпѣніемъ ожидая его изъ Кіева. Въ сіе время Мстиславъ былъ занятъ воинскимъ предпріятіемъ. Въ торжественномъ собраніи всѣхъ Князей союзныхъ онъ сказалъ имъ: „Земля Русская, наше отечество, стесняетъ отъ Половцевъ, которые не премѣнили донынѣ ихъ древняго обычая: всегда клянутся быть намъ друзьями, берутъ дары, но плѣniają Христіанъ, и множество невольниковъ отводятъ въ свои вежи. Нѣтъ безопасности для купеческихъ судовъ нашихъ, ходящихъ по Днѣпру съ богатымъ грузомъ. Варвары думаютъ совершенно овладѣть торговымъ *путемъ Греческимъ*⁽⁴¹⁹⁾. Время прибѣгнуть къ средствамъ дѣйствительнымъ и сильнымъ. Друзья и братья! оставимъ междоусобіе; воззримъ на Небо, обнажимъ мечъ, и призвавъ имя Вождя, ударимъ на враговъ. Славно, братья, пекать чести въ полѣ и слѣдовъ проложенныхъ тамъ нашими отцами и дѣдами!“ Все единодушно изъявили согласіе умереть за Русскую землю, и каждый привелъ свою дружину: Святославъ Черниговскій, Олегъ Сѣверскій, Ростиславичи, Глѣбъ Переяславскій, Михаилъ братъ его, Князья Туровскій и Волынскіе. Бояре радовались согласію Государей, народъ благословлялъ ихъ ревность быть защитниками отечества. Девять дней шло войско степями⁽⁴²⁰⁾: Половцы услышали, и бѣжали отъ Днѣпра, бросая женъ и дѣтей. Князья, оставивъ назади обозъ, гнались за ними, разбили ихъ, взяли многія

Г. 1168.
Война
съ По-
ловца-
ми.

Рѣвъ
Мсти-
слава.

2 Мар-
та.

вежи на берегахъ Орели, освободили Россійскихъ невольниковъ и возвратились съ добычею, съ табунами и плѣнниками, потерявъ не болѣе трехъ человекъ. Сію добычу, слѣдуя древнему обыкновенію, раздѣлили между собою Князья, Бояре и воины. Народъ веселился и торжествовалъ побѣду въ день Пасхи. Скоро, къ общему удовольствію, прибылъ благополучно и богатый купеческій флотъ изъ Греціи: Князья ходили съ войскомъ на встрѣчу къ оному, чтобы защитить купцевъ отъ нападенія Половцевъ, еще не совсѣмъ умиранныхъ.

Клевета
Бояръ.

Ни Мстиславъ, пируя тогда съ союзниками подъ Каневымъ (⁴²¹), ни Кіевляне, радуясь побѣдѣ и товарамъ Греческимъ, не предвидѣли близкаго несчастія. Одна изъ причинъ онаго была весьма маловажна: Князья жаловались на Мстислава, что онъ, будучи съ ними на берегахъ Орели, тайно посылалъ ночью дружину свою въ слѣдъ за бѣгущими врагами, чтобы не дѣлиться ни съ кѣмъ добычею. Два Боярина, удаленные Великимъ Княземъ отъ Двора за гнусное воровство, старались также поссорить братьевъ, увѣряя Давида и Рюрика, что Мстиславъ намѣренъ заключить ихъ въ темницу (⁴²²). Легковѣріе свойственно нравамъ грубымъ. Бояре Кіевскіе, знавшіе чистосердечіе Государя своего, и собственная его присяга, по тогдашнему обычаю, доказали неосновательность злословія; но Ростиславичи остались въ подозрѣніи, и не согласились выдать клеветниковъ брату, говоря: „кто жъ захочетъ впредь остерегать насъ?“ Въ то же время дядя Мстислава, Владиміръ Андреевичъ, несправедливо требуя отъ него новыхъ городовъ, сдѣлался ему врагомъ и съ негодованіемъ уѣхалъ въ Дорогобузь. Такимъ образомъ Великій Князь лишился друзей и сподвижниковъ, столь нужныхъ въ опасности.

Но главною виною паденія его было то, что онъ исполнилъ желаніе Новгородцевъ, и долго медливъ, послалъ наконецъ сына, именемъ Романа, управлять ими. Сей юный Князь взялся быть ихъ мстителемъ; разорилъ часть Полоцкой области, сжегъ Смоленскій городокъ Торопецъ, плѣнилъ многихъ людей. Андрей Суздальскій вступился за союзниковъ, и не могъ простить Мстиславу, что онъ, какъ бы въ досаду

ему, объявилъ себя покровителемъ Новгородцевъ. Можетъ быть, Андрей съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ случай уничтожить первенство Кіева и сдѣлаться Главою Князей Россійскихъ: по крайней мѣрѣ, оставивъ на время въ покоѣ Новгородъ, онъ думалъ только о средствахъ низвергнуть Мстислава, издавна имъ нелюбимаго; тайно согласился съ Ростиславичами, съ Владиміромъ Дорогобужскимъ, Олегомъ Сѣверскимъ, Глѣбомъ Переяславскимъ и съ Полоцкимъ Княземъ; взялъ дружину у владѣтелей Рязанскаго и Муромскаго, ему покорныхъ; собралъ многочисленную рать; поручилъ ее сыну Мстиславу и Воеводѣ Борису Жидиславичу; велѣлъ имъ идти къ Вышегороду, гдѣ княжилъ тогда Давидъ Ростиславичъ и гдѣ надлежало соединиться всѣмъ союзникамъ. Сіе грозное ополченіе *одинадцати* Князей (въ числѣ коихъ былъ и юный Всеволодъ Георгіевичъ, пріѣхавшій изъ Царяграда) шло съ разныхъ сторонъ къ Днѣпру ⁽⁴²³⁾; а неосторожный Мстиславъ нечего не видалъ, и въ то же время послалъ вѣрнаго ему Михаила Георгіевича, Андреева брата, съ отрядомъ Черныхъ Клобуковъ къ Новгороду ⁽⁴²⁴⁾: Ростиславичи схватили сего Князя на пути, вмѣстѣ съ купцами Новгородскими. Мстиславъ едва успѣлъ призвать Берендѣевъ и Торковъ, когда непріатели стояли уже подъ стѣнами города; два дни оборонялся мужественно: въ третій союзники взяли Кіевъ *приступомъ*: чего не бывало дотолѣ. Сія, по слову древняго Олега, *мать* городовъ Россійскихъ, нѣсколько разъ осаждаемая и тѣснямая, отворяла иногда Златія врата свои непріателямъ; но никто не входилъ въ нихъ *силою*. Побѣдители, къ стыду своему, забыли, что они Россіяне: въ теченіе трехъ дней грабили, не только жителей и дома, но и монастыри, церкви, богатый храмъ Софійскій и Десятинный; похитили иконы драгоценныя, ризы, книги, самые колокола—и добродушный Лѣтописецъ, желая пзвипить грабителей, сказываетъ намъ, что Кіевляне были тѣмъ наказаны за грѣхи ихъ, и за пѣкоторыя ложныя церковныя ученія тогдашняго Митрополита Константина!... Мстиславъ ушелъ съ братомъ Ярославомъ въ Волынію, оставивъ жену, сына, Бояръ плѣнниками въ рукахъ непріа-

Нена
вистъ
Андр-а
во
Мсти-
славу.

г. 1169.

Марта
8. Ва-
тис и со-
времен-
ное на-
званіе
Кіева.

тельскихъ (⁴²⁵), и едва не былъ на пути застрѣленъ измѣнниками, Черными Клобуками.

Андрей отдалъ Кіевъ брату своему Глѣбу; но сей городъ навсегда утратилъ право называться столицею отечества. Глѣбъ и преемники его уже зависѣли отъ Андрея, который съ того времени сдѣлался истиннымъ *Великимъ Княземъ Россіи*; и такимъ образомъ городъ Владиміръ, новый и еще бѣдный въ сравненіи съ древнею столицею, заступилъ ея мѣсто, обязаный своею знаменитостію нелюбви Андреевой къ южной Россіи.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

ПРИМЪЧАНІЯ

КО ВТОРОМУ ТОМУ

ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(1) Въ печати. *Несторъ* стр. 69: «отець» (Владиміръ) «его не лю-
«баше».

См. Дитм. *Chron.* кн. VII. Въ одномъ мѣстѣ говорятъ онъ, что сынъ Владиміровъ и зять Короля Польскаго, заключенный отцемъ въ темницу, ушелъ наконецъ къ своему тестю; а въ другомъ, что сей ушедшій къ Болеславу Россійскій Князь назывался Святополкомъ (Зрентенулкомъ). Кадлубекъ пишетъ, что Болеславъ, взявъ Кіевъ (см. ниже) возвелъ на престолъ Россійскій своего родственника: *suū sanguinis Regem creat* (*Hist. Polon.* кн. II, стр. 648).

Дитмаръ прибавляетъ, что Король Польскій, свѣдавъ о заключеніи своей дочери, зятя и Реннберна, старался отмстить Владиміру: *quantum potuit vindicare non desistit* (стр. 418). Выше онъ говоритъ, что Болеславъ опустошилъ тогда великую часть Россіи: слѣдственно воевалъ съ Владиміромъ? Несторъ того не пишетъ.

(2) Рѣка Полтавской губерніи, впадающая въ Трубежъ. Въ *Архивел.* Дптм. сказано, что Борисъ имѣлъ у себя 8000 воиновъ.

(3) Въ *Лукии.*: «призва Вышегородскыя Болырьѣ».

(4) Борисъ, по словамъ Нестора, сказалъ: «не створи ему (Святополку), Господи, въ семь грѣха». Вотъ слава Христіанства! Въ *Ипат.*, *Халби.*, *Воскрес.* I, 167, и въ другихъ лѣтописяхъ сей Князь изображенъ такими словами: «Тѣломъ бяше красенъ и высокъ, лицемъ круглъ, «сплеча высокоу, въ чреслѣхъ тонокъ, очима добръ и весель; брада мала «и усъ, младъ бо бѣ еще; свѣтася царскы, крѣпокъ тѣломъ, всячески «украшенъ, аки двѣтъ во юности своей; на ратехъ храборъ, въ совѣ- «тѣхъ мудръ, и благодать Божія двѣтася на немъ». Новѣйшіе Лѣто- писцы прибавили много пустыхъ словъ въ повѣствованіи о Борисовой кончинѣ.

(5) Кромѣ Моисея Урина, Георгіева брата, ушедшаго въ Кіевъ къ Владиміровой дочери, Передславѣ. Въмѣстѣ со многими Россіянами плѣ- венный Болеславомъ, онъ, какъ вторій Юсіфъ, не хотѣлъ промѣнять своего цѣломудрія и рабства на любовь одной знатной красавицы, кото- рая, желая отмстить ему за такую нечувствительность, осудила его быть Абельардомъ (см. *Житіе Моисея въ Патерикѣ*). Ефремъ, Новгородскій Чудотворецъ, былъ также братъ Георгія Урина (какъ написано въ *Про- логѣ* Генв. 28), Конюшій Бориса и Глѣба. Онъ взялъ отрубленную го- лову брата и велѣлъ положить ее въ гробъ съ собою. Далѣе пишутъ, что Ефремъ, создавъ на берегу рѣки Твери церковь во имя Св. Бориса и Глѣба, скопчался въ 6523 году. Но сіи Мученики, кажется, признаны Святими въ 6580 году (см. ниже).

Несторъ говоритъ, что добрые Россіяне тайно погребли тѣло Борисово въ Вышегородѣ, въ церкви Св. Василія, но не могли отыскать искаженнаго трупъ Георгіева. Въ нѣкоторыхъ спискахъ именно означено, что Св. Борисъ убитъ Іюля въ 24 день.

(6) «И пришедшу ему на Волгу»—въ нѣкоторыхъ спискахъ: *на усть Тмы*—«на поли подтчеся конь въ рвѣ», и проч. Какимъ образомъ Глѣбъ выѣхалъ изъ Муромъ на берегъ Волги? Это не дорога въ Кіевъ. Развѣ гонецъ Святополковъ нашелъ его гдѣ нибудь въ Нижегородской Губерніи, которой часть принадлежала къ древнему Муромскому Княженію, то есть, за Волгою? или тогдашніе дремучіе лѣса Московской Губерніи были еще непроходимы, и Глѣбу надлежало ѣхать къ Смоленскъ черезъ Тверскую? Сочинитель *Мисси* (Маія 2) заставилъ его отправиться изъ Муромъ къ *устю Воли*, а оттуда *водою* къ Смоленску. Далѣе: «и приде къ Смоленску, и поиде отъ Смоленска яко *зрѣмо*»—то есть, сей городъ былъ у него еще въ виду—«и ста на *Смьдинѣ* въ посадѣ». Такъ называлась рѣчка, впадавшая въ Днѣпръ ниже Смоленска; она уже пересохла (см. *Описаніе Смоленска*).

Плачь Глѣбовъ о Борисѣ достоинъ замѣчанія въ лѣтописи: онъ пѣжень и краснорѣчивъ. На примѣръ: «Увы мнѣ, Господи! Луче бы ми смрети съ братомъ, нежели жити на свѣтѣ семь. Аще бо быхъ, брате смой, видѣлъ лице твое Ангельское, умерлъ быхъ съ тобою. Нынѣ же «что ради остахъ азъ единъ? Гдѣ суть словеса твоя, яже глагола къ смнѣ, брате мой любимый? Нынѣ уже не услышу тихаго твоего наказыанья»—и проч. Въ *Архан.* и въ другихъ новыхъ лѣтописяхъ здѣсь прибавлены маловажныя обстоятельство.

Вѣроятно, что поварь Глѣбовъ былъ родомъ изъ Торковъ, и для того названъ *Торчинъ*.

Далѣе: «по семь же вземше везопа и положиша и (Глѣба) у брата «своего Бориса, у церкви Святаго Василія». Въ *Никон. Лпт.*, въ *Новогород.* Попа Іоанна, въ *Степен. Книгѣ* и во многихъ другихъ сказано, что мѣсто, гдѣ лежало Глѣбово тѣло, ознаменовалось чудесами: «иногда показывался надъ нимъ столпъ огненный, иногда *свѣча*, не только ночью, но и *днемъ*; ловцы, пастухи, странники, часто слышали тамъ Ангельское пѣніе. Наконецъ граждане Смоленскіе вспомнили о Мученикѣ, послали туда Священниковъ со крестами, принесли его тѣло въ городъ», и проч.—Глѣбъ умерщвленъ, по извѣстію многихъ лѣтописцевъ, 5 Сент. въ *Понедѣльникъ*: такъ и было въ 1015 году. Христіанскія имена Бориса и Глѣба были Давидъ и Романъ.

(7) Левекъ, повѣривъ Щербатову, говоритъ, что Святославъ хотѣлъ бѣжать къ Андрею, Венгерскому Королю, женатому на его сестрѣ *Премиславѣ*. Но Андрей восшелъ на престоль въ 1045 году (см. *Прая Annual. Reg. Hungariae*, кн. I, стр. 54) и супруга его была не Владимірова, а Ярославова дочь (см. *Прая Dissert. VII in An. Vet. Hung.* стр. 130: *erat haec Nastasia Iaroslai filia*).—Несторъ, сказавъ о братоубійствахъ Святополка, прибавляетъ: «Лютъ бо граду тому, въ немъ же Князь унъ «(юнъ), *любляя вино пити съ гуслими* и со младыми свѣтниками» (свѣтники): «сяковыя даеть Богъ за грѣхи, а старыя и мудрыя отъемлетъ». Увидимъ ниже, что Святополкъ любилъ пить.

Далѣе: «и нача даяти овѣмъ *корзна*, а другимъ кунами». Татищевъ, вмѣсто перваго слова, написалъ *шкурами*. Но *корзномъ* называлась верхняя одежда. Такъ Князь Владиміръ, желая защититъ Игоря, покрылъ его своимъ *корзномъ*, т. е. епанчею (см. въ печатн. *Нест.* стр. 204).

(8) Въ *Троиц.* и *Лукин.*: «Варязи бяху мнози у Ярослава и насиле творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ». *Ракома* подлѣ Новгорода

(нынѣ селеніе на берегу Ильменя) была тоже, что Берестовое подлѣ Кіева: сельскимъ жилищемъ Князей. Въ лѣтописи сказано, что Новгородцы побили Варяговъ на дворѣ *Паромоново*. Въ *Новгород*. Попа Іоанна: «и се слышавъ Ярославъ, разгнѣвася—иebra воя славы ты «сяшу и обольстивъ я исѣбѣче, иже бяху Варягы тѣ исѣкли, а друзи «бѣжаша изъ города».—Передслава была, вѣроятно, дочь Рогнѣды.—Въ *Новгород*. Попа Іоанна: «топерво ми ихъ (Ярославу Новгородцевъ) *золотомъ* окупати». Тамъ же сказано, что Ярославъ собралъ 3000 Новгородцевъ, а Варяговъ 1000. Въ харатейныхъ: «собравъ Варяговъ 1000» (въ *Ипат.* и *Хлѣбн.* 6000) «а прочихъ 40.000» (въ другихъ спискахъ 30.000)—т. е. не однихъ Новгородцевъ, но и другихъ Россіянь, можетъ быть Чуди, Псковитянь, Кривичей. Въ *Лукиин.* и въ *Троицк.* Ярославъ говоритъ словами Св. Писанія: «суди, Господи, по правдѣ, и да скончается злоба грѣшнаго!»

(9) Въ Несторѣ. «и стояша мѣсяцѣ три». Въ харат. *Новгород.*: «и нача Днѣпръ мерзнути». Напомнимъ Читателю, что Владиміръ скончался въ 1015 году, Іюля 15: ежели Ярославъ пришелъ къ Днѣпру въ 1016 году, какъ означено въ лѣтописи, и стоялъ безъ дѣйствія *три мѣсяца*, до осени и *заморозовъ*, то между кончиною Владиміровою и битвою Любечскою прошло около 16 мѣсяцевъ: ибо Несторъ начинаетъ свои годы съ Марта (см. ниже, прим. 50). Татищевъ обратилъ для лучшей вѣроятности Несторовы *три мѣсяца* бездѣйствія въ три седмицы, и сказываетъ еще, что *большая вода* не позволяла войскамъ переправиться черезъ Днѣпръ.—Въ *Ипатев.* и *Хлѣбн.* сказано, что Ярославъ стоялъ на сей сторонѣ Днѣпра, т. е. на правой.

Въ *Новгород. Лѣт.* Попа Іоанна и въ *Никон.* ругатель, Воевода Святополковъ, названъ *Волчій Хвостъ* (см. сей Исторіи Т. I, стр. 139). Онъ говоритъ: «а вы плотници сунце, а поставимъ вы (къ) хоромомъ ру «бити нашимъ». Видно, что Новгородцы были тогда лучшими плотниками. Далѣе въ харат. *Новгород.*: «и быше Ярославу мужъ въ пріязнь у Свята-полка, и посла къ нему Ярославъ ночью Отрокъ сей и рекъ къ нему: «что тому великии творити? меду мало варено, а дружину много. И рече «ему мужъ тѣ (тотъ): рчи тако Ярославу: даче (да аще) меду мало, а «дружины много, да къ вечеру вдати». — По списку *Троицк.* говорятъ Новгородцы: «кто не поидеть съ нами, то сами погубимъ», а въ *Лукиин.*: «сами *потнемъ*», то есть убьемъ.

Далѣе: «и не бѣ лѣтъ озеромъ Печенѣгомъ помогати». Въ харат. *Новгород.* Ярославъ говоритъ своимъ передъ сраженіемъ: «знаменайтеси: повивайте себе убрусы (убрусами) голову».

Здѣсь сказано въ *Кенисберг.* и во многихъ другихъ спискахъ: «бѣ же Ярославъ тогда двадцати осми лѣтъ». Это описка. Въ харатейной: «и бы тогда Ярославъ въ *Новгородѣ* лѣтъ 28»; то есть, отъ 988 года, къ которому Лѣтописецъ относитъ раздѣленіе Государства на области, до 1016 года прошло 28 лѣтъ.—О награжденіи воиновъ говорится въ харат. *Новгород.* и Попа Іоанна лѣтописи. Если у Ярослава было, какъ пишетъ Несторъ, 40,000 воиновъ, и если гривна XI вѣка равнялась цѣною съ гривною Смоленскою 1228 года, то сей Князь роздалъ имъ 125 пудъ серебра (см. сей Исторіи Т. I, примѣч. 298 и 527): много по тогдашнему времени! Надобно исключить убитыхъ: за то онъ далъ каждому старостѣ и Новгородцу 10 гривенъ.—Въ лѣтописи Попа Іоанна сказано, что Ярославъ тогда же сочинилъ *Правду* или законы для Новгородцевъ: въ *Никонов.* и въ другихъ лѣтописяхъ говорится о награжденіи воиновъ и сочиненіи *Правды* уже въ 1020 году, а здѣсь сказано, что Ярославъ построилъ Златыя врата (см. ниже) со многими церквами, и щедро награ-

дали бѣднѣхъ; что въ то же лѣто Печенѣги, обступивъ столицу, *остались* въ Кіевъ, и что Ярославъ къ вечеру побѣдилъ ихъ. Къ сему извѣстію въ *Архангелск. Лѣтн.* прибавлено: «Сѣтное и до сего дни словеть». Тутъ чего нибудь не достаётъ.

(10) Императоръ въ Мерзбургѣ получилъ первое извѣстіе о вступленіи Россіянъ въ Польшу: что однако же не имѣло никакихъ важныхъ слѣдствій. Et tunc primo imperit Russorum Regem, ut sibi per interpositum promisit suum, Boleslaum petuisse, nihilque ibi ad urbem possessam profecisse (Дитм. кн. VII). Видно только, что Россіяне осаждали Польскій городъ. Дитмаръ относитъ сей случай къ 1017 году, и прибавляетъ, что *скоро* (т. е. въ 1018 году) самъ Болеславъ вступилъ въ Россію, снова возвелъ на престолъ своего зятя и возвратился съ торжествомъ. Въ VIII книгѣ онъ уже подробно описываетъ несчастія, претерпѣнные тогда Россією.

Собственныя наши лѣтописи подтверждаютъ истину Дитмарова сказанія о нападеніи Великаго Князя на Польшу въ 1017 году. Несторъ пишетъ: «въ лѣто 6525 (1017) Ярославъ «иде» (здѣсь пропускъ въ *Троицк.* и *Пушкин.* спискахъ)... «и погорѣ церквей много Кіевѣ». Кудаже ходилъ онъ въ семь году? къ *Кіеву*, сказано во многихъ новѣйшихъ спискахъ; но онъ былъ тамъ уже въ 1016. Древній *Новгород. Лѣтн.* говоритъ: «въ лѣто 6525 Ярославъ иде къ *Берестю*»: такъ назывался въ старину нынѣшній Брестъ Литовскій, который принадлежалъ къ Туровскому Княженію и былъ тогда на границѣ Польской.—Нарушевичъ рассказываетъ въ своей Исторіи (Т. II, стр. 177—178), что Король, въ семь году побѣдилъ Великаго Князя на Бугѣ, взялъ обозъ и нѣсколько городовъ, *осаждалъ Кіевъ, съжегъ часть ея и вышель изъ Россіи, узнавъ о приближеніи Нѣмцевъ къ рѣкѣ Одеру*. Никто изъ Лѣтописцевъ не говоритъ о томъ. Дитмаровы, выше приведенныя слова: nihilque ad urbem possessam profecisse, относятся къ осадѣ не Кіева, а Польскаго города (см. Нѣмецк. переводъ Дитмара стр. 512). Нарушевичъ сообщилъ свою догадку за вѣрное происшествіе. «Въ 1017 году»—пишетъ онъ, стр. 176 въ примѣч.—«былъ пожаръ въ Кіевѣ; нѣтъ сомнѣнія (заревне), что Болеславъ тогда осаждалъ «сей городъ»!

Дитмаръ именно говоритъ (въ концѣ VIII кн.), что Императоръ или Нѣмцы совѣтовали Болеславу воевать съ Россіянами, и что у Короля было 500 Венгровъ и 300 Нѣмецкихъ воиновъ, также 1000 Печенѣговъ.

(11) Въ *Никонов.* и во многихъ другихъ спискахъ Нестора: «погорѣ градъ, и церквей много, яко до *седми сотъ*». Татищевъ поправилъ: «и *домовъ* до 700». Не только въ *Никонов.*, но и въ древней *Новгород. Лѣтн.* сказано, что въ 1017 году заложена церковь Св. Софіи въ Кіевѣ: она, по извѣстію Дитмара (стр. 426), была разрушена пожаромъ сего году. Ярославъ въ 1037 году заложилъ новую (см. ниже), распространивъ Кіевъ и сдѣлавъ *Златыя врата*, о конхъ *Никон.* и *Воскресен. Лѣтн.* говорятъ еще въ 1017 году, въ противность Нестору.

(12) См. Мартин. Галлус. стр. 62, Кадлубека кн. II, стр. 648, и Длугоша кн. II, стр. 151—152. Въ послѣднемъ: Nil hoc hamo hactenus opus est, neque ut pi-ces comprehendamus, sed qualiter hosti occurramus curandum, ne hostis infesti et potentis, effusionem sanguinis, nostri sitientis, hamo involvamus—то есть: «чтобы не попасться на уду врагу сильному», и проч.

Несторъ говоритъ: «Ярославъ же, совокупивъ Русь, и Варяги, и Сло-«венн». Длугошъ прибавляетъ: «и Печенѣги»; но Печенѣги были тогда съ Болеславомъ, по извѣстію Дитмара.—Въ *Воскресенск.* сказано, что Ярославъ пришелъ въ *Вильню* (Вольнію) и сталъ на Бугѣ.

Въ *Трошик.* и во многихъ: «кормилецъ Воевода, именемъ *Влудъ*». Въ древнѣйшемъ *Лукии.*, также въ *Кенисберг.* и другихъ: «именемъ *Вуды*». У Длугоша *Vudu*. Сей Воевода, пѣстунъ Ярославовъ, могъ быть дѣйствительно самый предатель Ярополковъ, и въ 1018 году лѣтъ семидесяти. Владиміръ не имѣлъ правилъ Фридриха Великаго въ разсужденіи изменниковъ, когда Анастасъ пользовался его милостію и довѣренностію.

(13) «Да то ти прободемъ *трескою*» (въ повѣйшихъ спискахъ: *копьемъ*) «череву твою толстую». Мартинъ Галлусъ и Кадлубекъ также описываютъ сію брань. Русской *варваръ*, по ихъ словамъ, сравниваетъ Болеслава съ обойденнымъ вепремъ, съ дикою свиньей, которая валялась въ нечистотѣ, попалась въ тенета, будетъ затравлена собаками, и проч. (Кадлуб. *Hist. Polon.* кн. I, стр. 649). Король въ отвѣтъ своемуъ называетъ гордаго Россіянина дикимъ осленкомъ, котораго съѣсть *вепрь*. «Ежели я кабанъ» — говорить онъ — «то знай, что сильный кабанъ съ Божіею помощію можетъ «растерзать собакъ. Но оружіемъ, а не словами перевѣдаюсь съ тобою». Длугошъ говоритъ тоже, что Несторъ. — Читатель вспомнитъ подобную насмѣшку Короля Французскаго надъ тучностію Вильгельма Завоевателя. У Гомера также битвы начинаются перебранкою.

Далѣе: «бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко на копи не могли сѣдѣти; но баше смыслень... и *вбрѣде* въ рѣку». Нарушевичъ говоритъ: *iedni w brod, drudzy w plaw*. Дитмаръ пишетъ, что Россіянне напрасно хотѣли противиться; что они въ бѣгствѣ своемъ потеряли множество людей, а Болеславъ мало; что изъ Нѣмцевъ былъ тогда убитъ рыцарь Генрикъ. Въ *Никон.* и другихъ лѣтописяхъ сказано, что Воевода Влудъ лишился жизни въ семь несчастномъ сраженіи.

(14) Дитмаръ сказываетъ, что городъ, принадлежавшій брату Россійскаго Короля (Владиміръ, Брестъ или Туровъ), былъ взятъ приступомъ, а жители отведены въ неволю. Длугошъ замѣчаетъ, что тогдашніе города Россійскіе, построенные изъ одного дерева, безъ каменныхъ стѣнъ, не могли сопротивляться Болеславу (*Hist. polon.* кн. II, стр. 151).

Дитмаръ говоритъ далѣе, что Болеславъ велѣлъ осадить Кіевъ Печенѣгамъ: *ut bs Kitana (Kiovia) ab hostibus Pedenis, hortatu Molelai, crebra impugnatione invaditur*; а Нарушевичъ читаетъ: *ab hostibus Polonis*.

(15) Такъ пишетъ Дитмаръ, котораго знакомцы были тогда съ Королемъ Польскимъ и видѣли все собственными глазами. Нарушевичъ именуетъ сего Архіепископа Анастасіемъ (*Hist. Natoda Polsk.* Т. II, стр. 191). — Дитмаръ говоритъ, что *девять* сестеръ Ярославовыхъ и жена его находились тогда въ Кіевѣ: Несторъ упоминаетъ только о двухъ Владиміровыхъ дочеряхъ. Польскіе Историки называютъ Передславину сестру *Мечиславоу*, или *Мстиславою* (Длугошъ (*Hist. pol.* I, стр. 154).

Польскіе Историки разсказываютъ, что Болеславъ, вѣзжая въ Кіевъ, мечемъ своимъ, въ знакъ побѣды, разрубилъ тамошнія *Златныя врата* (Длугошъ: *iam in sui mod o dividens*); что сей удивительный мечъ былъ данъ Болеславу Ангеломъ (Богуфал. стр. 25 и Кадлуб. *Hist. Polon.* кн. II, стр. 645), и названъ *шербиемъ* по *шербинѣ*, которая сдѣлалась на его левей отъ разрубленія Кіевскихъ воротъ (Март. Галлусъ стр. 62, Кадл. стр. 645, Богуфал. стр. 25); что онъ въ позднѣйшія времена хранился въ арсеналѣ Краковскомъ, и что Короли Польскіе всегда ходили съ нимъ на войну (Кадлуб. стр. 645). Изрядныя басни: замѣтимъ ниже и другія.

Дитмаръ пишетъ, что жена Святополкова оставалась въ Россіи, когда сей Князь бѣжалъ въ Польшу.

(16) Въ *Трошик.* и иныхъ спискахъ названъ Посадникъ Новгородскій Константинъ. — О *кунахъ* см. ниже. Въ Несторѣ: «начаша *сметѣ*»

(деньги) «сбирати, отъ мужа по 4 куны, отъ Старость по 10 гривень, а «отъ Боярь по 18 гривень». По извѣстіямъ Скандинавскимъ, многіе Норвежцы пришли тогда на корабляхъ къ Ярославу (см. Торф. Hist. Norveg. Ч. III, стр. 97). Въ *Архангелск.* означено ихъ число: 14,100.

(17) См. Дитм. Chron. кн. VIII. Татищевъ говоритъ, что на Поляковъ были жалобы: въ лѣтописи нѣтъ того. Несторъ называетъ сей постыдокъ Святополковъ *безуміемъ*. — Дитмаръ о сестрахъ Ярославовыхъ (стр. 426): *quarum unam, prius desideratam, antiquus fornicator Boleslaus, oblita contectali sua, injuste duxerat.* См. также Длугош. Hist. Polon. кн. II, стр. 168. Въ *Воскресенск.* списокъ и во многихъ, кромѣ *Пушк., Троицк., Кенигсберг.,* сказано: «и тогда Болеславъ положи себѣ на «ложѣ Передславу, сестру Ярославу». Древнѣйшій Польскій Лѣтописецъ, Мартинъ Галлусъ, увѣряетъ, что она была главною причиною войны, и что Ярославъ, не хотѣвъ выдать сестры за Короля, сдѣлалъ его своимъ жестокимъ врагомъ. Ломоносовъ несправедливо называетъ сію Княжну *супругою* Болеслава (о женахъ его см. въ Нарушев. Hist. Narodu Polsk. II, 202). — Польскіе Историки (Длугошъ, Кромеръ, Сарницкій и другіе) говорятъ, что Болеславъ, предъ выступленіемъ изъ Кіева, въ знакъ владычества своего надъ Россіянами, и слѣдуя примѣру Геркулеса, поставилъ столпы желѣзные въ Днѣпрѣ, гдѣ впадаетъ въ него рѣка *Сулъ*. Но древнѣйшій ихъ писатель, Кадлубекъ, сказываетъ, что желѣзный столпъ поставленъ Болеславомъ не въ Россіи, а въ *Саксоніи*, въ рѣкѣ *Самъ*, и что въ Кіевѣ онъ зарубилъ только *Златыя врата*, означивъ ими двумя памятникамъ границы своихъ владѣній на Западѣ и на Востокѣ (Hist. Polon. кн. II, стр. 648). Сарницкій пишетъ, что Король положилъ въ Днѣпрѣ мѣдныя трубы, которыя отъ теченія воды издають звуки и произносятъ имя Болеслава. «Другіе же (говоритъ онъ) увѣряютъ, что сіи «звуки раздаются отъ пустотъ, находящейся въ скалѣ надъ рѣкою» (Sarnicci Annal. Polon. кн. VI, стр. 1048). Нарушевичъ не осмѣлился повторить точныхъ словъ земляка своего (Hist. N. P. II, 194).

(18) Мартинъ Галлусъ (стр. 62, 63) и Кадлубекъ описываютъ дѣйствія въ такомъ порядкѣ:

Ярославъ, слыша о вступленіи Короля въ Россію, оставляетъ государство (по словамъ Кадлубека: *hanc cum regno abiicit*: см. выше, прим. 12) и бѣжитъ, не извѣстно куда. Болеславъ беретъ Кіевъ, возводитъ тамъ какого-то родственника на престолъ, идетъ назадъ и распускаетъ большую часть войска. Князь Россійскій гонится за нимъ, будучи во сто разъ сильнѣе его (по словамъ Мартина: *hostes vero quasi centies tantum fuere*); сражается на Бугѣ, и побѣжденъ. Черезъ нѣсколько времени Великій Князь опять тамъ же сходится съ Болеславомъ, насмѣхается надъ нимъ, разбить и взять въ плѣнъ съ знаменитѣйшими вельможами (см. Кадлубека). Ихъ ведутъ къ Болеславу на *смычкахъ*, какъ гончихъ собакъ, и великодушный побѣдитель говоритъ: *низко ругаются надъ уничиженными судьбою; что случилось съ другими, можетъ случиться и съ нами.* «Однакожь» — замѣчаетъ остроумный Кадлубекъ — «плѣнникамъ «не должно было жаловаться на сіи *смычки*, ибо самъ Князь Россійскій «называлъ своихъ воиновъ *псами*» (см. выше, примѣч. 13).

Длугошъ описываетъ даже четыре сраженія, и въ разные времена, такимъ образомъ: «Болеславъ въ 1008 году побѣдилъ Ярослава на Бугѣ, — взялъ столицу, и разставилъ войско свое по городамъ. Ярославъ думалъ тѣмъ воспользоваться и приблизился къ Кіеву; но, снова побѣжденный, ушелъ въ Новгородъ. Король за вѣроломство Святополково отдалъ Кіевъ на разграбленіе Полякамъ (съ котораго времени сія столица утратила свое великолѣпіе), хотѣлъ спокойно возвратиться въ отечество; но Яро-

славъ въ 1009 году догналъ его на границѣ съ войскою Россіянъ, *Половцевъ, Печенгговъ, Варяговъ*... (здѣсь Длугошъ превозноситъ удивительное мужество Болеслава, который, ободривъ своихъ малочисленныхъ Героевъ Демосееновскою рѣчью, нападаетъ на враговъ... *Omnia enim erant tumultus, timoris et fuga plena*)... «Ярославъ, въ *третій* разъ обращенный съ бѣгство, сбрасываетъ съ себя знаки Княжескаго достоинства, и на перемѣнныхъ лошадяхъ скачетъ—неизвѣстно, куда. Въ 1018 году онъ началъ *вторую* войну, сошелся съ Болеславомъ на томъ же несчастномъ Бугѣ, въ *четвертый* разъ бѣжалъ отъ него, и признавъ свое безсиліе, заключилъ съ нимъ миръ. Король удовольствовался данію весьма умѣренной, и плѣнныхъ Россіянъ отпустилъ домой (Hist. Polon. кн. II, стр. 151—168). Кромеъ, Стриковскій и другіе повторили сказку Длугоша, смѣсь Несторовыхъ и древнихъ Польскихъ извѣстій, раскрашенную вымысломъ. По сказаніи Дитмара, современнаго Историка, утверждаетъ истину Несторова повѣствованія и лѣтосчисленія. Впрочемъ и Мартинъ Галлусъ относить взятіе Кіева къ 1018 году.

Длугошъ и Кромеъ говорятъ, что Болеславъ принялъ тогда данное ему отъ *Россіянъ* имя *Храбраго* (*Chrobri, hoc est, acris appellationem, propter excellentem virtutem et animi magnitudinem a Russis tributam, accepit*), и построилъ новый замокъ близъ Вислицы, на рѣкѣ Нидѣ. (Изъ прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года). Сіе мѣсто и нынѣ именуется *Хроберъ*. О рѣкѣ Вислицѣ говоритъ Длугошъ (кн. I, стр. 11): *Wislica, cuius fons circa villam Strzoza, ostia circa villam Rybitwy.*

(19) Сраженіе было въ Пятницу. Въ лѣтописяхъ *Никонов.* и Попа Іоанна прибавлено: «мнози вѣрніи видаху Ангела помогающе Ярославу».— Князь Щербатовъ думалъ, что Берестье и Берестовое есть одно мѣсто.— Лѣтописецъ сказываетъ, что Богъ, внявъ молитвѣ Ярослава, приказалъ Святополка подобно Канну: «Нападе нань Вѣсь, и разслабѣша кости его; «не можаше сѣдѣти, и несяхуть на носилѣхъ... Онъ же, въ немощи лежи, «вдохпився (вскочилъ), глаголаше: о! се женуть»—и проч. О смерти сего говоритъ онъ только: «испроверже злѣ животь свой... есть же могила его «въ пустынѣ» (между Польшею и Богемією) «и до сего дне; исходить же «отъ нея смрадъ золь». Въ *Никонов.* прибавлено: «ибо разсѣдѣся земля «пожре его». Кромеъ пишетъ тоже; но Длугошъ, имѣвъ у себя древнѣйшій списокъ Нестора (въ коемъ не было еще прибавленій), не говоритъ о семъ обстоятельстве.

(20) Новѣйшіе Лѣтописцы говорятъ: «того же лѣта начать (Ярославъ) «взыскати святыхъ тѣлесъ Бориса и Глѣба». Слѣдуетъ описаніе чудесъ, бывшихъ надъ тѣломъ Св. Глѣба. Во-первыхъ, Несторъ въ *древней рукописный* Прологъ молчать о томъ; во-вторыхъ Ярославъ имѣлъ время и прежде, то есть въ 1016 и 1017 году, узнать, гдѣ погребены святые Мученики.—Тѣ же Лѣтописцы, *Никонов.* и другіе, сказываютъ, что въ 1020 году Великій Князь разгнѣвался (Татищевъ прибавляетъ: за *непослушаніе*) на Коснятина, Посадника Новгородскаго, Добрынина сына, заточилъ его въ Ростовъ (или въ Муромѣ) на три года, и велѣлъ наконецъ *умертвить*. Въ Новгород. лѣтописи Попа Іоанна упоминается только о *заточеніи*; но сіе извѣстіе сомнительно: его нѣтъ ни въ древн. Несторовой, ни въ харат. Новгородской.—Въ Кирилловской лѣтописи XV вѣка (Синод. библиот. No 349, л. 229, на обор.) прибавлено, что въ сіе время скончался сынъ Ярославовъ *Ильа, посаженный* отцемъ въ Новгородѣ (см. также лѣтописъ Попа Іоанна, стр. 312)

(21) «И пришедшу ему (Брячиславу) къ *Судомъ* «рѣцѣ» (не *Судомъ*) «Ярославъ выйде изъ Кіева, и въ *седьмый* день постиже и ту»

то есть, въ седьмый депъ обратнаго похода Брячислава. Рѣка Судома означена на картѣ Рос. Государства, сочиненной при Импер. Депо. Тутъ селенія Дубровка, Порѣчье, Сорокино и проч.

Въ повѣйшихъ лѣтописяхъ прибавлено: «Призва его» (Ярославъ Брячислава) «и вда ему два града, *Салчь* и *Вибдескъ*, и рече ему: *буди же со мною одинъ*. И воеваша Брячиславъ съ Ярославомъ вся дни живота своего». *Вибдескъ* есть Витебскъ, а *Салчь* долженъ быть нынѣшнее мѣсто Усвяты въ Витебской Губернш.

(22) См. Торфеев. Hist. Norveg. Ч. III, стр. 97. Брячислава называютъ Норвежскіе Писатели *Вратиславомъ*, Ярослава *Ярислейфомъ*, а Святополка *Буриславомъ*.

(23) Мемор. pourl. Т. II, 1010. Кедринъ пишетъ, что Андроникъ завладѣлъ Тавридою съ помощію *брата* Владимірова (вмѣсто сына), именемъ *Сфена*. Тогдашній Великій Князь, Святополкъ, занятый войною съ Ярославомъ, не могъ помогать Грекамъ.

(24) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 90, и Oriental Geography, въ предислов. стр. XXVIII. Девиъ Iегуда (Ichudah) называлъ сію книгу *Сеферъ Козри*. Ученый Букедорфъ напечаталъ ее въ Базелѣ, въ 1660 году, съ Латинскимъ переводомъ, и говоритъ объ ней: *liber multiplicis doctrinae ac multae laudis*.—Въ шествіе Татаръ, въ XIII вѣкѣ, уже не видимъ никакихъ слѣдовъ Козарской Державы на берегахъ Каспійскаго моря. Имя владѣн тогда городомъ при устьѣ Воаги (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 388).

(25) Святославъ побѣдилъ Касоговъ, однакожъ не овладѣлъ, кажется, ихъ странюю (см. сей *Исторіи* Т. I, стр. 115).—Въ Родословныхъ Книгахъ сказано, что Князь Мстиславъ Владиміровичъ, сынъ *Мономаховъ*, сражался съ *Ординскимъ* Княземъ *Редегою*, убилъ его, взявъ двухъ Редегинныхъ сыновей, крестилъ, и назвавъ одного Юрьемъ, а другаго Романомъ, выдалъ за послѣднюю свою дочь. Итъ сомнѣнія, что сія сказка основана на послѣдникѣ Касожскаго витязи Редеди со Мстиславомъ, сыномъ не Мономаховымъ, а Владиміра Святаго.

Въ то время, какъ Мстиславъ имѣлъ войну съ Касогами, Ярославъ, по *Ипатьев.* и *Хлебников.* списку, ѣздилъ въ Брестъ.

(26) Татищевъ, желая объяснить происшествія, рассказываетъ, что Мстиславъ требовалъ отъ Великаго Князя новыхъ земель въ прибалокъ къ своему Удѣлу и получилъ *Муромъ*, но не былъ тѣмъ доволенъ. Сямъ извѣстіемъ Татищевъ хотѣлъ утвердить свое мнѣніе, что Тмуторокашъ находился въ сосѣдствѣ съ Муромскимъ Княженіемъ.

Козары должны были составлять знатнѣйшую часть жителей въ области Тмутороканской, гдѣ могли оставаться также потомки древняго Восторскаго народа, смѣшаннаго съ Готами, Уграми и проч. См. сей *Исторіи* Т. I, стр. 28, примѣч. 88.

Несторъ въ первый разъ упоминаетъ здѣсь о Суздальской области, населенной прежде Мерею, т. е. Чудскимъ народомъ (см. сей *Исторіи* Т. I, стр. 24).

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора: «въ сеже лѣто вѣсташа волсви «въ Суждали, избиваху *старую чадь*»—въ *Воскресенск.* и въ другихъ прибавлено: *бабы* — «по Дьяволю наученно и бѣсованно, глаголаше, яко си «держати *гобино*». Подъ именемъ *старой чадь* разумѣются старшія люди: *гобина* есть *изобиліе* (см. Лексиконъ Кутенскій). Несторъ называетъ здѣсь волхвами не обвиняемыхъ въ чародѣйствѣ, но самихъ обвинителей, которые хвалились откровеніемъ свыше, увѣряя, что они знаютъ тайную причину голода, столь великаго, что мужья отдавали женъ своихъ въ рабство для прокормленія.

(27) Около сего времени былъ въ Скандинавіи знаменитый Ярль или Принцъ, Финъ *Сильный* (см. Стурлез. Hist. Reg. Sept. T. II, стр. 137 и Далин. Gesch. des R. Schwed. II, 9). Баеръ считалъ сего Якуна Іаковомъ, сыномъ Швед. Короля Олофа и шуриномъ Ярослава (см. Баер. въ Комент. Акад. IV, 291).

Лиственъ есть нынѣ мѣстечко близъ Городни. Тамъ видны остатки древнихъ укрѣпленій.

Татищевъ говоритъ, что Мстиславъ поставилъ *Сверли* въ срединѣ. а *Черниговскъ* на крыль; по то и другое имя означало однихъ людей: Черниговъ былъ въ землѣ Сѣверянъ. Далѣ см. *Воскресенск. Лнт.* I, 182.

(Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издаи. 1819 года). Въ Пушкинскомъ древнѣйшемъ спискѣ Нестора: «Приде Якунъ съ Варяги, и бѣ Якунъ слѣпъ: *луда* бѣ у него золотомъ истъкана; и приде къ Ярославу». Въ другомъ мѣстѣ, въ житіи Матвѣя, сына Печерскаго, Несторъ пишетъ: «единою бо ему стоялицю въ церкви... видѣ обиходяща «бѣса въ образѣ Ляха въ *лудѣ*». Думаю (вмѣстѣ съ другими), что *луда* означала вообще *покрышку* и въ особенности *маску*, иногда Verkarpping, habit de masque, *таерскую одежду*. У Поляковъ ludzie, какъ изъясняетъ Линде, есть locken, berücken, äffen, *обманывать* (что есть дѣйствіе маски). У насъ *лудить* значитъ *покрывать* оловомъ внутренность какого нибудь металлическаго сосуда; *лудами* называются камни, *закрываемые* водою; *лудь* есть глупецъ, у Линде inperius, человекъ какъ бы съ *закрытымъ* умомъ, въ противность тому, что называется у Нѣмцевъ offener Kopf. Слепой витязь Якунъ, какъ славный Богемецъ Зиска или Циска, могъ носить повязку на большихъ глазахъ, чтобы закрывать ихъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и воздуха. И въ Скандинавіи и вездѣ употребляются сии повязки, Augenbinden. Якунова была *златотканная*, для того, что слѣпецъ хотѣлъ обратитъ ее въ украшеніе.—*Луда* на бѣсѣ, въ образѣ *Ляха*, знаменуетъ маску или habit de masque.

Въ *новомъ* изданіяхъ Патерика, вмѣсто Якуновой *луды*, поставлена *одежда*; но вѣроятно-ли, чтобы Лѣтописецъ, сказавъ: «и бѣ Якунъ слѣпъ», непосредственно прибавилъ: «одежда бѣ у него золотомъ истъкана», какъ бы въ слѣдствіе его слѣпоты или глазной болѣзни? Одежды *златотканной* не были въ сіе время рѣдкостью или чрезвычайностію для Князя Владѣтельнаго: Скандинавы обыкновенно покупали ихъ въ Россіи, въ Новгородѣ (см. Т. I, стр. 244). Далѣ пишетъ Несторъ, что сей витязь оставилъ златую *луду* свою на мѣстѣ битвы: могъ ли Якунъ сражаться въ *златотканной одеждѣ*? Сражались въ датахъ. Древніе полководцы носили сверхъ латъ мантию (*улафъ*, рilium); но мантия или хламида называлась у древнихъ Россіянъ *корзно*, *кочемъ* или *коцемъ* (см. Т. IV, примѣч. 43), а не *лудою*.

(28) Сей Городецъ былъ противъ Кіева, на восточномъ берегу Днѣпра (см. ниже, примѣч. 136, 183 и 204). Нынѣшній Остеръ назывался также *Городцемъ Стрепкимъ* и *Вьстрьскимъ*, т. е. Остерскимъ (см. *Воскр. Лнт.* II, 8, и *Халбинок.* подъ годомъ 6649). Извѣстенъ еще и третій Городецъ, бывшій на Сеймѣ рѣкѣ (см. *Болши. Чертежъ*). Татищевъ же думалъ, что Городцами назывались Вышегородъ и Юрьевъ.

Въ Несторѣ: «И раздѣлиста по Днѣпръ Русскую землю: Ярославъ «прія сю сторону, а Мстиславъ *ону*». Надобно вспомнить, что Несторъ жилъ и писалъ въ Кіевѣ.—Далѣ: «и пачаста жити мирно и въ брато-«любствѣ, и уста (преста) усобица и мятежъ, и бысть тишина велика въ «земли». Слово *усобица* гораздо лучше междуособія, нынѣ употребляемаго въ семъ смыслѣ.

(29) Кельха Liefänd. Historia, стр. 31. Ярославъ, названный въ крещеніи Георгіемъ или Юріемъ, далъ Ливонскому Юргову свое имя.— Несторъ пишетъ: «Въ лѣто 6536 (1028) знаменье явися на небеси, яко «видѣти всей землѣ». Кедринъ упоминаетъ о сей Кометѣ: она являлася, по его извѣстію, 31 Октября (см. Cométographie I, 369).—*Никон. Лѣт.* говорить: «Въ лѣто 6537 Ярославъ ходи на Ясы и взять ихъ.... Въ лѣто «6538 преставися Новгородскій Епископъ Іоакимъ, и бшае ученикъ его «Ефремъ, иже ны учалъ». Сей невѣжда самъ себѣ противорѣчить, говоря за Несторомъ, что 6537 лѣто было мирно и прибавляя, что въ семь же году Ярославъ воевалъ. Слова: *взять ихъ*, дали мысль Татищеву написать, что Ясы *переведены* Великимъ Княземъ на берега Рси, или Роси.— Мы уже замѣтили, что древній Лѣтописецъ совсѣмъ не упоминаетъ о Епископѣ Іоакимѣ: въ харатейной Новгородской лѣтописи также нѣтъ ни слова о кончинѣ его въ 1030 году. Ефремъ означенъ въ Помянникѣ четвертымъ Новгородскимъ Епископомъ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ прибавлено, что онъ училъ (Татищевъ говорить, языку *Греческому*) пять лѣтъ, а Епископства не сподобился.

(30) Бельзъ и нынѣ существуетъ въ Галиціи. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Нестора стоятъ *Бельзе*, въ другихъ *Белзы*, *Бзы*, даже *Обезы*. Лѣтописецъ сказываетъ, что Ярославъ въ 1022 году ходилъ къ Берестю, на границу Польскую—не знаемъ, зачѣмъ: можетъ быть, онъ снова хотѣлъ тогда воевать съ Болеславомъ или вступить съ нимъ въ мирные переговоры.—Въ 1030 году Болеслава уже не было на свѣтѣ: онъ умеръ въ 1025 (см. Нарушев. Hist. Narodu Polsk. II, 202). Несторъ говоритъ о мятежѣ, беспорядкахъ, избіеніи Бояръ, Епископовъ и Священниковъ въ землѣ Ляховъ по кончинѣ Болеслава *Великаго* (такъ онъ называетъ его): но сіе возмущеніе случилось уже по смерти Мечислава (см. Нарушев. Hist. N. P. II, 290, 291, въ Длугошѣ кн. II, стр. 193—194).

О войнѣ 1032 года упоминаетъ Длугошъ (а за нимъ и Кромеръ) единственно по извѣстію Нестора, прибавляя отъ себя, что Мечиславъ удержалъ въ подданствѣ Россійскіе города, завоеванные отцемъ его. Сей Историкъ говоритъ, что Ярославъ населилъ своими плѣнниками окрестности рѣки *Порси* (prope fluvium Porszy, etc.): то есть, Длугошъ не разумѣлъ, что въ словахъ Несторовыхъ: «посади по Рси», *по*—есть союзъ. Слѣдственно на Рси жили не Ясы, какъ пишетъ Татищевъ (см. выше, примѣч. 29). Города, основанные на сей рѣкѣ Ярославомъ, могутъ быть Корсунъ, Богуславъ, Юрьевъ.

(31) Болтинъ, въ примѣчаніяхъ своихъ на Исторію Щербатова, говоритъ, что кромѣ Полоцкаго были въ сіе время и другіе Удѣльные Князья въ Россіи, и что дѣти или внучата Святослава Владиміровича княжили тогда въ Древлянскій землѣ, *хотя объ нихъ и не упоминается въ лѣтописяхъ*: почему же Болтинъ зналъ, что Святославъ имѣлъ дѣтей, и что они владѣли Древлянскою землею, когда лѣтописи не говорятъ о томъ? Впрочемъ Болтинъ могъ бы сослаться на *Никон. Лѣт.*, гдѣ сказано, что въ 1002 родился у Святослава Владиміровича сынъ Янъ. Въ Родословныхъ Книгахъ Святославъ показанъ бездѣтнымъ.

Мстиславова смерть въ *Лукини*, *Кешигсберг*. и многихъ другихъ спискахъ, согласно съ Византійскою хронологіею, означена въ 1036 году; но въ *Троицк.* и въ *Никонов.* въ 1033, а въ Исторіи Татищева въ 1034.—Мстиславъ названъ *Удалымъ* въ *Никон. Лѣт.* I, 131.—Далѣе: «И поло-«жиша (Мстислава) у Святаго Спаса, юже самъ заложилъ: бѣ бо създано «ея при немъ възвыше яко на кони стояще досящи»—то есть, человекъ, сидя на конѣ, не могъ уже рукою достать верхняго ряду кирпичей.—Татищевъ прибавляетъ, что Евстафій, сынъ Мстиславовъ, умеръ въ Тмутороканѣ.

(32) Стурлезонъ разсказываетъ, что какой-то Висивальдъ, Князь Русской, сватался за прекрасную вдовствующую Королеву Шведскую, Сигриду Сторраду, которая велѣла умертвить его вмѣстѣ съ другимъ женихомъ своимъ, Королемъ Вестфольдскимъ, за такую ихъ дерзость (Hist. Reg. Sept. I, 261). Далѣе считаетъ сего Князя Всеволодомъ, сыномъ Владиміра, изгнаннымъ изъ Россіи войною междоусобною, и безъ всякаго хронологическаго соображенія пишетъ, что жестокая Сигрида не хотѣла ни въ чемъ уступить славной Ольгѣ, которая управляла тогда Россією (Gesch. des R. Schw. I, 451). Ежели Сигрида въ 981 вышла за-мужъ, какъ онъ говоритъ, то по смерти Владиміровой—то есть, когда Всеволодъ могъ прѣхать въ Швецію—сей красавицѣ было по крайпей мѣрѣ лѣтъ 50.

(33) См. сей *Исторію* Т. I, примѣч. 485, и Стурлез. Hist. Reg. Sept. I, 517. «Ингигерда» (говоритъ сей Лѣтописецъ) «отдала Альдейгабургъ въ управленіе родственнику своему, Ярю (Принцу) Рагнвалду. У нее было три сына отъ Ярослава: Вальдимаръ (Владиміръ), Висивольдъ (Всеволодъ) и *Голти*, то есть, *ловкій, быстрый*. Мы не знаемъ, котораго изъ сыновей Ярославовыхъ Скандинавы означали симъ послѣднимъ именемъ: можетъ быть, Иаю (см. выше, примѣч. 20). Объ имени Анны см. ниже.

(34) «Топяху въ *Сптомли*, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ». Мы не знаемъ рѣки Сѣтомли. Болтинъ думалъ, что рѣка Вета, ниже Кіева, могла такъ называться; но трудно вообразить, чтобы въ маленькой рѣчкѣ потонуло множество Печенѣговъ. Сіе имя означало, можетъ быть, рукавъ Днѣпра.

Вѣроятно, что многие изъ Печенѣговъ ушли къ Дунаю, гдѣ обитали ихъ товарищи; нѣкоторые остались еще между Волгою и Днѣпромъ, гдѣ скоро начали господствовать Половцы.

См. описаніе *Златыхъ вратъ* Цареградскихъ въ Дюканж. Constantinopol. (Christ. стр. 52—53. Феодосій Великій соорудилъ ихъ, побѣдивъ тирана Максіма. Онѣ названы такъ отъ *золотыхъ* украшеній. Слѣдующая надпись была изображена надъ оными:

Haec loca Theodosius decorat post fata tyranni. Aurca saecula gerit, qui portam construit auro.

Ярославъ надъ Златыми Кіевскими вратами сдѣлалъ церковь Благовѣщенія: «того дѣля (для), ать всегда радость граду тому святымъ благовѣщеніемъ будетъ» (см. *Ипат.* и *Хльби.*).

О Митрополіи см. сей *Исторію* Т. I, примѣч. 474. Въ лѣтописи: «при семь (Ярославѣ) Черноризцы почаша множитися и монастыреве *спочинаху* быти». И такъ прежде еще не было монастырей въ Россіи? Несторъ говоритъ ниже, что они уже существовали въ Антоніево время; но Антоній возвратился въ Россію въ княженіе Ярослава, а не Владиміра (послѣднее сказано въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ историческихъ книгахъ: см. ниже). Далѣе въ *Ипат.* и *Хльбичков.*: «Володимеръ землю «взоре» (вспахалъ), «Ярославъ же насѣа книжными словесы сердца вѣрныхъ людей».

Обстоятельство, что Ярославъ построилъ вмѣстѣ монастырь Св. Георгія, ему соименнаго, и Св. Ирины, заставило думать Татищева, что Великая Княгиня, Ингигерда, называлась Христіанскимъ именемъ Ирины: вѣроятно; однакожъ на ея древнихъ иконахъ, которыя хранятся въ Новгородскомъ Архіерейскомъ домѣ, изображено имя *Анны*. Въ письменномъ *Собійскомъ Уставѣ* она также называется *Анною*, подъ 5 числомъ Сентября и четвертымъ Октября. Согласимъ одно съ другимъ, положивъ, что Ярославова супруга именовалась въ свѣтѣ Ириною, а передъ кончиною постриглась и была названа въ монашествѣ Анною. Память ея

празднуется въ Софійскомъ Новгородскомъ Соборѣ Февраля 10 и еще Окт. 4, вмѣстѣ съ памятію сына Ярослава Владиміра. Неизвѣстно, кто установилъ первое празднество; а второе Архіепископъ Евфимій въ 1439 году, какъ сказано въ Софійской лѣтописи подъ годомъ 6947. Гробъ ея стоитъ внутри Новгородской Софійской церкви на южной сторонѣ, съ надписью: «Святая благовѣрная Княгиня Анна, мать Св. благовѣрн. Кн. Владиміра «Ярославича, Королева Шведскаго, Олава перваго Шведскаго Короля «дочь, называлася въ своей земли Ингерда, которая прежде была не- «вѣста Олава, Короля Норвежскаго, потомъ супруга Ярослава Владимі- «ровича Новгородскаго и Кіевскаго; преставилася въ лѣто отъ С. М. «6559, отъ Р. X. 1051; положены мощи ея въ Новгородскомъ Софій- «скомъ Соборѣ». Въ Софійской лѣтописи прибавлено: «Архіепископъ «Авфимій повелати гробъ Князя Владимера, внука Великаго Владимера, «и *подписа*; также и матери его Анны гробъ *подписа*, и покровы по- «ложи, и память имъ устави творити Октоврія въ 4 день». Но слогъ выше приведенной надписи, изображенной на стѣлѣ, не есть древній. Самые имена Инггерды и Олава едва ли были извѣстны Россіянамъ XV вѣка. Годъ Аннинной кончины также означенъ несогласно съ лѣто- писями: сія Княгиня умерла въ 6558, а не 6559 году.

Въ харатейныхъ: «и книгамъ прилѣжа Ярославъ и почитая ё часто «въ нощи и въ днѣ». Слѣдуетъ похвала ученію, въ которой сказано, что *книжамъ слова суть тѣки напашоуца вселенію; что имъ утѣшаемся въ печалѣхъ*, и проч. Далѣе: «Ярославъ же, якожь рекохомъ, любимъ бѣ «книгамъ: многи написавъ, положи въ Святѣй Софьи церквви». Слѣдственно ошъ и *самъ* списывалъ книги.

(35) Доницѣ Подлѣсье, или Полѣсье, гдѣ жили Ятвяги, богато рыб- ными ловлями и пчеловодствомъ. Польскіе Историки описываютъ ха- рактеръ сего народа дикимъ и неукротимымъ. Въ Никонов. и Воскресен. Лѣтн. прибавлено, что Ярославъ *не могъ взять Ятвяговъ*.

Мазовшане отложились отъ Королевства Польскаго во время тамош- няго междоцарствія. — Здѣсь подъ именемъ Литвы должно разумѣть жи- телей сѣверовосточной Пруссіи и нынѣшней Литовской Губерніи, особенно ея сѣверной части: ибо южная принадлежала къ землѣ Ягвяжской. Древній народъ Литовскій жилъ въ густыхъ лѣсахъ. Стриковскій сочинилъ его Исторію, выбравъ оную изъ лѣтописей Польскихъ, отъ части изъ нашихъ, Ливонскихъ, Прусскихъ, изъ пѣсень и сказокъ. Минимы древнія извѣстія о происхожденіи Великаго Герцогства Литовскаго баснословны и явно основаны на догадкахъ. Говорятъ, что какой-то знаменитый Римлянинъ Палемонъ, во время или Августа Кесаря, или Нерона, или Аттилы, при- плылъ въ Литву, образовалъ ея дикихъ жителей и началъ тамъ властво- вать какъ Государь. Его сыновья: Боркъ, Спера, Конъ, были основате- лями замковъ или городовъ Юрборга, Ковна, Сперы. Двое умерла бездѣт- ными. Третій оставилъ сыновей Керна и Гимбута, которые въ 1058 году воевали съ Россіянами (см. Матв. Стриковск. Хроникку Литовск. гл. VII). *Сколько же откогъ жилъ Палемонъ съ дѣтми* своими, если Августъ, Неронъ или Аттила заставили его бѣжать изъ Италіи, и если *внуки* Па- лемоновы господствовали въ Литвѣ около половины XI столѣтія? Смѣ- дливый Козловичъ, сократитель Матвѣя Стриковскаго, видя такую хроно- логическую нелѣпность, прибавилъ отъ шести до десяти вѣковъ, и пишетъ (Hist. Litv. стр. 29), что Италіянскіе выходцы должныствовали поселиться въ Литвѣ около 900 года. Исторія Палемонова есть сказка, основанная единственно на сходствѣ нѣкоторыхъ словъ языка Литовскаго съ Латин- скими. Слѣдственно и въ древней Россіи надобно искать Римскихъ по- селенцевъ, ибо языкъ нашъ также сходствуеть съ Латинскимъ? — Въ лѣ-

тописи Кведлинбургской упоминается о Литвѣ подь 1009 годомъ: in consilio Russiæ et Lituae etc. (въ Лейбниц. изданіи стр. 287). Изъ другихъ Лѣтописцевъ никто не говоритъ объ пей ранѣ Нестора.

Въ *Новгород.* Попа Юанна и въ *Никон. Лѣт.* прибавлено, что Владимірь, или Ярославъ, въ годъ Литовской войны (1044), весною заложилъ Новгородъ: крѣпость ли тамошнюю? или *Никон. Лѣт.* говорятъ здѣсь о Литовскомъ Новгороде?—Въ Несторѣ такъ означены годы происшествій: въ 1038 война съ Ятвягами, въ 1040 съ Литвою, въ 1041 «иде Ярославъ «на Мазовшаны въ лодыяхъ». Въ 1042 Владимірь ходилъ на Ямъ. Несторъ причисляетъ Ямъ къ данникамъ Россіи (въ печат. стр. 10): то есть, Новгородцы издревле ходили въ Финляндію собирать дань съ ея жителей или разорять сію землю.

(36) См. Мемор. рор. II, 1010—1016. Такъ Византійскіе Лѣтописцы говорятъ о причинѣ войны: изъ нихъ взяли мы всё обстоятельство, которыхъ нѣтъ въ нашемъ Лѣтописцѣ. Они справедливо полагаютъ смерть Мстислава въ 1036 году, но ошибаются, говоря въ тоже время о кончинѣ Ярослава и восшествіи на престолъ Изяслава. Имена сихъ Князей такъ написаны въ Кедринѣ: *Носиславосъ, Ерославосъ, Зиниславосъ* (Мем. рор. II, 1011).—Тогда, по ложному сказанію Византійскихъ Историковъ, царствовалъ въ Россіи Владимірь, человекъ вснльчивый и необузданный, который, желая отменить Грекамъ, и призвавъ вспомогательное войско съ *сверныхъ острововъ Океана*, посадилъ 100,000 ратниковъ на суда.

(37) Мемор. рор. II, 1014. Фунтъ Византійскій состоялъ изъ 72 золотниковъ. Греческіе Историки справедливо называютъ сіе требование недѣльнымъ.

(38) Въ харатейныхъ: «я взя Князя въ корабль Ивалъ Творимпричь и Воеводу Ярослава».—Въ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказанію, что Россіяне, пришедши къ Дунаю, говорили Князю: «станемъ здѣсь на полѣ»; а Варяги: «пойдемъ къ Царюграду»; что Владимірь исполнилъ желаніе Варяговъ; что Греки, видя ихъ, начали погужать въ море челены съ мечами Святыхъ; что вдругъ сдѣлалась буря, и Варяги обратились въ бѣгство.—Въ *Никон. Лѣт.*: «и сташа на брезѣ нази, и хотяша пойти въ «Русь, и не иде съ ними никто же отъ дружины Княжей. Вышата же «рече: *нейду къ Ярославу* — выйде изъ корабля, и рече Вышата: *азъ иду съ ними*». Это противорѣчіе. Воины хотѣли итти въ Россію, слѣдственно къ Ярославу. Щербатовъ же сдѣлалъ Вышату бунтовщикомъ!

Византійцы пишутъ о 24 галерахъ, Несторъ о 14 ладіяхъ, разбитыхъ Владиміромъ.

(39) См. въ Бандури (Т. I, стр. 18) безъименнаго описателя Константинопольскихъ древностей, живущаго около 1100 году; также Мемор. рор. II, 1038, и Гиббона Hist. of the Decl. гл. LV, примѣч. 66. Сія вѣдная статуя, привезенная изъ Антиохіи, изображала Іисуса Навина или Беллерофона (an odd dilemma! говоритъ Гиббонъ), побѣдителя баснословной Химеры. Французы, овладѣвъ Константинополемъ въ началѣ XIII вѣка, славили оную.

(40) Сіе извѣстіе находится въ Мартинѣ Галлусѣ, Богуфалѣ и новѣйшихъ Польскихъ Историкахъ: Нарушевичъ сомнѣвается въ его истинѣ (Hist. Narodu Polsk. II, 264—288). Разказываютъ, будто Папа выпустилъ Климистра изъ монастыря на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы Моляки ежегодно присылали въ Римъ нѣкоторую сумму денегъ на масло особенной лампады въ церкви Св. Петра; 2) чтобы они подбривали себѣ голову, какъ Монахи тогдашняго времени; и 3) чтобы Дворяне, въ большіе праздники, послали на шеѣ епитрахили, какъ Священники и Діаконы (см. Длугош. Hist. Pol. I, 211, и Кром. стр. 50).

Несторъ говорить о супружествѣ Казимира въ описаніи 1043 году. Мартинъ Галлусъ, почти современникъ Несторовъ, называетъ жену Казимира только *благородною* Россіяною (*nob lem de Russia*), а Богуфаль дочерью *Романа Одоновича, Князя Россійскаго*. Лѣтописецъ Саксонскій (*Annalista Saxo*) не именуетъ отца ея, говоря просто: *duxitque* (Казимиръ) *uxorem Regis Russiæ filiam*. Длугошъ и Кромеръ, взявъ свое извѣстіе объ ней изъ Нестора, прибавляютъ, что она была дочь Анны, Греческой Царевны. Анна умерла въ 1011 году: слѣдственно супруга Казимира не могла имѣть въ 1043 году менѣе 32 лѣтъ. Несторъ и сочинитель житія Моисея Угриня упоминаетъ только о двухъ Владиміровыхъ дочеряхъ, взятыхъ въ плѣнъ Болеславомъ: о Передславѣ и другой безыменной. Возвратились-ли онѣ? и сія Марія была-ли плѣнницею? не знаемъ.—О богатствѣ невѣсты пишетъ не только Длугошъ (*Hist. Pol. I, 218*), но и Мартинъ Галлусъ: *cum magnis divitiis* (стр. 70).

О Рос. плѣнникахъ, тогда освобожденныхъ, сказано въ печатномъ Несторѣ, *Воскресенск. и Никол. Лѣт.* (гдѣ Болеславъ несправедливо названъ отцемъ Казимировымъ); но въ харатейныхъ просто: «и власть Казимиръ за вѣно людей 800».

О великанѣ Моиславѣ см. въ Длугош. *Hist. Pol. I, 220*. Длугошъ несправедливо пишетъ, что Мазовія названа такъ по имени Моислава (см. Наруш. *Hist. Narodu Polsk. II, 328*). Сей Историкъ и Кромеръ говорятъ, что Ярославъ только *помогъ* Казимиру. Вотъ слова нашего Лѣтописца: «Ярославъ иде на Мазовшаны и Князя ихъ уби Моислава и «покорн я Казимиру».

(41) См. Исторію Гаральда въ Стурлез. *Hist. Reg. Sept. II, 54*. Греческая Императрица Зол, воспламененная къ нему страстію, не хотѣла отпустить его; но онъ, съ помощію своей дружины Варяжской, тайно ушелъ къ Ярославу. — Будучи не только герой, но и стихотворецъ, Гаральдъ въ своихъ походахъ сочинилъ 16 пѣсень, изъ коихъ всякая заключалась воспоминаніемъ о любезной дочери Ярославовой; на примѣръ: «Мы видѣли берега Сициліи, и плавая на быстрыхъ корабляхъ, искали «славы, для того, что смѣлые подвиги воинскіе лучше бездѣйствія, и чтобы «заслужить любовь Русской красавицы». Маллетъ перевелъ на Французской языкъ слѣдующую Гаральдову пѣсню:

«Легкія суда наши окружили Сицилію. О время славы блестящей!
«Темный корабль мой, людьми обремененный, быстро разсѣкаетъ волны.
«Думалъ только о войнѣ и битвахъ, я не искалъ инаго счастья; но Русская красавица меня презираетъ!

«Въ юности своей я сражался съ народами Дронтегемскими. Число «неприятелей было велико: кровь лилась рѣкою. Младый Царь ихъ палъ «отъ руки моей. Но Русская красавица меня презираетъ!

«Однажды было насъ шестнадцать товарищей въ кораблѣ: зашумѣла «буря; взволновалось море, и грузный корабль наполнился водою — мы «вычерпали оную, и спаслися. Я надѣялся быть счастливымъ; но Русская «красавица меня презираетъ!

«Въ чемъ я не искусенъ? сражаюсь храбро, сижу на конѣ твердо, «плаваю легко, катаюсь по льду, мѣтко бросаю копьё, умѣю владѣть «весломъ: но Русская красавица меня презираетъ!

«Развѣ не слыхала она, какую храбрость оказать я въ землѣ южной, «въ какой жестокой битвѣ одержалъ побѣду, и какіе памятники славы «моей тамъ остались? Но красавица Русская меня презираетъ!

«Рожденный въ Верхней Норвегіи, гдѣ жители столь искусно стрѣ- «ляютъ изъ луковъ, я захотѣлъ лучше плавать на корабляхъ, страшныхъ

«для поселенъ, между скалами морскими, и быть въ неизмѣримости
«Океана, за предѣлами земель обитаемыхъ. Но Русская красавица меня
«презираетъ!»

Елисавета не презирала его: онъ слѣдовалъ единственно обыкновенію
тогдашнихъ нѣжныхъ Рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую
жестокость своихъ любовницъ. — По лѣтосчисленію Далина, Гаральдъ
женился на Елисаветѣ въ 1045 году (см. Gesch. des R. Schw. II, *7).
Она скоро умерла, оставивъ двухъ дочерей, Ингигерду и Марию (Стурлес.
Hist. Reg. Sept. II, 94): первая вышла за Филиппа, Короля Шведскаго.
Мужественный зять Ярославовъ положилъ свою голову въ Англии, сра-
жаясь съ Королемъ Гаральдомъ Годвинсономъ въ 1066 году.

(42) Г. Левекъ въ своемъ Mémoire sur les anciennes relations de
la France avec la Russie (*Mémoires de l'Institut National*, Т. II)
говоритъ слѣдующее: «Генрикъ зналъ, чего стоило отцу его, Роберту,
«супружество съ Вертою, родственницею ему въ четвертомъ колѣнѣ. Папа
«отлучилъ Роберта отъ Церкви: такая же участь готовилась всякому
«Монарху, который осмѣлился бы сочетаться бракомъ съ самою отда-
«леннѣйшею родственницею, въ пятомъ или шестомъ колѣнѣ; а Генрикъ
«былъ родственникомъ почти всѣхъ Государей Европейскихъ. Онъ ли-
«шился первой супруги, дочери Императора Конрада, и женился на Аниѣ,
«Княжкѣ Россійской. Можетъ быть, самъ Папа, чтобы войти въ сношеніе
«съ Россією, хотѣлъ сего союза», и проч. —

Acta Sanctorum, въ житіи Констант. Философа или Кирилла (въ
Шлецер. Нест. Ч. III, стр. 232): Anno incarnati Verbi 1048, quando
Henricus Rex Francorum misit in Rabastiam (Росцію) Catalaunensem
(Шалонскаго, т. е. Шалона на Маріѣ) Episcopum Rogerum, pro filia
Regis illius terrae, Anna nomine, quam debebat ducere uxorem, de-
precatus est Odalricus, praepositus S. Mariae Remensis Ecclesiae, eundem
Episcopum, quatenus inquirere dignaretur, utrum in illis partibus esset
Cersona (Херсонъ), ubi S. Clemens requiescere legitur... Quod et fecit:
nam a Rege illius terrae, scilicet Jerosolavo, hoc didicit, etc. То есть:
«въ 1048 году Р. Х., когда Генрикъ послалъ въ Россію Шалонскаго
«Епископа Рогера за невестою своею Анною, дочерью тамошняго Короля,
«Одальрикъ, Настоятель Реймской церкви Св. Маріи, просилъ сего
«Епископа развѣдать, въ тѣхъ ли странахъ находится Херсонъ, гдѣ, по
«сказанію, лежатъ мощи С. Климента? Что Рогерь и сдѣлалъ, свѣдавъ
«отъ Короля оной земли, Ярослава», и проч.

См. также *Rerum Gallicarum et Francicarum Scriptores*, Т. XI,
стр. 157, 161, 197, 219, 247, 319, 355, 409, 411, 443, 499, 563, 564, 565, 653.
Французскіе Лѣтописцы несогласны въ означеніи года свадьбы Генрико-
вой: нѣкоторые полагаютъ ее въ 1044 году, иные въ 1051, и сказываютъ,
что за невестою ѣздила Вальтерій или Готье (Gautier), Епископъ Мос-
скій, съ другими сановниками. Выписываемъ здѣсь любопытнѣйшее: Misit
Rex Walterium, Episcopum Meldensem, et Wascelinum de Chalinaco
cum aliis ad quemdam Regem in finibus Graeciae, qui vocabatur Ge-
riselo, de terra Rusciae, ut filiam ejus sibi nuptum daret; quod ille
gratanter accepit, eamque cum multis donis in Franciam misit, ut ex
Clario Monacho discimus.... Rex duxit uxorem Scythicam et Russam....
Bertradam (вмѣсто Аньи), Julii Claudii Regis Russiae filiam.... A. 1052
Philippus natus est, Regis filius ex Anna, filia Georgii, Regis Slavo-
rum.... Li Roi Henriz prist à fame Annte, la fille au Roi Ruffin. cele
dame pensoit plus aux choses à venir que aux choses presentes, ce
est à dire, qu'elle pensoit plus à Dieu qu'aux choses du siecle; dont
il avint qu'ele fist estorer à Senlix une yglise en l'enor S. Vincent....

Гервазій, Архіепископ Реймскій, въ 1062 году писалъ къ Папѣ Александру: Regnum nostrum non mediocriter conturbatum est: Regina enim nostra Comiti Radulpho (де-Крепи) nupsit, quod factum Rex poster quam maxime dolet. Для сего брака Рудольфъ де-Крепи оставилъ первую жену свою. Гервазій говоритъ о томъ: de uxore vero Comitis Radulphi, quae vestrae conquesta est paternitati, se a viro injuriâ esse dimissam, id vobis notum esse volumus, и проч.—Папа Николай II (въ 1059 г.) въ ласковомъ письмѣ къ Аннѣ, gloriosae Reginae, хвалитъ ея набожность и благодѣтельность; совѣтуетъ ей питать въ Королѣ усердіе ко благу Государства и Церкви, воспитывать сыновей въ чистыхъ нравахъ, и проч.

Иезуитъ Менетрие, увѣрялъ, что онъ нашелъ во Франціи гробъ Королевы Анны, въ Аббатствѣ Вильерскомъ, близъ Ферте-Але (en l'Abbaye de Villiers, près de la Ferté-Alais, en Gâtinois) съ надписью: hic jacet domina Aenes, uxor quondam Henrici Regis (см. Journal des Savans, 22 Іюня 1682); но отецъ Менетрие отъ себя прибавилъ слово Rgis, чтобы Агнесу, вдову какого-то Генрика, обратить въ Королеву Французскую.

Въ Лѣтописи Ламберта Ашаффенбургскаго подъ годомъ 1043 находится слѣдующее извѣстіе: Rex (Henricus) Incarnationem Domini Goslariae cel bravit.... Ibi, inter diversarum provinciarum Legatos, Legati Ruscorum tristes redierunt, qui de filia Regis sui, quam Regi Henrici o nupturam speraverant, certum repudium reportabant. То есть: «въ 1043 году послы Россійскіе съ неудовольствіемъ уѣхали изъ Гослара отъ Короля Нѣмецкаго, Генрика: ибо надѣялись, что онъ женится на дочери ихъ Князя, но получили отказъ». Вѣроятно, что Ярославъ предлагалъ Королю Нѣмецкому руку той самой дочери, которая послѣ вышла за Государя Французскаго.

(43) См. Mémoire Lévек. и Recueil des Historiens de France), Т. XI, 433 и 564.

(44) Туроц. Chron. Hung. гл. XLII, стр. 108, и Праев. Annal. Reg. Hungariae. кн. I, стр. 54. Послѣдній говоритъ (*Dissertatio VII in annal. vet.*): erat haec Nastasia Iaroslasi Wladimerovichii filia, a nostris de nce Agmunda dicta.—См. нашей *Истории* Т. I, примѣч. 302. Въ грамотѣ Гейзы II, писанной въ 1058 году, упоминается о Герцогѣ Дамаславѣ, жившемъ при Андрѣѣ I: Прай считаетъ сего Дамаслава Россіяниномъ, пріѣхавшимъ въ Венгрію съ Армудою или Анастасією (*Dissert. VII in annal. vet.* 130).

(45) Саксон. Грам. *Hist. Dan.* кн. XI, стр. 207: Cujus (Гаральдовы) filii duo confestim (послѣ Гастингскаго сраженія) in Daniam cum sor re migrarunt. quos Sveno paterni eorum meriti ol litus, puellamque Rutenorum Regi *Waldemaro*, qui et ipse *Iarislavus* a suis est appellatus, nuptum debet.—Въ Топѣев. *Hist. Norv.* Ч. III, стр. 377: Regis Haraldı Godvini filia, nomine Guda, nupsit Waldemaro, Russiae Regi, *filio Iarislavı* ex Ingigerde Sveviae Regis Olafi, cogn mento Sveonis, filia. Увидимъ ниже, что супругъ Гидинъ былъ дѣйствительно Владиміръ и Великій Князь (Rex) Россійскій, но только не *сынъ*, а *внукъ* Ярославъ. Владиміръ Ярославичъ, женатый, по нашимъ лѣтописямъ, неизвѣстно на комъ, имѣлъ сына Ростислава и *Ярополка*, какъ показано въ Родословныхъ Книгахъ. Могъ ли сей Владиміръ, умершій прежде отца, жениться на дочери Гаральда, когда сей послѣдній самъ женился только въ 1055 году (см. Юмову Англ. Исторію въ описаніи сего года), и когда Гуда выѣхала изъ Англій черезъ 14 лѣтъ по смерти своего мнимаго супруга?

Несторъ пишетъ, что Владиміръ въ 1045 году заюжилъ Св. Софію въ Новѣгородѣ, а въ 1052 умеръ и погребенъ въ сей церкви, имъ создан-

ной. Но въ харат. *Новгород. Лѣт.* прибавлено, что въ 1045 году по заутренѣ въ 3 часу, въ *Субботу Марта 15* (развѣ 16?) сгорѣла Св. Софія, и въ то-же лѣто заложена Владиміромъ новая: слѣдственно прежде каменной была деревянная. Въ *Новгород. Лѣт.* Попа Іоанна сказано, что Владиміръ началъ строить каменную церковь въ 1045 году, а деревянная, *дубовая*, сгорѣла въ 1049, въ Субботу, Марта 4 (сіе число было тогда дѣйствительно Субботнымъ днемъ). Последняя стояла въ концѣ Епископской улицы, на берегу Волхова (гдѣ какой-то Сотко заложилъ въ 1167 году каменную церковь Бориса и Глѣба); славилась внутреннимъ украшеніемъ и своими *тринадцатю вергами*. Въ нѣкоторыхъ историческихъ рукописяхъ находится слѣдующее обстоятельство: «Деревянная церковь Софіи была сооружена Епископомъ Іоакимомъ. Каменную «строили семь лѣтъ, а служба отправлялась тогда въ придѣлѣ Іоакима «и Анны, гдѣ лежитъ тѣло перваго Епископа Іоакима. Живописцы, при- «званные изъ Царяграда, хотѣли написать въ главѣ образъ Христа съ ру- «кою *благословляющею*; но сія рука чудеснымъ образомъ *сжалась*. Живо- «писцы поправили: опять сдѣлалось тоже—и въ четвертый день они услы- «шали голосъ: *не пишите меня съ рукою благословляющею, ибо и въ руцѣ «держу Великій Новгородъ, и когда разному персты, тогда будетъ ему «сибель».*

Владиміръ Ярославичъ родился въ 1020 году: слѣдственно жилъ только 32 года. Онъ умеръ Октября 4, по сказанію древней Новгородской лѣтописи, и рака его стоитъ въ храмѣ Софійскомъ близъ олтаря. Въ эпитафіи, на стѣнѣ, означены лѣта жизни и дѣла сего Князя: походы на Ямъ и на Грековъ. Архіепископъ Евфимій въ 1439 году уставлялъ праздновать его память въ Новгородскомъ Соборѣ (см. выше, примѣч. 34). Нынѣшніе гробы Владиміра и супруги Ярославовой деревянные и не стариной работы: древніе, можетъ быть обложенные серебромъ, похищены, какъ вѣроятно, въ началѣ XVII вѣка Шведскимъ Генераломъ Яковомъ де-ла-Гарди, который бралъ изъ церкви Новгородскихъ все драгоцѣнное.

(46) Изяславъ родился въ 1025 году, Святославъ въ 1027, Всеволодъ въ 1030, Вячеславъ по *Троицк. и Никонов.* списку въ 1033, а по *Кеннеберг., Пушкин.* и другимъ въ 1036, т. е. въ годъ Мстиславовой смерти. Татищевъ гсворить, что Вячеславъ родился въ 1034, а Игорь въ 1036; годы послѣдняго не означены въ лѣтописяхъ. Сей же Историкъ прибавляетъ, что въ 1032 году Богъ далъ Ярославу дочь.

Въ *Воскресенск. Лѣт.* (1, 187) и многихъ другихъ: «сей же Казимиръ дастъ сестру свою за Изяслава, сына Ярославля». Въ древнемъ рукописномъ Патерикѣ (Синод. библ. No 163) Изяслава супруга названа только Ляховицею, а въ печатномъ (см. житіе Моисея Угрина) дочерью Болеслава Храбраго. Болеславъ имѣлъ трехъ дочерей, изъ коихъ одна умерла Пугуменьюю, другая была за Маркграфомъ Мейсенскимъ, а третья за Святополкомъ (см. Наруш. *Hist. Nar. Polsk.* II, 202). Въ Польскихъ лѣтописяхъ упоминается только объ одной дочери Мечислава, выданной за Принца Венгерскаго (см. Наруш. II, 248, 249).—Супруга Ярослава скончалась въ 1107 году (см. *Ипат., Хлѣбников.* и *Воскр. Лѣт.*).

(47) Евдокія, Теодора и Зоя были дочери Константина, брата супруги Св. Владиміра. Евдокія упоминается въ второй дочери Мечислава въ глубокой старости дѣвицею. Зоя не имѣла дѣтей ни отъ котораго мужа (см. Дюкан. *Famil. August. Byzant.* стр. 144, 145, и Русск. переводъ Кедрина, листъ 172 и слѣд.).

(48) *Historia Archiepiscoporum Bremensium*, въ Линденб. изданіи стр. 89: *Ida, nobilis foemina de Svevia nata, fuerat filia fratris*

Imperatoris Henrici III, filia quoque sororis Leonis Papae, qui et Bruno. Haec nupsit Lippoldo, filio Dominac Glismodis, et peperit *Odam* sanctimoniam de Rinthelen, quam postea clauastro absoluit... et tradidit *Regi* Ruziae, cui peperit *filium Warteslaw*; sed Rege mortuo, Oda infinitam pecuniam in opportunis locis sepeliri fecit, et in Saxoniam rediit *cum filio* et parte pecuniae, et sepulchro occidi fecit... Warteslaw autem, revocatus in Ruziam, pro patre regnavit, et ante obitum suum recuperavit pecuniam, quam mater absconderat. То есть: «Ида, племянница Императора Генрика III и Папы Леопа, вышла за Леопольда, Графа Штадскаго, и родила Оду, которая, живъ нѣсколько времени Монахиною въ обители Рингельской, возвратилась въ свѣтъ, сочеталась бракомъ съ Россійскимъ Княземъ и родила ему сына *Вартеслава*; а по смерти мужа, зарывъ великия сокровища въ нѣкоторомъ удобномъ мѣстѣ, вышла съ сыномъ и съ деньгами въ Саксонію (гдѣ вышла за втораго мужа). Вартеславъ чрезъ нѣсколько времени былъ призванъ въ Россію, княжилъ на престолѣ отца, и воспользовался сокровищами, оставленными тамъ его матерію». То же разсказываетъ и Альбертъ Штадскій въ своей хроникѣ, и также не именуетъ супруга Оды. По собственнымъ нашимъ лѣтописямъ не знаемъ никакого Князя *Вартеслава*. Г. Траеръ въ своемъ разсужденіи: *Abstammung Russ. Kays. Hauses. und Braunschweig-Lüneburg. Herzoge von einer Deutsch. Stamm-Mutter*, доказывалъ, что Ода была за Всеволодомъ, и что Вартеславъ есть Владиміръ Мономахъ; но мать Владимірова—Гречанка, по извѣстію Нестора—умерла прежде супруга. Гораздо вѣроятнѣе, что Нѣмецкіе Лѣтописцы обратили *Влчеславича* (Бориса) въ Вартеслава.—О Кунигундѣ говорить такъ называемый Саксонскій Лѣтописецъ (*Annalista Saxo*, въ Эккард. Corp. hist. med. aevi T. I, стр. 493): *Cunigunda nupsit Regi Ruzorum, genuitque filiam, quam nobilis quidam de Thuringia, Gunterus nomine, accepit, genuitque ex illa Sizonem Comitem*... Въ другомъ мѣстѣ (стр. 599): *Habuit idem Cono Comes uxorem, nomine Cunigundam, filiam Ottonis Marchionis de Orlagemunde. Haec primum nupsit Regi de Ruzia, quo defuncto, reuersa in patriam, nupsit huic Cononi*. То есть: «Кунигунда, дочь Оттона, Графа Орламиндскаго (и Маркграфу Мейсенскаго) вышла за Князя Россійскаго и прижила съ нимъ дочь, на которой женился послѣ Гинтеръ (Графъ Шварцбургскій); отъ сего брака родился Графъ (Шварцбургскій) Сицо. По смерти Князя Россійскаго Кунигунда возвратилась въ отечество и сочеталась вторымъ бракомъ съ Конономъ (Графомъ Вейхлингенскимъ)». Г. Реникъ полагаетъ Кунигундинымъ супругомъ Святослава (см. *Versuch einer zuverlässigen Nachricht von dem erstem Gemahle der Gr. Kunigunde*); но Святославъ умеръ пятидесяти лѣтъ: супруга его не могла быть молодою вдовою; или надобно предположить, что она была втораго брака. Влчеславъ умеръ двадцати-четырехъ лѣтъ (см. выше, примѣч. 46), Игорь также въ юности; первый оставилъ только *одного* сына, а второй *двухъ* (см. ниже).

(49) Въ годъ Мстиславовой смерти Несторъ говоритъ только: «Епископа постави Жидяту». Въ *Новгородск. Лѣт.* Попа Іоанна и въ другихъ онъ названъ Лукою. Въ *Никон.* сказано, что Ярославъ, ради войны съ Греками, избралъ Митрополита безъ согласія Патріарха Константинопольскаго; но это одна дустая догадка. Несторъ говоритъ, что Россіяне черезъ *три* года заключили миръ съ Греціею: слѣдственно въ 1051 году они уже не имѣли войны.—Вѣроятно, что Митрополитъ Теофемптъ скончался прежде Иларионова избранія.—Въ нашихъ рукописныхъ *Каталогахъ* означены всѣ Митрополиты и Епископы Россійскіе, время ихъ жизни

и паствы; но сіи КATALOGИ сочинены въ новѣйшія времена, обезображены грубыми историческими ошибками и не согласны одинъ съ другимъ. Они выбраны изъ лѣтописей, и безъ всякаго разсмотрѣнія.

(50) «Аще ли будете ненавидно живуще, въ распряхъ и которающеса, «то погибнете сами и волость отецъ своихъ и дѣдъ своихъ погубите, суюе налѣзоша трудомъ своимъ и потомъ».

Ни въ *Пушкин.*, ни *Кенигсберг.* спискѣ не упоминается здѣсь объ *Игорѣ*, пятомъ сынѣ Ярослава; въ *Трошик.* уже *другою рукою* написано внизу: «а Игорю Володимеръ». Новѣйшіе Лѣтописцы включили имя сего Князя, видя въ послѣдствіи, что онъ господствовалъ въ Владимірѣ. Но городъ Владиміръ принадлежалъ спачала къ области Великаго Кляженія. и былъ отданъ Игорю уже отъ брата старшаго какъ *частный Удѣль Кіевскій*. Для того, по смерти Вячеслава, братья перевели Игоря въ Смоленскъ, Удѣль особенный.—Въ одной лѣтописи XV вѣка (Синодал. Библиот. No. 349, л. 227) и въ *Новгород.* Попа Иоанна (стр. 311) сказано, что Изяславъ взялъ себѣ Повгородъ и Кіевъ съ городами его; Святославъ Черниговъ и *ою страну восточную* до Муромъ; а Всеволодъ Переяславъ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволожье (то есть, мѣста по Волгѣ). Такъ въ самомъ дѣлѣ были раздѣлены между ими области.— Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (Синодал. Библи. No. 354, лист. 257) одинъ сынъ Ярославовъ названъ Романомъ, другой Юрьемъ (вѣроятно Игорѣ), а третій Андреемъ: думаю, Всеволодъ, который построилъ въ Кіевѣ церковь во имя Св. Андрея (см. ниже).

Въ лѣтописи означено, что Ярославъ умеръ *семидесяти-шести лѣтъ* въ 6562 году, въ первую *Субботу* поста Св. Ѳеодора: то есть, въ Ѳеодорову Субботу (такъ въ харат. *Пушкинск.* спискѣ): слѣдственно 19 Февраля (а не 20, какъ прибавлено въ другихъ спискахъ: ибо Пасха была тогда 3 Апрѣля), и въ 1054 году по нынѣшнему численію съ Генваря, а по древнему въ 6561: ибо *Несторъ начинаетъ годъ съ Марта, а не съ Сентября*. Вотъ доказательства. Изяславъ, по извѣстію Лѣтописца (см. ниже) ушелъ изъ Кіева *Сентября 15* въ 6576 году, а возвратился въ столицу черезъ *семь мѣсяцевъ* (и 16 дней) Маія 2, 6577 году: что случилось бы не въ *доухъ*, а въ *одною* году, если бы онъ начинался съ Сентября.—Олегъ въ *Февралѣ* мѣсяцѣ воевалъ съ Мстиславомъ, и Лѣтописецъ говоритъ: «се же бысть *исходящу* лѣту 6604, Индикта 4 на полы» (въ половинѣ): слѣдственно Индиктъ считался тогда въ Россіи, какъ и въ Греціи, съ Сентября, а годъ съ Марта.—Въ 6615 году, *Августа 12*, разбитъ непріятель; а *послѣ*, въ Генварѣ *того же году*, умерла матъ Святуполкова; въ 6617, Іюля 10, скончалася Евпраксія, и въ *тоже* лѣто, *Декабря 2*, Дмитръ Иворовичъ взялъ Подовецкія вежи; въ 6618 *весною* Святуполкъ и Владиміръ ходили къ Воиню, и въ *тоже* лѣто, *Феврала 11*, явился огненный столпъ надъ монастыремъ Печерскимъ; въ 6621 умеръ Давидъ Маія 25, и въ *тоже* лѣто представилася Янка Ноября 3: слѣдственно новый годъ не былъ начинаемъ съ Сентября.

Ежели Ярославу въ 1054 году было *семьдесятъ-шесть* лѣтъ, то Владиміръ женился на Рогнѣдѣ прежде 980 года.

Лѣтописецъ говоритъ, что во время кончины отца Изяславъ былъ въ Новѣгородѣ, а Святославъ въ Владимірѣ.

Въ харатейныхъ: «Всеволодъ же спрята тѣло отца своего: възложше «на сани, везоша и Кыеву, Полове поюще обычныя пѣсни».

(51) Сей памятникъ, вышиною 2 аршина, длиною 3¹/₂, шириною 19 вершковъ, сдѣланъ изъ мрамора бѣло-синеваатаго, и находится въ придѣлѣ съ лѣвой стороны большаго олтаря. Половина монумента скрыта

въ стѣпѣ. На камнѣ вырѣзаны кресты, съ буквами *IC. XC.*, также птичьи головы, деревья, цвѣты и проч.

(Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года): На памятникѣ Ярослава Великаго изображены еще буквы *NIKA* (Греческое слово, означающее *побѣду*). (*Сообщено отъ З. Ходаковского*).

(52) См. харат. *Новгород. Лѣт.* стр. 112, гдѣ сказано: «Князь Ми-«хайль» цѣлова крестъ на всей воли Новгородской и на всѣхъ грамо-«тахъ Ярославлихъ» (см. также сей *Историю* Т. III, примѣч. 5).

Въ харат. *Новгород. Лѣт.* стр. 80: «Мстиславъ же сзва Вѣче на «Ярославъ дворѣ». Сей Дворъ былъ на *Торговой Сторонѣ* въ Новгородѣ, за мостомъ отъ Софійскаго Собора. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: «близъ рѣки Волхова, идѣже нынѣ Николая Чудотворца цер-«ковъ; и донынѣ зовется *Ярославле дворище*».

(53) Въ 1044 году. Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Ярославъ положилъ ихъ кости въ Владимірской церкви Св. Богородицы; но древнѣй Лѣтописецъ говоритъ здѣсь о Кіевской.

(54) Въ *Никон. Лѣт.* и въ рукописныхъ Новгородскихъ: «я собравъ «отъ Старостъ и отъ Пресвитеровъ дѣтей 300, и повелѣъ учить книгамъ».

(55) Кромерь, стр. 45: *Ex Polonia agrestes complures ad Porsam* (вмѣсто: «по Рси) *amnen non procul à Kiovia coll cantur* (Ярославъ и Мечиславъ), *ut agros, ob assidua bella cultoribus exin nitos, colerent.*

(56) Св. Георгій представленъ съ вѣшцемъ на главѣ; на плечахъ хламида, изъ-подъ коей видна часть брови; на лѣвой рукѣ щитъ. въ правой кошь. Надпись: *Γεωργιος*, и буквы точно имѣютъ образъ Греческихъ первагонадесять вѣка. На другой сторонѣ, вокругъ: *γ Ярославле серебро*. Въ срединѣ надписи знакъ подобный трезубцу; на бокахъ стоятъ 3 буквы: М. А. И. Думаю, что сии буквы Греческія, а не Русскія: что третья есть *N*, и что онѣ знаменуютъ: *Μεγαλου Αρχωντος νομισμα*, то есть: *Великаго Князя монета*. Византийцы дѣйствительно именovali нашихъ Князей *Архонтами* (Мемог. *popul. II, 976*). Можетъ быть, Ярославъ первый хотѣлъ имѣть собственныя серебряныя деньги въ Россіи, и велѣлъ художнику Византийскому сдѣлать въ Кіевѣ нѣсколько монетъ для опыта. Сія драгоценность находится въ Кабинетѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина. Я видѣлъ еще двѣ, безъ всякаго сомнѣнія древнія монеты или медали, золотую и серебряную, съ изображеніемъ К. Владиміра и съ подписью: «К. Владиміръ на столѣ (престолѣ) своемъ»; но не знаемъ, которой, Святой, Мономахъ или Владиміро Галицкій. Сии монеты принадлежатъ одному Малороссійскому Дворянину.

(57) См. *Никонов. Лѣт.* I, 142, и *Степен. Кн.* I, 224. Тамъ сказано, что въ 1051 году прѣехали изъ Греціи въ Кіевъ три пѣвца съ своими семействами. Название *демественное* есть Греческое испорченное и происходить отъ слово *Дорѣстикос, уставшикъ, qui curat, ut recte sanatur* (говорить Дюканжъ), *cantum imponit seu inchoat.*

(58) См. Стурлез. *Hist. Reg. Sept. T. I, стр. 745* и слѣд. Сей Лѣтописецъ рассказываетъ, что Ярославъ хотѣлъ отдать Олофу землю *Вулгарію*, гдѣ жили язычники (можетъ быть, область сосѣдственную съ Казанскою Болгаріею: ибо народъ Болгарскій не зависѣлъ отъ Россіи). Занимаясь единственно святостію, Олофъ думалъ только о спасеніи души своей, лечилъ больныхъ и дѣлалъ чудеса (стр. 748 и 749); но увидѣвъ, къ несчастію, во снѣ тѣнь Олофа Триггвасона, которая подала ему надежду быть снова Королемъ Норвежскимъ, рѣшился, въ противность совѣту Ярославову и жены его Инггерды, возвратиться въ отечество, гдѣ онъ положилъ свою голову на мѣстѣ сраженія въ 1030 году. Сынъ его Магнусъ жилъ въ Россіи до 1033 году.

(59) Многие Лѣтописцы говорятъ, что Король Шведскій отослалъ несчастныхъ Англійскихъ Принцевъ, Эдвина, или Эдмунда, и Эдуарда къ Королю Венгерскому *Соломону*; но Соломона еще не было тогда на свѣтѣ (см. Праев. *Annal. Reg. Hung.* кн. I, стр. 28). Даже и славный Историкъ Юмъ повторилъ слова невѣждъ. Далинъ угадывалъ, что Монахи Лѣтописцы вмѣсто *Holmgardia* поставили *Hungaria* (*Gesch. Schw. I, 475*). Они не знали, кажется, что Адамъ Бременскій, почти современный Историкъ, именно такъ пишетъ: *filii ejus* (Эдмундовы) *in Ruzziam exilio sunt dampnati* (въ Линденбрг. изданіи стр. 26). Впрочемъ быть можетъ, что Англійскіе Принцы выѣхали послѣ изъ Россіи въ Венгрію (см. Праев. *Annal. Reg. Hung.* кн. I, стр. 28).

Венгерскіе Принцы, Андрей и Леванта, дѣти Ладислава *Плмшоваго* и какой-то безыменной Россіянки (Туроц. *Chron. Hung.* стр. 108 въ Швайднер. изданіи) долгое время жили въ нашемъ отечествѣ: тамъ Андрей узналъ, что Венгерцы избираютъ его въ Короли (см. Праев. *Annal. Reg. Hung.* кн. I, стр. 50).

(60) См. въ Кіевск. Патерикѣ *сказаніе о церкви Печерской*. Симонъ, по сему извѣстію, Князя Африкана сынъ, былъ изгнанъ изъ отечества своимъ дядею, Якуномъ *слынымъ*, и привелъ съ собою въ Россію около 3000 Варяговъ, также нѣсколько Латинскихъ Священниковъ. Въ Скандинавскихъ Историкахъ нѣтъ ни слова о Князѣ Африканѣ.

(61) См. о Пермьякахъ и Самоѣдахъ въ печат. *Нест.* стр. 10, 145, 146, и ниже, примѣч. 64. Стѣдственно Шлецеръ (*N rd. Gesch. 292*) и другіе несправедливо говорятъ, что Русскіе узнали Самоѣдовъ только въ XV вѣкѣ. Имя сего народа производятъ отъ *Самеліна*: такъ Лапландцы называютъ свою землю; а Русскіе, говоритъ Фишеръ (въ *Сибирск. Исторіи*, стр. 72, 73), считали нѣкогда Лапландцевъ (Лопарей) и Самоѣдовъ за одинъ народъ. Иные толкуютъ, что Самояды есть Финское слово *Suomihätti*, то есть, *Финнами оставленные* жители: сіе изъясненіе предполагается, что тѣ и другіе обитали вмѣстѣ, и что Финны оставили наконецъ Самоѣдовъ (см. Прая *Dissert. in ann. vet. Hung.* стр. 40). Языкъ послѣднихъ отличенъ отъ Финскаго и сходствуетъ съ языкомъ Остяковъ Томскихъ, Нарымскихъ, Енисейскихъ, Каймашей, Карагасовъ и проч. (см. Фиш. *Сибирск. Исторію*): думаютъ, что Самоѣды были изгнаны изъ Сибири Татарами. — Часть Лапландіи принадлежала Новгороду еще прежде Ярослава, если Руническая харатейная грамота, въ 1677 году напечатанная въ Норвежскомъ городкѣ Шеенѣ, не есть изобрѣтеніе какого нибудь любителя древностей. Ученый Спарфенфельдъ получилъ оную отъ Пастора Николая Голфварда. Она содержитъ въ себѣ распределение граицидъ между Россією и Норвегією во время Свенона I, Датскаго Короля, жившаго въ концѣ X вѣка. Въ ней сказано, что Государь Россійскій можетъ брать дань съ жителей приморскихъ, горныхъ и лѣсныхъ до самыхъ сѣверо-восточныхъ предѣловъ Норвегіи. Я нашелъ сіе извѣстіе въ рукописномъ извлеченіи, сдѣланномъ изъ Лѣтописцевъ Скандинавскихъ для Екатерины Великой.

(62) Главные изъ нихъ были Тореръ и Карлъ, отправленные для торговли въ Віармію самимъ Королемъ Олофомъ. Приплывъ туда во время *славной* ярмонки и накупивъ *мѣховъ*, они вздумали еще ограбить кладбище: ибо жители имѣли обыкновеніе зарывать въ могилу часть богатства, оставляемаго умершими. Сіе мѣсто было окружено лѣсомъ и забороми; въ среднѣхъ, на площади, стоялъ пестуканъ бога Йомалы, съ драгоцѣннымъ ожерельемъ на шеѣ; а передъ нимъ, въ серебряной чашѣ, лежали деньги. Норвежцы зашли туда въ глубокую ночь, и похитили все,

что могли; но желая еще снять ожерелье съ идола, крѣпко привязанное, отскли ему голову.... Вдругъ раздался ужасный звукъ и трескъ. Стражи кладбища пробудились и начали трубить въ рога. Воры спасались бѣгствомъ. Жители съ крикомъ и воплемъ гнались за ними, и со всѣхъ сторонъ окружили ихъ; но будучи неискусны въ дѣлѣ воинскомъ, не могли ничего сдѣлать отважнымъ грабителямъ, которые благополучно дошли до кораблей своихъ (см. Стурлез. Hist. Reg. Sept. T. I, гл. CXLII, de itinere in Biarmiam, стр. 618 и слѣд.).

Стурлезонъ не именуетъ города Біармскаго. Въ Dissertation sur les anciens Russes, стр. 36, приведено одно мѣсто изъ Торфеевой Норвежской Исторіи, гдѣ столица Біарміи названа Гольмгардомъ: я не умѣю найти сего мѣста въ Торфеѣ. Онъ пишетъ (Hist. Norv. T. I, стр. 165), что Гольмгардъ была древнею столицею и Княжествомъ Россіи, которое досталось на часть Ярославу, сыну Владиміра Великаго. Мы знаемъ, что Ярославъ княжилъ въ Новгородѣ: слѣдственно имя Гольмгардъ, по Торфееву сказанію, означало сію первобытную столицу Россіи, а не Біарміи. Струбе, Авторъ Диссертациі, и Миллеръ непремѣнно хотѣли доказать, что наши Колмогоры и древній Гольмгардъ есть одно мѣсто. Имя сходно; но Колмогоры по нашимъ историческимъ памятникамъ извѣстны только съ XIV вѣка: въ первый разъ упоминается объ нихъ въ грамотѣ Вел. Кн. Іоанна Іоанновича, сына Калитина (см. сей Исторіи T. IV, примѣч. 386); тамъ жили Новгородскіе Двинскіе Посадники. Г. Крестининъ, Архангельскій уроженецъ, пишетъ, что Колмогоры составились изъ трехъ деревень: Курцева, Качкова, Падрокуря (см. его *Начертаніе исторіи* сего города). Имя ихъ есть, кажется, вмѣстѣ и Финское, и Русское: *колмъ* на Финскомъ языкѣ значить *три*. И въ Большомъ Чертежѣ и въ Двинской лѣтописи сей городъ всегда называется Колмогорами, а не Холмогорами.—Мнимый Іоакимъ, Татищевъ и Елагинъ искали Гольмгарда въ окрестностяхъ Новагорода, не зная, что Скандинавскіе писатели называли такъ иногда самый Новгородъ, иногда всю Россію сѣверную.

Вотъ баснословное описаніе Йомалина храма: «Построенный весьма искусно изъ самаго лучшаго дерева, онъ былъ украшенъ золотомъ и камнями драгоценными, прко озарявшими все окружныя мѣста (Sturlaugs Saga, стр. 47, 49). На головѣ Йомалы блистала золотая корона съ двѣнадцатью рѣдкими камнями; ожерелье его цѣнилось въ 300 марокъ (150 фунтовъ) золота; на колѣняхъ сего идола стояла золотая чаша, наполненная золотыми монетами, и такой величины, что четыре человѣка могли напиться изъ нее досыта. Его одежда цѣною своею превосходила грузъ трехъ самыхъ богатѣйшихъ кораблей». См. *Pergrauds* и *Bosa Saga*, стр. 33, въ Шлецер. Nord. Gesch. стр. 439.

Норвежцы до самаго XIII вѣка ходили на корабляхъ въ Біармію (см. Далин. Gesch. des R. Schw. II, 144, въ примѣч.). Бѣлое море и часть Ледовитаго къ берегамъ Архангельской Губерніи долго назывались въ Россіи *Мурманскимъ*, то есть, *Норманскимъ* или *Норвежскимъ* моремъ (см. Двинск. лѣтопись въ *Труд. Воин. Рос. Соб.* T. I, стр. 126). Но Болтинъ говоритъ, что *Мурманское* значитъ *поморское* (Примѣч. на Леклера T. I, стр. 45): ибо Татищевъ увѣрялъ, что *Маурена* значить на *Сарматскомъ* языкѣ *поморье*.

(63) См. Отерово путешествіе въ Форстер. Gesch. der Entdeckungen in Norden.

(64) Двинской Лѣтописецъ *Труд. Воин. Рос. Собр.* T. I, стр. 114, 115) говоритъ, что они зависѣли отъ Новагорода еще при Владимірѣ,

который просвѣтилъ ихъ крещеніемъ вмѣстѣ съ Россіянами. Первое вѣроятно, ибо народъ въ Архангельской Губерніи доннынъ сохранилъ (см. *Записки Лепех.* Т. IV) нѣкоторые обычаи *языческихъ Славянъ*: изъ чего можно заключить, что Россіяне еще въ идолопоклонствѣ овладѣли Двинскою областію; но второе сомнительно: ибо Норвежцы, посланные Королемъ Олофомъ, Ярославовымъ современникомъ, въ Біармію, нашли ея жителей идолопоклонниками. Г. Крестининъ полагаетъ, что земля Двинская была завоевана Новгородцами прежде Рюриковыхъ временъ (см. *Начерт. Ист. Холмог. и Начатки*); но страна Веси (послѣ область Вѣлозерская), тогда еще независимая, находилась между сею землею и Новгородскою.

Объ имени Заволочья см. Двинск. Лѣтоп. стр. 113. *Волокъ* означаетъ 1) пространство между рѣками судоходными, чрезъ кое перевозили или перетаскивали суда; 2) также мѣсто лѣсное, закрытое, *заволоченное* (см. *Словарь Географ. Рос. Государ.* I, 977 и 1021). Если Двинская земля названа *Зоволожемъ* въ первомъ смыслѣ, то подъ *волокомъ* разумѣлось пространство между Онегою и Двиною.

Въ Архангельскомъ монастырѣ уцѣлѣли двѣ, весьма древнія грамоты харатейныя Новгородскаго Архіерея Іоанна: первая къ тамошнему Игумену Лукѣ, вторая къ Двинскимъ Посадникамъ (см. Крестинина *Начертаніе Холмогоръ*, стр. 4 и 5). Въ нихъ годъ не означенъ; но въ лѣтописяхъ, въ Помѣнникѣ и въ Каталогѣ Новгородскихъ Святителей наименованы два Іоанна; первый хиротонисанъ въ 1110 году, а второй въ 1165. Грамота писана тѣмъ или другимъ.

Несторъ пишетъ (въ печати. стр. 145, 146): «се же хочю сказати, яже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Юря Тароговичъ Новъгородецъ, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру—людѣи, яже суть дань дающе Новугороду—и пришедшо отроку моему къ нимъ, «и оттуда иде въ Югру: Югра же языкъ есть *тѣмъ*» (т. е. иноплеменинъ) «и съсѣдята съ Самоѣды на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша «отроку моему: давно находимъ мы чудо, его же нѣсмы слышали преже «сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти. Суть горы заидуче лукоморѣ» (т. е. за лукоморемъ или морскою лукою), «имъ же высота до небеси, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяче высѣчнися, и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и ту де молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, да кажутъ на желѣзо, и помавають рукою, просяче «желѣза. Кто дастъ имъ ножъ, ли сѣкиру, дають скорою (шкурами) про«стиву. Есть же путь до горы тѣхъ, и испроходимо простыми, сѣтгомъ «и лѣсомъ: тѣмъ же не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полу«нощии.—Мнѣ же рекшо къ Юрятъ: *си суть людѣи закленени Олександромъ Махидонскимъ Царемъ*, яко же сказаетъ Меѳодій Патарійскій»: или Патарскій Епископъ, славный врагъ Оригеновой ереси (см. его житіе въ Минеехъ и въ Прологѣ Іюня 20). Я нашель въ Синодальной бібліотекѣ и сочиненіе Меѳодіево, о коемъ здѣсь говорить Несторъ, подъ заглавіемъ: *Меѳодіа, Епископа Патарскаго, слово о царствѣ языкъ послѣднихъ временъ* (см. книгу въ листъ подъ No. 20). Изъ сего древняго перевода выпишу здѣсь мѣста, на кои ссылается Несторъ: «Свободися Израиль отъ «работы сыномъ Измаилевѣхъ: сѣй бо Гедонъ съсѣче плки ихъ и отгна «ихъ отъ вьселенныя въ пустыни Ееривскую, изъ нея же бѣху, и оставше «12 колънъ.... Александръ, исьшедь на вѣстокъ, уби Даріа Мидскаго, и «облада градовы и странами многими, и обыде вѣся земля, и съниде до «морѣ нарицаемаго *Солнечная страна*, идѣ же видѣ нечистыя языки «скврныны; сынове же сыновъ Іафетовѣхъ и внуци его гнушахуся ихъ; «ихъ же нечистоту видѣвъ Александръ: ядѣху бо вѣсѣкъ (всякъ) нечи-

«стый видъ и прочаа животна мръсаа же (мерзкая) и скврѣнна, комора «я мухы и змѣя и мрътвья плѣти (плоти) и изврѣгъ младыхъ (выки- «дшей)... мрътвца же (мертвеца) не погрибааху, но и тѣхъ ядѣху. «Ся всѣ видѣвъ Александръ, помолися Богу прилѣжно, и събра всѣхъ «ихъ, и жены и чада ихъ, и изведе ихъ отъ Вѣстока и погна въ слѣдъ «ихъ до предѣлъ Сѣверныхъ, имъ же нѣсть выхода отъ Вѣстока до За- «пада: понеже бѣ Александръ помолился Богу, и услыша его, и повелѣ «Богъ двѣма горама, има же имя *Мазы* и *Вора*, и приближистъ ся другъ «другу яко лактій 12, и сътвори врата мѣдна, и помага ихъ *асинитомъ*, «яко да аще помыслятъ отъврѣсти желѣзомъ, не възмогутъ; аще ли ра- «стопити огнемъ, то и тако не възмогутъ» (см. Ваер. de muro Caucas. въ его Opusc. стр. 112, и Observat. du Moine Bacon въ Бержероп. Voyages): «естество же Асинитово ни желѣзнаго разсѣченія боится, ни «огняго растопленія... Слыши убо Иезекілево пророчество, глаголющее: «въ послѣдняя дни и времена изыдутъ на земля Израилеву отъ странъ «сѣверныхъ Гогъ и Магогъ», и проч. (см. въ Mém. de l'Acad. des Inscr. г. 1761—1763 сочиненіе д'Анвила du rempart de Gog et de Magog). Оставимъ повѣсть Византійскаго Меодія и догадку Несторову; но сказаніе Юрья Тароговича весьма любопытно и важно для нашей Исторіи, свидѣтельствуя, что *Россіяне съ XI вѣка уже бывали за хребтомъ горъ Уральскихъ*, и что Сибирскіе народы вымѣнивали въ Югрѣ желѣзные орудія на шкуры.

Въ *Никонов.* и другихъ лѣтописяхъ сказано, что въ 1032 году ходилъ какой-то *Ульбъ* изъ Новгорода на *Желѣзныя врата*, и что многіе Новгородцы тамъ погибли: сего извѣстія нѣтъ ни въ Несторѣ, ни въ харатейной Новгородской, ни въ лѣтописи Попа Іоанна: для того мы не внесли его въ Исторію. *Желѣзными Вратами* называли Россіане Дербешъ (см. въ *Воскр. Лнт.* житіе Князя Михаила Ярославича Тверскаго, гдѣ сказано, что Царь Татарскій находился *за рѣкою Теркомъ, близъ Вратъ Желѣзныхъ*); но Татищеву хотѣлось, чтобы сіе имя означало хребетъ сѣверныхъ Уральскихъ горъ, и для того онъ прибавилъ, что Новгородцы, ходившіе на *Желѣзныя Врата*, были побѣждены отъ Югровъ. Миллеръ принялъ его миѣніе.—Можно думать, что подъ именемъ *Желѣзныхъ Вратъ* разумѣли у насъ и землю Мордовскую или Черемисскую: въ баснѣ о древнемъ Словенскѣ (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 70) страна ихъ названа *Сидерами*; по Гречески *Сибера* или *Сидира* есть *Желѣзная*.

(65) Въ лѣтописи, напечатанной въ *Продолж. Древ. Рос. Вислюшки*, сей уставъ весьма не полонъ, и вторая часть его несправедливо названа *Правдою дѣтей Ярославовыхъ*, которыя не сочинили *новыхъ* законовъ, но только отмѣнили одинъ (см. ниже), утвердивъ всѣ другіе: «а ина все яко «же Ярославъ судилъ, тако же и сынове его уставиша» (см. новое изд. *Русск. Правды*, стр. 10). Татищевъ пишетъ, что Ярославъ въ 1035 году велѣлъ дѣтямъ своимъ, Изяславу и Святославу, призвать знатныхъ людей въ Кіевъ изъ разныхъ городовъ и сочинить законы для Государства: сего извѣстія нѣтъ нигдѣ. Въ 1035 году Изяславу было 10, а Святославу 8 лѣтъ отъ роду.

Новые Издатели *Русской Правды* сдѣлали другую ошибку, не менѣе важную, назвавъ первую часть Ярославовымъ уставомъ, а вторую *Мономаховымъ*. Причиною сей ошибки было то, что подъ статьёю о мѣсячныхъ ростахъ сказано въ подлинникѣ: «а се уставилъ Володимѣръ Всеволодичъ, по Свитополчѣ съзвавъ дружину свою»—(и проч.)—«и уставы «до третьяго рѣза» (роста). Издатели вообразили, что все слѣдующее есть уже Владиміровъ уставъ. Но здѣсь внесень только прибавленный Моно-

махомъ законъ о ростахъ, подобно какъ выше вписанъ новый законъ Ярославичей о денежныхъ пеняхъ за всякое убійство: уставъ же съ начала до конца Ярославовъ. Вѣроятно ли, чтобы Ярославъ не предписалъ еще никакихъ правилъ для наслѣдства, столь важныхъ и необходимыхъ въ гражданскомъ обществѣ? И въ Олегово время были же на то законы въ Россіи (см. сой *Исторіи* Т. I, стр. 120).—Представимъ другое неоспоримое доказательство. Въ мнимомъ уставѣ Владиміровомъ (гл. V, стат. 2) сказано: «аще гдѣ налѣзеть ударенный своего истъця (холопа), кто ударилъ, то Ярославъ былъ уставилъ убити, по сынове его по отци уставиша на куны». Спрашиваю: гдѣ Ярославъ говоритъ о томъ, ежели уставъ его кончитса, по раздѣленію Издателей, двадцать-девятою главою? И какимъ образомъ законъ Ярослава и дѣтей его могъ бы зайти въ уставъ Мономаховъ?

Самый древнѣйшій списокъ *Правды* нашель я въ библиотекѣ Синодальной, въ харатейной Кормчей Книгѣ (№. 82). Въ началѣ стоитъ слѣдующая надпись: «Въ лѣто шестъ тысячъ, семь сотъ»—(третья числительная буква изгладилась)—«написаны быша книги сія повелѣніемъ благовѣрнаго Князя Новгородскаго Дмитрія» (сына Александра Невскаго) «а стижаніемъ боголюбиваго Архіепископа Новгородскаго Климента» (слѣдственно около 1280 году) «и положены быша въ церкви Св. Софіи, «на почитаніе (чтеніе) Священникомъ и на послушаніе Крестьяномъ» (Христіанамъ), а собѣ на спасеніе души». Сія книга, любопытная и по другимъ, внесеннымъ въ нее сочиненіямъ, въ началѣ XVI вѣка была уже въ Москвѣ, и Великій Князь Василій Іоанновичъ (что написано на ея переплетѣ), отпуская въ Новгородъ Архіепископа Макарія въ 1524 году, далъ ему оную какъ драгоценность и велѣлъ снова положить въ Софійскую церковь.—Въ библиотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина есть другой, также харатейный, но, думаю, новѣйшій списокъ *Правды*, которымъ я также пользовался. Въ печатномъ же находится неисправности, большею частію умышленныя, то есть, мнимыя поправки.

(66) На примѣръ, въ нихъ говорится объ *Изюлахъ* (см. ниже), жителяхъ Новгородскихъ, и проч. Но Ярославъ, будучи Великимъ Княземъ, безъ сомнѣнія далъ сей уставъ цѣлому государству. Дѣти Ярославовы и Мономахъ съ *Боярами Кіевскими, Переяславскими, Черниговскими* (см. ниже) отмѣнили и прибавили нѣкоторыя статьи: ясно, что въ Кіевѣ и другихъ южныхъ городахъ дѣла судились также по законамъ Ярославовымъ, весьма сходнымъ съ гражданскимъ уставомъ Децемвировъ (см. *Commentaire sur la loi des douze tables par Bouchaud*). Та же простота и краткость; но Римляне, будучи стѣснены въ Италіи на маломъ пространствѣ, имѣли нужду въ лучшей земской *исправѣ* (полиціи) и въ точнѣйшемъ означеніи недвижимой собственности. Не предвидя еще многихъ тяжбъ, весьма обыкновенныхъ въ долговременномъ гражданскомъ обществѣ, законодатели Римскіе опредѣляютъ уже мѣру дорогъ и пустырей между строеніями; опредѣляютъ также, что плодъ, упавшій съ вѣтви на чужую землю, принадлежить хозяину дерева! У насъ были совсѣмъ другія обстоятельства: малое число жителей и владѣнія обширныя. Римлянамъ надлежало скорѣе образоваться, Россіянамъ долѣе сохранить естественную простоту нравовъ. Во всѣхъ иныхъ обществахъ гражданскихъ, родители имѣли власть неограниченную надъ дѣтьми своими: въ *двенадцати десахъ* она утверждается закономъ; но въ Ярославовой *Правдѣ* нѣтъ объ ней ни слова: надобно думать, что сія власть была еще святѣе въ Россіи, когда законодатель не считалъ нужнымъ и говорить о томъ.

(67) Издатели *Русской Правды* напечатали: «аще убіетъ мужъ мужа—«то положить за голову 80 гривенъ. Аще ли будетъ Русинъ, ли Гриндичъ,

«ли купецъ, 40 гривенъ положить зань». Думая, что за убіеніе *мужа* платили вдвое, нежели за Гридня и купца, они толкуютъ, что подъ именемъ перваго надлежитъ разумѣть Боярина. Нѣтъ; въ харатейныхъ подлинникахъ сказано такъ: «Оже убьеть мужъ мужа, то мстити брату «брата... Оже ли не будетъ кто его мста, то положиши за голову 80 гривенъ, аче будетъ *Княжь мужъ* или *Тіуна Княжя*» (о *Тіунѣ* см. ниже)... «Ачи ли будетъ Русинъ (въ Пушк. *горожанинъ*) любо Гридь (Гриденъ), «любо купецъ, любо Мечникъ, то 40 гривенъ положить зань». *Мужъ* только съ прибавленіемъ *Княжь* означалъ Боярина; но слова: «оже убьеть мужъ мужа», надобно разумѣть: «жели человекъ убьеть человека». Первый союзъ *аче* относится къ предъидущему: Издатели напрасно отдѣлили его точкою; напрасно выпустили слова: *Мужъ Княжь*; напрасно также, слѣдуя худому списку Попа Іоанна, вставили здѣсь имя *ябтника*, которое есть описка, вмѣсто: *любо Тіунъ*, и котораго нѣтъ въ другихъ спискахъ.

Въ уставѣ, помѣщенномъ въ Новгородской лѣтописи Попа Іоанна (стр. 338), сказано, что Изяславъ, сынъ Ярославъ, по сему закону велѣлъ жителямъ Дорогобужа (Дорогобудьдамъ) внести 80 гривенъ за его *староаго конюха* (или *Тіуна Конюшаго*, чиновника важнаго) ими убитаго. — Издатели *Правды* сравниваютъ Огницанъ съ нынѣшними Олгодворцами, и толкуютъ, что сіе имя принадлежало свободнымъ людямъ, которые имѣли собственныя земли въ деревняхъ, нанимали работниковъ, не платили податей и могли избирать добровольно всякое иное состояніе. Слова написанныя единственно изъ головы! Огницанами именовались вообще люди нарочитые, граждане первостепенные. Такъ въ древней *Новгород. Лѣт.* (стр. 35, Москов. изд.) сказано, что Князь Ростиславъ, будучи въ Великихъ Лукахъ, звалъ къ себѣ на судъ изъ Новгорода Огницанъ, Гриденъ (Мечниковъ, военныхъ людей) и лучшихъ купцевъ. Олгодворцы не могли бы стоять въ гражданскомъ порядкѣ выше богатаго купечества и воиновъ. *Тіуномъ Огницанымъ* именовался ихъ судья. — Имя Огницанъ, которое встрѣчается только въ лѣтописяхъ Новгородскихъ, произошло въ глубокой древности отъ слова *огнище* или *очагъ*, знаменовало гражданъ домовитыхъ, и наконецъ обратилось въ названіе *Житыхъ* людей (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 306, и Т. V, примѣч. 106).

Людигъ есть число единственное *людей*: такъ назывались, кромѣ Бояръ, собственно всѣ граждане вольные. Народы Германскіе то же разумѣли подъ именемъ *Leute* (*Leudes* въ законахъ Визоготскихъ, Лонгобардскихъ и проч. См. Дюканж. или Дюфрен. *Glossarium ad Script. mediae et infimae Latinitatis*). — Здѣсь мы соединили главу I, III, VII, VIII и IX по раздѣленію новыхъ Издателей *Правды*. Писцы безъ сомнѣнія перемѣшали статьи.

Въ подлинникѣ (статья 1): «*Изгой* любо Словенинъ». *Изгойми* назывались жители области дограничной съ Ливоноіею (см. нашу *Исторію* Т. IV, примѣч. 336, и повое изд. *Правды*, стр. 8), и населявшіе особенную уллицу въ Новгородѣ: объ нихъ упоминается въ древнемъ Новгородскомъ *Уставѣ о мостовыхъ* (см. ниже) и въ лѣтописи Псковской; вѣроятно, что они были Латышскаго или Чудскаго племени.

См. XVIII главу мнимаго Устава Мономахова. Въ Софійскомъ подлинникѣ: «оже кто убьеть жену, то тѣмъ же судомъ судити, яко же и «мужа; а оже будетъ *виноватъ*, то полвиры, 20 гривенъ». Издатели напечатали *виновата*, вмѣсто *виноватъ*, и толкуютъ: «если мужъ, за важную «вину жену наказуя, убьеть ее до смерти, то взыскать съ него полвиры». Они думали, что жена означаетъ здѣсь *сузругу*; но супруга была тогда собственностію мужа, который ни въ какомъ случаѣ не отвѣтствовалъ

правосудію за свои поступки въ отношеніи къ ней. Законодатель говорить о *жестити*: изблчисннй убійца ея платилъ вдвое менѣе, нежели убійца мужнины.

См. въ печати. *Рус. Правдѣ* стр. 84. Въ подлинникѣ: «а въ холопѣ «и въ робѣ виры нѣтуть; но оже будетъ безъ вины убьенъ, за холопа «урокъ заплатити» — т. е. господинъ убитаго получалъ сей урокъ — «или «за рабу, а Князю 12 гр. продаже». Издатели вообразили, что сей законъ наказывалъ убійцу *своего* раба; но здѣсь говорится о *чужомъ* рабѣ, котораго, по уставу Ярославову (въ печати. стр. 69), свободный человекъ могъ умертвить законнымъ образомъ въ случаѣ обиды.

Въ *Правдѣ* лѣтописи Новгородской (стр. 338) названъ сельскій Тиунъ *Старостою*. — Тиуномъ сельскимъ и ремесленникомъ могъ быть конечно и свободный человекъ; но здѣсь говорится о людяхъ рабскаго состоянія: иначе за ихъ убіеніе надлежало бы взыскивать виру или 40 грив., а не 12. Выше сказано (въ печати. стр. 11): «аже кто убьетъ Князя мужа... то 80 гривенъ; паки ли людинъ (людина или свободнаго), то 40 гривенъ».

Въ подлинникѣ (въ печати. стр. 24): «А за смердѣи холопъ 5 гривенъ». Имя *смердъ* означало обыкновенно крестьянина и чернь, то есть, простыхъ людей, не военныхъ, не чиновныхъ, не купцевъ. Въ первомъ смыслѣ оно часто употребляется въ древней лѣтописи: на примѣръ (въ печати. *Нест.* стр. 168): «оже то начнешь *орати* смердъ». Въ Русской Правдѣ (печати. стр. 47) сказано: «то ти уроци *смердомъ*, оже платятъ Князю продажу». Здѣсь подъ именемъ смердовъ разумѣется вообще простой народъ. Олегъ (см. въ печати. *Нест.* стр. 124), не желая совѣтоваться въ Кіевѣ съ Духовенствомъ, съ Боярами и съ градскими людьми, отвѣтствовалъ на приглашеніе Князей: «Нѣсть мене лѣпо судити Епископу или *смердомъ*». Симвъ названіемъ оны хотѣлъ унижить Бояръ Княжескихъ; но употребилъ оное въ смыслѣ *черни*, а не *земледѣльцевъ*. — Вѣроятно, что имя *смердъ* произошло отъ глагола *смердити*. Американцы, жители береговъ Миссиссипи, также называютъ чернь людьми *смердными* (см. Робертсонову *Исторію Америки*, Т. II, въ статьѣ о *правленіи*).

Издатели Правды вмѣсто: «а за смердѣи холопъ», т. е. простаго, не Боярскаго холопа, напечатали: «а смерди и холопъ 5 гривенъ», и толкуютъ, что за голову земледѣльца и холопа платили равную пеню. Ошибка грубая: ибо смерды были свободные люди, и ни въ какомъ случаѣ не могли равняться съ холопами; здѣсь говорится не о смердахъ, но объ ихъ рабахъ. Смерды платили Князю *продажу*, дань или пени; а съ холопа не было никакого денежнаго взысканія, ибо онъ не имѣлъ собственности.

За рабу, какъ видимъ, платили болѣе, нежели за раба: по тому ли, что убіеніе слабой жены считалось важнѣйшимъ преступленіемъ? Но выше сказано, что убійца свободной жены вносилъ въ казну только полвиры. Не уже ли раба, какъ вещь или товаръ, стоила въ то время дороже холопа?

(68) См. законы Саксонцевъ, Франковъ и проч., изданные Голдастомъ, Лиденброкомъ, Георгишемъ. Въ древнихъ Шведскихъ сказано: «наслѣдники убитаго имѣютъ право мести». (Стирнгок. *de Jure Sueonum ac Gothorum antiquo*, кн. II, гл. IV, стр. 349; см. также *Речь* Струбе о началѣ *Рус. законовъ*, стр. 10).

Не одни народы Нѣмецкіе, но и Греки во время Троянской войны брали деньги съ убійцы, и сии пени назывались ΑΠΟΙΒΑΙ (смотри въ IX книгѣ *Иліады* рѣчь Нестора къ Ахиллесу). Древніе Ирландцы имѣли такое же обыкновеніе: см. Юмову *Англ. Исторію* Т. II, о *законахъ Англо-Саксонскихъ*.

(69) См. *Ipre Glossarium* и Юмову *Англ. Исторію*, Т. II, о *правленіи и правахъ Англо-Саксонцевъ*.—Издатели Русской Правды и Татищевъ думали, что Тіунами назывались судьи *уздные*; но сіе имя вообще знаменовало Вельможу или Намѣстника Государева, имѣвшаго судебную власть. Такъ въ древней лѣтописи Новгородской, напечатанной въ Синодальной типографіи, сказано (стр. 110), что Ярославъ оставилъ въ Новгородѣ двухъ сыновей съ *Тіуномъ* Якимомъ; такъ въ Новгородскихъ грамотахъ XIV вѣка предлагается условіе Князю, чтобы онъ не держалъ въ Вологдѣ своего Тіуна или Намѣстника. Судебникъ Царя Іоанна Василевича представить намъ должность Тіуновъ въ XVI вѣкѣ.

(70) То есть, конюшіе, повара, хотя можетъ быть, и холопи. Увидимъ ниже, что Тіуны или чиновный слуга Боярскій, поставленный здѣсь наравнѣ съ людьми свободными, былъ рабскаго состоянія.

(71) См. въ печати. *Правдѣ* стр. 58, 61, 95, 97.

(72) «Оже будетъ убилъ или въ *свадь* или въ *пиру*». Свада значитъ сваръ или ссору на языкѣ Богемскомъ. Въ пире тоже; что въ хмѣлю или въ пьянствѣ.—См. въ печати. *Рус. Правдѣ* стр. 11, 16, 26.

Кажется, что слово *верфь*, употребленное въ смыслѣ округи, есть Норманское или Шведское *Hwarf*.

«Въ которой верви голова ляжетъ» — значитъ: *гдѣ совершится убійство*, а не тамъ, *гдѣ будетъ жертвое тѣло поднято*, какъ говорятъ Издатели *Рус. Правды*.

По Шведскимъ законамъ округа или волость также платила 40 марокъ пени, въ случаѣ, если убійца скрывался (см. *Речь Струбе*, стр. 12).

«Будетъ ли сталъ на разбой безъ всякія свады». Издатели Русской Правды весьма благообразно замѣтили, что здѣсь слово *разбой* употреблено въ смыслѣ убійства; иначе выраженіе: «разбой безъ всякой ссоры», не имѣло бы никакого смысла. Въ Кормчей Книгѣ (Градскаго закона грань 39) сказано: «нарочити разбойницы на мѣстѣхъ, на нихъ же разбой твориху, повѣнени да будутъ, да видѣнія ради убоятся начинающіи таковая, и да будетъ утѣшеніе сродникомъ убѣенныхъ отъ нихъ». Слѣдственно именемъ разбойниковъ означены убійцы.

Здѣсь сказано просто: «на потокъ»; но въ другомъ мѣстѣ (нов. изд. статьи XVII, стр. 38) изяснено, кому отдавали злодѣевъ: «выдати его Князю на потокъ». Человѣкъ, лишенный такимъ образомъ вольности, дѣлался рабомъ, холопомъ, и Князь могъ продать его какъ товаръ. Издатели *Правды Русской* думали, что *потокъ* есть заточеніе.

Далѣ въ подлинникѣ: «на разграбленіе» — то есть, преступникъ лишался не только свободы, но и собственности. Не думаю, чтобы народъ могъ дѣйствительно разграбить его имѣніе: гораздо вѣроятнѣе, что оно также шло въ казну.

(73) Въ подлинникѣ: «рогомъ». Въ лѣтописи Псковской сказано (год. 6981), что Посадники, наливъ кубки и *роги* *злащеты* медомъ и виномъ, били челомъ Софіи, невѣстѣ Вел. Князя Іоанна. Въ старину пивали изъ роговъ или сосудовъ, на подобіе рога сдѣланныхъ.—См. въ *Рус. Правдѣ* стр. 31 и 34.

(74) Нѣмецкіе законы опредѣляли цѣну особенную всякому поврежденному члену: головѣ, глазу, носу, ушамъ, зубамъ, бородѣ, усамъ, рукѣ, ногѣ; даже всякому пальцу и составу его: см. *Речь Академика Струбе*, стр. 12; далѣ см. въ *Рус. Правдѣ* стр. 69, 76, 77.

(75) У Шведовъ былъ такой же законъ: см. *Речь Струбе*, стр. 12 и 13, въ *Рус. Правдѣ* стр. 67, и Юмов. *Англ. Исторію* Т. II, о законахъ Англо-Саксонскихъ 70, 71.

(76) «Аще ли кровавъ придетъ, али будетъ самъ почать, а выльзутъ по-«слуси, то то ему платежъ, оже и (его) *билъ*» (въ другомъ харайтеиномъ спискѣ *били*). Смыслъ ясенъ. Издатели Русской Правды говорятъ: «вмѣсто «удовлетворенія, котораго онъ искалъ, да вмѣнятся ему тѣ язвы, кои онъ получилъ». Выходить насмѣшка, о которой совѣмъ не думалъ законодатель; раны не могли быть удовлетвореніемъ для раненнаго. Сказано только, что онъ, начавъ самъ драку, и бивъ другихъ, терялъ право на законное удовлетвореніе; или, по другому списку, не наказывался: ибо раны уже были ему наказаніемъ.

(77) См. *Рѣчь* Академика Струбе стр. 10.

(78) См. статью XII, въ печатн. стр. 38, также стат. XXIII, стр. 46. Клятвю называлась прежде всякая горинца, а не одна кладовая.—Воръ по Русскимъ законамъ платилъ *три гривны*, а по Датскимъ *три марки*. Обыкновенная *вира* или пеня за убіеніе людина состояла у насъ, какъ выше показано, въ 40 *гривнахъ*, а въ *Швеции* въ 40 *маркахъ* (см. *Рѣчь* Струбе, стр. 10): и такъ здѣсь марка и гривна означаютъ одно. Впрочемъ у Скандинавовъ были разныя марки: 1) *марка серебра* состояла изъ 16 лотовъ сего металла, иногда же только изъ 8; 2) *марка лотная*, mark lodig, изъ трехъ золотниковъ серебра; 3) *марка ортуговъ*, mark ortugh, изъ 24 ортуговъ, т. е. мѣдныхъ монетъ (см. Ipe Glossarium Suiogothicum).—Славяне Дунайскіе держали хлѣбъ въ *ямахъ*; и Россійскіе также. Въ подлинникѣ (печат. стр. 47): «То ти уроци смердомъ, оже платять «Князю продажо; а оже будутъ холопи татье... ихъ же Князь продажею «не казнить, то двойци платити истъчу за обиду». Издатели *Правды* ошиблись, написавъ: «се суть цѣны уставленныя, по коимъ взыскивать съ по-«селянъ пеню на Князя». Нѣтъ: здѣсь уставлена цѣна въ пользу хозяина украденныхъ вещей, а не для казны; ибо воръ платилъ оную единственно въ томъ случаѣ, когда не могъ возвратити вещи лицомъ (въ печатн. стр. 46: *паны ли лица не будетъ*): а слова: «оже платять Князю», объясняются слѣдующими: «а оже будутъ холопи татье». Вотъ истинный смыслъ: «си «цѣны уставлены для виновныхъ смердовъ, т. е. свободныхъ простыхъ «людей, съ *которыхъ* обыкновенно взыскивается и въ казну пеня; но «если воры будутъ холопи, съ коихъ (ибо они не суть вольные люди) «Государь не беретъ пени, то хозяинъ взыскиваетъ съ нихъ (съ госпо-«дина) за вещь двойную цѣну». Пеня казенная за воровство означена выше: см. въ печатн. *Правдѣ* стр. 45 и 46.

Прежде сказано, что коневый тать лишается достоянія и вольности. Можно согласити то и другое: имуществомъ вора удовлетворяли хозяину коня; прочее отдавали на разграбленіе, а вора Князю.—Здѣсь въ *Пушк.* харайтеиномъ спискѣ *Правды* сказано: «а будетъ былъ *Князь* конь, то платити за него 3 гривны, а за *иныхъ* по 2 гривны». Въ Новгородской лѣтописи, напечатанной въ Вивлюенкѣ: «а за Князь конь, иже той съ *пятиномъ*»—т. е. съ клеймомъ—«3 гривны, а за смердѣй» (т. е., за лошадей простаго человѣка) «2 гривны.»

Въ подлинникѣ: «за *лонщину*.» И нынѣ во многихъ Губерніяхъ называютъ годовиковъ *лонщиками*. Польское слово *Lonsk* и Богемское *Lonsky* значать тоже.

(79) Въ одномъ спискѣ *Правды*, полученномъ мною отъ Г. Горюшкина, и въ лѣтописи *Застыкаго*, писанной въ XV вѣкѣ и хранящейся въ библиотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина, № 602, находится подъ статью о *рѣзоимствѣ* вычисленіе, сколько прибыли въ известное число лѣтъ можно имѣть отъ всякаго скота; и сей расчетъ несомнительно опредѣляетъ цѣну *нотати* и *рѣзаней*, то есть, отношеніе ихъ къ *гривнамъ*. Напримѣръ: «отъ 22 козъ приплода на 12 лѣтъ 90,112 козъ, а то кунами

«27,033 гривны и 30 рязань; а коза метана по 6 ногатъ.» Слѣдственно въ гривнѣ 20 ногатъ, а въ ногатѣ 2½ рязани. Второй примѣръ: «а на тѣхъ овцахъ и на баранѣхъ рунъ 360,446, а на тѣхъ рунѣхъ кунами «7,208 гривень и 46 рязань; а руно чтено по рязани.» слѣдственно въ гривнѣ 50 рязаней. И такъ Издатели *Русской Правды* ошиблись, сказавъ на угадъ (стр. 18), что въ гривнѣ кунъ 20, въ кунѣ четыре ногаты, а въ ногатѣ рязаней 8. Они не сообразили того, что за овцу, по уставу Ярославоу, надлежало платить 5 кунъ, а за жеребенка 6 ногатъ: не жели первая была дороже послѣдняго?—И кунъ не могло быть 20 въ гривнѣ; слѣдующія мѣста *Правды* служатъ доказательствомъ: «начинщикъ драки (стр. 33) платить 3 гривны за окривавленіе битаго; а ежели нѣтъ зна-«ковъ, то 60 кунъ:» для чего же не три гривны, когда въ гривнѣ двадцать кунъ? и можно ли платить одно за побои безъ язвы и съ язвою? Далѣе стр. 46: «за коня Княжескаго 3 гривны, за инаго двѣ... за корову 40 кунъ:» для чего же и за послѣднюю не *дѣтъ* гривны, какъ за коня, если въ гривнѣ 20 кунъ? Далѣе стр. 74: «Отроку *дѣтъ* гривны и 20 кунъ:» для чего же не *три* гривны? Судя по означенной цѣнѣ вещей видимъ, что что гривна содержала въ себѣ около 20 кунъ, но не двадцать, а безъ сомнѣнія *двадцать пять*: ибо ни въ лѣтописяхъ, ни въ *Правдѣ* не находимъ сего числа въ показаніи, ни *пятидесяти*, ни *семидесяти пяти* кунъ; но вмѣсто того, чтобы сказать *дѣтъ* гривны и 10 кунъ, гривна и 15 кунъ, говорили и писали *шестьдесятъ*, *сорокъ кунъ* (такъ и нынѣ говорятъ народъ: *сорокъ алтынъ*, вмѣсто *рубля двадцати копѣекъ*). Въ харатейной Кормчей Книгѣ (Синодальн. библ. № 82), гдѣ вписаны Ярославовы законы, находятся также отвѣты Новгородскаго Епископа Нифонта (жившаго около половины XII вѣка), на вопросы какого-то Кирика: въ нихъ сказано, что за *гривну* служатъ въ церквахъ *пять* сорокустій, а за *шесть* кунъ одно («сорокоустье на гривну пятью служити, а на шесть кунъ одиною»). Мѣста, выше приведенныя нами изъ устава Ярославоу, свидѣтельствуютъ, что въ гривнѣ не могло быть *тридцати* кунъ; но въ за-казанныхъ вдругъ пяти сорокоустьяхъ Священники могли уступать на каждое по кунѣ.—Въ прибавленіи Горюшкинскаго списка и лѣтописи За-сѣдкаго нѣкоторый скотъ оцѣненъ дороже, нежели въ *Правдѣ*: кобыла въ 3 гривны, корова въ 2 гривны, овца въ 6 ногатъ, баранъ въ 10 рязаней, свинья въ 10 ногатъ или ½ гривны. Тутъ же показано, что *рой* *челя* стоитъ 10 ногатъ. Ежели въ XI вѣкѣ гривна Новгородская въ отношеніи къ серебру равнялась цѣною съ гривною Смоленскою 1228 году (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 298 и 527) то, полагая гривну или полфунта серебра въ 10 рублей серебряныхъ, можемъ опредѣлить цѣну сихъ вещей въ отношеніи къ нынѣшней монетѣ такамъ образомъ:

По законамъ Ярославовымъ:		По упомянутому прибавленію Горюшк. списка:	
	Руб. Коп.		Руб. Коп.
Конь Княжескій	7 50		
Простой	5 —		
Кобыла	6 —		7 50
Жеребецъ неѣзжалый	2 50		
Жеребенокъ	— 75		
Воль	2 50		
Корова	4 —		5
Трехлѣтній быкъ	3 —		
Годовикъ	1 25		

Теленок	50		
Свинья	50		52
Поросенокъ	12 ¹ / ₂		
Овца	50		75
Баранъ	50 ¹ / ₂		50
Рой пчелъ	—		25

Сія оцѣнка покажется чрезмѣрно высокою, особенно тѣмъ, которые, судя о достоинствѣ старинныхъ монетъ—на примѣръ, рублей XV и XVI вѣка—по ихъ пынѣшнему названіемъ, привычки удивляться тогдашней дешевизнѣ вещей и не знаютъ, что рубль Великаго Князя Василя Іоанновича содержалъ въ себѣ около пяти пынѣшнихъ серебряныхъ: о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь представимъ только слѣдующія нужныя замѣчанія: 1) въ половинѣ X вѣка молодая лошадь стоила въ Константинополѣ 12 червонцевъ, а мулъ пятнадцать (Constant. Porph. de Cerim. стр. 265, въ сочин. Г. Круга Münzkunde Russlands стр. 102); въ древнихъ Саксонскихъ законахъ оцѣненъ конь и быкъ въ два червонца (см. *Речь Струбе* стр. 13). 1) Нѣтъ сомнѣнія, что Россійскій законодатель цѣнилъ самыхъ лучшихъ коней, лучшихъ быковъ, и проч.: пять дурныхъ лошадей не стоятъ двухъ хорошихъ. — Выпишемъ еще нѣкоторыя статьи изъ прибавленій лѣтописи Засѣдкаго и Горюшкинскаго списка *Правды*: «А въ селѣ събно ржи на два плуга 16 кадей» (64 четверти: см. сію *Исторію* Т. III, примѣч. 8) «Ростовскихъ, а того на одно лѣто «прибытка на 2 плуга 100 копенъ ржи, а на 12 лѣтъ 1000 копенъ и 200 «копенъ ржи. А ржи не молоченые 40 копенъ, а на ту рожъ прибытка «на одно лѣто 20 копенъ... А полбы немолоченой 15 копенъ, а на то «прибытка на одно лѣто 7 копенъ... А овса молоченаго 20 половникъ и «единъ, а на то прибытка на одно лѣто 11 половникъ овса. Ячмени мо- «лоченаго 6 половникъ а на то прибытка на едино лѣто 3 половникъ... А «того же села пять стожей (стоговъ) сѣна, а то на 12 лѣтъ 60 стого «сѣна, а стогъ по гривнѣ. А жонка съ дочерью, тѣмъ *страды* (жалованья) «на 12 лѣтъ по гривнѣ на лѣто 20 гривенъ и 4 гривны кунями».

Въ 1209 году жители Оденпе или Медвѣжьей Головы (какъ называется сей городъ въ нашихъ лѣтописяхъ) заплатили Князю Россійскому 400 марокъ (или гривенъ) *ногатами*. Въ 1210 году осажденные жители Варполя (нынѣ Верпеля, въ Эстоніи) дали ему 700 марокъ также *ногатами* (см. изданную Груберомъ *Liefländ. Chronik*, Т. I, стр. 78 и 95).

(80) Такъ въ Пушкин. списокѣ и во всѣхъ другихъ (см. въ печати. стр. 71); а въ Софійскомъ ошибкою вмѣсто *бора* поставлена *борть*, о которой ниже говорится особенно. Слова: «аже будетъ на земли знаменіе, имъ же довлено, или сѣтъ», доказываютъ, что здѣсь идетъ дѣло о звѣрѣ, а не о деревѣ бортиномъ.

(81) Въ печати. стр. 80.

(82) Въ печати. стр. 72. Въ подлинникѣ: «аже разнаменаеть (разнаменуеть) борть». Можетъ быть не всѣ знаютъ, что борть есть выдолбленное дерево, въ которомъ водятся дикія пчелы; хозяинъ на сихъ деревьяхъ изображалъ знаки.

(83) Въ печати. стр. 75. Въ подлинникѣ: «оже будутъ бчелы (пчелы) «пе лажены, то 10 кунъ; будетъ ли *олекъ*, то 5 кунъ». Ясно, что *олекъ* значить *пустой*. Сіе неизвѣстное Русское слово напоминаетъ Нѣмецкое *leesk*.

(84) Въ печати. стр. 78. Въ Пушкинскомъ: «аще кто посѣчетъ *верст* «перевѣсную». Въ Софійскомъ: «аще перегнетъ вѣрвь (вервь) въ пере- «вѣсѣ». Издатели напечатали то и другое. *Верел* не ошибкою ли постав-

лепа вмѣсто *сери*? если не ошпбкою, то она должна значить столбикъ или шесть, къ которому привязываютъ сѣть.

Въ подлинникѣ: «за куря». Рѣчь идетъ о дикихъ птицахъ.—Въ Пушкинскомъ упоминается здѣсь о пѣвѣ украденномъ: но въ Софійскомъ нѣтъ его; кажется и быть не должно.

(85) Въ печати. стр. 77. Въ Софійскомъ безъ сомнѣнія описка: *семь кунъ*, вмѣсто *шестидесяти*. Въ подлинникѣ конецъ числительной буквы могъ стереться, и *Кси* показалось *З*.—Донинъ говорятъ: «лодки съ на-*болми*». Г. Кругъ (въ сочин. *Münzkunde Russlands*, стр. 82) думалъ, что здѣсь говорится о лодкахъ *обитыхъ* кожей.

(86) Въ печати. стр. 47, 68 и 101. Въ подлинникѣ: «оже будутъ холопи татье, любо Княжи, или Боярстѣи или *черничѣ*». Издатели думали, что симъ послѣднимъ именемъ означались монастырскіе холопи; но мы видѣли выше (см. примѣч. 67, и въ печат. *Правдѣ* стр. 23, 24), что холопи были обыкновенно или Княжескіе, или Боярскіе, или *смерды*, то есть, простыхъ людей; ихъ же безъ сомнѣнія называли и *черничими*, или холопами *черни*.

(87) Въ печати. стр. 36, 38, 40, 41. Въ списокѣ Попа Іоанна сказано здѣсь, что всякой гражданинъ долженъ или немедленно *итти* на *сводъ*, или представить поручителей *за пять дней*, т. е. въ 5 дней.

(88) Въ печати. стр. 41: «оже кто познаеть челядь свою украденную, и пойметъ и, то вести по *конамъ*»—т. е. по *означеніямъ* или *показаніямъ*; *конъ* есть начало, предѣль.—Далѣе: «а то» (украденный холопъ) «есть не скотъ; не лвъзъ речи: *не выдаю, у кого кунилъ есмь*; но по языку «ити до конца».

(89) См. Въ печати. стр. 35, 97, 98, 99. Выраженіе (стр. 99): «повѣсти дѣбеть», значитъ: «указываетъ ему дорогу».

(90) Въ печати. стр. 100. Въ Софійской: «аже кто *криметь* чужъ «холопъ»: т. е. *кунитъ*, присвоить себѣ или закабалить. Въ некоторыхъ спискахъ Игорева договора съ Греками, въ 944 году, слово *криметь* также употреблено вмѣсто *кунитъ*.

(91) См. *Рѣчь* Струбе, стр. 16. Въ *Русской Правдѣ*, стр. 36: «аже «кто всдегъ на чужъ конь не прошавъ, то *три* гривны»—(а не одна гривна, какъ въ печатной). Въ Югландскихъ законахъ, низкимъ языкомъ Нѣмецкимъ: *Ritt e mand eines andern Mannes Perd, ane des sinen Willen, deme dat Perd tholöret, de brikt davor dre Mark an den Bouden*. Югландскій законъ новѣе Ярославова; но сіе сходство доказываетъ, что основаніемъ того и другого былъ одинъ древнѣйшій законъ Скандинавскій или Нѣмецкій.

(92) Въ печати. стр. 64, 65. Въ харат. Пушкинскомъ: «оже дать ему «господинъ плугъ и борону, отъ него же *кону* елеть». Въ Софійскомъ: «*кову* елеть». Издатели говорятъ, что «*кона*» есть денежная плата; ибо донинъ въ Малороссіи называется такъ числительная умственная монета, состоящая изъ 50 копеекъ». Но думаю, что истинное слово подлинника есть *кова*, и что оно происходитъ отъ глагола *ковать*, въ образномъ смыслѣ, вмѣстѣ съ именами *ковъ* и *ковникъ*. Такъ могли называться деньги, за которыя слуга шелъ въ неволю временную: онъ ими какъ бы *оковывалъ* себя. Далѣе въ подлинникѣ: «оже ли господинъ отслеть его на свос «*оруде*, а погынетъ (погибнетъ) безъ него, того ему не платити». Издатели справедливо изъяснили, что здѣсь *оруде* значитъ дѣло.

Въ Софійскомъ: «изъ хлѣва», а въ Пушкинскомъ: «изъ *заболъ*», въ смыслѣ загороды.

Далѣе: «аже господинъ прообидить *закуна* (наемника), а уведеть *кову* (въ Пушкинскомъ: *кону*) его или *отарию*». Не разумѣя словъ:

«судедеть кову» (т. е. не дать полного договорного жалованья), многие писцы поставили: «судедеть вражду», зная смысл *кова*. Некоторые прибавили еще: «утвердить цѣну». Издатели не опиблись въ главномъ смыслѣ: но пустое слово *вражда* заставило ихъ сказать лишнее. *Отаричею*, какъ видно, называлась также плата, получаемая наемными земледѣльцами отъ хозяина или господина.

(Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома, издав. 1819 года). Крестьяне Минской Губерніи называютъ нынѣ *отаричею* оброкъ господскій. *Сообщено отъ З. Ходаковского*).

(93) Въ печатн. стр. 48, 52. Въ Софійскомъ спискѣ деньги названы здѣсь *скотомъ*: «а оже кто *скота* възышетъ».

(94) «Аже кто купецъ купцю дасть въ *куплю* куны или въ *гостбу*». Издатели *Правды* толкуютъ, что *купля* есть торгъ мелочной, а *гостба* обтовой или валовой. Лучше сказать, что гостями назывались купцы иногородные, или которые въ чужихъ земляхъ торговали.

(95) Въ печатн. стр. 57, 58, 59, 60 и 100.

(96) Въ печатн. *Правдѣ*, стр. 50, сказано: «занеже ему было годѣ, «язъ и хранилъ». Здѣсь слова раздѣлены не такъ, и не имѣютъ смысла. Въ харатейныхъ: «занеже ему бологодѣялъ (благодѣялъ) и хоронилъ то-«варь его».

(97) Въ печатн. стр. 50 и 51: «аже кто дасть куны въ *рѣзы* (ростъ) «яял медь въ *наставы*, или жито въ *присонъ*». Издатели справедливо говорятъ, что *наставы* и *присонъ* означаютъ придачу, лихву, и что до нашихъ временъ сохранилось между крестьянами обыкновеніе брати хлѣбъ въ займы *подъ греблю*, а возвращать его съ *вержомъ*. Увидимъ послѣ законъ Мономаховъ въ облегченіе должниковъ.—Издатели *Правды* (стр. 54) доказываютъ ошибку Татищева, который въ примѣчаніяхъ на Судебникъ (статья 36) утверждаетъ, что у насъ въ старину заимодавцы брали только *десять на сто*. Онъ, по ихъ мнѣнію, не вразумился въ истинный смыслъ Иоаннова Устава, гдѣ (въ статьѣ 133) сказано: «впредь отъ лѣта 7071 «новые долги на служилыхъ людехъ правити вся сполна; да *ополь* на «денъги росты, какъ *идеть на пять шестой*». Здѣсь—говорятъ Издатели—Царь велитъ брать съ людей служивыхъ на *пять тесной*, или одинъ на пять, какъ *половинные* росты: «слѣдственно *полные*, обыкновенные росты «были *два на пять* или 40 на 100». Нѣтъ, обыкновенно брали тогда уже *одинъ на пять*, а Царь уменьшаетъ сей ростъ вдвое для служивыхъ людей.

(98) Въ печатн. стр. 26, 34. Въ подлинникѣ: «оже ли будетъ Варягы «или *Колбья*». Татищевъ думалъ, что Колбьями назывались жители Колберга, пріѣзжавшіе торговать къ Новгородцамъ.

(99) Въ печатн. стр. 70, 81, 82. Въ харатейныхъ: «оже иметь (возметъ) на желѣзо по свободныхъ людѣй рѣчи, любо *зана* нанъ будетъ, любо *прохоженіе почкое*». Издатели не хотѣли включить сего мѣста въ свой переводъ, замѣтивъ единственно, что сіи слова должны относиться къ обрядамъ, кои наблюдались при желѣзномъ испытаніи. Смысль кажется мнѣ яснымъ. *Зана* есть *чаяніе*, *подозрѣніе*. Говорятъ: *внезаяну*, *нечаянно*. Ежели свободные люди не могли совершенно уличить судимаго, но свидѣтельствовали одну вѣроятность, одно подозрѣніе, сказывая, что они видѣли сего челоуѣка *идущаго ночью*, въ необыкновенный часъ, близи того мѣста, гдѣ совершилось преступленіе: въ такомъ случаѣ истецъ могъ обвиняемаго вызвать на опытъ желѣза: ибо въ случаѣ яснаго свидѣтельства не было нужды въ семь испытаніи.—Выше сказано, что присяга достаточна и въ *трехъ* гривнахъ (въ печатн. стр. 52).

(100) Сіе обыкновение перешло къ намъ изъ Скандинавіи. Въ древнихъ Шведскихъ законахъ сказано: «всѣ сомнительныя дѣла должны быть рѣшены *жельзомъ* и судомъ Божиимъ. Кого огонь не сожжетъ, тотъ невиненъ; кого сожжетъ, тотъ преступникъ» (Стиринг. de jure Sueonum). Въ Софокловой Антигонѣ вѣстникъ говоритъ Царю Клеону, что стража его, въ доказательство своей невинности, готова вынуть *руками изъ огня жельзо раскаленное*. Слѣдственно и древніе Греки употребляли сіе испытаніе. Плиніиъ рассказываетъ, что нѣкоторые жрецы въ день торжества, посвященнаго солнцу, босыми ногами плясали на пылающихъ угляхъ. Извѣстно, что Кафры Мозембикскаго берега, Гвинейскіе Негры, жители Сіама и даже Калмыки прибѣгаютъ къ огню въ недоказанныхъ обвиненіяхъ (см. Petersburg. Journal, г. 1778, стр. 270).

Гаральдъ Гилле, бывшій послъ Королемъ Норвежскимъ, доказалъ свое законное рожденіе тѣмъ, что раскаленное жельзо не сожгло погъ его. Король Сигурдъ, Магнусъ и другіе прибѣгли къ сему испытанію (см. Стиринг. de jure Sueonum). Въ Англии Эмма, мать Эдуарда *Исповѣдника*, также должна была оправдаться дѣйствіемъ огня.

Монтескѣ говоритъ (Esprit des Lois, кн. XXVIII, гл. XVII), что огненное испытаніе дѣйствительно, по крайней мѣрѣ отчасти, доказывало невинность или преступленіе «Кожа у людей воинственныхъ (древнихъ Германцевъ) должна была такъ загубѣть, что слѣды обожженія легко могли исчезать на ней; когда же черезъ три дни оставался знакъ, то онъ свидѣтельствовалъ малодушную нѣгу обвиняемаго, которая предполагала и другіе пороки». Вотъ остроуміе!

(101) См. Origine des Lois, par Goguet. T. I.

(102) Въ печатн. стр. 84—95. Въ Софійскомъ: «аже въ Болрѣхъ или «въ дружинѣ, то за Книзя задница» (оставшееся имѣніе) «нейдетъ». Въ Пушкинскомъ: «аще въ Болрстѣй дружинѣ». Вѣроятно, что Князь былъ наслѣдникомъ только однихъ смердовъ, или простыхъ, не военныхъ гражданъ.

(103) Надобно думать, что въ городахъ или мѣстечкахъ, гдѣ не было собственныхъ Книжескихъ домовъ, судъ производился у Тіуновъ.

(104) См. въ Русск. Правдѣ стр. 17, 18, 22, 26, 73, 74, 81, 93, 94. *Дѣтскій* тоже, что *Отрокъ*.—Издатели *Правды* толкуютъ, что въ старину, когда еще не было письма въ обыкновѣніи, помощники судейскіи *мѣтили* на биркахъ, сколько взято денегъ съ виновныхъ, и для того названъ *мѣтеликъ*: можетъ быть и для того, что онъ *мѣтилъ на хартинѣ*, или записывалъ доносы, свидѣтельства, взысканія. Впрочемъ *Отрокъ* и *лицець*, или *Мѣтельникъ*, не одинъ человекъ: первому давали въ нѣкоторыхъ случаяхъ 2 гривны и 20 кунъ; а второму 10 кунъ (см. въ печати, стр. 73). И въ другомъ мѣстѣ говорится о каждомъ особенно (стр. 18). *Вирнику* съ *Отрокомъ* шло на недѣлю 7 ведеръ солоду, шпена 7 *уборковъ* (бураковъ, небольшихъ мѣръ), гороху тоже, хлѣбовъ 7, соли 7 *головажесъ* или ступокъ, баранъ или подотъ вѣтчины, или деньгами двѣ ногаты, въ скоромный день 2 курицы, а въ постный деньгами куна. Онъ имѣлъ четырехъ лошадей и бралъ на нихъ овса, сколько онъ могли слѣсть (а конемъ на орошь *всуть овесъ*). Изъ двойной *виры*, то есть осьмидесяти гривень, давали ему 16 гривень, 10 кунъ и 12 *окшей*, также гривну *ссадную*,—или *прикладную*, *перекладную*—да за голову 3 гривны. «*Перекладною*»—такъ говорятъ Издатели—называлась гривна, которую получалъ *Вирникъ* за то, что, объѣзжая волости, онъ *перекладывался* съ воза на возъ».—Въ статьѣ о *накладахъ* или *прибавкахъ* къ 12 гривнамъ *продажи*, взыскиваемымъ въ казну за срубленіе межеваго столба и за другія вины, сказано (въ печати, стр. 73): «*Отроку* (судѣ) 2 гривны и 20 кунъ,

«а самому ѣхати съ Отрокомъ» (т. е. съ помощникомъ или писаремъ: см. въ печати. стр. 88, гдѣ товарищъ *мостника* также названъ Отрокомъ) «на дру коню, сѹти же на ротъ овьсь (овесъ), а мясо дати овньнъ (барана) или полтъ, а инѣмъ кормомъ, что има чрево възметъ» (сколько они двое съѣдятъ). «Писчу (писцу) 10 кунъ, *перекладнаго* пять кунъ, а «за мѣхъ» (въ которомъ, думаю, писецъ возилъ свои хартъи) «двѣ но-сатѣ». Судья, въ случаѣ неосновательнаго уголовного доноса, взыски-валъ съ доносителя гривну, съ отвѣтника, освобожденнаго отъ виры, гривну и еще 9 кунъ такъ называемаго *помощнаго* (а Мѣтельникъ 9 *векшей*)—Издатели говорятъ: «отъ верви»; но въ харатейныхъ спискахъ поставлено: «отъ виры». Отъ спорной бортной земли давали Отроку 30 кунъ, и наконецъ отъ всякаго дѣла (*итѣль астьѣ тѣжѣ, кому помо-цуть*) 4 кунъ (а Мѣтельнику 6 *векшей*): что называлось *судебными уро-ками*. Другая судебская пошлина называлась *ротного* или присяжною: Отрокъ получалъ за *голову* или убійство 30 кунъ, и 27 кунъ за тяжбу о землѣ, пашенной и бортной (вѣроятно, съ виновнаго), и отъ *свободы* 9 кунъ (Издатели по новѣйшимъ спискамъ напечатали: *свободивше челдиди*).

Здѣсь въ первый разъ мы упоминаемъ о *векшахъ* или мелкихъ ко-жаныхъ монетахъ: сколько ихъ было въ кунѣ, не знаю, но не болѣе *де-сяти*, какъ думаю. Издатели *Правды Русской* полагаютъ въ гривнѣ 400 *векшей*, а Татищевъ 380, увѣряя, что онъ видѣлъ сіи древніе лоскутки въ Новгородѣ.

(105) См. Новгород. Лѣт. Попа Іоанна стр. 337, и *рѣчь* Струбе стр. 17.

(106) Чему доказательствомъ служить законъ, по которому за убій-ство въ сорѣ виновный лишался жизни (если родственники убитаго хотѣли того); а смертоубійца разбойникъ лишался единственно свободы (см. выше).

Слѣдующія мѣста находятся только въ новѣйшихъ спискахъ *Русской Правды* (и для того мы не внесли ихъ въ содержаніе):

1. «А кто конь купитъ Княжь, Болрынъ или купечъ или *сирота*, а «будеть въ конѣ червь или проѣсть (рана), а то пройдетъ къ Государю, «у кого будетъ купиль, а тому свое *серебро* взяти опять взадъ». Нигдѣ въ Ярославовыхъ законахъ не упоминается о *серебрѣ*; деньги обыкновенно разумѣются подъ именемъ *кунъ*. Смыслъ тотъ, что за проданную большую лошада надлежало возвратитъ деньги.

2. «Иже изломитъ копье другу, либо щитъ, либо портъ (одежду), да «еще у себя начнетъ держати, то пріяти скота (деньгами) у него, иже «что есть изломилъ; аще ли начнетъ скотомъ приметати, заплатити ему «предъ чадію» (людьми) «или начнетъ вѣдати, колко будетъ далъ на немъ». Смыслъ: «кто, взявъ чужую вещь, испортитъ оную, тотъ обязанъ день-гами удовлетворять хозяина, и при свидѣтеляхъ; или хозяинъ имѣетъ «право взыскать съ него цѣну вещи».

3. «Оже человекъ, полгавъ куну у людей, а побѣгнетъ въ чужую «землю, вѣры ему не яти, яко и татю». Но какимъ же образомъ въ чужой землѣ могли знать, что ему не надлежало вѣрится? Или здѣсь гово-рится о бѣглецѣ пойманномъ?

4. «Иже утяжутъ въ муцѣ, а посѣдитъ у *Дворянина*, 50 (не 80) «ногаты за ту муку; а у колокольницы быють кнутомъ, за ту муку «80 гривенъ». Смыслъ: «Если доказано будетъ, что Дворянинъ безъ вины держалъ въ темницѣ слугу вольнаго, или сѣкъ его кнутомъ у колокольни, то взыскать съ Дворянина (означенную) пеню». Имя *Дворянина* повѣе Ярославовыхъ временъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ онаго ни въ *Правдѣ*, ни въ лѣтописи Несторовой.

Въ Уставѣ Ярослава опредѣлено и жалованье, которое давалось *городнику* и *мостнику*, или строителямъ городскихъ стѣнъ и мостовъ; первый бралъ куну за начало работы, погату при совершеніи дѣла, и на всякую недѣлю 7 хлѣбовъ, 7 *убороковъ* пшена, 7 *луконовъ* овса на 4 лошади (вѣроятно, около двухъ четвертей), солоду 10 луконовъ на все время, а деньгами (на мясо, рыбу и *вологу* или питье) 7 кунъ еженедѣльно. *Мостнику* давали погату за 10 лактей, а въ починкѣ стараго моста куну за всякую *городню* (такъ назывались рѣки или срубы мостовые въ водѣ), сверхъ нужной пищи и овса на двухъ лошадей, ибо онъ ѣздилъ обыкновенно самдругъ, съ Огрокомъ или помощникомъ (см. въ печатн. стран. 87, 88).

(107) См. *Esprit des Lois*, кн. XXVIII, гл. III.

(108) Ярославъ Уставъ о мостовыхъ выписываю изъ Пушкинской харатейной *Правды*:

«А се уставъ Ярославль о мостѣхъ: Осмениномъ поплата въ Лудинь «Конецъ чрезъ греблю (ровъ) до Добрыни улицъ, въ городня ворота до Пискупли улицы, съ *Пруссы*» — жителями Прусской улицы — «до Бориса «и Глѣба; а Тугожанамъ до Коломлянъ, а Нередицинамъ до Бережанъ, «а Бережанамъ до Пидьблянъ; а Пидьблянамъ до Чюдницевъ улицъ, съ «Загородци до городнихъ воротъ; а Владыцѣ (Епископу) сквозъ городня «ворота съ Изгой, и съ другимъ (другими?) Изгой до Острой городни». Здѣсь описываются Сотни, на которыя были раздѣлены граждане: «1) Да- «выжа ста, 2) Слѣпчава ста, 3) Бобыкова ста, 4) Олексина ста, 5) Ра- «тиборова ста, 6) Кондратова ста, 7) Романова ста, 8) Сидорова ста, «9) Гаврилова ста, 10) Княжа ста, 11) Княжа ста». — За симъ именуются области Новгородскія (конхъ имена также назывались, можетъ быть, Сотни или части города): 12 «Ржевская, 13) Бѣжичка, 14) Вочка» (отъ имени народа Водь) «15) Обониская» (или Обонешская, т. е. за Оне- «гою) «16) Луская» (отъ рѣки Луги) «17) Лопьская» (одни изъ уѣздовъ Новгородскихъ назывались *Лопью*: см. Т. VI сей *Исторіи* договоръ Ново- «городцевъ съ Королемъ Польскимъ въ 1471 году) «18) Волоховская, «19) Яжелбичкая». Слѣдуетъ продолженіе городского устава о мостовыхъ: «до торгу (моститъ) Софьяномъ» (жителямъ Софійской части) «до Тысяч- «кого, Тысячкому до Вошникъ» (гдѣ, можетъ быть, продавался воскъ) «отъ Вошникъ Посаднику до Великаго ряда, Князю до Нѣмецкаго *вымола*» (не мельницы ли?) «Нѣмчемъ до Евая вымола, отъ Евая вымола Гтомъ «(Готамъ) до Геральда вымола до задняго, отъ Геральдова вымола до «Бутятина вымола» — въ другихъ спискахъ прибавлено: *Ошницанамъ* — «Ильинцамъ до Матвѣева вымола, Михайловъ улицъ» (или *Михайловцамъ*, «какъ въ другихъ спискахъ») «до Бардовъ улицы, а Витковлянамъ до кле- «мяныхъ (клеяменныхъ?) сѣней».

Сказано, что Яжелбичкая часть или Сотня даетъ или дѣлаетъ *дои риль*. *Рилами* или *релли* назывались перила: см. Т. V, примѣч. 386, годъ 1435, и Т. IX, примѣч. 95, г. 1564.

Ярославъ, какъ вѣроятно, только учредилъ обязанности городскихъ жителей, а Посадники записали и всегда наблюдали сіе учрежденіе. Онъ не могъ написать: «до Бориса и Глѣба», ибо сей церкви Новгородской тогда еще не было (см. выше, примѣч. 45): чтобы яснѣе означить мѣсто, въ новѣйшія времена называли оную въ Уставѣ; или сей Уставъ принадлежить не Ярославу *Великому*, а другому: можетъ быть, отцу Александра Невскаго. — Имя Конца Неревскаго или Неровскаго происходитъ отъ рѣки Наровы, Горничьскаго отъ гончаровъ, а Плотинскаго отъ плотины или плотниковъ. Сверхъ пяти Концевъ тамъ были еще три: *Загородской*,

Неровской за городомъ и Петровской; но объ нихъ не упоминается въ лѣтописяхъ до XV вѣка.

Въ *Указателѣ Россійскихъ законовъ* напечатанъ—и весьма неисправно—мнимый Ярославовъ *Уставъ о церковныхъ судахъ*. Предлагаемъ его здѣсь согласно съ лучшими списками (впрочемъ не имѣю ни одного харатейнаго и древнѣе XVI вѣка).

«Се язъ Князь Великій Ярославъ, сынъ Володимеръ, по данью отца «своего сгадаѣ еси съ Митрополитомъ съ Лариономъ, сложиѣ еси со «Греческимъ Номакономъ, аже не подобаетъ сихъ тяжъ судити Князю «и Бояромъ. Далъ есмь Митрополитомъ и Епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ Номаконѣ, по всѣмъ городамъ и по всей области, гдѣ Крестьянство есть, Аже кто умчить» (уведеть или похитить) «дѣвку или насилить, аже Боярская дщи» (дочь) «за соромъ» (срамъ) «ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а меньшихъ Боярь «гривна золота, а Епископу гривна золота. Добрыхъ людей» (ихъ дочери) «за соромъ 5 гривенъ серебра, а на «умычницѣхъ» (съ похитителей) «по «гривнѣ серебра Епископу; а Князь казнить. Аже кто пошибзеть» (ударитъ) «Боярскую дщерь или Боярскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота; а меньшихъ Боярь гривна золота, «а Епископу гривна золота; а нарочитыхъ людей» (именитыхъ гражданъ) «3 рубли, а Епископу 3 рубли, а простой чади» (за дочь простаго гражданина) «15 гривенъ, а Епископу 15 гривенъ, а Князь казнить. — «Аже пуститъ Бояринъ *Великъ* жену безъ вины, за соромъ ей 5 гривенъ «золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а нарочитыхъ людей 3 рубли, а «Епископу 3 рубли, а простой чади 15 гривенъ, а Епископу 15 гривенъ: «а Князь казнить. Аже у отца и у матери дщи дѣвою дитати добудеть» (родитъ) «обличивъ ю поняти въ домъ церковный, а чимъ ю родъ оку«пить» (т. е. родные должны выкупить преступницу). «Аже дѣвку умоливъ» (пригласитъ) «кто къ себѣ и дастъ въ толку»—(позволитъ кому наглымъ поступкомъ оскорбить ея дѣломудріе)—«на умоливницѣ» (съ того, «кто звалъ къ себѣ) Епископу 3 гривны серебра, а дѣвицѣ за соромъ 3 «гривны серебра, а на толочныхъ» (съ обидчиковъ) «по рублю, а Князи «казнить. Аже мужъ отъ жены блудеть, Епископу въ винѣ» (виноватъ «передъ Епископомъ) «а Князь казнить. Аже мужъ оженится иною женою, «съ старою не распустився, мужъ Епископу въ винѣ, а молодую въ домъ «церковный» — (чтобы родные выкупили ее) — «а съ старою жити. Аже «женѣ лихій недугъ болить, или слѣпота, или долгая болѣзнь, про то ее «не пустити» (не разводиться съ нею) также и женѣ не лѣзъ пустити «мужа. Аже кумъ съ кумою створитъ блудъ, Епископу гривна золота, и «въ епитимьи. Аже кто *зажметъ дверь или глумо* или что иное, Епископу «100 гривенъ, а Князь казнить. Аже кто съ сестрою согрѣшитъ, Епископу «100 гривенъ, а въ епитимьи и въ казни по закону. Аже ближній родъ «(ближняя родня) «поймется, Епископу 80 гривенъ, а ихъ разлучить. «епитимью да примуть. Аже двѣ жены кто *водитъ*»—(возметъ, и потому «Несторъ называетъ Владиміровыхъ женъ *водитими*)—«Епископу 40 гри«вень, а которая подлегла» (то есть, послѣдняя), та поняти въ домъ пер«ковный, а первую держати по закону; а имѣтъ лихо водити ю»—(если «будеть не хорошо обходиться съ нею)—«казню казнить его. Аже мужъ «съ женою по своей воли распуститься, Епископу 12 гривенъ; а *буде не «отмчался*, Епископу гривенъ. Аже кто облудитъ съ Черницею, Епископу «сто гривенъ, а съ живоотною 12 гривенъ, а въ епитимью вложить. Аже «свекоръ съ снохою облудитъ, Епископу 100 гривенъ, а епитимья по за«кону. Аже кто съ двѣма сестрами падется» (попадется), «Епископу 30 «гривень. Аже кто съ мачихою облудитъ, Епископу 40 гривенъ. Аже два

«брата будутъ со единою женою, Епископу 100 гривенъ, а жепка въ «домъ церковный. Аже дѣвка не всхоцетъ замужь, а отецъ и мати силою «дадутъ, а что створить» (дѣвка) «надъ собою, отецъ и мати Епископу «въ винѣ, а исторъ» (проторъ) «имъ платити; тако же и отрокъ» (т. е. «они виноваты, если и сына женятъ насильно). «Аже кто зоветь чюжу «жену блядью Великихъ Бояръ» (т. е. ихъ жену) «за соромъ ей 5 гри- «вень золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а Князь казнитъ; а будетъ» (жена) «меньшихъ Бояръ, за соромъ ей 3 гривны золота, а Епископу 3 «гривны золота; а будетъ» (жена) «городскихъ людей, за соромъ 3 гривны «серебра, а Епископу 3 гривны серебра; а сельскихъ людей за соромъ «гривна серебра, а Епископу гривна серебра. Аже пострижеть голову «или *бороду*, Епископу 12 гривенъ, а Князь казнитъ. Аже мужъ иметъ «красти коноплю или лепъ и великое жито, Епископу въ винѣ со Княземъ «наполю; тако же и женка, иже иметъ красти» (если и женщина украдетъ). «Аже мужъ крадетъ бѣлые порты или полотна, портищи и понѣвы» (понявы) «такъ же и женка, Епископу въ винѣ со Княземъ наполю. Сва- «дебное и сговорное, бой, убійство и душегубство аже что чинится, пла- «тятъ пиру Князю наполю со Владыкою. Аже мужа два бьются, одинъ «другаго укуситъ или одереть, Епископу 3 гривны. Аже мужъ бьетъ чюжу «жену, за соромъ ей по закону, а Епископу 6 гривенъ. Аже сынъ бьетъ «отца или матеръ, да казнять его волостельскою» (гражданскою) «казнью, «а Епископу въ винѣ. — А Чернецъ, или Черница, или Попъ, или По- «падь, или проскурница (просвирица) впадетъ въ блудъ, тѣхъ судити «Епископу оприси» (опричь) мряиць, и во что ихъ осудитъ волентъ. Аже «Попъ или Чернецъ упыося безъ времени» (не вовремя) Епископу въ «винѣ. Аще Чернецъ или Черница разстрижеться, Епископу въ винѣ, во «что ихъ обрядить» (осудитъ). «Аже что дѣбета въ домовныхъ людехъ и «въ церковныхъ и въ монастырехъ, а не вступаются Княжи волостели «въ то, а то вѣдають Епископли волостели, и *безатщина* ихъ»—(думаю, *беззащитца*, имѣше челоуѣка умершаго, который не оставилъ наслѣдниковъ)—«Епископу пдеть. — А кто уставленіе мое порушитъ» (нарушитъ) «или сынове мои, или внуцы мои, или правнуцы мои, или отъ рода моего «кто, или отъ Бояръ, а порушитъ рядъ мой и вступиться въ суды Ми- «трополчи, что еси далъ Митрополиту и Епископомъ по всеъмъ городомъ, «по правиломъ Святыхъ Отець судивше казнити по закону; а кто иметься «въ тѣ суды въ церковныхъ вступати. Крестьянско (Христіанское) имя «не наречеться на томъ, а отъ Святыхъ да будетъ проклятъ».

Въ *Указателѣ* напечатаны тутъ же сельскіе законы Греческіе (см. *Судебникъ*, издан. при Академіи, стр. 217), которыхъ нѣтъ въ спискахъ Ярославова Церковнаго Устава, и которые не имѣють съ нимъ ни малѣйшей связи. Сей подложный Уставъ не былъ еще извѣстенъ у насъ въ XIII вѣкѣ, ибо не вписанъ въ Софійскую Новгородскую книгу законовъ (см. выше, примѣч. 65) или Кормчюю. Не говори о многихъ дру- гихъ его нецѣлостяхъ, замѣтимъ слѣдующую: вѣроятно ли, чтобы за брань, оскорбительную для жены Боярской, виновный платилъ 10 гривенъ (5 фунтовъ) *золота*, когда убійца Боярина наказывался только осми-десятью гривнами кунъ при Ярославѣ? Зажигатель гумна и дома, какъ уставлено въ *Правдѣ*, судился гражданскимъ судомъ: а здѣсь сказано, что онъ дастъ пеню Епископу. То же противорѣчіе въ законѣ о побояхъ и воровствѣ. *Архангелск. Лѣт.* сообщаетъ одно начало сего Устава, съ прибавленіемъ: «далъ еси Митрополитомъ и Епископомъ, и Попомъ, и «Дьякономъ, свободу по всеъмъ градомъ; не емлютъ съ нихъ, ни съ ихъ «людей, ни мытъ, ни явку, ни *тату*, ни *восмъничья*». Сомнѣваюсь, чтобы слово *Татя* употреблялось въ Россіи прежде нашествія Батыева.

(109) См. выше, примѣч. 50. Берега Угры и Протвы составляли часть Смоленскаго Удѣла (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 289, 291); также и городъ Торопецъ.

(110) Татищевъ сказаль—а за нимъ Болтинъ и другіе повторили— что Стриковскій упоминаетъ о *Гольдагахъ*, обитавшихъ гдѣ-то въ Литвѣ: ни Стриковскій, ни Кояловичъ не говорятъ объ нихъ ни слова. Имя Прусской *Галиндіи* есть весьма древнее (см. Гарткноха *Alt und Neues Preussen*); и въ Птолемеевой Географіи, между Европейскими Сарматами, находимъ *Galindae*. Уже Ярославъ Великій воевалъ въ Мазовіи, которая граничитъ съ Галиндією.—Святославъ Ольговичъ, по нашимъ лѣтописямъ, въ 1147 году *взялъ людъ Гольды вверхъ Поротвы* (въ *Никонов.* и въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ поставлено *градъ* вмѣсто *людей*). Несторъ въ описаніи Славянъ Россійскихъ не упоминаетъ о *Гольдагахъ*: они могли быть переселенцами изъ Галиндіи.

(111) Татищевъ прибавляетъ отъ себя, что Князья плѣнили множе-ство Торковъ и расселили ихъ по городамъ.— Въ Несторѣ о первомъ Всеволодовомъ походѣ (въ 1055 году) сказано такъ: «иде Всеволодъ на «Торкы зимѣ къ *Воиню*». Издатель Кенігсбергскаго списка напечаталъ: «иде *воиню*», не зная, что Воинемъ называлось мѣсто за Сулою (см. ниже). Въ другой разъ ходили Ярославичи на Торковъ въ 1060 году.

(112) Несторъ говорить по харатейнымъ спискамъ (въ *Никонов.* II, 14): «Кумани, рекше Половцы». Половцы есть Русское имя: нѣкоторые производятъ его отъ *поля*, другіе отъ *лова*; второе справедливѣе. Польское слово *polow* значитъ добычу. Половцы сами себя называли *Sarchat*, какъ говорить путешественникъ XIII вѣка, Рубруквисъ (см. его *Voyages* въ Бержерон. изд. стр. 26). Абулгази даетъ общее имя *Китчакъ* всѣмъ народамъ, обитавшимъ между рѣками Дономъ, Волгою и Яикомъ или Ураломъ, и причисляетъ ихъ къ Татарамъ (см. его *Hist. des Tat.* 45, 47).

О сродствѣ Печенѣговъ съ Половцами см. печати. Нестор. или *Рос. Библиот.* стр. 145. Анна Комнина пишетъ, что Печенѣги и Романы говорили однимъ языкомъ (*Memor. popul.* III, 908).

Объ Узакъ-Торкахъ см. сей *Историі* Т. I, примѣч. 90. Узы около 1050 года имѣли войну съ Печенѣгами, а въ 1065 году перешли за Дунай, опустошили землю Болгарскую, Македонію и часть Оракіи. Константинъ Дука хотѣлъ отразить ихъ; но сѣдаль, что они, истребленные отчасти *голодомъ*, язвою, Печенѣгами и Болгарами, отступили за Дунай. Наконецъ Узы добровольно поддалися Императору, и въ царствованіе Романа Диогена и Алексія Комнина воевали подъ знаменами Греческими (*Memor. popul.* III, 938—947).—Обитая между Волгою и Дономъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Печенѣгами, Узы въ нашествіи своемъ на Дунайскую Болгарію должныствовали захватить часть Россіи; а Несторъ около сего времени говорить о Торкахъ, сказывая, что они въ 1060 году ушли изъ Россіи и *поибли отъ голода*: то же говорятъ Византійскіе Лѣтописцы объ Узакъ.

Думаю, что Восгочные Печенѣги изгнаны Половцами въ 1036 году: тогда они ворвались въ южную Россію, и будучи побѣждены Ярославомъ (см. выше), ушли въ Молдавію. Нѣкоторые изъ нихъ оставались еще между Половцами (см. ниже, примѣч. 218).

Въ печати. *Несторъ* стр. 14: «Половцы законъ держать отецъ своихъ «кровь проливати, и хвалящесь о семъ, и ядуще мертвечину и всю нечи-«стоту, хомаки и сусолы, и поймають мачехи своя и ятрови». См. также Шлецер. *Gesch. der Deutsch. in Siebenbürg.* 225. Въ *Chron. Zwetl.* сказано *Chomani* (Половцы), *gens immundissima, quae carnibus uteba-*

tur fere crudis pro cibo, et lacte equorum et sanguine pro potu. — Сраженіе Всеволода съ Половцами было 2 Февраля.

(113) Рѣка Волховъ шла вверхъ: Татищевъ замѣчаетъ, что сіе могло бытъ отъ причины весьма естественной; а именно, весною, отъ скопленія льду выше пороговъ. Волховъ дѣйствительно течетъ иногда обратно въ озеро Ильмень.

О Кометѣ см. Cométographie стр. 373. Несторъ упоминаетъ объ ней въ 1064 году: но кажется, что она являлась въ 1066.

Несторъ говорить, что младенца урода бросили въ *Сптомлн*: см. выше, примѣчаніе 34. Далѣе: «его же позоровахомъ до вечера»: слѣдственно онъ жилъ тогда въ Кіевѣ. Далѣе: «на лицѣ ему срамнии удове; иного не лъзѣ «сказати срама радн. И солнце не бысть свѣтло, но аки мѣсяць бысть, «его же невѣгласи глаголють *сиддаему сунго*» (и такъ сія басня о причинѣ затмѣній была тогда извѣстна въ Россіи).

Далѣе въ харатейныхъ спискахъ: «Нарипающеся Хрестьяпе, а по-«гански живуще; се бо не погански ли живемъ? Аще бо кто урещаетъ «черноризца, *единицъ* ли, свинью ли, или копь *мысь*, то взвращается. Се «бо по Дьяволу наученью *кобъ* сію держать. Други же и зачиханью «вѣрують, еже бываетъ на здравіе главѣ... Дьяволъ лъститъ, превабляя «ны отъ Бога трубами и скоморохи, гуслими и *русаличе*: видимъ бо «игрища утолочена и людей много множество, яко упихати начнутъ «другъ друга, позоры дѣюще, а церкви стоять (пусты). Егда же бываетъ «годъ (время) молитвы, мало ихъ обрѣтається въ церкви», и проч. *Единицами* не назывались ли Монахи? Сіе Греческое слово также происходитъ отъ *Мелос*. *Кобъ* значить то же, что *кобеніе*, т. е. волхвованіе (оттуда происходитъ глаголъ *кобенитъ*, т. е. коверкать); *русаличе* игрище. — Примѣту *мысыкъ* коней мы уже забыли; но другія и пниѣ извѣстны.

(114) Онъ умеръ въ 1063 году.—Здѣсь замѣтимъ хронологическое несогласіе въ харатейныхъ спискахъ. По *Суздальскому* или *Лукинскому*, Вячеславъ умеръ въ 1058 году; Ярославичи освободили Судислава въ 1059; Игорь скончался и Торки погибли въ 1060; Половцы разбили Всеволода въ 1061. По *Троицкому* все годомъ ранѣе; но далѣе лѣтосчисленіе согласно: ибо въ *Лукини*. означенъ мирнымъ только одинъ 1062 годъ, а въ *Троицк.* два: 1061 и 1062.

Замѣтимъ также разныя прибавки Никоновской и другихъ новѣйшихъ лѣтописей: «Изяславъ оставилъ въ Новѣгородѣ Посадникомъ Остромира—Татищевъ называлъ его Стромилонъ—который въ 1054 году ходилъ на Чудъ и былъ въ сраженіи убитъ неприятелями». Остромиръ тогда дѣйствительно управлялъ Новымъгородомъ. Лѣтопись Попа Іоанна упоминаетъ объ немъ и—что всего достовѣрнѣе—писецъ древняго Софійскаго Евангелія заключаетъ трудъ свой словами: «Почахъ е» (т. е. Евангеліе) «писати въ лѣто 6564 (1056), а окончыахъ е въ лѣто 6565. Написахъ же Евангеліе се рабу Божию наречену сущу въ крещеніи *Иосифъ*, а «мірьскы *Остромиръ*, близоку» (ближнему, свойственнику) «сущу Изяславу Князю. Изяславу же Князю тогда прѣдъряжущу обѣ власти, и «отца своего Ярослава, и брата своего Володимира. Самъ же Изяславъ «Князь правляаше столь отца своего Ярослава Кіевѣ, а брата своего «столь поручи правити близоку своему Остромиру Новѣгородѣ». Сей писецъ, Діаконъ Григорій, желаетъ въ концѣ здравія Остромиру и подружію (т. е. супругѣ) его, Теофанѣ, и чадамъ ея, подружіямъ чадъ ея, и проч. Вотъ явное доказательство, что Остромиръ былъ живъ въ 1057 году, и что *Никонов. Лѣт.* несправедливо говорить о его смерти въ 1054. Далѣе: 2) «Изяславъ въ томъ же году самъ (по *Воскресенск. Лѣт.* Остромиръ) пошелъ на Чудъ и взялъ *Осекъ Кедниговъ*»—въ другихъ спискахъ:

Кенедисъ, Декинисъ—«вплн *Солнечную руку*». Солнце по-Этопски *плавъ* или *плавъ*, рука *класи*.—3) «Въ 1055 году Новгородскій Епископъ Лука былъ «оклеветанъ своимъ холопомъ Дудикомъ въ непристойныхъ рѣчахъ. Митрополитъ Кіевскій, Ефремъ» — объ немъ совсѣмъ не упоминается въ Несторѣ—«призываетъ Луку въ Кіевъ, осудилъ его, будучи обманутъ клеветникомъ и товарищами его, Демьяномъ и Козмою; но черезъ три года Епископъ оправдался, а Дудикъ, которому отрѣзали носъ и обѣ руки, ушелъ къ Пѣчмамъ. Лука умеръ на возвратномъ пути изъ Кіева «въ Новгородѣ». А въ лѣтописи Попа Іоанна сказано, что онъ снова управлялъ тамошнею Церковію.—4) «Въ 1059 году Изяславъ воевалъ съ какими-то Ссоломи» — въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: съ *Кольватями*, или вынѣшними Ревельцами—«и велѣлъ имъ платить въ казну 2000 гривенъ; но сіи люди изгнали собирателей дани, и пожгли около Юрѣва *города и хоромы*. Наконецъ Псковичи и Новгородцы «сразились съ ними: Россіяны убито 1000, а Ссоловъ безчисленное множество». Ни современный Лѣтописецъ, ни древній Новгородскій не упоминаютъ о семъ народѣ. Означеніе дани также весьма сомнительно. Кадлубекъ говоритъ о *Солодмистахъ*, Длугошъ о *Сломцахъ*, Кромеръ о *Сомитахъ*, обитавшихъ въ Литвѣ или на границахъ Пруссіи. Въ Ливоніи была область *Saccala* (см. *Liefländ. Chron.* издан. Груберомъ, стр. 69). 5) «Въ 1060 году поставленъ Епископъ Новгородскій Стефанъ, котораго черезъ 8 лѣтъ задавили свои холопы на пути въ Кіевъ».—Въ *Воскресенск. Лѣт.* сказано, что Ярославичи по смерти Игоря раздѣлили Смоленскъ на три части.

(115) Татищевъ даетъ ему, по смерти отца, Ростовъ и Суздаль, а по смерти Игоря Владиміръ Волинскій, говоря, что сей Князь, не будучи доволенъ своимъ удѣломъ, завоевалъ Тмуторокань. Но во многихъ спискахъ Нестора именно сказано, что Ростиславъ бѣжалъ изъ Новгорода. Болтинъ укорялъ К. Щербатова и тѣмъ, что сей Историкъ вѣрилъ лѣтописямъ болѣе, нежели Татищеву.

(116) Въ Несторѣ: «Ростиславъ же отступилъ кромѣ (вопъ) изъ города, «не убоаяся его, но не хотя противу стрѣвы (дяди) оружья взяти».—Татищевъ пишетъ, что въ томъ же 1064 году Изяславъ разбилъ 12,000 Половцевъ на *Сювскѣ*: что такое Сювскъ? Былъ городъ Сновскъ, на рѣкѣ Сновѣ. Не Изяславъ, но Святославъ (какъ увидимъ ниже) разбилъ Половцевъ, и не въ 1064, а въ 1068 году.

(117) См. Дю-Канжа *Glos. ad Script. med. Graec. et med. Latin.* подъ словомъ *Катепанъ* и *Catapanus*.—Татищевъ пишетъ отъ себя: «Ростиславъ, Князь Владиміра и Червети, бралъ дань отъ Касоговъ и Ясь, «его же убоаяся, Греки послали Катопана», и проч. Ему хотѣлось, кажется, чтобы Ростиславъ умеръ въ Галиціи или Волинѣ: ибо онъ не именуетъ здѣсь Тмутороканя. Сей Историкъ прибавляетъ еще, что Херсонцы убили Катопана, *болше мшениа отъ Русскихъ*.—Несторъ такъ повѣствуетъ о смерти несчастнаго Князя: «Пьющу Ростиславу съ дружиною своею, и рече Катопанъ: *Княже! хочю на тя пити*. Оному же «рекши: *пий*. Онъ же испивъ половину, а половину дасть Князю пити, «дописицуюся *налиемъ* въ чашю: бѣ бо влѣтя *подъ постель* растворенне «смертное».—Когда злодѣй, будучи уже въ Херсонѣ, объявилъ день Ростиславовой смерти, то ясно, что сей городъ находился не далеко отъ Княженія Тмутороканскаго; въ пять или шесть дней онъ не могъ бы добхать до Севастополя изъ Рязани, ни съ береговъ Ворсклы, гдѣ Татищевъ и Болтинъ искали Тмутороканя.—Былъ еще городокъ сего имени въ области Кіевской: по крайней мѣрѣ въ описаніи городковъ Русскихъ, включенномъ въ разные списки Нестора (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 20)

сказано: «на Дѣпрѣ Киевъ, Вышегородъ, Мирославици. *Тмутороканъ*». Впрочемъ Авторъ могъ здѣсь имѣть въ мысляхъ и древній Воспорскій городъ, знавъ только его имя по лѣтописямъ XI вѣка. Сей географическій отрывокъ достоинъ примѣчанія, хотя онъ писанъ уже въ то время, когда въ Москвѣ были *каменные стѣны*: слѣдственно не ранѣе XIV вѣка.

Ростиславъ положенъ въ Тмутороканской, созданной Мстиславомъ церкви Святыхъ Богородицы. Татищевъ пишетъ, что онъ былъ ростомъ *средній*, вмѣсто *льнъ*, и прибавляетъ еще, что «Княгиня его хотѣла ухъать съ дѣтми, по смерти мужа, въ *Венерскую землю къ отцу своему*, и что «Изяславъ не далъ ей дѣтей, а самой ухъать не запретилъ». Изъ слова въ лѣтописяхъ; и мы не знаемъ, на комъ былъ женатъ Ростиславъ.

(118) Несторъ говоритъ въ 1064 году: «Всеславъ же въ се лѣто «ратъ почаль». Въ Псковской Синодальной лѣтописи (№. 349, л. 166) сказано, что Всеславъ въ 1065 году осаждалъ Псковъ: «много тружався съ многими замысленіи и пороками» (стѣннобитными орудіями) «шибавъ, «отиде, ничтоже успѣвъ».—О ненависти Полодкихъ Князей къ роду Ярославичей см. въ печати. *Несторъ* стр. 186.

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора: «Матери бо родивши, бысть «ему (Всеславу) язвено на главѣ его; рекоша бо волсы матери его: се «язвено: *наязви нанъ, дс носить ѣ до живота своего—еже носить Все- «славъ и до сего дне* на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровопро- «литъ». И такъ Всеславъ, умершій въ 1101 году, былъ еще живъ, когда Несторъ сочинилъ свою лѣтопись.

Всеславъ взялъ Новгородъ, по харатейнымъ спискамъ Нестора, въ 1067 году, а по древней Новгородской лѣтописи въ 1066. Въ послѣдней сказано: «и колоколы съима у Святыхъ Софїи. О! великая бѣда въ «часъ тїи! и паникадила съима!» Кажется, что въ Новѣгородѣ началь- ствовалъ тогда сынъ Великаго Князя Мстислава, который, будучи побѣжденъ Всеславомъ, ушелъ въ Киевъ. Сіе можно заключить изъ слѣдующаго мѣста одной краткой лѣтописи XV вѣка (въ Синодальной библиот. №. 349): «въ Новѣгородѣ Изяславъ посади сына своего, Мстислава, и «побѣдима и на Черехѣ, и бѣжа къ Києву, и по взятїи града преста «ратъ». То же и въ лѣтописи Понс. Іоанна (стр. 312).

Въ харатейныхъ о взятїи Минска: «а жены и дѣти *одаша на щиты*. *Взять на щитъ* значило *плѣнить*. Сіе выраженіе было весьма употребле- тельно: также и другое: «взять городъ копьемъ», то есть, приступомъ (см. въ печати. *Нест.* стр. 61).

Лѣтописецъ называетъ рѣку Нѣмень Немизою.—Далѣе: «и тако яша «Всеслава на Риѣ у Смоленска». Татищевъ прибавляетъ, что *Святославъ* далъ совѣтъ обмануть Всеслава.

(119) Несторъ говоритъ здѣсь, что Богъ наводитъ *иноплемениковъ* на землю грѣшныхъ, а войны *междоусобныхъ* бывають отъ Дявола: не льзи сильнѣе и короче выразитъ ужаса послѣднихъ.

Здѣсь видимъ, что Князья, выходя въ поле, раздавали оружіе и коней воинамъ.

Далѣе Несторъ пишетъ: «Нача людїе корити на Воеводу на Коснячка; «сидоша на гору съ Вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше «его, сташа у двора Брячиславля, и рекоша: *пойдемъ, высадимъ дружину «свою изъ погребя*; а половина ихъ иде по мосту. Ся же придоша на «Княжъ дворъ. Изяславъ же сѣдящо на сѣнехъ съ дружиною своею, «начаша прѣтиса со Княземъ, стояще долѣ (внизу). Князю же изъ «оконца зрящю, и дружинѣ стоящю (стоящей) у Князя, рече Туку, «братъ Чюдинъ, Изяславу: *видиши, Княже, людѣе взывли: послѣ, ать (да) «Всеслава в родитъ*. И се ему глаголющу, другая половина людїй приде

«отъ погреба, отворивше погребъ, и рекоша дружина Князю: се зло есть: «посли ко Всеславу, атъ призвавше лествю ко окопцю пронзуть и мечемъ. «И не послуша сего Князь. Людье же кликнуша и идоша къ порубу «Всеславию», и проч. Народъ отворилъ сперва городскую темницу, именую заключенныхъ въ ней дружиною своего, а послѣ вздумалъ освободить и Всеслава. Наши Историки не такъ понимали сіе мѣсто.—Въ лѣтописи сказано, что заключенный Всеславъ въ день Воздвиженія Креста (14 Сентября) усердно молилъ его о своемъ избавленіи, которое и случилось на другой день, въ наказаніе Изяславу, преступившему клятву и крестное цѣлованіе.—Здѣсь въ Кенисбергъ годы означены несправедливо; слѣдую харатейнымъ.

(120) Въ печатномъ Киевскомъ Патерикѣ, въ житіи Св. Пикона, сотрудника Антоніева (см. ниже), сказано, что «Пиконъ, по смерти Ростислава ходивъ изъ Тмутороканя въ Черниговъ, упросилъ Святослава «Ярославича снова отправить туда сына своего, Глѣба», который дѣйствительно княжилъ въ Воспорской области черезъ два года по кончинѣ Ростислава. Въ царствованіе Екатерины Великой найденъ между развалинами древняго Тмутороканя, или Фанаторіи, мраморный камень съ надписью: «въ лѣто 6576 (1068), Индикта 6, Глѣбъ Князь мѣрилъ море «по леду отъ Тмутороканя до Кърчева (Керчи) 10.000 и 4.000 (то есть, «14.000 сажени» (см. Изслѣдованіе о Тмуторокань стр. 58 и Письмо о Тмутороканскомъ камнѣ А. Н. Оленина). Сей камень хранится тамъ и нынѣ.

(121) Длугошъ называетъ ее Вышеславою, «единственною дочерью «Князя Россійскаго, которой по наслѣдству принадлежала большая часть «Россіи» (Principis Russiae filia, patris sui unica, cui magna pars Russiae ex successione paterna debebatur). Кромеъ (стр. 56) говорить, что имя родителя ея неизвѣстно (cujus non extat nomen). Губьеръ въ своихъ генеалогическихъ таблицахъ вздумалъ назвать сію Князю дочерью *Выслава*, сына Ярославова, Князя Владимірскаго, котораго не бывало. Ломоносовъ написалъ имя *Влчслава* вмѣсто *Выслава*. Татищевъ, зная Кромера по Русскому переводу, не хотѣлъ оставить читателей въ недоумѣніи, и говорить въ своей Исторіи: «сего году (1065) «выдана Вышеслава, дочь *Святослава* Черниговскаго, за Болеслава «Польскаго».—Не знаю также, гдѣ сей Историкъ нашелъ, что въ 1067 году умерла *Княгиня Всеволодова*.

(122) Щербатовъ говоритъ за Стриковскимъ, что народъ встрѣтилъ Изяслава въ тридцати верстахъ отъ столицы.—Несторъ пишетъ: «и «сѣде Всеславъ въ Киевѣ мѣсяць семь». Изяславъ ушелъ Сентября 15, а возвратился въ столицу Маія 2: слѣдственно черезъ 7 мѣсяцевъ и 16 дней.—Стриковскій рассказываетъ, что Князья Литовскіе, Кернь и Гимбуць, пользуясь несчастіемъ Россіи, утѣсненной тогда Болеславомъ и Половцами, опустошили ея предѣлы, и завоевали Бряславль въ области Князя Полоцкаго. Никто изъ современныхъ Лѣтописцевъ не говоритъ о томъ. Кернь и Гимбуць никогда не существовали. Имена городовъ и мѣстъ служили поводомъ къ изобрѣтенію сказки о древнихъ Князяхъ Литовскихъ (см. выше, примѣч. 35).

(123) Длугошъ. Hist. Pol. кн. III, стр. 265, Кромер. стр. 57, Наруш. II, 401. Они несправедливо говорятъ, что Болеславъ *взялъ* Черемышль: ибо въ семь городъ и послѣ того, какъ увидимъ, властвовали Князья Россійскіе. Несправедливо также, чтобы Король прожилъ цѣлый годъ въ Киевѣ: онъ вступилъ въ нашу столицу 2 Маія, а въ Мартѣ, съ котораго начался новый годъ, Поляковъ уже тамъ не было. Длугошъ описываетъ сію войну по извѣстіямъ Несторовымъ, украшая ихъ собственными вы-

мыслими. Мартинъ Галусъ и Кадлубекъ (первый на стр. 71, второй стр. 659) рассказываютъ только, что Болеславъ, довольствуясь славою побѣды, возобновилъ на вратахъ Киевскихъ зарубку своего праѣда (см. выше, примѣч. 15) и *выбралъ Князя для Россіянъ, который звалъ Болеслава къ себѣ въ гости, обѣщая дать ему столько талантовъ и марокъ золота, сколько шаговъ ступить его конь на семь переѣздѣ; что Болеславъ, вошедши къ нему во дворецъ, схватилъ Князя за бороду, и въ знакъ особенной милости едва не выдралъ ее, говоря Боярамъ Россійскимъ: вотъ страшная голова, которой вамъ надобно болѣть! вотъ чело-тъ ъ, отъ насъ удостоенный чести!*

(124) Въ харат. *Новгород. Лѣт.* сказано, что въ сіе время стогрѣло *Подоліе*; однакожь не въ Киевѣ, а въ Новгородѣ, коего часть также называлась Подоломъ.

(125) Въ харат. *Новгород.*: «Мѣсяца Октября въ 23 (г. 1069) на Святаго Якова брата Господня, въ Пятничю, въ часъ 6 дни, опять «приде Всеславъ къ Новгороду. Новгородци же поставиша полкъ противу ихъ у звѣрincia на *Кземли*. И пособи Богъ Глѣбу Князю съ Новгородци. О! велика бяше сѣца (сѣча) Вожаномъ! и паде ихъ безчисленное число; а самага Князя отпустиша Бога дѣля; а на заутріе «обрѣтесе крестъ честный Володимиръ у Святѣй Софіи, при Епископѣ «Федорѣ». Въ 1069 году Октября 23 было дѣйствительно въ Пятницю.— Въ Никоновской и въ другихъ поставлено: на *Гзени*, вмѣсто на *Кземли*; у Татищева: «на рѣкѣ *Визени*». Сраженіе было подъ самымъ Новымъ городомъ, гдѣ нѣтъ никакой *рѣчки Визени*. *Кземлю* называлось урочище подлѣ городскаго звѣрincia. — Въ 1068 году Глѣбъ княжилъ еще въ Тмутороканѣ (см. выше, примѣч. 120). Вѣроятно, что Святославъ (см. *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна стр. 312) по изгнаніи Великаго Князя отправилъ Глѣба въ Новгородъ, чтобы не дать сей области хищнику Всеславу.—Князь Полоцкій, ограбивъ въ 1066 году Софійскую церковь, взялъ тамъ и крестъ Владиміра Ярославича: Новгородцы отняли сей крестъ у побѣжденнаго. — *Вожанами* или *Водю* назывались Чудскіе жители нынѣшней Ораніенбаумской Округи, принадлежавшей Новгороду: они, какъ видно, потеряли много людей въ сраженіи.

Въ 1069 году заложена была церковь Св. *Михаила* въ Киевскомъ Выдубецкомъ монастырѣ (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 459 названномъ послѣ *Всеволодовымъ*).

Мстиславъ Изяславичъ умеръ въ 1069 году. — Ярополкъ побѣдилъ Всеслава у *Голотичска*: въ географическомъ отрывкѣ XIV или XV вѣка (см. выше, примѣч. 117) сей городъ именованъ подлѣ надписи Литовскихъ. На рѣкѣ *Нѣменѣ*, въ Литовской Губерніи, есть нынѣ мѣстечко *Омта*.—Татищевъ говоритъ, что Ярополкъ *олаять* и городомъ Полоцкимъ; но тамъ княжилъ Всеславъ до самой кончины.

Далѣе: «воеваша Половци у *Растовца* и у *Неятина*». Татищевъ пишетъ: «у Ростовца и Снятина на рѣкѣ Сулѣ». Снятинъ былъ конечно на Сулѣ: но это совсѣмъ другой городъ. Въ географическомъ, вышеупомянутомъ отрывкѣ сказано: «на *Деснѣ* Черниговъ, Омѣльники, Сновескъ, «Брянецкъ, *Растовецъ*, *Неятинъ*, Новгородъ Сѣверскій», и проч. Города по *Деснѣ* и Сулѣ были построены Владиміромъ Великимъ.

(126) Въ харат. *Новгород. Лѣт.* сказано, что мощи Бориса и Глѣба были тогда перенесены съ *Азты*; но онѣ уже давно лежали въ Вышегородѣ, по извѣстію Нестора.

Съ Митрополитомъ Георгіемъ были тамъ Епископы Переяславскій Петръ, Неофитъ Черниговскій, Никита Бѣлгородскій (см. *Воскресен. Лѣт.*), Михаилъ Юрьевскій, и многіе Игумены: Фодосій Печерскій,

Софроній Михайловскій, Германъ Спасскій, Николай Переяславскій и другіе. *Никон. Лѣт.* именуегъ здѣсь Іоанна, Епископа *Хельмскаго*; но тогда не было еще и города Хельма или Холма, основаннаго Данииломъ Галицкимъ въ XIII вѣкѣ.

Несторъ пишетъ, что «Митрополитъ Георгій худо вѣрилъ святости новыхъ Мучениковъ; но когда открыли Борисову деревянную раку, вся церковь исполнилась благоуханія, и Георгій, облитый *ужасомъ*, палъ ницъ, моля Святыхъ Угодниковъ простить ему невѣріе. Ярославичи пѣдовали Борисовы мощи и переложили въ каменный гробъ. Глѣбова каменная рака остановилась въ дверяхъ: народъ воскликнулъ: *Господи помилуй!* и въ ту минуту она прошла свободно». Въ нѣкоторыхъ спискахъ Нестора (см. *Воскресен. Лѣт.* I, 205) находится слѣдующее обстоятельство: «Митрополитъ рукою Св. Глѣба благословилъ Князей. Святославъ прикладывалъ оную къ головѣ, глазамъ и къ вереду, бывшему у него на шеѣ. Въ то время, какъ пѣли Литургію, сей Князь почувствовалъ у себя что-то на головѣ, и снялъ *клубокъ* свой. Вельможа именемъ Бернъ, увидѣлъ на ней ноготъ Глѣбовъ, и подалъ его Святославу, который съ великою радостію принялъ такую святыню. Слѣдственно Князья, вмѣсто короны, носили *клубуки* и не снимали ихъ въ церкви?—Въ *Воскр. Лѣт.* прибавлено, что съ того времени *утвердился* въ Россіи праздникъ Бориса и Глѣба, 2 Маія.

Житіе Бориса и Глѣба описано, вмѣстѣ съ житіемъ Владиміра и Θεодосія Печерскаго, въ самыхъ древнихъ харатейныхъ Прологахъ, гдѣ нѣтъ ни слова даже о Св. Ольгѣ, ни слова о Св. Антоніи Печерскомъ. Вандури пишетъ, что самые Уніаты чтутъ сихъ братьевъ-мучениковъ Святыми (см. его *Animadvers. in lib. Constant. P. rph. de Adm.* стр. 116)—«вмѣстѣ съ Ольгою и Владиміромъ», прибавляетъ Ассемани (*Kalend. I. U. IV, 52*). Въ обыкновенныхъ Уніатскихъ мѣсяцесловахъ я не нашелъ Россійскихъ Святыхъ; къ Греческимъ прибавленъ тамъ одинъ Іоасафатъ, Архіепископъ Полоцкій, *убіенный*, какъ сказано, *отъ расиромлющихъ враговъ*: симъ именемъ они величаютъ насъ Православныхъ. Но въ концѣ Требника ихъ, въ *Соборникъ дванадцяти мѣсячей*, действительно поставлены Св. Борисъ, Глѣбъ, Владиміръ, Антоній и Θεодосій (Ольги нѣтъ).

(127) «Святославъ же и Всеволодъ внидоша въ Кіевъ мѣсяца «Марта 22, и сѣдоша на столѣ на *Берестовомъ*», т. е. въ загородномъ дворцѣ Кіевскомъ; а Татищевъ говорить, что они въ слѣдъ за Изяславомъ ходили съ войскомъ къ *Берестю*, т. е. въ Брестъ. Также несправедливо пишетъ онъ, что въ семь же году *освящена* церковь Печерская. Слова Лѣтописца: *основана* бысть церковь Печерская Игуменомъ «Θеодосіемъ и Епископомъ Михаиломъ (Юрьевскимъ?): Митрополиту «Георгію тогда сущу въ Грьцѣхъ».

(128) Ламбертъ Ашаффенбургскій говоритъ о томъ въ описаніи 1075 году, а Зигбертъ Гемблурскій (*Gemblacensis*) въ 1073. По извѣстію перваго, Изяславъ (*Ruzenorum Rex, Demetrius nomine*) видѣлся съ Генрикомъ въ исходѣ Декабря или въ Январѣ, и былъ порученъ отъ Императора Саксонскому Маркграфу Деди.—Зигбертъ именно говоритъ, что Великій Князь обѣщалъ Генрику признать себя его данникомъ (*se et regnum Russorum ei submitteus, si ejus auxilio restitueretur*), ежели онъ возвратитъ ему престолъ.

Ламбертъ называетъ Бурхарда братомъ супруги Князя Россійскаго, Изяслава гонителя, женатаго, по мнѣнію Траера, на Одѣ, дочери Леопольда, Графа Штадскаго, и сестрѣ Бурхардовой, или, по мнѣнію Реника, на Кунигундѣ, дочери Оттона, Графа Орламиндскаго. Реникъ *пред-*

полагаетъ, что Ламбертъ ошибся: ибо Куингунда была не сестра, а племянница Бурхарду. Мы признаемъ супругомъ Однимъ Вячеслава (см. выше, примѣч. 48). Ошибка Ламбертова состоитъ единственно въ томъ, что Изяслава выгнали другіе братья, а не шурины Бурхардовъ, давно умершіи.

Татищевъ по своему раздѣлялъ государство, и пишетъ смѣло, что Святославъ отдалъ Всеволоду Черниговъ, Борису, сыну своему (племяннику, какъ увидимъ) Вышегородъ, Глѣбу Переяславль, Давиду Новгородъ, Олегу Ростовъ, Лѣтописецъ не говоритъ о томъ; въ Киевскомъ же Патерикѣ (листъ 54) именно сказано, что Святославъ, по изнаніи брата, сѣлъ въ Киевъ на престолѣ, а Всеволодъ возвратился въ Переяславль.

(129) Ламбертъ: tantum regi deferens auri et argenti, et vestium (одежды, по вѣроятіи *наволочъ*) preciosarum, ut nulla retro memoria tantum regno Teutonico uno tempore illatum referatur. Послы Генриковы, видя драгоцѣности Государя Киевскаго, сказали: «сего суть *кметие*» (не *сметие*) «суче.» *Кметие* есть дружина: см. Т. III, примѣч. 268, 272.

(130) Quorum unus vester notus est et fidus amicus: вѣроятно, знаменитый духовный чиновникъ, коего Изяславъ могъ узнать въ Польшѣ. Сіе письмо напечатано въ Барон. *Annal. Eccl.* Т. XI, стр. 472. Вотъ важнѣйшее мѣсто подлинника: Filius vester, limina Apostolorum visitans. ad nos venit, et quod regnum illum dono S. Petri per manus nostras vellet obtinere, eidem Beato Petro debita fidelitate exhibita, devotis precibus postulavit, indubitanter asseverans, illam suam petitionem vestro consensu ratam fore ac stabilem, si Apostolicae auctoritatis gratia ac munimino donaretur. Cujus votis et petitionibus, quia justae videbantur, tum ex consensu vestro, tum ex devotione poscentis, tandem assensum praebuimus, et regni vestri gubernacula sibi ex parte Beati Petri tradidimus, и проч.

Григоріеве къ Болеславу письмо, отъ 12 Маія, есть 73 въ *Epist. Greg.* VII, кн. 2. Папа именно говорить о деньгахъ или сокровищахъ: pecunia quam Regi Rutorum abstulistis. Нѣтъ ни слова о земляхъ и городахъ, какъ нѣкоторые пишутъ.

(131) Здѣсь Татищевъ рассказываетъ множество подробностей, будто бы взятыхъ имъ изъ Нестора. «Князь Чешскій (говоритъ онъ), слыша, что Россіиные соединились съ Поляками, заключилъ миръ съ Королемъ *Владислаомъ* (развѣ Болеславомъ?) чрезъ Воеводу своего *Лопату*, и далъ ему 1000 гривенъ серебра. *Владиславъ* (опять таже ошибка въ имени) объявилъ Россійскимъ Князьямъ, что онъ не хочетъ воевать съ Богемскимъ Герцогомъ, а желаетъ итти на Поморьянъ и Пруссовъ. Но Владимиръ и Олегъ сказали: *мы враги Чехамъ, а не Пруссамъ; не остыдимъ своихъ отцевъ и не возвратимся безъ мира*—пошли въ Богемію и завоевали Глацъ. Вратиславъ, тогдашній Герцогъ Богемскій, прислалъ ко Владимиру брата своего, Епископа, и многихъ Вельможъ съ дарами. Князья взяли 1000 гривенъ серебра и благополучно возвратились въ отечество.» Въ лѣтописяхъ нѣтъ о томъ ни слова.

Самъ Владимиръ Мономахъ въ *Духовной* своей (стр. 32) пишетъ слѣдующее: «идохъ Переяславлю (къ) отцю, а по Велицѣ дни Володимеру *«на суетейску»* (на границу?) *«мира творить съ Ляхы; оттуда»* (изъ Переяславля) «пакы по лѣто Володимеру опять. Та посла мя Святославъ въ Ляхы; ходивъ за *Глоговы*» (Глагоу въ Силезіи) «до Чешскаго лѣса; ходивъ въ земли ихъ 4 мѣсяца: и въ то же лѣто и дѣти ся роди старѣйшее, Новгородское»—т. е. сынъ Мстиславъ, Князь Новгородскій—«та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю; та же Туровъ.» Мстиславъ и по *Кіевск. Лѣт.* родился въ 1076 году.

Нарушевичъ, согласно съ Длугошемъ, относитъ войну Богемскую къ 1062 году. Мартинъ Галлусъ не означаетъ времени; но Кадлубекъ говорить объ ней уже гораздо послѣ войны Россійской, бывшей въ 1069 году. Ламбертъ Ашаффенбургскій пишетъ, что Герцогъ Польскій — такъ онъ называетъ Болеслава — тревожилъ землю Чешскую въ 1073 году (см. Гебгарди *Gesch. des R. Böhm.* кн. VII, 390). Извѣстие Нестора всего достовѣрнѣе.

(Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома изд. 1849 года): Въ Красноставскомъ Повѣтѣ, на древнихъ предѣлахъ Волыни, существуетъ и нынѣ деревня *Сутескъ* (см. также примѣч. 192) (Сообщено З. Ходаковскимъ.)

(132) «Преставися Святославъ мѣсяца Декабри въ 27 день, отъ *трьсаянъ желеве*, и положенъ Черниговѣ у Св. Спаса, и сѣде по немъ Всеволодъ на столѣ мѣсяца Генваря.» Татищевъ пишетъ, что Святославъ умеръ отъ *чирвеа*. Желвю называлась всякая затвердѣлость: отъ сего слова происходитъ *жельза* и *жельзакъ*.

Въ библиотекѣ Воскресенскаго, Новоіерусалимскаго монастыря нашлся *Сборникъ*, писанный въ 1073 году повелѣніемъ сего Князя въ листъ на пергаминахъ, въ два столбца. На оборотѣ перваго листа изображено красками и золотомъ семейство Святослава: сыновья, супруга его и самъ онъ: надъ ними имена: *Гъльбъ, Омигъ, Давидъ, Романъ, Ярославъ, Князьми, Святославъ*. Меньшій сынъ (Ярославъ) представленъ младенцемъ: другіе взрослыми; отецъ съ усамі. На всѣхъ длинные кафтаны съ поясомъ; на головахъ высокія синія шапки; на Княгинѣ покрывало; на Святославѣ шапка отличная, не столь высокая, Княжеская мантия сверхъ кафтана и сагоги зеленые. Вверху надписи золотомъ: «желаніа сердца моего, Господи, не прѣзри, нъ прими ны вся и помилуй ны»; а на оборотѣ втораго листа, въ фигурномъ четверугольникѣ: «Великій въ Князихъ Князь Святославъ въжделаніемъ зѣло въжделавъ держали-внй Владыка бавити покрывенны разуму въ глубинѣ многострытннхъ (многотрудныхъ?) сихъ книгъ прѣмудраго Василія въ разумѣхъ, повелѣ мнѣ немудрувѣдію премѣну створити рѣчи инако, набѣдяца» (набдяще, «наблюдая») «тожество разумъ его, яке аки бѣчела» (пчела) «любодѣльна съ велького цвѣта псаію» (писанія) «сбравъ аки въ единъ сътъ» (сотъ) «въ вельмыслное сердце свое, проливаетъ аки сътъ сладкъ изъ устъ своихъ предъ Боляры на вразумѣніе тѣхъ мысльмъ, являяся имъ новыи Птодомей, не вѣрою, нъ желаніемъ паче, и сбора дѣла многочыстннхъ божествннхъ кнннгъ всѣхъ, ими же п своя клѣти исплнн. вѣчннуну си память створи, еже памяти вину въспрнати». На 4 листѣ съ конца такое послѣсловіе: «А конць вѣсѣмъ кннгамъ. Оже ти собѣ «не любо, то того и другу не твори. Въ лѣто 6581 (1073) написа Іоаннь «Диакъ изборникъ съ великууму Князю Святославу». Въ сей рукописи вмѣсто Ш употребляются Ш и Т; на примѣръ: *аште избавляюште, хотлште*. Листовъ въ книгѣ 264, а статей во второй половинѣ 189; послѣдняя есть: *лтописиць ѡкратнль отъ Августа даже и до Константина и Зоя, Царь Грннскнхъ*. Лыбытна только древность слога.

Объ Изяславѣ говорить Несторъ: «пойде съ Ляхи; Всеволодъ же «пойде противу ему». Ежели бы самъ Король вторично приходилъ съ Изяславомъ, то Лѣтописецъ безъ сомнѣнія, какъ и прежде, упомянулъ бы объ немъ. Вѣроятно, что Болеславъ только позволилъ Великому Князю набрать охотниковъ. Но здѣсь Длугошъ обрадовался случаю выдумать цѣлую исторію къ мнимой чести Короля своего, и рассказываетъ, какъ Болеславъ завоевалъ всю Волынію, и взялъ аманатовъ отъ *Владимірскаго Князя Игоря* (умершаго за 17 лѣтъ предъ тѣмъ); какъ, собравъ *Профектозъ, Трибуновъ, Центуріоновъ* и рядовыхъ своихъ вонновъ, силь-

ною рѣчью оживляя ихъ мужество, разбилъ Всеволода, осадилъ Кіевъ; какъ въ столицѣ нашей сдѣлался моръ; какъ послы Русскіе низко кланялись Болеславу; какъ онъ въ *другой разъ* завладѣлъ Кіевомъ, и впалъ тамъ въ гнусный порокъ самаго неизмѣннаго сластолюбія, in spurcisimum Sodomie scelus, Ruthenorum detestabiles mores imitatus, и проч. и проч. Кромежь и Нарушевичъ повторяютъ Дрогошеву басню. Не имѣю нужды говорить здѣсь о другой, весьма старой, взятой изъ Геродота, Трога Помпея или Юстина, о рабахъ Польскихъ (вмѣсто Скиѣскихъ), которые въ отсутствіе господъ своихъ женились на ихъ супругахъ и дочеряхъ: то же самое разсказывали у насъ о холопахъ Новгородскихъ (см. Т. I, примѣч. 458). Добродушному читателю остается жалѣть о бѣдныхъ Историкахъ, которые съ важностію и велерѣчіемъ описываютъ такіа проишествія.

(133) «Създа Борисъ Черниговѣ мѣсяца Мая 4 день, и бысть княжежія его 8 дній, и бѣжа». Татищевъ и другіе называютъ Бориса сыномъ Святослава: ошибка важная, ибо сей Князь достопамятенъ по крайней мѣрѣ своею гордою смѣлостію. Не только въ харатейныхъ спискахъ, но и въ другихъ новѣйшихъ, въ самомъ печатномъ Никоновскомъ, въ самой Родословной Книгѣ онъ названъ Борисомъ *Вячеславичемъ*, т. е. сыномъ Вячеслава, Смоленскаго Князя, умершаго въ 1057 году.— Далѣ Татищевъ прибавляетъ, что Владиміръ Мономахъ *выгналъ* Бориса изъ Чернигова; что Царь Греческій Михаилъ требовалъ помощи отъ Князей Россійскихъ; что Мономахъ ходилъ на Херсонцевъ; что Михаилъ тогда *умеръ*, а Никифоръ восшелъ на престолъ Византійскій. Михаилъ тогда не умеръ, а былъ постриженъ, и Никифоръ сдѣлался Императоромъ не въ 1076, а въ 1078 году. Г. Сестренцевичъ повторилъ сказаніе Татищева (Hist. de la Taunide I, 308), воображая, что оно взято изъ лѣтописей.

Въ *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна (стр. 312) сказано, что Новгородцы *выгнали* Глѣба, и что онъ, *бѣжавъ* за Волоку, былъ тамъ убитъ Чудью— а Татищевъ говоритъ: «Емью». Тѣло Глѣба погребено въ Черниговѣ Іюля 23, за церковію Спаса, близъ могилы Святославовой. Въ житіи Никиты Печерскаго (Патер. л. 115) написано, что сей затворникъ угадалъ день Глѣбовой смерти и велѣлъ объявить о томъ Изяславу.

(134) Въ *Духовноч Мономаха*, стр. 33: «И Святославъ умре и язъ шаки Смоленску, а (изъ) Смоленска *той же зимъ* та къ Новгороду, на «весну Глѣбови въ помочъ» — воевавшему тогда, можетъ быть, съ соседственною Чудью— а на лѣто съ отцемъ подъ Полтескъ, а на *другую зиму* съ Святополкомъ подъ Полтескъ, и ожгоша Полтескъ. Онъ иде Новгороду, «а язъ съ Половци на *Одрскъ*» — описка вмѣсто *Дрютескъ*, бывшій городъ Друцкъ на рѣкѣ Друцѣ въ Минской Губерніи — «а та Чернигову. И шаки къ отцю придохъ Чернигову, и *Олеъ приде изъ Володимера съжеденъ*, и возвахъ и къ собѣ на обѣдъ съ отцемъ въ Черниговѣ на краснѣмъ дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривень золота» — то есть, 150 фунтовъ; но сіе число, означенное въ подлинникѣ буквою Т, кажется мнѣ сомнительнымъ; а другіи списковъ Владимірова завѣщанія мы не имѣемъ. — Ежели Святославъ умеръ въ Декабрѣ 1076 году, то Владиміръ въ 1077, *весною*, ходилъ въ Новгородъ ко Глѣбу (еще до прибытія Изяслава, за годъ до Глѣбовой смерти); въ томъ же 1077 году, *лѣтомъ*, въ область Полоцкую со Всеволодомъ, въ Іюлѣ или въ Августѣ, когда уже Изяславъ возвратился; а *зимою* въ 1078 съ Святополкомъ, который оттуда отправился въ Новгородъ, чтобы заступитъ мѣсто Глѣба, въ семь году убитаго. Олеъ, по сказанію Нестора, бѣжалъ изъ Чернигова въ Дірѣмѣ 1078 года, и могъ обѣдать у Владиміра или въ концѣ зимы, или въ началѣ весны.

(135) Несторъ именуеть Ивана Жирославича, Тукія, Чюдяпа брата, и Порѣя, заключая: «и ини мнози въ 25». Думаю, что въ подлинникѣ стояло тутъ число съ *мыслиемъ*. Сраженіе было на берегахъ *Сожинъ*: не *Оржинъ* ли, между Золотоношею и Ширятиннымъ?

Татищевъ пишетъ, что Святославичи не были довольны Тмутороканскою и *Муромскою* областями: ему хотѣлось приблизить одну къ другой.

(136) Въ *Духовной* Мономаха, стр. 34: «И паки и (изъ) Смоленська «же пришедь и пройдохъ сквозъ Половечьскыи вон, бьяся до Переяславля». — Несторъ: «Олга же тогда и Бориса не бѣше въ градѣ» (въ Черниговѣ). Татищевъ сказываетъ намъ, что они бѣдили въ Тмуторокань.

Далѣе: «Володимеръ же приступи ко вратамъ восточнымъ отъ Стрѣжени (рѣки Стрижени) и отя (отбивъ) врата, и отвориша градъ околній, «и пожгоша, и людемъ же вбѣгшимъ въ *днѣпскій* градъ»: въ повѣстникѣ спискахъ справедливо поставлено: «*внутренній* градъ»: ибо слово *днѣ* означало *внутри*: такъ въ *Вольск. Лнт.* (въ рукоп. стр. 717) сказано: «позлащенъ *днѣ* и *внѣ*». Въ лѣтописи о мѣстѣ сраженія: «у села, на *Нежатиинъ нивѣ*». — Далѣе: «Привезоша ѿ (гѣло) Изяслава въ лодыи и поставиша противу *Городи*, и изыдоша противу ему весь градъ Кыевъ». Сей Городецъ или Городокъ былъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Кіева (см. выше, примѣч. 28).

Изяславъ убитъ 3 Октября 1078. Супруга его вдовствовала 30 лѣтъ и скончалась въ 1107 году.

(137) См. выше, стр. 77.

(138) Въ житіи Антоніи (*Патер.* л. 2) сказано, что онъ въ первый разъ возвратился въ Россію при Владимірѣ, и жилъ близъ села Берестова въ пещерѣ, ископанной Варягами (см. ниже); при Святополкѣ ходилъ снова въ гору Аѳонскую, и вторично возвратился въ княженіе Ярославъ. Извѣстіе современнаго Лѣтописца достовѣрнѣе.

Далѣе Несторъ: «искола (Иларіонъ) пещеру малу двусажену». — Пишуть (*Патер.* Кіевск. л. 193), что Антоній постригъ Иларіона: когда же? Первый былъ еще самъ бѣльцемъ, когда второй уже пасъ Церковь. Слова Несторовы: «Богъ князю вложи въ сердце, и постави и Митрополитомъ а си пещерка тако ста; и не по *многъ* днехъ бѣ нѣкій человекъ, именовъ *мірскимъ* (какимъ?) отъ града Любча, и вложи сему «Богъ въ сердце въ *страну* ити (т. е. въ чужую); онъ же устремился въ «Святую гору. . . И умоли Игумена (Аѳонскаго), дабы нанъ возложили «образъ Мнишескы», и проч.

Лѣтописецъ сказываетъ, что пещеры находились подь *ветхимъ монастыремъ*: ибо въ его время былъ уже новый монастырь, на другомъ мѣстѣ.

Далѣе Несторъ: «А самъ (Антоній) иде въ гору, и ископа пещеру, «яже есть подь новымъ монастыремъ, въ ней же сконча животь свой, не выходя изъ пещеры лѣтъ сорокъ». Слѣдственно Антоній скончался не въ 1073 году, какъ означено въ *Патерикѣ* и *Никон. Лттол.*, а гораздо послѣ. Странно, что Издатель *Патерика* худо зналъ Нестора: иначе, опровергая въ предисловіи (л. 4) ложь Католиковъ о минимомъ гробѣ Антонія, будто бы въ Римѣ находящемся, онъ сказалъ бы, что сей мужъ Святый, по *точнымъ* словамъ *нашею древняго Лттописца*, преставился въ Кіевѣ.

Далѣе Несторъ: «въ си же времена приключися прити Изяславу изъ «Ляховъ и нача гнѣватися Изяславъ на Антонія изъ (за) Весслава, и «*присла* въ ночь поя Антонья Чернигову». Въ *Патерикѣ* сказано, что

Святославъ, узнавъ о семь гнѣвѣ, прислалъ за Антоніемъ. Онъ жилъ тамъ на Болдиныхъ горахъ, въ пещерѣ, имѣ выкопанной, гдѣ послѣ основали монастырь Св. Богородицы, и возвратился въ Кіевъ, можетъ быть по вторичномъ изгнаніи Великаго Князя.

Слова въ *Патерикѣ*, л. 46: «случися имъ ити мимо *единою* села Печерскаго монастыря», доказываютъ, что монастырю принадлежали разныя села. См. тамъ же, л. 74, 77, 79, 80. Святославъ отдалъ подь церковь загородное мѣсто, собственно ему принадлежавшее.

Далѣе сказано въ *Патерикѣ*, что Симонъ пріѣхалъ въ Кіевъ съ тремя тысячами Варяговъ и многими Духовными, которые все оставили вѣру Латинскую для Греческаго православія; что Антоній предсказалъ Ярославичамъ несчастное слѣдствіе Альтскаго сраженія съ Половцами, а Симону долгодѣтную жизнь и мирную кончину; что Св. Θεодосій, любя сего знаменитаго Варяга, далъ ему *прощальную* хартію или письменную молитву, которую съ *того времени* начали влагать въ руки умершимъ; что Воляринъ Изяславовъ, Судиславъ Геуевичъ или Климентъ, подарилъ въ монастырь двѣ гривны или фунтъ золота (л. 46), также золотыи вѣнецъ и и богатое Евангеліе, исполнил обѣтъ свой, произнесенный имъ въ часъ кровопролитной битвы.

Несторъ: «Изяславъ же поставя монастырь Св. Дмитрія, и выведе Варлаама на Игуменство къ Св. Дмитрію, хотя створити выше сего монастыря, надѣяся богатство. Мнози бо монастыри отъ Царя и отъ Воляря и отъ богатства поставлени, но не суть тацѣ (такіе), кади суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ. Антоній бо не имѣтъ золота, ни серебра, но стяжа слезами», и проч. Несторъ былъ краснорѣчивый Писатель своего времени.

Далѣе Несторъ: «(Θεодосій) совокупи братье числомъ *сто*, и нача искати правила Чернечьскаго, и обрѣтесе тогда Михаилъ Чернець монастыря Студійскаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ Митрополитомъ Георгіемъ, и нача у сего искати устава Чернець Студійскихъ, и обрѣтъ «у него и списка», и проч. Въ *Патерикѣ* сказано, что Монахъ Печерскій Ефремъ списалъ сей уставъ въ Константинополѣ (*Пат.* л. 100 на об. и выше, л. 42, 44 и 55).

Несторъ: «Братья несомна и (Θεодосія) въ келью и положиша на одръ, и шестому дни насташю, болну сунцю велми, приде къ нему Святославъ съ сыномъ своимъ Глѣбомъ, и сѣдшама у него, рече ему Θεодосій: *се предаю ти монастырь на сблюдене. . .* Князь же цѣловалъ сего—и проч. И такъ Глѣбъ пріѣзжалъ въ то время (въ 1074 году) къ отцу своему въ Кіевъ.

Въ Кіевскомъ *Патерикѣ* Синадальной Библиотеки, писанномъ, думаю, въ XV вѣкѣ, въ посланіи Симона Епископа (жившаго въ XII вѣкѣ) къ блаженному Поликарпу находится слѣдующее: «Отъ того, брата, Печерскаго монастыря мнози Епископи поставлени быша во всю Рускую землю, яко отъ самого Христа, Бога нашего, Апостоли во всю вселенную послани быша. Первыи *Ростовскій Леонтій Сопликомученикъ*, его же Богъ прослави нетлѣниемъ, и се бысть первопрестольникъ, его же невѣрнии, много мучивше, *убиша*; и се третій гражданинъ небесный «бысть *Русскаго* міра съ онѣма Варягома»—убитыми въ Кіевѣ при Владимірѣ—«вѣнчався отъ Христа».—Для чего въ печатномъ (л. 193) выпущено сіе любозытное мѣсто, которое свидѣтельствоуетъ, что Леонтій Ростовскій былъ не Грекъ, присланный отъ Патріарха Фотія, тогда уже давно истлѣвшаго, къ Владиміру Святому (какъ пишутъ въ *Прологѣ*), а Россіянинъ и Монахъ Печерскій, Изяславовъ современникъ (см. *Патерикъ* л. 103)? И такъ добродѣтельный Леонтій былъ дѣйствительно жер-

твою своей ревности къ успѣхамъ Христіанства въ Ростовѣ? чего мы также не знали.—О Кукшѣ говорить Симонъ: «Вятичи крести и много чудеси створи. По многихъ мукахъ усѣченъ бысть съ своимъ ученикомъ». Слѣдственно Вятичи приняли Вѣру Христіанскую или въ исходѣ XI или уже во XII вѣкѣ. Они жили въ Курской, Орловской и въ Калужской губерніи: Брянскъ, Козельскъ, Мценскъ, называются *изъ* городами въ лѣтописяхъ. Чѣкоторые изъ нашихъ Писателей думали, что Вятичами назывались жители города Вятки!—Далѣ Симонъ пишетъ къ Поликарпу: «аще хочещи вся увѣдати, почти лѣтописца *старога Ростова*». Думаю, что онъ называетъ такъ Несторову лѣтопись, переписанную въ Ростовѣ. Поликарпъ заключаетъ житіе Агапты сими словами: «якоже блаженный *Нестеръ* въ лѣтописцѣ написа». Вѣроятно, что оба ссылаются на одну книгу.

Въ Патерикѣ, въ житіи Антонія (л. 3), сказано, что Изяславъ за постриженіе любимца своего Ефрема и Варлаама разгнѣвался на Монаховъ Печерскихъ, и что Антоній со всею братією хотѣлъ удалиться въ иную страну; но супруга Изяслава, *Лясня*, умолила Великаго Князя оставить ихъ въ покоѣ. Современный Лѣтописецъ не упоминаетъ о семъ вторичномъ гоненіи.

Варлаамъ, сынъ Іоанна и внукъ Вышаты, несправедливо, кажется, названъ тамъ правнучкомъ *Остромира*. Знаменитый Новгородскій Посадникъ Остромиръ имѣлъ дѣйствительно сына Вышату, который въ 1064 году ушелъ съ Ростиславомъ въ Тмуторокань; но могъ ли внукъ сего Вышаты быть постриженъ въ 1056 году (см. *Патер.* л. 97)? Дѣдъ Варлаамовъ былъ конечно главный воевода Ярославовъ, плѣненный Греками (см. выше стр. 32); сынъ его Іоаннъ, или Янъ Вышатичъ, около 1071 году собиралъ государственную дань на Бѣлѣзерѣ и послѣ былъ Тысяцкимъ или Воеводою въ Кіевѣ (см. ниже и въ печати. *Несторъ* стр. 129).

(139) Метог. popul. II, 975.

(140) См. въ печат. *Нест.* стр. 123, и Метог. popul. II, 1036, 1037.

(141) Въ *Ростов. Лѣт.*: «Глаголюще, яко сіи жито держать, а сіи «медь, а сіи рыбы, а сіи скору... Они же (волхвы) въ мечтѣ прорѣзавше «за плечима, вынимаюста лубо жито, лубо рыбы, или вѣриду... И бѣ у «нихъ людей 300 человекъ... Испытавъ (Янъ) чія еста смерда, и рече: «выдайте волхва, яко смерда моего Князя и моя. Они же не послушаша. Янъ же самъ поиде безъ оружія, и рѣша Отроки: не ходи безъ оружія; изсрамотаятъ тя. И бѣ 12 Отроковъ съ нимъ, и поиде къ лѣсу. Они «же исполчишеся... Яневи же идушу съ топоркомъ, и выступиша отъ «нихъ три мужа, глаголюще: видя идеши на смерть. Яневи же повелѣвшу бити я, къ прочимъ поиде; и они сунушася на Яня, и единъ грѣшися (промахнулся) «Яня топоромъ; а Янъ, оборотивъ топорокъ, удари «тмліемъ, и повелѣ отрокомъ сѣчи я. Они же бѣжаша въ лѣсъ, и убиша ту «Попина Янева. Янъ же рече Бѣлозерцомъ: аче не имете волхву сею, не иду «отъ васъ за лѣто... и рече има: что ради изгубиша только человекъ? Они «же рѣша, яко тѣи держать обидіе... аще ли хочещи, то предъ тобою «вѣймевѣ жито или рыбу. Янъ же рече: лжета: сотворилъ Богъ человекъ «отъ земли, составленъ костыми и жилами и отъ крове, и нѣсть въ немъ «ничто же», и проч. Далѣ говорягъ волхвы: «Богъ мывся въ мовниці «и вспотився, отреса *ветгомъ*, и верже съ небесе на землю». *Ветсъ* тоже, что ветошка.

Далѣ въ харатейныхъ: «и повелѣ Янъ вложить *рубъ* въ уста има «и привязати я къ *уригу* и пусти предъ собою (въ) лодѣ». И такъ *рублемъ* называли клинъ, брусокъ, отрубокъ. *Уригу* не есть ли мачта или пегла? Янъ велѣлъ повѣсить злодѣевъ при устьѣ Шексны, тѣмъ лю-

дамъ, у которыхъ они умертвили матерей, сестеръ или дочерей. Тѣла ихъ были съѣдены дикимъ медвѣдемъ.—Сіе случилось тогда, какъ Изяславъ находился въ изгнаніи, а братъ его, Святославъ, княжилъ въ Кіевѣ.

(142) См. Т. Ливія, кн. I, отдѣл. 56: itaque quum ad publica prodigia Etrusci tantum vates adhiberentur, etc.—Въ *Ростов. Лѣт.*: «Ключися нѣкоему Новгородцу пріити въ Чудь къ кудеснику: онъ же нача призывать бѣсы во храмину свою... Новгородцу же сѣдѣицу на празѣ. Кудесникъ же лежаше оцѣпенѣвъ, и шибе имъ бѣсъ... Онъ же (Новгородецъ) помянувъ на себѣ крестъ, и отшедъ постави крестъ кромѣ той «храмины... Онъ же (волхвъ) рече: бози наши живутъ въ безднѣ, образомъ черни и крылаты, хвосты имѹше: восходятъ же и подъ небо слушающе Бога нашего; и аще кто умретъ отъ вашихъ людей, то возносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ, той въ бездну. Пачеже женами бѣсовская волшвенія бывають; искони бо бѣсъ жену прельсти, а жена мужа... Жены волхвуютъ чародѣйствомъ и отравою», и проч.

(143) Топоръ былъ у него подъ *скутомъ*, говоритъ Лѣтописецъ: т. е. спрятанъ подъ одеждою. Епископомъ Новгородскимъ, по новѣйшимъ лѣтописямъ и Кataloгу, былъ тогда Θεодоръ. Объ немъ сказано въ нѣкоторыхъ рукописяхъ: «свой песь его уиде, и съ того умре». Мѣсто Θεодора заступилъ въ Новѣгородѣ Епископъ Германъ въ 1078 году, по сказанію *Никон. Лѣт.*

(144) Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ, что древній Россійскій городъ *Владимѣръ* былъ не на Клязмѣ, а въ Волыни близъ Турова.—Татищевъ отдаеъ сей послѣдній городъ не Ярополку, а Давиду, сыну умершаго Игоря Ярославича.

(145) Несторъ: «приде Романъ съ Польши къ *Воиню*. «Всеволодъ же ста у Переяславля и сотвори миръ съ Половци». И такъ урочище *Воинъ* было не далеко отъ Перелславля. Нынѣ есть рѣка *Воинка*, впадающая въ Остеръ.—Мономахъ въ своей *Духовной* говоритъ: «идохомъ «Переяславлю и стахомъ въ обрѣвъ»—т. е. *окопъ*.

Романа умертвили 2 Августа. Несторъ: «суть кости его (Романови) «и доселѣ»... гдѣ? не сказано.

Читателямъ извѣстно, кто былъ Ростиславъ: внукъ Ярославъ, отравленный ядомъ въ Тмутороканѣ. Давидъ и Володаръ бѣжали туда 18 Маія—Татищевъ говоритъ: «первый изъ Турова, второй изъ Перемышля».

Игуменъ Данииль, современникъ Несторовъ, говоритъ въ своемъ *Хождеији* или путешествіи ко Святымъ Мѣстамъ (см. ниже): «и въ томъ «островѣ (Родѣ) былъ Олегъ, Князь Русьскы, двѣ лѣтъ и двѣ зимѣ». По сказанію Нестора, сей Князь, сосланный въ 1079 году, возвратился уже въ 1083. Команы или Половцы, заключивъ миръ съ Императоромъ Никифоромъ въ 1070) году, были тогда союзниками и друзьями Грековъ (Мемог. popul. III, 960). Татищевъ пишетъ, что Козары отвезли Олега въ Грецію; но они, какъ говоритъ Лѣтописецъ, были тогда совѣтниками Половцевъ. И такъ Болтинъ напрасно удивляется невѣжеству Щербатова, сказывая намъ, что «Половцы не могли отослать Олега въ Константинополь, не имѣвъ никогда и никакой связи съ Греками». Козары Тмутороканскіе составляли часть войска Романова и брата его въ семъ несчастномъ для обоихъ походѣ.

Татищевъ рассказываетъ, что въ «сіе время—то есть, въ 1082 году—«Царь Нѣмецкій Генрикъ прислалъ ко Всеволоду Епископа Ольмуцкаго «Адельберта, упрощивая Великаго Князя ити войною на Гейзу, Короля «Венгерскаго; что Всеволодъ съ сыномъ Владиміромъ и съ племянниками

«Давидомъ и Ярополкомъ, выступилъ къ горамъ (Карпатскимъ), по возвращеніи, жалѣя войска, и посылъ Болрина Чудина къ Императору, стараясь примирить его съ Гейзою». Сего извѣстія нѣтъ въ лѣтописяхъ, и Короля Гейзы давно уже небыло тогда на свѣтѣ (см. Прая *Annal. Regum. Hung.* кн. II, стр. 77).—Татищевъ въ описаніи сего же лѣта говорить о морѣ, бывшемъ гораздо послѣ.

(146) См. *Духовн. Мономаха*, стр. 34, 35, 36. Владиміръ говоритъ: «тѣмъ же путемъ по Всеславъ пожегъ землю, и повоевавъ до *Лукамли* «и до *Логожска*, та на Дрютьскъ воюя», и проч. Лукамль, нынѣ Лукомль, есть мѣстечко въ Могилевской Губерніи (въ округѣ Сѣннаго). Логожскъ былъ или тамъ же, или въ Минской Губерніи, гдѣ на Польскихъ картахъ означено мѣстечко *Lohouyk*.—Далѣе: «и на ту осень идохомъ съ Черниговцы и съ Коловци-Чигеевичи къ Меньску, извѣяхомъ городъ и не оставихомъ у него ни челядина, ни скотины».

Несторъ: «заратишася Торци *Переяславстѣи*»: остатокъ народа кочующаго, отчасти истребленнаго моромъ въ 1060 году (см. выше).

Въ *Духовн. Мономаха* стр. 35: «А на ту зиму повоеваша Половци «Стародубъ весь, и язъ шедъ съ Черниговцы и съ Половци, на Деснѣ «изымахомъ Кязи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша, и на «заутрее за Новымгородомъ (Сѣверскимъ) разгнахомъ сильныи вои Бел-«катина, а Семичи» (которые жили по Семи) «и полонъ весь отяхомъ.—«А въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, и ко «Корьдну ходихъ первую зиму.... Томъ же лѣтѣ гонихомъ по Половцихъ «за Хороль, иже Горошинъ (на Судѣ) взяша. И ходихомъ за Супой» (рѣку впадающую въ Днѣпръ), и «ѣдучи къ Прилуку городу» (въ Полтавской Губерніи) «и срѣтоша ны внезапно Половечскіи Кязи 8000. «и хотѣхомъ съ ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ «на повозѣхъ, и виддохомъ въ городъ; только Семцю яша одного живого, и смердь ибѣлоко, а наши отѣхъ болѣ избиша и изымаша, и не «смѣна ни коня пояти въ рудѣ, и бѣжаша на Сулу тою ноци, и заутра «на Господинъ день идохомъ къ Бѣлѣ Вежѣ (въ верховьѣ Остера), и «Богъ ны помозе, и Святая Богородица: «избиша 900 Половецъ, и два «Кязи яша, Багубарсова брата Асиня (Осеня) и Сакзя, а два мужа «только утекоста. И потомъ на Святославль» (городъ неизвѣстный) «гонихомъ по Половцихъ, и потомъ на Торческый» (городъ за Стугною отъ Кіева) «и потомъ на Гюргевъ» (Юрьевъ на Росѣ) «по Половцихъ. «И пакы на той же сторонѣ у Красна» (близъ Василева) «Половци по-«бѣдихомъ, и потомъ съ Ростиславомъ же у Варина» (можетъ быть, у Ворони, древняго городка на Сулѣ) «вече взяхомъ».—Мы не можемъ опредѣлить точнаго времени сихъ происшествій Всеволодова княженія, о коихъ Лѣтописецъ не упоминаетъ, сказывая, что Олегъ сосланъ и Ратиборъ сдѣланъ Посадникомъ Тмутороканскимъ въ 1079 году; что Торки усмирены Владиміромъ въ 1080; что Давидъ и Володаръ ушли Мая 18 и завладѣли Тмуторокапемъ въ 1080; что въ 1082 умеръ *Осенъ* (а не *осени*), какъ въ печатномъ) Ханъ Половецкій, отецъ Аэпы и дѣды сноихъ Мономаховой (см. ниже), и что Олегъ возвратился изъ Греціи въ 1083.

(147) Татищевъ пишетъ, что Ярополкъ, уже изгнанный Ростиславичами и *Давидомъ Игоревичемъ*, приѣхалъ въ Кіевъ; но въ лѣтописи: «при-«ходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день; въ се же время выбѣго-«ста Ростиславичи два» (о Давидѣ Игоревичѣ ни слова) «отъ *Ярополка* «и прошедше прогнаста Ярополка». Слѣдственно онъ прежде былъ у Всеволода. Надобно думать, что Ростиславичи, въ отсутствіе его завладѣвъ Княженіемъ, прогнали дядю, когда онъ возвращался въ свою столицу.

Объ Олешѣ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ 1224 году, когда Россіяне шли противъ Татаръ; оно названо во многихъ спискахъ Отшельемъ, въ другихъ именно Олешьемъ (*Новогор. Лѣт.* стр. 101), и есть нынѣшнее селеніе Аляшки, противъ Херсона, Генуэзцы называли его Elise.

Древній городъ Дорогобужъ есть нынѣ мѣстечко того же имени на берегу Горыни, близъ Ровна.

(148) Мономахъ въ своей *Духовной* пишетъ только: «и паки (хочь) по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохомъ ихъ». Слѣдственно и другой сынъ Изяславовъ, Святополкъ, Новгородскій Князь, возставалъ на дядю? Впрочемъ сіи слова не весьма ясны, и мы не хотѣли внести въ Исторію обстоятельства сомнительнаго.—Микулинъ былъ городъ Червенскій или Галицкій (см. *Никонов. Лѣтоп.* II, 85).

Татищевъ объявляетъ намъ, что Ярополкъ озлобился на Всеволода за то, что сей Князь отдалъ Дорогобужъ Давиду Игоревичу; а Болтнѣвъ удивляется, что Щербатовъ не зналъ сего вымышленнаго обстоятельства! Татищевъ сказываетъ еще, что Мономахъ *отправилъ* въ Кіевъ мать и жену Ярополкову, а самъ *остался* въ Владимірѣ. Лѣтописецъ говоритъ: «матерь Ярополчю и жену его и дружину *приведе* Кіеву».

Другошъ по своему обыкновенію вымыслилъ, что *Болеславъ*, Король Польскій, хотя и не могъ самъ итти съ Ярополкомъ, но далъ ему отрядъ войска, который испугалъ Владиміра и заставилъ его примириться съ изгнанникомъ (*Hist. Polon.* кн. III, 289). Другошъ ошибся здѣсь въ лѣтосчисленіи *осямью* годами: въ 1086 царствовалъ уже *Владиславъ*, а не *Болеславъ*.—Татищевъ сказываетъ, что Всеволодъ возвратилъ Ярополку семейство и казну его.—Мономахъ въ своей *Духовной* три раза упоминаетъ о походѣ въ Владиміръ (стр. 35, 36, 38): «и на ту весну (ходихъ) къ Ярополку совокупаться на Броды (городъ въ Галиціи)... И на ту зиму идохомъ къ Ярополку совокупятися на Броды, и любовь велику «створихомъ... И потомъ ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадихъ, «и Ярополкъ умре».

Звенигородъ существуетъ и нынѣ въ Галиціи подъ именемъ *Дзвингорода* между Станиславовымъ и Каменцемъ-Подольскимъ; онъ принадлежалъ тогда къ Владимірской области.—Другой Звенигородъ находится въ Кіевской Губерніи, недалеко отъ Богуславля.

Въ лѣтописи: «лежащу (Ярополку) на *возѣ*». Въ Кенигсберг. списокѣ сей возъ нарисованъ и поставленъ на сани: искусный художникъ XVI вѣка догадался, что 22 Ноября могла быть зима!—Отроки Ярополковы, *Радоко Воикуиъ* и другіе, отвезли его тѣло въ Владиміръ, изъ Владиміра въ Кіевъ.

(149) Несторъ, описывая собраніе Князей въ 1097 году, сказываетъ, что Давидъ Игоревичъ и Ростиславичи взяли себѣ въ удѣлъ города, *отданные* имъ *Всеволодомъ*: первый Владимірскую область, а послѣдніе Перемышль и Тереховль.

(150) Несторъ: «со псалмы и пѣсни проводиша до Св. Дмитрея, «спрятавше тѣло его, съ честию положиша и въ рацѣ мраморяѣ, въ «церкви Св. Апостола *Петра*, юже бѣ самъ началъ здати прежь, мѣсяца «Декабря въ 5 день». Въ крещеніи онъ былъ названъ, думаю, Петромъ. Татищевъ прибавляетъ, что Кіевляне имѣли къ нему великую любовь, и желали, чтобы Ярополкъ княжилъ въ столицѣ по смерти Всеволодовой.

(151) Скоро увидимъ, что Посадники Черниговскаго Князя правили Муромомъ.—Татищевъ прибавляетъ (будто бы изъ Нижегородскаго и Макарьевского списка), что торгующіе Болгары, ограбленные на Окѣ и Волгѣ, жаловались Олегу и брату его, Ярославу, но не получивъ управы, взяли Муромъ. Въ сіе время Олегъ жилъ въ Тмутороканѣ: Татищевъ

воображалъ сію область близъ Мурома. Онъ говоритъ еще о походѣ Всеволода для *успиренія* Ростиславичей и войнѣ съ Поляками въ 1088 году: чего также нѣтъ въ лѣтописяхъ. Въ Ростовской и другихъ сказано только: «ходи Всеволодъ къ Черемышлю». Въ семь году умеръ Никонъ, знаменитый Игуменъ Печерскій (см. его житіе въ *Патерикѣ*); а въ 1089, по лѣтописи Священника Іоанна, дочь Всеволодова (чего нѣтъ въ другихъ).— Въ 1091 году Игуменъ и Монахи Печерскіе отрыли мощи Св. Феодосія и перенесли ихъ въ церковь. Самъ Несторъ выкопалъ ихъ (рогадією или заступомъ) и собственными глазами видѣлъ, что составы тѣла не распались и волосы на головѣ лежали плотно (*притясли бяху*).— Любопытные могутъ читать о томъ въ *Патерикѣ*; а мы замѣтимъ здѣсь одно обстоятельство: Епископъ Стефанъ, желая видѣть мощи, прѣхалъ въ Лавру на конѣ. — Татищевъ *прибавляетъ*, что Великій Князь съ Княгиней п дѣтми бымъ на другой день въ монастырѣ Печерскомъ и послѣ дали праздникъ у себя, во дворцѣ Кіевскомъ.—По *Воскресен. Лѣт.* Несторъ, говоря о пренесеніи мощей, прибавляетъ: «азъ грѣшный, иже и лѣтописаніе се въ то время писахъ».

(152) «Въ си же времена мнози человекѣди умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе *корсты*, яко продахомъ *корсты* отъ Филиппова дне до мясоцута 7000». Въ Кенигсбергскомъ спискѣ стоитъ *крсты*, а догадливый Издатель поставилъ *крсты*. Но корстами назывались гробы (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 488). — Слѣдственно въ Кіевѣ умирало тогда около ста человекъ въ день.

Затмѣніе солнца было, по сказанію Нестора, въ 1091 году, Маіа 21, во второмъ часу дня: точно такъ показано и въ астрономическихъ таблицахъ, напечатанныхъ въ *l'Art. de vérifier les Dates*, Т. I, стр. 82. Въ томъ же году случилось и землетрясеніе (*стужу земля*, говоритъ Несторъ), а въ 1092 какое-то знаменіе небесное (*яко кругъ бысть посреде неба*).—Осудимъ ли суевѣріе Нестора, когда и Фукидидъ, приступая къ описанію войны Пелопонесской, съ ужасомъ говоритъ о солнечныхъ затмѣніяхъ, чрезвычайныхъ засухахъ, тогда бывшихъ, и проч.; когда Титъ Ливій, исчисляя угрозы Неба при вступленіи Аннибала въ Италію, сказываетъ намъ, что курицы обращались тогда въ пѣтуховъ, а пѣтухи въ курицы (кн. XXII въ началѣ)?

Несторъ: «въ се же лѣто (1091) Всеволоду ловы дѣюще звѣринныя «за Вышегородомъ, заматавшимъ тенета и *кличаюмъ* (крикунамъ) кличущимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе; ужасошася вси людье». Въ *Степенной* (стр. 229): «Хотя ему (Всеволоду) Богъ возбранити отъ самоутѣшшаго въ человекѣхъ обычая, иже съ богопротивнымъ волхвованіемъ «начать таковыя позоры отчурегатель, Хама сынъ, именемъ Нимвродъ, гигантъ создавый Вавилонъ». Далѣе говоритъ Сочинитель, что *земля стужнула*, когда упалъ змій.—Духовенство, какъ видно, не одобряло звѣриной ловли, любимой охоты нашихъ древнихъ Князей.—Въ томъ же 1091 году являлся волхвъ въ Ростовѣ *скоро* погибшій.

Далѣе въ лѣтописи: «Предивно бысть Полотскѣ, въ мечтѣ бываше «въ ноци *тутно* станяше на улицѣ, яко человекѣди рищюще бѣсы», и проч. Татищевъ изясняетъ, что *Тутонъ* есть *Сарматское* имя мертвеца; но въ Кутенскомъ лексиконѣ 1653 году (стр. 174) показано, что *тутно* значить *громъ*. Лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что былъ шумъ на улицахъ.

(153) Въ *Большомъ Чертежѣ* Песочень названъ городомъ *Песчанюю*: нынѣ село въ Полтавской Губерніи.—Лѣтописецъ говоритъ о *трехъ* городахъ, взятыхъ Половцами; но именуетъ только два: Татищевъ дополнилъ его, назвавъ здѣсь городъ Устье, который находился близъ Перяславля (см. въ печати. Нест. стр. 143).

Болтинъ, ссылаясь на лѣтопись Кривоборскаго, которая есть не что иное, какъ сокращеніе Несторовой, наполненное описками (она теперь у меня), говорить, что Василько воевалъ не Польшу, а Кіевскую область: ибо сей Князь, по словамъ нашего Критика, не имѣлъ причины тревожить Польскую землю. Болтинъ не вспомнилъ слѣдующихъ словъ Васильковыхъ (см. въ печати. Нест. стр. 159): «азъ бо Ляхомъ много зла со-творилъ». Даже и Польскіе Историки описываютъ сію войну. «Василько—говоритъ Длугошъ, Hist. Pol. кн. III, стр. 300 — узнавъ о бѣгствѣ Короля Болеслава и нашихъ мятежахъ, съ наемными Половцами разорилъ многія области Государства Польскаго». Далѣе онъ баснословитъ, что скоро вся Россія, будто бы до того времени подвластная его Королямъ, отложила отъ Владислава (кн. IV, 316—317).

(154) Песторъ: «Се же Кіевъ княжа, быша ему печали больше, спаче неже сѣдищо ему въ Переяславлѣ. Печаль бысть ему отъ сыновець (племянниковъ) своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти имъ». — Далѣе: «нача любити смыслъ умныхъ (юныхъ), свѣтъ (совѣтъ) твори съ ними. Си же начаша заводити негодовати дружины свояе первыя и людемъ не ходити Княжей правды (на судъ Княжескій) и начаша Тіуни «грабити люди», и проч. — Хвала Всеволода, Лѣтописецъ говоритъ: «въздержася отъ пьянства и отъ похоти». Слѣдственно трезвость была тогда не весьма обыкновенною добродѣтелію.

(155) Ярославъ (какъ повѣствуетъ здѣсь Лѣтописецъ) сказалъ Всеволоду: «да ляжеша, идѣ же азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тебя спаче братья твоея». — Онъ умеръ (въ 1093, а не въ 1094, какъ въ *Никон. Лѣт.*) въ Среду на Страстной недѣлѣ, и погребенъ въ Четвертокъ: доказательство, какъ спѣшили тогда хоронити мертвыхъ!

(156) Евпракія постриглась въ 1106 году, а скончалась въ 1109, Юля 10, Екатерина (по *Кіевск. Лѣт.* Ирина) въ 1108, Янка въ 1113 году. Евпракія положена въ монастырѣ Печерскомъ у южныхъ дверей. Лѣтописецъ говоритъ: «и сдѣлаша надъ нею *божонку* (божницу), идѣ же дожить тѣло ея». О Янкѣ сказано въ *Ростов. Лѣт.* (лист. 74, а въ печати. *Воскрес. I*, 217): «въ лѣто 6594 (1086) Всеволодъ заложилъ церковь Св. Андрея, и сотвори у нея монастырь, въ немъ же пострижеса и дщи «его дѣвою, именовъ Янка, и совокупи Черноризцы многи, и пребы-ваше съ ними по монастырскому чину». Въ *Стенеп.* то же другими словами (стр. 228). Татищевъ прибавляетъ, что Монахиня Янка любила читать книги, и сама учила молодыхъ дѣвиць грамотѣ, пѣть, шить и проч.

Вторая супруга Всеволодова, мать Ростислава (см. въ печати. *Несторъ* стр. 137 и 157) именована Анною во многихъ спискахъ Нестора: кто она была, неизвѣстно. Миллеръ и другіе называютъ ее Княжною Половецкою: съ чего же? Сія Княгиня скончалась въ 1111 году Окт. 7, и положена въ монастырѣ Св. Андрея (см. *Кіевск. Лѣт.*).

(157) Въ *Chronic. Th. Engelhusen*, въ Лейпцигѣ. *Script. Brunsv. II*, 1090: Anno 1089 Imperator duxit filiam Regis Russorum (женился на дочери Короля Россійскаго). Тутъ Лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующее: «Желая испытать дѣломудріе Агнесы, Генрикъ велѣлъ одному Барону «искать ея любви. Она не хотѣла слушать прелестника: наконецъ доку-ками его выведенная изъ терпѣнія, назначила ему мѣсто и время для «тайнаго свиданія. вмѣсто Барона явился самъ Императоръ, ночью, въ «потемкахъ, и вмѣсто любовницы встрѣтилъ дюжихъ слугъ, одѣтыхъ въ «женское платье, которые, исполняя приказъ Императрицы, выскли его «безъ милосердія, какъ оскорбителя ея чести. Въ минимомъ Баронъ узнавъ «своего мужа, Агнеса сказала: для чего шелъ ты къ законной супругѣ «въ видѣ прелюбодѣя? Раздраженный Генрикъ, считая себя обманутымъ,

«казнить Барона, а цѣломудреннюю Агнесу обругать съ гнусною жесто-
«костью: нагу показав молодымъ людямъ, велѣвъ имъ также раздѣлить». См. еще Гебгард Erläuterung der Euror. Kayser-und Königl. Hauser. табл. 9, гдѣ приведены свидѣтельства разныхъ Нѣмецкихъ Лѣтописцевъ. Агнеса или Адельгейда чрезъ 3 года развелась съ Генрикомъ.

Древнѣйшій Польскій Лѣтописецъ, Мартинъ Галусъ, называетъ Ев-
«праксию только *Русскою дѣвою* (Ruthena puella), а Длугошъ (Hist. Pol. кн. IV, 312) именно родною сестрою Святополка, Изяславова сына (см. также Нарушев. Hist. Nar. Polsk. III, 22).

(Изъ Прибавленій въ концѣ IX тома издан. 1821 года). Нѣ-
«которые изъ современныхъ Лѣтописцевъ именуютъ сію вторую Генрикову
«супругу *Пракседою*. Паги въ Примѣчаніяхъ на Баронія (г. 1093, II):
«Adeleidem conjugem, *Praxedem* etiam ab Auctoribus coaetaneis ap-
«clatam. Вѣроятно, что она была *Евпраксія*, вторая дочь Всеволодова. Не-
«истовый Генрикъ, предавъ ея цѣломудріе въ жертву скверному насилию,
«хотѣлъ, чтобы и сынъ его, Конрадъ, имѣлъ въ томъ участіе; но Конрадъ
«изъявилъ омерзѣніе къ такому гнусному дѣлу и поссорился съ отцемъ за
«свою несчастную мачуху (см. Паги г. 1193, II, р. 313). Адельгейда или
«Пракседда ушла къ Матильдѣ, Графинѣ Тосканской (см. Лейбн. Script.
«Brunsv. I, 672), жаловалась на Генрика *Синоду* Константиійскому (въ
«1094 году) и была совершенно оправдана (въ 1095 г.) Синодомъ Пи-
«аченцскимъ (Паги: adhuc Bertoldus citatus testatur, in ea *Sinodo Pra-*
««xidem Imperatricem à spurcitiis, quas invita pertulerat, absolutam
«esse). Современный Историкъ-Стихотворецъ, Пресвитеръ Допиндо, въ
«описаніи Матильдиной жизни говорить о Пракседѣ, что она болдась муж-
«чинъ, какъ агница бьется волчьего зуба, dentem lupinum (Script.
«Brunsv. I, 672).

(158) Сей достопамятный остатокъ древности находится въ харатей-
«ной Кормчей Книгѣ или въ *Старыхъ Соборныхъ правилахъ* (Синод.
«библ. No 82) подъ такимъ оглавленіемъ: «Іоанна Митрополита Рускаго,
«нареченнаго *Пророкомъ Христа*, написавшаго *Правило церковное* отъ
«Святыхъ книгъ вкратцѣ Іакову Черноризцю». Здѣсь выпиcываю тѣ
«мѣста, о которыхъ упоминаю въ *Исторіи*:

«Иже дщерь благовѣрнаго Князя даяти за мужъ въ ину страну, идѣ
«служать опрѣсноки и сквернояденіимъ отмастаются, не достойно и зѣло
«не подобно правовѣрнымъ се створити своимъ дѣтемъ. Слчтаніемъ (со-
«четаніемъ) Божественный уставъ и мірскій уставъ тоя же Вѣры благо-
«вѣрство повелѣваетъ поимати».

«Прощаль (спрашиваль) о нѣкихъ еси (*Черноризецъ Іаковъ*) иже ку-
««пятъ челядь, створившимъ общихъ молитвъ, ядшимъ съ ними (*съ кото-*
«««рыми они и молились и пѣи амьсть»), послѣди же продавше въ поганыя,
«««которую симъ пріяти епитемью, и рчемъ, якоже рчено есть въ законѣ:
«««Хрестьяна (*Христіанина*) человекъ, ни Жидовину, ни еретику продати».

«Иже своею волею ходятъ къ поганымъ купля ради и сквернню
«««ядати, сихъ отвѣщеваемъ въ схыщники и лихиманьники (лихоимцы) и
«««неправедники и мездьники». Но далѣе говорить, что ихъ не должно за
«««нихъ *скотолобіе* (т. е. любовь къ *денегамъ*) отлучать отъ церкви, но что
«««имъ надобно очиниться молитвою.

«Иже трети братучада поимать (*съ ними совокупляются*), аще и
«««внѣшній законъ повелѣваетъ, нъ (*но*) и сихъ въ опитемью вложитъ». *Бра-*
«««тучадами первыми назывались двоюродные, т. е. дѣти двухъ братьевъ:
«««вторыми внучатные, третими правнучатные (см. Кормчую Книгу о без-
«««законныхъ брацехъ, гл. 51).

«Яко же еси реклъ: оже не бивають на простых людехъ благословеніе вѣлчанія, но Бояре токмо и Князи вѣлчуются; простымъ же людемъ яко именемъ и *плесканіемъ* разумъ даемъ всякъ.... Иже кромѣ (*вип*) «Божественныя церкви, кромѣ (*безъ*) благословенія творяще свадьбу, тайно «пониманіе нарчетъ (*должно назвати тайнымъ совокупленіемъ*). Иже тако «поимають, яко же блуднымъ опитемы дають». Сіе *плесканіе* (водою) конечно было въ Россіи остаткомъ языческихъ брачныхъ обрядовъ.

«Иже третья жену поялъ и Герей благословилъ будетъ, вѣдая или «не вѣдая, да извержется».

«Подобаеть воину наказаніе имъ (Переймъ) дати»—т. е. Перей должны наставлятъ воиновъ. Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома, изд. 1819 г.: здѣсь *воину* можетъ значить *сыну*. Далѣе: «О горе вамъ, яко имя «мое васъ ради хулу пріимаеть въ языцѣхъ! Иже въ монастырехъ часто «пиры творять, сзывають мужи вкупѣ и жены, и въ тѣхъ пирѣхъ другъ «другу преслѣвають, кто лучій творить пирь (*стараются превозйти другъ «друга въ тированіи*).... подобаеть сихъ всею силою взбранати Архіереи, «значающе... яко пьянства зла много послѣдуимъ (*производитъ много «инаго зла*): нездержаніе, нечистота, блудство, нечистословіе; да не реку: «я злодѣяніе! Къ симъ и болѣзнь тѣлесная».

«Иже свое подружіе оставлятъ и поимають (*возмутъ*) инѣхъ, также «я жены (*если и жены оставлятъ мужей*), не принимаемъ въ причащеніе, «дондеже престануть отъ грѣхъ. Также жену не-дѣвицу сvari» (*накажи словами ту, которая выходитъ замужъ, утративъ дѣвство*).

Гдѣ же пеня денежная, будто бы собираемая нашимъ древнимъ Духовенствомъ съ прелюбодѣвъ, какъ означено въ мнимомъ церковномъ уставѣ Князя Ярослава (см. выше, примѣч. 108)? Епископы учили добродѣтели, а не корыстовались порокомъ, и наказаніе состояло единственно въ отлученіи отъ церкви.

О чудесахъ, бывшихъ при строеніи Лавры Кіевской, см. въ *Патерикъ* лист. 74 и слѣд. Повѣствуютъ, что огонь и роса чудесно ознаменовали мѣсто, гдѣ надлежало строить церковь Печерскую; что сама Богородица выслала изъ Царяграда зодчихъ въ Кіевъ, давъ имъ намѣстную икону свою, мощи Святыхъ Артемія, Поліевкта, Леонтія, Акакія, Ареомы, Іакова, Θεодора, и что на сихъ мощахъ основаны церковныя стѣны, размѣренныя златымъ поясомъ Варяга Симона (см. выше): въ широту на 20 поясовъ, въ длину на 30, въ высоту на 50; что купцы Византійскіе, удивленные разными, бывшими тогда чудесами, подарили на украшеніе олтаря мусію, привезенную ими въ Кіевъ для продажи; что лице Богоматери само собою изобразилось въ олтарѣ, гдѣ работали Греческіе художники вмѣстѣ съ Св. Алимпіемъ, Монахомъ Печерскимъ, который учился у нихъ составлять мусію; что каменная дека и столцы для престола были невидимою рукою внесены въ запертую церковь; что Ангелы призвали Епископовъ на освященіе храма, Іоанна Черниговскаго, Исая Ростовскаго, Антонія Юрьевскаго, Луку Бѣлгородскаго, и пѣли: *кто есть сей Царь славы*, и проч. Все сказанное описано блаженнымъ Епископомъ Симономъ, который жилъ въ XII и въ началѣ XIII Вѣка. Говоря о мастерахъ и живописцахъ Византійскихъ, скончавшихъ житіе въ Кіевской Лаврѣ, онъ пишетъ къ другу своему, Св. Поликарпу (такъ въ древнемъ рукописномъ Патерикѣ): «суть же и нынѣ у васъ свитки «ихъ въ палатахъ и книги ихъ Греческія блюдами въ память». Онъ рассказываетъ еще, что Мономахъ, въ юности своей исцѣленный отъ недуга златымъ поясомъ Варяга Симона, снялъ мѣру Печерской церкви, и создалъ такую же въ своемъ Княженіи, въ городѣ Ростовѣ, а сынъ его Георгій въ Суздальѣ, означивъ на хартіи, гдѣ чему бытъ.

Несторъ называетъ здѣсь Киевскую Лавру *Монастыремъ Θεοδосίε-
виμъ*. — При Всеволодѣ освятили еще церковь Св. Михаила Выдубецкаго или (какъ тогда именовали) *Всеволожа* монастыря, въ 1088 году.

(159) Несторъ: «его же людье вси рекоша: се *наше* (навь) при-
шель». Во многихъ спискахъ поставлено; «се *нашъ* пришелъ. *Навь* или
наше означало *мертвеца*. Описавъ, какъ въ Полоцкѣ невидимые Духи
убивали гражданъ, Несторъ прибавляетъ: «человѣци глаголаху, яко *наше*
«бють Полочаны». Такъ объяснено сіе слово и въ *Каталогъ Епи-
скоповъ*.

(160) Въ *Троицк.* и *Кенигсберг.* списки: «въ се же лѣто (6597 или
«1089) преставися Іоаннъ Митрополить.... въ се же лѣто приведе Янка
«Митрополита Іоанну скопчину... отъ *года бо до* года пребывъ умре
«(слѣдственно въ 1090)... Въ се же лѣто (то есть, въ 1089) свѣщена
«бысть церковь Св. Михаила Ефремомъ, *Митрополитомъ* той церкви...
«бѣ бо *преже* въ Переяславѣ Митрополѣ». Въ *Ростов. Лип.* сказано,
что *Митрополитъ* Ефремъ свѣтилъ церковь Св. Михаила въ 1088 году,
Митрополитъ Іоаннъ скончался въ 1089, другой Іоаннъ скопецъ при-
былъ съ Янкою въ 1090, и въ томъ же году Митрополитъ Ефремъ, стро-
итель Переяславской церкви Св. Михаила, заложилъ тамъ другія церкви.
Слѣдственно въ *одно время* были въ Россіи Митрополитами Іоаннъ и
Ефремъ? Надобно думать, что Всеволодъ, любя Переяславъ, учредилъ
тамъ особенную Митрополию, уничтоженную по его кончинѣ, ибо Не-
сторъ говоритъ: «бѣ бо *преже*». Не разумѣвъ того, *Никон. Лип.* приба-
вилъ отъ себя: «живыху множае тамо (въ Переяславѣ) Митрополити
«Киевстѣи и всея Россіи». Нѣтъ, Ефремъ не былъ *тогда Киевскимъ*. Не-
сторъ и въ 1091 году, описывая пренесеніе мощей Θεοδосίевиμъ, назы-
ваетъ сего Святителя Переяславскимъ; но быть можетъ, что онъ, по
смерти Іоанна скопца, заступилъ его мѣсто и сдѣлался Митрополитомъ
всей Россіи: съ чѣмъ согласенъ и *Каталогъ Епископовъ* гдѣ Ефремъ по-
казанъ Митрополитомъ Киевскимъ съ 1092 году (Синод. библ. No. 67).
Болтинъ (*Примч. на Ист. Щерб.* II, 48., и слѣд.) ошибся, утверждая,
что въ Россіи не бывало Ефрема Митрополита, и что во всѣхъ *Степени-
ныхъ спискахъ* Іоаннъ скопецъ означенъ десятимъ, а Никифоръ первымъ-
надесять Митрополитомъ. Во первыхъ что такое *Степенные списки*? Ка-
талоги Епископовъ? или Степенныя книги? Но и въ тѣхъ и въ другихъ
преемникомъ Іоанна скопца названъ Ефремъ, Ефремовымъ Николай, а
Никифоръ уже Николаевымъ (см. ниже). Далѣе пишетъ Несторъ: «Се бо
«Ефремъ бѣ скопецъ, высокъ тѣломъ; бѣ бо тогда многа зданья въздвиге.
«Докопчавъ дерковь Св. Михаила (въ Переяславѣ), заложилъ на воро-
«тѣхъ *городныхъ* во имя Θεοδора, и по семь Св. Андрея отъ церкви у
«воротъ, и строенье *банное* — сего жъ не бысть *преже* въ Руси — и
«градъ бѣ заложилъ камень отъ церкви Св. Θεοδора». *Никон. Лип.*, не
довольный *баннымъ* строеніемъ, прибавляетъ, что Ефремъ завелъ боль-
ницы, гдѣ даромъ лечили бѣдныхъ, и что онъ тоже самое сдѣлалъ и въ
своемъ городѣ *Милитинѣ* (въ Малой Арменіи). Отгадывая справедливость
благоразумной догадкѣ Болтина, который *первый* замѣтилъ, что Несторъ
подъ словомъ *градъ* разумѣтъ здѣсь *ограду* церковную, а *баннымъ* стро-
еніемъ называетъ особенное зданіе, гдѣ ставили купель для крещенія
взрослыхъ людей. Такія зданія, до того времени неизвѣстныя въ Россіи,
дѣйствительно бывали при древнихъ церквахъ Христіанскихъ (на при-
мѣръ, въ Софійской Цареградской) и назывались *Баптистирионъ* (acedes
juxta ecclesiam, in qua baptizantur fideles, говоритъ Дюканжъ, стр. 174).
Слово *бана* и въ нашемъ Новомъ Завѣтѣ употребляется въ смыслѣ креще-
нія (*бана пакыбѣтѣя*, въ Посл. къ Тим. III, 5). Самъ Несторъ (въ *Ни-*

коновск. II, 8) говорить о Христѣ: «*бани петлѣнія дарова, свою кровь «за насъ излія»*. Невѣжды думали, что Митрополитъ строилъ народныя или торговыя бани. Не говорю о новомъ толкованіи сего мѣста, предложенномъ въ особенной книжкѣ: неизвѣстный ея сочинитель ѣздилъ въ Кіевъ; узналъ, что въ Малороссіи называется *банею глава церковная*, и смѣло утверждаетъ, что Митрополитъ Ефремъ началъ первый строить у насъ церкви съ главами! Два Собора Софійскіе, въ Кіевѣ и Новгородѣ построены еще до времени Ефремовыхъ и донынѣ цѣлые, свидѣлствуютъ противное. Мы, не ѣздивъ въ Кіевъ, знали, что Польское слово *баня* знаменуетъ какъ *главу*, такъ и всякое *круглое зданіе* (съ *круглою кровлею*).— Въ *Патерикѣ* сказано, что Ефремъ скопецъ былъ первымъ Бояриномъ Великаго Князя, Изяслава, который гналъ Св. Антонія за постриженіе сего любимца; сказано еще, что Ефремъ, ходивъ Царьградъ, списалъ тамъ уставъ Студійскаго монастыря для своей Печерской обители: обстоятельство несогласное съ извѣстіемъ Лѣтописца (см. выше, примѣч. 138). Въ древнемъ *рукописномъ* Патерикѣ нѣтъ о томъ ни слова, однакожъ Епископъ Симонъ въ письмѣ къ Поликарпу (см. выше) именуетъ Святителя Ефрема въ числѣ знаменитыхъ Печерскихъ иноковъ. Въ Каталогахъ онъ названъ Грекомъ (что и вѣроятно: ибо предки наши не *сочинились*). Грекъ и евнухъ могли постричься въ Кіевѣ; но сомнительно, чтобы такой человекъ былъ первымъ Вельможею Изяславовымъ (*предержай у него вса*).

(161) Вотъ что сказано въ Каталогѣ Епископовъ (лист. 7, Синод. Библ. No. 67): «Повѣствуется же и сіе, яко во дни сего Митрополита (Ефрема) бѣ пренесеніе мощей Святителя Христова Николая изъ Миръ «Ликійскихъ» въ Варъ градъ Италійскій, и сей Митрополитъ оставилъ въ «Россіи» праздникою той пренесеніе Николаева празднича».

(162) См. *Никонов. Лѣт.* Ч. I, стр. 192. Хр. Готл. Фризіи въ сочиненіи: de Episcopatu Kiowensi Commentatio, пишетъ, что будто бы еще Ярославъ Великій просилъ Епископа у Папы Венедикта VIII, и что Венедиктъ въ 1021 году прислалъ въ Кіевъ Святителя Алексія, Болгарскаго уроженца, искуснаго въ языкахъ Греческомъ и Славянскомъ; что сей Алексій основалъ новую Кіевскую Епископію, и первый служилъ въ Софійской церкви, но долго терпѣвъ отъ зависти Греческаго Духовенства, наконецъ выѣхалъ изъ Россіи и скончался въ Болгаріи. Фризіи ссылается на Орловія, также Никанора и Кассіана, писавшихъ de initiis Religionis Christianae in Russia.

(163) Въ *Новгород. Лѣт.* Попа Иоанна, стр. 312, 313: «Смыъ Изяславъ (Святополкъ) иде къ Киеву, и присла Всеволодъ внука своего «(въ Новгородѣ) Мстислава, сына Володимѣра», и проч. Сіе обстоятельство, что Всеволодъ *тогда же* прислалъ въ Новгородъ Мстислава, утверждается словами пословъ Новгородскихъ въ 1102 году: «а сего «(Мстислава) ны далъ Всеволодъ, а вскормили есмы собѣ Князь» (въ печати. *Нест.* 167).

(164) Въ Лѣтописцѣ: «по свѣтъ (совѣтъ) створи (Святополкъ) съ пришедшими съ нимъ». Далѣе говорятъ ему Болре: «Аще бы пристроилъ 8000, нелихо то есть». Татищевъ думалъ, что они говорятъ здѣсь о числѣ Половцевъ.— Далѣе: «наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ *продажъ*» — т. е. отъ налоговъ, или отъ судебныхъ пошлинъ.

Несогласіе было между Святополкомъ и Владиміромъ: ибо Ростиславъ во всемъ слушался брата. Лѣтописецъ говоритъ въ *двойственномъ* числѣ: *удалита, шлоаста*, и проч. Соединенное войско стояло у Св. Михаила Выдубецкаго. Татищевъ, по своему обыкновенію, вымышляетъ здѣсь *причины* Княжеской ссоры.

(165) Торческъ есть нынѣ селеніе Торчица, на берегу Торчи, въ Пятигорскомъ Уездѣ. Несторъ называетъ жителей сего города Торками (въ печати. стр. 137). Триполь или Треполь, на Днѣпрѣ, ниже Кіева. О Янѣ, Воеводѣ Кіевскомъ, см. въ печати. *Нест.* стр. 129. Лѣтописецъ (см. *Никон.* Ч. I, стр. 194), говоритъ, что Θεодосій весьма любилъ Яна и жену его, Марію, за ихъ благочестіе и согласіе. Однажды спросила у него Марія, гдѣ будетъ гробъ ея? «Тамъ же, гдѣ и мой», отвѣтствовалъ Св. Игумень. Она дѣйствительно была погребена въ Лаврѣ, близъ Θεодосіева гроба.

(166) Въ лѣтописи: «межи валома»: ибо тогда всякой укрѣпленный городъ былъ окружася двума валами, между которыми оставалось не малое пространство. — Неважныя прибавленія Татищева оставляемъ въ семъ мѣстѣ безъ замѣчанія.

Святополкъ ушелъ въ Триполь; оттуда же ночью въ Кіевъ.

Ростиславу было тогда 23 года: онъ родился въ 1070 году (въ печати. *Нест.* стр. 121), и погребенъ въ Софійской церкви близъ Всесолодова гроба.—Въ *Патерикѣ* (л. 132) написано, что Григорій, Чудотворецъ Печерскій, предсказалъ Ростиславу кончину его; что сей юный Князь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ ему: «мигъ ли смерть повѣдаешъ отъ воды, умбощу «плавати посредѣ ея? самъ тоя вкусиши»—и велѣлъ утопить святаго мужа.

(167) Въ лѣтописи: «на Желани». Нынѣ есть село Жилыны близъ Кіева и Бѣлогородки. — Несторъ (сказавъ, что сіе несчастіе случилось на канунѣ памяти Св. Бориса и Глѣба) пишетъ: «Бысть плачь въ градѣ, «а не радость, грѣхъ нашихъ ради... Се бо на ны Богъ попусти поганыхъ, и не яко милуя ихъ, но насъ кажа (наказывая); се бо есть ба-тогъ Его... Въ *праздники* Богъ намъ наводитъ сѣтованіе: яко же ся «створи въ се лѣто первое зло на Вознесенъ Господне, второе же въ «праздникъ Бориса и Глѣба, еже есть праздинокъ *новой* Русьскыи земли». — Половцы, оставивъ Торческъ, грабили между Кіевомъ и Вышегородомъ (въ лѣтописи: «пустына на *воронѣ*»). Татищевъ говоритъ, что Половцы отняли воду у жителей Торческа, пересылавъ рѣку и давъ ей другое теченіе; говоритъ еще, что они разбили Святополка посредствомъ употребленной ими хитрости: въ лѣтописи нѣтъ ни того, ни другаго обстоятельства.—Въ сіе время (г. 1093) умеръ Ростиславъ, сынъ Мстислава, избѣгнанаго по его злодѣянію въ Кіевѣ (см. выше, стр. 82) и внукъ Изяслава. Въ *Кеитсберг.* онъ названъ ошибкою сыномъ Изяславовымъ.

(168) Сказаніе о женитбѣ Святополка во многихъ спискахъ пропущено, но есть въ *Кеитсберг.*, *Ростов.* и проч. — Святополкъ, по харат. *Новгород. Лѣт.* (стр. 3) родился въ 1050 году. На комъ онъ былъ женатъ прежде, неизвѣстно, но тогда имѣлъ уже взрослого сына, Ярослава (или *Ярослава*) и двухъ дочерей (см. ниже).

Несторъ: «се уже третіе наведе (Олеги) поганія на Русьскую землю». Издатель печатнаго Нестора безъ всякаго смысла поставилъ здѣсь *Бога*, вмѣсто *Олега*, который дѣйствительно въ третій разъ привелъ тогда варваровъ съ собою: 1) вмѣстѣ съ Борисемъ, 2) съ Романомъ (см. выше. т. II. гл. V).

Мономахъ пишетъ въ своей *Духовной* (стр. 38): «Олеги на мя приде «съ Половечскою землею къ Чернигову, и бишася дружина мой съ нимъ «8 дній о малу... Не владуче имъ въ острогъ» (здѣсь не льзя разобрать нѣкоторыхъ слов)... «Жалниси Христьяныхъ душъ и сель горнншихъ, и «монастырь, и рѣхъ: *не хвалитися поганымъ*—и вдахъ брату отда своего «мѣсто (городъ)... И выидыхомъ на Св. Бориса. день изъ Чернигова... И «сѣхахомъ (стр. 33) сказвъ полкъ Половечскіе не въ 100 дружинѣ» (т. е. съ нимъ было менше 100 человекъ)—«и съ дѣтми и съ женами, и обш-«захутся на насъ акы волни стояще».

(169) Сіе прекрасное мѣсто лѣтописи Несторовой выпущено Издателемъ (см. оное *Никон. Лѣт.* Ч. II, 7 и 8). Далѣе говоритъ Лѣтописецъ: «и не бѣ сего слышано въ днѣхъ первыхъ въ земли Русьскѣй, яже видѣста очи наша за грѣхи наши».

Въ семь же 1094 году скончался Владимірскій Епископъ, Св. Стефанъ, Апрѣля 27. Онъ былъ Печерскимъ Игуменомъ послѣ Θεодосія, достроилъ славную церковь Богоматери, перевелъ Монаховъ въ новый монастырь, оставивъ нѣкоторыхъ въ старомъ для погребенія тамъ мертвыхъ, и первый установилъ пѣть Литургію за умершую братію и блаженныхъ *Ктиторовъ* или строителей храмовъ. Изгнанный (неизвѣстно, за что) иноками Печерскими, Стефанъ основалъ другой монастырь, близъ Лавры, на Кловѣ, во имя Богоматери Влахернской, и въ память ея чудеснаго явленія художникамъ Греческимъ, посланнымъ ею въ Кіевъ для украшенія Лавры (см. выше, примѣч. 158). Наконецъ онъ былъ Владимірскимъ Епископомъ (см. Кіевск. *Папер.* л. 89 и 90).

(170) Святополкъ Бояринъ, Славята, начальствовалъ надъ ними; однакожь не онъ, но дружина уговорила Владиміра быть клятвoprеступникомъ (Татищевъ ошибся). Далѣе: «Присла Володимерь отрока своего «Вандюка по Итлареву чады, и рече Бандюкъ Итлареву: зоветь вы Князь «Володимерь, рекъ тако: *обуиесея въ темлїи збѣ, заутрокаше у Ратиборя, приидите ко мнѣ.* И рече Итларь: тако буди. Яко влѣзоша въ *«истонку* (въ горнищу), тако зашрени быша. Вздлѣше на истонку, прокопаша верхъ, и тако Облбегъ Ратиборичъ прима лукъ свой и нало- живъ сгрѣзу, удари Итларя въ сердце».

(171) Татищевъ искалъ Юрьева при устьѣ Остера; но сей городъ стоялъ на берегу Роси. Въ Несторѣ: «придоша Половци къ Гюргеву, «стояша около его лѣто все и мало не взяша его. Святополкъ же омирн «ѣ. Половци же не идоша за *Рось*»—слѣдственно тутъ былъ Юрьевъ— «Гюргеви же выбѣгоша и идоша Кыеву» (съ Епископомъ Мариномъ). Въ Кодиновой росписи Епархій, подчиненныхъ Кіевской Митрополіи, также сказано, что Юрьевъ на берегу Роси: S. Georgius ad Russum fluvium (см. Мемор. *popul.* II, 1037).

Лѣтописецъ говоритъ, что Половцы сожгли *оставленный* жителями Юрьевъ, и что Великій Князь, построивъ Святополкъ на *Витичевъ холмѣ*, населилъ сей городъ Юрьевцами, также *Засаковцами*, и проч. Городъ *Витичевъ* былъ на Днѣпрѣ, ниже Кіева (см. *Болши. Чертежъ*): тамъ, вѣроятно, находился и Святополкъ, о коемъ еще упоминается въ лѣтописяхъ при нашествіи Татаръ въ 1224 году. Юрьевцы скоро возвратились на прежнее свое мѣсто (см. ниже). Саковъ былъ гораздо ниже Кіева, на восточномъ берегу Днѣпра (см. ниже, примѣч. 328).

(172) Въ харат. *Новгород.* стр. 8: «въ лѣто 6003 иде Святополкъ и «Володимерь на Давыда Смольнеску, и влаша Давыду Новгородъ». Въ *Новгород.* Попа Іоанна, стр. 313: «княживъ пять лѣтъ (Мстиславъ въ Новгородѣ), иде къ Ростову; а Давыдъ приде къ Новгороду княжить, «и по двою лѣту выгнаша и, и приде Мстиславъ опять». Если Давыдъ, какъ сказано выше, въ 1095 году изгнанъ изъ Смоленска, то онъ не жилъ *двоухъ лѣтъ* въ Новгородѣ: ибо Мстиславъ возвратился изъ Ростова въ томъ же 1095 году.

Татищевъ пишетъ *отъ себя*, что «Владиміръ самъ ѣздилъ тогда въ Новгородъ; что жители дали клятву быть вѣрными Мстиславу до его смерти и не имѣть иныхъ Князей, кромѣ Мономаховыхъ потомковъ; что Владиміръ же вилъ Мстислава на Креститѣ, дочери *Новгородскаго Посадника*», и проч.

Сей Историкъ называетъ Изяслава Княземъ Смоленскимъ, рассказывая, что Давидъ выслалъ его изъ Смоленска, и что самъ Владиміръ Мономахъ велѣлъ сыну занять Муромъ; но мы увидимъ ниже, что Мономахъ былъ недоволенъ симъ Изяславовымъ поступкомъ.—Нѣтъ также въ лѣтописяхъ, чтобы Олегъ (какъ пишетъ Татищевъ) грабилъ Ростовскую и Суздальскую землю, и чтобы Владиміръ въ 1095 году воевалъ съ Херсонцами.

Въ Песторѣ: «въ се же лѣто (1095) придоша *прузи* (саранча) Іюля «въ 28 день, и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно; идиху къ полунощнымъ странамъ, ядуще траву и проса». Здѣсь Стриковскій, а за нимъ и Щербатовъ, говорятъ о нападеніи *Пруссовъ* на Россію!

(173) Князья звали Олега на съѣздъ въ Кіевъ уже въ 1096 году: онъ ушелъ Маія 3 изъ Чернигова въ Стародубъ, который былъ въ осадѣ 33 дня. Татищевъ пишетъ, что Святополкъ хотѣлъ сжечь Стародубъ, но Владиміръ тому воспротивился; что они сдѣлали *приметъ* къ стѣнамъ (т. е. обклали оныя деревьями) и грозили обратити городъ въ пепель, желая единственно устрашить жителей; что Великій Князь и Мономахъ, смиривъ Олега, тайно между собою положили отдать ему Муромъ, Давиду Станиславовичу Черниговъ, братьямъ его, Ярославу и *Святославу, Сѣверскую землю* и Тмуторокань, а Смоленскъ Изяславу Владиміровичу. Но Сѣверскую землю называлась самая Черниговская область, и *Святослава* Святославича не бывало.

(174) Въ лѣтописи: «воева Куря съ Половци у Переяславля, и «Устье пожже». Слѣдственно сіе мѣсто находилось близъ Переяславля, вѣроятно при самомъ устьѣ Трубежа.

Далѣе: «и придоша къ *Зарубу*, перебродистася». И сіе мѣсто было на западномъ берегу Днѣпра, противъ устья рѣки Трубежа, гдѣ въ *Большомъ Чертежѣ* (стр. 146) означена гора *Зарубина*.

Далѣе: «аки тестя своего и врага (Святополкъ Тугоркана) привезше «и Кіеву, погребоша и на Берестовѣмъ, между путемъ идущимъ на Берестово и другимъ въ монастырь идуще». Татищевъ говоритъ о высокой могилѣ.—Далѣе: «того же мѣсяца (Іюня), въ Пятокъ, приде второе «Бонякъ безбожный *шелудивый* отай (тайно) хыщникъ Кіеву внезапно, «и мало въ градъ не въѣхаша Половци, и заглоша *болоше*»—(не *мьса*, какъ сказано въ Академическомъ Словарѣ, а пространство между двумя городскими валами, гдѣ бывали огороды, нѣкоторыя строенія, паства для скотины: см. выше, примѣч. 166. *Ростов. Лнт.* т. 80 на обор. и Болт. Примѣч. на Истор. Щерб. II, 194).—«И взвратившася въ монастырь и възгоша Стефановъ и деревней Германа»—не *деревни*, какъ думалъ Татищевъ, а *деревянный* Германовъ—«и придоша въ монастырь Печерскій, «намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени, и кликнуша около «монастыря и поставиша *стяга* (знамя) два предъ враты монастырскы: ми: намъ же бѣжачимъ за домъ монастыря, а другимъ възбѣгшимъ на «полати. Безбожные же сынове Измаилеви высѣкоша врата и поидоша «по кельямъ, высѣкающе двери, износяху аще что обрѣтаху къ кельи. «По семь възгоша дома Св. Владычицы и придоша къ церкви и за«жгоша двери, еще къ Угу (Югу) устроени, и вторыи еще къ Сѣверу, «влѣзши въ притворъ у гроба Θεодосьева, емлюще иконы, закигаху двери «и укориху Бога и законъ нашъ. Богъ же терпѣше: еще бо не скончалася бяху грѣси ихъ. Тѣмъ глаголаху: *идѣ есть Богъ ихъ* (Русскихъ)? «*да поможетъ имъ*. И ина словеса хульная глаголаху на святыя иконы, «насмѣхающися: не вѣдуще, яко Богъ кажетъ (наказываетъ) раби свои «напастыи ратными, да явятся яко злато искушено въ горну. Крестьяномъ бо многими скорбми внити въ царство небесное; а симъ пога-

«нымъ и ругателямъ, на семь свѣтъ примѣшимъ веселье и просторонство (просторъ, покой), а на ономъ свѣтъ примуть муки.... Убиша нѣколько отъ братъ нашихъ», и проч.

Вѣроятно, что Бонякъ снѣшилъ удалиться, свѣдавъ о несчастіи Тургоркана. Мономахъ въ Духовной пишеть (стр. 40): «Идохомъ съ Святоподкомъ на Боняка, за Рось».

Сей Ханъ взялъ тогда въ плѣнъ двухъ святыхъ Печерскихъ иноковъ, Евстратія Постника и Никона Сухаго (см. *Патер.* л. 172 на об.).

(175) Въ харатейной *Пушк.* и въ другихъ: «Олегу же выйде изъ Стародуба и приде Смолннску, и не пріаша его Смолняне, и иде къ *Рязаню*» (Рязани: здѣсь въ первый разъ упоминается о семь городѣ). Слѣдуетъ описаніе войны съ Половцами, а тамъ: Олгови общавшуся «прити съ братомъ (Давидомъ) Киеву и обрядъ (порядокъ) положить, «и не вехотъ сего Олегъ створити, но пришеде Смолннску, и поимъ вои, «пойде къ Мурому». Татищевъ счелъ за нужное прибавить, что Давида не было тогда въ Смоленскѣ, и что сей Князь находился въ Торосѣ. Но смѣлый народъ часто дѣлалъ по своему въ древней Россіи, не слушалася Князей, и граждане Смоленские могли, въ противность Давидовой волѣ, не принять Олега, боясь его безпокойнаго характера.—Замѣтимъ, что упомянутый городъ Торонецъ уже существовалъ въ сіе время. Несторъ, описывая житіе Черноризца Исаіа, называетъ его Торопчаниномъ (въ *Никонов.* Ч. I, стр. 174).—Изяславъ убить подъ Муромомъ. О войнахъ его говоритъ Лѣтописецъ: побѣгоша они черезъ *лѣсъ*, другіе въ городъ. Татищевъ вмѣсто *лѣса*, написалъ *рѣку Лесю*.

(176) Лѣтописецъ: «Мстиславъ же сдумавъ съ Новогородци и послаша Добрыню; а Татищевъ все расплодилъ. Далѣе: Токмо остави «(Олегу въ Суздаль) дворъ монастырскій (*Печерскаго* монастыря) и церковь, яже тамо есть Св. Дмитрей, еже бѣ далъ Ефремъ и съ селы». Суздаль, будучи Всеволодовымъ городомъ, принадлежалъ къ Епархіи Ефрема Переяславскаго.

(177) Сіе письмо взято изъ древнѣйшаго харатейнаго списка Несторова, т. е. Пушкинскаго, и напечатано вмѣстѣ съ *Духовною* Мономаха, стр. 48 и слѣд. Оно было послано или съ Вячеславомъ или въ тоже время, ибо Владимиръ говоритъ въ своей грамотѣ, что сей меншій сынъ его находится съ братомъ Мстиславомъ въ дѣдовской области (стр. 57), но писано еще прежде Олегова изгнанія изъ Муромъ—что доказывається словами: «а ты (Олегу) сѣдиши въ своемъ» (удѣлѣ).—Я ничего не прибавилъ, а только сократилъ. Вотъ нѣкоторыя изъ сихъ мѣстъ въ подлинникѣ (стр. 52): «А мы что есмы? Человѣци грѣшни, ли сей депъ живи, «а утро мертви: день въ славѣ и въ чти, а заутро въ гробѣ и безъ намяти: ниши собранье наше раздѣлять. Зри, брате, отца наю» (нашихъ друхъ отцевъ): что взаста, или чимъ има по ротѣ! Токмо оже еста (они двое створили) створила души свои (душѣ своей).... «И быше тебѣ узрѣвшю кровь его (Изяславову) и тѣлу увянувшю, яко цвѣту нову «процвѣтшию, якожъ агньдо заколену, и рещи быше стояще надъ нимъ: » Убы мнѣ! чию створиша? Сопта сего мечтательнаго (мечтательнаго) кривости «ради нальзохъ грѣхъ собнъ, отцю и матери слезы.... А сноху мою послати ко мнѣ, зане пѣсь въ ней ни зла, ни добра, да быхъ обунмъ «оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею въ пѣсни имѣсь»—думаю *которая «въ тсняхъ* совершилася) — «не видѣхъ бо ею (ихъ двухъ) первѣ радости, ни вѣнчанья ею за грѣхи своя! А Бога дѣля пусти ю ко мнѣ «вборзѣ (скоро) съ первымъ словомъ, да съ нею кончавъ слезы, посажу «на мѣстѣ и сядитъ аки горлица на сусѣхъ древѣхъ желѣючи, а язъ утѣншуся о Возѣ». Надобно думать, что Изяславъ, подобно Мстиславу крест-

ный сынъ Олеговъ, женился въ Ростовѣ или въ Муромѣ, не за долго до кончины своей. Далѣе, въ подлинникѣ стр. 55, 57: да не выскивати «было чужего, ни мене въ соромъ, ни въ печаль ввести; научиша бо и «паробици (слуги), да быша собѣ наѣззли, но оному наѣззоша зло. Ожели «кто (изъ) васъ не хочетъ добра, ни мира Хрестыльномъ, а не буди ему «отъ Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ души его . Мономахъ говоритъ еще въ писемѣ: съ братомъ твоимъ (Давидомъ) *родилися* (а не *родилися* какъ въ печатномъ) «есвъ» (мы двое, т. е. Святополкъ и Владиміръ), «а «не поможе» (не жметъ) «рядитися безъ тебе, и не створиша есвъ «лиха ничтоже; ни рекла есвъ» (мы двое не сказали ему): «*сли къ брату, «дондеже уладимся*». Видно, что Олегъ, взявъ Ростовъ, отвѣтствовалъ такъ миролюбивому Мстиславу: *сли къ отцу*, и проч.—Въ харатейной лѣтописи за Мономаховою грамотою слѣдуетъ молитва къ Богородици, выписанная также (какъ вѣроятно) изъ бумагъ Владиміровыхъ.

(178) Въ лѣтописи: «и наста Феодорова недѣля поста и приспѣ Феодорова Суббота» (т. е. первой недѣли, день, въ который обыкновенно отправляется служба Св. Мученику Феодору)—«а Мстиславу сѣдящо на «обѣдѣ, приде ему вѣсть», и проч. Въ сіе время Феодорова Суббота была (по нынѣшнему лѣтосчисленію съ Января) 1095 году, Марта 1. Далѣе: «И вдасть Мстиславъ *стягъ* Володиміръ (знами Владиміровъ) По-товчину, именовъ Кунуй (а Татищевъ называетъ самого Половчина *Владиміромъ Куманомъ*)—«и вдавъ ему пѣшьцѣ (пѣхоту) и постави и на правѣмъ крылѣ, и заведъ Кунуй пѣшьцѣ, напя (натянулъ) стягъ Володи-меръ и убояся (Олегъ)... И поидоша къ боеви противу собѣ, Олегъ про-тиву Мстиславу, и Ярославъ (братъ Олеговъ) противу Вячеславу. Мсти-славъ же, перешель пожаръ» (выжженные Олегомъ мѣста) «съ Нового-родци и ступишася на Кудачыцѣ» (не рѣкъ ли Каменкѣ?) «и бысъ «брань крѣпка, и нача одолати (одолевати) Мстиславъ, и видѣ Олегъ, «яко стягъ Володиміръ нача заходити въ тылъ его, побѣже». Татищевъ украсилъ описаніе битвы многими подробностями, и пишетъ, что Мсти-славъ имѣлъ въ рукахъ своихъ жену и дѣтей Олеговыхъ; что онъ взялъ Муромъ, вынулъ тѣло брата и велѣлъ отвезти въ Новгородъ. Перваго обстоятельства нѣтъ въ лѣтописяхъ; что касается до втораго, то Лѣто-писецъ, сказавъ о смерти Изяславовой, *непосредственно* говоритъ: «По-ложиша и въ монастыри Св. Спаса, и оттуда перенесоша и Новогоро-ду». Должно заключить, что это было еще прежде Мстиславовой побѣды.—Описаніе сей войны также опровергаетъ мнѣніе Щербатова и другихъ, которые утверждали, что Владиміръ на Клязьмѣ существуетъ съ X вѣка: если бы между Суздалемъ и Муромомъ было тогда городъ, то Лѣтопи-сецъ безъ сомнѣнія упомянулъ бы объ немъ. Я думаю, что описаніе внесено въ Несторову лѣтопись какимъ нибудь очевидцемъ, т. е. Му-ромскимъ, Суздальскимъ или Ростовскимъ жителемъ: оно подробностію своею отличается отъ всѣхъ Несторовыхъ сказаній. Индиктъ и годъ назна-чены въ концѣ: чего нѣтъ въ другихъ мѣстахъ: «Пойде (Мстиславъ) «Новугороду, въ свой градъ, молитвами преподобнаго *Епископа* (а не «Архіепископа) Никиты. Се же бысть исходящо лѣту (6604), Индикта 4 «на полы». Мстиславъ началъ воевать съ Олегомъ въ Февралѣ 6604, но возвратился уже въ 6605 году по тогдашнему лѣтосчисленію съ Марта. Сраженіе подъ Суздалемъ было уже въ 6605: такъ и показано въ хара-тейной Новгородской, съ прибавленіемъ, что въ томъ же году сгорѣло «зарѣчье (онъ поль) и дѣтинецъ (замокъ или крѣпость) и побили *Книгу чабъ* (вѣроятно людей Княгининыхъ) въ Новѣгородѣ.—Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Владыка Новгородскій, Никита, поставленъ въ 1096 году на мѣсто Германа, умершаго въ 1096. Сей Никита на свои деньги ве-

лѣтъ расписатьъ Св. Софію и скончался въ 1108 году. Преемникомъ его былъ Іоаннъ (см. *Нов. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 377).

Татищевъ пишетъ, что въ 1096 году умеръ Митрополитъ Ефремъ, и что Великій Князь на его мѣсто избралъ Святителя *Полоцкого* Никифора, *поставленнаго Епископами Россійскими*. Историкъ нашъ не замѣтилъ, что прежде Никифора была еще Митрополитомъ Николай.

(179) О семь древнемъ обыкновеніи см. въ печати. *Нест.* стр. 165, гдѣ Владиміръ говоритъ Давиду: «сѣдиши съ братею на *одномъ* коврѣ». — Штриттеръ, видя въ *Никонов.* слова: «сняшася на *любви*» (вмѣсто на *Любви*), пишетъ, что собраніе Князей было въ Кіевѣ. Но Лѣтописецъ говоритъ далѣе: «цѣловавшеся пойдоша въ свояси, и *приде* Святополкъ «*Киеву*»: слѣдственно изъ *другаго* мѣста. — Здѣсь Татищевъ влагааетъ въ уста Святополку длинную рѣчь. Слова Несторовы: «глаголаша (всѣ Князья) «къ собѣ рекуще: *начито губимъ Русьскую* землю, сами на ся котору (вражду) «дѣюще», и проч.

Въ раздѣлѣ городовъ не упоминается о Смоленскѣ; но обстоятельство доказываютъ, что сей городъ остался за Владиміромъ. Въ лѣтописяхъ сказано, что Мономахъ въ 1100 или въ 1101 году (см. въ *Никонов.* Ч. II, стр. 33) основалъ въ *Смоленскѣ* каменную церковь Богородицы. Къ тому же Владиміръ въ своей *Духовной* (стр. 40 и 42) пишетъ, что онъ, заключивъ миръ съ Давидомъ Святославичемъ и женивъ сына на Азпиной дочери (см. ниже), часто ѣздилъ въ Смоленскъ и Ростовъ.

Вообще сіе извѣстіе о тогдашнемъ раздѣлѣ государства искажено отчасти писцами, отчасти нашими Историками. Въ *Лушкн.*: «Придоша «Святополкъ, Володимерь, Давидъ Игоревичъ и Василько Ростиславичъ «и Давидъ Святославичъ и братъ его Олегъ» — и проч. Далѣе: «кождо да «держитъ отчину свою: Святополкъ Кіевъ *Изяславъ* (Изяславовъ), Володимерь Всеволожь («*Всеволоже*, т. е. что принадлежало Всеволоду), «Давидъ и Олегъ и Ярославъ и *Святославъ*» (вмѣсто: *Святославе*, или что принадлежало Святославу) — «а имъ же роздаялъ Всеволодь города «Давиду (Игоревичу) Володимерь, Ростиславичема (двумъ Ростиславичамъ) Перемышль Володареви, Теревовль Василькови». Но въ *Ростов. Лѣт.* (л. 83 на обор.) нѣтъ здѣсь ни одной описки. — Татищевъ говоритъ о *сыновцахъ* или родныхъ племянникахъ Святополковыхъ: о Новѣгородѣ, отданномъ тогда Великому Князю; о *Тмутороканѣ*, Удѣлѣ Святославичей. Лѣтописецъ совсѣмъ не упоминаетъ о томъ. Въ Новѣгородѣ княжилъ Владиміровъ сынъ Мстиславъ до 1102 году (см. ниже). Теревовль есть нынѣ мѣстечко въ Галиціи на рѣкѣ Серетѣ и называется Трёмбовла.

(180) См. выше, стр. 65 (текста).

(181) И такъ сіи города принадлежали къ области Кіевской. — Святополкъ, отвѣтствуя посламъ Владиміра и Святославичей (см. ниже), сказываетъ, что онъ боялся еще потерять Берестье (Брестъ) и *Поборину*: не *Погоричу* ли, т. е. мѣста по рѣкѣ Горыни? Василько стоялъ близъ Кіева станомъ на рѣкѣ Рудицѣ. — Татищевъ сказываетъ, что сей Князь за *домашнею нуждою* спѣшилъ въ Теревовль; но Василько, по словамъ Лѣтописца, отвѣтствовалъ Святополку: «не могу ждати, еда будетъ рать «дома». — Татищевъ прибавляетъ еще, что Святополкъ и Давидъ не смѣли сдѣлать никакого зла Мономаху, весьма уважаемому народомъ. — Давидъ посылалъ и своего человека звать Василька, приказавъ ему сказать: «не «ослушайся *брата* старѣйшаго»: *дяди*; но Князья обыкновенно назывались тогда братьями.

(182) Въ лѣтописи: «пріѣха въ малѣ дружинѣ (Василько) на Князь «дворъ и выѣзе противу его Святополкъ, и идоша въ *истоку* (гор- «ницу)... И рече Святополкъ: *да заутракай, брате; поседита вы здѣ, а*

«язь мьзу, паряжу... И не бѣ въ Давидѣ гласа, ни послушанья... И рече: «идѣ естъ братъ? Они же (слуги) рѣша ему: *стоитъ на стѣнѣ*. И вставъ «Давидъ рече: *язь иду нонѣ*... И запроша Василька, и оковаша ѣ въ двоѣ «оковы». Нѣтъ въ лѣтописи, чтобы онъ требовалъ свиданія съ Великимъ Княземъ, желая знать вину свою. Татищевъ прибавляетъ, что Кіевскіе Вѣдьможи совѣтовали Государю своему увѣдомить обо всемъ другихъ Князей, и что Давидъ сказалъ Святополку: «отъ заключеннаго въ Кіевѣ «Василька жди того же, что было Изяславу отъ *Вечеслава*» (Всеслава). Далѣе въ лѣтописи: «яста Василька (Сновидъ Изечевичъ, конюхъ Святополчь и Дмитръ, конюхъ Давидовъ) и хотяща ѣ повреци, и боряшется съ ними крѣпко, и не можаста его повреци, и си влѣзше «друзи, и повергоша, и связаша, и снемше доску съ печи и взложиша «на перси его и сѣдоста оба полы (съ обѣихъ сторонъ) Сновидъ Изечевичъ и Дмитръ, и не можаста удержати, и приступиста ина два, и снѣста другую дску съ печи, и сѣдоста и удавиша ѣ рамно, яко персемъ «троскотати (трещати), и приступи Торчинъ, именовъ Беренди овчюгъ» (овчаръ, а не *вснужъ*, какъ думалъ Татищевъ) «Святополчь, держа ножъ «и хотя ударити во око, и грѣшися ока (не попалъ въ глазъ) и перерѣза «ему лице, и естъ рана та Василькѣ и *мыль*»—(слѣдственно это писано при жизни сего Князя)—«и посемъ удари въ око», и проч.

Городъ Здвиженскъ (а не Воздвиженскъ) былъ на рѣкѣ Здвижѣ. Въ лѣтописи: «сташа на торговици и сволокоша съ него сорочку кровану «сущю и вдаша *попади* прати». Дома Священниковъ, какъ лучше, въ селахъ и древнихъ городахъ, служили пристанищемъ для путешественниковъ. Далѣе: «Пондоша съ нимъ въскорѣ на колѣхъ (на колесахъ), а «по *грудну* пути: бѣ бо тогда мѣсяць *Грудень*, рекше *Ноябрь*; и придоша «съ нимъ Володимери въ 6 день. Приде же и Давидъ съ нимъ, акы пѣ-«какъ удовъ удовивъ, и посадиша ѣ въ дворѣ Вакъевѣ, и приставиша «30 мужъ стеречи, и два Отрока Княжа, Уланъ и Колчко». Издатель Нестора вздумалъ поправить Лѣтописца и напечаталъ, вмѣсто Ноябри: *Грудень*, рекше *Декабрь*: ибо Поляки называютъ сей послѣдній мѣсяць *Grudzien* (см. Т. I, прим. 152).

(183) Они стояли противъ Кіева за *Днѣпромъ о бору*, сказываетъ Лѣтописецъ; а ниже, говоря о томъ же (Несторъ или другой) пишетъ: «сташа у *Городища*: слѣдственно Городецъ былъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра (см. выше, прим. 28 и 136).—Въ *Кіев. Лѣт.*: «въ се же лѣто (1098) «заложилъ Володимѣръ церковь камену Св. Богородица въ Переяславлѣ на «Княжѣ Дворѣ и городѣ на Вѣстри», — т. е. крѣпость въ Остерскомъ Городѣ.

Въ *Пушк.*, въ *Ростов.*, *Кеннисборн.* и другихъ лучшихъ спискахъ Нестора названъ здѣсь Митрополитъ Николаемъ, а въ *Никонов.* ошибкою Никифоромъ, котораго тогда еще не было въ Россіи. Въ лѣтописи: «И «преклонися (Владимѣръ) на молбу Княгининну; чтящеть ю акы матеръ, «отца ради своего... И Митрополита тако же чтяще».

(184) Въ спискѣ *Цукиин.*, *Хѣлби.*, *Ипат.* и другихъ: «Да се, Ва-«сило, шлю тя; иди къ Василькови, *тезу* (тескѣ) своему». Слѣдственно это писано *Василемъ*. Въ такія посольства обыкновенно употреблялись Священники или Монахи. Сей Василій — будучи жителемъ Черенской или Волынской области, какъ вѣроятно—дополнилъ Нестора, зная лучше происшествія страны своей, но оставилъ и краткія хронологическія его извѣстія: отъ чего вышли повторы. На примѣръ, война Святополкова съ Давидомъ, бѣдствіе Венгровъ (см. ниже) въ Галиціи, и кончина Мсти-слава описаны весьма обстоятельно, а послѣ сказано: «въ лѣто 6607 «изыде Святополкъ на Давида и прогна въ Ляхи; въ се же лѣто побѣени

«Угри у Перемышля; въ се же лѣто убѣнь Метиславъ, сынъ Свято-полчь». Одинъ человѣкъ не могъ писать сперва подробно, а тамъ коротко о томъ же случай. — Татищевъ *прибавилъ* къ словамъ Несторова дополнителя слѣдующее: «случилось мнѣ быть тогда въ Владимірѣ *смотриши ради училищъ и наставленія учителей!*»

Города именую здѣсь такъ, какъ они въ *Пушкин.*, въ *Хлбн.* и въ *Ипатьев.* спискѣ именованы. Перемиль и Шеполь были Галицкими городами; они, какъ видно, принадлежали къ области Теревовля. — Въ *Никон. Лнт.* поставленъ вмѣсто Шеполя Теревовль; а Татищевъ написалъ, что сей городъ былъ завоеванъ Давидомъ.

(185) Вопреки Болтину, который говоритъ, что Василько не имѣлъ причины воевать съ Поляками. — О Берендичахъ или Берендѣяхъ см. ниже, примѣч. 218. — Печенѣги жили тогда въ окрестностяхъ Дуная и вели кровопролитныя войны съ Императоромъ Алексіемъ (см. *Мемор. рору.*). Нѣкоторые оставались еще и на Донскихъ степяхъ. Далѣе въ *Пушкин.*: «реку брату своему Володареву и Давидову». Здѣсь названіе брата относится только къ Володарю. Василько хотѣлъ требовать войска утѣ Давида единственно по сосѣдству съ его владѣніемъ. — Далѣе: «И посемь хотѣлъ проситися у Святополка и у Володимера ити на Половцы, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложаю за Русьскую землю». Издатель Нестора напечаталъ: «просити *вои* у Святополка», и проч. Сей разговоръ Василька, описанный нами отъ слова до слова, безъ малѣйшаго прибавленія (какъ и все другое), есть безъ сомнѣнія зеркало великой души.

(186) Василько ослѣпленъ въ Ноябрь 1097 году, разговаривалъ въ темницѣ съ Василіемъ при наступленіи Великаго поста, въ началѣ Февраля 1098, а Володаръ освободилъ заключеннаго брата около Святой недѣли (*приходилу Велику дни*). Въ томъ же году Мономахъ и Святославичи примирились съ Святополкомъ, подѣ Кіевомъ у *Городца* (см. выше, примѣч. 183), какъ мы уже описали: слѣдственно они *нѣсколько* мѣсяцевъ ничего не дѣлали, а только готовились къ войнѣ. Что Владиміръ могъ тогда воевать съ Половцами, заключаю изъ слѣдующаго мѣста его *Духовной* (стр. 41): «Идохомъ противу имъ (Половцамъ) на Суду: чему, кажется, надежало быть около сего времени. — Въ *Ростовск.* и *Воскресенск. Лнт.* сказано, что Василько дѣйствительно чрезъ посла *уговорилъ* Святополка и *Владимира* не тревожить Давида и не проливать крови; но сіе обстоятельство, думаю, несправедливо. Описаніе Святополкова похода въ Волынію въ 1099 году начинается словами: «Святополку же обѣщавшюся прогнати Давида, поиде же къ Берestyю: слѣдственно *Мономахъ* и *Святославичи* не освободили Великаго Князя отъ даннаго имъ обязательства.

Городъ Бужскъ называется нынѣ Бускъ, между Бродами и Лембергомъ. Татищевъ пишетъ, что у Володаря были союзниками Венгры. Сей Историкъ, желая оправдать Ростиславичей, сказываетъ намъ, что Давидъ не исполнить своего обѣщанія и не возвратилъ имъ *всѣхъ* городовъ Червенскихъ; что Володаръ и Василько требовали тогда Мономаховой помощи, и проч.

(187) «И неволя бысть выдати я, и рече Давидъ: *итту ихъ зды; бѣ бо я нослакъ Лучьску* (въ Луцкъ). Огъмъ же (Владиміръцамъ) пошедшимъ Лучьску, *Турикъ* бѣжа Къеву: а *Лазарь* и *Василь* воротистася *Турийску* (мѣстечку на дорогѣ отъ Владиміра въ Ковель)... «Давидъ же пославъ приведе Василя и Лазаря и дастъ я... А завтра по зори (по зарѣ) повѣсиша Василя и Лазаря, и растрѣляша стрѣлами *Васильковичи*». Въ *Ростов. Лнт.* поставлено: «Васильковы *Отроки*», то есть,

молодые люди его отборной дружины (а не сыновья). Такъ въ другомъ мѣстѣ войны Мстиславовы названы *Мстиславичами* (см. *Рос. Библ. от.* стр. 260). Татищевъ сказываетъ, что наперсниковъ Давидовыхъ повѣсили *за ноги*.

(188) «Святополкъ свѣтъ створи съ Ляхы; поиде Пинску пославъ по «воѣ (по воиновѣ), и приде Дорогобужю и дожда ту вой своихъ, и поиде «на Давида». Слѣдственно Великій Князь приходилъ въ Брестъ съ малымъ числомъ войска, думая тамъ набрать Поляковъ. Владиславъ обманулъ Давида, однакожь не хотѣлъ явно помогать его неприятелю.—Далѣе: «и стоя Святополкъ около града 7 недѣль, и поча Давидъ молитиси: *гуси ми изъ града*. Святополкъ же обѣщался ему, и цѣловаше крестъ «между собою, и изыде изъ града и приде въ *Червень*» (близъ Хельма), «Святополкъ вниде въ градъ въ Великую Субботу (9 Апрѣля), а Давидъ «бѣжа въ Ляхы». Татищевъ несправедливо говоритъ, что Великій Князь отдалъ Червень Давиду: сей послѣдній требовалъ единственно личной для себя безопасности, и былъ въ Червенѣ пробѣдомъ. Историкъ нашъ прибавляетъ здѣсь и другія обстоятельства, разсказывая, какъ Святополкъ и Владиславъ угощали другъ друга, и какъ Великій Князь помолвилъ тогда дочь свою за Болеслава, Королевскаго сына, отложивъ бракъ на 5 лѣтъ, за малолѣтствомъ жениха и невесты.

(189) Татищевъ описываетъ все по своему, и заставляеть Ростиславичей убѣдительно доказывать Святополку, что ему должно оставить ихъ въ покоѣ.—Въ лѣтописи: «Володаръ и Василько поидоста противу, взявше «крестъ, его же бѣ цѣловалъ (Святополкъ) къ нима... И срѣтошася на «поли на *Рожи*» (неизвѣстное урочище)... «и Василько взвыси крестъ, «глаголя (и проч.)... *И мнози челоуки благоуърни видѣша крестъ надъ «Васильковы вои взвышися велми*.

Далѣе: «Святополкъ же прибѣже Володимерю, и съ нимъ сына его «два, Ярополчича (племянника) два, и *Святоша, сынъ Давида Святослава «внча*... Посади въ Володимери Мстислава, иже бѣ ему отъ наложницѣ. «а Ярослава посла въ Угры». Издатель Нестора назвалъ Святошу (стр. 164) *Ярополковымъ* сыномъ, а Татищевъ Коломана, Государя Венгерскаго, зятемъ Святополковымъ (см. ниже, примѣч. 209).

(190) Въ *Никонов.* и *Ростов.* Давидъ названъ здѣсь *Ростиславичемъ*: но Володаръ и Василько не имѣли третьяго брата, кромѣ умершаго Рюрика. Потому вездѣ упоминается о Ростиславичахъ въ двойственномъ числѣ, какъ въ мѣстоимѣннѣхъ, такъ и въ глаголахъ. Татищевъ породнилъ Давида съ Володаремъ, сказывая, что первый былъ женатъ на сестрѣ Ростиславичей: въ лѣтописяхъ нѣтъ того. Мартинъ Галлусъ пишетъ (стр. 80), что одна изъ дочерей Польскаго Герцога Владислава была тогда за Княземъ Россійскимъ (*una quarum in Russia viro nupsit*): не за Давидомъ ли, который два раза искалъ Владиславовой помощи?

(191) «И наутрѣ Боянкъ исполчи вои, и бысть Давиду вои 100, а «у самаго (Боянка) 300; и раздѣли на 3 полкы, и поиде къ Угромя, и «пусти наворонъ» — (для скорого *нападеня*, а Татищевъ говоритъ: *для добычи языковъ*)—«Алтунопу съ 50 чади, а Давида постави подѣ *стягомъ*» (въ боевомъ *порядкѣ*, а Татищевъ говоритъ: въ *засаду*)—«а самъ раздѣ- «лися на двѣ части, по 50 на сторонѣ. Угры же исполчихася на *заступы* «(на ряды): бѣ бо Угръ числомъ 100,000» (въ *Никонов.* и другихъ: «и «быша нарядни въ *доспѣлахъ*, аки вои колеблюшася, и бѣ видѣти ихъ «страшно). Алтунопа же пригна къ первому заступу, и стрѣливше побѣ- «нуша предѣ Угры; Угры же погнаша по нихъ, яко бѣжаше; минуша Бо- «нянка»—(слѣдственно онъ, а не Давидъ былъ въ засадѣ) «и Боянкъ по- «гнаше сѣка въ тылъ; а Алтунопа възвраташеться вепять, не допустяху

«Угръ опять, и тако множицею убивая, сбиша є въ мячь, яко се соколъ «сбиваетъ галицъ, и побѣгоша Угри, и мнози истопоша въ *Вагру*» (рѣкѣ впадающей въ Сань), «а друзии въ Сану» (рѣкѣ, на которой стоитъ Перемышль). Число Венгровъ, думаю, увеличено, а число побѣдителей уменьшено; по сказанію Длугоша, первыхъ было 8000. Володаръ *могъ* сдѣлать вылазку, а Татищевъ увѣрительно говорить, что она рѣшила битву.

См. Прая *Annales Regum Hungariae*, кн. II, стр. 99—100. Годъ показанъ тотъ же самый, т. е. 1099; но Венгерскіе Лѣтописцы не знали причины войны. *Quid causae obmoti belli fuerit, non comperio*, говорить Прай: жаль, что онъ не могъ читать нашихъ лѣтописей.—Кто была сія Ланка (можетъ быть Янка) *quae a defuncto marito rerum isthic potiebatur?* Не вдовствующая ли супруга Володарева брата, Рюрика, который прежде господствовалъ въ Перемышлѣ?—Уронъ Венгровъ былъ чрезмѣрный, какъ говорить Прай: *nusquam alias tam insignem jacturam ab hoste nostrorum accepisse, domestici annales memorant.*—Татищевъ разсказываетъ, что Володаръ долго не хотѣлъ звать къ себѣ Половцевъ, и всячески убѣждалъ Коломана заключить миръ.

Туроць (*Chron. Hung.* стр. 66) пишетъ, что Король Ладиславъ, предмѣстникъ Коломановъ, воевалъ съ Россіянами за то, что они совѣтовали Половцамъ опустошать Венгрію: тогда—говоритъ сей Лѣтописецъ—устрашенные Россіане испросили миръ у Ладислава, *et promiserunt regi fidelitatem in omnibus.*

(192) Въ *Пушкинскомъ* и *Кенигсберг.* спискѣ: «Давидъ займъ на) *Сутьску* Червень, приде внезапно и зая Володимерѣ». Въ *Никон. Лѣт.*: «заемъ грады Суетскъ» — въ *Гостов. Сутѣскъ*, у Татищева *Сутень* — «и Червень». Въ географическомъ отрывкѣ, на который мы часто ссылаемся (см. выше, примѣч. 117), показанъ Сутескъ въ числѣ восточныхъ городовъ Литовскихъ: здѣсь безъ сомнѣнія не объ немъ упоминается. Въ Духовной Мономаха (стр. 32) сказано: «идохъ Володимерю на *Сутьйску* мира творить съ Ляхъ». *Сутьскъ* или *сутискъ* вообще означалъ, кажется, *границу*.

Далѣе: «а Мстиславъ затворися въ градѣ съ засадою (съ гарнизономъ), «иже бѣша у него Берестыане, Пиняне (жители Пинска), Выгошевици» (Волынскій городъ Выгошевъ названъ, думаю, послѣ Вышгородъ)... «Мсти-«славу же хотящю стрѣлннн, виѣзану ударень бысть поду лазуху стрѣ-«лою на заборолѣхъ» (на стѣнѣ деревянной) «сквозѣ дску скважною» (сквозъ отверстие доски). Въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Давидъ приступалъ къ городу *подъ вежами*, т. е. подѣ башнями.

Въ *Патерицкѣ* (л. 153), въ житіи Θεодора и Василя, повѣствуется (другими словами) слѣдующее о Мстиславѣ: Инокъ Θεодоръ нашель въ пещерѣ своей множество серебра и сосудовъ драгоценныхъ; хотѣлъ сперва уйти съ ними, но раскаялся, и зарылъ ихъ. Мстиславъ, сынъ Святополковъ, свѣдалъ о томъ и требовалъ сокровища отъ Θεодора, который ему отвѣтствовалъ: «еще при жизни Св. Антонія слышалъ я, что въ сей пещерѣ было древнее Варяжское хранилище, и что она по тому самому «названа *Варяжскою*. Правда, что я видѣлъ тамъ много золота и сосудовъ *Латинскихъ*: но Богъ отнял у меня память, и теперь не знаю, «гдѣ они скрыты мною». Жестокій Мстиславъ велѣлъ мучить Святаго, и будучи *шумень отъ вина*, пустилъ стрѣлу въ друга Θεодорова, блаженнаго Василя, который, вынувъ оную изъ себя и бросивъ къ ногамъ юнаго Князя, сказалъ, что скоро Мстиславъ будетъ самъ узавлченъ ею. Пророчество исполнилось. Мстиславъ, раненый въ Владимірѣ на стѣнѣ, узналъ стрѣлу свою и сказалъ: «умираю за Θεодора и Василя».

(193) Въ харатейной лѣтописи: «и рѣша людье: се Князь убьенъ; да «аще ся вдамы, Святополкъ (а не Давидъ) погубить ны вся».

(194) Именемъ Василя.—Съ Давидомъ Игоревичемъ былъ тогда сынъ неведь или братинъ сынъ, Мстиславъ: сѣдствено Игорь имѣлъ двухъ сыновей.—Татищевъ пишетъ, что въ 1099 году Мономахъ возобновилъ Городецъ на Остерѣ, сожженный Половцами: сей Историкъ считалъ за одно мѣсто Городецъ и Юрьевъ, возобновленный не Мономахомъ, а Святополкомъ (см. ниже).

(195) Въ лѣтописи: «Братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, «Володимерь, Давидъ, Олегъ въ Увѣтичихъ» — у Татиш. на *Вятчешк.* можетъ быть, въ городѣ Витичевѣ, на Днѣпрѣ, ниже Триполя.—Въ *Пугк.* и *Кенигсберг.*, стоитъ 10 и послѣ 30 Августа; но въ *Троицк., Ростов., Никон.* и другихъ 30 Юня. Въ нѣкоторыхъ означено, что Давидъ Игоревичъ прѣхалъ 2 Юля.

Послами были къ Игоревичу отъ Святополка Путята, отъ Владимира Орогость и Ратиборъ, отъ Святославичей Торчинъ. Они говорятъ: «Шедъ сяди въ Бужскѣмъ въ острогѣ» (а Татищевъ обратилъ сей городъ въ два, въ Бужскъ и въ Острогъ) — «Дубенъ и Черторыескъ то ти даетъ Святополкъ:» ибо сии города принадлежали Великому Князю.

Татищевъ назвалъ и Ярослава побочнымъ сыномъ Святополковымъ. Здѣсь же говоритъ онъ о землетрясеніи въ Кіевѣ и Владимірѣ, отъ котораго церкви едва устояли, кресты падали съ храмовъ, и проч. Но въ лѣтописяхъ упоминается о томъ гораздо послѣ (см. ниже), и кратко: «по-«трясая земля».

(196) Длугошъ рассказываетъ (кн. IV, стр. 346), что въ сіе время,— т. е. въ 1001 году — Князья наши: Владиміръ *Новгородской*, Олегъ и Давидъ *Переяславскій*, Володаръ и Ярославъ Ярополковичъ, ограбивъ Польскія владѣнія, съ великимъ богатствомъ и со многими плѣнными возвращались въ Россію, но что юный Болеславъ достигъ ихъ близъ границы и ночью разбилъ на голову. Длугошъ, худо понимая Русскія лѣтописи, не умѣлъ даже и назвать Князей; но быть можетъ, что Володаръ дѣйствительно воевалъ тогда Польшу: ибо Мартинъ Галлуэ (стр. 85) также упоминаетъ о сей войнѣ.

Въ лѣтописи о Ярославі: «и молились о немъ Митрополитъ и Пгу-«мени, и умолиша Святополка, и заводиша и у раку Св. Бориса и Глѣба» — то есть, Ярославъ у гроба сихъ Мучениковъ далъ клятву смириться. Далѣе (въ 1102 году): «выбѣже Ярославъ Ярополчичъ изъ Кіева Окт. въ «1 день. Тогожъ мѣсяца на исходѣ прельстивъ Ярославъ Святополчичъ «Ярослава Ярополчича и ятъ и на Нурѣ» — рѣкѣ, впадающей въ Бугъ — «и приведе и къ отцю Святополку и окована». — Далѣе (въ 1103 году): «преставися Ярославъ Ярополчичъ мѣсяца Августа въ 11 день».

(197) См. выше, примѣч. 163. Слова Новгородцевъ: «аще ли двѣ «главѣ имѣтъ сынъ твой, то пошли».

(198) «Совокунишася вся братья (въ 1101 году): Святополкъ, Воло-«димерь, и Давидъ, и Олегъ, и Ярославъ, на Золотчи» — рѣчкѣ, впадающей въ Днѣпръ противъ Кіева съ лѣвой стороны: см. печат. *Нест.* 218 — «и прислаша Половци слы отъ всѣхъ Князій ко всей братьи, просяще «мира.... И снлшася (сѣхалися) у Сакова, и створиша миръ», Сент. 15. Стѣздъ Князей Россійскихъ былъ на *Долобскѣ*. Озеро выше Кіева, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, называлось *Долобское* (см. въ печатн. *Нест.* стр. 218).

Владиміръ говоритъ Князьямъ: «лошадѣ жалуете, ею же ореть «смердъ». И такъ имя *лошадѣ* употреблялось въ Россіи прежде нашествія Татарскаго. Здѣсь оно нѣсколько разъ повторено.

(199) Всеславъ, княживъ 57 лѣтъ, скончался въ 1101 году, Апрель 14, *въ 1 часу дня*: въ *Луцк*. списокъ прибавлено: въ *Среду*; но въ семь году 14 Апрелья было Воскресеньемъ. Татищевъ пишетъ, что въ 1102 году сынъ Всеславовъ, Борисъ, ходилъ на Ятвяговъ, и возвратясь съ побѣдою, основалъ новый городъ, Борисовъ.

Мы сказали выше, что Олегъ Святославичъ былъ женатъ на Княжизѣ Половецкой (см. ниже, примѣч. 302).

(200) «Выйде (въ 1100 году) Мстиславъ отъ Давыда на море мѣсяца «Юня въ 10». Вѣроятно, что сей Князь, подобно Норманскимъ, выѣзжалъ на море (думаю, Черное) собирать дань съ купеческихъ судовъ.— Вячеславъ Ярополковичъ, о коемъ здѣсь упоминается, умеръ въ 1104 году, Декабря 13. Далѣе въ лѣтописи: «и придоша ниже порогъ и стаща въ *протокачехъ*, въ Хортичемъ островѣ»—думаю, *протокачъ* или рукавахъ Днѣпра, обтекающихъ сей островъ; а Татищевъ пишетъ: *въ Торчахъ*.— Далѣе: «вси моляху Бога и *обити* vzdаху Богу и матери Его, овъ «кутѣю, овъ же милостынею убогимъ, инѣи же монастыремъ требованья... «И поидоша полкове аки *борове*, не бѣ презрѣти ихъ»—(т. е. какъ необозримый боръ; а нѣкоторые новѣйшіе Лѣтописцы поставили: «яко *звѣрие* «дивинъ», воображая, что здѣсь говорится о *боровахъ*, или свиныхъ кладеныхъ самцахъ)—«и Русь поидоша противу имъ, и Богъ великій вложи «ужастъ велику въ Половцѣ и страхъ нападе на ня и трепеть отъ лица «Рускихъ вой; *дремаху* сами, и конемъ ихъ *не бѣ стѣха* въ ногахъ; «пани же съ весельемъ», и проч.

Имена убитыхъ Хановъ: Урусоба, Кчій, Арсланопа, Катанопа, Куманъ, *Асуна*, Куртокъ, Ченегрепа, Сурьбаръ. Нѣкоторые думали, что *Азовъ*, который назывался въ древности Танаисомъ, получилъ имя свое отъ имени *Асуна*, Князя Половецкаго (см. Alte Azowische Begebenh. въ Sammlun. Russ. Gesch. II. 78).

Лѣтописецъ именно говорить, что Россіяне взяли тогда Печенѣговъ и Торковъ съ вежами. Остатки сихъ народовъ еще кочевали на степяхъ Екатеринбургской Губерніи.

(201) Сей *Исторіи* Т. I, стр. 26. Несторъ разумѣеть ихъ подъ именемъ Зимеголы.

Мы не упоминаемъ въ Исторіи о слѣдующихъ происшествіяхъ сего времени: Въ 1101 году (по *Ростовск. Лѣт.* въ 1102) родился у Владиміра сынъ Андрей, а въ 1104 у Святополка Брючиславъ; въ 1103 году снова явилась саранча, Авг. 1; въ 1105 году Бонякъ приходилъ къ Запругу на Торковъ и Берендѣвъ.—Въ *Ростов.* сказано, что въ 1107 году Болгары осаждали Суздаль, гдѣ не было тогда Князя; что жители молились и Богъ чудеснымъ образомъ *остытилъ* непріятелей: въ древнѣйшихъ спискахъ нѣтъ сего извѣстія.—Въ 1107 году, Мая 7, скончалась вторая супруга Мономахова; онъ называетъ ее въ своей *Духовной* (стр. 41) *матерію Георгія*, (см. также выше, примѣч. 46).—Въ 1108 году, Января 30, преставился Новгородскій Епископъ Никита (см. харат. *Новгород. Лѣт.* стр. 9). Въ *Патерикъ* сказано, что онъ былъ затворникомъ въ Киевской Лаврѣ, зная наизусть многія Жидовскія книги и Вѣтхій Заветъ, но не читалъ Поваго, обольщенный Дяволомъ, отъ котораго едва избавили его молитвами своими Григорій Чудотворецъ, Никола Епископъ Тмутороканскій и Несторъ Лѣтописецъ, тогдашніе Монахи Печерскіе. Въ Катагогахъ несправедливо означены годы церковной пастыи и кончины сего Епископа. Мощи Св. Никиты, обрѣтенныя уже въ XVI вѣкѣ, хранятся въ Новгородскомъ Соборѣ, и гробница, сооруженная Царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ, окована серебромъ.—Въ 1108 же году довершили церковь Богоматери на Кловѣ и трапезницу Печерскаго монастыря,

при Игуменѣ Теокистѣ, который заложилъ оную по обѣту Глѣба (Татищевъ пишетъ *Святославича*; но его уже не было на свѣтѣ при Игуменѣ Теокистѣ: развѣ Глѣба *Всеславича*?). Тогда же была сильная вода въ Днѣпрѣ, Деснѣ и Припяти.—Въ 1109 году, по извѣстію *Никон. Лѣт.*, на церкви Св. Михаила явилась неизвѣстная птица: «величествомъ бѣ со «овна, и сіяше всякими цвѣтъ, и пѣсни безпрестанно и много сладости «пуще изношанась отъ нея, и сѣде на церкви по 6 дней и отлетѣ, и «пикто же нигдѣ не можаше видѣти ея».

(202) «Въ лѣто 6614 воеваша Половци около *Зарѣвска*, и посла по «нихъ Святополкъ Яня, Иванька Захарыча Козарина, и утонища По- «довци и полонъ отъяща». Гдѣ былъ Зарѣвскъ, точно не знаемъ; но вѣроятно въ Киевской области. Въ *Никон.* названъ здѣсь Янь *Вышатичъ*, еще *Путята*, братъ его; а въ *Ростов. Лѣт.*, за словами *половъ отъяща*, написано: «и гониша ихъ до Дуная біюще ихъ». Въ *Новгород.*: «избиша «Половци на Дунаи». Татищевъ говоритъ, что Половцы въ сей годъ ходили къ *Дунаю* на Болгаровъ. Въ сраженіи 12 Авг. были съ Мономахомъ сыновья его, Вячеславъ и Ярополкъ. Въ лѣтописи: «убиша же Таза, «Бонякова брата, а Сугра яша и брата его; Шуруканъ едва утече».

(203) Одинъ изъ сихъ Хановъ назывался Аэпа, Осеневъ сынъ, а другой Аэца же, сынъ Гиргенева. На Осеневой внукѣ женился Георгій или Юрій Владиміровичъ, а на Гиргеневой сынъ Олеговъ. Татищевъ называетъ послѣдняго Святославомъ, и пишетъ, что Россійскіе Князья надѣялись сими брачными союзами склонить Половцевъ къ принятію Вѣры Христовой и къ жизни гражданской; что Владиміръ, *Давидъ* и Олегъ съ *Великимъ збравствомъ* выѣхали на рѣку Хороль, и проч. Далѣе въ лѣтописи: «6617, мѣсяца Декабря въ 2 день, Дмитрій Игоревичъ взя жеже «Половецкые у Дону».—Въ *Ростов.*: «1000 вежъ». Въ 6618 (1110): «Идоша веснѣ на Половци Святополкъ, Володимерь и Давидъ» (вѣроятно Святославичъ) «и дошедше Воиня» (близъ Черыяславля) «воротишася. «Того же лѣта Половци воеваша около Черыяславля по селомъ и взяша «половъ у Чючина» (см. *Киевск. Лѣт.*) Татищевъ пишетъ, что Князья наши возвратились отъ Воиня «ради падежа конскаго».

(204) Въ *Киевск. Лѣт.* подъ 1111 годомъ вторично описывается то, что сказано было подъ 1102 годомъ: «Срѣтостася (Святополкъ и Влади- «мѣръ) на Долобску и сѣдоша въ единомъ шатрѣ Святоп. съ своею дру- «жиною, а Володим. съ своею, и бывшу молчанію, и рече Володим.: «brate! ты еси старѣй; почни глаголати. И рече Свитоп.: «brate! ты «почни». Тутъ Владиміръ доказываетъ, что не надобно жалѣть земледѣльцевъ и лошадей ихъ, когда надобно спасти отечество, и проч.—Въ походѣ 1111 года были, кромѣ Великаго Князя и Мономаха, Давидъ Святославичъ и сынъ его Ростиславъ, Давидъ Игоревичъ, Всеволодъ и Святославъ Ольговичи, Ярославъ Святополковичъ, Мстиславъ и Ярополкъ Владиміровичи.

Въ 1102 году: «бысть знаменье на небеси, мѣсяца Генваря въ 29 «день, по три дни, аки пожарная заря отъ Востока и Уга (Юга) и За- «пада и Сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю ночь, аки отъ луны поли- «свѣтящися. Въ то же лѣто бысть знаменье въ лунѣ мѣсяца Февраля въ «5 день. Того жъ мѣсяца въ 7 день бысть знаменье въ солнцѣ: огоро- «дилось бяше солнце въ три дуги, и быша другія дуги хребтъ къ собѣ; «и сія видяще знаменья благовѣрни *Чернчи* со въздыханіемъ моляхуся «къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменія Его на добро: зна- «менья бо бывають ово на зло, ово ли на *добро*. На придущее лѣто вложи «Богъ мысль добру въ Русьскыя Князи, и умыслиша дерзнути на По- «ловци».—Въ 1104 году «бысть знаменье, стояще солнце въ крузѣ, а по-

«среди круга крестъ, а посреди креста солнце, а внѣ круга обаполы два «солнца, а надъ солнцемъ кромѣ круга дуга, рогами на Сѣверъ. Такожъ «знаменье и въ лунѣ тѣмъ же образомъ мѣсяца Февраля въ 4, 5 и 6 день, «въ днѣ по три дни, а въ ночь въ лунѣ по три ночи».—Въ 1108 году, Февр. 5, было землетрясеніе. Въ 1111 году (Февраля 11) «бысть зна- «менье въ Печерстѣмъ монастырѣ: явился столпъ огненъ отъ земли до «небеси, а молнія (молніи) освѣтиша всю землю, и въ небеси погромѣтъ «въ часъ 1 нощи, и весь міръ видѣ. Се же столпъ первѣе ста на тра- «пезницѣ каменнѣй, яко же не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, «сступи на церковь и ста надъ гробомъ Феодосеевымъ, и потомъ сступи «на верхъ, аки ко Востоку лицъ, и потомъ невидимъ бысть». Лѣтописецъ толкуеть, что сей столпъ бытъ не что иное, какъ Ангель, посылаемый Богомъ для спасенія людей, и говоритъ: «не се ли Ангель вожъ бытъ «на супостаты»? Въ *Никонов.* (II, 43) и другихъ прибавлено, что самъ Владиміръ видѣлъ сіе счастливое явленіе, находясь тогда въ Городцѣ, куда столпъ удалился отъ монастыря (слѣдственно Городецъ былъ на Востоку близъ Кіева: см. примѣч. 28 и 136). Въ *Ростов.*: «ту бо бѣ Князь «Владиміръ *радостился*»; а въ *Никонов.*: «въ Радосыни»: такъ называлось мѣсто у Городца (см. ниже). Читатели не имѣютъ нужды въ изъясненіи столь обыкновенныхъ феноменовъ, свойственныхъ климату сѣверному.—Татищевъ, имѣвъ у себя переводъ Ликостенова *Хроникона* (Chronicon prodigiorum), зналъ, что въ 1106 году, Февр. 5, являлась Комета, и по тому единственно пишетъ объ ней въ своей Исторіи. Наши Лѣтописцы не примѣтили сей Кометы, говоря здѣсь только о Сѣверныхъ сіяніяхъ, и проч.

Когда Святлополкъ, въ 1107 году побѣдивъ варваровъ, пришелъ въ Лавру 15 Августа, въ самую заутреню, тогда всѣ монахи съ радостію цѣловали или поздравляли его (*братя цѣловаша съ радостію великою яко орази наши побѣждехъ быша*).

Въ *Пушкин.* два раза сказано о возвращеніи нашихъ Князей съ Воиня, въ 6618 (что и справедливо) и въ 6619; а битва на Сальницѣ положена въ 6620, и весьма кратко описана. Числа и дни недѣли, означенныя въ *Кіевск. Лѣт.* и многихъ другихъ, свидѣлствуютъ, что Князья выступили 26 Февр. 1111 году, во вторую Недѣлю (Воскресенье) Великаго поста. Разбивъ непріятеля 24 Марта, они праздновали на другой день и Благовѣщеніе и *Лазарево Воскресенье*, которыя въ семь году были точно въ одинъ день.

Въ *Кіев. Лѣт.*: «Придоша въ 2 Недѣлю поста, а въ Пятокъ быша «на Сулѣ... Въ Суботу на Хоролѣ, ту и сани пометаша; а въ Недѣлю, «въ нюжъ крестъ цѣлуютъ» (четвертую поста) «придоша на Песель... и «сташа на рѣцѣ на Голтѣ, и ту пождаша вой, и доидоша Ворьскля: ту «жъ заутра въ Среду крестъ цѣловаша съ многими слезами... Въ 6 не- «дѣлю поста придоша къ Донову, во Вторникъ», и проч. Во всѣхъ лѣтописяхъ именно сказано здѣсь: *Донъ*, а не *Донецъ*, какъ поставилъ Татищевъ, вообразивъ, что рѣка Салница, гдѣ было тогда сраженіе, есть упоминаемая въ Большомъ Чертежѣ и впадающая въ Донецъ ниже Изюма. Нѣтъ, здѣсь названа Салницею рѣка Саль, впадающая въ Донъ близъ Семикараковской Станицы. Святлополкъ и Мономахъ отъ Кіева до Ворьскы шли 9 дней: могли ли они итти оттуда до Изюма около трехъ недѣль? Войско наше перешло за Ворьску въ Среду на четвертой недѣлѣ, а сразилось на Сальницѣ или Салѣ въ Понедѣльн. Страстной недѣли.

(205) И такъ воины не носили тяжелыхъ латъ въ походѣ, когда непріятель былъ еще далеко. Мономахъ въ своей *Духовной* (стр. 36) ска-

зываетъ намъ, что они и самое оружіе посылали на возахъ впередъ ко сборному мѣсту.

Ниже въ *Никонов.* и многихъ другихъ сказано, что воѣско плъ къ городу Руканю — въ *Кіев.* и *Воскресен.:* «Шаруканю» — въ *Ростов.* опискою «Тороканю». Онъ же назывался и *Осеневымъ.* Далѣе въ *Ростов.* и *Кіевск.:* «Князь Володимерь повесть Попомъ своимъ, предъ полки идуще, ꙗвѣи тропари и кондаки и каноны Кресту и Богородицѣ. И приидоша ко граду *Осеневу*» (здѣсь нѣсколько строкъ выпущено въ *Никонов.*). *Осеневъ* безъ сомнѣнія названъ такъ отъ имени Хана Осеня, дѣда Владиміровой снохи. Далѣе: «и *Половцы* вышедше изъ града (Осенева или «Шаруканя») поклонилися Княземъ Рускимъ, и прележаша ношь ту, и заутра въ Среду поидоша къ Сугрову, и зажгоша и; а въ Четверт. поидоша съ Дона» (къ Салу или Салницѣ). Побѣда одержана Россіянами на «Потокъ Дегея» (въ *Ростов. Лѣт.* прибавлено: «или *Салтъ* рѣцѣ»). а вторая на *Салницѣ.* Рѣка Салъ составляется изъ рѣчекъ Юрукъ-Сала, Кара-Сала и другихъ.

Далѣе въ *Ростов., Никон.* и другихъ: «И многихъ ихъ (Русскіе Половцевъ) руками яша, и рекоша имъ: како толико васъ сила, и не возмогосте стати?... Они же рѣша: како можемъ съ вами битися, а другіи «верху васъ ѣздить во оружіи свѣтлѣ?... Вспомянуша же здѣ и видѣніе «оно въ Печерскомъ монастырѣ» и проч. — Татищевъ не хотѣлъ писать о мнимомъ чудѣ; но придумалъ въ описаніи битвы, той и другой, многое отъ себя; на примѣръ, восклицаніе Мономахово: *кто Богъ велий, яко Богъ нашъ* — и слова Лѣтописца: *грянули аки громъ* (то есть, сильно ударили) обратилъ въ дѣйствительную грозу. Онъ пишетъ, что Князья Россійскіе извѣстили Греческаго Царя, Польскаго, Венгерскаго, Чешскаго и другихъ о сей великой побѣдѣ, и въ знакъ любви уступили имъ нѣсколько плѣнныхъ. Въ *Кіевск. Лѣт.* сказано только: «възвратилися съ славою великою къ своимъ людемъ, и къ всемъ странамъ дальнимъ, рекуще «къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима, пройде «на славу Богу». Здѣсь говорится единственно о слухѣ, а не о посольствахъ. — Татищевъ въ описаніи похода передвинулъ рѣки, и кладеть Голту за Ворсклюю.

(206) Надобно различать Исторію Татищева и лѣтописи, въ которыхъ не упоминается о Воспорской области послѣ 1094 году, когда Олегъ пришелъ изъ Тмутороканя съ Половцами къ Чернигову.

(207) То есть, Князь Владимірскій. У него были еще два брата Изяславъ и Брячиславъ, которые не имѣли, кажется, удѣловъ и скончались оба въ одномъ году: первый Дек. 13, 1127 г., а второй Марта 28, и погребенъ Апр. 5 (слѣдственно не тамъ, гдѣ умеръ: ибо умершихъ обыкновенно погребали тогда на другой день). Брячиславъ, меньшій сынъ, родился въ 1104 году. — Давидъ Игоревичъ преставился Маія 25: «и положено бысть тѣло его въ 29, въ церкви Св. Богородица въ Влакхернѣ на Кловѣ» (см. *Кіевск. Лѣт.*): слѣдственно въ Кіевѣ.

Въ 1111 году были пожары въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Черниговѣ, Кіевскомъ Подолѣ, и скончался Епископъ Черниговскій Іоаннъ Марта 23, достойный примѣчанія тѣмъ, что онъ 25 лѣтъ за болѣзнію не могъ справлять службы, къ огорченію народа и Князя. На его мѣсто былъ поставленъ Игумень Печерскій Феоктистъ въ 1112 году, Генваря 11 (а по нѣкоторымъ спискамъ уже въ 1113). Лѣтописецъ говоритъ: «И радъ «бѣ Князь Давидъ (Черниговскій) и вси людіе: жадаху бо Епископли «службы; а въ Печерскій монастырь поставленъ бысть Игумень Прохоръ».

(208) Святополкъ умеръ въ годъ солнечнаго затмѣнія, слѣдственно въ 1113, а не въ 1114 году (какъ означено въ нѣкоторыхъ спискахъ, гдѣ годы перемѣнены)... О семь затмѣнїи сказано въ нашихъ лѣтописяхъ: «Бысть знаменье въ солнцѣ въ 1 часу дне; бысть видѣти всемъ людемъ; отяся его мало, яки мѣсяцъ долу рогама, мѣсяца Марта въ «19»... (въ *Кіевской*: «се знаменье проявляше Святополку смерть»)... По таблицамъ астрономическимъ оно было 19 Марта въ 6 часу утра (см. *l'Art. de vérifier les dates*). Представимъ еще другое доказательство: Мономахъ по кончинѣ Святополковой вѣхалъ въ Кіевъ 20 Апрѣля въ Педѣлю, а сіе число было Воскресеньемъ въ 1113 году. — Въ *Кіев.*: «приспѣ праздникъ Пасхы, и по праздницѣ разболѣся Князь, и преста-«вися Апр. въ 16 день за Вышегородомъ, и привезоша его въ лодьи къ «Кіеву, и спрятавше тѣло его, и вложиша и на сани, и плакашась по «немъ Бояре и дружина его вся». Татищевъ пишетъ, что Святополкъ жилъ 54 года; что онъ былъ высокаго росту, сухъ, имѣлъ черноватые и прямые волосы, длинную бороду, острое зрѣніе и хорошую память; читалъ книги; ѣлъ мало по слабости здоровья, и пилъ рѣдко, единственно изъ угожденія другимъ; не любилъ войны; скоро могъ осердиться, но скоро и забывалъ оскорбленіе; слушался паложницы своей и никогда безъ слезъ не раставался съ нею». Я не нашелъ сего описанія въ лѣтописяхъ. Святополкъ жилъ не 54, а 62 года, ибо онъ родился въ 1050 году (см. харат. *Новгород. Лѣт.* стр. 3).

Святополкъ былъ *неблагодаренъ* и *подозрителенъ*: ибо, всемъ обязаный Владиміру, не усомнился признать его врагомъ своимъ — *робокъ въ несчастїи*: ибо смиренно извинялся предъ Боярами младшихъ Князей, и думалъ бѣжать отъ Мономаха и Святославицей — *высокомыренъ въ счастьяи*: ибо, побѣдивъ Давида Игоревича, хотѣлъ выгнать и Ростиславицей изъ ихъ Удѣла.

Въ лѣтописи (г. 1107): «Такъ бо обычай имѣяше Святополкъ: коли «идяше на войну или инамо, поклонився у гроба Θεодосея и молитву «вземъ у Игумена ту сущаго; тоже идяше на путь свой».

Кіевская церковь Св. Михаила заложена въ 1108 году, Юля 11. — Далѣе въ лѣтописи (г. 1108): «вложи Богъ въ сердце Θεоктисту, Игу-«мену Печерскому, и нача възвѣщати Князю Святополку, дабы вписать «Θеодосїа въ Синодикъ, и радъ бывъ, общася и створи: *повелъ* Митро-«политу вписывати по всемъ Епископїямъ и вси же Епископи съ ра-«достю вписаша поминати и на всехъ зборѣхъ».

О Жидакъ Кіевскихъ см. ниже. Въ *Патерицѣ*, въ житїи Св. Прохора, л. 145, сказано; «тогда совѣща (Святополкъ) съ совѣтники своими, «да цѣна соли будетъ многа, и да отъемъ у Прохора, самъ продаеть «оную чрезъ своихъ»; а выше л. 144 на обор.: «въ то убо время велю «нестроенїю сущу и грабленїю беззаконному; не пустиша купцевъ къ «Кіеву изъ Галича и Черемышля, и не бысть соли во всей Россійской «земли, и бѣ видѣти тогда людей сущихъ въ велицїй печали». Сочини-«тель Прохорова житїя (л. 143) говоритъ въ началѣ: «во дни Княженїя «Святополка Изяславовича въ Кіевѣ много насилїя отъ Князя сотворися «людемъ: дома со сильныхъ безъ вины искорени и имѣнїя многихъотья». Онъ сослалъ въ Туровъ Іоанна, Игумена Печерскаго, обличавшаго корыстолюбїе и грабительство его; но боясь Мономаха, дозволилъ сему благочестивому Игумену возвратиться въ свою обитель (см. *Патер.* л. 146).

(209) Въ лѣтописи подъ 6610 годомъ сказано, что сдѣлалось въ Октабрѣ, Декабрѣ, Генварѣ и Февралѣ, и потомъ: «на *придущее* лѣто «Русские Князи умыслиша дерзнути на Половци; въ *се же* лѣто» — и

такъ въ слѣдующее — «преставился Ярославъ Ярополковичъ мѣсяца *Августа* въ 11 день. Въ *се же* лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава мѣсяца *Ноября* въ 16 день». Ярославъ былъ поиманъ въ исходѣ Октября 1102 году (см. выше), и скончался въ Августѣ: слѣдственно уже въ 1103. Въ томъ же году вышла и Сбыслава за-мужъ: что согласно и съ Польскими лѣтописями (см. Нарушевича *Hist. Nar. Polsk.* кн. II, стр. 92 и слѣд., гдѣ описаны всѣ обстоятельства).

Дочь Болеслава Храбраго была за Святополкомъ, усыновленнымъ племянникомъ Св. Владиміра; дочь Владимірова за Казимиромъ; Владислава за Россійскимъ Княземъ (можетъ быть, Давидомъ Игоревичемъ); Болеславъ Смѣлый женился на Княжнѣ Россійской; сынъ его, Мечиславъ, также.

Въ *Пушкин.*: «въ то же лѣто (6614) прибѣже Избыгивѣвъ къ Святополку» (см. также Длугоса *Hist. Polon.* кн. IV, стр. 360).

Далѣе: «въ томъ же лѣтѣ (1104) ведена бысть Предслава, дщи Святополча, въ Угры за *Королевича*, мѣс. Августа въ 21». Коломанъ Венгерскій имѣлъ трехъ сыновей: Ладислава, Стефана и Николая, умершаго въ 1112 году. Супруги первого и третьяго неизвѣстны; а за Стефаномъ была дочь Анулійскаго Герцога.

Далѣе въ Лѣтописи: «въ лѣто 6612 ведена дщи *Володарева* за Царевичъ Олексиничъ (сына Алексіева) Царюгороду Юля въ 20 день». Татищевъ называетъ Володара Владиміромъ. — Алексій Комнинъ имѣлъ трехъ сыновей: 1) Юанна или Калоіоанна, женатаго на Принцѣ, дочери Венгерскаго Короля — 2) Андроника — 3) Исаакія. Супруги двухъ послѣднихъ неизвѣстны (см. Дю-Канжа *Hist. Byzant.* стр. 176 и 179).

Въ *Кіевск. Лѣт.* г. 6620 (1112): «ведоша Евфимью Володимерну въ Угры за Короля». См. Туроц. *Chron. Hung.* LXI, стр. 69. Лѣтосчисленіе согласно. — Прай (*Annal. Hung.* кн. II) говоритъ о Борисѣ: *Borichium sive ex Colomano, sive ex alio, nam id incertum est, sublatum peperisset; a Туроцъ* прямо: *quae (Евфимія) ex adulterio peperit filium, nomine Borich.* Миллеръ думаетъ, что супругомъ Евфиміи былъ Король Вела, женатый на дочери Графа Сербскаго (см. Туроц. *Chron.* гл. 63). Сія дочь Мономахова жила до 1138 года (см. ниже, примѣч. 240).

(210) О Митрополитѣ Никифорѣ сказано въ лѣтописи: «въ томъ же лѣтѣ (1104) приде Митрополитъ Никифоръ въ Русь, мѣсяца Декабря въ 6 день; тогожъ мѣсяца въ 18 на столѣ посаженъ». Въ 1105 году онъ поставилъ трехъ Епископовъ: Амфилохія Владимірскаго Авг. 27, Лазаря Переяславскаго Ноября 22, Мину Полоцкаго Дек. 13, а въ 1112 Феоктиста Черниговскаго. *Новгород. Лѣт.* (стр. 9) называетъ Никифора Сурскимъ, т. е. уроженцемъ города Суры (въ Лихи).

Святоша или *Святославъ* (такъ именно въ *Пушкин.*) постригся въ 1106 году, Февр. 17 (см. *Латерикъ*, л. 177). Въ день его кончины народъ стекался къ нему толпами, требуя благословенія.

См. *Прологъ*, Августа 3. Тамъ сказано, что Антоній, находясь еще въ Италіи, положилъ въ делву церковные сосуды и разныя драгоценныя вещи, и бросилъ ее въ море, а самъ чудеснымъ образомъ приплылъ на камнѣ въ Новгородъ; что рыбаки, имъ нанятые, закинувъ сѣти, вытащили одну изъ рѣки Волхова, близъ того мѣста, гдѣ существуетъ его обитель (въ двухъ перстахъ отъ Новгорода) и проч. Въ запискахъ Антоніева монастыря прибавлено, что сіи церковные сосуды были сердоликовые, яшмовые и хрустальные, украшенные золотомъ, алмазами и яхонтами, и что Царь Юаннъ Васильевичъ взялъ ихъ въ Москву; что пять образовъ мусійныхъ и каменный крестъ остались въ монастырѣ, гдѣ показываютъ и зеленую трость Антоніеву; что камень, на коемъ онъ приплылъ, нахо-

дится въ пашерти съ изображеніемъ Св. Угодника; что на золото и серебро, бывшее въ деляхъ, Антоній *купилъ* у Посадниковъ землю для обители, совершилъ каменную церковь въ 1122 году (см. ниже, примѣч. 225), а трапезу теплую въ 1130, также и колокольню съ теплыми погребами; что сіи зданія цѣлы донныя; что Антоній скончался въ 1147 году, имѣя 79 лѣтъ отъ рожденія; что мощи его обрѣтены и положены въ окованную серебромъ раку въ 1597 году, Іюли 1, а съ 1731 года лежатъ въ новой кипарисной, также серебромъ окованной, и проч. Въ семь монастырѣ хранятся также слѣдующіе списки двухъ грамотъ Антоніевыхъ:

«Се трудъ, Госпоже моя пресвятая Богородица, имѣ же трудихся на мѣстѣ семь. Купилъ есми землю Пречистыя въ домъ у Смехна и у Прохна у Ивановыхъ дѣтей у Посадничихъ, а даль есми сто *рублевъ*; а обводъ той земли отъ рѣки отъ Волхова Виткою ручьемъ вверхъ до Лющикъ, да Лющикомъ ко Кресту, а отъ Креста на Коровей прогонъ, а а Коровимъ прогономъ на Олху, а отъ Олхи на Еловой кустъ, а отъ Еловаго куста на верховье на Донцовое, а Донцовымъ внизъ, а Денецъ впалъ въ Деревяницу, а Деревяница впала въ Волховъ; а той землі и межа; а кто на сію землю наступитъ, а то управитъ Мати Божія».

Сей списокъ свидѣтельстввань Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ присутствіи его въ Великій Новгородъ лѣта 7081 Авг. въ 15, и подписанъ Дьякомъ его Иваномъ Собакинымъ. Вторая грамота есть духовная Антоніева: «Се азъ Антоній, худшій во Мнѣсахъ, изыдохъ на мѣсто се, не пріяхъ имѣнія ото Князя, ни отъ Епископа, токмо благословеніе отъ Никиты Епископа, и паша по чужей землі, ни вдвое, ни воедино, ни себѣ покоя не дахъ, и братья, и сиротамъ и здѣ Кресьяномъ досажая; да то управитъ Мати Божія, что есмь бѣды принялъ о мѣстѣ семъ. Се поручаю Богу и Св. Богородицѣ и Крестьяномъ, и даю въ свободу, и се поручаю мѣсто се на Игуменство (хто мое слово худое преступитъ, судитъ ему Богъ и Св. Богородица) или Богъ ответветъ, а кого изберутъ братья, по отъ братьи ниже кто въ мѣстѣ семь терпитъ; а который братъ нашъ да отъ мѣста сего начнетъ хотѣти Игуменства или мздою или насильемъ, да будетъ проклятъ; или ото Князя начнетъ по насилью дѣяти комч, или по мздѣ, да будетъ проклятъ; или Епископъ по мздѣ начнетъ кого ставити, или инъ станетъ насильемъ творити на мѣстѣ семъ, да будетъ проклятъ. И се возвѣщаю, да егда сѣдохъ на мѣстѣ семъ, даль есмь на землю и на тони 70 гривень, на селѣ есмь даль гривень сто на Волховскомъ: Тудоръ съ женою и съ дѣтми одерень» (крѣпостной), «Волосъ съ женою и съ дѣтми одерень, Василій съ женою и съ дѣтми одерень. Аще сію грамоту хто преступитъ, да будетъ проклять тремя сты Св. Отець и осьмьнадесять, и буде ему со Іудюю причастье».—Слогъ довольно старъ; но чтобы судить объ истинѣ сихъ грамотъ, надлежало бы видѣть подлинникъ, коего нѣтъ. См. ниже, примѣчаніе 225.

(211) Сіе путешествіе или *Хожденіе Данила Русьскія земли Игумена* сохранилось въ монастырскихъ библіотекахъ и находится, только не полное, при Кенигсбергскомъ списокѣ Нестора. Печать древности еще видна на слогѣ, отчасти поновленномъ неблагоразумными писцами.—Вѣроятно, что Игумень Даниль родился или жилъ въ Черниговской области: ибо онъ рѣки Обѣтованной земли обыкновенно примѣняеть къ *Слову*. Сей путешественникъ могъ быть Юрьевскимъ Епископомъ Данииломъ, поставленнымъ въ 1113 году.

Даниль говоритъ о Валдвинѣ: «Язъ худый и недостойный въ ту Патницу въ 7 часъ дни ходихомъ къ Князю тому Балдвину и покло-

«нихся ему до земли. Онъ же видѣвъ мя худаго, и призва мя къ себѣ съ любовію и рече ми: что хочещи, Игумене Русьскы? Познавъ мя «бѣше добрѣ и любя мя вельми, яко же есть мужъ благодѣлень и смиренъ вельми, и не *гордитъ*. Язъ рекохъ ему: Княже мой Господине! «молю ти ся Бога дѣля и Князей дѣля Русьскихъ, повели ми, да быхъ «и язъ поставилъ свое кандило на гробѣ святомъ отъ всея Русьскыя «земли. Онъ же съ тѣпанемъ и съ любовью повелѣ ми поставити кандило; посла съ мною мужа своего, слугу лучшаго». Даниилъ сказывасть, что онъ поставилъ свою лампаду въ гробѣ, тамъ, гдѣ лежали ноги Спасителя; что кандило Греческое стояло въ головахъ, кандило Св. Саввы на персяхъ, а *Фряжское* висѣло вверху. Далѣе говорить: «заутражъ въ «Великую Субботу въ 6 часъ дне собираются вси людье передъ церковь «Св. Воскресенья отъ всѣхъ странъ, пришелицы отъ Вавилона и отъ «Египта и отъ всѣхъ конецъ земли ту съ собирають, и велика тѣснота, «томленье и лютѣ людыямъ тѣмъ бываетъ: мнози бо человекѣи ту ся зды- «хаютъ (задыхаютъ). И ти людье вси стоить съ свѣщи невзвѣнны, «ждуть отверзенья дверей церковныхъ. Внутри же церкви токмо Попове «едины суть, и ждуть Попове и вси людье, дондеже придетъ Князь съ «дружиною... И ти людье вся глаголють токмо: *Господи помилуй!* и зовуть неослабно и вопіють сильно, якъ *тутнати* (гремѣть) и гремѣти «всему мѣсту тому отъ вопля людей, и ту источницы слезами проли- «ваются отъ вѣрныхъ людей: аще бо кто каменно сердце имать, но «стотъ можетъ прослезиться.... Всякъ бо человекъ глаголетъ къ собѣ: егда «моихъ дѣля грѣховъ не сидеть свѣтъ святой.... И яко бысть 7 часъ «дни, поиде Балдвинъ Князь къ гробу Господню и съ дружиною изъ «дому своего, вси боси, пѣши, и присла въ *Метохію*» (*Metochion, кельи:* см. Дю-Канжа) «Св. Саввы, и позва Игумена съ братією ко гробу «Господню, и язъ худый тужъ, и приходомъ къ Князю тою и поклоня- «хомся ему вси. Тогда онъ поклонихся Игумену и всей братіи, и по- «велѣ Игумену Св. Саввы и мнѣ худому близъ себе повелѣ итти, а «инымъ Игуменомъ и Чернцемъ повелѣ передъ собою итти, а дружинѣ «повелѣ позади итти, и приходомъ къ церкви Св. Воскресенья къ запад- «нымъ дверемъ, и се множество людей заступили двери, и Князь Бал- «двинъ повелѣ воиномъ, и разгнаша людей и створиша улицу ольно до «гроба, и такъ могахъ пройти сквозь людье, ольно до гроба.... И Князь «по насъ приде и ста на мѣстѣ своемъ на деснѣи странѣ у переграды «великаго алтаря: ту бо есть мѣсто Княже создано высоко; и менежъ худаго «повелѣ поставити высоко надъ самими дверми гробнымъ, яко дозрѣти ми «бѣше въ двери гробныя... Латинскіи же Попове въ велицѣмъ олтарѣ «стояша, и яко бысть 8 часъ дни, и начаша Вечерню пѣти, и Попове «благовѣрнии, и Черноризцы, и вси духовніи мужи, пустыницы многи «и Латыни въ велицѣмъ олтари вѣщати свойски.... Язъ ту стояше, при- «слежно зря къ дверемъ гробнымъ, и яко начаша чести паремъи, изыде «Епископъ съ Дьякономъ изъ великаго алтаря, и приде къ дверемъ гроб- «нымъ, и позрѣ въ гробъ сквозь крестецъ дверей тѣхъ; и не узрѣ свѣта «и возвратися опять. И яко начаша чести паремъи 6, тотъ же Епи- «скопъ приде къ дверемъ гробнымъ, и не видѣ ничтоже, и вси людье «воспѣша съ слезами *Kirie Елейсонъ*, еже естъ: Господи помилуй! И яко «бысть 9 часу минувшу, и начаша пѣти пѣснь проходную: *Господеву* «*поемъ!* Тогда приде внезапно туча мала отъ Востока лицъ, и ста надъ «верхомъ непокрытымъ тоя церкви, дождь малъ надъ гробомъ святымъ, «и смочи ны добрѣ, и внезапно всія свѣтъ святой во гробѣ томъ, и изыде «блистанье страшно и свѣтло изъ гроба Господня святаго, и пришедъ «Епископъ съ четырьмя Дьяконы, отверзе двери гробныя, и взяша свѣ-

«шу у Князя того Балвина и вниде въ гробъ, взже свѣщу Князю пер-
«вѣе; изнесши изъ гроба свѣщу и даша самому Князю въ руцѣ, и ста
«Князь на мѣстѣ своемъ, свѣщу держа съ радостію великою, и отъ того
«все свѣщи възжохомъ, а отъ нашихъ свѣщъ вси людье възжогша. Свѣтъ
«же свитый не тако яко огнь земный, но чудно инако свѣтъ тотъ из-
«рядно, и пламя его червлено есть яко киноварь.... И тако вси людье
«стоятъ съ свѣщами, и вопіють вси людье велегласно: Господи помилуй!
«съ радостію великою и съ весельемъ», и проч. Сіе описаніе въ своемъ
родѣ достойно примѣчанія.

Далѣе: «Облобызавъ съ любовью мѣсто тое святое, идѣ же лежало
«тѣло Господа нашего І. Х., измѣрихъ собою гробъ вдоль и въ ширину
«и выше, колико есть (при людехъ бо не возможно есть измѣрити его
«никомуже) и почтихъ гробъ Господень по силѣ моей, яко *мога*, и тому
«Ключареви подахъ нѣчто мало и худое благословеніе свое. Онъ же
«видѣвъ любовь мою суцню къ гробу Господню, и къ тому ми удвигну
«доску въ главахъ гроба святаго, и ятъ ми того святаго камени мало
«благословенья дѣля, и запретивъ ми никому жъ повѣдати въ Іеруса-
«лимѣ. Язъ же поклонився святому и Ключареви, и возьмъ кандило свое
«съ масломъ святымъ, изыдохъ изъ гроба Господня, съ радостію вели-
«кою обогатився, и нося въ руку мою даръ святаго мѣста и знаменья
«Св. гроба, и идохъ радуся, яко нѣкако сокровище и богатство нося.
«Богъ тому послухъ и Св. гробъ Господень, якъ въ всѣхъ мѣстѣхъ свят-
«тыхъ не забывъ именъ Князей Русьскихъ и Княгинь, и дѣтей ихъ, и
«Епископъ, и Игумень, и Бояръ, и дѣтей моихъ духовныхъ. И о семъ
«похвалю Бога моего благо, яко сподобилъ мя худаго имена Князей
«Русьскихъ написати въ Лаврѣ Св. Саввы, и нынѣ поминаются имена
«ихъ въ Ектеніяхъ и съжепани, и съ дѣтми. Се же имена ихъ: Михайль-
«Святополкъ, Василій-Владиміръ, Давидъ Святославичъ, Михайль-Олеги,
«Панкратій (Святоша) Святославъ, Глѣбъ Мѣпскій (Минскій), и сколько
«есть помнилъ, опричь всѣхъ Князей Русьскихъ, и Бояръ, и отпѣхомъ
«Литургію за Князей Русьскихъ, и за вся Хресыане 50 Литургій, и за
«усопшія Литургію отпѣхомъ. И буди же всѣмъ почитающимъ (читаю-
«щимъ) се съ вѣрою и любовью благословеніе отъ Бога и отъ Св. гро-
«ба и отъ всѣхъ мѣстъ святыхъ. Бога дѣля, братіе и господіе мои, не
«зазрите худоумью моему и грубости моей. Да не будетъ въ похваленіе
«написанье се мене ради, по гроба Господня ради къ съ любовью по-
«чтеть, да мзду приметъ отъ Бога Спаса нашего, и Богъ мира съ всѣми
«вами въ вѣки вѣковъ. Аминь». Любители отечественныхъ древностей
не подосадуютъ на меня за сіи выписки.

Далѣе: «Мнѣ же худому Богъ послухъ есть, Св. гробъ Господень и
«вся дружина, Рустіи сынове, приключивыйсь въ тотъ день—въ церкви
«Воскресенія, во время вышеописаннаго Даниломъ чуда—«Новгородстіи,
«Кіане: Изславъ Ивановичъ, Городиславъ Михайловичъ, Кашкича (два)
«и иніи мнози».

(212) См. харат. *Кормчую Книгу* Синодал. библіотеки No 82. Тамъ, въ
LXII отдѣленіи, въ сочиненіи названномъ: *Вопроси Кюрьяка, еже въпроси*
Епископа Новгородскаго Нифонта (умершаго около половины XII вѣка),
сказано: «ходили блху ротѣ (общались), хотяче въ Іерусалимъ, повелѣ
«ми опитемъ дати: *та бо, рече, рота губитъ землю сію*»—т. е. многіе
не исполняли своего обѣта.

(213) Несторъ: «въ се же лѣто (6614) преставися Янь, старецъ до-
«срый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститѣ, живъ по закону Божью;
«не хуже бѣ первыхъ Праведникъ; отъ него же и язъ многа словеса
«слышашъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь. Бѣ бо мужъ благъ и

скротокъ и смиренъ, отгребаясь всякою вещи, его же и гробъ есъ въ «Печерскомъ монастыри въ притворѣ, идѣже лежитъ тѣло его, положено «мѣсяца Іюня въ 24». Сей, Воевода Кіевскій, Янъ Вышатичъ (см. *Патерики* л. 64 на обор.), погребенный вмѣстѣ съ супругою Марією, семидесяти семи лѣтъ, т. е. въ 1093 году, еще сражался съ Половцами на берегахъ Стугны.

Татищевъ думалъ, что Несторъ писалъ только до 1094 году, или до мѣста, гдѣ поставленъ Аминь; но сего Аминя нѣтъ въ древнихъ спискахъ, ни въ самыхъ новѣйшихъ, *Никонов.* и другихъ подобныхъ; впрочемъ онъ и не могъ бы служить доказательствомъ. Напротивъ того ясно видимъ, что Несторъ писалъ еще въ 1096 году, говоря (лѣт. 6604): «*намъ сущимъ «по кельямъ почивающимъ»* (въ Лаврѣ), ибо другаго *Печерскаго Лѣтописца* не знаемъ. Гдѣ же точно онъ заключилъ свой трудъ, опредѣлить не можемъ: вѣроятно, что около 1110 году, подъ коимъ во многихъ древнихъ спискахъ находится слѣдующія строки: «Игумень Сильвестръ Св. «*Михаила написахъ* книги си *лѣтописеи*, надѣяся отъ Бога милость «пріяти, при Князи Володимерѣ, княжащо ему Кіевѣ, а мнѣ въ то время «игуменящо у Св. Михаила въ 6624, Индикта 9 лѣта; иже четьь книги «сія, то буди ми въ молитвахъ». И такъ здѣсь былъ перерывъ. Многие изъ слова: *написахъ*, заключали, что Сильвестръ продолжалъ Нестора, и считали сего Игумена вторымъ нашимъ древнимъ Лѣтописцемъ; но тутъ *написахъ* значить *списалъ*: въ концѣ многихъ рукописныхъ Евангелій, Псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ видимъ такіа подписи. Если бы Сильвестръ (Несторовъ современникъ и послѣ Епископъ Переяславскій) былъ сочинитель, то онъ въ 6624 году не оставилъ бы *шести* лѣтъ (отъ 6618) безъ описанія, которое уже слѣдуетъ за его подписью, и безъ сомнѣнія есть трудъ инаго, для насъ безыменнаго человѣка. Судя по краткости слѣдующихъ извѣстій, думаю, что сей безыменный началъ писать не прежде 1125 или 1127 года: ибо съ сего времени извѣстія дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе.

(214) Такъ въ *Ростов.* и *Воскресен. Лѣт.* Татищевъ прибавляетъ, что Кіевскій народъ не хотѣлъ видѣть Святославичей на престолѣ и разграбилъ дома Вельможъ, которые держали ихъ сторону; что Жиды, видя свою бѣду, собрались въ Синагогѣ и долго оборонялись; что Владиміръ, убѣжденный общемо къ нимъ ненавистію (ибо они многихъ людей отвращали отъ Христіанства и завладѣли торговлею), призвалъ Князей на совѣтъ, и выслалъ всѣхъ Жидовъ; что съ того времени *не было* ихъ въ нашемъ отечествѣ, и народъ обыкновенно *убивалъ* тѣхъ, которые *держали прѣзрѣжати въ Россію*. Въ лѣтописяхъ напротивъ того сказано, что въ 1124 году *погорѣли Жиды въ Кіевѣ*: слѣдственно ихъ не выгнали. — Татищевъ прибавляетъ еще, что Мономахъ посадилъ въ Смоленскѣ, вмѣстѣ съ Вячеславомъ, другаго сына, именемъ *Глба* (когого не знаемъ); что Мстиславъ воевалъ съ Олегомъ, который хотѣлъ быть Великимъ Княземъ, и проч. Мстиславъ дѣйствительно побѣдилъ Олега, но гораздо ранѣе (см. выше, стр. 122). Въ годъ Мономахова восшествія на престолъ, въ 1113, Вячеславъ Владиміровичъ отправился княжить въ Смоленскъ, Романъ Владиміровичъ женился на дочери Володаря, горѣлъ Новгородъ и поставленъ Даниилъ Епископомъ Юрьеву, а Никита Бѣлугороду. — Въ *Кіевской*: «Преставися Игуменья Лазорева монастыря, святъ житіемъ, «лѣт. Сент. въ 14 день, живши лѣтъ 60 въ Чернецствѣ, а отъ рожденія 92». Въ семъ же году Мстиславъ основалъ въ Новгородѣ церковь Св. Николая близъ торговой площади на Княжескомъ Дворѣ. Въ одной Новгород. рукописи сказано, что Князь Мстиславъ, будучи въ тяжкомъ недугѣ, видѣлъ во снѣ Николая Чудотворца, велѣвшаго ему послать въ

Кіевъ за его образомъ, который стоялъ въ Софійской церкви; что Бояринъ Мстиславъ отправился туда озеромъ Ильменемъ, и что поварь сего Боярина, черпая воду, увидѣлъ самую ту икону, за кою они ѣхали; что Мстиславъ, выздоровѣвъ, поставилъ ее въ храмѣ Св. Николая на Княжескомъ Дворѣ; что Царь Іоаннъ Васильевичъ перевезъ онаю въ Москву, въ церковь Благовѣщенія на Царскомъ Дворѣ, гдѣ сія икона черезъ 25 лѣтъ сгорѣла во время пожара; что Новгородскій Архіепископъ Климентъ въ 1292 году построилъ церковь Св. Николая на Липѣ, въ семи поприщахъ отъ Новгорода, на берегу Ильмена, куда приплылъ изъ Кіева образъ сего Угодника. — Въ 1114 году, Марта 6, поставленъ Епископъ Кириллъ (но куда, неизвѣстно); умеръ Святославъ, Мономаховъ сынъ, въ Переяславлѣ, куда перевелъ его отецъ изъ Смоленска; также Романъ Всеславичъ Полодкій и Мстиславъ, внукъ Игоревъ. Святослава погребли у церкви Св. Михаила.

(215) Украшеніе раки Св. Бориса и Глѣба описано въ *Степен. Книгѣ* Ч. I, стр. 211, 212. Татищевъ, именуя Духовныхъ сановниковъ, бывшихъ при семъ обрядѣ, пишетъ: «и Азъ Сильвестръ Михайловскій». Сего мѣстоименія нѣтъ въ лѣтописяхъ. Владиміръ три дни угощалъ *народъ*. Въ *Пушкин.* сказано: «и повелѣ Володимеръ метати паволоки, фодудю» («кафтаны») и *орничъ* (а не *ирничъ*) бѣлъ людемъ». Въ *Кіевск.* прибавлено: «ово же *сребренникъ*». *Орничами* назывались опушки кафтаноу, отъ Византійскаго слова *Orna, limbus*. — Авторъ *Степен. Книги* говоритъ, что Олегъ, видя разрушеніе деревянной Вышегородской церкви, гдѣ лежали мощи Святыхъ, построилъ на свои деньги каменную еще въ 1112 году, но Святополкъ не хотѣлъ въ угодиость ему перенести туда раки ихъ. Освященіе церкви было 1 Мал, а перенесеніе мощей 2; поставили же ихъ на своемъ мѣстѣ въ четвертый день. Въ *Кіевск. Лѣт.*: «распри же бывши межѣ Володимеромъ и Давыдомъ и Олгомъ, Володимеру бо хотящу поставити среди церкви и теремъ сребренъ поставити «надъ нима, а Давыдъ и Олегъ хотяша поставити ѣ въ комору, идѣже «отець, рече, мой назнаменалъ, на правой странѣ, идѣже баше устроенъ «комаръ има. И рече Митрополитъ и Епископи: врьзете (бросьте) жребій, «да гдѣ изводита мученика, ту ѣ поставимъ... и положи Володимеръ «свой жребій, а Давыдъ и Олегъ свой на Св. *трапезѣ*, и выняся жребій Давыдовъ и Олговъ, и поставиша я въ комару, гдѣ нынѣ лежита».

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора включено весьма подробно изображеніе всѣхъ Небесныхъ благодѣяній, коими Россія обязана предстательству Бориса и Глѣба. Тамъ сказано: «еста заступника Русьскѣй земли, «молящася воину (выну) ко Владыцѣ о своихъ людехъ: покориша поганыхъ «подъ нозѣ Княземъ нашимъ», и проч. (см. въ *Никонов. I, 121*).

(116) См. о ростахъ выше, и *Русскую Правду* стр. 55. Тамъ сказано: «Владиміръ по Святополцѣ созавъ дружину на Берестовомъ»: въ началѣ своего правленія, какъ надобно думать.

(217) См. Грuber. *Liefland. Chronik, T. I, стр. 69*. Оденне не далеко отъ Дерпта. Въ лѣтописи: «приведе Володимеръ сына своего. Мстислава, «изъ Новгорода въ Кіевъ, и дасть ему Бѣлгородъ» — а не Вышегородъ, какъ пишетъ Татищевъ.

(218) «Прогна Володимеръ (въ 1121 году) Берендячи изъ Русьскіе «земли, а Торцы и Печенѣзи сами бѣжаша; и тако мятушася здѣ и ондѣ, «и тако погибоша». Въ описаніи 1114 года сказано: «Бишася Половци «съ Торки и съ Печенѣги у рѣки Дону, и сѣкошася два дни и двѣ ночи, «и придоша Торцы и Печенѣзи къ Володимеру». Гдѣ въ однихъ лѣтописяхъ говорится о Торкахъ, Берендѣяхъ и Печенѣгахъ, тамъ въ другихъ названы только Черные Клобуки (см. *Рос. Библиот. стр. 225, и Воскресен*

Лѣт. II, 28). Сіе имя было для нихъ общимъ и дано имъ, безъ сомнѣнія, отъ черныхъ шапокъ. Тоже значить имя нынѣшнихъ Каракалпаковъ, нѣкогда обитавшихъ, по собственному ихъ преданію, въ Россіи Восточной (см. Рычкова *Оренбург. Топографію*, I, 173 — 174). Сихъ же Черныхъ Клобуковъ называли Черкасами (см. *Воскресен. Лѣтоп.* II, 21). Въ самомъ началѣ Мономахова княженія Половцы приближались къ Вырю: «Володи-меръ же съвокупивъ сыны своа и сыновци, иде къ Выру, и съвокупися съ Олгомъ: Половци же бѣжаша» (см. *Кіевск. Лѣт.*).

Годы всѣхъ описанныхъ происшествій: Мстиславъ, побѣдивъ Чудь въ 1113 году, взялъ *Медвѣжью Голову* въ 1116 на память Сорока Мучениковъ; въ томъ же году Ярополкъ воевалъ Половецкую землю; въ 1117 Мстиславъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ и Бѣловежцы пришли въ Россію (см. *Кіевск. Лѣт.*); въ 1120 Ярополкъ ходилъ за Донецъ и Донъ (нигдѣ не встрѣтивъ Половцевъ), а Георгій на Болгаровъ; въ томъ же или въ 1121 году Берендѣи, Печенѣги и Торки ушли изъ Россіи; походъ Всеволода Мстиславича на Ямъ былъ въ 1123 году.

(219) Развалины Малороссійской Бѣлой Вежи находятся отъ вершины Остера въ 10 верстахъ, отъ Борзны въ 30, отъ мѣстечка Батурина въ 40, на открытой и ровной степи. Тамъ видны еще три вала и ровъ, который простирается въ длину на четыре версты; также нѣсколько кургановъ или высокаихъ могилъ. Въ окрестности сего мѣста съ 1767 года живутъ иностранцы. Они поселены въ шести деревняхъ: главная именуется Екатеринополь, и выстроена на самыхъ развалинахъ древней крѣпости. Г. Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Шафонскій, описывая *Бѣловежскую Колодцю* въ 1786 году, упоминаетъ еще о нѣкоторыхъ каменныхъ остаткахъ городской стѣны, воротъ, башенъ и погребовъ; но онъ несправедливо считалъ сію Бѣлую Вежу древнею Козарскою, взятою Святославомъ въ 965 году (см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 90 и 387, и Т. V, прим. 133). Россіяне еще при Олегѣ завоевали нынѣшнюю Черниговскую Губернію, гдѣ жили Сѣверяне. — Рукописное сочиненіе Г. Шафонскаго и планъ Бѣлой Вежи получилъ я отъ покойнаго Черниговскаго Губернатора, Фѣдора Ивановича Френздорфа.

(220) Въ *Степи. Книгѣ*. (I, 247) сказано только, что Владиміръ, за свое мужество, принялъ діадиму Константина Мономаха и другую Царскую утварь; что Неофитъ, вмѣстѣ съ Епископомъ *Митулнскимъ* (*Митилнскимъ*) и Милитинскимъ (Медитинскимъ) вѣнчалъ сего Великаго Князя въ Соборной церкви, какъ перваго Царя Россійскаго. Авторъ *Синопсиса*, несправедливо ссылаясь на древнія лѣтописи, сказываетъ, что Алексій написалъ тогда ко Владиміру слѣдующее письмо: «Алексій Комнинъ, милостію Божіею православный Царь Греческій, Великому въ державныхъ Князехъ Россійскихъ, Владиміру, радоватися. Понеже съ нами единыя Вѣры еси, пачеже и единокровенъ намъ: отъ крове бо «Великаго Константина Мономаха идеши, сего ради не брань, но миръ «и любовь подобаетъ намъ имѣти. Нашу же любовь да познаеши паче, «юже имама къ твоему благородію, се посылаю ти вѣнецъ Царскій еще «Конст. Мономаха, отца матери твоея, и скиптръ, и діадиму, и крестъ «съ животворящимъ древомъ златый, гривну и прочая Царская знаменія, «и дары, ими же да вѣнчаютъ благородство твое посланные отъ мене «Святители, яко да будеши отсель Боговѣнчанный Царь Россійскія «земли». Въ повѣстяхъ рукописныхъ (изъ коихъ самая древнѣйшая, мнѣ извѣстная, писана въ началѣ XVI вѣка: см. Синод. библиот. № 365) находится весьма обстоятельная о томъ сказка (сокращенная въ печати. *Воскресенск. Лѣт.* стр. 257 и въ *Царственомъ*): вотъ ея содержаніе: «Великій Князь Владиміръ призываетъ другихъ Князей Русскихъ, срод-

«никовъ, Боярь, Синклитъ, Митрополита, Епископовъ, и говоритъ имъ: «*Олегъ, Игорьъ, Святославъ, Владиміръ, Всеволодъ брали дань съ Константинополя; но Греки не хотятъ нѣтъ давать ее: что дѣлать?* Принудить ихъ, Государь! отвѣтствовалъ Совѣтъ единодушно—и Владиміръ отправилъ пословъ къ Императору Константину Мономаху» (умершему дѣтъ на пятьдесятъ до того времени). «Сей Императоръ съ гордостію отвергнулъ требованіе Россіянъ, и Великій Князь Мстиславу наказалъ Грековъ. Мужественный сынъ его завоевалъ Фракію и другія Греческія области. Тогда Императоръ, видя бѣду, совѣтовался съ Патриархомъ «Иларіемъ» (котораго не бывало) «и вздумалъ послать въ Кіевъ Ефесскаго Митрополита, Неофита, съ другими Святителями и чиновниками: снялъ съ шеи своей животворящій крестъ, а съ головы вѣнецъ, и положилъ на золотое блюдо; спросилъ также *кравіицу* сердолицкую (изъ коей пивалъ Августъ Кесарь), цѣпь золотую и многія иныя драгоценности; вручилъ оныя посламъ и велѣлъ сказать Владиміру: *остаю съ покою Христіанъ единовѣрныхъ; возьми украшенія древнихъ Царей Греческихъ; будь также Царемъ и моимъ братомъ!* Владиміръ согласился, и Неофитъ въ Соборной церкви возложилъ на него вѣнецъ, крестъ животворящій, порфиру, виссонъ и гривну златую, назвавъ Великаго Князя Мономахомъ, подобно Императору Константину. Наконецъ, умирая, сей Государь Россійскій собралъ знаменитое Духовенство, Боярь, купцевъ, и сказалъ имъ: *да не стычатъ никого на Царство по моей смерти!* «*Отечество наше раздѣлено на многія области: если будетъ Царь, то судьяныи Князья отъ зависти начнутъ воевать съ нимъ, и государство похибнетъ.* Онъ вручилъ Царскую утварь шестому сыну своему, Георгію; велѣлъ хранить оную какъ душу или зѣницу ока и передавать изъ рода въ родъ, пока Богъ воздвигнетъ Царя, истиннаго Самодержца, въ государствѣ Велико-Россійскомъ». — Въ Успенскомъ Московскомъ Соборѣ, надъ Императорскимъ мѣстомъ, есть надпись такого же содержанія, какъ и сія повѣсть, съ прибавленіемъ, что Константинъ Мономахъ воевалъ тогда съ *Латиною* (развѣ Алексій Комнинъ?), и что послъ Олега ходилъ къ Царюграду *Всеславъ* (Святославъ) *Игоревичъ*. *Roëticis decora fabulis!*—Князь Россійскій *Владиміръ* дѣйствительно воевалъ съ Константиномъ Мономахомъ, но только не *Всеволодовичъ*, а *Ярославичъ*, какъ мы выше описали. По крайней мѣрѣ Константинопольскій Патриархъ Іоасафъ въ 1561 году письменно утвердилъ истину Владимірова Царскаго вѣнчанія въ грамотѣ своей къ Царю Іоанну Василіевичу (см. въ Архивѣ Иностранц. Дѣлъ Греческаго дѣла No I, л. 175, и сей *Исторіи* Т. VIII, примѣч. 163).

(221) См. Конст. Багрянородн. въ Бандури, Т. I, стр. 63; см. также духовныя грамоты Великихъ Князей Іоанна Іоанновича, Донскаго и псалмодниковъ его, хранямыя въ Архивѣ Иностранной Коллеги, или *Дреон. Рос. Визіюв.* I, 67, 107, 151. Каждый изъ нихъ отказывалъ большому сыну *цѣпь золотую съ крестомъ, шапку золотую, бармы и коробку сердолицкую*. — Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ при отцѣ Царя Іоанна Василіевича, сказываетъ (R. M. Com. стр. 5), что Россійскіе Государя въ день коронаванія употребляютъ Мономахову утварь. Стриковскій (который жилъ въ XVI вѣкѣ) пишетъ, что Владиміръ отнялъ у Генуэзцевъ городъ Кафу, въ единоборствѣ побѣдилъ Воеводу ихъ, и снялъ съ него золотую цѣпь, хранящую въ сокровищѣ Московскихъ Князей, носимую ими въ часъ торжественнаго помазанія, и называемую *Барма!* Шведъ Петрей (издавшій свою Московскую Хронику въ 1620 году) слышалъ отъ Русскихъ, какъ онъ говоритъ (стр. 533), что Царская одежда Мономахова привезена симъ Великимъ Княземъ также изъ Кафы, гдѣ онъ воевалъ съ *Татарами*. Испанскій Историкъ, Антоній Герера, современ-

никъ Филиппа II, увѣряетъ, что *митра*, ожерелье (*monile*) и скипетръ Мономаховъ суть трофеи побѣды, одержанной Владиміромъ надъ Кафляскимъ *Консуломъ*: чему радовался Генуэзскій Патрицій, Иеронимъ де Маринисъ, восклицая: «такъ уважаютъ Россіяне нашу знаменитую Рес-«публику!» См. *Sammlung Russ. Gesch.* II, 80. Стриковский, Петрей и Герера не справились съ хронологіею: въ княженіе Мономаха не было еще въ Кафѣ ни Татаръ, ни Генуэзцевъ, которые завладѣли ею въ XIII вѣкѣ.

(222) Въ *Пушкин.*, *Троицк.*, *Кіевск.*, и другихъ спискахъ, г. 6624 (1116): «въ се жь лѣто иде Леонъ, зять Володимерь, на Кирь Олексія «Царя, и вдася ему городовъ Дунайскихъ нѣколько, и въ Дрьстрѣ городѣ «лестію убиста и два Сьрачинина, посланая Царемъ, мѣс. Авг. 15». Въ *Кіевск.* подъ тѣмъ же годомъ: «Князь Великій Володимерь посла «Іоанна Войтишича и посажа Посадники по Дунаю... Того жь лѣта ходи «Вячеславъ на Дунай съ Ѡмою Ратиборичемъ, и пришедъ къ Дерьстру, «и не успѣвше ничтоже, воротилася».—См. *Жизнь Алексія Комнина*, описанную его дочерью Анною, кн. IX, гл. 5, и кн. X, гл. 2 и 3; также Русск. переводъ Кедрина, Ч. III, л. 11. Анна, любя хвалить отца, описываетъ единственно такія происшествія, которыя могли дѣлать ему честь: о другихъ молчитъ.—Сынъ Маріи Владиміровны, убитый въ 1136 году, названъ въ *Кіевск. Лѣт.* «Царевичемъ Василькомъ *Леоновичемъ*», а въ другихъ только внукомъ Мономаховымъ и *Маричемъ* или сыномъ Маріи, умершей въ 1147 году, Генв. 20 («въ Недѣлю; а въ Понедѣльникъ вложена бысть въ гробъ въ своей церкви, въ ней же и пострижеса»).

Татищевъ вздумалъ назвать Леона сыномъ *Алексія Седьмаго*; прибавляетъ также, что Греки въ 1116 году выгнали Мономаховыхъ Посадниковъ изъ городовъ Дунайскихъ; что Владиміръ въ 1119 году снова отправилъ туда Воеводу Яна Вышатича и готовился самъ къ походу; что Алексій Комнинъ (умершій въ 1118 году!) прислалъ ему вѣнецъ съ дарами, заключилъ съ нимъ миръ и сосваталъ его внуку, дочь Мстислава, за сына своего Іоанна. Но Іоаннъ Комнинъ былъ женатъ на Венгерской Княжнѣ.

(223) Вмѣстѣ съ Ярополкомъ ходилъ къ Друцку Давидъ Черниговскій.—«Ярополкъ сруби городъ *Желій*, и дасть его Дручаномъ» (жителямъ Друцка) «сихъ же полони». Въ Курской Губерніи есть или была рѣчка *Желень* (см. *Волж. Черт.* стр. 142): не тамъ ли находился и городъ *Желій*? Курскъ принадлежалъ Мономаху.—О сей войнѣ съ Глѣбомъ сказано въ Духовной Владиміра такъ (стр. 42, 43): «къ Менску ходихомъ «на Глѣба, оже ны быше люди зайлъ». См. *Кіев. Лѣт.* г. 6624 (1116), гдѣ вмѣсто *Смоленска* надобно читать *Менскъ*. «Володимерь же нача ставити *избу* у товара (стана) своего противу граду. Глѣбови же узрѣвшу, «ужасеса сердцемъ, и нача ся молити... Володимерь же съжалися тѣмъ, «ниже проливашеса кровь во дни Вел. поста, и вдасть ему миръ. Глѣбъ «же вышедъ изъ города съ дѣтми и съ дружиною, поклонися Володимѣру... Володимерь же, наказавъ его о всемъ, вдасть ему *Менескъ*».—Татищевъ пишетъ, что Мономахъ, изъ уваженія къ предстательству иныхъ Князей, согласился забыть вину Глѣба и далъ ему съ его семействомъ великій пиръ.

Владиміръ сперва *только* осаждалъ Минскъ, а взялъ его уже черезъ три года. Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ въ 1119 году, Сент. 13. Онъ былъ женатъ на дочери Ярополка Изяславича, убиеннаго Нерядцемъ въ 1086 году. Супруга его вдовствовала 40 лѣтъ, а жила 84 года. Объ ней сказано (*Воскресен.* II, 44): «положена бысть въ Печерскомъ монастырѣ у Св. Ѣоѡ-«досыя въ головахъ; имѣяшеть бо великую любовь къ Св. Богородици и

къ отцю Θεодосью, и со Князем своимъ ревнующе отцю своему Ярополку: Ярополкъ бо всю жизнь даа (Богородицѣ) Небольшкую волость и Деревскую и Лучьскую и около Киева; а Глѣбъ вда въ животѣ своемъ съ Княгинею 600 гривенъ сребра, а по животѣ его Княгиня дась 100 гривенъ сребра, а 50 золота, а по своемъ животѣ села и съ челядью и со «всѣмъ».

(224) См. печати. *Новгород. Лѣтоп.* стр. 11: «и разгнѣвася на ты, оже ограбили Даньслава и Ноздрю, и на Сочьского на Ставра».

Далѣ въ лѣтописяхъ: «приде Борисъ изъ Киева посадничать въ Новгородъ». Предшественники его были Добрыня, Дмитрій Завидичъ и Коснятинъ Моисеевичъ: первый умеръ въ 1117 году, Дек. 6; второй 1118, Юля 9; а третій въ 1119. Родъ Добрыни, Владимірова дяди, жительствова въ Новгородѣ по кончинѣ сего знаменитаго Воеводы. Коснятинъ и Завидичъ были также Новгородцы. Дочь Дмитрія Завидича называется *Новгородскою* (см. *Лѣтоп. Новгород.* стр. 12).

(225) Въ лѣтописяхъ сказано, что Ярославъ бѣжалъ сначала въ Венгрію; но оны, кажется, ушелъ туда уже въ то время, когда отчаялся въ храбрости и силѣ Поляковъ.

Длугошъ пишетъ, что Мономахъ несправедливо считалъ Князя Владимірскаго своимъ тайнымъ врагомъ, и что Ярославъ, чувствуя свою невинность, явился безоружный въ станъ Кіевлянъ, усовѣстилъ дядю и заключилъ съ нимъ миръ; что Владиміръ, снова подозрѣвая его въ опасныхъ замыслахъ, велѣлъ ему прѣхать въ Кіевъ; но что Ярославъ, обманутый совѣтниками, ушелъ къ Болеславу съ женою и дѣтми, поручивъ свой городъ дружинѣ (*Hist. Polon. kn. IV, стр. 410, 411*). Романъ, сынъ Мономаховъ, умеръ, по нынѣшнему лѣтосчисленію, въ 1119 году, Генв. 6. Андрей женился на Тугоркановой внукѣ въ 1117 году. Болеславъ Кривоустый былъ женатъ на родной сестрѣ Ярослава (см. выше, примѣч. 209).

Татищевъ прибавляетъ, что Намѣстникъ Оома подослалъ къ Ляхамъ Васяля Бора, мнимаго измѣнника, который уговорилъ ихъ жесть и грабить окрестныя села; что хитрый Червенскій Посадникъ доставилъ имъ также нѣсколько бочекъ вина и меду, и разбилъ неприятелей, когда они разсѣялись для грабежа, и пили въ станѣ; что Мономахъ далъ за то Оомѣ гривну съ золотою цѣнкою и сдѣлалъ его Тысяцкимъ города Владиміра.

Въ лѣтописяхъ о смерти Ярослава: «изъ града вышедше два Ляха «и скрыстася, легше на увозъ на пути, юду же ему минути ихъ. Ярославъ же возвратився поиде отъ града, и бывшу ему на увозѣ, идѣ «же Ляха та довяста его, и яко миноваше ихъ, они же вскокивше и «прободоста ѿ осепома» (копьемъ). Сіе описаніе, взятое изъ Ростовской и другихъ хорошихъ лѣтописей, достовѣрнѣе Никоновскаго; а Татищевъ рассказываетъ, что Ярославъ или Ярославецъ выпросилъ у Болеслава и Коломана Венгерскаго (развѣ Стефана?) 7000 человекъ и съ ними обступилъ Владиміръ; что Андрей, видя безпорядокъ въ его войскѣ, напалъ и разбилъ Ярослава; что сей послѣдній былъ самъ въ числѣ убитыхъ и погребенъ въ Владиміръ; что союзники его спѣшили заключить миръ съ Андреемъ; что Коломанъ далъ пиръ, также Болеславъ, Андрей, и проч. Сіи обстоятельство взялъ Татищевъ изъ Матв. Стриковского, а Стриковский изъ Длугоша (*Hist. Pol. kn. IV, 420*), а Длугошъ изъ головы своей, прибавляя, что Ярославъ убитъ осаждая *Кіевъ*! Сей Историкъ называетъ Коломана братомъ Стефановымъ; но у Стефана не бывало такого брата.

Годы описанныхъ происшествій: Ярополкъ Владиміровичъ взялъ Друцкъ въ 1115 году и построилъ Желній въ 1116; Мономахъ осадилъ Мянскъ въ 1115, Генваря 28, а завладѣлъ имъ въ 1119; призывалъ Боляръ изъ Новгорода въ 1112, и послалъ туда Намѣстника Бориса 1120; хо-

дядя на Ярослава въ 1117; сей послѣдній, удаливъ отъ себя жену и свѣдавъ о вторичномъ походѣ Мономаха ко Владиміру, бѣжалъ въ 1118 году, прѣступалъ къ Червену въ 1121, а ко Владиміру въ 1123.

Замѣтимъ также происшествія сего времени, о коихъ не упоминаемъ въ Исторіи. Въ 1115 году затмѣніе солнца. Вой гость заложилъ церковь Θεодора Тирона въ Новѣгородѣ, Апр. 28, и была ужасный моръ на лошадей, такъ, что Князь Мстиславъ и дружина его лишились всѣхъ коней своихъ. Въ 1116, Июня 20, умеръ Мина, Епископъ Полоцкій. Въ 1117, Маія 14, во время вечерни, убило громомъ Діакона въ Софійской Новгородской церкви, и бывшіе люди не могли устоять на ногахъ (въ ту же ночь видѣли въ луиѣ какое-то знаменіе). Мономахъ заложилъ каменную церковь Бориса и Глѣба на Алтѣ, а Игуменъ Антоній (Римлянинъ: см. выше, примѣч. 210) каменный храмъ Богоматери, достроенный въ 1119, и монастырь въ Новѣгородѣ. Болгары отравили ядомъ Хана Аэпу и многихъ Половцевъ. Умеръ Лазарь, Епископъ Переяславскій, Сент. 16, а мѣсто его, Генв. 1, заступилъ Сильвестръ, который списывалъ Несторову Лѣтопись. Въ 1119 Новгородскій Игуменъ Киріакъ и Князь Всеволодъ Мстиславичъ основали каменную церковь и монастырь Св. Георгія. (Тамъ находится надпись слѣдующаго содержанія: «Лѣта 6627 заложилъ церковь каменну Князь Великій Мстиславъ Св. Георгія въ монастырѣ Юрьевѣ, а совершилъ ея Великій Князь Всеволодъ, сынъ Мстиславичъ Гаврилъ; а освятилъ ея въ лѣто 6648 мѣсяца Іюня на память Св. Апостолъ Петра и Павла при Игуменѣ Исаи, а зачата бѣсть при Игуменѣ Кирьякъ; а мастеръ дѣлалъ Петръ церковь о трехъ верхахъ».)—Въ 1120 умеръ сынъ Давида Черниговскаго, Ростиславъ (см. *Кіевск. Лѣт.*). Въ 1121, въ Копыревѣ Коцефъ (въ Кіевѣ), основава церковь Св. Іоанна. Въ 1122, Марта 10, было знаменіе *въ солнцѣ* (затмѣніе), а въ луиѣ Марта 24 (не 30 и не 20); умеръ, Сент. 9, Даниилъ, Епископъ Юрьевскій, и Амфилохій Владимірскій, а въ 1123 Епископъ Сильвестръ въ Великій Четвертокъ, Апр. 12, и Θεоктистъ Черниговскій Авг. 6; Симеонъ поставленъ въ Епископы Владиміру; въ томъ же году Митрополитъ Кіевскій, какъ сказано въ *Никон. Лѣт.*, заключилъ въ союзъ городѣ Синельцѣ (Синци на Сулѣ) злаго еретика Дмитра; въ другіе лѣтописяхъ нѣтъ сего извѣстія. Въ 1124 (а не въ 1123) Маія 10, въ Субботу, упала въ Переяславѣ церковь Св. Михаила, созданная Митрополитомъ Ефремомъ, и скончалась вдовствующая Великая Княгиня, жена Святополкова, Февр. 28; а Всеволодъ, сынъ умершаго Давида, Князь Черниговскаго, женился въ Муромѣ на какой-то Ляховкѣ (Полькѣ).

Означимъ также *присоединенія* Татищева: «Въ 1116 году умеръ Романъ Святославичъ Рязанскій» (Романъ Святославичъ убитъ Половцами еще въ 1079 году).—«Въ 1117 году Ярославецъ заключилъ союзъ съ Поляками, въ намѣреніи отнять Владиміровы области и выгнать Ростиславичей.—Мономахъ разселилъ кущевъ Бѣловескихъ по городамъ.—«Въ 1118 году Великій Князь перевелъ сына своего Глѣба (котораго не бывало) изъ Смоленска въ Переяславъ, ѣздилъ въ Суздаль, и призывалъ туда лучшихъ Новгородцевъ, взялъ съ нихъ письменное обязательство, чтобы они зависѣли всегда отъ старѣйшаго въ родѣ его.—Въ 1119 году Глѣбъ Минскій началъ воевать Смоленскую область: Мономахъ послалъ Мстислава и велѣлъ ему плѣнить самого Глѣба. Володаръ ходилъ на Грековъ съ Королемъ Венгерскимъ, и возвратился съ великимъ богатствомъ.—Въ 1120 году Владиміровъ Воевода, Андрианъ Почаинъ, разорялъ Болеславовы области.—Въ 1122 Мономахъ отпустилъ внуку свою, Добродѣю, въ Царьградъ за Императора Іоанна». Историкъ нашъ сказалъ выше, что въ 1119 году сей бракъ отложили на два года ради

младости жениха и невесты; но Иоаннъ былъ тогда уже слишкомъ тридцати лѣтъ (см. Лю-Канжа Hist. Byzant. стр. 178) и давно женатъ на Венгерской Княжнѣ. Далѣе: «съ невестою ѣздилъ Россійскій Епископъ «Никита, котораго тамъ поставили въ Митрополиты.—Ляхи, увѣривъ «Володаря въ своемъ мирномъ расположеніи, вдругъ напали на его войско «и плѣнили сего Князя. Василько далъ за брата *девять тысячъ* гривенъ «серебра», и проч., какъ пишутъ Длугошъ и Стриковский; но Татищевъ въ десять разъ уменьшилъ сумму. Далѣе: «въ 1123 году Мономахъ шель «на помощь къ Андрею, и на берегахъ Стыря узналъ, что Россія осво- «бодилась отъ неприятелей. Въ 1124 погорѣло въ Киевѣ 30 церквей» (вмѣсто шести сотъ).

(226) См. Турок. Chron. гл. LXIII, и Прая Reg. Hung. 120. Турокъ называется Ярослава *Безеномъ*.

(227) Такъ пишутъ древній безыменный Сочинитель *Жизни Оттоновой*, Богуфаль и Кадлубекъ (см. въ Нарушев. Hist. Narodu Polsk. III, 232—236).

Длугошъ, который обыкновенно выдумываетъ и дополняетъ, изъ одного случая сдѣлалъ два: Володаръ, по его рассказамъ, плѣненъ въ *сраженіи*; а коварный Петръ обманомъ увезъ Великаго Князя *Ярополка* въ 1136 году (чего никогда не бывало). Болтинъ чувствовалъ нелѣпность такой сказки: жаль только, что онъ не зналъ древнѣйшихъ Польскихъ Лѣтописцевъ и не могъ ими опровергнуть Длугоша: ибо Длугошъ, а не Кромеръ изобрѣлъ онѹю.

Сочинитель *Жизни Оттоновой* (II, отдѣл. 4) говорить, что отъ выкупа Володарева вся Россія обдѣлила: *ita ut Ruthenia tota insolita paupertate contabesceret*. Длугошъ пишетъ, что Болеславъ требовалъ 80.000 марокъ или гривенъ серебра за освобожденіе Володаря, но помирился на двадцати тысячахъ; а Василько заплатилъ ему деньгами 12.000, придавъ 500 сосудовъ серебряныхъ: блюды, чашы и стакановъ Греческой работы (Hist. Pol. кн. IV, стр. 418). Кадлубекъ сказываетъ, что Володаръ былъ искупленъ сыномъ Владиміромъ (Hist. Pol. кн. III, 723—724).

Нарушевичъ прибавляетъ (кн. III, 235—236), что Василько убѣдилъ Короля заключить миръ съ нашимъ отечествомъ. По извѣстію сочинителя *Оттоновой Жизни*, Россіяне дали слово не входить никогда въ союзъ съ Поморянами и другими язычниками, врагами Болеслава, Пруссами, Половцами.

(228) Олегъ, женатый на Княжнѣ Половецкой, умеръ въ 1115 году, Авг. 1, а погребенъ 2, въ Черниговской церкви Св. Спаса, у гроба отца своего (см. *Кіевск. Лѣт.*); а Давидъ скопчался въ 1123. Читателю извѣстенъ характеръ перваго. Авторъ *Степен. Книги*, сказывая, что братья любили добродушнаго, честнаго, смиреннаго Давида какъ отца, описываетъ чудо, бывшее при его смерти: Черниговскій Епископъ Теокистъ, вида Давида по кратковременной болѣзни отходящаго, велѣлъ пѣть канонъ кресту. Въ ту самую минуту *разступился* верхъ терема, влетѣлъ бѣлый голубъ и сѣлъ на грудь умирающаго; Князь закрылъ глаза навѣки, и голубъ исчезъ: храмина исполнилась благоуханія. Послѣ вечерни отнесли тѣло въ церковь Преображенія: тогда явилась звѣзда надъ самымъ крестомъ ея; но тронулась съ мѣста и стала надъ созданныю Давидомъ церковію Бориса и Глѣба, когда тѣло его *перенесли* въ сей храмъ. Гробъ еще не былъ готовъ, и Епископъ сказалъ: *солнце заходитъ; оставимъ погребеніе до утра*. Но многіе люди пришли объявить Епископу, что солнце не скрывается, и стоитъ на одномъ мѣстѣ. Теокистъ восхваливъ Бога; работники спѣшили обтесать камень, и какъ скоро вложили тѣло въ гробъ, солнце сѣло. Оставляя чудо, замѣтимъ, что древніе Россіяне считали

долгомъ погребать мертвыхъ въ самый день ихъ кончины, и единственно за неимѣніемъ готовой раки отлагали сей обрядъ до слѣдующаго дня. Авторъ, славя Давидову святость, съ жаромъ говорить о заблужденіи тѣхъ людей, которые думаютъ, что спастися могутъ одни безбрачные, пустынники и Монахи: ибо Давидъ жилъ въ мірѣ, правилъ Княжествомъ, уступавшимъ въ силѣ одному Киевскому, имѣлъ жену, дѣтей, и былъ святъ. *Степ. Кн. I, 234.*—Въ *Кіевск. Лѣт. г. 1116*, сказано: «Предслава «Черница Святославна преставися»: сестра Олега и Давида.

Володаръ умеръ 19 Марта и погребенъ въ церкви Св. Іоанна, имъ созданной въ Перемышлѣ: такъ пишетъ Длугошъ (*Hist. Pol. кн. IV. 423—425*), сказывая, что Володаръ нарушилъ заключенный союзъ съ Болеславомъ, снова разорялъ его области и былъ имъ побѣжденъ при мѣстѣ Вилиховѣ въ 1125 году; но сей Князь Перемышльскій скончался въ 1124.—О сыновьяхъ Володаревыхъ и Васильковыхъ см. ниже.

(229) Въ лѣтописяхъ: «Даръ си отъ Бога прія, да егда въ церковь «внидашеть и слыша пѣнье, и абе слезы испущашеть». О другихъ его добродѣтеляхъ см. въ *Никонов. Ч. II, стр. 24, 57, 58*. Татищевъ къ описанію Мономахова характера прибавляетъ, что сей Государь былъ лицомъ красенъ, ростомъ не великъ, но крѣпокъ и силенъ; имѣлъ большіе глаза, волосы рыжеватые и кудрявые, лобъ высокой, бороду широкую; и что, только одинъ разъ побѣжденный близъ Триполя, не могъ никогда говорить о семъ бѣдствіи, отъ сожалѣнія о братѣ Ростиславѣ, частію же отъ стыда.

(230) Сія Духовная или *Поученіе Владимірово* находится въ Пушкинскомъ харатейномъ спискѣ Нестора и напечатано особенно въ 1793 году. Оно писано Мономахомъ передъ отъѣздомъ его въ Ростовъ, зимою (ибо онъ говоритъ, стр. 41: «и се нынѣ иду Ростову»); а выше, стр. 3: «на далечи пути, «да на саняхъ сѣдл, безлѣпцю молвилъ») и не ранѣе 1117 года (ибо Великій Князь упоминаетъ, стр. 43, о своемъ походѣ на Ярославъ, Князя Владимірскаго): слѣдственно ему было тогда не менѣе шестидесяти-пяти лѣтъ отъ рожденія.

Стр. 1: «Азь худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ «благовольнымъ (а «не *благовласнымъ*) славнымъ нареченемъ» (должно читать: *нарѣченный*) «въ крещеніи *Василій*, Русьскимъ «именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мономахъ». Имя Василя ясно написано въ подлинникѣ. Такъ называетъ Мономаха современный Игуменъ Даниилъ (см. выше, примѣч. 211); но Татищевъ далъ ему Христіанское имя Феодора.—Здѣсь узнаемъ отъ самого Владиміра, что Мономахомъ прозвали его отецъ и мать: слѣдственно не за мнимое единоборство съ Кафимскимъ Воеводою (какъ думалъ Стриковскій), и не за полученный вѣнецъ Константина Мономаха.

Далѣ, стр. 2, 12, 13: «Велій еси, Господи, и чудна дѣла Твоя! Ни «какъ же разумъ человѣческъ не можетъ исповѣдати чудесъ Твоихъ... «Како небо устроено, како ли солнце, луна, и тма и свѣтъ? И земля на «водахъ положена, Господи, Твоимъ промысломъ. Звѣрье разноличныи, и «птицы, и рыбы украсены Твоимъ промысломъ, Господи! И сему чуду «дивуемся, какъ отъ персти создавъ чловѣка, како образи разноличнии «въ чловѣческихъ лицахъ: аще и весь міръ совокупить, не вси въ одинъ «образъ, но кій же своимъ лицъ образомъ по Божіи мудрости. И сему «ся подивуемъ, како птицы небесныя изъ *Ирья* идутъ» — (*Ирь* и въ нашемъ древнемъ языкѣ могъ значить тоже, что Греческое *Иръ*, то есть *весну, утро*)—«и первѣе въ наши руцѣ, и не ставять ся (не остаются) «на одной земли, но и сильныя и худыя идутъ по всѣмъ землямъ, да «наполнятся лѣси и поля. Все же то далъ Богъ на угоды чловѣкомъ,

«на снѣдѣ, па веселье». — Владиміръ напоминаетъ также дѣтямъ многія прекрасныя мѣста изъ Василія Великаго (стр. 7). «При старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точными (равными) си меньшими любовь имѣти, безъ дуки (кривизны) бесѣдующе, не обильно смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ пелѣпымъ (безстудными) не бесѣдовати, доду очи имѣти, а душу горѣ». Далѣе, стр. 11: «Ни одиночество, ни Чернечество, ни голодъ, яко ииіи добріи терпятъ, но малымъ дѣломъ улучити милость Божию». — Слѣдующее говоритъ Владиміръ на стр. 16, 17, 18.

(231) См. въ печати. стр. 3, 18, 24. Послы Князей нашли тогда Владиміра на берегу Волги, какъ ояъ сказываетъ: вѣроятно, въ 1097 году.

Далѣе Мономахъ не велитъ слѣдовать тогдашнему суевѣрному мнѣнію, что встрѣча на пути съ Инокомъ или Попомъ бываетъ несчастлива.

(232) Стр. 21: «оружья не снимайте съ себе вборзѣ (скоро), не розглядываше *мношцами*: веззачу бо человекъ погибаетъ». Въ печатномъ не такъ раздѣлены слова. — Далѣе см. стр. 22, 23, 24. Въ подлинникѣ: «Напойте, накурмите *зученна*, вмѣсто хозяина. Уина значитъ домъ на языкѣ Кабардинскомъ (см. *Сравнительн. Слов. Ч. II*, стр. 117). Россіяне могли заимствовать сіе слово отъ Козаровъ, или Касоговъ, Торковъ, Половецъ: ибо его нѣтъ въ Славянскомъ и Скандинавскомъ языкахъ.

(233) Стр. 27: «отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше пять языковъ». Какіхъ же? вѣроятно Греческій, Скандинавскій, Половецкій и Венгерскій, кромѣ Русскаго. Далѣе см. стр. 15, 16, 26—31, 46, 47.

(234) Мы вмѣстили ихъ въ описаніе Святополкова и Мономахова княженія.

(235) Въ печати. стр. 43, 44. Издатели ошиблись въ изъясненіи словъ: «а далъ скота много и многы порты свое». Не Владиміръ, а Ханъ Половецкіе давали ихъ за свой выкупъ. Слѣдующее говоритъ Мономахъ въ печати. на стр. 43—48.

(236) Мы только сократили оное и предложили Владиміровы мысли въ естественномъ ихъ порядкѣ, безъ всякихъ украшеній и прибавленій.

(237) Non vitia hominis, sed vitia saeculi: пороки не человека, а вѣка. — См. выше, стр. 117.

(238) Въ лѣтописяхъ: «Володимерь устрои мость черезъ Днѣпръ» (а Татищевъ прибавляетъ: «въ Вышегородѣ»), въ 1113 или 1115 году. — См. Мономахово поученіе, стр. 41.

Въ Синодальной лѣтописи время Василія Темнаго (въ Библ. No 349., л. 224) и во многихъ другихъ новѣйшихъ сказано: «Мономахъ, правнукъ Великаго Князя Володиміра, поставилъ градъ Володимерь Залѣсскій «въ Суждальской земли, и осыпа его спомъ» (окурижилъ валомъ) «и сѣзда «первую церковь Св. Спаса, за 50 лѣтъ до Богородичина ставленія». Ниже означено, что славная Владимірская *Златоверхая* церковь Богоматери совершена въ 1166 году: слѣдственно Мономахъ основалъ городъ Владиміръ въ 1116. Но въ харатейныхъ и другихъ лѣтописяхъ относится построеніе сей церкви къ 1160 году; въ 1161 она расписана, а въ 1164 Андрей Боголюбскій внесъ въ нее чудотворную икону Богоматери. — Старый городъ Владиміръ былъ въ длину 620 сажень (см. лѣтоп. Синодальн. библ. No 111, л. 58 на обор.)

Въ древней Новгородской печати. лѣтописи, стр. 11: «въ лѣто 6624 «(1116) Мъстиславъ заложилъ Новгородъ болій първаго. Павль, Посадникъ «Ладожскій, заложилъ Ладогу городъ камяный» — т. е. каменную городскую стѣну. Въ другихъ лѣтописяхъ: «заложилъ Ладогу каменіемъ на *присѣ*». Татищевъ изъ приспа, т. е. *вала*, сдѣлалъ *песокъ*. Многіе лѣтописцы говорятъ о томъ подъ лѣтомъ 1114, Въ *Кіевскомъ*: «пришедшу ми въ Ладогу,

«повѣдаша ми Ладогожане, яко се здѣ, егда будетъ туча велика, берутъ дѣти наши глазкы стылкыны, и малы и великы, повертаны, а другыя «подлѣ Влѣхвъ берутъ, еже выполоскиваетъ вода, отъ нихъ же взя боляста; суть же различъ (различны). Сему же ми ся дивящу, рекоша: се «не дивно; и еше у насъ мужи стары, иже суть ходили за Югру и за «Самойдъ, яко видѣше сами на полуночныхъ странахъ, спаде туча велика, и въ той тучи спаде вѣверица млада, яко топерво (теперь) рождениа, и възрастыши и расходится по земли; и пакы бываетъ вторая «туча, и спадають оленци малы въ ней, и възрастають, и расходится по «земли. Сему же ми естъ послухъ Павелъ Посадникъ Ладожскыи и вси «Ладожане». За тѣмъ Лѣтописецъ ссылается на Греческыя Хронографы и выписываетъ изъ нихъ примѣры: Несторъ или другой? неизвѣстно. Видимъ единственно, что онъ былъ тогда въ Ладогѣ.

(239) Въ *Ростов. Лѣт.* д. 97, на обор., и въ печатн. *Воскресен.* I, 263: «въ лѣто 6632 бысть бездождіе велико и пожаръ великъ въ Кыевѣ. «яко погорѣвшу ему мало не всему, Іюня въ 23 день, яко церквей единакыхъ сгорѣло мало не 600; а на Рождество Іоанна Предтечи погорѣ «гора и монастыри всѣ, что ихъ было въ градѣ, и Жидове погорѣша». Татищевъ разсудилъ за благо уменьшить число церквей (см. выше, примѣч. 225).

Въ *Новгород. Лѣт.* стр. 13: «въ лѣто 6633» (въ годъ Мономаховой кончины) «бѣше буря велика съ громомъ и градомъ и хоромы раздра, «и съ божницъ вълны (кровлю?) раздра; стада скотины истопи въ Волховѣ, а другыя одва перенмаша живы. Въ тоже лѣто испьсаша (расписали) божницю Антонову».

(240) См. выше, стр. 00, и примѣч. 45. Гда сочеталась бракомъ послѣ Гастингскаго сраженія, бывшаго въ 1066 году, а какъ первый сынъ Владиміровъ, Мстиславъ, родился въ 1075 или 1076 году (см. выше, примѣч. 131), то вѣроятно, что Мономахъ и женился около сего времени.

О кончинѣ второй Владиміровой жены см. выше, примѣч. 201. Третья умерла въ 1126 году, Іюня 11. Ломоносовъ называетъ ее несправедливо Евфимією: въ 1138 году дѣйствительно умерла Евфимія, но только не жена, а дочь Мономахова: «преставися Евфимья *Володимерна*, и положена бысть на Берестовѣмъ у Св. Спаса». Одинъ *Никон. Лѣт.* именуетъ сію Евфимію супругою Владиміровою, и самъ себѣ противорѣчить, сказывая, что *Княгиня* Мономахова умерла въ 1126 году, а Евфимія въ 1138 (см. выше, примѣч. 209).

(241) См. Торфеев. *Hist. Norv.* III, 377: Gyda nupsit Waldemaro, Russiae Regi Waldemari ex Gyda filius Haraldus, Russiae Rex (Мстиславъ), cui uxor Kristina Succiae Regis Ingii Steinkelis filia, eorum filiae Malfridis et Ingiborg. Malfridis nupsit primo Signordo Hierosolymipetae, Norvegiae Regi, deinde Eirico Evmunio, Daniae Regi Sed Ingiborg, soror ejus, Knuto, Obetritorum Regi et Slesvici Duc. qui postea Sanctorum Collegio accessit. Eorum liberi magnus ille Danorum Rex, Waldemarus primus. Ломоносовъ ошибся, назвавъ Христину первою супругою Мономаха: она вышла за сына Гидина, а Мономахъ родился отъ Гречанки. Владиміръ имѣлъ уже дѣтей въ 1076 году (см. выше, примѣч. 131), а Христининъ отецъ былъ тогда еще двадцати одного году (см. Далин. *Gesch. des R. Schwed.* II, 20). Въ харат. *Новгород. Лѣт.* стр. 12: «преставися Мстиславля (жена) Хрыстина» (г. 1122). Мудрено догадаться, что заставило Миллера въ родословной Великихъ Князей (см. *Ежемесячн. Сочиненія* годъ 1775, стр. 10) назвать Христину *Королевою Изобелью*. Положимъ, что надобно читать: «изъ Обесы или земли Абазинской»; но въ лѣтописяхъ нѣтъ и сего извѣстія. Бол-

тинъ смѣялся за то надъ Щербатовымъ, который единственно повторилъ Миллерову ошпбку.

(242) Въ лѣтописяхъ: «въ лѣто 6630 дщи Мстислава ведена въ Греки за Царевича». См. Дю-Канжа Hist. Byzant., стр. 179. Алексій родился въ 1106 году, и могъ быть обрученъ шестнадцати лѣтъ. Феодоръ Бальзамонъ, Патриархъ Антиохійскій, говорить, что супруга Алексіева употребляла какое-то волшебство въ леченіи болѣзней, и сама наконецъ въ страшныхъ мукахъ умерла отъ того. Бальзамонъ писалъ въ концѣ XII вѣка.

(243) Сія два посланія нашель я въ Синодальн. бібліотекѣ, въ книгѣ Меодія Патарійскаго, подъ No 375, съ заглавіемъ: *Посланіе отъ Никифора Митрополита Киевскаго къ Володимеру Князю всея Руси, сыну Всеволожу, сына Ярослава*. Первое начинается словами: «Въпрашалъ еси былъ, благородный Княже, како отгвѣржени быша Латина отъ Св. правовѣрныхъ церкве, и се якожь общався благородству твоему, повѣдаю ти вины ихъ». Слѣдуетъ описаніе, въ чемъ Паписты уклонились отъ древняго ученія Церкви. Въ концѣ: «прочитай же, Княже мой, не единою, ни дважды, но множицею, и ты, Княже, и сынове твои».

Во второмъ посланіи Никифоръ доказываетъ, что виною поста есть грѣхъ Адамовъ; что *житіе* человѣка есть двоякое, словесное и безсловесное, безплотное и тѣлесное; что самая душа имѣетъ три части, силы или свойства: *словесное, яростное и желанное*; что постъ *кротитъ* страсти, и проч. Далѣе: «Увѣдалъ еси, Княже, трячестное душа (души); увѣждъ же слугы ея, и Воеводы, и споминателя, ими же служима бывають, безплотна сущи, и прімаетъ въспоминанія. *Та зубо душа стѣдитъ въ глатъ, умъ имущи якожь свѣтло око въ себѣ*, и исполняющи все тѣло силою своею. Яко же бо ты, Княже, сѣдя здѣ, въ сей своей земли, Воеводами, слугами своими, дѣйствуещи по всей земли, и самъ ты еси Господиень и Князь: такъ и душа по всему тѣлу дѣйствуетъ: пятью слугъ своихъ, рекше пятью чювствій: очима, слухомъ, обонаніемъ, еже еста поздрима, вкушеніемъ и осязаніемъ, еже еста рупѣ... Многа ина имѣлъ быхъ изрѣци на похваленіе поста, аще къ иному бы было писаніе се; а понеже къ тобѣ, добляя глава наша, его же Богъ издалече проразумѣ, его же изъ утробы осяяти и помазавъ, отъ Царьское и Княжское крови смѣсивъ... Умъ твой быстро летаетъ и не убѣжитъ ему пишее... Что подобаетъ глаголати къ такому Князю, иже болѣ на землѣ спитъ и дому бѣгаетъ, и свѣтлое ношеніе портъ отгонять, и по лѣсомъ ходя сиротину носить одежду, и по нужи въ градъ входя, власти дѣля въ Властительскую ризу облачить съ? И о вкушеніи такожь, иже въ брашнѣ и питіи бываетъ, и вѣмы, яко же имѣмъ и на обѣдѣ свѣтлѣ готовиши... и самъ зубо служини и стражеша рукама своими (творити же то Княженія ради и власти), и обьядающимся имѣмъ и упивающимся, самъ пребываещи сѣдя и позоруя... Рука твоя къ вѣмъ простираются и николишь ти съкровище положено бысть, ли злато, ли сребро нищтено бысть, по вся раздавая обѣма рукама; по скотница (казна) твоя по Божьей благодати нескудна есть и неистощима... Не мога самъ вся творити очима своими, отъ служащихъ орудіемъ твоимъ и приносящимъ ти въспоминанія, то отъ тѣхъ нѣкако приходитъ ти пакость... О семъ испытай, Княже мой; о томъ помысли, о изгнанныхъ отъ тебѣ, о осуженныхъ, о презрѣныхъ; въспомяни о всѣхъ, кто на кого изрекль, и кто кого оклеветаль, и самъ суди и разсуди таковыя... Не опечали же ся, Княже мой, о словеси семъ, или мниши, яко кто приде къ мнѣ печалень, и того дѣля написахъ ти се; просто тако написахъ на въспоминаніе тебѣ, яко великіа власти и великомъ въспоми-

«паніемъ требуютъ и многъ, яко и вельми пользуют и велику пакость
«пмѣють; и сего ради дрязнухомъ мы, яко уставъ есть церковный и пра-
«вило, въ время се и къ Княземъ глаголати что полезное. Не не вѣдаемъ
«бо сего, яко грѣшници оступлены суще и гноемъ истекающе, ниѣхъ
«цѣлители начинаемъ... аще бо и мы тацѣ, но слово Божіе, иже въ пастъ,
«здравно есть и цѣло; и подобаетъ учимомъ словомъ искушати, и еже отъ
«слова исцѣленія примати, не истязати жъ прочая: человекъ бо въ лицѣ,
«Богъ въ сердцѣ».

Списокъ сихъ посланій не старѣе четвертагонадесятъ вѣка.—Самый переводъ Меодія достоинъ вниманія, будучи весьма древенъ.

Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома, изд. 1819 года: Синодальная рукопись Меодіева творенія принадлежитъ къ началу XVI вѣка.

(244) Въ лѣтописяхъ сказано: «Мстиславъ княжа съ кротостью». Въ *Ростоа.*: «еще сый дѣтескъ». Но ему было уже около 50 лѣтъ (см. ниже). Должно читать: «еще сый дѣтескъ, бия на Колокше съ Олгомъ Свято-«славичемъ» (см. *Никон.*). Лѣтописецъ напоминаетъ Читателю о побѣдѣ, одержанной Мстиславомъ въ юности его надъ Олгомъ. Глупые писцы вообразили, что сія война была въ 1125 году, хотя Олегъ умеръ за 10 лѣтъ до того времени. *Никон. Лпт.* припуталъ здѣсь Тмutorоканъ къ Рязани, вмѣсто Муромъ. Далѣе въ лѣтописи: «Шоловци (въ 1125 г.) при-«сунушася вборѣхъ и наворопиша изгономъ» (набѣгомъ) «къ Барочю и «къ Браны» (въ окрестностяхъ Алты: см. ниже, примѣч. 262). Далѣе: «и постиже ѿ у Полкостѣя». Въ другихъ же: «постижѣ Ярополкъ Стпмла». Прежде упоминалось мѣсто Сутень на границѣ земли Половецкой.

(245) «И приде ихъ (Шоловецъ) 7000 со Селукомъ и съ Ташемъ, «и стаха у Ратымирѣ добровы за *Вуремъ*» (рѣкою Виромъ въ Слобод. Украин. Губерн.). Въ харат. и *Кенишберг.*: «Ярополчи бо бяхутъ Посад-«ники по всей Семи, и Мстиславича Изяслава посадишъ (Ярополкъ) въ «Курскѣ, и измаша послы ихъ на Локнѣ»: думаю одной изъ рѣкъ, впа-«дающихъ въ Семь или Сеймъ. Обстоятельство, что Ярополкъ сдѣлалъ Изяслава начальникомъ въ Курскѣ, доказываетъ, что сей городъ при-«надлежалъ тогда къ области Черяславской.

(246) 1126 года, Марта 9.

(247) Ярославъ умеръ въ 1129 году. Татищевъ пишетъ, что сей Князь, изгнанный изъ Чернигова, ушелъ въ Тмutorоканъ, и тамъ, въ *Рязани*, оставилъ брата своего *Святополка*; что Мстиславъ вмѣстѣ въ Яро-«полкомъ Владиміровичемъ осадилъ Черниговъ; что Всеволодъ просилъ те-«стя своего удовлетворять Ярослава однимъ *Тмutorоканскимъ Удѣломъ*; что Великій Кплзъ отвѣтствовалъ длиною рѣчью Игумену Григорію; что Ярославъ, возвратясь въ Муромъ, отдалъ *Сѣверское* Княженіе дѣтямъ Давидовымъ, своимъ племянникамъ. Все несправедливо: 1) о Тмutorоканѣ совсѣмъ не упоминается здѣсь въ лѣтописяхъ; 2) Ярославъ не имѣлъ брата *Святополка*; 3) Мстиславъ только готовился итти къ Чернигову, ибо Ярославъ, прѣхавъ изъ Муромъ, сказалъ Великому Князю: «хрестъ «еси ко мнѣ дѣловаль *пойти* на Всеволода», и 4) Мстиславъ не говорилъ никакой рѣчи; 5) Ярославъ не могъ отдать Сѣверскаго Княженія пле-«мянникамъ, ибо Сѣверское и Черниговское было тогда одно.

Въ лѣтописи: «и плакася (Мстиславъ) того вся дни живота своего». Игумень Григорій твердилъ ему: «на мя будетъ грѣхъ, оже преступишь «хрестъ; то есть лѣтъ (легче) неже прольяти кровь». Напрасно говорить Левекъ: *L'humain et pacifique Gregory avoit raison; toute guerre est injuste, à moins qu'elle ne poursuive une nation toute criminelle. Autrement elle fait couler des flots de sang innocent, pour punir un*

скупable, ou tout-au-plus un petit nombre de coupables, que même la punition n'atteint presque jamais. Мысли совершенно ложныя. 1) Нѣкогда *цѣлый* народъ не можетъ быть преступникомъ: слѣдственно всякая война, по мнѣнію Левека, не справедлива. 2) Государь въ особѣ своей представляетъ весь народъ, и сей послѣдній отвѣтствуетъ за его дѣла. Черниговцы были виноваты, ибо они не защитили Ярослава, и признавъ Всеволода Княземъ своимъ, подвергались наказанію. Обѣтъ Государя есть то же, что государственный договоръ, всегда священный по Народному Праву.

(248) «Мстиславъ посла вои своя, и загна Половцы не токмо за «Донъ, но и за Волгу» (*Воскр. Лит.* I, 269).

(249) См. *Кіев. Лит.* г. 6635, Длугош. *Hist. Polon.* кн. IV, стр. 425 и 427. Сей Историкъ говоритъ, что дружина Владимірова и Ростиславова въ 1126 году воевала Польшу. Татищевъ называетъ Короля Венгерскаго тестемъ Владимірка.

(250) Изяславъ, Всеволодъ. — Татищевъ прибавилъ, что Князья Полоцкіе беспокоили тогда области Мстиславовыхъ дѣтей и братьевъ. — Далѣе въ харат. и *Кенісберг.*: «посла (Мстиславъ) братію свою, Вячеслава изъ Турова, Андрея изъ Володиміря, Всеволодка изъ Городна («не Городна), Вячеслава Ярославича изъ Клевска» (не Изяслава и не изъ Луцка). Мѣстечко Городно существуетъ и нынѣ въ Минской Губерніи, между рѣками Стыремъ и Горынью, а Клевскъ или Клецкъ близъ Несвижа. Вячеславъ долженъ быть сыномъ Ярослава Святоподковича, убитаго въ 1123 году, и племянникомъ Мстислава по матери. Всеволодко *Давидовичъ* (см. *Росс. Библіот.* стр. 195 и Татищ., подъ годомъ 1141), сынъ Давида Игоревича, столь извѣстнаго ослѣпленіемъ Василька Теребовльскаго, былъ супругомъ Агаѳи, дочери Мономаховой. Въ *Кіевск. Лит.* г. 6624: «Володимірь отда дщерь свою Огаѳью за Всеволода». Въ сей же лѣтописи, г. 6652, названы дочери Всеволодковы внуками Мономаха. Татищевъ сказываетъ, что Мстиславъ въ 1125 году утвердилъ братьевъ Вячеслава на Туровскомъ княженіи, Юрія на Ростовскомъ, Андрея на Владимірскомъ, отдавъ сыну Изяславу Курскъ, а другому, Ростиславу, Смоленскъ. Съ котораго времени Вячеславъ княжилъ въ Туровѣ, а Ростиславъ въ Смоленскѣ, не знаемъ: Изяслава же посадилъ въ Курскъ не Мстиславъ, а Ярополкъ.

Далѣе въ лѣтописи: «а Всеволоду Ольговичу повелѣ ити съ своею «братією на Стрѣжевъ къ Борису». Стрѣжеву надежало быть въ нынѣшней Минской Губерніи... «Изяславъ же ускори днемъ передъ братією, «и зая люди отъ города (Ложоска); они же устранившися передашася, «а Изяславцы почаша битися съ Вячеславомъ и съ Андреемъ. Изяславъ же *перестрѣлавъ* (промедливъ) два дни у Ложоска, иде», и проч. *

(251) Въ харат. и *Кенісберг.*: и «бывшую вечеру, Воротиславъ, Андреевъ «Тысячскій, и Ванко Вячеславъ (Вячеславовъ) власта Отроки своя «въ городъ, и свитающю (на разсвѣтѣ) увидѣвше вся вон, и тако взяша «й на щитъ, и едва *Мстиславны*» (т. е. дочери Великаго Князѣ, Брѣчславовой жены) «товаръ ублюдоша, и то съ нужно быющеся». Татищевъ, вмѣсто Мстиславны, написалъ: «домъ и пожитки *Князя* Мстислава». Далѣе: «потомъ же и Новгородци придоша съ Мстиславичемъ со Всеволодомъ къ *Неколичи*». Сего мѣста нѣтъ въ описаніи Литовскихъ и Полоцкихъ городовъ (см. *Воскр. Лит.* I, 21). — Татищевъ справедливо замѣтилъ, что генеалогія Князей Полоцкихъ не ясна: ибо нѣкоторые изъ нихъ назывались однимъ именемъ, и древній Лѣтописецъ не сказываетъ намъ ихъ отчества. Въ *Родослов. Книгѣ* показаны у Всеслава только два сына, Борисъ и Ростиславъ; у Бориса сынъ Роговолодъ, который женился

въ 1144 году; а Рогволода дѣти Василій, Иванъ, Ростиславъ. Но Давидъ Глѣбъ, Романъ (о коихъ мы упоминали) были также Всеславичи, и Рогволодь, который сдѣлался Княземъ Полоцкимъ въ 1127 году, и коего дѣти въ 1129 сосланы въ Царьградъ (см. ниже), должны быть не сынъ Борисовъ, а братъ. Авторъ *Степен. Книги* (I, 270) пишетъ, что Всеславъ имѣлъ *многихъ* сыновей, и что меньшій, отецъ Св. Евфросиніи или Передславы, назывался Георгіемъ. О сей Полоцкой Княжкѣ разсказываютъ, что она, будучи прелестна и благопривна, отказала всѣмъ женихамъ и постриглась въ монастырѣ, гдѣ находилась тетка ея, супруга Романова, также Черница. Евфросинія жила нѣсколько времени при Софійской церкви въ голубцѣ, списывая книги священныя; завела Спасскій и Маріинъ монастырѣ въ Сельцѣ, гдѣ хоронили Епископовъ; постригла тамъ родную сестру, Гориславу, и двоюродную, Звениславу, дочь Борисову, также двухъ племянницъ, дочерей ея брата, *Вячеслава*; выпросила у Греческаго Императора Мануила и Патріарха Луки Ефесскую икону Св. Богоматери, написанную Евангелистомъ Лукою; отправилась съ братомъ *Давидомъ* въ Палестину; встрѣтилась на пути съ Мануиломъ, который шелъ противъ Венгровъ; была имъ обласкана, равно какъ и Патріархомъ Цареградскимъ; наконецъ скончалась въ Иерусалимскомъ Русскомъ монастырѣ Св. Богоматери и погребена въ Теодосіевой обители, гдѣ лежатъ матери Святыхъ Саввы, Теодосія. Козмы и Даміана. Сему надлежало быть за половину XII вѣка: ибо Лука Хрисовергіи правилъ Константинопольскою Церковію отъ 1156 до 1169 году.

(252) *Воскресен. Лѣт. I*, 269, и *Кіев. г.* 1140, гдѣ прибавлено, что Князья Полоцкіе отвѣтствовали Мстиславу: «Боязкови шлоудивому въ «здоровье». Татищевъ пишетъ, что жители Полоцкой области, не захотѣвъ воевать, принудили Князей ѣхать на судъ въ Кіевъ; что Мстиславъ отправилъ ихъ въ Царьградъ къ *язтѣ* своему, Императору Іоанну, который далъ имъ жалованье, и что они, служа ему, храбро воевали съ Арабами. Въ *Воскресен. Лѣт.*: «пославъ по Кривскіе Князи, по Давыда «и по Ростислава и Святослава, и по Рогволодича два, и по *Ростислава* и по Василія и по Ивана»; а въ *Ростов.* справедливѣе: «по Рогволодича два, по *Василія* и по Ивана» (см. ниже, примѣч. 259). Въ Византійскихъ лѣтописяхъ не упоминается о сихъ изгнанникахъ. Нѣкоторые изъ нихъ по кончинѣ Великаго Князя возвратились въ Россію. Въ *Кіев. Лѣт.* подъ годомъ 1140 сказано: «Взыдоста Княжича два изъ «Царягорода; заточени были Мстиславомъ».—Далѣе въ лѣтописяхъ: «по «городомъ ихъ посажа (Мстиславъ) мужи свои». Увидимъ ниже, что тамъ княжилъ Изяславъ.

(253) Въ *Новгород. Лѣт.* (стр. 14): «иде Всеволодь съ Новгородци «на Чудъ (въ 1130 году) зимъ въ гѣвнѣе, и сами исѣде (исѣѣ), а хоромы пожже, а жены и дѣти приведе». Стр. 15: «на зиму (въ 1131 или «1132) иде Всеволодь на Чудъ, и створися пакость: много добрыхъ мужъ «избиша въ *Клиш* Новгородѣцъ Генв. въ 23, въ Суботу». Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Мстиславъ послалъ со Всеволодомъ, въ 1130 году, Изяслава и Ростислава. Въ *Степен. Книгѣ* (I, 255): «отступниковъ Русскаго царствія, богомерскую Чудъ, рекомую *Торму*, самъ (Мстиславъ) «поплѣни. На прочую Чудъ посла сыны своя. Они же противлихся «ихъ побѣдиша; покоряющихся устроиша въ повиновеніи быти. Всеволодь и градъ ихъ Ригу ратова. И паки Мстиславъ съ Новоградскими «и Псковскими мужами и со Княземъ ихъ (Псковичей) *Владиміромъ* Борисовичемъ ратоваша по Неровѣ и къ морю, и подъ градомъ Воробынъ «нымъ» (Верпелемъ). Риги въ сіе время еще не было (см. Грубер. *Lief-land, Chronik*, I, 29); а Князь Владиміръ княжилъ во Псковѣ около

1212 года! Тогда дѣйствительно Князь *Мстиславъ* (но только не сынъ Мономаховъ, а другой) воевалъ *Торму*, осаждалъ *Воробинь*, и проч. (см. *Новгород. Лѣт.* стр. 78, 79). Подъ *Воробинь*мъ находился же *Мстиславомъ* не *Владиміръ*, а *Всеволодъ Борисовичъ*: *Владиміръ* же *Псковскій* назывался *Мстиславичемъ* (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 129).— *Татищевъ* говоритъ о *двухъ* походахъ Великаго Князя на Литву. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Ходи *Мстиславъ* на Литву (въ 1132) съ сынами своими и съ *Ольговичи* и съ *Всеволодомъ* *Городенскимъ*, и пожгоша ѿ, а сами съ *расхороишиа* (спрятались); а *Кыянь* тогда много побиха Литва: не утигли «бо бяху съ *Княземъ*, но послѣди идяху по немъ особѣ» (т. е. не успѣли выступить съ *Княземъ*, и шли позади). Въ *Степен. Книжѣ* прибавлено, что *Мстиславъ* нашелъ въ Литвѣ великое богатство.

(254) *Мстиславъ* родился въ годъ *Мономахова* похода въ *Богемію* (см. его *Духовн.* стр. 32) въ 1076 году, а скончался *Апр. 15*, въ 1132 (не 14 *Апр.* и не въ 1133 г.), въ *Пятницу* на *Св. недѣлѣ*, и погребенъ въ церкви *Св. Теодора*. *Татищевъ* сказываетъ, что онъ занемогъ въ седмицу *Страстную*; что въ его время всѣ *Князья* жили въ совершенной тишинѣ; что *Мстиславъ* уравнивалъ подати, и проч. Сей *Князь* названъ *Великимъ* въ древней *Новгород. Лѣт.* стр. 46. По его кончинѣ *Ярополкъ* вѣхчалъ въ *Кіевъ* на третій день, *Апр. 17*.— Въ *Новгород. Лѣт.* стр. 12: «оженися *Мстиславъ* *Кыевѣ*» (1120 году) «поя *Дмитровну* *Новгородѣ* «*Завидица*». *Татищевъ* называетъ ее *Любовою*. Она жила еще въ 1167 г. Неизвѣстно, когда дочь *Мстислава* вышла за *Всеволода* *Ольговича*. Въ 1140 году меньшій сынъ перваго названъ въ *лѣтописяхъ* шуриномъ *Всеволода* *Черниговскаго*. *Татищевъ* написалъ, что *Мономахъ* въ 1116 году выдалъ за сего *Князя* *Мстиславу* дочь, *Агафію*; но *Агафія* была дочь *Мономахова* и вышла за *Всеволодка* или *Всеволода* *Городненскаго*, а не *Черниговскаго* (см. выше, примѣч. 250).

(255) Сей голодъ подробно описанъ только въ *Новгород. Лѣт.*; но онъ безъ сомнѣнія былъ общій въ сѣверной *Россіи*: цѣна хлѣба не могла бы такъ возвыситься въ *Новгородѣ*, если бы онъ въ то же самое время продавался дешево въ *Псковѣ*, области *Полоцкой*, *Суздальской*, *Смоленской*. Въ другихъ *лѣтописяхъ* сказано только: «бысть вода велика (въ 1128 г.); потопа люди и жито, и хоромы снесе». Въ *Новгород. Лѣт.* стр. 13 и 14: «вода бяше (въ 1127) велика въ *Волховѣ*, а снѣгъ лежа до *Яковля* дни; а на осень уби морозъ върышъ» (рожъ по другимъ спискамъ) «всю и озимицѣ, и бысть голодъ, и черезъ зиму ржи осминка по шолугривнѣ. — Въ се же лѣто (1128) лютѣ бяше: осминка ржи по гривнѣ «бяше: ядыху люди листь липовъ, кору березову, инии молицѣ истлѣкше «мягуде съ пельми» (истолченную молицу мѣшая съ плевами) «и съ слоною; инии ушь, мѣхъ, конину». Ушь не то ли, что *Польское* *Uszysca*? родъ лютика или купальницы, *galunculus pratensis*. употребляемой въ пицу *Нѣмецкими* крестьянами (см. *Бомара*). Далѣе: «Вода бяше велика «и хоромъ много сноси». Вѣроятно ли, чтобы осенній холодъ былъ столь вреденъ для озимей? *Татищевъ* отъ себя написалъ, что морозъ побилъ жито въ *наливѣ* и на *цвѣту*.—Мы опѣнили здѣсь осминку хлѣба не по догадкѣ: семь *Новгородскихъ* гривенъ въ 1230 году составляли гривну или полфунта серебра (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 298 и 527), а фунтъ сего металла стоитъ нынѣ около двадцати серебряныхъ рублей; но вѣроятно, что въ 1128 году гривна кожаной монеты была еще дороже въ отношеніи къ серебру.

(256) Въ *Новгород. Лѣт.* стр. 15: «въ се же лѣто (1130) идуще и (изъ) «заморіи съ *Готъ*, потопа лодіи 7, и сами истопоша и товаръ, а друзин «выгѣзоша, иъ (но) нази: а изъ *Дони* (*Даніи*) придоша сторови» (здоровы).

Случаи Мстиславова княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующіе:

Въ 1125 году Всеволодъ утверждёнъ на престолѣ Новгородскомъ, и Митроп. Никита, исполняя волю Князя Ярополка, Окт. 4, поставилъ Епископомъ Переяславскимъ Марка (или, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, Іоанна), бывшаго Игуменомъ въ монастырѣ Св. Іоанна (или Св. Марка). Въ 1126 году Всеволодъ ѣздилъ въ Кіевъ къ отцу; сдѣланъ Посадникомъ въ Новѣгородѣ Мирославъ Горятиничъ; скончался Митроп. Никита, Марта 9, и вдовствующая Супруга Мономахова, 11 Юня.—Въ 1127 Всеволодъ, женатый съ 1123 года, заложилъ въ Новѣгородѣ, на Петрятинѣ дворъ, церковь Св. Іоанна, во имя сына своего, а Игуменъ Антоній каменную трапезницу у себя въ монастырѣ. Въ *Новгород. Лѣт.*: «въ то же лѣто паде *метель густъ* по земли и по водѣ, и по хоромомъ «по двѣ нощи и по 4 дни»; а въ *Ростов.*: «*мель 4 дни 2 нощи*». *Метель* то же, что *мотыль*: *шой* (см. *Лексик. Кутеинскій*), желтоватая нечистая влажность. Ясно, что въ Новѣгородѣ шель такъ называемый *стрный дождь*, pluie de soufre (см. Бомара): явленіе довольно обыкновенное въ окрестностяхъ сосноваго лѣса. Но Татищевъ вообразилъ, что здѣсь рѣчь идетъ о *мотылькахъ*, бабочкахъ; а какъ и *мотыльки и саранча летаютъ*, то онъ написалъ, что въ семь году «*пала великая саранча*, «которая 4 дни *стола* вездѣ подобно туману, и съѣла хлѣбъ, плоды, «листья на деревьяхъ». — Въ 1128 году скончались Игуменъ Кнріакъ Св. Георгія, Князь Полоцкій Борисъ Всеславичъ, Іоаннъ сынъ Всеволода Мстиславича, 16 Апрѣля, и Завидъ Дмитріевичъ, Новгород. Посадникъ, избранный въ томъ же году; Мстиславъ основалъ каменную церковь Св. Θεодора, а *Печеране*, несправедливо завладѣвъ церковію Св. Дмитрія, назвали оную именемъ Св. Петра. Въ 1129 году отправленъ изъ Кіева Даниилъ посадничать въ Новѣгородѣ и престоавился Мижалко Вячеславичъ, внукъ Мономаховъ (въ Туровѣ, а не въ Рязани). Въ 1130 Всеволодъ ѣздилъ къ отцу; Іоаннъ добровольно оставилъ Новгородскую Епископію, бывъ 20 лѣтъ Епископомъ, а на мѣсто его посватили Нифонта, мужа добродѣтельнаго, прибывшаго туда Генв. 1; совершена церковь Св. Іоанна въ Новѣгородѣ, и Петрилъ избранъ въ Посадники. Георгій Шимоновичъ, Ростовскій Тысячскій, оковалъ гробъ Θεодосіевъ при Игуменѣ Тимоѳеѣ (см. *Кіев. Лѣт.*). — Въ 1131 Мстиславъ заложилъ Кіевскую церковь Богоматери *Пирогошю* (или, по другимъ спискамъ, въ *Пирогощитѣ*). Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что въ семь году Рязанскіе, *Пронскіе* и Муромскіе Князья разбили Половцевъ; но сего извѣстія нѣтъ въ лучшихъ и древнѣйшихъ спискахъ: о Пронскіи нигдѣ еще не упоминалось. 30 Марта было затмѣніе солнца, и Нифонтъ поставилъ Игуменомъ Антонія. Въ 1132 году родился у Мстислава сынъ Владиміръ.

Означимъ прибавленія Татищева. Онъ сказываетъ, что Мстиславъ, по смерти отца, собиралъ Князей на совѣтъ, и что *Князья Черниговскіе* негодовали на его властолюбіе; что въ 1128 году *кадь ржи* стоила въ Новѣгородѣ 4 гривны; что въ 1129 Ляхи ограбили ѣдущихъ изъ Моравіи купцевъ Русскихъ; что въ 1130 дочь Мстиславова Елена выдана за Королевича Венгерскаго Гейзу, а Великая Княгиня слюбилась съ какимъ-то Прохоромъ Васильевичемъ. Одинъ внучъ — такъ повѣствуетъ нашъ Историкъ, хотя и другими словами — сказалъ Мстиславу: «ты, Князь, «воюешь, занимаешься дѣлами или веселишься съ друзьями; а не знаешь, «что дѣлается у твоей Княгини: съ нею видится наединѣ Прохоръ Ва- «сильевичъ». Мстиславъ отвѣчалъ съ улыбкою какъ Философъ: «я лю- «билъ свою первую жену, Христину; однакожъ, будучи молодъ, любилъ и «другихъ красавицъ; она видѣла и молчала. Теперь и моя очередь ви-

дѣти и молчать на старости; совѣтую и тебѣ не говорить о томъ». Однакожъ Тіушъ Прохоръ былъ сосланъ въ Полоцкъ и скоро умеръ. Наши Лѣтописцы не выдумывали такихъ непристойныхъ басенъ. Сія сказка взята изъ Длугоша (Hist. Pol. стр. 463); но тамъ дѣло идетъ о Королѣ Польскомъ.

Татищевъ именуетъ Мстислава Петромъ такъ же справедливо, какъ Мономаха Θεодоромъ. Мстиславъ посвятилъ въ Новѣгородѣ церковь Св. Николаю, въ Кіевѣ Св. Θεодору, а не Петру.

Харатейная грамота Мстислава находится въ Монастырѣ Юрьевскомъ, и писана въ то время, когда Мстиславъ былъ уже Великимъ Княземъ. Вотъ она по списку, мнѣ доставленному: «Се азъ Мстиславъ, Володимиръ сынъ, держа Русьску землю въ свое Княженіе, повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати Буйцѣ Святому Георгіеву съ давию и съ вирами и съ продажами» (наверху приписано: *и Вено Вотское*)... «даже который Князь по моему Княженію прочьнетъ хотѣти отъйти у Св. Георгія, а Богъ буди за тѣмъ и Св. Богородица, и ть (тотъ) Св. Георгій у него то отнимаетъ; и ты, Игумене Исаеи, и вы, братіе, донелѣ же ся миръ съ (сей) стоить, молитѣ Бога за мя и за мое дѣти, кто ся изостанетъ въ монастыри, то вы тѣмъ дѣлжны есте молити за ны Бога и при животѣ и въ сѣмрти: а язъ даль рукою своею и осеннее полюдіе даровное полътретія-десяте гривень Святому же Георгіеву. А се я Всеволодъ даль есмь блюдо серебряно въ 30 гривень серебра Святому же Георгіеву; велѣлъ есмь бити въ не на обѣдѣ, коли Игумень обѣдаетъ; даже кто запъртитъ» (запортишь, испортишь) «или ту дань и се блюдо, да судитъ ему Богъ въ день пришествія Своего и ть «Св. Георгій». На печати съ одной стороны изображенъ Іисусъ Христосъ, а съ другой Архангелъ Михаилъ, поражающій змія. — *Полюдіемъ* назывались объѣзды Княжескіе для собиранія дани или даровъ (о чемъ скажемъ нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ).

(257) «Съ заутря сѣде въ немъ (Всеволодъ въ Переславлѣ), а до обѣда выгна и Гюрги». Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Георгій и Святлополкъ (какой же?) убили тогда многихъ людей въ Переславлѣ.

Въ *Новгород. Лѣт.*, стр. 75: «и рече Гюргій и Андрей: се Ярополкъ, обратъ наю, по смерти своей хочеть дати Кыевъ Всеволоду, братану (братнину сыну) своему». Мономахъ, будучи наслѣдникомъ, княжилъ въ Переславлѣ, и за нѣсколько времени до кончины своей отдалъ его Мстиславу и Ярополку вмѣстѣ (см. *Россійск. Библиот.*, стр. 187).

Георгій княжилъ въ Переславлѣ только 8 дней. *Никон. Лѣт.*, въ противность древнему, говоритъ, что Ярополкъ силою *выгналъ* Георгія. Изъяславъ пріѣхалъ туда на *Госпожинъ день*, т. е. 15 Августа.

(258) См. *Новгород. Лѣт.*, стр. 15, 16. Мы видѣли, что Мономахъ и Мстиславъ отправили туда Посадниковъ изъ Кіева; но въ 1132 году самъ народъ избралъ Посадника Новгородекаго и Псковскаго: *Мирославу даша посадницати въ Псковѣ, а Рагуилови (Рагуилу) въ городѣ (Новѣгородѣ)*.

(259) Въ *Ростов., Воскр. и Никон. Лѣт.* названъ Василько, Полоцкій Князь, сыномъ умершаго Святослава Владиміровича: слѣдственно внукомъ Мономаха; но сей Князь былъ сынъ *Рогаолода Всеславича* (см. выше, примѣч. 252); потому въ житіи Св. Всеволода (см. ниже, примѣч. 265) сказано, что добрый Василько забылъ наслѣдственную вражду и все претерпѣнное родомъ его отъ Мстислава, изгнавшаго Князей Полоцкихъ. Не только въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 33), но и въ *Кіев. Лѣт.* подъ годомъ 1178 названъ сынъ *Васильковъ*, Всеславъ, внукомъ (правнукомъ) *Всеслава* Полоцкаго.

(260) Татищевъ пишетъ, что Вячеславъ *требовалъ* Переяславля, и что Ярополкъ былъ защитникомъ Мстиславичей, у которыхъ его братья хотѣли отнять Удѣлы.—Изяславъ, бывъ Княземъ Полоцкимъ, владѣлъ и городомъ Минскимъ.

Литт. Никон. выдумалъ рѣчь, будто бы произнесенную тогда Великимъ Княземъ въ собраніи братьевъ: «И прослезился и рече: братіе! «суетно есть житіе сіе, и вся мимо идутъ. Гдѣ отцы наши и дѣды и «прадѣды? не умроща ли? такожде и намъ умерети есть, и каждо воспри- «емто по дѣломъ своимъ». Татищевъ, вмѣсто сей рѣчи, помѣстилъ свою. *Никон. Литт.* прибавляетъ еще, что Ярополкъ далъ Изяславу Дрочевъ (Дрогичинъ) и множество даровъ, жемчугу, золота, серебра, одежду, коней, доспѣховъ; и что въ то же время крестился въ Рязани Половецкій Князь Амуратъ.

Въ летописи: «и даша дани Печерские и отъ Смоленска *даръ*, и тако «*хрестъ шлюваща*». *Никонов.* прибавляетъ: дань отъ Смоленска и *Ду- «найска!* Великій Князь получалъ отъ Удѣльныхъ *произвольные дары*, а Новгородъ платилъ ему, думаю, *опредѣленную сумму* или количество драгоценныхъ вещей за свою Двинскую и Печерскую область. Въ уставѣ Князя Николы или Святослава Ольговича (см. ниже) также говорится въ особенности о *дани и дарахъ*.—Татищевъ, выдумками объясняя случаи, пишетъ, что Новгородцы отказались было платить сію дань. Слова о *шлюваніи креста* свидѣтельствуютъ, кажется, что Изяславъ заставилъ тогда Князей, Всеволода Новгородскаго и Ростислава Смоленскаго, присягнутьъ дядѣ въ вѣрности.

Въ 1133 году Вячеславъ оставилъ Переяславль, но изъ Городца возвратился; а въ 1134, зимою, въ противность волѣ Ярополковой, уѣхалъ въ Туровъ. Георгій выпросилъ у брата Переяславль въ 1135: тогда огорченный Изяславъ отправился въ Минскъ и Новгородъ, гдѣ Мстиславичи вошли въ союзъ съ Ольговичами (см. ниже).—*Никон. Литт.* говоритъ, что Вячеславъ ходилъ не въ Городецъ, а въ Рязань, и что Ярополкъ велѣлъ сказать ему: «сѣди не волнуясь: не вимай права Половецкаго». Татищевъ вставилъ и Городецъ и Рязань. Забывъ, что Туровъ былъ отданъ Изяславу, сей Историкъ называетъ Андрея Туровскимъ Княземъ.—*Никон. Литт.* еще объявляетъ намъ, что Георгій въ 1134 году основалъ на устьѣ Нерли городъ *Константиль* и много каменныхъ церквей въ Суздальской области. Такого *города* не было. Есть село Константиново въ нынѣшней Владимірской Губерніи, не далеко отъ Нерли; однакожь на другой рѣкѣ: на Жабнѣ.

(261) Юрьевъ былъ взятъ Всеволодомъ въ 1133 году, Февр. 9. Татищевъ прибавляетъ, что Лифляндцы, данники Новгородскіе, взбунтовались и *завладѣли* Юрьевымъ; но что Всеволодъ отнялъ у нихъ сей городъ и взялъ дань *со всей* Лифляндіи.

Въ *Новгородск. Литтон.*, стр. 16: «Новгородцы убиша мужъ свой и «свѣргоша и (его, а не ихъ) съ моста въ Суботу Пяतिकостъную» (Пятидесятницы или передъ Троицею). Въ 1136 году они бросили съ мосту какого-то Георгія Лирославича, а въ 1141 Якуна (стр. 19, 23).—На возвратномъ пути Новгородцы смѣнили Посадника Петрила и выбрали на его мѣсто Иванька Павловича (стр. 17), а послѣ Мирослава Гюрятиича.—Мы не знаемъ, для чего Всеволодъ не дошелъ до Суздаля; но Татищевъ сказываетъ, что Новгородцы не захотѣли быть союзниками Ольговичей и вмѣстѣ съ ними дѣйствовать противъ сыновей Мономаховыхъ.

Митрополитъ Михаилъ былъ преемникомъ Никиты, и названъ въ Катадогахъ Грекомъ. Онъ прибылъ въ Россію по *Кіев. Литт.* въ 1130 или

1131 году, а въ Каталогахъ сказано, что Михаилъ пась Церковь 19 лѣтъ и выѣхалъ изъ нашего отечества въ 1145 году: слѣдственно былъ Митрополитомъ уже въ 1126? Явная ложь: ибо и въ 1127, по сказанію Лѣтописцевъ (см. *Рос. Библіот.* стр. 183 или *Воскр. Лѣт.* I, 266), Россія еще не имѣла Митрополита. — *Никои. Лѣт.* говоритъ, что Михаилъ въ 1135 *послалъ запрещеніе на весь Новгородъ*; что Всеволодъ и Епископъ Нифонтъ, огорченные такою строгостію, прислали въ Кіевъ Игумена Исаію и Якуна Иванькова, которые его умилостивили и вмѣстѣ съ нимъ прибыли въ Новгородъ. *Запрещеніе* состоитъ въ томъ, чтобы не производить въ церквахъ службы, не ходить Священникамъ въ дома ни съ какими требами, не давать Причастія больнымъ, не отивать умершихъ (см. Платон. *Церковную Рос. Исторію* I, 80). Сей случай невѣроятенъ: ибо древній *Новгородъ* и *Кіев. Лѣт.* молчатъ объ ономъ. Первый скандалъ составляетъ только, что Игумень Исаія ѣздилъ посломъ въ Кіевъ, и что съ нимъ пріѣхалъ Митрополитъ, который убѣждалъ Новгородцевъ не ходить въ Суздаль. Вотъ слова Михайловы по *Новгород. Лѣт.*: «не ходите; мене Богъ послушаетъ»; а въ *Никонов.* прибавлено. Въ житіи Св. Всеволода (*Ки. Стелен.* I, 257) сказано: «Новгородѣи же люде, не внемлюще *запрещенію* Митрополита», и проч. Думаю, что сіе слово подаю мысль *Никонов. Лѣтописцу* выдумать сказку о *запрещеніи* церковномъ. Татищевъ, вмѣсто онаго, говоритъ о *клятвѣ*, и пишетъ, что Митрополитъ дѣйствовалъ по воли Ярополка, оскорбленнаго Новгородцами. — «Новгородцы не хотѣли пустить отъ себя Митрополита для того, пишетъ Татищевъ, чтобы онъ не увѣдомилъ Ярополка и Георгія о походѣ ихъ». Въ *Новгород. Лѣт.* просто (стр. 17): «Пустиша Митрополита Кіеву «Февр. въ 10 въ Мясопустную Недѣлю» (по нынѣшнему въ 1135 году), «а на Суздаль идуще не пустиша его». Далѣе: и много ся зла створи; и убиша Посадника Новгородскаго Иванка, мужа храбра зѣло, мѣс. Генв. «въ 2, и Петрила Микуциця, и много добрыхъ мужей, а Суздальца *болъ*; и створише миръ». Въ другихъ: *побѣдиша* Ростовци.... и воротисаша съ побѣдою великою». Въ *Никои. Лѣт.* сказано, что со Всеволодомъ были Нѣмцы (такъ и въ *Ки. Стелен.*), и что, кромѣ двухъ упомянутыхъ Новгородцевъ, убиты еще Жирята Якуновъ и *Даниша Якушич*. Татищевъ изобрѣлъ обстоятельство и военныя хитрости, приписавъ ихъ Князю Георгію и Боярину его Коробу Якуну. Война Суздальская, по *Новгород. Лѣт.*, была въ 6642 году, а по другимъ въ 6643.

(262) «Иде Изяславъ (въ 1135 г.) Повугороду къ братьи и сложисаша съ Ольговичи и съ Давидовичи», т. е. дѣтми умершаго Князя Черниговскаго, Давида, брата Олегава.

Въ *Пушкин. Лѣт.*: «Заратисаша Ольговичи съ Володимеричи, и идоша «Ярополкъ, Гюрги, Андрей къ Чернигову на Ольговичи, и сташа не дошедше города, и стояша нѣколко дній, и воротисаша опять мѣсяца «Ноября». Въ *Кіев. Лѣт.*: «еще бо бяху Половци къ нему» (Всеволоду Ольговичу) «не пришли.... И Половцемъ приходимъ, Всеволодъ со братією, со Изяславомъ и Святополкомъ Мстиславичема, даже и до Кіева, «и Городецъ» (противъ Кіева) «зажгоша на Св. Андрея день, и ѣздаху «по оной сторонѣ Днѣпра, люди емлюще, а другія сѣкуще, не могучи «перевезтиса черезъ Днѣпръ. Забравши скоть весь, 3 дни стоявше за «Городцемъ въ бору, идоша къ Чернигову, и оттуда шлючи межи собою, «створиша миръ. И паки Ольговичи начаша просити у Ярополка, что нашъ «отецъ держалъ при нашемъ отци, того же и мы хошемъ; аже не вѣдате, «то не жадуите: что ся удѣветъ, то на васъ будетъ кровь. Toe же зими «(1135) Ярополкъ совокуи воя Кіевския, а Гюргій Переяславци, и сто-

«яша 8 (или 20) дній у Києва (противъ Ольговичей) и ўмиршася; и «даше (Вел. Князь) Переяславль Андрееви, а Володимеръ Изяславу».

Въ *Пушкин.* и въ другихъ сказано, что Ольговичи, воюя въ Переяславской области, взяли *Нужатинъ* (близъ Альты) и Баручь (см. выше, примѣч. 244).

Изяславъ участвовалъ въ первомъ походѣ Всеволодомъ на Суздаль: когда же Новгородцы съ Дубны или Волги (какъ въ другихъ лѣтописяхъ сказано) возвратились, сей Князь остался на *Волокъ* (въ Волоколамскѣ) и свѣдавъ, что сыновья Мономаховы идутъ къ Чернигову, пошелъ туда же, съ намѣреніемъ, какъ думаю, пристать къ Ольговичамъ. Болтинъ, зналъ Татищева, но не хотѣвъ справиться съ лѣтописями, винилъ Щербатова, что сей Историкъ принялъ Волгу за Волокъ.

Татищевъ пишетъ, что Юрій, или Георгій, лишенный тогда Переяславля, отправился въ свою прежнюю область, въ *Бѣлую Русь*; но Суздаль и Ростовъ никогда не назывались Бѣлою Русью.—Въ послѣдствіи увидимъ, что нынѣшній Остеръ или древній Городецъ остался за Георгіемъ (см. ниже, примѣч. 311).

О Нифонтѣ см. въ *Новгород. Лѣт.* стр. 17 и 18. Тамъ упомянуто о сраженіи Всеволода съ Ярополкомъ; но оно было уже послѣ заключеннаго мира въ слѣдующемъ году.

(263) Въ *Пушкин.*: «начаша (Ольговичи) воевати села и города по «Сулѣ, и придоша къ Переяславлю и многы пакости створиша, и Устье «пожгоша». Въ *Киев.*: «Стояща у города (Переяславля) 3 дни, и бишася «у Епискуплихъ воротъ и у Книжихъ, и почувтиша Ярополка идуща на «верхъ Супоя».—Въ *Пушкин.*: «погнаша ихъ» (Половцевъ) «Володимеричей дружина, и воротиншася опять на полчище» (мѣсто битвы) «и не «обрѣтоша Князье вое, и впадоша Ольговичемъ въ рудцѣ, и тако изъ- «нимаша держащаго стягъ (знамя) Ярополчъ, и яша Бояръ Давида Яру- «новича, Тысячскаго Киевскаго, и Станислава добраго Тудковича (въ «*Никоновск.* Ивана Даниловича, богатыря славнаго, Дамьяна, Янка), и «прочихъ много, и внукъ Володимеръ, Василько Маричиницъ, убьенъ «бысть ту». А въ *Киев. Лѣт.*: «Василько Леоновичъ Царевичъ, внукъ «Володимеръ Маричинъ». Въ послѣдней сказано выше: «братія Ярополкъ, «Вячеславъ, Гюргій и Андрей, видѣвше полки своя возмязени, отѣхаша «во свояси». О Василькѣ см. выше, стр. 101 (текста). Татищеву захотѣлось похвалить умъ и храбрость его.

Халепъ есть нынѣ село ниже Триполья. Въ *Пушкин.*: «Ольговичи съ «Половци взяша Треполь и Халепъ (въ Никоновск. *дѣтисескѣ*, т. е. за- «мокъ или крѣпость) пуста и придоша къ Киеву, хотя еще пролягати «кровь Хресьянскую, хвалишася въ гордости своей, и Богъ не вда имъ «того створити. А Ярополкъ собра вои многы съ братьею своею: моглъ «бы ся бити съ ними, но того не створи, Бога ся убоявъ, но ўмирися «съ ними». Въ *Киев. Лѣт.*: «Андрей возвратися въ Переяславль. Всеволодъ же, перешедъ Десну, ста противу Вышегороду съ вои... и постоя «за 7 дній, иде къ Чернѣгову, и сослаша межи собою послы и не мо- «гошася уладити. Паки же Ольговичи съ Половци перейдоша Дибѣръ «Дек. въ 29 день, и почаша воевати отъ Треполя около Краина и до Бѣла- «города и Василева, олни же и до Києва, и по Желани, и до Вышегорода, «и до Деревъ (Древлянской области), и чрезъ Лыбедь стрѣляшася. Ярополкъ «же, убоявся суда Божія, сотворися мній (меньшій) всѣхъ, хулу и укоръ «прія на ся, отъ братій своея и отъ всѣхъ, и сотвори съ ними миръ въ «12 Генв. (уже въ 1337 г.) и цѣловаша крестъ, ходищу межъ ими Ми- «строполиту Михайлу, и вда Ярополкъ отчину свою ко Ольговичемъ, чего «хотѣли».—Увидимъ ниже, что Курскъ отошелъ къ Черниговскимъ Князьямъ.

(264) См. *Новгород. Лѣт.* стр. 18, 19, и *Степ. Кн. I*, 258. Въ первомъ (стр. 9): «пострижеса Святоша, тѣсть (тесть) Всеволожь». Наши Историки думали, что зять (Святошинъ) былъ Черниговскій Всеволодь Ольговичъ, женатый, вмѣсто того, на дочери Мстислава. Далѣе: «вса-диша (Всеволода) Маія въ 28 и сѣде 2 мѣсяца, и пустиша изъ города «Юля въ 15, а Володиміра, сына его, пріяша» (оставивъ у себя). Татищевъ прибавляетъ, что Ярополкъ наказаль изгнаннаго Всеволода словами, и проч.

(265) Въ *Новгород. Лѣт.* стр. 19: «стрѣлиша Князя (Святослава) «милостьницы» (пріятели) «Всеволожи, нъ (но) живъ бытъ».—О великодушїи Князя Полоцкаго см. въ житїи Всеволода, *Степ. Кн. I*, 259. Въ рукописной Псковской лѣтописи, Архивской и Синодальной, есть также сіе извѣстіе: «Василько, Всеволоду идущу мимо Полоцка, самъ выѣха «къ нему, проводи его съ честїю, не забывъ заповѣди Божїя, забы злобу «отца его (Мстислава), что быаше сотворилъ всему роду его; вшедшу ему «въ рудъ его, ничто же о немъ лукавно помысли, яко же подобаше по «человѣчеству; но и крестъ межѣ собою цѣловаста, яко не поминати, что «ся дѣяло прежь сего».

(266) Въ *Новгород. Лѣт.* стр. 20: «не всхотѣша людье Всеволода. «и побѣгоша друзїи къ Всеволоду, и взяша на разграбленіе дома ихъ: «Ксїятинъ, Нѣжатинъ и инѣхъ много. Кто Всеволоду прїятель (изъ) Бо-«яръ, ть (то) имаша на нихъ не съ полторы тысяче гривенъ, и даша «купцемъ *крутитися* (готовитися) на войну; нъ (по) сягоша» (достали, зацѣпили «и невиноватыхъ»). Татищевъ все переименовалъ; говорить о бунтѣ Всеволодовыхъ друзей, о казняхъ, о заключенїяхъ въ темницу, о деньгахъ, отданныхъ не *кушамъ*, а войску.

На мѣсто Посадника Константина (въ *Никомовск. Дашкова*), ушедшаго ко Всеволоду въ Вышегородъ вмѣстѣ съ Жирятою, Псковскими Боярїномъ, Новгородцы выбрали Якуна Мирославича.—Далѣе въ лѣтописи: «Святославъ съвѣкуи всю землю Новгородскую, и брата своего «приведе Глѣба съ *Куряны* и съ Половци, и идоша на Пльсковъ». Курскъ зависѣлъ прежде отъ Кнїзя Переяславскаго. *Никон. Лѣт.* выдумалъ, что Новгородцы дѣйствительно желали снова имѣть Всеволода Княземъ: что многіе ушли къ нему и на пути грабили села и дома; что Святославъ нѣкоторыхъ Боярѣ казнилъ, другихъ посадилъ въ темницу, и проч.—Дубровна есть село за три почты отъ города Пскова. Въ *Новог. Лѣт.* стр. 20: «(Пльсковичи) бяхуть ся устерегли, засѣкли осѣки всеъ, и суду-«маше Кнїзя и людье на пути, вспятїиася на Дубровнѣ, и еще рече: «не проливаймѣ крѣви съ своею братьею, негли Богъ управить своимъ «промысломъ».

См. Ильинскаго *Описаніе Пскова*, стр. 8. Въ житїи Св. Всеволода Гаврїила (*Кн. Степ. I*, 260) сказано объ немъ: «вдовицамъ и сиротамъ «заступникъ и кормитель быаше, всеъмъ имѣя нѣдра своя отверста, и «никто же изыде изъ дому его алчень». Тамъ же написано, что Новгородцы, узнавъ о кончинѣ сего Кнѣзя, умершаго 11 Февраля, велѣли Протопопу своему, именованъ Полюду, взять Гаврїиловы мощи; но рака Святаго была неподвижна, и только одинъ ноготь отъ руки его былъ привезенъ въ Новгородъ. Далѣе: «мощи Всеволода положены быша въ «градѣ Псковѣ, въ церкви Димитрїя Солунскаго»—(а въ древнихъ лѣтописяхъ сказано: «у церкви Св. Троицы, *юже бѣ самъ создалъ*)—«бранное «же его оружіе, мечъ и щитъ, поставлено бысть на гробѣ его на хвалу «и на утверженіе граду Пскову».—Святополкъ Мстиславичъ прїѣхаль туда вмѣстѣ со Всеволодомъ изъ Вышегорода.—На мечѣ Гаврїиловомъ

подписано: *honorem meum nemini dabo* (никому не отдам чести своей). Это отзывается духомъ новѣйшихъ временъ.

(Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издав. 1819 г.) Надпись *honorem meum etc.* изображена на Довмонтовомъ мечѣ; Гавриіловъ не имѣетъ надписи. (Сообщено З. Ходаковскимъ).

(267) Мы означили цѣну хлѣба въ Новѣгородѣ по харатейному списку лѣтописи: въ новѣйшихъ стоить 7 гривенъ. Въ 1128 году осмина стояла тамъ гривну: слѣдственно въ семь разъ дороже (ибо въ гривнѣ было 50 рѣзаней). Татищевъ пишетъ, что Новгородцы имѣли еще недостатокъ въ соли, и догадывается, что въ Россіи тогда не варили ее, а покупали Испанскую (см. ниже).

Въ *Новгород. Лѣт.* стр. 19: «въ тоже (1136) лѣто оженися Свято-«славъ Новѣгородѣ и вѣнцася своими Попы у Св. Николы; а Нифонтъ «его не вѣнци, ни Попомъ сватбу, ни Церенцемъ (Чернцаемъ) дасть гла-«голя: не достоитъ его пояти». На комъ онъ женился, и за что Нифонтъ не хотѣлъ вѣнчать его, не знаемъ. Татищевъ говоритъ, что сія *вторая* Святославова жена была дочь Петрила, и что люди Княжескіе убили отца ея. Онъ ссылается на Ростовскій списокъ; но сего обстоятельства тамъ нѣтъ.—Изъ словъ: «Нифонтъ его не вѣнци», Щербатовъ заключилъ, «что Князей обыкновенно вѣнчали Епископы.

Уставъ Святославоу нашель и въ харатейной Кормчей Книгѣ или въ *Древнѣхъ Софійскихъ правилахъ* (Синодальн. Библиот. No 82). Вотъ онъ:

«Уставъ бывшій преже насъ въ Русѣи отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ «имати Пискупомъ десятину отъ даній и отъ вирь и продажъ, что вхо-«дитъ въ Князь дворъ всего. А здѣ въ Новѣгородѣ что есть десятина, «обрѣтохъ уряжено преже мене бывшими Князи, толко отъ вирь и про-«дажъ десятины зрѣтъ, олко даній въ рудѣ Княжи и въ клѣтъ (клѣти) «его. Нужа же быше Пискупу, нужа же Князю въ томъ въ десятой ча-«сти Божи. Того дѣли уставитъ есмь Св. Софьи ать (да) емлетъ Пискупъ «за десятину отъ вирь и продажъ 100 гривенъ *новыхъ кунъ*, иже выда-«ваетъ Домажиричъ изъ Оубга; аче не будетъ полна ста у Домажирича, «а осмьдесятъ выдасть, а дополнокъ взметъ (возметъ) 20 гривенъ у «Князя изъ клѣты. Урядитъ есмь азъ Св. Софьи и написаль *Никола* «Князь Новгородскій Святославъ: въ Оубгѣ, на Волдутовѣ погостѣ, «два сорочка (сорока), на Тудоровѣ погостѣ 2 сорочка, на Ивани пого-«стѣ съ даромъ» (т. е. вмѣстѣ съ даромъ) «3 сорочки, на Ракулѣ 3, на «Спирковѣ 2, у Вихтѣя сорочекъ, въ Пинецѣ 3, въ Кегрелѣ 3, усть «Емцѣ» (съ устья рѣки Емцы) «2, устье Вагъ 2, у Пуйге сорочекъ, у «Чюдина полсорочка, у Лигуя съ даромъ 2, у Вавдита съ даромъ 2, у «Вели 2, у Вѣкшенцѣ 2, на Борку сорочекъ, въ Отминѣ сорочекъ, въ Тоймѣ «сорочекъ, у Помѣ полсорочка, у Тошмѣ сорочекъ, у Пененича соро-«чекъ, у Порогопустыцъ полсорочка, у Валдита 2 сорочка, на Волоцѣ въ «Моши два, у Еми скоро» (у Финляндцевъ шкурами) «а на мори отъ «*ирена* и отъ *самы* по *нузу*, у Тудора сорочекъ». (*Цреномъ* или *Цреномъ* именовалась большая желѣзная сковорода, употребляемая для варенія соли; нынѣ называется *Цреною*: см. *Нов. Ежемѣс. Сочин.* Авг. 1789. Имя *самы* безъ сомнѣнія также относится къ солеваренію, которое производилось въ Двинской *приморской* части Новгородскихъ владѣній. *Нузь* означалъ мѣру, и въ особенности для соли: см. Г. V, примѣч. 244, и Г. Крестиница *Исторію Холмогоръ*, стр. 13). «Въ лѣто 6645 (1137) «Индикта 15. Ожели кто въ которое время а то рюшитъ (нарушитъ), или «отъиметь, что я урядилъ Князь Никола-Святославъ съ Владыкою Ни-«фонтомъ, Князь ли или инъ кто (изъ) сильныхъ Новгородецъ, а будетъ

«Богу противенъ и Св. Софѣи.—А се Обонѣзскій рядъ: во Олонци «3 гривны, на Свѣри гривна, въ Юсколѣ 3 гривны, въ Тервиичихъ «3 гривны, у Вьюницѣ гривна, устье Паши гривна, у Пахитка на Паши «полгривны, на Кукучевѣ горѣ гривна, у Цермина гривна, у Кокорка пол-«гривны, на Масегѣ низъ Сяси полгривны; въ поѣздѣ отъ всей земли «Владычѣ 10 гривенъ, а Попу 2 гривны; у Липсуевичъ полгривны, у «Тойвота гривна, въ Лишнѣ полгривны. А се Бѣжичскій рядъ: въ Бѣ-«жичехъ 6 гривенъ и 8 кунъ, (въ) Городецкѣхъ полпята гривны, въ Змени «5 гривенъ, Езскѣ 4 гривны и 8 кунъ, Рыбанскѣ *гривна Волжская*, «Выизскѣ полгривны Волжская». Епископъ *свергъ* ста гривенъ, отпу-«скаемыхъ ему изъ казны, получалъ съ уѣздовъ означенную дань. Въ ста-«рину считали деньги *сороками*. Здѣсь разумѣется, думаю, *сорокъ кунъ*: что «составляло болѣе ста гривенъ, кромѣ десяти объѣздныхъ и пошлины съ «соляныхъ варницъ. Когда Новгородскій Епископъ имѣлъ сжегоднаго до-«хода 250 гривенъ, то Князю надлежало имѣть 2500 гривенъ, слѣдственно 6250 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, если гривна кунъ была и тогда «четвертою частью гривны серебра, подобно какъ въ началѣ XIII вѣка «(см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 527).

Далѣ въ *Новгород. Лит.* стр. 21: «выгнаша Святослава Апр. 17 «въ Недѣлю 3 по Пасхѣ, сдѣвша 2 лѣта безъ 3 мѣсяцъ. А въ 23 того «мѣсяца поплошишася людье: сългаша бо, яко святополкъ (братъ Св. Все-«волода) у города (Новгорода) съ Ильсковнци; и высунушася весь городъ «къ *Силмишю*, и не бысть ничто же» (т. е. Новгородцевъ испугали ложною вѣстію, что Святополкъ идетъ на нихъ съ войскомъ).—«Свято-«славлюю (жену) прѣяша (удержали) въ Новѣгородѣ съ лучшими мужи; «а самага Святослава яша на пути Смольяне и стрежахуть его на «Смадынѣ въ монастыри, яко же и жену его въ Новѣгородѣ у Св. Вар-«вары въ монастыри, жадуще оправы Ярополку съ Всеволодомъ» (ожи-«дая, чѣмъ кончится распри между ими). Татищевъ говоритъ, что Ново-«городцы разсердились на Святослава за обиды, сдѣланныя имъ войскомъ «его, и что Смоленскіе жители признали Святослава Княземъ своимъ; по «монастырь и темница не престолъ. Въ Смоленскѣ княжилъ Ростиславъ «Мстиславичъ, который держалъ сторону дяди, Ярополка. *Никон.* *Лит.* упо-«минаеть только о казнѣ, отнятой у Святослава, и выдумалъ еще, что Ляхи и «Чудь грабили въ сіе время Россію, а Половцы взяли Курскъ. «Всякое раз-«дѣленное царство запустѣеть», прибавляетъ онъ изъ Св. Писанія, и проч.

(268) Въ *Публик.*: «и вехотѣ (Андрей) лишитися Переяславли; и «такъ бысть пагуба Посудьдемъ» (живущимъ по Сулѣ) «ово отъ Поло-«вецъ, ово же отъ своихъ Посадниковъ». Городъ Прилукъ есть нынѣ При-«луки въ Полтавской Губерніи. Далѣ въ лѣтописи: «Ярополку же ско-«пившю множество вой: Ростовцѣ, Полочаны, Смольяне, Угры, Галичане, «и Берендѣевъ 1000» (въ нѣкоторыхъ 30,000, въ *Никон.* 40,000; а Татищ. «говоритъ, что Король Венгер. прислалъ ихъ къ Великому Князю 10,000, «и что Ярополкъ имѣлъ всего войска 60,000). Берендѣи или Берендичи «одинъ народъ съ Торками, или нѣкоторое особенное племя его (см. выше, «примѣч. 218).

Далѣ *Никон.* *Лит.* заставляеть Черниговскаго Епископа говорить «рѣчь, а Князя Всеволода отвѣтствовать: «увы мнѣ грѣшному! кто есть «азъ пещь смердящій, таковая злая содѣвая?» По древнимъ спискамъ «Черниговскій Князь (*яко смыслень смѣи*) сказалъ только, *вошедши въ себя*: «луче есть смиритися Бога ради». *Никон.* пишетъ также о слезахъ Яро-«полка и Всеволода: «и плакаша много межи собою». Въ первую ночь «мира, заключеннаго въ Моравійскѣ (нынѣ Моравскѣ), было на небѣ ка-«кое то знаменіе.

(269) Въ *Никон.* поставлено 8 Ноября, вмѣсто 18 Февраля. По пѣишему лѣтосчисленію съ Генваря, Ярополкъ скончался уже въ 1139. Онъ былъ схороненъ въ голубицѣ у церкви Св. Андрея; по вдовствующая супруга его, именовъ Елена, въ 1145 году перенесла Ярополково тѣло въ самую церковь и положила рядомъ съ тѣломъ Янки, сестры Мономаховой. — Въ *Никон. Лѣт.*: «бѣ бо премного Христолюбивъ и любя прочитаніе Божественныхъ словесъ, и почитая Епископы... на ратнии же «враги страшень бѣ, и вси бояхуся и трепетаху его». Мы видѣли, что Князья Черниговскіе не боялись злодѣйствовать. Татищевъ сказываетъ намъ, что милостивый и правосудный Ярополкъ былъ *веселю в зора*, охотно со всѣми говорилъ, и для того подданные любилы его какъ отца.

Замѣтимъ случаи Ярополкова времени, о коихъ мы не упоминали: Въ 1133 было знаменіе въ солнцѣ или затмѣніе; сдѣлали новый мостъ черезъ Волховъ; построены 2 деревянныя церкви, Богоматери и Св. Георгія, на торговой площади Новгородской; въ 1134 преставился Изяславъ Глѣбовичъ, внукъ Олеговъ, Мая 14 (см. *Кіев. Лѣт.*, гдѣ еще прибавлено: «въ се жь лѣто принесена бысть дѣска окопечная гроба Господня Діонисіемъ; послалъ бо бѣ Мирославъ»). Авг. 4 сгорѣла въ Новѣгородѣ вся торговая сторона отъ Ручья Плотничнаго до конца Холма и 10 церквей; въ семь же году нѣкоторые Новгородцы были заключены въ Данин (*срубша* Новгородцы за моремъ въ Дони», т. е. были посажены въ порубѣ, а не *изрублены*: см. *Новгород. Лѣт.* стр. 17 и 26). Въ 1135 году, Генваря 6, скончался Переяславскій Епископъ Маркелъ (или Маркъ); Всеволодъ Новгородскій и Нифонтъ Епископъ заложилъ каменную церковь Богоматери на торговой площади, а Рожнеть Св. Николая на Яковлевои удицѣ; слышали громъ Декабря 10, а въ Рязани убитъ (какъ сказано въ *Никон. Лѣт.*) Тысячскій Иванъ Андреевичъ Долгій. Въ 1136, Гелв. 28, умеръ Посадникъ Мирославъ, на мѣсто коего Новгородцы избрали Константина Микулчича, въ отсутствіе Епископа Нифонта, возвратившагося изъ южной Россіи Февраля 4; въ Новѣгородѣ сгорѣла церковь монастыря Воскресенскаго, и Декаб. 5 освятили церковь Св. Николая. Въ Кіевѣ довершена церковь Пирогощая. Преставился Симеонъ, Епископъ Владимірскій; въ Рязани (только по *Никоновск.*) убитъ въ бѣгствѣ Печенѣжскій богатырь Темірхозя. Въ 1137 посвящены два Епископа, Смоленскій Мануиль скопецъ и Θεодоръ Владимірскій, также скопецъ—въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Мануиль былъ искусный Пѣвецъ; что онъ прѣхалъ къ Мстиславу изъ Греціи самъ-третей, и что Смоленскъ прежде того не имѣлъ Епископовъ. Въ томъ же году Георгій уѣхалъ въ Ростовъ, и дочь Всеволода Мстиславича, Верхуслава, выдана за Польскаго Князя. — Въ 1138 (по *Кенигсберг.*) умеръ Глѣбъ Ольговичъ (Татищевъ прибавляетъ: въ *Курскѣ*).

(270) См. Кадлуб. *Hist. Polon.* кн. III, стр. 724—730. Объ имени *Галича* см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 134. Нарушевичъ (*Hist. Narodn Polsk.* III, 269) именуеть Венгерца измѣнника Борисомъ, по догадкѣ весьма невѣроятной. Могу ли Владимірко такъ жестоко поступить съ Княземъ Ярославовой крови? Борисъ же, внукъ Мономаховъ, является послѣ живъ и здоровъ (см. ниже).—Сказочникъ Длугошъ сдѣлалъ грубую ошибку, приписавъ взятіе Вислицы (въ 1136 году) Ярополку. Не сей Великій Князь, но Венгры разбили Болеслава (см. Кадлуб. *Hist. Pol.* кн. III, стр. 731, для сравненія съ Длугош. *Hist. Pol.* кн. IV, стр. 444). Шербатовъ и Левекъ повторили нелѣпности Длугошевы, взявъ оныя изъ М. Стриковского. Татищевъ зналъ сію басню, и написалъ другую о мнимой войнѣ Ярополка съ Болеславомъ. Нашъ Историкъ прибавилъ хитрости, засады, Воеводу Зева, рѣчь Андрею, бубны, огни, и проч.

(271) См. выше, стр. 145, и Прая Annales Reg. Hung. кн. II, стр. 125. Сія война была въ первый годъ Ярополкова княженія, т. е. въ 1132. Владимірко, оставивъ Бориса, скоро объявилъ себя союзникомъ Белы и ходилъ разорять Польшу съ Герцогомъ Богемскимъ (см. Прая Ann. кн. II, стр. 127: Sobjeslaus cum Russis, и проч.). Самъ Владимірко (см. ниже) упоминаетъ о томъ въ нашихъ лѣтописяхъ.

(272) См. Прая Ann. R. Hung. кн. II, стр. 135, 136, 142; Туроц. Chron. гл. 64 и 66, и Memor. popul. III, 645 и 659.

(273) Въ *Ростов.* и другихъ: «ста у города въ Копыревѣ концѣ, и «нача зажигати дворы, Марта въ 4 день». Всеволодъ привелъ съ собою Вышегородцевъ, подданныхъ Госудря Кіевского. Вячеславъ требовалъ единственно, чтобы Всеволодъ далъ ему время выйти изъ Кіева, и въ тотъ день отступилъ къ Вышегороду. Татищевъ прибавляетъ, что Кіевляне не захотѣли сражаться. Далѣе см. *Никон. Лѣт.*, гдѣ сказано еще, что Всеволодъ ходилъ на Половцевъ (чего нѣтъ въ другихъ).

(274) Въ харатейныхъ: «дошедше Горины (рѣки Горыни), пополо- «пившесея (испугавшисѣ), бѣжаша». См. *Кіев. Лѣт.*, гдѣ сказано: «Всеволодъ иде на Андрея съ братомъ своимъ Святославомъ, а Изяслава Давидовича посла съ Половци, Ивана Васильковича и Володаревича изъ Галича, Володимера жъ на Вячеслава и на Изяслава».—Объ Андрѣ см. выше, стр. 165. Святославъ княжилъ въ Курскѣ. Далѣе: «и гоншиа по «нихъ до Карашѣ, а далѣ не пусти Андрей дружины своея». Карань есть нынѣ слобода, не далеко отъ Переяславлѣ, къ Днѣпру. Татищевъ, любя подробности, говоритъ, что на Святослава ударилъ прежде Воевода Андреевъ, а тамъ уже самъ Князь.—Въ харатейныхъ: «на ту ноцъ заго- «рѣлся городъ (Переяславъ) мѣс. Сен. въ 1 день, но не отъ ратныхъ». Въ *Кіев. Лѣт.*: «Всеволодъ же бяше не цѣловалъ креста еще, но испол- «нився страха Божія, и не посла къ городу никого же». Послѣ онъ ска- залъ Андрею: «аже бы лиха хотѣлъ, то что бы ми годно, то быхъ ство- «рилъ». Малотинъ былъ гдѣ нибудь около Сулы и Днѣпра.

(Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома, издан. 1819 года): *Малотинъ* въ Ширятинскомъ Повѣтѣ на Оржицѣ (*Сообщено З. Ходаковскимъ*).

(275) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Володаревичъ же и Васильковичъ привабиша «къ собѣ Изясл. Мстиславича и не урядившесея» (въ пользу Всеволода) «възвратишася. Изяславъ же (Давидовичъ) иде съ сыномъ и воева во- «лость Вячеславу, и възвратишася; Лихове же Володимерскую волость, «помогаючи Всеволоду».

(276) Въ *Новгород. Лѣт.*: «бѣжа Ростиславъ Смольнску изъ Нова- «города *Сентября* 1, сѣдѣвъ въ Новѣгородѣ 8 *мѣтѣ* и 4 мѣсницѣ»; но онъ пріѣхалъ туда въ 1138, Мая 10, а выѣхалъ въ 1139: слѣдственно княжилъ только годъ и 4 мѣсяца; а Татищевъ говоритъ: «4 *года* и 4 мѣсяца!» Далѣе: «И бѣ мятежъ Новѣгородѣ; а Святославъ дълго (долго) не бяше». Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано: «для того, что Всеволодъ былъ занятъ «войною съ Андреемъ и Мстиславичами». Татищевъ прибавилъ, что Новогородцы, долго ожидая Святослава, опять призвали Ростислава. Далѣе: «потоциша (въ 1140 году) Кіеву къ Всеволоду Къснятина Микудьниця, «и пакы по немъ инѣхъ мужъ 6, оковавше Полуца Кснятиниця, Дъмьяна «и инѣхъ колико». Далѣе, стр. 23: «призваша изъ Суджала Судилу, Не- «сзату, Страшка, оже бѣху бѣжали изъ Новгорода Святослава дѣля (ради «Святослава) и Якуна». Въ *Кіев. Лѣт.*: «По малѣ же времени почаша «свѣставати Новогородци у Вѣчи (на Вѣчѣ) на Святослава про его злобу. «Онъ же посла къ брату Всеволоду, река ему: тягота, брате, въ людехъ «снихъ; а не хочу у нихъ быти; а кого тобѣ любо, того пошли. И посла

съ нимъ Ивана Воейшича, прося у нихъ мужъ лѣпшихъ; и поймавъ сѣя приведе къ Всеволоду; и хотяше послати сына своего Святослава («Всеволодовича»). И слышавъ, оже встали Новгородци въ Вѣчи, избиваютъ пріателе Святославу про его насиліе, и спріая (содружилъ) ему «кумъ Тисяцкій его: Княже! хотятъ тя яти. Онъ же убоявся и бѣжа съ женою и съ дружиною на Полтескъ къ Смоленску; и се слышавъ «Всеволодъ, не пусти сына... И прислаша Новгородци Епископа къ «Всеволоду, рекучи: дай намъ сынъ твой... и посла къ нимъ сынъ свой».

Датѣ въ *Новгород. Лѣт.* (стр. 23) именно сказано, что *самъ* Всеволодъ вздумалъ послать сына на мѣсто брата.—Якуна схватили на рѣкѣ Плисѣ или Полиствѣ: «обнаживше яко мати родила и свергша и съ моста: «пъ Богъ избави: прибрѣде къ берегу». Татищевъ прибавилъ, что Епископъ Нифонтъ умолилъ гражданъ не бросать Якуна въ рѣку. Они приковали ему руки къ шеѣ, и взяли съ него 1000 гривенъ (не *рублей*, какъ въ *Никоновск.*), а съ брата, Прокоція, 100 гривенъ, обложивъ пеней и друзей Якуновыхъ.

(277) «Всеволодъ же призва шурина своя и да има Берестій (Брестъ) «и река: Новагорода не березеша» (не брегите его или не княжите тамъ) «ятъ (да) сѣдять о своей силѣ, гдѣ си Князь ни налѣзутъ». Невѣжда Никоновскій написалъ: «посади его съ Епископомъ и съ Новгородцы «въ Берести за *сторожю*», и ввелъ нашихъ Историковъ въ ошибку.

(278) Въ *Кіев. Лѣт.*: «и про то» (за призваніе Ростислава Георгіевича въ Новгородъ) «разгнѣвася Всеволодъ, и зая Городецъ Вѣстръскій... «Посла Изяславъ ко сестрѣ своей, и рече: испроси намъ у зятя Новгородъ Великій брату Святополку. Она жъ тако створи».

Татищевъ пишетъ, что заступленіе Митрополита освободило Нифонта и Новгородскихъ пословъ; что Ростиславъ и Святополкъ въ одно время отправились въ Новгородъ; что тамошніе жители просили Святополка возвратиться съ дороги; что онъ, разсердясь на нихъ, взялъ Торжекъ; что Великій Князь послалъ къ нимъ Святослава, брата своего, для котораго они выслали Ростислава Георгіевича; что Игорь и Святославъ, съ помощію дяди своего, Ярослава, Князя Рязанскаго (*давно умершаго*: см. выше, примѣч. 247) воевали область Суздальскую, и проч. Все спутано. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Новгородцы *повели* Ростислава въ домъ Епископскій и взяли съ него присягу княжить *по ихъ волѣ*; что Всеволодъ, узнавъ о томъ, приставилъ въ Кіевѣ стражу къ Епископу Нифонту, а пословъ Новгородскихъ засадилъ въ погребѣ: такъ сказано и въ другихъ лѣтописяхъ, кромѣ древнихъ, Кіевской и Новгородской, т. е. самыхъ достовѣрнѣйшихъ. Новгородцы заключили Ростислава въ Епископскомъ домѣ такъ же, какъ Св. Всеволода въ 1136 году.

(279) Андрей родился въ 1102 году, а скончался въ 1141, Генв. 22— «а въ третій межѣ *десятма* похороненъ у Св. Михаила» (въ *Ростов.* и другихъ: въ *Переяславлѣ*). Татищевъ пишетъ: «погребенъ между *двумя одами*» — какими же? Всеволодъ, Изяславъ, Святославъ лежали не въ *Переяславлѣ*. Счисленіе: *три межѣ десятма* (между двумя десятками) означало 23: то есть, Андрей былъ погребенъ 23 Генв.—Лѣтописцы рассказываютъ за чудо, что во время Андреева погребенія сіяли три солнца, три столпа отъ земли до неба, въ образѣ дуги, и луна.

Въ харатейныхъ говоритсѣ ниже только объ Игорѣ, а въ *Кіев. обл.* Игорь и Святославъ: въ первыхъ сказано, что Игорь въ 1141 году занялъ города Суздальскіе, а въ *Кіев.* приписано сіе дѣйствию Великому Князю (что, кажется, несправедливо). Станъ Игоревъ находился близъ Переяслава на рѣкѣ *Стреповѣ*: имя теперь неизвѣстное. — *Кіев. Лѣт.* повѣствуетъ о причинахъ войны: «Вѣжанцю Святославу изъ Новагорода (въ

«1141 году), идущю въ Русь къ брату, и посла Всеволодь противу ему, «и рече: брате! пойдн сѣмо. Святославъ же ѣха къ нему изъ Стародуба, «и не уладися съ нимъ о волости, и иде къ Курску: бѣ бо и въ Новѣ-городѣ сѣдя Сиверску. Въ тожь лѣто Всеволодь, розлучивая съ братомъ «своимъ, и да ему Бѣлгородъ» (отнявъ у део Курскъ и Новгор. Сѣвер.)... «Въ то жь лѣто ходи Игорь къ Чернѣгову на Давидовича и створиста «миръ... Бысть братн его (Всеволода) тяжко сердце, Игоревн и Святославу: волости бо даеть сынови, а братн не надѣли. И позва Всеволодь «(въ 1142 году) братню къ собѣ, и стапа въ Олжичихъ, Святославъ и «Володимеръ и Изяславъ, а Игорь у Городца, и ѣха Святославъ къ Игоревн, и рече: что ти даеть братъ старѣйшій? и рече Игорь: даеть намъ «по городу, Берестій и Дорогичинъ, Черторыекъ и Кледецьк, а отчины «своеи не даеть Вятичъ. И цѣлова Святосл. крестъ съ братомъ Игоремъ, «и на утрій день цѣловаста Володимеръ и Изяславъ съ Игоремъ... И «посла ихъ Всеволодь звати на обѣдъ, и не ѣхаша, рекуще: се въ Києви «сѣдши, а мы просимъ у тебе Черниговское и Новгородская волости, «а Києвские не хотимъ. Онъ же Вятичъ не ступише, но даеше имъ 4 «города, яже преди нарекохомъ. Они же рѣша: а намъ самѣмъ о собѣ «поискати, и побѣхаша къ Переславлю... И посла Всеволодь Лазори «Саковского съ Печенѣгы свои Вячеславу въ помощь... И поможе Богъ «Изяславу (Мстиславичу), и бися съ ними, и побѣгоша въ города свои. «Въ тожь время идущю Ростиславу съ Смоленск. полкомъ къ зятю своему «къ Києву, и слышавъ (о войнѣ) и поиде на волость ихъ, и взя около «Гоміа (Гомеля) область ихъ всю» (по харатейн. 4 города)... «Изяславъ «же ѣха въ землю Черниговскую, и повоева около Десны села ихъ, и «възвратися въ свояси съ честію. Игорь же съ братьею ѣхаша къ Переславлю другое, и бишась 3 дни, и възвратишась». Татищевъ пишетъ, что гордый Игорь велѣлъ сказать Изяславу Мстиславичу: «не шуми, сиди «за печью какъ сверчокъ»; что Изяславъ разбилъ его, и тогда вошло на Руси въ пословицу: «сверчокъ тму тараканъ (Каланбуръ!!) побѣдилъ»: ибо Князья Черниговскіе назывались прежде *Тмутароканскими*; что Вячеславъ изъ благодарности отдалъ Изяславу свою юговосточную область, и проч.

(280) Въ *Кіев. Лнт.*: «Посла по нихъ Всеволодь брата своего Святославу, река имъ: возьмете съ любовію, что вамъ даю: Городецъ, Рогачевъ, «Берестій, Дорогичинъ, Кледецьк; болѣ не воюйтеся съ Мстиславичи. Они «же стапа на воли его, и позва ихъ къ собѣ къ Києву, и приѣхаша: «Всеволодь же не хотѣ того, иже ся братьяси съвокупила на одну мысль, «посла къ Давидовичема, река имъ: отступните отъ Игоря и Святослава, «а азъ васъ надѣлю. Они же преступивше крестное цѣлованіе, отступиста «отъ Игоря и отъ Святосл. къ брату Всеволоду. Всеволодь же радъ бывъ «ихъ разлученію, и да Берестій и Дорогичинъ и Выщичъ (см. ниже, «примѣч. 397) *Ормину* (?), а братома пославъ и да има, Игоревн Городецъ Гургевъ и Рогачевъ, а Святославу Кледецьск и Черторыекъ; и «такъ разыдопаша... Ольговичи, братья Всеволожа, пороптапа на нѣ, иже «любовь имѣеть съ Мстиславичи, а съ нашими ворогы, осажался ими «около, а намъ безголове и безмѣстье... И докучиваху ему пойти ратью «на Мстиславичи; онъ же воли ихъ не учини».

(281) Въ *Кіев. Лнт.*: «Приведена бысть дѣщи Всеволожа въ Ляхы» (въ 1141 году)... «Тогоже лѣта (1142) отда Всеволодь дщерь свою Звениславу въ Ляхы за Болеслава». Въ другихъ мѣстахъ лѣтописи Владиславъ называется зятемъ Всеволода. Длугошъ пишетъ, что сей Герцогъ въ 1121 году женился на Христинѣ, дочери Императора Генрика V, которая была еще жива и въ 1146 году; что братья Владиславовы, Боле-

славъ и Мечиславъ, въ 1151 году сочетались бракомъ съ дочерью *Всеволодимира*, Князя *Галицкаго*, первый съ Анастасією, второй съ Евдокією. Длугошевъ извѣстія не имѣють достовѣрности современныхъ. Нарушевичъ доказываетъ свидѣтельствами древнѣйшихъ Лѣтописцевъ, что супруга Владиславова была не дочь Генрика V (см. Hist. Nar. Polsk. III, 181, 187), а сестра Императора Конрада. Она, какъ вѣроятно, умерла прежде 1141 года, и Владиславъ послѣ того женился на Княжнѣ Россійской, умершей въ третій годъ его изгнанія, какъ пишетъ Богуфаль.—Мнимый Длугошевъ *Всеволодимиръ Галицкій* есть Всеволодъ Кіевскій и Всеволодъ-Гавриилъ Нековскій (см. выше, примѣч. 269). Длугошъ сказываетъ еще, что Болеславъ, по смерти Анастасіи, женился въ 1160 году на Еленѣ, дочери Ростислава Перемышльскаго, внуку Володаревой.

Далѣе въ лѣтописи: «сняшася вси (Князья Русскіе) у Чрънска «(Черска на Вислѣ?), и воеваше воротилася, болѣе вземше мирныхъ «Ляховъ, неже ратныхъ».

(282) См. ниже, примѣч. 322. По смерти Моравскаго Герцога Оттопа, въ 1126 году, сынъ его, именемъ также Оттонъ, ушелъ въ Россію, и жилъ тамъ до 1141 году (см. Гебгарди Gesch. des St. Mähren, кн. VII, 54, 55).—Невѣста Святослава Мстиславича (а не Всеволодовича, какъ сказано въ Софійской лѣтописи) прѣѣхала въ 6657 между Рождествомъ и Крещеніемъ: слѣдственно онъ женился въ началѣ 1144 году.

Въ *Новгород. Лѣт.*, стр. 24: «приходи Свейскій Князь съ Епископомъ въ 60 *инехъ* (лодкахъ) на гость, иже изъ моря шли въ 3 лодьяхъ. «и бишася; не успѣша (Шведы) ничтоже, и отлучиша ихъ 3 лодье» (Новгородцы взяли 3 лодки Шведскія); «избиша ихъ (Шведовъ) 150». Татищевъ думалъ, что Шведы побѣди Новгородцевъ. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о *Свейяхъ*. Прежде лазывали ихъ у насъ обинимъ именемъ Варяговъ.

Въ *Новог. Лѣт.*, стр. 24: «въ тоже лѣто (1142) приходиша Емь. Избиша я (ихъ) Ладожане 400, и не пустиша ни мужъ». Татищевъ думалъ, что Ладожане были разбиты Емью. — «Въ тоже лѣто ходиша Корела на Емь и отбѣжаша; 2 *лойву бити*»—а въ лѣтописи Попа Іаанна: «2 *лойвъ* избѣли». Что такое *лойва*? не *засмоленная ли* лодка? *лой* есть смола.—Въ другомъ мѣстѣ *Новгород. Лѣт.* сказано (стр. 159): «совкупися вся волость Новгородская, Пльсковичи, Ладожане, «*Корела*»: слѣдственно сія страна принадлежала Новгороду.

(283) Святославъ женился на дочери Василька еще въ 1143 году, а Роголодъ въ 1144. Свадьба была въ Переяславѣ.

Когда умерли Ростиславъ Володаревичъ и Григорій Васильковичъ, не знаемъ; а Иванъ Васильковичъ въ 1141 году по *Кіев. Лѣт.*, гдѣ сказано: «и прія волость его Володимерко Володаревичъ, сѣде въ обою водостю княжити въ Галичи». Далѣе г. 1144: «роскотограсася Всеволодъ съ Володимеромъ про сына, иже сѣде въ Володимери, и почаства на смъ «искати вины: Володимерко възверже ему грамоту «*крестиуню*».

Всеволодко Городненскій умеръ въ 1142 году, Февр. 1. Въ *Кіев. Лѣт.*, кромѣ другихъ Князей и Владислава Польскаго, зятя Всеволодова, которые ополчились на Владимірка, именованы еще сынъ Великаго Князя Святославъ и Ростиславъ Глѣбовичъ, внукъ Олеговъ (см. выше, примѣч. 269).

(284) Банъ тоже, что Панъ: тогда знаменитое достоинство. Сей Банъ названъ *земъ* Короля, т. е. дядею по матери; слѣдственно онъ былъ роднымъ братомъ Елены, дочери Сербскаго Графа.—О Теребовлѣ см. выше, примѣч. 179. Не замѣчаю маловажныхъ ошибокъ *Никон. Лѣт.* и прибаленій Татищева.—Ушица въ Подольской Губерніи.—Изяславъ Дани-

довичъ былъ отправленъ за Половцами еще изъ Переяславля. — Мѣсто, гдѣ стоялъ Всеволодъ противъ Галицкаго Князя, занявшаго высоты близъ Серета, названо въ лѣтописяхъ *Роже поле*.

Въ *Воскресенск.* и въ *Ростовск. Лѣт.* описаны здѣсь кровопролитныя битвы подъ стѣнами Звенигорода; но сіе было уже во время другаго Всеволодова похода въ Галицію (см. ниже). Далѣе въ лѣтописи: «Всеволодъ ста по сей сторонѣ (Звенигорода), а Володимерь обону страну (въ *Никонов.* на Лебежномъ полѣ), а шедъ съ горы; а межи ими рѣка мелка (въ *Кіев.* Бѣлка, въ *Никонов.* Грезка); и повелѣ Всеволодъ чинити гати комуждо своему полку, и заутра перейдоша рѣку и взяша горы (въ *Ник.* Соколы) за Володимеромъ. Володимерь же мяя, яко къ нему сидуть, ста исполчився передъ городомъ на болоньи. Симъ же полкомъ «не зѣвъ бише битися тѣсноты ради, зане болота пришли доли подъ горы» (подъ самыя горы)... «Взидоша Русьскыи полци на горы и зайдоша отъ «Черемышля», и проч.

Ниже въ *первый разъ* говорится въ лѣтописяхъ о *гривнахъ серебра*. *Никонов. Лѣт.* пишетъ опять *рублѣ*, вмѣсто *гривенъ*, сказывая, что Всеволодъ не оставилъ у себя *ни сребренины*, раздавъ деньги войску. Въ древнихъ: «подѣли сребромъ *братю* свою, почепъ (начавъ) отъ старѣйшихъ и до меншихъ... Уверни (возвратилъ) Всеволодъ Ушицю и Микудинь». — Надобно еще замѣтить, что *Никон. Лѣт.*, выдумавъ глупую рѣчь Игоря, называетъ Галицкаго и другихъ безъ разбора Великими Князьями. Татищевъ пишетъ, что Владимірко *виинлся* передъ Всеволодомъ. Въ *Кіев.*: «Въдавъ Владимірко за трудъ Всеволоду 1000 и 400 гривень серебра, переди много глаголавъ, а послѣди много заплативъ. Всеволодъ же цѣловавъ его съ братьею, рече ему: се цѣловаль еси; къ тому не стѣрѣшай». Сей лѣтописецъ называетъ Галицкаго Князя *многлаголюющимъ*.

(285) Отъ Берлада, нынѣ Бырлата или Барлада, между Прутомъ и Серетомъ. Сей нѣкогда многолюдный и крѣпкій городъ (см. Кантемирово *Описаніе Молдавіи*), основанный близъ развалинъ древней Дакийской Зудиавы (см. Бишинг. *Erdbeschr.* II, 789) былъ населенъ бродягами, которые славилась разбоями на морѣ и сухомъ пути (о чемъ скажемъ нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ). Вѣроятно, что Іоанна Галицкаго называли *Берладникомъ* въ смыслѣ *бродяги* по его образу жизни.

Въ *Кіев. Лѣт.*: «на ту же зиму шедшу Володимеру въ Тисмянцу (въ Галицію) на ловы», и проч. Далѣе: «бишася 3 дни; въ Недѣлю же «Мясопустную на ночь выступили на ня Иванъ съ Галичаны, и побѣша «у Ивана дружины много, и заступниша ѣ отъ города... и пробѣже сквозь «полкъ къ Дунаю, и оттуда полемъ прибѣже къ Всеволоду».

(286) О собраніи Князей въ Кіевѣ см. *Кіев. Лѣт.*: «и съидшимъ всѣмъ братиѣ у Всеволода на сѣнехъ, и рече Всеволодъ», и проч. Далѣе: «повсабливаетъ мене Володиславъ, Липскый Князь, на брата своа: и рече «Игорь: не ходи, но пойдемъ мы... И иде Игорь съ братомъ Святославомъ и съ Володимеромъ (Давидов.), а Изяславъ Мстисл. разболѣся и «не иде. Изъ Володимеря Святосл. Всеволод. иде, и идеша на средѣ «земли Лядское; найдоша брата 2 Владиславля, Болеслапа и Мъжеку, «стояча за болотомъ, и переѣхаша на сю сторону, и поклонистася Игоревѣ съ братьею, и цѣловаше крестъ межю собою... И даста брату «Владиславу 4 городы, а Игоревѣ съ братьею Визну... Тое же зимы Владиславъ, Лядскый Князь, емъ мужа своего, Петрака, и ослѣпъ его, и «языка ему урѣза, и домъ его разграби; токмо съ женою и съ дѣтми «выгна изъ земли своей, и иде въ Русь» (кто? Петрокъ или Владиславъ?)... «Ею же мѣрю мѣрить, взѣмреть ти ся. Ты емъ лестію Воло-

«даря, и умучивъ ѿ, имѣніе его възхити все». Длугошъ говорить, что Владиславъ, изгнанный братьями, бѣжалъ изъ Польши въ 1146 году: увидимъ, что онъ при смерти Всеволода уже находился въ Россіи. Сей же Историкъ пишетъ, что Россіею въ 1145 году, осаждая Познань, были на голову побиты.

(287) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Всеволодъ съ Игоремъ иде къ Галичю, и съ Давидовичема и съ Вячеславомъ, Изяславъ и Ростиславъ, и Святослава «поя сына своего и *Болеслава*, Лятскаго Князя, зятя своего, и Половцы «дикия, и бысть множество вой». Змѣсто *Болеслава* надобно, думаю, читать *Володислава*, который тогда ушелъ изъ Польши. Далѣе: «и бысть «дождь, и стече снѣгъ... Пожгоша около его (Звенигорода) острогъ въ «первый день, а во второй день створиша Вѣче Звенигородци, хотячи ся «передати... и Воевода, Иванъ Халдѣвичъ, изыма въ нихъ мужъ 3 и уби ѿ, и «когождо ихъ перетне наполю, верже и изъ города... Въ 3 же день присту- «пиша вси вои къ граду, по зори бишася до поздной вечери, и зажгоша го- «родъ въ трехъ мѣстѣхъ. Граждане же угасиша... и възваша: *Кирие елей «сонъ*» (Господи помилуй).—Далѣе въ харатейныхъ: «приде Володимерь «Галичскій и взя Прилукъ» (на границѣ Кіевской и Подольской Губерніи, нынѣ Прилука)... «и совокупи Всеволодъ братью свою на Родосыни» (см. выше, примѣч. 204) «и сложи путь съ Бориша дни» (положилъ вы- ступити въ Борисовъ день, или Юля 24) «на Володимера, и нарече оба «Изяслава (Давидовича и Мстиславича) оставити дома, и перебы нѣко- «лико и разболѣся», и проч. *Никоноа. Лѣт.* прибавляетъ, что Великій Князь отправилъ гонцевъ въ Чехи, Ляхи, Угры, требуя войска.

(288) Въ харатейныхъ: «и везоша ѿ Вышегороду». Въ *Кіев.*: «и посла «по брата своего, по Игоря и по Святослава, и ста подъ Вышегородомъ «въ островѣ, и призва къ себѣ Князны, и нача имъ молвити: азъ есмь «боленъ уже велми, а се вамъ братья моя, Игорь; имете ся запы. Они «же рекоша: Княже! ради; ся имель. И побѣхаша Игорь въ Кіевъ, иде «съ ними подъ Угорскій, и съзва Кіаны всѣ; они же цѣловаша къ нему «крестъ, рекучи: ты намъ Князь—и яшася понъ лестію. Заутрїй же день «ѣха Игорь къ Вышегороду, и цѣловаша къ нему крестъ Вышегородци. «Всеволодъ же посла къ Изяславу Мстиславичу Володислава, зятя своего, «а къ Давидовичема Мирослава Андреевича, река: стоите ли въ крест- «номъ цѣлованіи у Игоря? и рѣша: стоимы. Въ утрїй же день преставися «Всеволодъ мѣс. Авг. въ 1 день» (по харатейнымъ Юля 30) «и спрятавшѣ «тѣло его въ церкви Св. мученику (Бориса и Глѣба).—Татищевъ пишетъ, что Вельможа Улѣбъ колебался признать Игоря наслѣдникомъ; что Великій Князь озлобился, но старѣйшина Лазарь Сокольскій утишилъ его глѣвъ; что Всеволодъ былъ толстъ и плѣшивъ, имѣлъ широкую бороду, не малые глаза, долгій носъ; могъ въ судахъ оправдывать или обвинять, кого хотѣлъ: но что любя наложницъ, болѣе занимался удовольствіями, нежели рас- правали; что народъ страдалъ, и только одиѣ любовницы оплакали кончину Всеволодову; что граждане не терпѣли и наслѣдника его, зная свирѣпый нравъ Игоревъ, и проч. Въ лѣтописи названъ Всеволодъ *смысленнымъ*.

Вотъ маловажные случаи его княженія: въ 1140 году, Марта 20, затмѣніе солнца; родился у Вел. Князя сынъ Ярославъ; Въ 1141 поставленъ Епископъ Переяславскій Евфимій. Въ 1142 преставился Чернигов. Епископъ Пантелеймонъ. Въ 1143 (по *Новгород. Лѣт.*) «стояша вся «осенина дѣждева (дождлива) отъ Госпожина (Успенія) до *Короюна*» (такъ назывался, думаю, постъ предъ Рождествомъ, отъ *короткихъ* дней)— «тепло, дѣждь; и бы вода велика велми въ Волховѣ, и всюдѣ сѣпо и «сдрѣва разнесе; озеро морози въ ночь, и растъра въ вѣтръ, и внесе въ «Волхово, и подоми мость 4 городиѣ: отинудъ бѣ знать» (ника ого зна а

не осталось): «бѣ занесе (унесло)». Въ *Кіев. Лѣт.*: «бысть буря велика, яко же не была николиже около Котелиници, и розноси хоромы и товаръ и клѣги и жито изъ гумень, и просто рещи, яко рать взяла, и не остана «въ клѣтѣхъ ничтоже, и нѣщии налѣзоша бронѣ въ болотѣ, занесены «бурею». — Въ 1144 зиму Всеволодъ на одной недѣлѣ выдалъ двухъ дочерей Всеволодовыхъ, внучку Мономаховыхъ, одну за Владиміра Давидовича Черниговскаго, а другую за Юрія Ярославича, внука Святополкова (см. *Кіев. Лѣт.*). 9 Юнія Всеволодъ заложилъ въ Каневѣ церковь Св. Георгія; въ Новгородѣ сдѣлалъ новый мостъ, сгорѣлъ Холмъ (часть города) и церковь Св. Ілліи, Епископъ Нифонтъ расписалъ притворъ Св. Софіи, избранъ въ Посадники Нежата Твердятичъ, совершена на торговой площади каменная церковь Богоматери, и *поставленъ Священникомъ сочинитель древней Новгородской Лѣтописи*. Въ *Кіев. Лѣт.*: «За Днѣпромъ «въ Киевской области летящу по небесѣ до земля яко кругу огненному, «и остана по слѣду его знаменіе въ образъ зміа великого, и стоя по небу «съ часъ и разыдеса. Паде снѣгъ въ Киевской сторонѣ коневі до чрева «на Великъ день (Свѣтлос Воскресенъе). Священа бысть церкви въ Бѣлѣ-«городѣ Св. Апостоль. Поставиша Епископа къ Турову, именемъ Якимъ». — Въ 1145 передъ жатвою стоялъ двѣ недѣли ужасный жаръ (въ *Новгородской*: «яко искря *гуче*» или *жуче*) и наконецъ шли дожди до самой зимы, такъ что много пропало хлѣба и сѣна; осенью наводненіе, а зима малоснѣжная и сумрачная до Марта; утонули 2 Попа, и Епископъ Нифонтъ запретилъ ихъ отпѣвать. Въ Смоленскѣ, на Смядыни, заложена церковь Бориса и Глѣба. Митрополитъ Михаилъ ѣздилъ въ Царьградъ, и сгорѣла въ Кіевѣ часть Подола. Явилась на Западѣ большая звѣзда съ лучами. Въ Муромѣ скончался Святославъ Ярославичъ, оставивъ престолъ брату Ростиславу; а въ Рязань поѣхалъ княжить меньшій сынъ Ростиславовъ, Глѣбъ.

(289) *Дворъ Ярославовъ* находился въ Кіевѣ на горѣ. Въ *Кіев. Лѣт.*: «связа Кіаны всѣ на гору, на Ярославъ Дворъ».

Въ *Ростоск., Кіев. и Воскресен. Лѣт. Ч. I*, стр. 282: «и паки сово-«купишеся вси Кіаны у *Туровы божницы* и послаша по Игоря. Игорь «же посмъ Святослава, иде къ нимъ и ста съ дружиною, а брата посла «въ Вѣче.... Святославъ же съѣдъ съ коня, дѣлова крестъ въ Вѣчи. «Кыяне же вси, съшедше съ коней, начаша молвити», и проч.

(290) Въ *Кіев. Лѣт.*: «устремишась на Ратшинъ дворъ грабити и «на Мечники.... Въземъ (Ізяславъ) молитву въ Св. Михаилъ у Еписк. «Евф. и перейде Днѣпръ у Заруба, и ту прилашася къ нему Черни «Клобуци и все Порусь» (мѣста по рѣкѣ Русу или Роси)... «и поиде «Ізяславъ къ *Дрѣжковому*, и ту совокупишась вси Клобуци и Поршане. «Въ томъ же мѣстѣ прилашася къ нему Бѣлогородци и Василевци.... «Игорь же посла къ Володимеру и Ізяславу (Давидовичу), и рече: стоиша «ли у мене въ крестномъ дѣлованіи? Она же въприсиста у него волости «много: Игорь же има вда, и почелъ има пойти къ собѣ.... Ізяславъ же «Давидов. ѣха вборзѣ къ Игоревіи. Епископъ же Черниговскій, Онуфрій, «Просвиретомъ своимъ рече: аще кто сего дѣлованія (Давидовичей къ «Игорю) съступитъ, да проклятъ будетъ Господскими 12 праздниками. И «по малѣ днѣи съступиста Давидовича крестное дѣлованіе. Начальници «же бы съвѣту злому Улѣбъ Тысячскый и Иванъ Войтишичъ и Лазоръ «Саковскый, а въ Святославлі полку Василь Подочаничъ, Мирославъ «Хиличъ внучъ, и совокупиша около себѣ Кіаны».

(291) Въ 1116 году.

(292) Въ *Кіев. Лѣт.*: «приде Ізяславъ къ валови, идѣ же есть «*Надово* озеро, у *Шелова борку*, и ту ста» (въ харатейныхъ: на *Желани*)

«съ сыномъ Мьстиславомъ. Кыяне же особю сташа у Олговы могилы» (на горѣ Щеговицѣ или нынѣшней Скавицѣ)... «и видѣвъ Игорь, иже Кыяне пославшеся и поаша у Изаслава Тыслчского и съ стягомъ и приведоша ѡ къ собѣ, и Берендичи, переѣхавше Лыбедь, взяша Игоревы товары предъ Золотыми вороты и поды огороды... и Ульбови и Иванови Войтишничю рече: пойдта въ своя полкы. Приѣхавъ же въ свой полкъ, «и повергли стягы, и поскочиша къ Жидовскимъ воротомъ. Видѣвъ же то Игорь и Святославъ и сыновець его Всеволодовичъ, не смятошася, «но поидоша противу Изяславу на верхъ озера, и ту быша пророви отъ озера, а друзи изъ Сухоа Лыбеди... Въѣхаша Берендичи съ саблями и почаша я сѣчи, и ту побѣже Игорь и Святославъ въ *слуды* (болота) Дорогожичьскыя, и Изяславъ же съ Мьстиславомъ, сыномъ своимъ, и съ всею дружиною въѣха въ бокъ имъ, и начаша сѣчи, и разлучишася другъ отъ друга, и съ Игоремъ же не бѣ кто улучася, и бѣже Игорь въ болото Дорогожичское, и угрязе поды нимъ конь... бѣ (Игорь) ногами болить; а Святославъ бѣже на устьѣ Десны, за Днѣпръ; а Всеволодичъ Святославъ вѣже въ Киевъ къ Св. Оринѣ въ монастырь, и ту его яша. «Идоша по нихъ до Вышегорода и до Днѣпра, до устья Десны и до перевоза до Киевского, сѣкуще ѡ, а другыя въ водѣ избиваху... Выидоша противу ему (Изяславу) множество народа, Игумени съ Черноризци и Шопове всего города Кыева въ ризахъ, и приѣха къ Св. Софїи... Бояры многы изымаша: Данила Великаго и Гурья Прокопьча, Ивора Гюргевича, Мирославля внука, и инѣхъ много въ Киевѣ... и разграбиша Кыяне съ Изяславомъ дома дружны Игоревы и Всеволожи, и села и скоты, и възаша имѣнїя много въ домѣхъ и въ монастырехъ».

(293) Именемъ Владиміру. Въ лѣтописи: «отъ радости (Вячеславъ) «не приложи чти къ Изяславу... и отъя города опять, иже бяше отъ «него Всеволодъ отъялъ». Рѣчь Вячеславова (см. *Воскресен. Лѣт.* II, 13) свидѣтельствуетъ, что племянникъ обѣщаль прежде завоевать для него Киевскую область. Съ Ростиславомъ ходилъ въ Волынїю и сынъ Всеволодовъ.—Татищевъ говоритъ, что Вел. Князь послалъ дары Венгерскому Королю; что Святославъ Ольговичъ уѣхалъ въ Новгородъ *Великій* къ *Ростиславу*: но Ростиславъ княжилъ въ *Смоленскѣ*, а Святославъ уѣхалъ въ Новгородъ *Сверскїй*.

Пересопница, нынѣ селеніе того же имени, находится между Лупка и Дорогобужа, Ровна и Клевани на рѣкѣ Стублѣ или Струбелкѣ, впадающей въ Горынь.

(294) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Святославъ же убѣже въ Чернѣговъ съ мадомъ дружины, послася къ братома и рече: стоита ли въ крестномъ пѣлованїи, еже есвъ пѣловали пяти днїи?... Се вамъ оставляю Костяшка, «мужа своего.... А самъ ѣха къ Курску, и оттуда къ Новгороду... И «посластася (Давидовичи) къ Изяславу: Игорь яко тобѣ золь былъ, тако «и намъ; а дрѣжи его твердо».

(295) См. *Кіев. Лѣт.* Олегъ былъ женатъ на Княжнѣ Половецкой.—Князь Рязанскїй названъ *Святославичемъ* (см. ниже, примѣч. 299). — О *Берладникѣ* см. выше, примѣч. 285.

(296) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Давидовича же рекоста: се есвъ зачала дѣло «зла, а съвершила до конца; искоренива брата Святослава... И въпро- «систа Изяслава ити на Святослава. Въ томъ же лѣтъ ходи Изяславъ «къ Давидовичема на снемъ, и рече има: пойдета на Олговича». Опъ «вмѣстѣ съ сыномъ прислалъ къ нимъ какого-то Яна Олговича. Далѣе: «и поидоша къ Новгороду, и сташа у пересы (вала), и идоша стрѣльци «и съ товары (съ обозомъ) къ граду, къ вратомъ Чернѣговскимъ, и ту «бишася. Въ утрїй же день поидоша къ вратомъ Курскимъ, и посла

«Мстиславъ къ Давидовичема и рече: отецъ мой рекъ: къ городу не приступайте, доколѣ же прииду азъ... И не идучи, пакъ града стага «близъ, и пустиша стрѣлци къ граду, и Христіаны и Берендѣи... И бысть «налога (тягость) велика горожаномъ; и вбодоша и въ врата острожнаа, «и много бысть убитыхъ. Убиша Дмитра Жирославича и Андреа Лазоревича. Бившимся имъ до вечера, и шедше стапа у Млетеко въ селѣ... «И заграбиша Игорева и Святославля стада въ лѣсъ по Рахни кобыль «стадныхъ 3000, а коней 1000... Пойдоша на Игореву селце, идъ же «бше устроилъ дворъ добръ: бѣ же ту готовизинны много въ *бретяни-
цяхъ*», и проч. Тутъ была церковь Св. Георгія. Изяславъ Мстиславичъ далъ жителямъ Путивля своего Посадника. Татищевъ заставляеть ихъ говорить умную рѣчь.—Болтинъ несправедливо называетъ Путивль городомъ Вятичей: онъ былъ въ области Сѣверской.

Далѣ: «и ту дворъ Святославль раздѣли (Изяславъ въ Путивлѣ) на «четыре части, и *скотници* (казну), и бретяницы, и въ погребахъ 500 берс-
ковецъ (у Татищева *берестенъ*) меду. И церковь Вознесенія Господня «всю обоймаша, сосуды двои серебряны и индѣити (одежды престольныя) «и судари (убрусы, платки), а все шито златомъ; и кадильницы двѣ, и «каце (какое) Евангеліе ковано, и книги, и колоколы».

(297) Въ *Никонов. Лѣт.*: «приде вѣсть къ Святославу, что хотять «(Князья) за нимъ вси итти къ Новгороду и возьмше его *остыити*». — Въ лѣтописяхъ сказано, что Изяславъ Давидовичъ хвалился поимать Святослава, или по крайней мѣрѣ его жену съ дѣтми. Далѣ: «иде (Изяславъ) изъ Путивля на Сѣвекъ и на *Болдыжъ*» (нынѣ село, принадле-
жащее Гг. Безобразовымъ, въ 20 верстахъ отъ Брянска) «преки бо» (поперечный, а въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ *простъ*)—«бѣ ему путь къ «Корачеву. И ту прибѣгоша зажитницы. Увѣдавъ же Святославъ, оже «пришли нань, и посла на нихъ дикія Половцы, и яша нѣколько перед-
ничъ» (переднихъ Изяславовыхъ зажитниковъ). «Святославу же не бѣ «гдѣ дѣтиса, либо выдати жену и дѣти и дружину на полонъ, или главу «свою положить... И помолвися Богу, изыде противу». *Никон. Лѣт.* далъ Изяславу 14,000 вонновъ вмѣсто 3000. — Именемъ *дикихъ* Половцевъ означались, кажется, степные или кочующіе: ибо другіе, въ окрестностяхъ Донца, уже обитали въ городахъ. Татищевъ говоритъ, что Святославъ былъ раненъ въ битвѣ.—Далѣ: «повоевавъ (Святославъ) Корачевъ, «бѣжа за лѣсъ въ Вятичи». Слѣдственно область Вятичей была за Карачевымъ, на Востокъ и Сѣверъ. Татищевъ называетъ оную Удѣломъ Святослава Всеволодовича; но Черниговскіе Князья говорятъ послѣ Изяславу: «Ольговичъ Святославъ занялъ волость *нашу* Вятичи». — Далѣ: «Изяславъ Мстиславичъ съ братією, отпустивше Изяслава Давидовича «изгономъ на Святослава, сами по немъ идоша; прешедшимъ же имъ «лѣсъ Болдыжъ, сташа ту на обѣдъ, и прибѣже къ нимъ мужъ, и рече «имъ: брата вашего побѣди Святославъ. Слышавъ же то Изяславъ, и «ражже сердце свое больма (весьма) на Святослава: бѣ бо храбръ и крѣ-
покъ на рати... Изяслава же (Давидовича) долго не бѣ; уже въ полдни «прибѣже къ нимъ... Идоша (Князья) тотъ день оли до ночи, и бысть въ «*лломъ*» (время, когда ложатся спать), «и приде вѣсть изъ Корачева, иже «Святославъ бѣжа въ Вятичи». — Далѣ: «рече (Изяславъ) братома сво-
сима: чего еста хотѣла волости, то есмь вамъ изыскалъ: се вамъ Пов-
городъ и вся Святославля волость; а что будетъ Игорева въ той во-
лости, челяди и товара, то раздѣлимъ на части».

(298) Въ харатейныхъ: «Игоръ же слышавъ въ порубѣ сый, оже «идеть Изяславъ на брата его, посла къ Изяславу», и проч.—Далѣ см. *Кіев. и Воскресен. Лѣт.* I, 287.

(299) Городъ Дѣдославль назывался послѣ Дѣдидовымъ (нынѣ село верстахъ въ 30 отъ Тулы): см. *Болги. Чертежъ* стр. 10.— Брянскъ назывался *Дебрянскимъ*.— Далѣе: «пришедшу же Святославу въ Колтескъ «городъ, и ту присла ему Юрій помощи 1000 бронникъ дружины Бѣлозерскія». Сей Колтескъ называется Кулатескъ и Култескъ въ описаніи Рязанскихъ городовъ XIV или XV вѣка (см. *Воскресенск. Лнт.* I, стр. 22). Татищевъ сказываетъ намъ отвѣтъ Вятичей на предложеніе Князей. Далѣе: «Святославъ же поиде отгуду изъ (Дѣдославля) къ Осетру («рѣкъ Тульской Губерніи), и ту отступи отъ него Иванко Ростиславичъ Берладникъ къ Ростиславу, Смоленскому Князю: *вземъ* у Святослава 200 гривенъ сребра, а 12 злата». Татищевъ пишетъ, что Берладникъ силою отнял ихъ у Святослава. *Никонов. Л.* именуеть сего Ивана Ростиславича сыномъ Смоленскаго Князя и прибавляетъ: «Князь же Святославъ Ольговичъ иде въ Рязань, и бывъ во Мчискѣ и въ Тулѣ, и въ Дубкѣ на Дону, и въ Ельдѣ, и въ Пронскѣ, и приде въ Рязань на Оку и пребылъ во градѣ Осетрѣ!» — Владиміръ Рязанскій былъ сынъ Святослава Ярославича. Въ *Воскресен. Лнт.*, I, 24, 25: «Ярославъ преставися въ Муромѣ, а на Муромѣ и на Рязани остались дѣти его, Ростиславъ, да Святославъ, да Юрій; и Ростиславъ да Святославъ были на Рязани, а Юрій на Муромѣ... у Святослава Ярославича сынъ «Володимеръ». См. выше, примѣч. 288, г. 1145. — Далѣе: «Святославъ же хотѣ итти съ Бѣлозерцы на Давидовича, и въ то время нача изнемогати Іоаннь Юрьевичъ. Святославъ же не ѣха отъ него, ни дружины «своеяпусти... Преставися Іоан. Юрьевичъ, Февр. 24, въ *Понедѣлокъ* «ночью на Масленой недѣли; приѣхаста (въ Колтескъ) ту на Донь два «брата его, Борисъ и Глѣбъ, и сотвориста плачь великъ, и *вземше тѣло* «его идоша къ Суждалю; а Святославъ поиде *вверхъ по Окѣ*, и пришедъ «ста на усть Поротвы въ городѣ Любыныцѣ» — (станѣ Любутскомъ, Тульской Губ., въ Алексин. Округѣ) — «и ту присла къ нему Георгій. «тѣша его река: *не тужи о сыну моемъ; аще того Богъ взялъ, то другой «послю ти*. Присла же ту и дары многи, паволоками и скорою; одари и «жену его и дружиню его». *Никон. Лнт.* сказываетъ, что Георгіевъ сынъ Іоаннь умеръ въ Любынцѣ *Амосовъ*.— Далѣе: «Поидоста Юрьевичи, Ростиславъ и Андрей, къ Рязаню на Ростислава на Ярославича. Ростиславъ же бѣжа въ Половци ко Атуковн (Хану)... Святославъ *взя* людѣ «Голядь верхъ Поротвы». Татищевъ сказываетъ, что Георгій хотѣлъ *наказати* Новгородцевъ за ихъ привязанность къ Мстиславичамъ.

(300) Въ *Кіев. Лнт.*: «Олегъ же (сынъ Святослава) ѣха на предѣкъ Юрьевн, и да ему пардусъ» (не Юрій Олегу). Вѣроятно, что Россіянамъ доставляли сихъ звѣрей Греки или Половцы.—О вельможѣ Петрѣ: «на Вербицу ту преставися (на берегу Оки) добрый старецъ Петръ «Ильичъ, иже былъ мужъ отца его (Святослава); уже бо отъ старости «не можаше на конь сѣсти: бѣ бо 90 лѣтъ».—Въ *Никон. Лнт.* сказано, что въ 1147 году умеръ Князь Рязанскій Давидъ, котораго не бывало, и наслѣдникомъ его сдѣлался братъ Игорь, котораго также не бывало.

(301) «Посла же къ нему (Святославу) Юрій, рекъ: буди, брате, ко «мнѣ къ *Москвѣ*». Далѣе: «любезно «ѣловастася въ день Пятка, на «*Похвалу Богородици*» — слѣдственно на пятой недѣлѣ Великаго поста. Сей день въ 1147 году былъ 28 Марта, а не 28 Іюля, какъ у Татищева.

См. *Лѣтопись о зачатіи царствующаго Великаго Града Москвы*, въ Синодал. Библ. No 92. Сія повѣсть сочинена въ новѣйшія времена и содержитъ въ себѣ явные ошибки. Тамъ сказано:

«Въ лѣто 6633 (1125), по преставленіи благовѣрнаго Царя и В. Кн. «Владиміра Всеволодовича Мономаха, сѣде на Великомъ Княженіи въ

«Кіевъ сынъ его, Князь Юрій; а сынове его, Князь Всеволодь съ братією, съ нимъ быша; а старѣйшаго сына, Князя Андрея, посади въ Суждалѣ. Въ лѣто 6666 (1158) сему Великому Князю Юрью грядущу изъ Кіева во Владиміръ къ сыну своему Андрею, приде на мѣсто, идѣ же нынѣ царствующій градъ Москва, обополы *Москвы рѣки*. Сими же селы владающе тогда Боларину нѣкоему, богату суцѣ, именемъ Кучку Иванову; той Кучко возгордѣвся зѣло и не почте Вел. Князя, и поносивъ ему. Князь же Великій, не стерпя хулы, повелѣ Боларина того смерти предати; сыны же его видѣвъ млады сущи и лѣпы зѣло (именемъ Петръ и Иоакимъ) и дщерь едину благообразну (именемъ Улицу), отсѣла во Владиміръ ко Андрею. Самъ же взыде на гору и обозрѣ очима «своима сѣмо и овамо по обѣ страны *Москвы рѣки* и за Неглинною, «возлюбилъ села оныи, и повелѣваетъ вскорѣ содѣлати малъ древнѣи градъ «и прозва его Москва градъ» — (то есть, именемъ рѣки) — «и потомъ «Князь Великій отходитъ къ сыну Андрею во Владиміръ и сочеловаеть «его бракомъ со дщерію Кучковою. И бывъ у него Вел. Князь Юрій «довольно, заповѣда ему градъ Москву людыи населити и распростра- «нити; и пакы возвращается въ Кіевъ». — Сочинитель не зналъ, что въ 1125 году Мстиславъ наслѣдовалъ престолъ Кіевскій; что Всеволодь еще тогда не родился, и что въ 1158 году Юрія уже не было на свѣтѣ. Но вѣроятно, что сія сказка основана на древнемъ, истинномъ преданіи, по которому Юрій или Георгій застроилъ Москву, умертвивъ господина тамошнихъ сель Стефана Кучка. Татищевъ, ссылаясь на мнимую *Гаскомличью летопись*, прибавляетъ, что Георгій любилъ съ женою Стефана Кучка *Тысячскаго*; что мужъ, пользуясь отсутствіемъ Князя, увезъ жену въ деревню на берегъ *Москвы рѣки*, и хотѣлъ бѣжать къ Изяславу; что Георгій, оставивъ подъ Торжкомъ войско, спѣшилъ избавить любовнику, убилъ мужа, дочь его выдалъ за Андрея и заложилъ городъ Москву.

У насъ есть другая, гораздо обстоятельнѣйшая повѣсть о началѣ *Москвы*, изобрѣтенная совершеннымъ невѣждою. Вотъ содержаніе: «Въ «1381 году княжилъ въ Владиміръ К. Андрей Александровичъ Невскій, «а въ Суздаль братъ его, К. Даніилъ. На берегахъ *Москвы рѣки* были «красныя села Боларина Стеф. Ивановича Кучка, отца двухъ сыновей, «удивительныхъ красотою: К. Даніло силою взялъ ихъ (сыновей Кучко- «выхъ) къ себѣ во дворъ: одного пожаловалъ въ Стольники, другаго въ «Чашники. Сіи два брата сдѣлались любовниками жены Даніиловой, «Улицы Юрьевны, и вздумали извести Князя, будучи съ нимъ на охотѣ. «Даніилъ раненный ускакалъ отъ нихъ въ лѣсъ, бросилъ коня, дошелъ «до Оки-рѣки, и хотѣлъ въ лодкѣ переѣхать на другую сторону; но ло- «дочникъ, обманомъ взявъ у него золотой перстень, скрылся. Даніилъ, «боясь своихъ гонителей, влѣзъ въ маленькій срубъ, гдѣ былъ погребенъ «мертвецъ. Кучковичи вездѣ искали Князя, и не нашли. Тогда Княгиня «Улита даетъ имъ любимаго пса Даніилова, который доводитъ ихъ до «сруба: тутъ злодѣи убиваютъ Князя. Пятилѣтній сынъ его, Иоанъ, «убѣждаетъ съ вѣрнымъ дядькою въ Владиміръ, къ Князю Андрею Але- «ксандровичу. К. Андрей идетъ съ 5000 воиновъ наказать убійцъ. Куч- «ковичи уходятъ изъ Суздаля къ отцу; но мѣсть совершается: К. Андрей «казнить невѣстку, Боларина Стефана Кучка, сыновей его; строить Москву «на мѣстѣ Кучковыхъ сель, а въ ней деревянную церковь Благовѣщенія «Юля 27 въ 1383 году (или въ 1291, какъ въ другомъ спискѣ); отдастъ «Суздаль въ Владиміръ сыну Георгію, самъ княжить въ Москвѣ, и умира- «етъ въ 1384 г., объявивъ племянника своего, Иоана, ея наслѣди- «комъ. Георгію Александровичъ также умираетъ, и еще прежде отца.

«Иоаннь Даниловичъ воспитываетъ у себя младенца, Георгіева сына, именемъ Дмитрія, и дѣлается Государемъ Московскимъ, Владимірсскимъ, Суздальскимъ. Къ нему прѣзжаетъ Петръ Митрополитъ изъ «Кіева 22 Марта, 1385 года». Сколько Анахронизмовъ и нелѣпостей! Сія басня, написанная размѣромъ старинныхъ Русскихъ сказокъ, находится въ *Книжѣ о древностяхъ Рос. Государства*, Ч. I, Т. II, л. 141 и слѣд., въ Синод. Библиотекѣ подь No 529. Если бы Авторъ взглянулъ въ лѣтописи, то онъ увидѣлъ бы, что самъ Даниль Александровичъ жилъ въ Москвѣ и называется обыкновенно *Московскимъ*; что о семь городѣ нѣсколько разъ упоминается въ Исторіи XII вѣка, и что Кучковичи убили Андрея Боголюбскаго (см. ниже), а не Данила.

Вотъ еще сказка, найденная мною въ одной рукописи XVII вѣка: «Въ лѣто 6714 (1206) Князь Великій Данило *Ивановичъ* (?) послѣ Рюрика, Короля Римскаго, въ 14 лѣто пришедь изъ Вел. Новаграда въ «Суздаль, и въ Суздаль родися ему сынъ Георгій, и созда во имя его «градъ Юрьевъ Польской, и въ немъ церковь во имя Св. Георгія каменную на рѣзи отъ подошвы и до верху; и поѣха К. В. Данило изыскывати мѣста, гдѣ ему создади градъ престошный къ Вел. Княженю сво-«ему, и взя съ собою нѣкоего Гречина, именемъ Василія, мудра зѣло, и вѣдающа, чему и впредь быти; и вѣхавъ съ нимъ во островъ темень, «непроходимъ зѣло, въ немъ же бѣ болото велико и топко, и посредѣ того острова и болота узрѣ Князь Вел. Данило звѣря превеликаа тро-«глава и красна зѣло... и сказа ему Василій Гречинъ: *Вел. Княже! на семь мѣсть созиждется градъ великъ, и распространится Царствіе трехугольное, и онъ немъ умножится различныхъ Ордѣ люди...* Князь же Данило въ томъ острову наѣхалъ посредѣ болота островецъ малъ, а на немъ хижина, а въ ней живетъ пустынный, а имя ему Букаль, и хижина по тому называется Букалова: и нынѣ на томъ мѣстѣ Царской «Дворъ. И послѣ того К. В. Данило Ив. съ тѣмъ же Гречиномъ, спусти «4 дни, наѣхалъ горы, а въ горахъ хижину, и въ той хижинѣ челоуѣкъ. «Римлянинъ, имя ему Подонъ, исполненъ Св. Духа, и рече: *возлюби Князь Великій, мѣсто сіе; и на томъ мѣстѣ восхотѣ К. Данило домъ себѣ «устроить. Той же Подонъ рече: Княже! здѣ созиждутъ храмъ Божій и «пробудутъ Архіереи.* Князь же Данило въ шестое лѣто на хижинѣ Букаловѣ заложилъ градъ, и нарекоша имя ему Москва, а въ седьмое лѣто «на горахъ Подонскихъ, на хижинѣ Подоновѣ, заложилъ церковь Спаса. И «въ девятое лѣто родися у него два сына, К. Алексѣй и К. Петръ. Князь «же Данило любяше вельми К. Алексѣя, и во имя его созда градъ Алексинъ, къ Сѣверу, и тамо обрѣте во островѣ мужа, именемъ Сара, земли «Иверскія, и на его хижинѣ заложилъ градъ Алексинъ. И по девятомъ лѣтѣ «приде изъ Грекъ Епископъ Варламъ къ К. Данилу, и многія мощи съ «собою принесе; и К. Данило повелѣ ему освятити храмъ на горахъ Подонскихъ, и да ему область Крутицкую, и нарекоша его Владыкою Сар-«скимъ и Подонскимъ: тако нарекоша Крутицы».

Ссылаясь на изустныя преданія, повѣише Историки Москвы рассказываютъ (см. *Историч. и топограф. описаніе Москвы*), что на ея мѣстѣ села Кучковы назывались 1) Воробьево (гдѣ нынѣ горы сего имени), 2) Симоново (гдѣ Симоновъ монастырь), 3) Высоцкое (гдѣ Петровскій монастырь), 4) Кудрино, 5) Кулишки, 6) Сухоцехъ (Сущево), и 7) Кузнецкая слобода (гдѣ мость Кузнецкій); что свержъ упомянутыхъ деревень были еще нныя на Вшивой Горкѣ близъ Андроніева монастыря, на Красныхъ и Чистыхъ прудахъ, гдѣ находился домъ самого Кучка; что церковь *Спаса на бору* стоитъ тамъ, гдѣ была хижина Букалова; что рѣка Москва именовалась прежде *Смородиною*, названа же Москвою отъ

московъ; что Георгій велѣлъ построить на ея берегу деревянный городъ, назвавъ его по новому имени рѣки Москвою, а другому городу, основанному тамъ, гдѣ нынѣ монастырь Знаменскій, дать имя *Китай*, ибо такъ прозывался сынъ его Андрей, и проч. и проч. Какія же историческія свидѣтельства подтверждаютъ истину сихъ извѣстій?

Каменивичъ-Рвовскій, о коемъ мы упоминали въ примѣчаніяхъ, рассказываетъ съ важностію (см. *Книгу о древностяхъ Рос. Государства*, въ Синодал. библ. No 529, Ч. I, Т. 2, л. 499 и 500), что сынъ Іафеовъ, Мосохъ, первый обитая съ родомъ своимъ въ Московской Губерніи, имѣлъ прекрасную жену, именемъ *Коу*, сына *Я*, дочь *Взу*; что ихъ четвермя именами названы рѣки *Москва* и *Яуза*; что Мосохъ, первый Князь и Патріархъ Россіи, основалъ *городъ Московскій* на устьѣ Яузы (гдѣ въ исходѣ XVII вѣка была церковь Никиты Мученика). Впрочемъ мысль производить имя *Москва* отъ Мосоха гораздо старѣе временъ забавнаго Каменивича, писавшаго въ 1699 году. Татищевъ изъяснял сіе имя языкомъ *Сарматскимъ*, на которомъ оно, по его словамъ, знаменуетъ *искривленное, излучистое*; а славный Баеръ, худо зная по-Русски, думалъ, что городъ *Москва* такъ названъ отъ *Мужескаго* монастыря (см. его Origin. Russ. въ Comment. Академіи, Т. VIII, стр. 400): *Moscuа non a fluvio (fuit enim fluvii vetus nomen Smorodina), sed a veteri monasterio Moskoi nomen habuit. Moskoi a Mus et Music, viro, quasi viro-rum sedem dicas!*—Въ *Кіевск. Лѣт.* сказано: «идоша до *Кучкова*, рекше «до *Москвы*» (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 39).

(302) «Святославъ же пришедь съ *Москвы* и ста у *Серенска*» (на рѣкѣ *Серенѣ* близъ *Мещовска*) «и ту придоша къ нему послы изъ *Половца* отъ *уевъ* (братьевъ матери) его, *Тюпряка* *Осуковича* и *Камосы*, съ *Василемъ* *Половчиномъ* 60 человекъ: прислалися бо къ нему бяху, «вопрошающе здоровья его, и глаголаша къ нему: когда велиши намъ къ себѣ съ силою притти? Въ тоже время *прибѣгоша* изъ *Руси* *Дѣтские* и «*повѣдаша* ему *Володимера* въ *Черниговѣ*, а *Изяслава* въ *Стародубѣ*. «Святославъ же приде къ *Дѣдославу*, и ту придоша къ нему друзи *Половцы* *Токсобичи*, и пристави къ нимъ *Судимира* *Кучебича* и *Горена*, и «и посла ѿ на *Смольняни*, и повоеваша *Угры* верхъ... *Посадницы* *Володимери* и *Изяслави* *выбѣгоша* изъ *Вятичъ* и изъ *Брянска* и изъ *Облове*. «Святославъ же иде *Деягорску* и зая всѣ *Вятичи* и до *Брянска* и до «*Воробини* по *Деснѣ* и *Домагошѣ* и *Мченескѣ*. Тогда же придоша къ нему *Бродници* и *Половци* мнози, уеве его». Путешественникъ XIII вѣка, *Рубрукъ* въсь, сказываеъ, что между *Волгою* и *Дономъ* жили многіе *Русскіе*, *Аланскіе* и *Венгерскіе* или *Башкирскіе* разбойники, составляя какъ бы народъ особенный (см. его *Voyage* въ *Бергероніи*. собраніи стр. 20 и 38): вѣроятно, что они именуются въ нашихъ *лѣтописяхъ* *Бродниками*, то есть, *бродяками*, сволочью (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 164 и 304).— Далѣе: «*Изяславъ* же *Давидовичъ* тогда изъ *Новгородка* иде къ *Чернигову*, а къ *Святославу* *Юрій* присла сына своего *Глѣба* въ *Деягорскѣ*, «и поиде *Святославъ* ко *Мченску* съ *Глѣбомъ* и со *Владимеромъ* *Святославичемъ* и съ *Половци*, и ту давъ имъ дары многи и поиде ко *Кромѣ* («*Кромамъ*»), и ту угониша ѿ послы *Черниговстїи*», и проч. Такія мало-важныя подробности не входятъ въ *Исторію*. Имена городовъ, напечатанныя здѣсь косыми буквами, теперь совсѣмъ неизвѣстны. Нѣкоторые изъ нихъ, *Облове* и *Деягорскѣ*, названы вмѣстѣ со *Мченскимъ* городами *Литовскими* въ географич. отрывкѣ XIV или XV вѣка (*Воскр. Лѣт.* I, 21, 22).

(303) Въ *лѣтописи* (*Воскресен.* I, 291): «*Всеволодичъ* же *Святославъ* «тогда бяхе држа (держа) у *Изяслава* 5 *градовъ*: *Божски* (въ *Галиціи*),

«Межибожье (въ Подольск. Губерніи), Котельницу и прочихъ два». Въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Свят. Всеволод. господствовалъ тогда въ десяти городахъ.—Далѣе: «Давидовичи пойдоша отъ Корачева къ Дебрянску, а «Святославъ Всеволодичъ оста въ Корачевѣ, и оттуда посла въ Козлескъ «(Козельскъ) ко стрыви своему Святославу, глаголя: Изяславъ Мсти-«славичъ пошелъ Кыеву, а Давидовичи съ Ростиславомъ Смоленскимъ «хотятъ ити по тобѣ».—По *Кіев. Лѣт.* Давидовичи, обѣщавъ Святославу возвратитъ всё его владѣнія, того не исполнили.

(304) Въ харатейныхъ: «Въ лѣто 6653 (1145) *ходи* Митрополитъ Ми-«хайль Царьгороду». Въ *Каталогъ* (Синод. библ. № 74) написано: «сту-«жавъ отъ пестроены Князей Русскихъ, отыде въ Царьградъ, и бѣ пре-«столю безъ Пастыря болѣе года, донелѣже Михайль въ Царьградѣ пре-«ставися». Слово *ходи*, употребленное Лѣтописцемъ древнимъ, заставляеть думать, что Митрополитъ *возвратися* изъ Греціи. И въ *Степен. Книгъ* (I, 251) не сказано, чтобы Михайль скончался въ Царьградѣ.—Въ *Каталогахъ* находится объ немъ слѣдующее: «сему Михайлу Царикъ На-«гайскій по вся лѣта дающе дань, яко испѣли болящу дочерь его: святъ «бо бѣ и чудотворецъ». Ногайской Орды тогда еще не было.

О грамотѣ Патріарха къ Нифонту см. *Степен. Книгу* (I, 250, 251), въ *Патерикъ* житіе Нифонта и Каталоги Епископовъ. Въ лѣтописяхъ: «Изяславъ постави Митрополита Климъ Смолятича (въ *Никон. Смолянника*) «*Калугера* (Каллогера или *добраго старца*) особъ съ шестью Епископы». Въ *Степен. Кн.* наименованы Онуфрій Черниговскій, Феодоръ Бѣлгородскій, Даміанъ Юрьевскій, Феодоръ Владимірскій, Нифонтъ и Мануиль Смоленскій; а въ *Патерикъ* еще прибавлены Евфимій Переяславскій, Іоакимъ Туровскій, Козма Полоцкій, которые вмѣстѣ съ Мануиломъ и Феодоромъ Бѣлгородскимъ держали Нифонтову сторону.—О Климентѣ говорятъ Лѣтописцы: «Изяславъ выведъ его изъ заруба (въ *Никонов.*: «изъ молчальныя его кельи); бѣ бо Черноризецъ и Скимпникъ; бысть же «книжникъ и Философъ; преже бо его и не бывалъ таковъ въ Руси». Въ *Никон. Лѣт.*: «и много писанія написавъ предаде». Тамъ же: «Изя-«славъ совѣтова съ Епископы, яко мятежа ради и многихъ волненій не «возможно ити къ Патріарху ставитися Митрополиту». Въ *Каталогахъ*: «понеже тогда не бѣ Патріарха въ Царьградѣ: Михайль бо Окситъ оста-«вилъ престоль; по немъ Козма Атикъ точію 10 мѣсяцей Патріархъ «бывъ, завистливыми изгнася; и бяше смущеніе въ Патріархіи». Михайль Окситъ сложилъ съ себя достоинство Патріарха въ 1146 году; Козма лишенъ сана въ 1147, Февр. 26, а Николай IV, прозваніемъ Музалонъ, поставленъ въ Декабрѣ того же году и правилъ Церковію до 1151: слѣд-«ственно олъ, а не другой, писалъ грамоту къ Нифонту (см. *Патерикъ*, л. 190 на об.); «ублажая его о величествѣ разума и крѣпости, и причитая «того къ древнимъ Святымъ Отцемъ».

Въ *Патерикъ* печатномъ сказано, что Нифонтъ, опровергая избраніе Климента, говорилъ: «сіе противно есть преданію Св. Восточныя Церкви, «иже крещеніемъ сыновъ Россійскихъ просвѣти отъ престола Констан-«тинопольскаго, оттуду же и *первою* Кіеву Митрополита подаде Ми-«хайла, иже *рукописаніемъ утверди*, яко не достоинъ иному быти въ Кіевѣ «Митрополиту, точію отъ благословенія Патріарха Константина града». По древней *Кіев. Лѣт.* Мануиль и Нифонтъ сказали Клименту: «мы взяли «отъ Михайла Митрополита рукописаніе, яко не достоинъ *намъ* безъ Ми-«трополита у Св. *Соборіи* служити». Здѣсь говорится не о *первомъ* Митро-«политѣ Михайлѣ, но о *последнемъ*: ибо во время крещенія земли Русской не было еще въ Кіевѣ и *Соборіи* церкви, основанной Ярославомъ Ве-«ликимъ.

(305) «Миръ створи съ Половци у Воиня» (за Переяславлемъ). Въ «*Никонов.*»: «въ Рязани».

(306) Татищевъ пишетъ, что самъ Изяславъ Давидовичъ ѣздилъ къ Великому Князю.—Въ лѣтописяхъ: «Всеволодичъ же Святославъ прииде «тогда въ Кыевъ и нача у Изяслава проситися напередъ къ Чернигову, «река: отче! пусти мя ко братьи; тамо ми жизнь вся, и хочю у нихъ «возости просити». Въ *Никонов.* сказано, что въ Черниговъ прѣѣхалъ тогда изъ Рязани съ Ельда Князь Андрей Ростиславичъ, и что Митрополитъ удерживалъ Изяслава въ Кіевѣ.—Изяславъ сказалъ Кіевлянамъ, что братъ его, Князь Смоленскій, придетъ къ нему въ помощь и съ Новгородцами.

(307) Въ харатейныхъ: «перебродися (Изяславъ) черезъ Днѣпръ и «ста надъ Черторыею (противъ Кіева) и оттуду посла Удѣба къ Чернигову, а самъ поиде на *Суной*». По *Кіев. Лѣт.* Изяславъ сталъ на Алтѣ, послѣ у *Некатина*, а послѣ у *Ростислава*, откуда послалъ Удѣба: тому и другому мѣсту надлежало быть между Альтою и Супосемъ. Татищевъ и Болтинъ думали, что Некатинъ есть Нѣжинъ; но послѣдній называется въ лѣтописяхъ Унѣжемъ. Изяславъ приказалъ къ Давидовичамъ: «яко на семь пути *тлжи* («тлжбы») не имѣти, ни извѣта». Татищевъ сообщаетъ намъ здѣсь не только *рѣчи*, но и *писма*. Давидовичи въ искреннемъ признаніи говорятъ послу Изяславу: «аще ли бы мы, поймавши брата твоего, Ростислава, држали, то люبو ли бы тобѣ было?»—Изяславъ, узнавъ отвѣтъ Давидовичей, вторично прислалъ къ нимъ Боярина съ *крестными грамотами*. Далѣе: «И посла Изяславъ къ Ростиславу, брату своему, въ «Смоленскъ, и рече ему: брате! что были есмь здумали пойти на дядю «нашего, то уже тамо не ходи, но поиди сѣмо ко мнѣ; а тамо уряди «Новгородцевъ и Смольнянъ, да стерегутъся отъ Юрья; а къ *ротникомъ* «ся шли въ Рязань». Ротниками назывались тѣ, которые дали роту или присягнули быть союзниками. Видно, что Ростиславъ Ярославичъ, изгнанный сыновьями Георгія, тогда уже возвратился въ Рязань (см. выше, примѣч. 299).

(308) Въ Кіевъ прѣѣхали отъ Изяслава два Боярина, Добрынка и Радика. Татищевъ вездѣ хочетъ украшать; а мы рассказываемъ точно, какъ въ лѣтописяхъ. Ниже о смерти Игоря: «Идхуть люде по мосту «убити Игоря: онъ же (Владиміръ) не мога ихъ минути, увороти коня на «право мимо Глѣбовъ дворъ»... Въ *Кіев. Лѣт.*: «и манатю на немъ отръгоша; онъ же рече: крестъ дѣловали есте къ мнѣ, яко имѣти мя собѣ «Княземъ; нынѣ уже и всего того не помянулъ быхъ, зане сподобилъ мя «Богъ Мнишескій чинъ въспріати. Лукавый же съборъ болю въпаше, «глаголя: побійте: и тако изъ свитки извлекша его. Онъ же въгласивъ: «нагъ бо изыдохъ изъ чрева матере моея, и нагъ отыду тамо!... И срѣте «й Володимерь въ воротѣхъ монастырскихъ, и рече Игорьъ взря: *охъ брате!* «камо?... И удариша Володимера, быючи Игоря... Михаль есчоча съ коня, «хотя помочи Володимеру; Володимерь же, вомча Игоря во дворъ матере «своея, затвори ворота, а Игоря пусти на кожуховы сѣни. Михаль же «бьюще и отторгоша на немъ крестъ, и дѣпи въ гривну золота... И ту «убиша (Игоря); поверзше на новъ волокоша и сквозѣ Бабинъ торжекъ «до Св. Богородици — (въ *Степен. Книгѣ*: до мраморныя церкви) — и ту «обрѣтоша мужа стояща съ колы» (съ колесами, съ телегою) «и возложше «й на кола, везоша и на Подолье».—Въ *Степен. Кни.* и въ *Прологѣ* Михаль несправедливо названъ Княземъ: онъ былъ Мужъ или Бояринъ Владиміровъ, о коемъ вторично упоминаютъ Лѣтописцы подъ 1169 годомъ (см. *Воскресен.* II, 73). — Сей Игорьъ причтенъ ко Святымъ. Онъ убитъ не 9 Сент. въ Субботу, какъ сказано въ *Степен. Книгѣ*, а 19 Сент. въ

Пятимиу (см. *Кіев. Лѣт.*). Въ харатейныхъ: «Повелѣ Лазарь взяти Игоря «и понести въ церковь Св. Михаила въ Новгородскую божицю, и ту «положиша ѿ въ гробъ, ѿхаста на гору, и лежа ночь ту. Субствъ же сви- «тающе, посла Митрополитъ Игумена Ананью Св. Феодора, и прѣхаль «Игумень видѣ ѿ нагаго и облече ѿ, и отпѣ надъ нимъ обычныя пѣсни», и проч. *Кіев. Лѣт.* говорить: «человѣци же благовѣрнии приходяще въз- «маху отъ крове его и отъ прикрова сущаго на тѣлѣ его на спасеніе «себѣ и на исцѣленіе, и покрываху наготу тѣлесе его своими одеждями... «На ту же ночь зажгошась свѣчи всѣ надъ нимъ въ церкви. Наутрѣ же «Новгородци» (жители одной Кіевской части, такъ называемые) «повѣ- «даша Митрополиту. Митрополитъ же запрети, да никому же не повѣ- «дятъ». Тутъ же сказано, что монастырь Св. Симеона былъ монастыремъ отца и дѣда Игорева.

Татищевъ пишетъ, что Игорь, готовясь умереть, просилъ Духовника, но что народъ отвѣтствовалъ: «когда вы съ братомъ Всеволодомъ женъ «и дочерей нашихъ брали на постели и дома грабили, тогда Попа не «спрашивали». Далѣе Татищевъ говоритъ, будто бы именовъ Лѣтописца: «Сей Игорь Ольговичъ былъ мужъ храбрый и великій охотникъ къ ловлѣ «звѣрей, читатель книгъ и въ пѣніи церковномъ ученъ. Часто *мнѣ* слу- «чалось въ церкви съ нимъ пѣть, когда онъ былъ въ Владимірѣ» (но Игорь тамъ не живалъ). «Чинъ священническій мало почиталъ и постовъ «не хранилъ; того ради у народа мало любимъ былъ. Ростомъ былъ сред- «ній и сухъ, смуглъ лицемъ; власы какъ Попъ носилъ долги; брада же «узка и мала. Егда же въ монастырѣ былъ подъ стражею, тогда при- «лѣжно уставы иноческіе хранилъ; но притворно ли себя показуя, или «совершенно въ покаяніе пришелъ, сего не вѣмъ».

(309) См. *Никонов. и Степен. Кн. I, 268*. Далѣе въ лѣтописи: «и посла Володимера въ Городецъ» (въ нѣкоторыхъ же спискахъ: по *Владимера*), «а по Ростислава Смоленску». — О горести Изяслава сказано въ *Кіев. Лѣт.*: «Изяславъ же прослезился и рече: аще былъ вѣдалъ, то могль «быхъ далече отслати Игоря... И рече своей дружинѣ: то мнѣ есть по- «рока всяко отъ людей не уйти; тѣмъ есть рѣчь: *Изяславъ велѣлъ убити*; «но тому Богъ послухъ, яко не повелѣлъ ни научити. И рѣша ему мужи «его: безъ лѣпа о немъ печаль имѣеши... то Богъ вѣдаетъ и вси людє, «яко не ты его убилъ, но убили суть братія его, иже зелье надъ тобою «хотѣли учинити. Изяславъ же рече: иже ся тако учинило, а тамъ намъ «всѣмъ быти, а то уже Богови судити... и жалова на Кыяны».

(310) См. *Кіев. Лѣт.* Въ харатейныхъ только: «Приде Глѣбъ Гюрге- «вичъ и (изъ) Суждала Чернигову въ помощь Ольговичемъ, и пребывъ «у нихъ нѣколко, приде на Городокъ, и слышавъ Изяславъ, посла къ «нему, зова ѿ къ собѣ Кыеву». Но сіе было уже послѣ. Владиміръ Дави- «довичъ Черниговскій извѣстилъ Святослава о смерти Игоря. Татищевъ въ своемъ повѣствованіи смѣшалъ обстоятельства. Далѣе: «Куряне же «послашася къ Глѣбу, и взяша собѣ у него Посадника. Глѣбъ же поиде «оттуда къ Выреви» (у Татищева *Киревы*: см. выше, примѣч. 245) «къ «Святосл. Ольговичю и посажа Посадники своя по Семи за полемъ; и «сту у Выря Половци мнози заходиша съ нимъ ротѣ. Ту же приде къ нимъ «Свят. Всеволодичъ и послашася къ Выревдемъ... Они же рекоша: Князь «у насъ Изяславъ... Идоша къ Бѣханю» (думавъ, Обояню) «и не усѣйша «ничто же. И оттуда къ Попашю» (названному Пропаешекъ въ геогра- «фическомъ отрывкѣ: см. *Воскрес. Лѣт. I, 21*) «и ту приде къ нимъ Изясл. «Давидовичъ, и взяша градъ Попашъ. Изяславъ же Мстиславичъ скопя «вои многи, и отъ Вячеслава» (дядя, княжившаго тогда въ Пересопницѣ) «приде ему помощь (въ *Никонов. съ Воеводою Станиславомъ*) и изъ Во-

«лодимеря полкъ, и поиде къ Переяславу. Ту же приде ему вѣсть и «отъ брата его, Ростислава, яко Любечъ пожегль... Слышавъ же се Изя- «славъ, поиде тихо, ожидая Ростислава, и ста у Черной могилы, и ту «приде Ростиславъ... и начаста думати съ дружиною и съ Черными «Клобуки... и пойдшоа къ Сулѣ». Изяславъ, по совѣту дружины, хотѣлъ отрѣзать своихъ неприятелей отъ Всеволожа (города Черниговскаго), по не успѣлъ. Въ лѣтописи: «сташа (Изяславъ съ войскомъ) около Всево- «ложа и взяша его: въ немъ же бяху и ина два города (т. е. жители ихъ) «сѣдница: вбѣгли бо бяху ту твердости ради. Сашавше же и инии гради, «Унѣжъ (Нѣжинъ) и Бѣла Вежа, и Бохмачъ» (нынѣ село, близъ Конотопа) «оже Всеволожъ взять, и побѣгоша (жители) къ Чернигову. Изяславъ же «и Ростиславъ посласта и постигоша 3 ты грады, а инии уйдоша. Изя- «славъ же повелѣ зажещи тѣ грады Слышавъ же Глѣблѣцы окрѣпишася» (у Татищев. *Олговици*: Глѣблѣ называется нынѣ Старымъ Глѣбовымъ, ниже Чернигова, между Десною и Днѣпромъ) — «и начаша крѣпко би- «тися. И тако избраи Богъ и Св. Мученика, Борись и Глѣбъ».

(311) Сынъ Вел. Князя, Мстиславъ, начальствовалъ въ семь городѣ. «Послушавъ (Глѣбъ) Жирослава (у Татищ. *Волослава*), рекуща ему: «пойди Переяславу; хотять тебя люде... Стоя Глѣбъ до заутрака и «воротися. Мстиславъ же скопивъ дружину, и обѣдавъ угони ѳ у Носова «на Рудѣ» (нынѣ село Рудня) «измаше нѣколко дружины его, и самъ «(Глѣбъ) иде въ Городецъ, а Мстиславъ воротися Переяславу, и поѣха «къ отцю». *Никон. Лѣт.* рассказываетъ, что у Мстислава въ Перея- «славлѣ находился богатырь Демьянъ Кудепевичъ; что Мстиславъ, встрево- «женный нападеніемъ Глѣба, сказалъ Демьяну: *никъ, о человекъ Божій! время Божіей помощи и твоей крѣпости; что Демьянъ съ слугою Тара- «сомъ и пятыю Отроками разбилъ войско Глѣба; что въ то же лѣто сей богатырь, выѣхавъ одинъ на Половцевъ и не имѣя на себѣ дати, былъ раненъ смертельно; что Мстиславъ предлагалъ ему дары, и Демьянъ отвѣтствовалъ: о суеты человеческія! кто мертвъ сый желаетъ дарованія тлѣннаго и власти погибающія?* Выдумка, заимствованная, можетъ быть, изъ народной старинной сказки! Татищевъ пишетъ, что сей Демьянъ убилъ Глѣбова Боярина Волослава. Близъ Переяслава есть селеніе Демьянцы. — *Никон. Лѣт.*, говоря два раза о неудачѣ Глѣбовой, прибавляетъ, что сей Князь ходилъ къ Рязани, ко *Черному Яру* и къ Великой *Ворони*. — Далѣе: «Послаша» (Ольговичи, дядя и племянники, и Давидовичи) «дружину свою съ Половци и повоеваша *Брягинъ*» (въ *Никонов. Дегинъ*). Татищевъ пишетъ, что Брягинъ есть Городецъ и Юрьевъ! Сіе мѣстечко Брягинъ доннынѣ существуетъ близъ Любеча на правомъ берегу Днѣпра. Далѣе: «Посла Глѣбъ къ Володимеру и къ Святосл. Ольговичу, рече имъ: *отпустите ко мнѣ помощь.* Они же не возмогоша... Изяславъ приде и «стоя около Городка 3 дни. Глѣбъ же убоявся... и поклонися Изяславу. «Изяславъ же возвратися, а Глѣбъ посла къ Володимеру и Святославу, «глаголя; *по неволі есмь крестъ чюловалъ Изяславу: нитъ же съ вами хощю «быти за одинъ*». Въ *Кіев. Лѣт.*: «Въ лѣто 6656 (1148) пакы поиде Изя- «славъ къ Чернѣгову, доя полкъ у стрыа своего, Вячеслава, и Угры при- «веде въ помощь собѣ и Володимерскій полкъ и Берендѣи... и стояше «на Олговѣ поли 3 дни... и поже села ихъ оли до *Боволося*; и нача «молвити: они къ намъ не выйдуть, а поидемъ къ Любечу, идѣ же ихъ «вся жизнь... Идоша до Любеча 5 днѣй... и придоша Володимеръ (съ «союзниками) и Половци съ ними, и естъ рѣка у Любча, и прешедше «сташа, заложившеся ею; и въ Недѣльный день Изяславъ поиде противу «имъ, и не лѣбъ ѳ ему полковъ доѣхати тою рѣкою, но стрѣлци ся біаху; «и бысть на ту ночь дождь великъ; на утрій же день Изяславъ видѣвъ,

«иже Днѣпръ казится, и рече: се съ симъ намъ ся полкомъ неalzъ бити «сею рѣкою, а сѣмо ся за нами Днѣпръ расплыветь... и иде за Днѣпръ «въ Понедѣльникъ, и на утрій день рушися Днѣпръ. Изяславъ же по оной «сторонѣ иде къ Киеву. Угре же на бору ся обломшиа на озерѣ, и ту «ихъ потопе нѣколико». Далѣе сказано, что Изяславъ посылалъ къ брату, Смоленскому Князю, спросить у него о здоровьѣ, и съ извѣстиемъ объ успѣхѣ похода.

(312) Въ *Кіев. Лѣт.*: «прѣхаша послы ихъ отъ Гюргя, и не обрѣтоша «собѣ въ немъ помочи».

(313) То есть, Бужскъ, Межибожье, Котельницу и еще два. См. *Кіев. Лѣт.*, гдѣ сказано, что Ростиславъ Георгіевичъ поссорился съ отцемъ, не хотѣвшимъ дать ему Удѣла, и для того уѣхалъ въ Кіевъ; но по характернымъ и другимъ лѣтописямъ такъ: «посла Юрій сына своего, Ростислава, въ помощъ Олговичемъ на Изяслава», и проч., какъ мы описали. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Въ то же время съѣщався Гюргевичъ Глѣбъ съ Переяславци и ѣха къ нимъ изъ Городца; Мстиславъ же изыде противу съ «Переяславци... Глѣбъ же быше въ малѣ, и рече: прелстили мя Переяславци... и поскочи. Они же постигаючи дружину его изымаша, а другая «избиша, и Станиславица ту язи и казниша казною злю; а самъ Глѣбъ «убѣже въ Городокъ, и не стрѣпя (стерпя) въ немъ быти, бѣжа къ Чернѣгову къ Володим. Давидовичю».

(314) Въ харат. *Новгород. Лѣт.*, стр. 26 и 27: «Ходи Нифонтъ «Суждалю мира дѣля къ Гюргеви, и пріять и съ любовью Гюрги, и церковь «святи Св. Богородицы великымъ священіемъ, и Новтържцѣ всѣ выправи, «и гость всѣ цѣль, и посла съ цѣстію (честью) Новугороду, иъ мира не «дасть».

(315) «А ты» (говорить Изяславъ Ростиславу Георгіев.) «иди въ «Божьскый, пострези оттолѣ Русьскыя земли, и буди тамо, донелѣже схожу «на отца твоего, миръ ли съ нимъ возьму, или како съ нимъ ся ни «управлю».—Въ *Кіев. Лѣт.*: «Изяславъ дари Ростиславу» (брату своему, Смолен. Князю) «отъ Рускыя земли и отъ всѣхъ Царскихъ (Греческихъ)? «земль; Ростиславъ же дари Изяславу, что отъ верхнихъ земель и отъ «Варяговъ».

Въ *Новгородск. Лѣт.*, стр. 27: «той же осени (1188) присла Изяславъ изъ Кіева сына своего, Ярослава, и пріише Новгородьци, а «Святоплѣка выведе злобы его ради, и дасть ему Володимірь». Татищевъ пишетъ, что Вел. Князь разгнѣвался на брата за его тайныя сношенія съ Георгіемъ.—Далѣе: «И выидоша противу его» (Новгородцы на встрѣчу Вел. Князю) «за три дни зъ города, а иніи срѣтоша ѣ за день, и вниде «во градъ въ день Недѣльный». Далѣе: «послаша *Подвойскіе* и Биричи... «повелѣ (Изяславъ) *звонити Вѣче*».

(316) «Вашихъ дѣля обидѣ оставя *Русьскую землю*». *Русью* называлась тогда собственно Кіевская область. Въ *Кіев. Лѣт.*: «сынъ мой вы «прислался есте къ мнѣ, иже вы обидитъ стрый мой Гюрги... Они же «рекоша: ты нашъ Князь, ты нашъ Володимерь, ты нашъ Мстиславъ», и проч. Татищевъ прибавляетъ къ Псковитинамъ и Кореламъ Заволочанъ Двинскихъ, а *Никонов. Лѣт.* Галичанъ, Венгровъ, Богемцевъ!—По *Кіев. Лѣт.* народъ говоритъ Князю: «аче и Дѣакъ, и гуменцю ему «прострижено, а не поставленъ будеть, и тѣ (тотъ) пойдетъ».—Вел. Князь «ждалъ Ростислава на устьѣ Медвѣдицы 4 дни. Далѣе: «придоша къ «Скнятину» (въ *Никонов. Снятину*)—«къ *Угличю полю*» (городу Угличу). Скнятинъ неизвѣстенъ.—Татищевъ несправедливо пишетъ, что тутъ въ первый разъ упоминается о Ярославѣ (см. выше, стр. 61 текста).—Далѣе: «уже

«бо бяше подь весну; бродяху бо по Волзѣ и по Молозѣ по черево коню...
«Похромоша и кони у нихъ».

(317) Въ *Киев. Лѣт.*: «въ то время стоаше Изяславъ противу Св. Ми-
«ханлу у Выдобыча въ островѣ: Ростиславъ же прѣѣха ту; Изяславъ же
«посла по него насадъ свой, и что съ нимъ дружины, влѣзѣ въ насадъ;
«съ тѣмъ же и перевезоша его, и поставиша ему особно шатеръ, и посла
«къ нему мужи своя», и проч. Слѣдуютъ упреки Изяславовы: «Волости
«тобѣ есмь далъ, яко ни отецъ того тобѣ далъ, и еще есмь и земли Ру-
«ской приказалъ стеречи... Ты же еси, брате, удумалъ былъ такъ, иже
«бы на мя Богъ отдю твоemu помогль, и тобѣ было вѣхавши въ Киевъ
«брата моего няти, и сына моего, и жену мою, и домъ мой взяти. Рости-
«славъ же ему то отвѣща: брате и отче! яко ни въ умѣ своемъ, ни на
«сердци ми того не было; паки ли кто на мя молвилъ, Князь ли кото-
«рый, а се я къ нему; мужъ ли который въ Христіанѣхъ или въ пога-
«ныхъ, а ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди. Изяславъ же рече:
«того на мнѣ не проси, хотя мя заворожити (поссорить) съ Христіанами
«и съ погаными», и проч. Далѣе: «Ростиславъ же, пришедъ къ отцу
«своему въ Суждаль, и удари передъ нимъ челомъ, и рече: слышалъ есмь,
«иже хочеть тебя вси Руская земля и Черныи Клобуки, и тако мол-
«вять: и насъ есть обеществовать, а пойди нанъ».

(318) «Въ лѣто 6657 (1149) Ростиславъ Смоленскій испроси дщерь
«у Святослава Ольговича за сына своего, Романа, Смоленську, и ведена
«быть изъ Новгорода (Сѣверскаго) въ Недѣлю по Водокрещахъ, мѣс.
«Генв. въ 9 день».

Въ *Киев. Лѣт.* «Сзъвокупивъ (Георгій) силу свою и Половци, поиде
«Юлю въ 24, и иде на Вятчи. Володимеръ же Давидовичъ посла къ
«Изяславу, река ему: се Гюргій идетъ на тя, а мы есмы крестъ цѣло-
«вали съ тобою быти. Изяславъ же нача доспѣвати, а къ Володимеру
«посла мужъ свой, река: Богъ ти помозет, брате. Се мужъ мой, а ты при-
«стави свой мужъ: пошлеуъ же къ Святославу Олговичю... Посланныи же
«придоша къ Святославу... Святославъ же ничто же имъ отвѣща; толко имъ
«то рече: пойдите въ товары своя, а опять вы зову... И дрѣжа послы
«недѣлю, а сторожи постави о товары ихъ, дабы къ нимъ никто же не
«пришелъ. Послалъ бо бяше къ Гюргеви, река ему: въ правду ли идиши
«на Изяслава? Гюргей же рече ему: како хочю не въ правду ити! Изя-
«славъ волость мою повоевалъ, и еще сына моего выгналъ. Любо сзромъ
«(срамъ) зложю свой, какъ ли голову свою зложю. Святославъ же, слы-
«шавъ Гюргевъ отвѣтъ, възва къ собѣ послы Изяславъ и Володимери,
«и рече... Изяславъ же посла опять посоль свой къ Святославу, река ему:
«крестъ еси цѣловалъ, яко съ мною быти, а вражду еси про Игоря отло-
«жилъ и товаръ его... а я есмь безъ тебе и на Волгу ходилъ... Гюргій
«же пришедъ и ста у *Яршиова*» (въ харатейныхъ: «ю Быханю» или
«Обоану). Далѣе: «И ту прѣѣха къ нему Святославъ Олговичъ» (въ хара-
«тейныхъ: *оба Святослава*) «на Спасовъ день, и ту Святославъ позва его
«къ собѣ на обѣдъ. Въ утрий же день въ Недѣлю рано, всходящю солнцю,
«родися у Святослава дщи Марія... Въ тѣ день поиде Гюргя напередъ,
«и Святославъ въ Понедѣльникъ постиже Гюргя... и послаша къ Дави-
«довичема... Они же отвѣщаста: *душею не можемъ играть*, и отрекостася,
«и поспастася къ Изяславу... и поиде (Георгій) оттуда на Бѣлу Вежу
«на *Старую*» (но въ харатейныхъ и во всѣхъ другихъ нѣтъ *старой*:
здесь говорится о Черниговской Бѣлой Вежѣ)... «И стояше у Бѣлы Вежи
«мѣсяцъ, складючи къ собѣ Половецъ и отъ Изяслава покореніа... и
«поидоша къ Супоеви, и ту прѣѣха къ нему Святославъ Всеволодичъ не-
«волею, стрыа своего дѣля, Святослава Олговича; и Половци дикіи при-

«доша къ Гюргеви... Изяславъ же посла по брата своего, Ростислава, и рече ему: се есвъ угадали тако, иже Гюргій помънѣть (минеть) Чернѣговѣ, а тобѣ прійти къ мнѣ; нынѣ же, брате, Гюргій уже поминулъ Чернѣговѣ, а пойди, ать оба видива по мѣсту, што намъ Богъ дасть... И къ Володимеру посла полку... И Ростиславъ поиде къ брату. Гюргій же рече: поидемъ къ Переяславу; тута ему (Изяславу) прійти, да негли ту покорится... И сташа у *Куднова* селца, перешедше Стряковѣ, Володимеру сущу въ засади въ Переяслави, и Ярополку (Святополку) Мъстиславичю съ *Поршаны*» (жителями береговъ Роси, Торками, Берендѣями)... «Изяславъ же ста пришедъ у Витичева, и ту приде къ нему «Ростиславъ... и перебредоста Днѣпръ, и поидоста въ Олто (къ Алтѣ), и «ту приде вѣсть въ полудне, иже уже стрѣлци переѣхали черезъ Стряковѣ, а Половци идутъ къ городу. Изяславъ же и Ростиславъ поидоста къ Переяславу, и примчаша къ нима Половчина дикаго, и начаста его прошати, отъ котораго есте становища поѣхали? Онъ же рече: издавѣча; но того дѣла Гюргій борзо ѣхаль, творяше ся до тебе передати «Переяславу. Изяславъ же повелѣ Половчина перетяти (перерубить) тако и съ опоною; а Черныя Клобуки и молодъ свою пустиа напередъ... Пришедши же стрѣлци отъ Изяслава и възбиша ратныя (непрѣстелей) отъ города и гнаша ѣ оли до полку ихъ. Изяславъ же и Ростиславъ, переѣхавше Лтицю (малую Альту), поидоста за городъ и стаща «по Трубежю: а Гюргій стоа 3 дни у Стрякове, а въ 4 день поиде по зори «мимо городъ исполчился, и ста межн валома, обону сторону Трубежа, за звѣринцомъ у рошеня (рощи). Стояша же полци оли до вечера, а стрѣлци «бяхуся межн полкома. На ту же ноцъ прислса къ нему (Изяславу) «Гюргій», и проч. Не замѣчаю здѣсь ошибокъ *Никон. Лѣт.* въ именахъ.

(319) «Поиде Изяславъ изъ церкви, Ефимью Епископу слезы проливающую». Въ нѣкоторыхъ спискахъ поставлено: «къ Ефимью»; а Татищевъ догадался, что сей Епископъ за болѣзнию не былъ въ церкви! Историкъ нашъ прибавляетъ нѣкоторыя обстоятельства въ описаніи битвы: вмѣсто: *исполчится*, пишетъ: *исплетчится*, и сказываетъ намъ, что воины тогда спускали одинъ рукавъ въ битвахъ! въ *Кiev. Лѣт.*: «Изяславъ же выправися весь изъ города и ста на болоня за огороды... Гюргій же стояше за Ячниномъ селдемъ (нынѣшними Яненками)... И тако исполчи своя своя и перейде (Изяславъ) за Трубежъ, не въходя на гору, и ста «на лузѣ противу Кузничымъ воротомъ; и бысть въ полдне, и побѣже «перескокъ (перебѣжчикъ) отъ Гюргя изъ полку: они же погнаша по немъ; стражіе же Изяслави пополнишася (испугались), рекучи: рать! «Изяславъ же выступи на поле, идѣ же естъ Красный дворъ. Видѣвъ же «Гюргій и Святославъ, поидоша противу имъ, и прошедше валъ, и ту «стаща, зрячимъ на ся; стрѣлцемъ бнющемся межн полкома; и тако «стояша полци оли и до вечера. Гюргій же и Святославъ поидоша въ «товары своя. Изяславъ же нача думати съ братомъ своимъ Ростиславомъ и съ Изяславомъ Давидовичемъ и съ сыномъ своимъ Мстиславомъ «и съ Андреевичемъ Володимеромъ» (внукомъ Мономаховымъ)... «и поиде по нихъ... и постави Гюргій сыны своя по праву, а Святосл. Олг. по лѣву и сыновца его, Всеволодича Святослава», и проч.

(320) Въ *Кiev. Лѣт.*: «и бысть дествъ въ Переяславцѣхъ, рекучи: «Гюргій намъ Князь свой; того было намъ искати и далече: то рекучи, «и *поскочиша*» (вѣроятно: *поскочиша*, т. е. оставили битву; или: *опочиша*, т. е. перестали биться; а въ *Новгород. Лѣт.*: «сѣдоша на щитѣ наученіемъ Гюргя»)... «Изяславъ же съ полкомъ своимъ сѣхася съ Святославомъ Олговичемъ и съ половиною полка Гюргева, и тако проѣха «сквозѣ, и за ними будучи, узрѣ, иже полци вси побѣгли, и побѣже и

«перебрѣде (Днѣпръ) на Каневѣ... А наутрѣа Гюрги вниде въ Переяславль, «и поклонився Св. Михаилу, и пребысть 3 дни, и поиде къ Киеву, и «ста противу Св. Михаилу по лугови», и проч., какъ мы рассказываемъ въ Исторіи. Далѣе: «Гюргій же поѣха въ Киевъ, и множество народа «выиде противу съ радостію великою, и сѣде на столѣ отца, и посла по «Володимера Давидовича къ Чернѣгову, и прѣѣха Володимеръ и покло- «нися; а Святославъ Олг. поча ему молвити: держиши отчину мою. И «тогда возьмѣ Курескъ и съ Посемьскъ, и Сновскую тысячу у *Изяслава* «(Давидовича), и Случескъ, и Клецескъ, и всѣ Дреговичи; и тако ся ула- «дивше разѣѣхашась».

(321) Въ *Новгород. Лѣт.*, стр. 27: «въ лѣто 6657 (1149) иде Ни- «фонть въ Русь (въ Киевъ) званъ *Изяславомъ* и *Климомъ* Митрополи- «томъ; ставилъ бо его бѣше *Изяславъ* съ *Епископы* Русьскыя области, «не славъ Царюграду; а *Нифонть* тако мѣлывше: *не достойнъ естъ стать,* «*оже не благословенъ естъ отъ великаго Сбора;* а онъ (*Изяславъ*) про то «не брзо отрядивъ его» (не скоро отпустилъ) въ посади и въ Печер- «стѣмъ монастырѣ... Въ лѣто 6658 (1150) приде *Нифонть* изъ Киева, «пущень *Гюргемъ*; и ради быша людѣ *Новѣгородѣ*». Слѣдственно Ни- «фонта заключили въ *Лаврѣ* уже черезъ два года по избраніи Митропо- «лита. Мы видѣли, что онъ въ 1148 году ѣздилъ изъ *Новгорода* въ *Суза-* «*даль* (см. выше, стр. 149). Въ *Патерикѣ* (л. 190) сказано, что *Климентъ* велѣлъ ему служить обѣдно съ собою, и что *Нифонть* отвѣтствовалъ: «ты истинный волкъ еси (не *Пастырь*): яко же не соизволяхъ на твое «освященіе, сице и нынѣ за сіе истое дѣло не достоинъ мнѣ служить съ «тобою, ниже поминати тя при моемъ служеніи *имамъ*, понеже ты не «*поминаеши* *Патріарха*».

Въ *Новгородск. Лѣт.*, стр. 28: «*Идоша* данници (собиратели дани) «*Новгородстѣ* *вмалѣ*, и учуть (услышавъ) *Гюрги*, оже *вмалѣ* шли, и посла «*Князя* *Берладьскаго* съ *вои*, и бившеся мало *негдѣ*, *сташа* *Новгородьци* «на *островѣ*; а они противу ставше, *начаша* *городъ* *чинити* (дѣлать). Въ «*лодѣяхъ* *идоша* *Новгородьци* къ нимъ на третій день, и *бишася*, и много «*слеже* *обоихъ*, *въ* *Суждальдѣ* *безъ* *числа*».

(322) См. *Прая Ann. Regum Hung.* Кн. III, стр. 136. Лѣтописцы Венгерскіе сказываютъ, что *Король* ихъ въ 1148 году помогалъ Русскому *Князю* *Мошиславу* и женился на *его* дочери. Отецъ *Евфросинія* былъ дѣйствительно *Мстиславъ*; но *Гейза* помогалъ въ семь году не *тестю*, давно умершему, а шурина *Изяславу* (см. ниже, примѣч. 332 и 369).

Въ *Кіев. Лѣт.*: «*Изяславъ* же, *пришедше* въ *Володимеръ*, *почася* «*слати* въ *Угры* къ *зятю* своему *Королеви*, и въ *Ляхи* къ *свату* своему, «*Болеславу*, и *Междѣ* (*Мешкѣ*), и *Индрихови*, и къ *Ческому* *Князю*, «*свату* своему, *Володиславу*... *Король* же ему *отречеся*, *река*: *ратень* «*есмь* съ *Царемъ* (*Греческимъ*); *оже* *буду* *пороженъ* (*праздненъ*), *самъ* «*пойду*... А *Ческій* *Князь* *рече*: *я* *готовъ* *есмь* *самъ*... *Изяславъ* же *опять* «*посла* съ *дары* и съ *честію*, и *рече*: съ *Рождства* *Христова* *всадете* на «*кони*... *Король* *пусти* *ему* *Угорь* *10,000*, и *рече*: а *самъ* *хочю* *подступити* «*подъ* *горы* *Галицкаго* *Князя*, *не* *дати* *же* *ся* *ему* *двинуги*... *Болеславъ* «*же* *самъ* *поѣха* съ *братомъ* *Индрихомъ*, а *Межку* *остависта* *стеречи* «*землѣ* *своея* *отъ* *Прусь*. *Вячеславъ* же, *то* *слышавъ*, *посла* къ *Гюргеви*, «*рече* *ему*: *се* *Угры* *уже* *идуть*... *любо* *дай* *Изяславу*, *чего* *ти* *хочеть*; «*паки* *ли* *пойди* къ *мнѣ*, *заступи* *волюсть* *мою*. *Изяславъ* *ми* *то* *молвити*: «*ты* *ми* *буди* *въ* *отца* *мѣсто*; *пойди*, *сяди* *въ* *Киевѣ*; съ *Гюргемъ* *не* *могу* «*жити*; *не* *хочеши* *ли* *мове* *въ* *любовь* *пріати*, *я* *хочю* *волюсть* *твою* *по-* «*жечи*... *Нынѣ* *же*, *брате*, *пойди* *амо*; *паки* *ли* *не* *поѣдеши*, *а* *на* *мя* *не* «*жалуй*». Здѣсь говорится о *сватовствѣ* *Изяслава* съ *Польскимъ* и *Бо-*

гемскимъ Государями: дочь Всеволода Мстиславича была за братомъ Государя Польскаго, Болеслава, а родственница Владислава Богемскаго, какъ вѣроятно, за Святополкомъ, меньшимъ братомъ Изяслава Мстиславича (см. выше, примѣч. 281, 282). Сверхъ того наши и Польскіе Лѣтописцы называютъ внука Изяслава, Романа Мстиславича, племянникомъ Казимира, брата Болеслава, сыномъ дочери Болеслава Кривоустаго (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч 77).

(323) Нынѣ Чермерники, не далеко отъ Люблина. — Въ *Кіев. Лѣт.*: «Гюргій, съвокупя силу свою, поиде изъ Кыева, и Половци бо бяше дикіе привель къ собѣ въ помочь... Выступи Изяславъ» (на другой день по прибытіи къ нему союзниковъ) «изъ Володимеря, и пришедъ къ Луцку, «и ту пребы 3 дни, и ту пасаше Болеславъ сыны Боярскы мечемъ многы: «и въ то время приидоста въ Пересопницю Гюргевици два, Ростиславъ «и Андрей, и помочь Володимеря изъ Галича, а самъ Володимеръ приступилъ бяше ближе къ Шумску» (въ Волинск. Губерніи, между Заславомъ и Кременцемъ) «и убоиашась Ляхове и Угре; и прииде Гюргій къ брату Вячеславу... Изяславъ же (съ союзниками) пондоша и стапа «у Чермерина на Олыцѣ. Въ то же время приде вѣсть Болеславу отъ «Межкы, иже идуть Пруси на землю ихъ... Изяславу же бысть велики не «любо... и здумаша послати мужи своя къ Вячеславу и къ Гюргеви; а «Угре отъ Короля своя мужи, рекучи: вы намъ еста въ отца мѣсто, а «се нынѣ заратилася еста съ своимъ братомъ и съ сыномъ Изяславомъ: «а мы есмы по Бозѣ вѣ Христіане... а мы хотимъ, абы вы быста ула- «дилася; вы сѣдѣла въ Кыевѣ, а Изяславу се его Володимеръ и Луцкскі: «а што его городовъ, ать сѣдитъ въ томъ... ать возвратити Гюргій Пову- «городу Великому дани вѣс. Вячеславъ же и Гюргій тако рекоста: Богъ «помози зятю нашему Королеви и брату нашему Болеславу и сыновѣи «нашему Индрихови, иже межъ нами добра хочета... по ать Изяславъ «пойдетъ въ свой Володимеръ, а вы во свою землю... И не уладилася. «пріемъ (Георгій) свѣтника (совѣтника) Гюргя Ярославича» (см. ниже). — Татищевъ пишетъ объ *Андрѣи Чешскомъ*, о *Владиславѣ Шлонскомъ*, о *Батлѣ Венгерскомъ*, и сказываетъ, что Изяславъ перевель Владиміра Андреевича изъ Владиміра въ Брестъ; но въ Владимірѣ княжилъ братъ Изяславовъ, Святополькъ.

(Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года): Чермеринъ въ Волинской Губерніи, близъ Олыки. (Сообщено З. Ходаковскимъ).

(324) *Никон. Лѣт.*, не разумѣя, какимъ образомъ Воевода Половецкій могъ называться Жирславомъ, вставилъ имя Теміръ-Хозя! Сіи варвары, чувствуя тогда превосходство Россіянъ въ гражданскомъ образованіи, заимствовали отъ нихъ и самыя имена. Въ лѣтописяхъ: «Гюргі «съ братомъ своимъ Вячеславомъ и со вѣсми дѣтми поидоша къ Лучьску. «Ростиславу Гюргевицю съ Андреемъ ходящю напередъ съ Половци. «ставшимъ имъ у Муравицѣ» (у мѣстечка Моравицы, близъ Олыки) «бысть въ ночь *пополохъ* (тревога) золь», и проч. На другой день Андрей за Половцами отступилъ къ Дубну въ ожиданіи Георгіевой помощи (*посилма*). Ниже мостъ названъ *гроблею*. Далѣе: «единъ же отъ Нѣмчиць «(Нѣмцевъ) хотѣ просунути рогатиною» (Андрей). Сей Князь говоритъ: «се ми хочеть быти Ярославича смерть». Въ нѣкоторыхъ спискахъ ошибкою поставлено: *Ярославля Святополчича* и *Ярославля Изяславича*. Далѣе: «конь же его... умре; онъ же (Андрей), жалую *комонства* его» и проч. Мы уже замѣтили, что кони назывались и *комонями*. *Никон. Лѣт.* прибавляетъ наставленіе Андрею и говоритъ: «сняша съ него доспѣхъ, и «много ранъ не имуще крови обрѣтоша на немъ». Далѣе о конѣ: «повель «раскопати землю, и вставити тамо срубъ».

(325) То есть (см. Въ *Никон. Лѣт.* II, 114) сынъ убитаго подъ Владиміромъ Ярослава Святополковича (см. стр. 103 текста), а не Ярослава Ярополковича, умершаго въ заключеніи (см. выше, стр. 88 текста). Въ *Кіев. Лѣт.*: «Изяславъ же достѣвъ изъ Володимеря... и въ то время поиде «Влодимерко Князь изъ Галича и ста на Полоной, межн Володимеромъ «и Луцкомъ, и тако разлѣхась. Добрый бо Князь Володимерко, брато-«любиемъ свѣтлся, миролюбиемъ величяся, не хотя никому зла; того «дѣля межн ими ста, хотя ѝ уладити. Изяславъ же посла къ Володи-«димерку, *свату* (см. ниже) Гюргеву, глаголя ему: введи мя въ любовь «къ стрывеи. Володимеру же молищюся о Изяславѣ, глаголя: Богъ по-«ставилъ насъ вълостеле (властителей) въ мѣсть злѣдемъ, и въ добро-«дѣтель благочестивымъ... сыновець ваю не творится правъ, но кла-«няется». Тогда Галицкій Князь еще не былъ *сватомъ* Суздальскаго: ибо сынъ его женился на дочери Георгіевой уже послѣ мира.

(326) См. *Кіев. Лѣт.*

(327) О вѣроломствѣ Георгія по заключеніи мира такъ сказано въ *Кіев. Лѣт.*: «Крестъ цѣловаша, яко по Переяславскомъ полку (битвѣ) «что будетъ пограблено, или стада, или челядь, что ли кому свое по-«знавши, поимати же по лицу. Изяславъ же пославъ мужи своя и Ти-«воны (Тіуны) своего дѣля товара и своихъ дѣля стады, его же бяше «отшелъ, а мужи своего дѣля сами ѣхаша, а друзін Тивоны своя пу-«щаша, и тако прѣхаша къ Гюргеви и начаша познавати свое: Гюргій «же того всего не управил... Изяславъ же посла къ Вячеславу и къ Гюр-«геви съ жалобю», и проч. — *Никон. Лѣт.* говорить, что граждане Кіевскіе, любя Вячеслава за простоту, желали имѣть его своимъ Княземъ, по что сыновья Георгіевы подучили Бояръ тому воспротивиться. — Въ *Кіев. Лѣт.*: «Изяславъ же прѣхавъ съде въ Луцку; въ утрій же день «поѣха въ Пересопницю, и ту излѣха Глѣба» (коему былъ поручень и Дорогобужъ). «Глѣбъ же стояше выше города... и одва утече самъ въ «городъ, а товары его взяша, и дружину изымаша, и конѣ его заяша, «и ину дружину его забѣхаша отъ города; и не бѣ, съ кымъ стояти про-«стиву. Выславъ же Глѣбъ и рече Изяславу: яко мнѣ Гюргій отецъ, тако «мнѣ и ты отецъ; а азы ти кланяюсь; ты ся съ моимъ отцемъ самъ вѣ-«даешъ, а мене пусти къ отцу, и цѣлуй къ мнѣ Св. Борородицю, яко «мене не примешу... Изяславъ позва его къ собѣ на обѣдъ, и оттуда «пой съ собою до Дорогобужа, и ту пристави сына своего къ нему, «Мстислава, до Коряда, и тако проводи ѝ за Торческъ, и рече ему «Мстиславъ: пойдн же, брате, къ отцю, а волость отца моего и моя по «Горыно... Глѣбъ поиде на Ушескъ, а Изяславъ на *Голско Тахушлю*» (мѣста неизвѣстныя) «въ Черныя Клобуки, и ту прѣхаша къ нему вси «Черніи Клобуки. — Взма (Изяславъ) съ собою мало дружины и иде «на сѣни къ Вячеславу, и поклонися ему; Вячеславъ же съста противу «Изяславу, и цѣловастася, и сѣдоста оба по мѣсту», и проч.

(328) «Изяславу, освоившю Кіевъ, посла Мстислава въ Каневъ. «Мстиславъ же послася *на ону сторону* (Днѣпра) къ Турпѣемъ (Тор-«камъ)». Слѣдственно они жили на восточномъ берегу Днѣпра. Далѣе: «Гюрги же посла Ростиславу въ помочъ брата Андрея. Ростиславъ же «гна къ Сакову, изгони Турпѣя у Днѣпра»: слѣдственно Саковъ былъ на той же сторонѣ. — Въ *Кіев. Лѣт.*: «Прииде къ Изяславу вѣсть, иже «Володимерко уже перешель *Болоховъ*, и деть мимо *Мунаревъ* къ *Во-«слодареву*» (въ нынѣшней Подольск. Губерніи). «Изяславъ же посла «къ Мстиславу, сынови своему, река ему: и деть на мя Володимеръ «Галицкій, а поиде вборзѣ, поймя Берендичи. Самъ же Изяславъ «съ Бояры своимъ ѣха къ Вячеславу Вышегороду», и проч. Изяславъ

шелъ отъ Кіева къ Звенигороду, оттуда же къ рѣкѣ Стугнѣ и Ольшаницѣ, и сразился съ Кн. Галицкимъ у *Тумаши* (нынѣшней Томашовки въ Васильковскомъ Уѣздѣ). Съ первымъ былъ братъ Владиміръ и сынъ Мстиславъ. Жены и дѣти Берендѣевъ оставались въ городѣ Поросскомъ, т. е. на берегу Роси. Далѣе: «Володимерко стояше верхъ Олшаници, и «ту отъ Изяслава ѣхавше до солнца и удариша на кони его, и нѣко-«зико мужей яша, а у Черн. Клобуковъ мужа яша, и приведше къ Во-«лодимерку», и проч. Далѣе: «Володимерко же, видѣвъ, иже Кіане по-«бѣжать, а Черніи Клобуди занъ ѣдутъ, и рече: лествъ есть; быти ту Изя-«славу нѣгдѣ съ полки своими въ горахъ. И за тѣмъ полкъ Изяславъ «удѣлъ; а они не смѣша ся по нихъ распустити».

(329) Въ *Кіев. Лнт.*: «Изяславъ же прибѣже къ Києву. Володимеря «же дружина постиже задъ его, оны изымаша, а другыя избиша; Вяче-«славъ же баше до него вѣхалъ въ Києвъ и сѣлъ на Ярославли Дворѣ. «Изяславъ же пріѣха къ Вячеславу, и ту думавше, начаста обѣдати; и «въ то время пріиде Гюргій съ сынами своими, и Володимеръ, и Изяславъ «Давидовича, и Олговичъ Святославъ и сыновець его на берегъ про-«тиву Києву (въ *Луик.* въ Черторѣѣ). Кыане же мнози поѣхаша въ на-«садѣхъ къ Гюргеви, а друзи Володимеря дружину его перевозити въ По-«доліе. Вячеславъ же съ Изяславомъ рекоста: наю не верема нынѣ есть... «и повелѣ (Изяславъ) дружинѣ своей събратися у *Дорогожича* (см. сей «*Исторіи* Т. I, примѣч. 422), а самъ, дождавъ ночи, поѣха изъ Кіева. «Въ утрій же день пріиде Володимеръ Галицкый къ Олговѣ могилѣ (въ «*Луик.* къ Теремцу), тако же и Гюргій пріѣха къ нему» (вмѣстѣ съ дру-«гими Князьями) «и ту ся цѣловаша не сѣдючи съ коней у Сѣтомя «на болоньи, и здумавше послаша по Изяславѣ Святослава Всеволодича. «Бориса Гюргевича, и гонина до Чертова лѣса, и не постигше его, «взвратилася... И ѣха Володимерко къ Вышегороду къ Св. Мученикома «поклонитися... и къ Св. Софіи, и къ Св. Богородицѣ Десятичнѣй, и въ «Печерской монастырь».

(330) Въ *Лудкѣ* начальствовали братъ Изяславъ, Святополкъ, и сынъ Мстиславъ. Владимірко оставилъ Георгіева сына въ Пересопницѣ.— Татищевъ говоритъ о прибытіи въ Кіевъ *Игоря, внука Игоря Давидовича*—о досадѣ Черныхъ Клобуковъ на Георгія—о походѣ Новгородцевъ въ Ростовскую землю, и проч.

(331) «Придоша Половни въ помощь Гюргеви на Изяслава. Гюргеви «еще не распустившю вой на Олговичъ, посла Святослава Всеволодича «Переславу къ сыновю своему Ростиславу, дабы ѣ укротилъ» (въ *Троицк.* укрѣпилъ, можетъ быть рогою или присягою) «и воротилъ опять. «Онѣмъ же пакостящимъ, людемъ збѣгшимся въ городъ, не смѣющимъ «ни скота выпустити, посла Гюргій Андрея, и створише миръ съ ними... «Андрей оста у брата Переслави; приспѣвшю празднику Въздвигенія «честнаго Креста (14 Сент.), праздноваша въ церкви Св. Михаила. На «утрій же день ѣха Андрей Києву. Тое же осени да ему отецъ вольсть «Туровъ и Инскъ, и Дорогобужъ, и Пересопницу. Андрей же поклон-«шеся отцу и шедъ сѣде въ Пересопницѣ... Тое же зимы прислытался «нача Изяславъ къ Андрееви, река: *брате! веди мѧ къ отцю въ любви.* «И прислаша къ нему *розирая* (смотря) нарядъ его, и како строить го-«родъ: бѣ бо преже изѣхалъ братъ его ту, Глѣбъ (Глѣба); того же и здѣ «ловяше. Но не сбмса мысль его». Георгій, по изобрѣтенію Татищева, отвѣтствовалъ на предложенія Изяславовы: «когда онъ не уляжется во «Владиміръ, то я дамъ ему такую же область, какую онъ далъ Игорю».

(332) Въ *Кіев. Лнт.*: «Изяславъ рече: стрый ми волости не дасть; «сче хочеть мене въ Русской земли, а Володимеръ Галицкый по его велѣ-

«нію землю мою взялъ, а опять къ Володимерю хочеть прійти на мя. «Изяславъ же то здумавъ и посла брата своего, Володимера, въ Угры, къ Королеви, и рече ему: ты ми еси самъ реклъ, якоже Володимеръ не «смѣть головы въсклонити» (не смѣть тронуться).. «Володимеръ же «прогналъ мя изъ Києва». Выступивъ въ походъ, Гейза совѣтовалъ Изяславу итти на Галичъ съ другой стороны. Далѣе: «Володимерку же бліху «пріатели въ Угрѣхъ, и повѣдаша ему... Володимерко же въ то время «стоаше у Велза, и ту поврѣга (оставивъ) возы своа, а самъ погна съ «дружиною къ Черемышлю. Король же прошелъ гору и взя Санокъ городъ «и Посадника его яша... Володимеръ же послася къ Архіепискупу Кукъ-
«знішеви и ко инѣма двѣма Бискупома и къ мужемъ Королевымъ... Бяше «бо о Дмитріевѣ дни уже... Король же поиде (назадъ), и Володимера, «шюрина своего, поалъ съ собою въ Угры. Въ тожъ время Изяславъ «згадався съ зятемъ и съ сестрою своею, *Королевою*, поаша у *Бана* «дщерь за Володимера» (см. о *Бани* выше, примѣч. 284) «и послаша ю «къ Изяславу къ Володимерю напередъ. Король же велику честь створи «ему (Владиміру) и сестра его, одаривше его и отпустивша. Король же «рече (Изяславу): Царь на мя Греческій вѣставае ратью, и сеа ми «зимы и весны нелзѣ на конь вѣсти; но обаче, отче, твой щить и мой «не разно еста... И рече Изяславъ брату своему: Богъ ти помози, иже «сея еси потрудилъ; но здѣ пакы моеи сносъ, а твоей женѣ *удолжилосья*» (время казалось долго). «Въ тожъ время Изяславъ послалъ бяше Угры «на кормъ (въ) *Устилогъ*, и тако пославъ приведе Бановну за брата». Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: «Изяславъ приишедъ и ста выше Пересопницы и «пожже *Зарѣчскъ*». Тутъ описывается совѣтъ Изяславовъ съ Боярами. Далѣе: «отголъ же пусги брата своего, Святополка, блюсти Володимеря, «а самъ поиде съ братомъ Володимеромъ и съ сыномъ Метиславомъ и «съ Борисомъ Городенскимъ къ Дорогобужу... и перешелъ Гориню, ту и «ста на *Хотри*, и отголъ поиде къ *Корецку* (*Корецу*), и Корчане вы- «шедше поклонилася ему, и ста на рѣцѣ, не дошедъ *Случи*» (въ другихъ «лѣтписяхъ сказано, что онъ отъ *Зарѣчска* пошелъ къ *Мыльску*: то и «другое мѣсто находилось въ окрестностяхъ Горыни). «Володимеръ же «Галицкій присла къ Андрееви Василька Ярополчича (неизвѣстнаго) «река: поиде, брате, къ мнѣ. Андрей сняся съ нимъ у *Мыльска*... Изя- «славу же приде вѣсть, иже Волод. Гал. и Андрей Гюрг. и Володимеръ «Андреевичъ (внукъ Мономаховъ) пришли къ Дорогобужу съ силою вели- «кою и правятся черезъ Гориню; въ утрій же день Изяславъ перейде «Случь и поиде черезъ Чертовъ лѣсъ къ Ушску, и перейде рѣку Ушю «подъ Ушскомъ... и ту придоша стрѣлци Володимерка на берегъ... Изя- «славъ же отступивъ, и естъ рѣчка мала до города, и ту исполчися, и «стрѣляхуса о ню... и яша у Галичанъ мужа, и въпрошаша: Князь твой «гдѣ? Онъ же рече: за городомъ, пръвый лѣсъ; ту ста, тако рече: сила «нашиа за нами; ту ся съждемъ.... Изяславъ же отголъ шедъ и ста у «Святославѣ *криници* (источника)... яко же Изяславимъ сторожемъ зрѣти «бяше на Галицкыа огни... И угада Изяславъ пойти черезъ ночь къ «*Мичьску*... и ту срѣтоша ѿ дружина многое множество, иже съдяху по «Тетереви, и Мичане съ ними... Изяславъ же перешедъ за *Тетеревь*» (въ другихъ лѣтописяхъ: за Рось и за Твердь, или укрѣпленіе) «и ту «съсѣде конемъ опочивати... и поиде къ *Вздвиженю*, и ста до вечера... «и рече: здѣ ли стояти, ци ли быхомъ сея ночи поѣхали?... иже намъ «будеть лзѣ на *Бѣлгородъ* вѣхати, то Гюргій готовъ предъ нами бѣгати... «Шакы ли не лзѣ, а въ *Черныа Клобуки* вѣдемъ... И рекоша Угре: мы «гостіе твои есмы... а *комонѣ* (кони) подъ нами... И рече Изяславъ брату «Володимеру: поѣди напередъ къ *Бѣлгороду*... а почнуть ся съ тобою

«бити, ты къ намъ вѣсть пошли, а самъ ся бѣи и до обѣда, а азъ на «Абрамль мость переѣду, либо другойдѣ вѣду въ Черныа Клобуки... поѣду жъ на Гюрга къ Киеву. Паки ли изѣдешъ Бѣлгородъ, а съ тымъ «къ намъ пошли, и мы къ тобѣ... Борисъ пѣани на сѣнци съ дружиною «и съ Попы... Аще бы не мытникъ устерегъ и мость переметалъ, то язи «быша... Полци (Изяславовы) прѣхавше къ мосту, кликнуша и въ трубы «въструбиша... Бѣлгородци же потекоша къ мосту... и помостиша вборзѣ: «мость... Изяславъ же переправи полки Угорскыа до свѣта чрезъ мость, «иде къ Киеву... Борисъ же прибѣже къ отцу... Гюрги бяше на красномъ «дворѣ», и проч.

(333) Въ *Киев. Лѣт.*: «тогда же Угри на *фарьхъ* и на *скокохъ* игра- «аху на Ярославѣ Дворѣ». Князь Щербатовъ (подобно Татищеву) во- «образилъ, что здѣсь говорится о музыкѣ, и что *фарь* есть *fanfare!* Итъ: *фарами* или *фарями* назывались иногда вообще кони, иногда въ особен- «ности Арабскіе (см. Дюканж. Gloss. подъ словомъ Pharas). Въ старинной Русской сказкѣ, названной *Дьяніе и житіе Девгеніево Акрита*, и сочи- «ненной, какъ надобно думать по слогу, во XII или въ XIII вѣкѣ (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 272) сказано: «кто сему не дивится, како «дръзость яви уноша (юноша), како лось нагони бръже (скорѣе) *фари* «бръзаго». А въ другомъ мѣстѣ: «како *фарь* подъ нимъ (Девгеніемъ) «скакаше, а онъ гораздно на немъ играетъ». Подъ *скоками* же разумѣ- «ются скакуны. *Никоновск. Лѣт.* сказываетъ, что Изяславъ, лаская Киев- «лянь, называлъ ихъ отцами, а себя работъ!

(334) Владиміръ стоялъ у Мичека и взялъ дань съ его жителей, «названныхъ въ *Воскресен. Лѣт.* и *Ростов. Галичанами*, вмѣсто Мичанъ. Далѣе: «пойдоша» (Андрей и братъ его двоюродный Владиміръ Андре- «вичъ) «на усть Припети и на *Давыдосу божеску*; оттодъ же пойдоша во «Стрецьскій (Остерскій) городокъ къ отцу своему». Въ характерныхъ: «и «перевредъ Дѣлѣръ на *Воровичъ* и иде (Андрей) въ *Городокъ*». *Никонов. Лѣт.* вездѣ соединяеть съ Венграми Чеховъ.

(335) «Во *утрѣи же день* Изяславъ посла къ дяди своему Вячеславу, «и проч. — Мы поставили здѣсь, какъ въ лѣтописяхъ, 1151 годъ, т. е. съ Марта; но Изяславъ и къ Киеву шель уже въ семь году по нынѣшнему «счисленію съ Генваря. Далѣе: «Во *утрѣи же день* посла Вячеславъ къ «Изяславу, река: сыну! аще еси на мнѣ честь положилъ», и проч. Далѣе «язъ уже есма старъ и дѣлъ всѣхъ дѣлати не могу», и проч. Далѣе: «Во «*третій* день позваста къ собѣ Угры». — Изяславъ говоритъ Князю Смо- «ленскому: «много ми еси, брате, понуживать подожити честь на стрьеви «нашемъ». — Далѣе въ *Киев. Лѣт.*: «Гюргій же посла къ Чернѣгову къ «Давидовичу Володимеру и къ Святосл. къ Олговичу, река тако: съ уже «Изяславъ въ Киевѣ: пойдега ми въ помочъ. Святославъ же не дожда «Велика дне, но пойде въ Понедѣльникъ Св. недѣли» (Страстной?) а во «Вторникъ родися у него сынъ, въ крещеніи Георгій, а мірскаы Игорьъ, «Великъ же день взя (Святославъ) въ *Блѣстовичи*, и оттуда пойде къ «Чернѣгову, и съ братомъ Володимеромъ пойдога оба въ лодіяхъ къ «Городку къ Гюргеву. Тогда же Изяславъ Давидовичъ иде къ Киеву къ «Вячеславу и къ Изяславу... И стага у Городка (Святославъ и Влади- «миръ), и ту праздноваша Георгіевъ день».

(336) Такъ въ *Пушкин.* называется сіе озеро; въ *Троик.* было на- «писано: *Долѣбское*, а другою рукою поправлено: *Дулѣбское*, какъ въ повѣ- «стныхъ спискахъ. — На рѣкѣ Золотчѣ находится мѣстечко Вишньки. — Въ «*Киев. Лѣт.* сказано, что Георгій стоялъ въ *Родуніи*. — Витчевъ былъ «ниже Триполя (см. *Вольн. Чертежъ*, стр. 145). Въ *Киев. Лѣт.*: «стага «на Витчевѣ у *Мирославскаго* села противу себѣ». — Гдѣ былъ городокъ

Зарубъ (см. *Болш. Чертежъ*), тамъ нынѣ селеніе Зарубанцы.—Половцы бросились въ Днѣпръ на коняхъ, а Россіяне ѣхали за ними въ лодкахъ (см. *Кіев. Лнт.*). — Татищевъ прибавляетъ, что Изяславъ купилъ много Греческаго оружія; что Владиміръ Черниговскій неохотно присталъ къ Георгію, вопреки совѣту Тысячскаго Азарія; что Святославъ Ольговичъ сказалъ Азарію: «ты подкупленъ Изяславомъ или не хочешь оставить «молодой жены»; что Изяславъ Давидовичъ съ тайнаго Владимірова согласія пошелъ къ Великому Князю. Нашъ Историкъ говоритъ еще, что многіе Русскіе Игумены ѣздили тогда въ Царьградъ съ Константиномъ Епископомъ, желая видѣть его на мѣстѣ Климента Митрополита; что Мануиль, ненавистникъ Монаховъ, въ письмѣ совѣтовалъ Изяславу разорить монастыри, и проч.

(337) Въ *Кіев. Лнт.*: «Стоаху» (Изяславъ и союзники его) «у *Ивана*, «и вьротипашъ къ Къеву, и почаша думати. Изяславъ же съ братомъ «Ростисл. хотяше противу имъ битися, дружина же (его и всѣхъ Князей) утягиваху отъ того, и Кіане... и Черн. Клобуци рекоша: ратнии «наши на коняхъ; а ты къ нимъ поѣдиши, а онъ (Георгій) пойдетъ ко «Рси, и тобѣ будетъ оставити своя пѣшца... Поѣдне въ Къевъ, а къ «намъ приставите брата своего, Володимера, аты поѣдемъ къ своимъ вѣжамъ, зайти жены и дѣти и стада; поїдемъ же къ Къеву, а вы будете «до вечера въ Къевѣ... Хотемъ головы своя сложити за васъ».

(338) «Половчинъ ятъ конь подъ нимъ за поводъ и взврати, и *лая* «друзинѣ своей»: то есть, браня своихъ.—«Друзиі противу Лядскымъ «воротомъ на песцѣхъ (пескахъ) біахуса».

(339) См. выше, стр. 75—76 текста).

(340) «Кыяне же рекоша: да поїдемъ всяко и безъ омѣнки, аще «кой можетъ уже древо» (въ другихъ: *злудѣ*) «въ рупѣ взяти», и проч. «Далѣе: «того дне» (Кіевляне, пѣшіе и конные) «пришедше стаха у Звенигорода» (уже не существующаго) «а на утріе же стаха у Василева «къ обѣду.—Гюрги же пришедъ и рече Бѣлогородцемъ: вы есте люде «мои: отворите ми городъ. Ркоша Бѣлогородци: а Къевъ ти ся отворилъ «ли? а у насъ Князи Вячеславъ, Изяславъ, Ростиславъ. Гюрги же поїде «черезъ боръ къ *Вертеву*» (а въ другихъ: къ Черневу) «и оттуду иде за «свалъ и ста у *Взятицъ*; ту бо надѣяшется Галичскаго Князя къ собѣ: «послалъ бо башетъ къ нему, отступя отъ Кіева, сыновца своего Володимера Андреевича.

(341) Въ *Кіев. Лнт.*: «Сторожеве ѣхавше подъ Гюргеви полкы и «говнишасъ съ ними. Въ 4 день прежь солнца Вячеславъ и Изяславъ «пройдоша валъ на чистое поле... Столицимъ же имъ до вечера, прешедъ «Гюргій за Руть (Ротокъ). Свитаюцю жъ *Пятку*, поїде Изяславъ. Гюргій же не хотяше еще битися: Изяславу же паче приступаюцю, и «устрой Богъ мьглу... только до конецъ копія видѣти... И припрошашъ «къ озеру обои, и разиде (разведе) ѝ озеро... Мгла жъ подъясъ въ полдне, «и узрѣшасъ полци обополы озера... и біахуса на крылѣхъ, а самѣмъ «полкы не лѣзъ бѣ съхатися. Яко же бѣ къ вечеру, и поїде Гюргій за «*шолома*... Вячеславъ же и Изяславъ поїдоша по немъ на връхъ озера. «Гюргій же зайде за Малый Рутецъ, и перейдя грязину ту, и ста на «ночь. Вячеславъ же и Изясл. и Ростисл. стаха противу ему, яко же «стрѣлы не доходяху. На утрій же день, въ *Пятокѣ*» (здѣсь вторично именованъ тотъ же день, что и прежде) «яко зорѣ почашасъ занимати, «прежь у Гюргя въ полку въ бубны и въ трубы вѣструбиша, такожь и «у Изяслава... Гюргій же поїде на верхъ Рутца. Вячеславъ же и Изясл. «и Ростисл. такожь... Тогдажъ Гюргій, *поворотили* полкы свои, поїде къ «великому Рутю (назадъ), не хотяче битися, но хотяше зайти за Руть

«и ждати Володимера Галичского. Вячеславъ же и Изяславъ пустиша по «нихъ стрѣлци своя, и тако начаша ѣздити въ задъ полковъ и возы у «нихъ отымати. Видѣвъ же то Гюргій и сынове его, иже не лѣзъ имъ пер- «рейти за Руть, и тако оборотячися», и проч. По харатейнымъ лѣтопи- сямъ, Изиславъ догнавъ Георгія у Перепѣтовыхъ за Стугною; тутъ силь- ный дождь съ вѣтромъ помѣшалъ битвѣ; начались переговоры, и Георгій ввечеру зашелъ за Руть; а въ *Пятницу* было сраженіе (17 Іюля, какъ сказано въ *Новгород. Лѣт.*; но сіе число приходилось тогда во *Втор- никъ*). Георгій, оставивъ мѣсто битвы, въ полдень того же дня переправился за Днѣпръ въ Витичевѣ. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено, что въ Пятницу самые Ольговичи (дядя и племянникъ) хотѣли уже мира; но Половцы все еще желали битвы.

(342) «Изяславу же лежащю на побоници и яко восхопися, пѣнци «же Кыяне хотѣша убити ѱ, мняще противнаго» (считая его непріате- лемъ). «Онъ же рече: *Килъ есмь*; и рече единъ отъ нихъ: *таковъ есъ и «надобенъ*», и проч. (см. *Кіев. и Воскресен. Лѣт.*). Вѣроятно, что Хри- стианское имя Изяслава было Пантелеймонъ, когда онъ носилъ на шлемѣ образъ сего Святаго. Обрадованные войны, поднявъ Изяслава, воскли- дали: *Кирилейсоны!* Татищевъ сказанное въ лѣтописи объ Изяславѣ отнесъ ко Владиміру Черниговскому.

(343) «И ту убиша Володимера Давыдовича, *добраго и кроткаго* «Князя Черниговскаго», хотя онъ и не стыдился грабить своихъ ближ- нихъ, быть измѣнникомъ, клятвопреступникомъ.—Жена Владимірова по кончинѣ его *бѣжала* къ Половцамъ и вышла за ихъ Хана Башкорда (см. *Воскресен. Лѣт. II, 48*).—Татищевъ говоритъ, что Тысячскій уби- таго Черниговскаго Князя, Азарій Чюдинъ, гнался за Святославомъ Ольговичемъ, отрубилъ головы двумъ главнымъ его совѣтникамъ и по- слалъ къ Святославу. Въ *Кіев. Лѣт.*: Рече (Великій Князь) Изяславу «Давидовичю: сего (Владиміра) уже намъ не кресити... Ты, брате, наря- «дися: вземше своего брата, ѣди къ Чернѣгову; а азъ ти помочь приря- «жу. Буди же нынѣ до вечера въ Вышегородѣ. Изяславъ же, съдумавъ «съ братомъ Ростиславомъ, и пустиша съ нимъ Романа, сына Рости- «славля... и дружину. И побѣха Изяславъ съ Романомъ... и сѣде на столѣ «въ Чернѣговѣ... Святославъ Ольговичъ и Всеволодичъ Святославъ пере- «бѣгоста Днѣпръ повыше Заруба и бѣжаста въ Городецъ. Святославъ же «Ольговичъ бѣ тяжекъ тѣломъ... и оттуда посла къ Чернѣгову Свято- «слава Всеволодича, а самъ не може ѣхати. Святославъ же пригна къ «перевозу Десны, и ту спешу вѣсть, иже уже Изясл. Давидовичъ и «Романъ вѣхали въ Чернѣговъ; и то слышавъ, побѣже опять, а стрывени «своему посла рекучи: не ѣзди сѣмо... Святославъ же Ольговичъ, слышавъ, «ниже Гюргій съ Вячеславомъ и съ Изяславомъ уладился... и совокуни- «шася съ сыновцемъ своимъ, съ Свят. Всеволодичемъ, и посластася къ «Изяславу (Давидовичю), рекуче: брате! миръ стоить до рати, а рать до «мира; братья есмы собѣ, а пріими насъ къ собѣ, а се отчинѣ межѣ «нама двѣ: одна моего отца, а другая твоего: ты жъ пріими Давыдово, «а что Олгова, а то намъ дай... Изяславъ же христіанскы учини, и отчину «сима възврати, а свою собѣ пріа».

(344) «Половци идоша во свояси. Изяславъ же съ стрьемъ возвра- «тистася въ Киевъ... Изяславъ, слыша Гюргя въ Переяславѣ, съ Вяче- «славомъ и братомъ Святославомъ и съ Берендичи перебродися у Заруба «и сташа у Мажева (нынѣ Мазинки) сельца товары (станомъ)... и бишася «у Переяславля по два дни; въ третій же день много избивша пѣшца и «передгородѣе пожгоша. Вячеславъ же и Изяславъ посласта къ Гюргеви», и проч. О возвращеніи Князя Галицкаго отъ Бужака см. въ *Кіев. Лѣт.*

Георгій оставил сына своего, Глѣба, въ Переяславѣ: ибо Ростиславъ Георгіевичъ, бывшій Княземъ Переяславскимъ, умеръ въ томъ году на Страстной недѣлѣ, рано въ Великую Пятницу, и погребенъ братьями, Андреемъ, Глѣбомъ и Мстиславомъ, въ церкви Св. Михаила, близъ дядей, Андрея и Святослава Владиміровичей. Татищевъ пишетъ, что Ростиславъ, желая одинъ завладѣть всѣмъ государствомъ, причинилъ много зла, и что никто не жалѣлъ объ немъ, кромѣ отца.

(345) Изяславъ, еще прежде битвы съ Георгіемъ у Перепѣтовыхъ, находясь въ Звенигородѣ, имѣлъ вѣсть отъ сына своего: «Король, зять твой, пустилъ ти помочь, яка же николи же не бывала; а уже есмь съ ними прошелъ гору. Яже ти будемъ вборзѣ надобѣ, а послѣ противу «намъ». Изяславъ отвѣтствовалъ: «се уже идемъ на судъ Божій, а вась «намъ, сыну, всегда надобѣ». Далѣе: «ставлю Мстиславу у *Сапожня*» (въ Вольнск. Губерніи близъ Луцка), «Володимерь же Мстиславичъ высла «питіе много Угрою». Разбитый Мстиславъ ушелъ въ Луцкъ. Венгерскіе Лѣтописцы упоминаютъ, хотя и слегка, о семъ пораженіи ихъ войска: *Hungari a Rutenis et Cumanis* (Половцевъ) *male accepti* (см. Туроц. Chron. гл. LXVI). Татищевъ пишетъ, что Владимірко обрѣзалъ уши и носъ Венгерскому Полководцу. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Приде Изяславу вѣсть, «иже сынъ его побѣженъ, а Угры избиты; и рече слово то, якожь и «преже слышахомъ: *не идетъ мѣсто къ головъ, но голова къ мѣсту*; но «абы Богъ далъ мнѣ здоровье и Королеви, а мѣстемъ (местѣ) быти». Въ разсужденіи *порядка* описанныхъ здѣсь происшествій слѣдую характеристикамъ, также *Воскресен.* и *Ростов.* лѣтописцамъ.

(346) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Гюрій же иде (въ Суздаль) на Новгородѣ. «Сѣвр. къ Святославу Олг.; онъ же прятъ его съ честію великою, и «повозы да ему. Изяславъ, совокупяся съ Давидовичемъ и Святославомъ «Всеволодъ, и шедше разведоша *Городокъ Гюргевъ* и пожгоша его. Церк- «ковь же бѣ въ немъ Св. Михаила каменна, а верхъ ея дровемъ наруб- «ленъ, и то згорѣ». Слова: *Гюргевъ Городокъ* — т. е. Городокъ или Горо- «дець, принадлежаній Георгію—заставили думать Татищева, что Юрьевъ и Городець есть одно мѣсто. Татищевъ говоритъ здѣсь о союзѣ Вел. Князя съ Половцами.

(347) Изяславъ еще въ 1141 году, зимою, выступилъ было противъ Владимірка, но возвратился отъ Корчева, или Корочева, бывшаго городка, нынѣ мѣстечка въ Губерніи Вольнской, на рѣкѣ Курчикѣ. Далѣе: «посла «Изяславъ сына своего, Мстислава, въ Ляхы и въ Угры, вабя ихъ въ «помочь на Володимерка. Ляхове же не идоша, а Угры идоша. Посла же «Король (Венгерскій) къ Изяславу, река: *отче! кланяю ти ся... азъ ти «зды уже пошеле, а ты пойдѣ...* Изяславъ же (см. *Кіев. Лѣт.*) посла сына «своего Мстислава къ Королеви въ Угры, повести Короля на Галицкаго «Князя, и скопя свою дружину пойдѣ, пойма съ собою Вячеславъ полкъ «весь и всѣ *Черныя Клобуки*, еже зовуться *Черкасы...* Егда же приде къ «Дорогобужу, и ту приде братъ его Володимерь; и оттодѣ пондоста къ «Пересопницѣ, и ту приде Володимерь Андреевичъ и братъ его Свято- «полкъ (Мстиславичъ) изъ Володимера. Святополка же Изяславъ съ со- «бою не поня, но остави ѣ въ Володимери, а полкъ его взя съ собою. «И пойдѣ Изяславъ по Королевѣмъ дорожѣ, ею же приходилъ баше на Анд- «рея Володимерича (см. выше, стр. 102 текста) Изяславъ же приде на Сань «рѣку... и перебрѣдъ... и ста. Ту приде къ нему посолоъ отъ Короля во «стѣ человекъ, и рече: зять ти ся Король кланяеть, и тако ти приказаль: «*се уже зды стою 5 день, тебе жда: поди ступише.* Во утрій же день «Изяславъ пойдѣ къ Ярославлю» (нынѣ Ярославль въ Галиціи) «и минувъ «его ста на обѣду; и ту присла къ нему Король мужа своего съ полкомъ

«болѣ тысячи. Изяславъ же поиде къ Королеви... и Король всѣдъ на конѣ съ мужи своими и выѣха противу Изяславу съ радостію», и проч.— Съ Королемъ были и братья его: см. Прая Ann. Reg. Hung. кн. III, стр. 138. Венгерскіе лѣтописцы называютъ Владимірка (Lodomerius) *мятежникомъ*, котораго Изяславъ смирилъ съ помощію своего зятя.—Татищевъ пишетъ, что дядька не совѣтовалъ Мстиславу Изяславичу ѣхать къ Полякамъ, ибо они любили только брать деньги, и проч. Далѣе въ лѣтописи: «бѣ же у Короля полковъ 73 (въ *Никон.* 170) опрочъ Изяславъ «лихъ, опрочъ подводныхъ коней и товарныхъ». Татищевъ сказываетъ, что у Изяслава было 30,000 воиновъ, у Владимірка же 20,000 Сербовъ и Болгаровъ. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Король рече (Изяславу): поѣди близъ моего полку, ать добро намъ о всемъ гадати».

(348) Думаю, что и нынѣ можемъ употреблять сіе древнее названіе людей, посылаемыхъ впередъ для заготовленія съѣстныхъ припасовъ. Далѣе въ лѣтописи: «Изяславъ поиде вверхъ по рѣцѣ на броды... инии же «полки Угорстїи мнози идоша мимо Изяслава выше на броды. Изяславъ же «то видѣвъ и рече дружинѣ: *братїе!*» и проч.—Владимірко стоялъ за валомъ или укрѣпленіемъ: «выступяся назадъ, за *твердь* ста». Слѣдую подробнымъ лѣтописямъ, какова есть *Кіев.*, *Ростов.* и *Воскресен.* Въ харатейныхъ сказано, что Владимірко, разбитый Королемъ еще до прибытія Изяслава, желалъ скорѣе заключить миръ; что Изяславъ оставилъ войско назади и спѣшилъ къ зятю съ одними Берендѣями; что Князь Галицкій былъ вторично разбитъ и примирился. — Избыгнѣвъ *Ивачичъ*, здѣсь упоминаемый, есть, думаю, сынъ отважнаго Воеводы Галицкаго, который спасъ Перемышль въ 1144 году (см. выше). Далѣе: «Изяславъ же и Король» (на другой день битвы) «сташа передъ городомъ, надъ рѣкою *Вигромъ*» (см. выше, примѣч. 191). Въ *Кіев. Лѣт.*: «рече Король: сїи «крестъ есть, его же Богъ привелъ по Своей воли къ Св. Стефану; кто жъ «сего креста цѣловать, а съступитъ, и не будетъ живъ... Изяславъ по-«славъ Петра Борисовича, а Король свои мужи (съ крестомъ)... Мстиславъ же Изяславичъ рече: азъ вамъ предъ симъ честнымъ крестомъ «мльвлю, како того водита къ кресту, тако тому крестнаго цѣлованїа и «съступити». Татищевъ пишетъ, что Изяславъ далъ 1000 гривенъ серебра «на Гейзїно войско, а Владимірко отплатился двумя тысячами гривенъ. (349) См. *Memor. Popul.* II, 1018.

(350) Половцы Орбляюеве (или Опсрляюеве) и Токсобичи и вся «Половечская земля, что ихъ ни есть межї Волгою и Днѣпромъ». — Князья Рязанскіе были Ростиславъ Ярославичъ и братья его.—Георгій шелъ черезъ Мценскъ и *Снасъ* ко Глухову. Въ лѣтописи: «Тогда же, «сдышавъ Володимерку иудча (Георгія) въ Русь, поиде Кіеву. Изяславъ «же выїде противу ему. Володимерку же воротиса въ Галичъ». Выше въ *Кіев. Лѣт.*: «пришедъ Изяславъ къ Володимеру» (по заключенїи мира съ Галицкимъ Княземъ) «и посла Посадники свои въ города; и «не да ихъ Володимеръ. Изяславъ же поиде Кіеву, а къ Королеви посла «и повѣда ему... и рече: тебѣ ся уже не ворочати, ни мнѣ; но только «являю ти, еже есть съступилъ Володимеръ крестнаго цѣлованїа».

(351) См. *Никон. Лѣт.* II, 132. Въ харатейныхъ: «Перешедше Сновъ «и сташа у *Гуричева* влезъ города, перешедше *Каничъ*... На утрїй же «день, исполчивше свои, поидоша къ городу и сташа не дошедше «*Семьїна*. Въ *Кіев.*, *Ростовск.* и *Воскресен.*: «Поиде (Георгій) къ *Березову* (Березлѣ?) и ста у *Свини* въ Суботу... Посла (Георгій) отъ Гуричевъ Половци Чернигову воевати... много полона взяша и *Семьїнъ* по-«жгоша». *Никонов. Лѣт.* вымышляетъ имена Князей Половечскихъ: Темири, Дулѣпа, Бердаша, и жестоко ранитъ Андрея Георгіевича. — Далѣе:

«Приде же вѣсть, оже Вячеславъ и Изяславъ стояху на сей сторонѣ Днѣпра у Ольжичъ... Придоша же отъ Ольжичъ къ Моравнинску» (Моравску на Деснѣ)... «Идоша (Георгій и союзники) за *Свинг*, да за *Сновъ*». Не называлась ли Свинью рѣка, впадающая въ Десну между Снова и Стрижени? — Слова: «на сей сторонѣ Днѣпра, свидѣтельствуютъ, что сіи подробности внесены въ лѣтопись не жителемъ Кіевскимъ, а Черниговскимъ, какъ вѣроятно.

(352) «Половци же поидоша на Путивль, и ту много зла створиша... «Гюрги же иде на Новгородъ Сѣверскій къ Рыльску». Далѣе: «Вячеславъ и Изяславъ, скопивше силу свою, поидоста на Святослава Ольговича къ Новугороду и на Василька Гюргевича, и яко же стаха на «Альтѣ, и рече Изяславъ Вячеславу: *отче! ты еси уже старъ... Поиди «во свой Кіевъ, а со мною пусти полкъ свой*». Съ Изяславомъ находились братья Святополкъ и сынъ Мстиславъ. Скоро также пришли къ нему племянники Романъ Ростиславичъ и Святославъ Всеволодичъ. — Идучи отъ рѣки Альты къ Новугороду Сѣверскому, Вел. Князь стоялъ у *Всеволожа*. Далѣе въ харатейныхъ сказано, что Мстиславъ ходилъ въ землю Половецкую съ Торками, Берендѣями и Печенѣгами; а въ *Ростов., Воскресен.* и другихъ именованы только Черныя Клобуки: ибо (какъ мы уже замѣтили) сямъ именемъ означались тѣ же народы. *Никон. Лѣт.* прибавить здѣсь еще *Изяславцевъ*. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Мѣс. Февр. поидоша» (Изяславъ и проч. къ Новугороду Сѣверскому) «и начашась бити у острожныхъ воротъ, и вбодоша я въ градъ, и острогъ изытиа, и яко выидоша изъ острога, и отступивше отъ града, идоша въ товары своя. И «бысть 3 день, и выслася Святославъ, прося мира. Изяславъ же не хоти, «но уже бѣ къ весіи, и умришася. Изяславъ поиде съ Давидовичемъ «къ Чернѣгову, Романъ къ Смоленску, Святославъ Всеволодичъ въ свою «волость, а Васильку въ Суждаль къ отцу... Яко жъ приде Изяславъ въ «Черниговъ, и ту приде ему вѣсть отъ сына, иже Богъ ему помогъ «Половци побѣдити на *Ульи* и на *Самарѣ*» (въ сей же лѣтописи подъ «годомъ 1183 сказано: *Ерель, его же Русь зоветъ Уголи*)... «и възвратилшася въ Переяславль, а отпозволенныхъ отпусти въ роженіе свое. Изяславъ же ту пребывъ въ веселіи съ Изяславомъ Давидовичемъ; въ утрій «же день поиде къ Кіеву, и вниде съ сыномъ Мстиславомъ». Онъ тотчасъ послалъ гонца увѣдомитъ Князя Смоленскаго о счастливыхъ своихъ успѣхахъ. Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: «Святославъ Олговичъ съвокупяся съ «Изяславомъ Давидовичемъ у *Хоробря* и утвердишася, якожъ за одинъ «мужъ быти, и цѣловаста крестъ».

(353) Всѣ описанныя подробности взяты изъ *Кіев. Лѣт.* «Изяславъ «посла къ Володимѣру Галицкому Петра Бориславича съ крестными грамотами: зане тый же баше и въ Перемышлѣ съ Королевыми мужи во«сидхъ къ кресту... Рече Володимѣръ: рци: братіе! извременно еси на мя «и Короля привель». Послѣднія слова его, сказанныя послуду: «того въ «досыть есте мѣвили, а нынѣ полѣзи вонъ... Не даша Петрови ни по«своза, ни корма... и яко же съѣха Петръ съ Княжа двора, и Володи«меръ поиде къ божниці къ Св. Спасу на вечерню, и яко же бы на пер«еходѣхъ, и ту увидѣ Петра ѣдуща, и поругася ему, и рече: поѣха мужъ «Рускій, обѣйма вся волости. И то рекъ, иде на полати, и отпѣвше ве«черню, поиде отъ божниці, и яко же бы на томъ же степенѣ, идѣ же «поругася Петрови, и рече Олетенѣ: кто мя удари за плече? и не може «съ того мѣста ни мало поступити, и хотѣ летѣти (упасть), и ту подхи«стиа его подъ ружи, и несоша его на горницу, и вложиша его въ *укротъ*» (теплую воду, Польск. Укрот) «и млѣвяху, яко *днѣ*» (Польск. Днѣ, внутренній ломъ въ лядвяхъ или въ поясницѣ) «естъ подступила; иніи же

«другое мльваху, и много прикладываху. И бысть вечерь: Володимеръ же нача взнемогати велими, и яко же бы въ *ягомо*» (то время, когда дожатся спать) «преставися Володимеръ. Петрови же выѣхавши изъ Галича, и бѣ ему уже вечерь, и лежа въ Болшевѣ, и яко бысть уже «куромъ (когда пѣтухи поють) «и пригна Дѣтскый изъ города къ Петрови, и река: Князь ти молвить, не ѣди никамо же, но жди ту, до-коль по ты вышлю. Петрови же не вѣдущо Княжєи смърти, ни тѣ ему Дѣтскый не повѣде... и яко бѣ еще до обѣда, и тако изъ града пригнаша «по Петра... Петръ же поѣха въ городъ, и прѣѣха на Княжъ дворъ, и «ту сънидоша противу ему съ сѣней слугы Княжи вси въ черныхъ «мятлехъ... и еже възде на сѣни, и видѣ Ярославъ сѣдища на отиѣ «мѣстѣ въ чернѣ мятли и въ клобуцѣ, такожь и вси мужи его, и поста- «виша Петрови *Петлеи* (стулъ) и сѣде. Ярославъ же вззрѣвъ на Петра «и расплакася. *Петль* же нача прашати, что се есть? и повѣдаша ему... «Ярославъ же рече... а мене Богъ на его (Владимѣрка) мѣстѣ оставилъ: «а полкъ его и дружина его у мене суть: развѣ едно копѣе поставлено «у гроба его, а и то въ мою руку есть... Атъ ѣдитъ Мьстиславъ подлѣ «твой стрымень по одной сторонѣ тебе, а я по другой сторонѣ подлѣ «твой стрымень ѣжду», и проч. Здѣсь Татищевъ выпустилъ любопытное.—Далѣе въ *Киев. Лѣт.*: «Нача Изяславъ dospѣвати на Ярослава къ «Галичю, и яко же бы тремя недѣлями до Мясопустъ, и поиде, и Вяче- «славъ полкъ поя, и Изяславъ Давидовичъ пусти съ нимъ свой полкъ. «и сынъ его Мьстиславъ приде съ Переаславльскимъ, и вся Черныя «Клобуки, и якожь приде къ Тихомлю, и ту приде къ нему братъ Во- «лодимеръ и Святополкъ изъ Володимера и Володимеръ Андреевичъ изъ «Берестѣа, и тако съвокупяся весь у Володимера, и поиде къ Останкову. «Тужъ и Галицкый Князь вышелъ съ своими полкъ. Изяславъ же пусти «Володимера Андреевичъ и сына своего, Мьстислава, и Черн. Клобуки «битися объ рѣку о Сереть, а самъ поиде къ Теребовлю. Въ утрѣй же «день Оеодоровы недѣли въ Вторникъ перейде Сереть, и бысть мгла ве- «лика, яко не видѣти до концея копѣа... и Ярославъ поиде къ Теребовлю «черезъ Сновъ, и не утяже къ бродомъ... Галицкѣа же мужи почаша «смолвити Князю своему: ты еси молодъ... отецъ твой (насъ) кормилъ и «любилъ... Богъ бо быше колодникъ его дружины (Изяславовой)... Въ «утрѣй же день Изяславъ поиде въ Киевъ, зане братѣа его и дружина «сразбѣглися бяху. Бысть же плачь великъ по всей земли Галицкой». *Никои. Лѣт.* говорить, что Ярославъ Владимѣрковичъ разославъ Киев- «скихъ плѣнниковъ по городамъ.

(354) Въ 550 году въ Абазѣ уже были Христіанскѣа церкви: см. Мемор. Popul. IV, 181. *Абазинская* Епархѣа завѣсла отъ Патріарха Антіохійскаго (см. Кодиша Notit. Graec. Episcop. стр. 364).—Мстиславъ въ 1153 году ѣздилъ на встрѣчу къ невѣстѣ отца своего: «на ту же «осень посла ѣ отецъ противу мачехѣ съ Володимеромъ съ Андреевичемъ «и съ Берендѣи, и ходиша до Олешья, и не обрѣтше ее взвратишася «опять». Въ 1154 году: «Посла Изяславъ сына своего *второе* противу «мачехѣ: бѣ бо повелъ жену собѣ изъ Обезъ (въ *Киев. Лѣт.* Цареву «дѣщерь), и устрѣте ю Мстиславъ въ порозѣхъ, и приведе ю къ Киеву, «а самъ иде Переяславлю. Изяславъ же створивъ свадьбу, поя ю женѣ».

(355) См. *Новгород. Лѣт.* стр. 28: «не упустѣша ни мужъ». Далѣе тамъ же: «изгнаша Князя Ярослава въ 26 Марта, и введоша Ростислава, «сына Мстиславля, Априля въ 17». Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что не Ростиславъ, а сынъ его Романъ заступилъ мѣсто Ярослава. Сказаніе современнаго Новгорода достовѣрнѣе.—Ярославъ, по мнѣнію Кн. Щербатова, могъ быть изгнанъ за то, что около сего времени Новгородскѣа

корабли были остановлены Государемъ Датскимъ, Свенономъ III, въ Шлезвигѣ, какъ разсказываетъ ла-Рошъ въ своей Исторіи! Въ нашихъ лѣтописяхъ причина объяснена: «не створи имъ (Ростиславъ Новгородцамъ) «ряду, нъ (но) болъ раздора». Слѣдственно Ростислава призывали для возстановленія внутреннего порядка; слѣдственно сего порядка не было при Ярославѣ: за то и выгнали его. — Упомянувъ о Свенонѣ Датскомъ, скажемъ, что врагъ его, Кануть V имъ побѣжденный, искалъ убожища въ Россіи—вѣроятно, въ Новгородѣ—но скоро уѣхалъ отсюда въ Саксоцію (см. Маллет. Hist. de Dan. III, 259).—Шведскіе Историки пишутъ, что Король ихъ Эрикъ около сего времени женился на Христинѣ, Датской Прищесѣ, вдовѣ Князя Россійскаго, внука Мономахова и сына Гаральдова или Мстиславова (см. выше, примѣч. 241): не Святополкъ ли Мстиславичъ, умершій въ 1154 году, былъ первымъ супругомъ ея? Можетъ быть, первая супруга его, Богемская Княжна, скончалась, и Святополкъ женился на Христинѣ. Далннъ называетъ ея мужа Ярославомъ (Gesch. des R. Schw. II, 82). Святополкъ преставился у Кореца на пути къ брату Изяславу.

(356) «Посла (Георгій) сына своего, Глѣба, въ Половци, а самъ воротися Суждалю»—урашенный гнѣвомъ Божіимъ, какъ говоритъ *Никол. Лнт.*

(357) См. выше, примѣч. 352. Въ *Воскресен. II*, 20: «Вячеславъ на «велицѣмъ дворѣ, а Изяславъ подъ Угорскимъ».—Татищевъ, описавъ разныя подробности кончины Изяславовой, прибавляетъ, что онъ былъ росту малаго, но лицомъ хороши; имѣлъ волосы кудрявые, бороду круглую; жилъ 58 лѣтъ, и проч. Въ *Кіев. Лнт.*: «разболѣся Изяславъ Мстиславичъ на «Ставровъ день... и преставися на ночь на Филипповъ день... Великій «Князь Кіевскій, честный, благовѣрный, славыи... и плакася по немъ «вся Рускаа земля, и вси Черни Клобуци, яко по Цари и Господинѣ «своемъ, *наипаче же яко по отци*». По всѣмъ другимъ лѣтописямъ онъ скончался не 14, а 13 Ноября.

(358) Въ *Кіев. Лнт.*: «Яна Полочане Рогволода Борисовича, Князя «своего, и послаша и Меньску, и ту его дръжаша въ велицѣ нужи, а «Глѣбовича (Ростислава) къ собѣ въведоша; и прислашася Полочане къ «Святославу Ольговичю съ любовію, яко имѣти его отцемъ собѣ и ходити «въ послушании его, и на томъ цѣловаша крестъ». Рогволодъ сдѣлался Полоцкимъ Княземъ по смерти Василька.

Маловажныя происшествія Изяславова княженія суть слѣдующія: Въ 1146 году Новгородцы смѣнили Посадника Иѣжату, избравъ Константина на его мѣсто; у нихъ же построены 4 церкви: 1) Бориса и Глѣба въ городѣ, 2) Иліи, 3) Петра и Павла на Холмѣ, 4) Козмы и Даміана. Въ 1147 затмѣніе солнца: «и на ту ночь былъ громъ, и *поторма* («погромѣлъ) мало». Умеръ зимою Новгород. Посадникъ Константинъ; мѣсто его заступилъ Судила Иванковичъ. Преставился въ Новгородѣ Игуменъ Антоній, а преемникомъ его былъ Андрей. *Лнт. Никонов.* говоритъ о смерти Хана Саимчюги, о избіеніи Половцевъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ и чудесахъ иконы Рязанской въ городѣ *Казари!*—Въ 1148, Юня 27, въ Новгородѣ громъ зажегъ церковь монастыря Богоматери въ Звѣринцѣ; умеръ (по *Никонов.*) въ Новгородѣ Сѣверскомъ Князь Иванъ Ольговичъ (?) и Тысячскій Иванъ Богдановъ, а въ Рязани Тысячскій Константинъ *малъ* Половцевъ.—Въ 1150 (см. *Никоновск.*) Рязанцы убили многихъ Половцевъ на Великой Воронѣ. Святославъ Ольговъ перенесъ мощи брата своего, Игоря, отъ Св. Симеона изъ Копырева Конца въ Черниговъ къ Св. Спасу въ теремъ.—Въ 1151 скончалась супруга Великаго Князя Изяслава. Пологородскій Епископъ Пифонтъ обилъ свидцемъ Софійскую церковь, выбѣлилъ известкою, и построилъ 2 церкви,

Св. Василя и Св. Константина. Въ 1152 году загорѣлась въ Новѣгородѣ церковь Св. Михаила, и пожаръ обратилъ въ пепелъ всю торговую площадь вокругъ сей церкви, также всѣ зданія до Ручья и Славянского Копца; сгорѣло 8 церквей, а девятая *Варяжская*.—Въ 1153 (см. *Никонск.*) Князь Рязанскій, Ростиславъ Ярославичъ, основалъ на Окѣ городъ Ростиславль. Епископъ Нифонтъ заложилъ въ Ладогѣ церковь Св. Климента; Игумень Аркадій срубилъ церковь Св. Богородицы и завелъ монастырь.—Въ 1154 построена въ Новѣгородѣ церковь Св. Саввы. Умерла въ Суздаль супруга Князя Глѣба Георгіевича.

(359) «Ростиславъ же съ Святославомъ выидоста изъ Кіева къ Переясчину, и ту начаста совкупяти дружину, и пригна Дѣтескъ изъ Переяславля, повѣда имѣ, яко рать пригонила и стрѣлялися съ ними. Ростиславъ же посла сына своего, Святослава. Мстиславъ же иде противу, «и тако свокупившеся». И такъ городъ Пересѣченъ былъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра выше Переславля.— Вячеславъ умеръ, по Новгородской лѣтописи, уже послѣ 30 Генваря: «свѣщу и просфору по немъ» (велѣ Ростиславъ) «приносити въ церковь». Ростиславъ былъ сынъ первой супруги Мстислава, который вторично женился въ 1122 году. По смерти дяди Вел. Князь взялъ съ собою изъ Кіева остальную дружину его.

(360) «Цѣлуй къ намъ крестъ; во своей отчинѣ въ Черниговѣ сѣди, «а мы въ Киевѣ».

(361) См. выше, примѣч. 357. Новгородцы выгнали Давида прежде кончины Вячеслава и похода Ростиславова къ Чернигову (см. *Новгородск. Лѣт.* 29, 30). Мстиславъ Георгіевичъ, по волѣ отца, женился тогда въ Новѣгородѣ на дочери Петра Михалковича (см. *Кіев. Лѣт.*). — *Никон. Лѣт.* выдумываетъ имена и другія обстоятельства въ описаніи Изяславовой побѣды. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Половци обѣхаша полки (Ростислава) «и бишася по два дни... Подъ Ростиславомъ же на первомъ поскокѣ «летѣ конь (упалъ): Святославъ же, сынъ его, то видѣвъ, и съскоки съ «коня и заступивъ отца своего... и ту съвокупися дружины нѣколко «около его, и ту яша ему конь. Ростиславъ же перебѣже Днѣпръ ниже «Любча... Изяславъ же съ женою своею выручиста Святослава (Всеволодича) у Половецъ и иныхъ, и многымъ добро съдѣяста; а аще кто у «Половецъ утешаше въ городъ, а всѣхъ не выдаваша».

(362) Слѣдственно и въ Каневѣ была Епископія. *Никон. Лѣт.* обратилъ Каневского Епископа въ Кіевскаго. Въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Изяславъ самъ объявилъ Кіевлянамъ желаніе быть ихъ Княземъ. Въ характеристичныхъ: «много зла створиша Половци около Переяславля и Ольтскую «(на Альтѣ) божницю Святою Мученику (Бориса и Глѣба) зажгоша». Въ *Воскресен.* и другихъ сказано: «жита вся потравиша».

(363) «Приде къ нему» (къ Георгію въ Стародубъ, а по *Кіев. Лѣт.* къ Синину мосту у Радоща) «Святославъ Ольговичъ и нача ему глаголати, дабы принялъ въ любовь сыновца своего (его) Святослава Всеволодича». Въ *Кіев. Лѣт.*: Гюргій иде къ волости Ростислави... Ростиславъ же исполча полки своя и поиде противу ему къ *Зарюю*... и посла «ся къ Гюргеви, проси у него мира, река: отец! кланяю ти ся; ты прежде «до мене добръ былъ и азъ до тебе, а нынѣ кланяю ти ся; стрый ми «еси яко отецъ. Гюргій же рече: право, сыну; съ Изяславомъ есмь не «могъ быти, а ты ми еси свой братъ и сынъ.—Далѣе: «бѣ же совѣтень «Изяславу Святославъ о сидѣннѣ въ Киевѣ», то есть, Святославъ былъ прежде согласень, чтобы Давидовичъ княжилъ въ столицѣ. Суздальскій Князь во время переговоровъ находился въ Моравійскѣ (Моровскѣ), а Сѣверскій въ Черниговѣ. Георгій въѣхалъ въ Кіевъ въ Вербное Воскресенье: слѣдственно 20 Марта.

(364) Сія мѣста назывались вообще *Поросьемъ*. — О раздѣлѣ между Святославами, Ольговичемъ и Всеволодовичемъ, говорить *Кіев. Лѣт.*

(365) «Съ Жирославомъ» (Воєводою) «и съ *Вячеслави* внуки», сыновьями Михалка Вячеславича или неизвѣстной намъ сестры его; послѣднее вѣроятнѣе. Князь Владиміръ названъ ниже *Мачешичъ* — т. е. сыномъ мачихи отца Мстиславова.

(366) «*Володимерь* и Ярославъ придоша». Сей Владиміръ былъ *Мстиславичъ* (а не *Изяславичъ*) и союзникъ Георгіевъ: ибо онъ вмѣстѣ съ Галицкимъ, какъ мы выше сказали, осаждалъ племянника въ Луцкѣ. — Гатищевъ прибавляетъ, что Кіевляне убѣдили Вел. Князя помириться съ внучатами и съ Ростиславомъ. Далѣе Историкъ нашъ изобрѣтаетъ рѣчи Кіевского мнимаго вѣста; сказываетъ, что Мстиславъ отговорился болѣзнию, отправилъ въ Кіевъ дружину, но самъ остался въ Владиміръ (развѣ въ Луцкѣ) и проч. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Гюргій посла по Ростислава къ Смоленску, река ему: сыну! мнѣ съ кимъ Рускую землю дръжати, «*аще не*) съ тобою? а пойди сѣмо... Въ тожь время приде изъ Суждала «Гюргева (жена Георгія) къ Смоленску и съ дѣтми своими къ Ростиславу. «Ростиславъ же поймя стрынню съ собою и пойде съ всѣмъ полкомъ «своимъ къ Гюргеви въ Кіевь, и тако обьяетася съ великою любовію... «Ростиславъ же начаше молити о братѣхъ своихъ: Гюргій же послуша. «Ростиславъ же посла по брата своего Володимера къ Володимерю, и по Мьстислава и по Ярослава къ Луцку».

(367) «Посла (Георгій) къ Давидовичу, река: *хочешь ли къ намъ вшити съ миръ? а мы къ тобѣ*. Онъ же видѣвъ Гюргя совокупившася съ сыновци (Ростиславомъ и Владиміромъ) своими, цѣлова крестъ, и тогда «Гюрги отпусти сыновци». Въ *Кіев. Лѣт.* сказано еще прежде того: «Изяславъ нача понуживати зачати рать на Гурга, и не да ему Свято-«славъ». — Городъ Корчевскъ находился въ землѣ Дреговичей, въ окрестностяхъ Припети. Гатищевъ назвалъ его здѣсь *Карачевымъ*. Георгій сѣзжался съ Давидовичемъ и Святославомъ въ Лугавѣ. — О союзѣ Рязанскихъ Князей съ Смоленскимъ говорить *Кіев. Лѣт.*

(368) Въ *Новгород.*, стр. 30: «бысть тишина въ Русьстѣй земли».

(369) «Товаръ всь отъять, его же бѣ принесла изъ Угорь Княгиня «Мстиславля; а Володимеръ бѣжа къ Королеви, зятю своему: бѣ бо сестра «его за Королемъ Угорскимъ». Мать Владимірова ѣздила въ Венгрію въ «1155 году (см. *Кіев. Лѣт.*).

(370) «Цѣловавъ бѣ съ братомъ своимъ Андреемъ крестъ еще при «животѣ его, яко по животѣ его удржати волость сынове его... Сняся «Гюрги съ Ярославомъ Галицкимъ въ Свиносѣхъ въ селѣ, и пошедше «сташа въ Хвалимичехъ (Хламичехъ), и ту приде къ нимъ Володимеръ «Мстиславичъ изъ Угорь... Подступивша къ городу въ Суботный день, и «Гургій ста у Гридшихъ воротъ и Ярославъ у Кіевскихъ подлѣ лугъ. «Гюрги же сжалиси о погибели людстѣй... стоя у Володимеря 10 дній».

(Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 года): Деревня *Хвалимичи*, нынѣ *Фалемичи*, близъ Владиміра Волинскаго. (Собщено *З. Ходаковскимъ*).

(371) Андрей, сынъ Мономаховъ, управлялъ Владиміромъ (см. выше, стр. 103. текста) Червень принадлежалъ тогда къ области Владимірской.

(372) Половцы въ 1155 году были разбиты въ Поросѣ Берендѣями; въ томъ же году взяли въ Каневѣ дары отъ Георгія, но не хотѣли мира. Великій Князь — узнавъ, что они стоятъ въ верховьѣ Супоя — вторично пріѣхалъ въ Каневъ съ Ростиславомъ и Владиміромъ Мстиславичами; съ нимъ находилась и дружина Галицкая. Половцы явились въ Каневѣ, осмотрѣли Георгіеву силу, дали слово возвратиться и бѣжали; наконецъ

въ 1156 году, въ Зарубѣ, согласились на миръ. Тамъ были съ Георгіемъ Святославъ Ольговичъ и Князь Черниговскій, Изяславъ.

(373) Святослава и Давида (см. у Татищева вымышленную рѣчь Ростислава). Новогородцы выгнали Георгіева сына еще прежде кончины его отца (см. *Новгород. Лѣт.* стр. 31). *Никонов. Лѣт.* рассказываетъ не такъ, и прибавляетъ, что Мстиславъ Георгіевичъ ушелъ къ брату Андрею въ Владиміръ.

(374) Въ 1156 году. Изяславъ Давидовичъ ѣздилъ тогда съ Георгіемъ въ Зарубъ для переговоровъ съ Половцами (см. выше, примѣч. 372), нанялъ ихъ дѣйствовать противъ мятежника и ходилъ съ ними къ Березову (Березнѣ). Ростиславъ пришелъ изъ Стародуба въ помощь къ Святославу Владиміровичу. Въ *Кіев. Лѣт.*: «того жъ лѣта Святославъ (Ольговичъ) иде къ брату Изяславу, ту стоящу у Мстиславля, и сътвориша «миръ съ сыновцами своими». — Лѣтописецъ, обвиняя Святослава Владиміровича (а не Всеволодовича), говоритъ, что сей Князь разорвалъ союзъ съ дядею *не створивъ извѣста крестному цѣлованію*, или не предувѣдомивъ о своемъ намѣреніи. Святославъ Сѣверскій, не хотѣвъ воевать съ Георгіемъ, отвѣтствовалъ Мстиславу и Давидовичу: «крестъ емь цѣловаль: «не могу безъ вины ити нань». — Ростиславъ Мстиславичъ оставался тогда въ Новѣгородѣ, пославъ къ Кіеву Романа, сына своего.

(375) «Пивъ бо Гурги у *Осмишка*» (Татищ. пишетъ: въ *Смолянкахъ*) «у Петрила... и преставися Маіа въ 15, въ Среду на ночь» (въ 1157, а не въ 1158, какъ означено въ *Кіев. Лѣт.*). *Никонов. Лѣт.* говоритъ, что Георгій, узнавъ о предпріятіи враговъ, отправилъ всюду гонцевъ для собранія войска. — Въ *Кіев. Лѣт.*: «Пріѣхаша къ Изяславу Кіане, рекучи: «поѣди, Княже: Гургій ти умрѣлъ. Онъ же прослезился, руцѣ въздѣ къ Богу, и рече: благословенъ еси, Господи, иже мя еси разсудилъ съ нимъ «смертю, а не кровопролитиемъ!»... Въ харат. лѣтописяхъ: «избивахуть «Суждальцевъ (Кіевляне) по городомъ и по селомъ», — для того, какъ пишетъ Татищевъ, что Суздальцы насильствовали женъ и дѣвицъ въ Кіевѣ! Онъ сказываетъ еще, что сей Князь сластолюбивый былъ не малаго росту, толстъ, лицомъ бѣлъ, глаза имѣлъ не большіе, носъ длинной и кривой, бороду малую; поручалъ все Великожамъ, и проч. — Кіевляне разграбили въ городѣ и домъ сына Георгіева, Василька. — Владимірко упрекалъ Георгія безпечностію: см. выше. — Кн. Щербатовъ думалъ, что Георгія въ нравственномъ смыслѣ назвали Долгорукимъ или *Долою рукою* (подобно Персидскому Царю Артаксерксу) за его алчность къ пріобрѣтенію.

(376) «Того же лѣта (1152) Юрій Володимеричъ въ Суждальстѣй «земли постави мнози церкви каменны; созда на Нерли церковь во имя «Св. Муч. Бориса и Гѣба, а въ Суждали Всемилостиваго Спаса; а въ «Володимери Св. Муч. Георгія; и градъ *Юревъ* основа и церковь каменну «Св. Георгія, и въ *Переславѣ* преведе отъ Клещина» (бывшаго не далеко отъ Переслава) «заложеніе церкви, и заложи во имя Всемилостиваго «Спаса». Въ *Никонов.* сказано, что онъ перенесъ отъ Клещина *городъ Переславль*.

(377) Онъ назвалъ рѣку въ Переславлѣ Трубежемъ, въ Владимірѣ Лыбедью. Говорятъ, что супруга Георгіева обступилась на берегу рѣки близъ Дмитрова, сказала: *я хрома*, и сими словами дала ей имя Яхромы.

(378) Въ *Кіев. Лѣт.*: «прислалъ бо быше Ярославъ (Владиміровичъ) «уже по Берладника Святополка — Князя (неизвѣстнаго) и Коснятина «Сърославича съ многию дружиною».

(379) «Иже бѣгалъ предъ Климомъ», т. е. *отъ него*. О проклятій см. *Воскресен. Лѣт.* II, 50. Митрополитъ Платонъ въ своей Церковной

Исторіи говорить, что онъ не нашелъ въ лѣтописяхъ объ уничтоженіи Климентовыхъ ставленій. Въ *Воскр. Лѣт.* Ч. II, стр. 39: «и тогда извергоша Климову службу и ставленія его, и сотворше божественную службу, «и благословиша Князя Юрья Володимерича; а Попомъ и Діакономъ «опять повелѣ служить, ихъ же Климъ Митрополитъ ставилъ».

(380) Въ *Воскресен. Лѣт.* II, 38: «бысть поборникъ всей Рускій «земли». Нифонтъ скончался въ 1156 году, Апрѣля 21 (такъ въ *Новгород.*, а въ другихъ 15 и 18), и погребенъ въ пещерѣ Θεодосіевой. О дружбѣ его съ Святославомъ см. *Кіев. Лѣт.*

Въ харатейной Кормчей Книгѣ или *Древнихъ Софійскихъ правилехъ* (Синодал. библиот. No 82) нашелъ я сочиненіе подъ именемъ: *Впрашаніе Кириково, еже впраша Епископа Новгородскаго Нифонта и иныхъ.* Слѣдуютъ отвѣты на вопросы о грѣхахъ важныхъ и маловажныхъ. Вотъ мѣста любопытнѣйшія:

«А наймъ дѣла (для займа), рекше лихвы, тако веляше учити. Аже «Попа, то рци ему: *не достоинъ ти служити, аще того не оставиши.* «А еже простыца (міряннина), то рци ему: *не достоинъ ти имати.* И на «мнѣ, рци, грѣхъ не молвише» (на мнѣ грѣхъ, если я не сказалъ того). «Да аже не могутъ ся *хобити*» (оставить того) «то рци имъ: *будите «милосерди; взмете легко. Аще по 5 кунъ далъ еси, а 3 куны взми или 4».*

«А еже се. рѣхъ, идуть въ сторону» (въ чужую землю) «въ Іеруса- «лимъ къ Святымъ, а другимъ азъ борюю (возбраняю), не вѣлю ити: «сдѣ вѣду доброму ему быти». Нифонтъ поквѣдилъ за то Кирика, осужда- «дая жизнь бродягъ.

«Занедію солнцю, не достоинъ мертвеца хоронити. Не рци тако: «*борза дѣлаемъ, нѣли како устемъ до захода*» (спѣшимъ похоронить до «заката солнечнаго); «по тако погresti, яко и еще высоко» (чтобы солнце «было еще высоко) «како и вѣнецъ еще не сыметься съ него» (чтобы «было еще лучезарно). «То бо послѣднее видить солнце до общаго Воскре- «сенія». Какъ прекрасно сказано!

«Оже кости мертвы валяются гдѣ, то велика челоувѣку тому мзда, «оже погребуть ихъ».

«Рѣхъ ему (Нифонту): а оже, Владыко, се друзіи наложници водятъ «явѣ и дѣтя родятъ, яко съ своею, и друзіи съ многими отай робами, «которое луче? *Се не добро,* рече, ни се, ни оно».

«А пѣрътъ дѣля» (ради одежды), «въ чемъ хочаще ходити, вѣдутъ «бѣды, хотя и въ медвѣдинѣ».

«А иже то распустилася *малжена*» (развелись супруги) «и передъ «тобою, Владыко, тягавшася, что тѣмъ опитемя? Не дай, рече, прича- «щенія тому, который распускается, а со инѣмъ совокупляется. Али «онъ умирати начеть, то же дай».

«А сего прашахъ: аже у себе кладуть дѣти спяче и угнетають» (задушили), «убійство ли есть? Онъ же рече: аже терезви, то легчае; «али шяни, то убійство есть».

«А сего прашахъ: аже велѣлъ быаше нѣкоторый Попъ сынови (ду- «ховному): *аже ся не можешъ удѣржати* (отъ блуда), *буди съ одною?* Не «вельми сему зазраше Владыка; рече бо: *не вельми Попъ тѣ волею вел- «мь, нѣ види его много неударжаніе, и повелмъ, да дрѣжитъ одну».*

«А еже челоувѣкъ будетъ въ опитемь, а пойдеъ на великій путь, «молитва раздрѣшная (молитву раздрѣшительную) дати ему, но ать дрѣжитъ «заповѣдь. *Аще ли на рать пойдеъ,* или разболиться, то дати прича- «щеніе».

«А се есть у женъ, аже не възлюбятъ ихъ мужи, то омывають тѣло свое водою, и ту воду даютъ мужемъ: повелѣ ми дати општемъ 6 недѣль». Это принадлежитъ къ исторіи тогдашнихъ суетврій.

«А оже се носили къ Варяжьскому Попу дѣти на молитву, 6 недѣль општемъ рече; занеже аки двовѣрци суть».

«А еже дѣтій дѣля (ради дѣтей) жены творять что любо, а еже възлюбятъ (запомогутъ) или къ възхвамамъ несутъ, а не къ Попови на молитву, то 6 недѣль (епитемы) или 3, оже молоди».

(381) Въ *Новгород. Лѣт.*, стр. 31: «сбрася весь градъ; люди изволиша собѣ Епископъ поставити мужъ Богомъ избранъ Аркадія, и шьдше весь пародъ, пояша ѿ изъ монастыря, и Князь Мстиславъ Гюргевичъ си весь Клиросъ Св. Софіи... и введоши ѿ, поручивше Епископью въ дворѣ Св. Софіи, дондеже придетъ Митрополитъ въ Русь, и тогда поидеши ставиться».

Маловажные случаи Георгіева княженія суть слѣдующіе: Въ 1155 году прѣхала въ Кіевъ Георгіева супруга изъ Новосіа; въ 1156 смѣненъ Новгородскій Посадникъ Судила, и въ пятый день умеръ; на его мѣсто избранъ Якунъ Мирославичъ, и купцы заморскіе поставили церковь Св. Пятницы на торговой площади; скончался въ Кіевѣ Игуменъ Печерскій Θεодосій; поставленъ Епископъ Передславскій Василецъ (Василій) и Галицкій Козма (Татищ. говоритъ, что Епископія переведена тогда изъ Перемышля въ Галичь). Суздальскій Епископъ Несторъ прѣхалъ въ Кіевъ и лишень Епископіи, будто бы оклеветанный домашними, какъ сказываетъ *Никон. Лѣт.*, который прибавляетъ, что Несторъ оправдался, но снова былъ изгнанъ, ибо не дозволялъ ѣсть мяса въ Господскіе праздники, когда они случались въ Среду или Пятницу. Сей Лѣтописецъ говоритъ еще, что въ 1155 году ночью убитъ сродниками въ Вѣдѣградѣ (Рязанскомъ) Тысячскій Андрей Глѣбовъ, шли сильныя дожди, *Татары* воевали Рязань, и Половцы, грабившіе на Быстрой Сосвѣ, разбиты.

(382) См. *Воскр. Лѣт. II*, 26: «пойде (Святославъ) къ Березову, и «яко ста у *Свищи*». На сей страницѣ имя города *Ольгова* есть описка, вмѣсто *Глухова*. Въ *Никон. Лѣт.* и *Степен. Книгѣ* сказано, что Изяславъ Давидовичъ, вступивъ въ Кіевъ, ограбилъ и заключилъ въ цѣпи многихъ Бояръ Георгіевыхъ; но это, по древнимъ лѣтописямъ, сдѣлалъ народъ, какъ мы выше говорили. Мстиславъ вышелъ изъ Владиміра къ Кіеву, по условію съ Изяславомъ, еще не зная о Георгіевой смерти, какъ надобно думать. Послѣ откроется, что Изяславъ удержалъ за собою часть области Черниговской.

(383) Въ лѣтописяхъ (см. Синодал. библ. No 349, л. 224): «въ лѣто «6663 приде изъ Кіева въ градъ Володимерь Князь Великій Андрей «Юрьевичъ безъ отча повелѣнія, его же лестію подыма *Кучковичи*». Далѣе тамъ же: «постави градъ *Боголюбный*, а обѣщался Св. Богородицы «чудотворной, яже ему о пей сказаша въ *Вышегородѣ*, съ жемскомъ монастыри, что кривошаны входятъ въ церковь, а та чудная икона изъ «мѣста своего вышедъ стоитъ особѣ средь церкви своей. И молися Князь «Андрей той иконѣ, и взя иощію святую икону безъ отча повелѣнія и «поѣха на Русьскую землю съ своею Княгынею и съ своимъ Дворомъ, «и поять съ собою кривошаны Вышегородскыя, Попа Миколу и зята «его, Нестора Діакона; и много чудеса быша идущимъ имъ до Володи- «меря отъ чудныя иконы, и постави ей храмъ на рѣцѣ на Клязмѣ, двѣ «церкви камены, и створи градъ *камень*» (см. *Кіев. Лѣт.* рукописн., «стр. 517) «и нарече ему имя: се есть мѣсто *Боголюбимое*. Ту же кони «много били, а конь съ того мѣста съ иконою не иде, и створи ту многы «церкви 30».—Сыи чудотворная икона находится нынѣ въ Москвѣ въ

Успенскомъ Соборѣ, и называется Владимірскою. Объ ней сказапо въ харатейныхъ лѣтописяхъ: «уже принесомѣ въ *единомъ кораблѣ съ Пирогошею* изъ Царяграда»; а въ *Степенной*: «принесенъ бысть къ нему (Георгію) отъ Царяграда *Пирогошею кущемъ* Богоматере образъ, его же «написа богогласный Лука Евангелистъ». Сей мнимый *гостъ* есть, кажется, недоразумѣніе: ибо *Пирогошею* назывался также образъ Богоматери, привезенный въ Россію вмѣстѣ съ иконою Владимірскою. Еще Мстиславъ, въ 1131 году, заложилъ въ Кіевѣ церковь Св. Богородицы *Пирогошюю*, какъ сказано въ лѣтописяхъ (см. выше, примѣч. 256).— Далѣе: «По смерти отца своего (Андрей) велику память створи, церкви «украси и монастыри постави, и церковь сконча, уже бѣ заложилъ прежде «отецъ его Св. *Спаса* камену».

(384) Сынъ Варяжскаго Князя, Симона, именемъ Георгій, былъ тамъ Посадникомъ (см. *Патерикъ*). Въ лѣтописяхъ: «Ростовци и Суздальци, «здумавши вси, посла Андрей, сына его старѣйшаго, и посадиша ѣ въ «Ростовѣ на отни столѣ, зане же бѣ любимъ всіми за премногую его «добродѣтель, уже имяше прежде къ Богу и ко всімъ сущимъ подъ «нимъ». — Татищевъ вездѣ называетъ область Ростовскую и Суздальскую *Бѣлою Русюю*: чего нѣтъ въ лѣтописяхъ, гдѣ Андрей, подобно отцу его Георгію, называется обыкновенно Суздальскимъ Княземъ, или Суздальскимъ и Ростовскимъ.

(385) Борисъ Георгіевичъ умеръ въ 1159 году, Мая 12. Въ лѣтописяхъ: «и положиша и братья у Святою Мученику, юже бѣ создалъ «отецъ его Гюрги на Нерли, идѣ же бѣ становище Святою Мученику «Бориса и Глѣба». — Прадѣдъ Юрія Ярославича, Вел. Князь Изяславъ, былъ старшій сынъ Ярослава Владиміровича. — Въ лѣтописи: «съ нимъ «(съ В. К. Изяславомъ) иде Ярославъ Изяславичъ изъ Лучьска и Ан- «древичъ Ярополкъ» (братъ Владиміра, внукъ Мономаховъ) «и Галич- «ская помочъ и Ростиславичъ Рюрикъ съ Смольяныи, и Володимеръ «Мстиславичъ къ Турову».

(386) «А Полочане, пришедше къ Турову, пожгоша села его, а Бе- «рендичи воеваша около Пиньска» (принадлежавшаго къ Туровской области) «и за Припетью».—Глѣбъ Ростиславичъ былъ внукъ Глѣбовъ и правнукъ Всеславовъ. Въ *Кіев. Лѣт.*: «и прѣѣха (Рогволодъ) къ Случеску «и нача слатися къ Дрючаномъ... и выѣхавше противу ему болѣ 300 лодій Дрючанъ и Полочанъ; и выиде къ городу съ честію великою... Иде «(Ростиславъ Глѣбовичъ) съ Всеволодомъ и съ Володаремъ (его братьями) «и съ всею братьею на Рогволода... и бѣахуса крѣпко... Дрючане же «укориваху много... и цѣловаша (Ростиславъ съ Рогволодомъ) крестъ «между собою и прида волости Рогволоду... Въ то жь лѣто съвѣтъ золь «свѣщаша на Князя своего Полочане... и послашась въ тайнѣ къ Рог- «володу Борисовичю Дрютску, рекучи ему: Княже! сѣргѣшили есмо къ «Богу и тебѣ, иже въстахомъ на тебе безъ вины... ты емше выдохомъ «Глѣбовичамъ на великую муку... да аще не помянеши того, и крестъ «къ намъ цѣлуеши, то мы людіе твои... Рогволодъ же цѣлова къ нимъ «крестъ... И бѣху ирители Ростиславу отъ Полочанъ, и повѣдаху, иже «хотятъ ѣ няти, и начаша Ростислава звати лестію въ Братищину къ «Св. Богородицѣ Старѣй на Петровъ день, да ту имуть его... и не смѣша «нанъ дрзпнути... Више Князь въ то время на Бѣлцици... Обаче безъ «всякаго извѣта (на другой день) ѣха къ нимъ въ городъ... Въротиса «опять и съвокуписа весь съ дружиною на Бѣлцици и поиде полкомъ «къ брату къ Володареви къ Мѣнску, и много зла створи волости Полот- «ской, и скоты, и челядью... И послашась Полочане по Рогволоду, и вниде «мѣсяца Іюля... И потомъ съвокупи Полочаны, и Ростиславъ Мѣстисла-

«вичь (Смоленскій) пусти ему Давыда сына въ помочь, Романа и Рюрика» (его же сыновей) «съ Смольняны и Новгородци и Плесковичи. «и самъ быше пошель, (но) поворити ѿ Аркадей Епископъ Новгородскій, иди изъ Кыева; и поидоша на Ростислава къ Мѣнску, и придоша къ Изяславу на Всеволода. Онъ же затворися... Имѣя въ себѣ «(Всеволодъ) велику любовь къ Рогволоду, и на ту любовь надѣяся, ѣха къ Рогволоду поклонися. Рогволодъ же вда Изяславъ Брячиславу» (Васильковичу, правнуку Всеслава): «того бо быше отчина; а Всеволоду да Стрѣжевъ» (см. выше, примѣч. 250) «и поиде къ Мѣнску, и стоя 10 днѣй, в сѣтвори миръ», и проч. Татищевъ, имѣя весьма худой списокъ Кіевской лѣтописи, вмѣсто *Стрѣжева* поставилъ *Туровъ*. Ниже въ лѣтописи: «ходяше подь Литвою (Володарь) въ лѣсѣхъ» (а не въ *Лястьхъ*).—Не давно (см. *Сверли. Почту* г. 1818, No 89), въ 19 верстахъ отъ Орши нашли большой камень съ изображеніемъ креста и съ надписью: *Въ лѣто 6679 (1171) Майя съ 7 днѣй достигъ (сдѣлавъ, совершѣвъ, въ старинномъ смыслѣ глагола достигъ) крсть сій: Господи! помози рабу своему Василію въ крещеніи, именежъ Рогволоду, сину Борисову.* Вѣроятно, что здѣсь говорится о Князѣ Полоцкомъ Рогволодѣ, который могъ имѣть Христіанское имя Василя. 7 Мая празднуется *Знаменіе Креста*.

(387) *Кіев. Лнт.*: «Послаша послы къ Изяславу Давыдовичу, Ярославъ Галицкый Изыгыѣва, Святославъ Ольговичъ Жирослава Иванковича, Ростиславъ Мѣстиславичъ и Мѣстиславъ Изяславичъ Жирослава Васильевича, Ярославъ Изяславичъ Онуфрія, Володимерь Андреевичъ Гаврила Васильевича, Святославъ Всеволодичъ Кіянина, Король (Венгерскій) мужа своего и отъ Ляховъ мужъ свой. Изяславъ же препрѣвъ всѣхъ, отпусти ѿ... Иванъ же (Берладникъ) тогда уполошився (испугался), ѣха въ поле къ Половцѣмъ, и шедъ съ Половци и ста въ гордѣхъ *Подунайскыхъ*, и изби 2 кубарѣ, и взя товары много въ нею, «и пакостяше рыболовомъ *Галицкымъ*» (слѣдственно тутъ было *Галицкое* владѣніе)... «и придоша Половци мнози къ Берладнику, и съвокуши ихъ 6000, и поиде къ *Кучелмичу*» (не къ мѣстечку ли *Кучь* близъ Ушицы?) «и ради быша ему, и оттуда къ Ушици; ту же вошла бѣ въ городъ за сада Ярославля, и начаша битися, а смерди (простые граждане) скакаху черезъ заборылы (стѣны) ко Иванови, и перебѣже ихъ 300. Половци же хоташа взяти градъ, но не дасть имъ Иванъ, и разгнѣвавъ шеса на него прочъ поидоша. Посла же Изяславъ по Ивану, и приде къ нему.—Города Мозырь и Чечерскъ были въ землѣ Дреговичей (нынѣ въ Губерн. Могилевской и Минской).

(388) Въ *Кіев. Лнт.*: «иже на ты хотятъ, то Боже мя избави воелости тоя: ты ми братъ... Сняшася (сѣхались) въ *Латаи*» (по другимъ спискамъ въ *Лутавѣ*) «Изяславъ и Святославъ и сынове его, Олегъ «и Игорь и *Всеволодимеричъ*» (вмѣсто *Володимеричъ*) «Святославъ». — Далѣе: «Святославъ же посла по немъ (за Изяславомъ) Юрѣя Ивановичъ, Шарукала брата, и постиже его въ Василевѣ». Изяславъ звалъ съ собою и Святослава Всеволодича: а Святославъ Ольговичу въ гнѣвѣ сказаль: «начнеши попользвати къ Новгороду изъ Чернигова». — Имя *псарей* употреблено здѣсь въ смыслѣ черни или сволочи. Святославъ въ числѣ семи бѣдныхъ городовъ своихъ именуеть Моравійскъ (Моровскъ), Любечъ, *Оршичъ*, Всеволодъ.—Изяславъ услышалъ въ Мунаревѣ (близъ Кіева) о походѣ Галицкаго и Волынскихъ Князей. Племянникъ его, Святославъ Владиміровичъ, привелъ къ нему въ Васильковѣ многихъ *дичихъ* Половцевъ; у Бѣлгорода подоспѣлъ къ нему Ханъ Башкордъ, вотчимъ Святослава Владиміровича (см. выше, примѣч. 343) съ 20,000. — Изя-

славъ еще въ 1157 году заключилъ съ Половцами союзъ въ Каневѣ. Далѣе: «Яша (Берендѣи) въ зажитиѣ» (фуражированіи) «Козьму Снови-довича (Мстиславова Боярина) съ Отрокомъ, и послаша Отрока того «нощю въ городъ, *написавше ему знаменіе свое*» (то есть, нѣкоторые знаки, вмѣсто имени) «и рѣша ему: *иди ко Мстиславу*», и проч. Начальники Берендѣевъ назывались Тудоръ Сатмозовичъ, Каракозь Міюзовичъ, Карась и Коней. Мстиславъ посылалъ къ Берендѣямъ Ольбрия Шерешевича и далъ имъ клятву наградить ихъ. — Изяславъ стоялъ 12 дней подъ Бѣлымгородомъ. Владиміръ Мстиславичъ держалъ его сторону и былъ съ нимъ.

(389) «Ростиславъ же (изъ Смоленска) посла къ нимъ (племянникамъ «и Галицкому Князю) Ивана Ручника и Якуна, отъ Смолнянъ мужа и «отъ Новгородецъ»... Описывается распря о Митрополитахъ. Далѣе: «посла къ нимъ опять сына своего старѣйшаго Романа къ Кіеву съ «любовію, и усрѣте ѿ Мстиславъ Вышегородъ», и проч. Вѣроятно, что Митрополитъ Климентъ жилъ тогда въ Владиміръ Волинскомъ, у Мстислава.

(390) «Идѣ же Игорь лежитъ Ярославичъ въ теремци». О лютихъ убитыхъ громомъ въ Кіевѣ: «Двое Поповъ, да Діакона, и четыре простыци» (изъ простыхъ людей).—Лѣтописцы прибавляютъ, что надъ тѣломъ Митрополита, лежащемъ въ полѣ, видны были 3 столпа огненные, отъ земли до неба.—*Никон. Лѣт.* баснословитъ о страхѣ Мстислава Изяславича, и проч.

(391) «Не лъзѣ бѣше дойти до тръгу сквозѣ городъ, ни по гребли, «ни на поле выйти смороды ради».

Въ 1157 году скончался въ Новѣгородѣ Игуменъ Андрей: на его мѣсто избранъ Алексій; а 7 Ноября ночью, при ужасномъ блескѣ молніи, шелъ градъ, величиною болѣе яблока. Въ 1158 скончалась Софія Ярославовна, супруга Ростислава Глѣбовича (Полоцкаго или Кривскаго). Епископъ Аркадій ходилъ ставиться въ Кіевъ и возвратился въ Новгородъ Сент. 13. Поставленъ Леонъ (у Татищ. *Игумень Владычня монастыря*) Епископомъ въ Ростовъ, а Діонисій Игуменомъ Георгіевскаго монастыря въ Новѣгородѣ. Татищевъ пишетъ, что въ семь же году родился у Глѣба Юрьевича сынъ Эпифаній или Владиміръ.

(392) Ростиславъ еще въ 1158 году, возвратился съ Книгинею своею изъ Повагорода въ Смоленскъ, оставилъ дѣтей въ означенныхъ городахъ (см. *Новгород. Лѣт.*, стр. 32). — Въ *Кіев. Лѣт.*: «вниде (Ростиславъ) въ «Кіевъ Априля въ 12 день на Воскресенье: тогда бо бѣ и Пасха». Сей Лѣтописецъ и здѣсь уходитъ гогомъ впередъ: что есть ошибка. Пасха была 12 Апр. въ 1159, а не въ 1160 году.

(393) Изяславъ чрезъ Вышегородъ бѣжалъ въ Гомель, пославъ за женою, которая уѣхала къ зятю, Глѣбу Юрьевичу, въ Переяславъ; оттуда въ Городокъ или Остеръ, Глѣбъ или нынѣшній Глѣбовъ, въ *Хороборъ* и Юропескъ или Старый Ропскъ, гдѣ встрѣтилъ ее Ярославъ Всеволодовичъ (а не Владиміровичъ), братъ Святослава Всеволодовича, двоюродный племянникъ Изяславовъ, и вмѣстѣ съ нею отправился къ дядѣ въ Гомлю или Гомель. Въ лѣтописи: «Изяславъ взя городъ Книгининъ «Святославлеа на щигѣ... и зая Вятичи... Святославъ же увѣдавъ, иже «*Облоу* взяша, и Вятичи», и проч. Далѣе сказано въ *Кіев. Лѣт.*, что Юрій Ярославичъ Туровскій ходилъ воевать Путивль и *Вырь*; по въ характерныхъ и во всѣхъ другихъ здѣсь наименованъ Изяславъ Давидовичъ: что и справедливо. *Вырь* называется теперь Старыми Вирами, на границѣ Курской и Слобод. Украинск. Губерніи. «Выревци жъ не пустиша «его. Онъ же возвратися, иде въ *Зарытій*» (нынѣ село Разрытое, между Рославлемъ и Мглиномъ) «и ту пребывъ, опять възвратися въ *Вырь*».

Въ *Кіев. Лѣт.*: «Того же лѣта сняся Ростиславъ съ Святосл. Олго-
«вичемъ въ Моравійскѣ» (близь Остера) «Маѣ въ 1 день... Ростиславъ
«позва Святослава къ собѣ на обѣдъ, и ѣха къ нему безъ всякаго извѣта...
«Да Ростиславъ Святославу соболми, и горностаими, и черными кунами,
«и песци, и бѣлыми волкы, и *рыбными зубами* (см. Т. III, примѣч. 128).
«На заутріе же позва Святославъ Ростислава къ собѣ на обѣдъ, и тако
«быста веселясь паче вчерашняго дне. Да Святославъ Ростиславу пар-
«дусъ и 2 коня борза и ковану сѣдлу».

(394) См. выше, примѣч. 285. Вѣроятно, что въ Берладѣ жили тогда
Печенѣги и Волохи (о коихъ Византійскіе Лѣтописцы упоминають въ
1160 году: см. Мемор. Rom. II, 901; см. также нашей *Исторіи* Т. I,
примѣч. 65) вмѣстѣ съ Россійскими выходцами.

(395) «Посла Ростиславъ изъ Кіева Юрья Несторовича и Якуна
«въ насадѣхъ на Берладники, иже бяху Олешне взяли, и постигше ихъ
«у *Дыдиша*», и проч. См. выше, примѣч. 147.

Половцы злодѣйствовали въ окрестностяхъ Носова и рѣки Альты,
плѣнили 23 Юля болѣе 800 человекъ, грабили близь Котельницы (въ
Кіевск. Губ., западнѣ Василькова) и взяли Шеломинцу, село Княгини,
супруги Мстислава Великаго. Владиміръ Андреевичъ (внукъ Мономаховъ,
а не Георгіевъ), Ярославъ Изяславичъ, братъ Мстислава Волынскаго, и
Галичане разбили ихъ между Ярополчемъ и Мунаревымъ (на западной
сторонѣ Дитпра), а Берендѣи въ *Область* (мѣстѣ неизвѣстномъ). Въ *Кіев.*
Лѣт.: «Олегъ Святославичъ (сынъ Черниговскаго) «изби Половци, и Сан-
«туза уби, Половецкою Князя».

(396) «Придоша Половци мнози къ Изяславу Дав. къ Выреви... и
«пойде къ Чернигову... и стаха возлѣ Десну по *Крылову*, оли до устья,
«са внизъ до *Гостяничъ*. У Святослава же бѣ сыновецъ его, Свят. Все-
«володичъ, и Рюрикъ Ростиславичъ бяше полязъ у Святослава Всеволо-
«дича сына его, Всеволода, увѣряя Кыяне и Берендѣи, бяху бо не вѣ-
«рующе... Бяхутся Черниговцы о Десну крѣпко, ови на конехъ, ии же
«въ насадѣхъ... Они же (Половцы) села пожгоша.. Ростиславъ же пусти
«къ нимъ (Черниговцамъ) Ярослава Изяславича и Володимера Андре-
«евича и Галичскую помочь... (и же не обрѣтоша (Изяслава), и идоша
«по немъ днище... и разошася кійждо во свояси. Изяславъ же доиде
«Игорева города, и ту постиже ѣ вѣсть изъ Чернигова отъ пріятель его...
«Святославу же столяцъ станы предъ городомъ съ Княгинею и съ дѣтми,
«бывшу же тогда дни Недѣльному, и приде Изяславъ къ Деснѣ противу
«*Свиниковичемъ*, и на зарі препроводи Половци чрезъ Десну... Половци
«сезде всемилюстиваго Спаса зажгоша... И Тудоръ Елчичъ съ Галиче-
«скою помочью взвратися... Молодыхъ же перебравъ Святославъ и отпу-
«сти съ Берендичи и съ *Кашичи* на Половци». Кашичи, единоплемен-
ники Торковъ и Берендѣевъ, принадлежали къ числу Черныхъ Клобу-
ковъ. Далѣе: «много ихъ (Половцевъ) избиша, и люди отполоиниша своя...
«Изяславъ же ѣха опять за Десну... къ Выреви. Володимеръ же (Андре-
«вичъ) просиясѣ у Святослава ѣхати по немъ: Святославъ же пусти
«его, и пойде по немъ весь самъ».

Въ *Кіев. Лѣт.*: «Пожже (Святославъ) острогъ около города (Выря);
«въ городѣ бо затворился бяше съ Княгинею Иванъ Ростиславичъ, а
«самъ Изяславъ шель бяше въ поле (степь)... И ту стоявшіе, идоша
«(Святославъ съ союзниками) къ Зарытому, и ту пожегше, взвратившася
«въ свояси». Въ другихъ лѣтописяхъ: «Ю Изяславъ же придоша По-
«ловци, и иде къ *Воробини* и *Роксусь*, и ту повоевавъ иде къ сыновцу
«своему, къ Вщижу. Тое же зимѣ иде на Смоленскую волость Изяславъ,
«и тамо много зла сѣтворивша Половци, и взяша душъ болѣи тмы, а инии

«исъкоша. Изяславъ же оттолѣ посла къ Гюргевичу къ Андрею, испроси «у него дщерь за сыновца своего... и помочи; посла къ нему (Андрей) «сына своего Изяслава съ вѣсѣмъ полкомъ своимъ, и Муромская помочи «съ нимъ».

(397) Сей древній городъ есть нынѣ село *Вицижъ*, въ Орлов. Губ., на берегу Десны, въ 40 верстахъ отъ Брянска, въ 90 верстахъ отъ Стародуба, и принадлежитъ Михайлу Николаевичу Зиновьеву, который по своей благосклонности писать ко мнѣ слѣдующее: «Въ здѣшней стокрѣнѣ есть преданіе, что село Вицижъ, пожалованное Государями Иоанномъ и Петромъ Алексѣевичами и Царевною Софією моему предку, «было городомъ особеннаго Удѣльнаго Княженія. Еще донныи въ окрестности видны слѣды земляныхъ укрѣпленій и находятся большіе гранитныя кресты, весьма не худо выдѣланные. Никто не знаетъ, когда и «къмъ сии кресты поставлены. Должно замѣтить, что въ нашихъ мѣстахъ «совсѣмъ нѣтъ гранита. На поляхъ много кургановъ; одинъ изъ нихъ въ «самомъ селѣ, и наполненъ старинными кирпичами: сказываютъ, что «тутъ была церковь. Выкапываютъ также не мало мѣдныхъ крестовъ, «иконъ, желѣзной конской збруи» и проч.

Въ *Кіев. Лѣт.*: «Пойде Святославъ къ Вицижю, и Всеволодича съ «нимъ оба, и Рюрикъ съ Киевскимъ полкомъ, и Олегъ Святославичъ, «Романъ (Ростиславичъ) изъ Смоленска, Всеславъ (Васильковичъ) изъ «Полоцка, Кснятинь Сѣрославичъ съ Галичаны, и стоаша у него 5 недѣль... и на томъ дѣлова крестъ Володимеричъ къ Святославу, яко имѣти «ему его въ отца мѣсто... Андрей же посла къ Новгородцемъ (изъ Во- «лока), река имъ: вѣдомо буди, хочю искати Новгорода и добромъ и «лихомъ; а крестъ есте были дѣловали на томъ къ мнѣ, яко имѣти мене «Княземъ собѣ, а мнѣ вамъ добра. И оттолѣ начашася Новгородци мя- «сти и вѣче часто начаша творити», и проч.

(398) Татищевъ пишетъ, что жена Святослава ушла изъ тѣмницы въ монашескомъ платьѣ.

Далѣе въ лѣтописи: «Повелѣ (Великій Князь) поимати Новгород- «цевъ и вметати ихъ въ порубъ, и въ едиму ноцѣ умре ихъ 14 чело- «вѣкъ; и повѣдаша Ростиславу, яко задохлися суть въ погребѣ, и печа- «лень бысть, и повелѣ прочыхъ розвести по городомъ». *Никонов. Лѣт.* прибавляетъ, что Новгородци ограбили пословъ Ростиславовыхъ и со- «слали въ заточеніе.—Далѣе: «Новгородци послашася къ Андрею въ Суж- «даль, просяще у него сына. Онъ же сына не даде имъ, но нача имъ «давати брата, Мстислава: они же его не восхотѣша (прежде бо того «княжилъ у нихъ) и пусти къ нимъ сыновца своего, Мстислава Рости- «славича — и введоша ѣ мѣсяца Іюня въ 21... Святославъ же уїде изъ «Ладоги и иде на Полотескъ. Рогволодъ же изъ Полоцка допровади ѣ «до Смоленска».

(399) «Посла Ростиславъ ко Святославу, глаголя: послѣ ми сына, да «познаеть люди лучшіе, Кыяны и Берендичи и Торкы... Олегъ же при- «шедъ про Олжичи, посла къ Ростиславу, река: гдѣ вы стати? и повелѣ «ему у Ольгови (могилы) стати; а самъ стоя у *Шелвоое* (нынѣ Шуляв- «шина) селца подъ боркомъ, и бысть у него по два дни на обѣдѣ. Въ «третій же день ѣдущу Олгу, и ста на полѣ, и усрѣте его передній мужъ «(знатный Бояринъ) Ростиславъ, и рече: *Княже! имамъ орудіе* (дѣло) «до тебе велико, да извѣсти ми ся, яко не лвити ти никому; и кляся «ему.... Олегъ же вину положи матерню болѣзнь» (сказавъ, будто у него мать болѣна, «и нача проситися у Ростислава.... Пришедъ Чернигову, не яви «того отцю, но гнѣвася на отца втайнѣ, и начасъ просити ко Курску.... «и се постигоша ѣ послѣ Изяслави съ любовною рѣчью... Уже бо бѣша

«и Всеволодичи (Святославъ и Ярославъ) сложилися съ Изяславомъ», и проч.—Далѣ Вельможи говорятъ Святославу: «А уже еси, Княже, и «волю твою погубилъ (т. е. землю Вятичей), держася по Ростиславу; «а онъ ти лѣниво помогаетъ». Татищевъ придумалъ здѣсь нѣкоторыя обстоятельства.

(400) «И пришедше Божницѣ» (*Давидовой*: см. выше, примѣч. 334) «Днѣпръ перендоша... и пришедъ Кыеву, и ста на болоня въ лозахъ (садахъ виноградныхъ) противу Дорогожичи... Загорожено бѣ тогда Подолье столпиемъ отъ горы и до Днѣпра».—Въ *Кiev. Лѣт.* сказано, что Половцы зажгли домъ Попа Лихача и Радиславовъ. Далѣ: «Иде (Ростиславъ) прочь со всемъ полкомъ своимъ и со Книгынею». *Никон. Лѣт.* выдумываетъ здѣсь рѣчи, сравненія и проч. Далѣ въ лѣтописи: «Опроста (Изяславъ) всехъ Кылинъ, ихъ же бѣ поималъ Ростиславъ въ краемолѣ».

(401) «А въ Выри не могу голодомъ мерети, а лучше здѣ умерети»: видно, что Изяславъ тогда уже владѣлъ Курскими городами, которыхъ прежде не могъ взять.—Далѣ: «Пойде Мстиславъ изъ Володимера къ Бѣлугороду и съ Галичскою помощю, а Рюрикъ, сынъ Ростиславъ, «изъ Торческа съ Володимеромъ Андреевичемъ» (который былъ прежде осажденъ съ Ростиславомъ въ Кіевѣ) «и съ Василькомъ Гюргевичемъ и съ Берендѣи и съ Коуи» (Каепичами? см. выше, примѣч. 396) «и съ Торкы и съ Печенѣгы, и снашася вси у Котельничи съ Мстиславомъ». Василько Юрьевичъ жилъ тогда, какъ видно, въ прежнемъ Поросскомъ Удѣлѣ своемъ; но тамъ начальствовалъ уже Рюрикъ, сынъ Великаго Князя. Ярославъ и Ярополкъ Изяславичи прѣѣхали къ дѣдѣ въ самый тотъ день, какъ онъ вышелъ изъ Кіева. *Никоноу. Лѣт.* изобрѣлъ тутъ Ляховъ, Чеховъ и множество другихъ обстоятельствъ.

Далѣ: «Изяславъ же, ни полковъ видѣвъ, побѣже. Ростиславъ же съ Ярославомъ и Ярополкомъ выйдоша изъ города и дождаша братіи «своей... Торци же постигоша возы на Желяни, и ту избиха много Подловецъ и Черниговецъ, а полки побѣгоша отъ Буличи, и ту начаша същи «я... Яша тогда Швариа и Милятича оба, Степана и Якуна, и Нажира «Перославича, Бояръ Изяславихъ, а самого Изяслава постигоша къ «озерамъ, въздаяще въ борокъ; постиже и Выйборъ Генечевичъ и съче «его по главѣ саблею, а другій боде и во стегно и вздыме и (поднявъ «его на копѣ) и ту паде съ коня». Лѣтописцы разсказываютъ, что въ то время, какъ Изяславъ пошелъ изъ Кіева къ Бѣлугороду, было удивительное небесное знаменіе: «идяше бо луна измѣняючи образъ свой; «бысть яко сукно черно, и паки яко кроваво; и потомъ бысть яко двѣ «лица имуще, едино зелено, а другое желто, и посреди ея яко два ратна «сѣкучаща мечама, и единому идяше яко кровь изъ головы, а другаго «бѣло аки млеко течаше. Рекоша же старіи людіе: *не благо есть се знаменіе; прообразуетъ Княжею смерть*». *Никон. Лѣт.*, говори о ранахъ Изяславовыхъ, выдумалъ *самострѣль* и проч. Въ *Патерикѣ*, въ житіи Святосхи, л. 181: «нѣкогда же согрѣшивъ (Изяславъ), не дерзну взати ея («власяницу) на себе, и тогда убіенъ бысть на брани». Въ лѣтописи: «Повелѣша нести тѣло его въ монастырь къ Семіону, иже есть въ Копыревѣ концѣ (въ Кіевѣ), и оттолѣ послаша и къ Чернигову. Святославъ же, спратавъ тѣло его (13 Марта) со слезами во отчинѣ его, въ «церкви Бориса и Глѣба... Въ то же лѣто преставися Князь Иванъ Ростиславичъ, рекомый Берладникъ, въ Селуни: иши тако молваху, яко «отъ отравы бысть ему смерть».

(402) Въ *Кiev. Лѣт.* сказано, что Новгородцы выгнали Мстислава; но *Лѣт. Новгород.* говоритъ: «Урядися Ростиславъ съ Андреемъ о Нов-

«городъ, и выведоста Мѣстислава, Юрьева внука, сѣдвшу ему годъ до «года безъ недѣли; а Святослава введоша опять на всей воли его «Сент. 28».

(403) Въ *Кіев. Лѣт.*: «много рѣчей воста межѣ има». Татищевъ несправедливо пишетъ, что сынъ Ростислава, Давидъ, безъ его вѣдома взявъ Торческаго Мѣстиславова Намѣстника подъ стражу, былъ причиною сей вражды. Въ лѣтописяхъ: «Иде Мѣстиславъ изъ Кіева, разгнѣвашеся «на стрѣя... Давидъ же безъ отечна повелѣнья иде въ Торьдскый» — слѣдственно уже послѣ раздора. Далѣе: «Ростиславъ посла сына своего, «Мѣстислава, въ Бѣлгородъ». Великій Князь поссорился съ Мѣстиславомъ въ 1161 году, а примирился въ 1163, и вмѣсто Триполя (см. ниже) отдалъ ему Каневъ.

(404) «Того же лѣта (1162) Рюрикъ и Святополкъ Гюргевичъ Туров-«скій» (сынъ Юрія, правнукъ Святополка-Михаила) «и Святославъ Все-«володичъ съ братомъ Ярославомъ и съ Кривскими Князи идоша къ «Слудцк на Володимера на Мѣстиславича, Володимеръ Слудца ступи «имъ, а самъ иде къ Кіеву къ брату Ростиславу. Ростиславъ же дастъ «ему Треполь и ныи 4 города».

Въ *Кіев. Лѣт.*: «тое же зимы (въ 1160 или 1161 году) ходи Мѣстп-«славъ Изяславичъ и Ярославъ, братъ его, и Ярополкъ, Андресвичъ Во-«лодимеръ и братъ его Ярополкъ къ Турову на Гюрга на Ярославича, «и стояша полтретѣи недѣли, и не успѣвши ничто же възвратисашъ». Ростиславъ заключилъ миръ съ Юриемъ въ 1162 году.

Великій Князь отдалъ Роману Васильевъ и Красный въ 1165 году. Сей Романъ, правнукъ Мономаховъ, былъ, какъ вѣроятно, сынъ Вячесла-«вой дочери (см. выше, примѣч. 365).—Въ лѣтописи: «того же лѣта (1163) «Ляхове повоеваша около Чръвна».

(405) См. *Библіот. Росс.*, стр. 255.—Въ *Степен. I*, 284, и во мно-«гихъ лѣтописяхъ: «аще и многу добродѣтель стяжа (Андрей) къ Богу, по «обаче побѣждашеся властолюбиемъ, единоподержатель быти желаше всему отеческому наслѣдію». *Никонов. Лѣт.* сказываетъ намъ, что Андреевы домашніе поссорили братьевъ.—Андрей выгналъ братьевъ въ 1162 году.

Вѣроятно, что вторая Георгіева супруга была *Гречанка*, ибо она уѣхала въ Царьградъ; но Историки наши безъ всякаго основанія имену-«ютъ ее Греческою Царевною Еленою. Родословная Византійскаго Импе-«раторскаго Дому не представляетъ намъ ни одной Царевны Елены, на «которой могъ бы жениться Георгій (см. Дю-Канжа *Гамил. August. Byzant.*). Книгиня же Елена, умершая въ Владимірѣ въ 1183 году, была не супруга, а дочь Георгія Долгорукаго, сестра Андреева, вопреки *Никон. Лѣтописи* (см. ниже).

Въ лѣтописи: «дасть Царь Васильюви Дунайскіе 4 города, а Мѣстп-«славу дасть волость отъ Аскалана». Въ Византійскихъ лѣтописяхъ названъ первый *Василикою*, *Георгіевымъ сыномъ* (см. *Memor. rom. II*, 1021, гдѣ упомянутъ еще другой Князь Россійскій *Bladisthlabos*, имѣвшій въ Греціи послѣ Василька тотъ же Удѣль). Мѣстиславъ, по харатей-«нымъ лѣтописямъ, въ 1166 году удалился въ Заволочье. Императоръ Греческій не могъ сему Князю дать Аскалонской области, ибо она принадлежала тогда Королямъ Іерусалимскимъ.

(406) *Кіев. Лѣт.* сказываетъ, что Святославъ преставился въ 6672 году, *Февр. 15* въ Понедѣльникъ (т. е. уже въ 1165 году), а погребенъ 17. Далѣе: «Рекоша дружина Ольгови: Княже! не стрѣлай (не мѣди); вѣди вборзѣ. «Всеволодичъ бо не добръ жилъ съ отцемъ твоимъ и съ тобою; ади что «замыслилъ лихое. Олегъ же не заста отца живого: таisha бо смерть его «за 3 дни до Олгова прїѣзду. Се жь створи Книгиня сгадавши съ Епи-

«скопомъ и съ мужи передними, и пѣловаша Св. Спаса на томъ, яко же «не послатися къ Всеволодичю... И рече Гургій Тысяцькый: намъ было «не лѣпо дати Епископу пѣловати Св. Спаса... И рече Епископъ: паче «же, сынове, вамъ молвлю, да не будете предатели яко Гуда. Се же мол- «вляше, лествъ тая въ собѣ: блше бо родомъ Гречинь... и списавъ гра- «моту, посла къ Всеволодичю... И посла Олегъ съ крестомъ Ивана Ра- «диславича къ Святославу... Рекль (Святославъ) крестъ пѣдуя: брата ти «надѣлю Игоря и Всеволода... и не управи». Далѣе: «Преставися (въ «1166, а не въ 1167 году) Святославъ Володимеричъ, внукъ Давыдовъ, «въ Вишижѣ. Въ то же лѣто (1166) взя рать Свят. Всеволодичъ съ Олгомъ «про Володимерича. Олегъ бо просияше въ правду надѣленія. Святославъ «же не пода ему, но вда брату своему лѣпшую волость, а сына посади «въ Вишижи. Ростиславъ же усмотрѣвъ правду, иже обидитъ Святославъ «Олга, нача помогати Олгови; много же посылалъ къ Святославу, добра имъ «хотѣ. Святославъ же не послушалъ. Олегъ же поѣха къ Стародубу. Ста- «родубци бо прислаху ся ко Олгови, и упреди помочъ Ярославля въ го- «родъ, и горожаномъ не лѣзъ бы мысли своєю створити. Олегъ же воро- «тятся опять съ гнѣвомъ, и много взя полонъ. Святославъ же посла брата «Ярослава съ Половци къ Новугороду, и дошедше Молочны рѣки, и вѣро- «тншася вдалѣе 15 верстъ отъ града. Олегъ же бѣ въ то время нездра- «вѣя вельми, яко не мощи ему на кошъ вѣсти. Ростиславъ же нача слати «къ Олгови, вели ему умиритися: онъ же послушалъ его», и проч.

Первая супруга Олега, дочь Георгія Долгорукаго, умерла въ 1165 году. Олегъ въ томъ же году, Юня 29, женился на дочери Ростислава, Агаѣи.

(407) «Того лѣта (1159) яша Глѣбовичи Володшу и Брячислава во «Изяславли, и всадиша Володшу въ прорубь, а Брячислава окована дер- «жаху... Въ то же лѣто ходи Рогволодь съ Полочаны на Ростислава Глѣ- «бовича къ Мѣску: послалъ же блше Ростиславъ изъ Кыева помочъ Рог- «володу съ Жирославомъ съ Накировичемъ Торкъ соо, а ты померше «голодомъ и придоша пѣши, и не дождала мира», и проч. Далѣе: Въ «то же лѣто (1160) ходи Рогволодь къ Мѣску на Ростислава Глѣб., и «створиша миръ... Того же лѣта (1161) приходи Рогволодь на Володаря «съ Полочаны къ Городцу. Володаръ же на ноцъ выступи нанъ изъ го- «рода съ Литвою... овыхъ избиша, а иныхъ изымаша... Рогволодь же «вбѣжа въ Случескъ, и ту бывъ 3 дни, иде къ Друтеску, а къ Полотску «не смѣя ити, залю же бѣ много погнбе Полочанъ». Далѣе: «Полочане «же посадиша у собѣ Васильковича Всеслава». Васильковичи были пра- «виуками Всеслава Полоцкаго, а Рогволодь Борисовичъ его внукомъ. — «Давидъ Ростиславичъ господствовалъ въ Витебскѣ съ 1165 года.— Далѣе: «Пойде Володаръ къ Полтеску ратию (въ 1166 г.); Васильковичъ же Все- «славъ иде противу; и не да имъ (Полочанамъ) свокупитися, по удари «(Володаръ) изъ незапы (засады)... Всеславъ же бѣжа Витебску... Пойде «Володаръ на Давыда и Всеслава... и пачашася бити обѣ рѣку... Да- «вудъ же не да ему плку (битвы), запеше ждася брата Романа съ Смол- «няны... въ полунощи бысть громъ, и се слынишася имъ (дружинѣ Во- «лодаревой), яко выбродитася чрезъ рѣку, и рекоша Володарени: се Ро- «манъ бродитася, а отсюду Давидъ; и побѣже Володаръ... и пусти по «нихъ (Давыдъ)... По лѣсу блудящихъ много изымаша, и посла Все- «слава Полтеску».

(408) Съ Андреемъ былъ его братъ Ярославъ и сынъ Изяславъ.

Въ *Прологъ* и въ *Степи*. Книгъ сказано, что праздникомъ Спаса, Авг. 1, уставленъ Патріархомъ Лукою, Россійскимъ Митрополитомъ Кон- стаптиномъ и Ростовскимъ Епископомъ Несторомъ по случаю одержан-

ныхъ побѣдъ въ одинъ день Императоромъ Мануиломъ надъ Сарацинами, а нашимъ Княземъ Андреемъ надъ Болгарами. Андрей разбилъ Болгаровъ въ 1164 году, а Митрополитъ Константиинъ скончался въ 1159.

Въ лѣтописи: «Князь же Болгарскій утече до Великого города.... «Взяша (Россіане) градъ ихъ славный Брахимовъ». Татищевъ полагалъ Брахимовъ на Сурѣ.

(409) См. *Болги. Черт.* стр. 273. *Вороная*, какъ тамъ означено, впадаетъ въ Ладожское озеро между рѣками Пашею и Сасемъ: нынѣ Сальма.—Новгородцы разбили Шведовъ въ 1164 году, Мая 28.

Шведскій Король Эрикъ завоевалъ Финляндію въ 1157 году и старался неволюю обратить жителей въ Христіанскую Вѣру (см. Далин. *Gesch. des R. Schwed.* II, 84).

(410) Въ 1162 году Половцы, грабя въ окрестностяхъ Триполя, убили Выйбора, который разсѣкъ голову Изяславу Давидовичу (см. выше, примѣч. 401). Черные Клобуки разбили ихъ на берегахъ Роси и плѣнили болѣе 500 человекъ, въ томъ числѣ Килжичей Ихва, Затмазовичей и другихъ. Тамъ же въ 1165 году поразилъ хищниковъ Василько, сынъ Ярополка Изяславича; дружина его обогатилась оружіемъ и конями; самъ Князь за освобожденіе плѣнниковъ взял много денегъ или вещей. Въ 1166 году Половцы около Дѣлѣпровскихъ пороговъ тревожили *Гречиковъ*, т. е. купцевъ ѣздившихъ Дѣлѣпромъ изъ Греціи и въ Грецію: Великій Князь послалъ туда Воеводу Володислава (въ иныхъ спискахъ: Володислава Ляха), который проводилъ до Кіева суда, шедшія изъ Константинополя или Херсона (*возведоша Грѣчики*, т. е. вверхъ по Дѣлѣпру). — Въ томъ же году Сѣверскій Князь побѣдилъ Хана Кобяка; а Воевода Шваритъ, плѣбленный варварами за Черяславлемъ, откупился отъ нихъ деньгами; дружина его легла на мѣстѣ. *Никонов. Лѣт.* выдумалъ двухъ Русскихъ богатырей, будто бы тутъ же убитыхъ. Тогда же Олегъ Святославичъ и Ярославъ Всеволодовичъ ходили на Половцевъ: «взя Олегъ «вежи Козинны, и жену и дѣти, и злато и сребро; а Ярославъ Беглю-«ковы вежи».

Князья Рос. стояли у Канева «дондеже *взыде* Грѣчникъ и Залоз-«никъ»—т. е. пока купцы изъ Царяграда и *Залозинскіе* пришли благополучно въ Россію, *оверхъ по Дѣлѣпру*. Залозами называлось мѣсто на пути въ Грецію (см. *Воскресенск. Лѣт.* II, 76).

Къ Каневу приходили тогда Мстиславъ изъ Владиміра, братъ его Ярославъ изъ Луцка, а другой братъ Ярополкъ изъ Бужска; также Владиміръ Мстиславичъ, Владиміръ Андреевичъ (тотъ и другой внуки Мономаховъ), Ярославъ Всеволодовичъ (братъ Черниговскаго Князѣ), Глѣбъ Юрьевичъ (Черяславскій, сынъ Долгорукаго), Глѣбъ Городненскій (Всеволодовичъ, внукъ Мономаховъ) и Иванъ Юрьевичъ (сынъ Юрія Туровскаго, внука Святополкова), Рюрикъ, сынъ Великаго Князѣ, съ братомъ Давидомъ и Галичане.—Сіе собраніе Князей было по *Воскресен. Лѣт.* въ 1167 году, а по *Кіев.* даже въ 1168; по Ростиславъ, по харатейнымъ и *Новгород. Лѣт.*, умеръ въ началѣ 1167 года (см. ниже, примѣч. 417).

(411) «Зва Олегъ Ростислава на обѣдъ, и бысть радость велика межѣ сима, и вда Олегъ многы дары Ростиславу; такоже и дщи его дари его. «Наутрѣ же Ростиславъ зва къ собѣ зятѣ и дщерь, и большими дары «учреди всѣхъ, и иде Смоленску, и начаша ѣ срътати Смоленяне, лутшіи «люди, за 300 поприщъ» (въ *Кіев.* верстѣ) «и за тѣмъ его внуци, сынъ «Романъ и Епископъ Мануиль... и оттуду иде въ Торопечь», и проч.

Въ *Новгород. Лѣт.*: «въ лѣто 6674 на зиму приде Ростиславъ изъ «Кіева на Луки, и позва Новгородьцы на порядъ: Огнищане» (нарочи-«тыхъ или Житыхъ людей) «Гридь (Гридней), купце вячьшее» (лучшихъ).

Въ другихъ лѣтописяхъ: «не добръ живяху Новгородци съ сыномъ его Святославомъ».

Ростиславъ скончался въ Зарубинѣ, селѣ Рогнѣдиномъ. Татищевъ называетъ Рогнѣду Книгинию Полоцкою. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Молвяше (Ростиславъ) Симеонови Попови, отцу своему духовному: тебѣ въздати «слово о томъ къ Богу, занеже взборони (взобранил) мя отъ постриженія... И начаша молвити Иванкови Фроловичю, *Покладнику* (Постельничему) своему, и Борисови Захаревичю: звовета ми Симеона Попа, «ать створитъ молитву». и проч. Тѣло Ростислава *Михаила* (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 12) погребено въ Кіевскомъ монастырѣ Св. Ѳеодора, Марта 21.

(412) См. *Кіев. и Воскресен. Лѣт.* II, 70, 71, и ниже, примѣч. о Подикарпѣ.

(413) *Метог. popul.* II, 1019—1023. Прай сомнѣвается, чтобы Стефанъ былъ женатъ на дочери Галицкаго Князя (*Annal. Reg. Hung.* кн. III, стр. 157); но Греческій Лѣтописецъ называетъ Стефана Ярославовымъ зятемъ. Андроникъ, по нашимъ лѣтописямъ, пріѣхалъ къ Ярославу Галицкому въ 1165 году, и въ томъ же году возвратился въ Царьградъ: см. *Воскресен. II*, 67. Греческій Историкъ пишетъ, что Андроникъ билъ *зубровъ*, *звѣрей*, которыхъ много въ Россіи, и которые величюною болѣе медвѣди и леопарда. *Зубремъ* назывался у Славянъ дикій быкъ, буйволъ: см. *Второзакон.* 14, 5.—Андроникъ замученъ въ 1182 году. Византійскіе Лѣтописцы говорятъ, что онъ надѣялся на Россіянь болѣе, нежели на Грековъ, и думая на Царской галерѣ уѣхать въ Россію, надѣлъ *варварскую* шапку съ острымъ верхомъ.

(414) Въ *Кіев. Лѣт.*: «пріиде Митрополитъ Ѳеодоръ изъ Царяграда «мѣсяца Августа (въ 1160): бѣше бо посылалъ понь Князь Ростиславъ... «тогда же (въ 1163), бѣвъ 10 мѣсяць» (2 года и 10 мѣсяцевъ) «въ Митрополія... Пріиде (въ 1164) Митрополитъ Иванъ въ Русь, и не хотѣ его «Ростиславъ пріяти, зане же отрядилъ бѣше Гургия Тусемковича къ Царевни, хотя оправити Клима въ Митрополью, и възвратися опять Гургия изъ Олешья съ Митрополитомъ и съ Царевымъ посломъ, и присла «Царь дары многы Ростиславу, оксамиты и паволоки и вся узорочья «разноличнаа. Посоль же Царевъ молвяше Ростиславу: молвити ти Царь, «аже примѣши съ любовію благословеніе отъ Св. Софія»... Татищевъ пишетъ: «Вел. Князь отвѣтствовалъ: ежели Патріархъ безъ вѣдома нашего «впредъ поставитъ въ Русь Митрополита, не токмо не приму его, но и «законъ сдѣлаемъ вѣчный, избирать . ставить Митрополитовъ Епископамъ Русскимъ съ повелѣніи Великаго Князя». Въ моихъ экземплярахъ *Кіев. Лѣтописи* здѣсь пропускъ.—См. рукописный *Каталогъ Епископовъ. Въ Новгородск. Лѣт.*: «ходи Игуменъ Діонисій (въ 1165 г.) съ любовію «въ Русь, и повелѣно бысть Владыцѣ *Архіепископство* Митрополитомъ». Для того сей Лѣтописецъ называетъ и всѣхъ предшественниковъ Иоанновыхъ *Архіепископами*; но мертвыхъ не производятъ въ чины. *Никоновск. Лѣт.* прибавляетъ, что самъ Епископъ Новгородскій ѣздилъ тогда къ Митрополиту, который далъ ему ризы, стихарь, источники, и получилъ въ даръ множество золота, жемчугу и проч.; а Татищевъ пишетъ, что сей новый Архіепископъ желалъ подчинить себѣ Епархію Смоленскую и Полоцкую, но что Великій Князь на то не согласился.—Епископъ Ілія, или Іоаннъ, былъ поставленъ Марта 28, 1165 году, въ Вербное Воскресенье.

Іоаннъ, такимъ образомъ первый Архіепископъ Новгородскій, включенъ нашей Церковію въ ликъ Святыхъ. Онъ былъ прежде Священникомъ въ Новгородѣ у Св. Власія, на Волосовой или на Велесовой улицѣ.

и назывался до монашества Илиєю. Чудеса его описаны въ Прологѣ, Септ. 7. Тамъ сказано, что Новгородцы, повѣривъ клеветѣ на дѣломудріе Іоанна, вывели сего мужа добродѣтельнаго изъ дому Архіерейскаго и пустили на плоту внизъ по Волхову; но что плотъ, къ изумленію гражданъ, уже исполненныхъ раскаянія, пошелъ вверхъ, и Святитель возвратился съ честью въ Новгородъ, приставъ къ берегу у Монастыря Юрьевскаго. Другой сочинитель Іоаннова житія (см. Архив. *Ростовск. Лѣт.* л. 160) несправедливо говорить, что сей Угодникъ, будучи еще простымъ Монахомъ, создалъ монастырь и каменную церковь Благовѣщенія: Іоаннъ былъ тогда уже Святителемъ (см. *Новгородск. Лѣт.*, стр. 39). Тотъ же сочинитель рассказываетъ о чудесномъ богато убранномъ конѣ, будто бы безъ всадника привезшемъ Іоанну и брату его, Гаврилу, два мѣшка съ золотомъ и серебромъ для совершенія церкви. — Сей Новгородскій Святитель, вмѣстѣ съ Бѣлогородскимъ, написалъ уставъ о причащеніи: любопытные могутъ найтти его въ рукописныхъ Кормчихъ книгахъ; онъ состоитъ въ двадцати или тридцати строкахъ.

(415) См. *Каталогъ Епископовъ*. Сіе посланіе Іоанново напечатано въ Герберштейновыхъ *Regum Moscov. Comment.* стр. 22. Имѣемъ его также рукописное на Греческомъ и Славянскомъ языкѣ, въ Синодальной библіотекѣ между Греческими манускриптами по Маттееву раздѣленію No CCCIII, а Славянское или Русское No 164, въ книгѣ названной *Посланіемъ Россійскихъ Митрополитовъ*. Объ рукописи XV вѣка: въ заглавіи той и другой названъ Папа *Климентомъ*; но онъ былъ Папою уже гораздо послѣ Іоанна Митрополита, который преставился въ 1166 году. Въ образецъ слога выписываю заключеніе Русскаго письма: «Аще хощещи къ нашему Св. Патриарху Константннпограду и тамо сущимъ Св. Митрополитомъ, иже слово живоотно имуще яко свѣтила въ мѣрѣ сіяютъ «и възможени суть Божіею благодатію, таковыхъ възискати съ тобою «исправити; потомъ же аще угодно ти будетъ, прочее напишени и хужѣшему паче всѣхъ. Цѣлую ти азъ Іоанъ, худый Митрополитъ Русскый, «и всѣхъ яже подъ тобою, Клирики же и люди. Цѣлуютъ же васъ иже съ нами святинъ боголюбивинъ Епископи и Игумени, и иже съ нами благочестивинъ церковнинъ люди. Благодать Св. Духа да будетъ съ тобою и съ «всѣми твоими. Аминь».

Авторъ книги *Прашны* увѣряетъ насъ, что въ княженіе Ростислава, въ 1157 году, былъ въ Кіевѣ церковный Соборъ, осудившій Еретика Мартина Армянина, который называть себя сродникомъ Царградскаго Патриарха Луки, училъ постыгся въ каждую Субботу (кромѣ Великой), изображать крестъ двумя перстами, служить на семи просфорахъ и на одномъ винѣ, говорить дважды *Аллилуя*, въ церкви обращаться лицомъ на Западъ, креститься съ лѣваго плеча, и проч. Въ сей книгѣ напечатано и дѣяніе сего важнаго Собора, найденное (какъ говоритъ Авторъ) въ Кіевскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, писанное на хартии, скрѣпленное рукою Митрополита Константина и отданное на сохраненіе въ Синодальную Типографскую библіотеку. Мы должны замѣтить, что ни въ лѣтописяхъ, ни въ *Степен. Книгѣ*, ни въ *Стоглазѣ* о томъ не упоминается; что слогъ сего дѣянія кажется не весьма древнимъ (на примѣръ: «Господинъ Мартинъ! повѣдай намъ, гдѣ твое рожденіе и воспитаніе... «Той же отвѣщавъ: пришелъ до здѣ видѣти Россію вашу»); и что въ 1157 году княжилъ не Ростиславъ, а Изяславъ въ Кіевѣ. Подлинникъ дѣйствительно хранится въ Синодальной библіотекѣ, подъ No 518, но запечатанъ.

Маловажныя проишествія княженія Ростиславова, о коихъ не упоминаемъ въ Исторіи, суть слѣдующія: «Въ 1160 году, Авг. 20 (по

Астрономич. таблицамъ 18) затмѣніе луны. Нѣжата сдѣланъ Посадникомъ въ Новѣгородѣ (по *Никоновск.* Мстиславъ Изяславичъ украсилъ церковь въ Владимірѣ Воынскомъ златыми сосудами съ бисеромъ, драгоценными иконами, книгами и проч.). Въ 1161 скончался Рязанскій Князь Владиміръ Святославичъ, внукъ Ярославовъ. Новгородцы смѣнили Посадника Нѣжату и выбрали Захарію. Въ *Лѣт. Новгород.*: «стоя все лѣто ведромъ (сухо), и пригорѣ все жито, а на осень уби всю ярь морозъ. Ста вся зима тепломъ и дждемъ и громъ бысть, и купляхомъ кадку малую по «7 кунъ» (а въ *Никоновск.* по рублю и по сороку алтыи, которыхъ тогда и въ счетѣ не было). «О велика бяше жуа!.. Преставися (въ 1162 году) «Игуменъ Олькса (Алексій) Св. Богородицы, и поставиша Мануила; а «у Св. Духа Шествія поставиша Игуменомъ Саву». Въ 1163 Вел. Князь женилъ сына своего, Рюрика, на дочери Хана Половецкаго, Белгука. Скончался Епископъ Новгородскій Аркадій Сент. 19, и погребенъ въ притворѣ Св. Софін. — Въ 1164 отъ сильныхъ дождей разлился Днѣстръ въ Галичѣ: «пойде вода въ болонье, и взиде имъ до Бокова болота и «потопи человекъ болѣ 300, иже бяху вошли съ солюю изъ *Удечева*, и «многы человекы снимаху со дровъ, и кола (колеса или телеги), иже бѣ «вода возметая. Много же и иныхъ потопе; и бысть у нихъ на ту зиму «житная дороговъ *рамяна*» (велика).—Въ 1165 скончался Князь Изяславъ, сынъ Андрея Боголюбскаго, и погребенъ у церкви Св. Богородицы въ Владимірѣ на Клязмѣ Окт. 28. Въ Новѣгородѣ построена церковь Святыя Троицы (въ другомъ спискѣ *Царицы Шестиимныи*, а другая Княземъ Святославомъ на Городищѣ во имя Св. Николая. Зима была отмѣнно холодна (по *Никоновск.* всѣ Князья соединились и разбили Половцевъ, но возвратились съ малымъ числомъ воиновъ).—Въ 1166 Ярополкъ Изяславичъ женился на дочери Святослава Ольговича; преставилася супруга сего Святослава, именемъ Марія, и братъ Андрея Боголюбскаго, Ярославъ Юрьевичъ, погребенный у церкви Св. Богородицы Апрѣля 12. Въ Новѣгородѣ заложена церковь Спаса на вратахъ Георгіева монастыря. Родился Олегу Святославичу сынъ Борисъ или Святославъ. Сынъ Галицкаго Князя, Владиміръ, женился на дочери Святослава Всеволодовича, Болеславѣ, а Всеволодъ, сынъ Ярослава Изяславича, на Малфридѣ, дочери Юрія Ярославича Туровскаго, внука Святополкова (см. *Кіев. Лѣт.*).— Умерла дочь Андреева, бывшая за Олегомъ, сыномъ Святослава Всеволодовича (см. *Кіев. Лѣт.*).—Татищевъ прибавляетъ, что Андрей Боголюбскій въ 1159 году построилъ Волокъ Ламскій; по сей городъ существовалъ уже въ 1135 году (см. *Воскресен. Лѣт.* I, 271). Сей же Историкъ сказываетъ намъ, что В. К. Ростиславъ былъ средняго росту, имѣлъ лице широкое, бороду круглую; всегда ходилъ въ церковь, читлъ Епископовъ, награждалъ Священниковъ, вдовицъ, сиротъ; но мало занимался воинскими и судными дѣлами: по чему Тіуны грабили народъ.

(416) Въ Кіевѣ были тогда два Ростиславича, Рюрикъ и Давидъ. Въ лѣтописи: «Мстиславъ же посла Володислава Вростиславича предъ «собою къ Василькови къ Ярополчию» (сыну его брата)... «Начаша по- «вѣдати Василькови и Володиславу Вратиславичю... Володимерь» (хочетъ взять) «Торцьскый со всѣмъ Поросьемъ, Андреевичъ Берестій, Ярославъ «Володимерь».

(417) Мстиславъ взялъ у Ярослава 5 Галицкихъ полковъ. Съ нимъ находился также Князь Мстиславъ Всеволодовичъ (о Всеволодѣ см. выше, примѣч. 250). «Посла къ Всеволодовичема»: то есть, ко двумъ, Мстиславу и Гатьбу; брата ихъ, Бориса, уже не было въ живыхъ.—Союзники встрѣтили Мстислава близъ *Микулска* (въ Галиціи). Тутъ же пришли къ Вел. Князю и Черные Клобуки, дать ему клятву вѣрности. Да-

лѣ: «Пусти (Мстиславъ) брата, Ярополка, съ Берендичи предъ собою... «Володимерь Мстиславичъ поиде изъ Треполя Вышегороду съ женою и съ дѣтми и съ матерію. Ярополкъ же настиже его на Желани у *Доб-краю дуба*, и не даша Берендичи стрѣлятися съ ними: бѣ бо лѣстяче» (т. е. они притворялись вѣрными, и не хотѣли драться). «И тако ѣхаша по нихъ (за Владиміромъ) до Всеволожа Монастыря (на Выдыбичахъ); «и ту Ярополкъ воротится въ городъ (Кіевъ). Мстиславъ же завтра по немъ иде къ Києву, изрядивъ полкъ своя Василевскимъ путемъ къ «Олговѣ (могилѣ), и ту выидоша Кыяне вси, и вземъ рядъ съ братією «и Кыяне, и поиде Вышегороду; а Берендичъ изгономъ пусти, и на болоньи отъ Днѣпра жгоша дворъ Тысяцкого Давыда Радильовъ, а иныхъ «дворовъ 7 сгорѣ. Мстиславъ же пришедъ ста по горѣ отъ броду, а «пѣшци» (или Печенѣги, какъ въ *Кіев. Лѣт.*) «постави по валови. Берендичи же убиша Володимерь мужъ, убиша и ти лучшихъ отъ Берендича. «День же бѣ тогда Пятокъ. Въ Суботу же начаша битися... Начаша же «слати межи собою рядяшесь о волостехъ. Рюрикъ и Володимерь со «Мстиславомъ урядившися, цѣловаша крестъ».

Послѣ сказано, что Владиміръ отправился въ Котельницу: слѣдственно ему дали тогда сей городокъ.—Въ *Воскресен.* и *Кіев. Лѣт.* означено, что Мстиславъ вѣхалъ въ Кіевъ въ 1169, Мая 19, въ Понедѣльникъ: такъ и было въ семь году; но въ той же *Кіев. Лѣт.* сказано, что въ слѣдующій годъ, т. е. въ 1170, Мстиславъ выступилъ изъ Кіева Марта 2, въ *Субботу*, а Ярополкъ Изяславичъ умеръ 7 Марта, въ *Четвертокъ* на *Средокрестной* недѣлѣ: сіе же число приходилось такъ не въ 1170, а въ 1168 году: слѣдственно Мстиславъ вѣхалъ въ Кіевъ въ 1167 году, и если въ Понедѣльникъ, то не 19, а 15 Мая. Въ харатейныхъ лѣтописяхъ и въ древней Новгородской точно стоитъ годъ 1167. Мстиславъ въ 1168 году прислалъ уже сына своего изъ Кіева въ Новгородъ (*Новгород. Лѣт.*, стр. 37).—Далѣе: «бѣ ту (у Владиміра) мужъ «Давида Ростиславича, Василъ Настасичъ, и повѣда Князю. Давыдъ же «яви брату Мстиславу... и приде (Владиміръ) оправливатися; а Мсти- «славъ иде въ Печерскій монастырь: Володимерь же по немъ. Мсти- «славъ же велѣ ему ити во Икономлю келью, а самъ иде къ Игумену. «И посла Мстиславъ ко Владиміру, река: азъ не посылаю по тя... И «присла Володимерь Діачка и Мормыжа (см. *Кіев. Лѣт.*), и рече: слы- «шахъ, брате, яко молвили ти нѣчто на мя зли челоуѣци... И посла Мсти- «славъ къ Давыду Вышегороду; Давыдъ же присла Василя, приставивъ «къ нему Радла Тысяцкого и Василя Волковича. А Мстиславъ же по «трехъ днехъ иде въ Печерскій монастырь, и придоша ту Давыдовъ «мужъ, а Володимерь своихъ присла Рагуїла и Михаила, и начаша «прѣтися. И приде послухъ по Василѣ, Давыдъ Зорыничъ. Мстиславъ «же положе то на Бозѣ» (предалъ на судъ Божій) «и рече Володимеру: «цѣловалъ еси, брате, крестъ ко мнѣ, и еще ти уста не осохли», и проч. Далѣе: «Начашась слати къ нему (Владиміру) Чагровичи, Чекманъ и «братъ его Тошманъ и Маначюкъ. Володимерь же радъ былъ думѣ ихъ «и посла къ Рагуїду Добрыничю, Михалю и Завиду являя имъ думу «свою» (то есть, измѣну). Татищевъ вымышляетъ ихъ рѣчь.—Далѣе: «Сняся (Владиміръ) съ Берендичи ниже Ростовпа... Рѣша ему (Берен- «дѣи): ты намъ тако молвяше, братья вси съ мною суть; а кое есть Во- «лодимерь Андреевичъ и Ярославъ (Изяславичъ) и Давыдъ? Но се ѣздиши «едянъ и безъ мужій своихъ, а насъ прельстивъ; ни намъ лучше въ «счюжую голову, нежели въ свою... И начаша стрѣляти... Онъ же рече: «не дай Богъ поганому вѣры яти; а я уже погинулъ душею и жизнью... «И ту избивша Дѣтские около его... А онъ бѣже къ Дорогобужу; ту бо бѣ

«и жена его бѣжала предъ нимъ. Андреевичъ же (Владиміръ) перешѣта (разобралъ) моста на Горыни и не пусти его. Онъ же воротися на Радимичи» (черезъ Сожскую область Радимичей) «ко Андрееви». Въ характеристичныхъ сказано, что Владиміръ бѣжалъ къ Половцамъ: можетъ быть послѣ. Онъ оставилъ жену свою въ Глуховѣ у жены Всеволодовой, невѣстки Святослава Всеволодовича Черниговскаго. Андрей велѣлъ сказать Владиміру (по *Кіев. Лѣт.*): «иди въ Рязань къ *отчичю* своему Глѣбови». Татищевъ написалъ, вмѣсто *отчича*, *отчимъ*; но какъ Владимірова мать не была супругою Глѣба (Ростиславича), то сей Историкъ думалъ, что Глѣбъ могъ быть отчимомъ Владиміровой жены: мы знаемъ одну его жену, дочь Бана Венгерскаго. *Отчимемъ* именовався въ старину наследникъ отцевскаго достоянія: Андрей хотѣлъ сказать, что Глѣбъ наследовалъ дружбу отца своего къ Дому Мстислава Великаго.

Мстиславъ говорить Владиміровой матери: «иди въ Городокъ (Остеръ); «а оттуда, камо тебѣ годно». Она уѣхала въ Черниговъ.

(418) Романъ и братья его Мстиславъ Ростиславичъ.—Новгородцы убили тогда Захарію Посадника, Неревина и Несдубирича, друзей Святославовыхъ. Далѣе: «Надѣшоа собѣ путь на Вяцка и на Володаря»: то есть, проѣхали чрезъ область сихъ двухъ Князей Кривскихъ. Вячко есть сокращенное имя. Далѣе: «иде Даньславъ Лазутиничъ съ дружиною «Кіеву». Мстиславовъ сынъ, Романъ, пріѣхалъ Апрѣля 14 въ Новгородъ, который былъ безъ Князя отъ 1 Сентября до Пасхи.—Здѣсь въ первый разъ упоминается о городѣ Русѣ, отъ коего отступилъ Святославъ.—О смерти сего Князя въ 1169 или 1170 году сказано въ *Кіев. Лѣт.*: «преставися на Волоцѣ, воюя Новгородскую волость... тѣло его «везоша къ Смоленску и положиша у Св. Богородицы въ Епископыи... «бѣаше храборъ... монастыри набѣда... и Попы... не збираше злата, но «даяше дружинѣ». Татищ. пишетъ, что Святославъ зналъ Греческій языкъ!

(419) «А уже у насъ и Греческій путь изотымають, и *Солоны*, и «*Залозы*»: мѣста по Днѣпру на Югъ отъ Кіева.

Съ Черниговскимъ и Сѣверскимъ были въ Кіевѣ и братья ихъ: съ первымъ Ярославъ Всеволодовичъ, а со вторымъ Всеволодъ Святославичъ. О послѣднихъ сказано въ *Кіев. Лѣт.*: «бяху бо тогда Олговичи (т. е. внуки Олега) въ Мстислави «воли». Давидъ за болѣзнію не могъ итти, но отправилъ свой полкъ съ братомъ Рюрикомъ.—Мстиславъ Всеволодовичъ (см. выше, примѣч. 417) пришелъ изъ Городна, Ярославъ Изяславичъ изъ Лудка, Святополкъ Юрьевичъ, правнукъ Михаила-Святополка, изъ Турова.

(420) «Бысть Половцемъ вѣсть отъ *Кошея* Гаврилова, отъ Воисла-«вича». Ниже сказано, что Великій Князь послалъ за Половцами *Сн-«дельниковъ* своихъ и *Кошеевъ* (а не *Кошей*). Кошееми назывались младшіе Отроки Княжескіе. Такъ при описаніи Андреевой кончины сказано въ лѣтописяхъ, что съ нимъ былъ одинъ *Кошей*, *малъ Дытескъ* (см. *Воскресен. II*, 92).—Обозъ Князей оставался подъ начальствомъ Ярослава Всеволодовича.—Братъ Великаго Князя, Ярополкъ, во время сего похода умеръ, и схороненъ въ Кіевской церкви Св. Ѳеодора (см. выше, примѣч. 417). Въ *Кіев. Лѣт.*: «и бысть въ *Тумаши* и велми нача немочи «(Ярополкъ), и постиже вѣсть Мстислава за Каневомъ... и посла Мсти-«славъ ко Игумену Поликарпови и къ Данилови, Попови своему, веда «има ѣхати къ брату... Аще Богъ поиметь брата моего, да спрятавше «тѣло его, везете къ Св. Ѳеодору». Вежи Половецкія взяты на рѣкѣ *Улѣ*, а другая на *Снопородѣ*: Татищевъ пишетъ: «или Самарѣ»: но сія рѣка и тогда называлась Самарою (см. выше, примѣч. 352). Далѣе: «са-

мѣхъ (Половцевъ) постигоша у Чрнаго лѣса... и избѣша я... Бастій же «и инѣи гониша по нихъ и за Восколь»: Осколь или Ворсклау? Далѣе: «Изо всѣхъ полковъ два убѣсны быста, Кснятинъ Васильевичъ, Аруковъ «братъ, и Сѣдельникъ Ярославъ Изяславича и Косиятинъ Хотовичъ ятъ «бысть». Въ *Кіев. Лѣт.*: «яко всѣмъ Рускымъ воемъ наполнитись до «изобилія и колодники и чагами, и дѣтми ихъ и челадью». Въ другихъ лѣтописяхъ, вмѣсто *чага*, поставлено: «женами». Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 28) сказано: «была бы *чага* по ногатѣ, а *Косей* по рѣзани»; то есть: плѣнницы, жены варваровъ, продавались бы по ногатѣ, а Отроки ихъ (см. выше), по рѣзани. Издатели не разумѣли слова *чага*, ни *Косей*, принявъ изъ за собственныя имена.—Далѣе въ лѣтописи: «Тоя же весны «посла Мстиславъ по братью свою и съвокупашася въ Кыевъ; Ярославъ «изъ Луцка, Володимерь Андреевичъ изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Овру- «чаго, Давидъ изъ Вышегорода, а Гюргевичъ Иванъ (правнукъ Свято- «полка-Михаила) изъ Турова, и нача молвити Мстиславъ: се Полов- «цемъ есмы много зла сотворили: то имъ всяко пакостити Гречнику на- «шему и Залознику. Да выйдемъ противу Гречнику». См. выше, примѣч. 410.

(421) Глѣбъ Переяславскій угостилъ Мстислава обѣдомъ и дарами.

(422) См. выше, примѣч. 420. Въ лѣтописи: «Бориславичи, Петръ и «и Нестеръ, начаша злы рѣчи глаголати на Мстислава ко Давыдови «лжуще: озлобилъ бо ѥ быаше Мстиславъ и отъ себе отсалъ, яко холопыи «кони Мстиславли покрадоша въ стадѣ и пятна (клейма) на нихъ своя «всклали». Давидъ и Рюрикъ, приглашенные на обѣдъ Великимъ Княземъ, требовали отъ него крестнаго цѣлованія. «Мстиславъ же ужасеся «мыслию и яви дружинѣ своей, глагола: велитъ ми братья собѣ цѣловати «крестъ, а не вѣдъ, что моя вина». Боире отвѣтствовали: «ты всяко еси «правъ передъ своею братьею, а то Богъ вѣсть; тебѣ бо безъ насъ того «не лзѣ было замыслити, ни створити», и проч. Великій Князь и Ро- стиславичи присягнули другъ другу въ вѣрности; но, по словамъ Лѣто- писца: «сердце ихъ не бѣ право съ нимъ».

(423) Имена Князей: Глѣбъ Переяславскій, Романъ Смоленскій, Да- видъ Вышегородскій, Рюрикъ Овручскій, Мстиславъ (четвертый сынъ умершаго В. К. Ростислава Мстиславича), Владимерь Андреевичъ Доро- гобужскій, Дмитрій или Всеволодъ Юрьевичъ (братъ Андреевъ), Мсти- славъ (его племянникъ), Олегъ Святославичъ Сѣверскій и братъ его Игорь.—Въ *Кіев. Лѣт.*: «не имѣа (Андрей) любве къ Мстиславу». *Никон. Лѣт.* въ число Андреевыхъ союзниковъ включилъ и Венгровъ, Чеховъ, Поляковъ, Литву.

(424) «Съ *Ковуи* и съ *Бастіевою* чадью» (то и другое названіе было дано имъ отъ имени ихъ начальниковъ)... «и бысть вѣсть Рюरिकови и «Давыду, оже Андреевичъ и Романъ со Смольняны близъ идета, и по- «славше яста Михаила за Межимостемъ» (пшиѣ село Замостье въ Минск. Губерніи) «и Новгородци съ многымъ товаромъ къ Мозырю идуши. Сдѣ- «яше ту леств Бастій надъ Михайломъ». Татищевъ сказываетъ, что Ми- халко княжилъ въ Городцѣ или Остерѣ. Далѣе въ *Кіев. Лѣт.* и другихъ: «Сняшася братія въ Вышегородъ и пришедше стаха на Дорогожичи (у «Кіева) подѣ Св. Кирилемъ Феодоровы недѣли (первой Вел. поста); а вто- «рые недѣли оступиша Кыевъ... Стояша у города три дни» (а не *седь- «мичи*, какъ у Татищева)... «Мстиславу же изнемогающе въ градѣ. Бе- «ренидичи же и Торци лстяху подѣ Мстиславомъ... и снидошася вси «Князи и дружина *Серховичею* и ринушася къ нимъ доловъ (долой) узадъ «(взадъ) Мстиславу, начаша стрѣляти. Мстиславу жъ начаша дружина «молвити: поѣди изъ города; намъ ихъ не перемочи». Въ *Воскресенск.* и

Кіев. сказано, что Кіевъ взятъ Марта 8, 1170 году, въ *Среду второй недѣли поста*; но въ семь году 8 Марта приходилось въ Воскресенье, а Мясопустъ начался Февраля 8. Въ харатейныхъ и древней Новгородской лѣтописи означень, по нынѣшнему лѣтосчисленію съ Генваря, 1169 г., въ которомъ Середа второй недѣли Вел. поста была вторымъ - надесить Марта.

Никто дотолѣ не бралъ Кіева приступомъ: Изяславъ Давидовичъ взялъ одинъ Подоль. — Берендѣи и Торки зажгли тогда Печерскій монастырь. — Лѣтописецъ говоритъ о Кіевлянахъ: «за грѣхы ихъ» (слѣдственно онъ не былъ самъ Кіевлянинъ) «паче же за Митрополичю несправду: въ то бо время запретилъ бѣ Поликарпа, Пгумена Печерскаго, «про Господскыя праздники, не веля ему ѣсти масла, ни молока въ Среды си въ Пятки въ Господскыя праздники. Помогашеть же ему и Черниговскыи Епископъ Антоній; и Князю Черниговскому многожды браниа «шесть ѣсти мясъ въ Господскыя праздники. Князю же Святославу не «хотящу, изверже и изъ Епископыи». *Никон. Лѣт.* сказываеъ, что изгнанный Антоній уѣхалъ въ Кіевъ къ Митрополиту Константину (прибывшему изъ Греціи въ 1167 году). Татищевъ пишетъ, что Великій Князь собралъ въ Кіевѣ 150 Духовныхъ, желая разрѣшить споръ между Поликарпомъ и Митрополитомъ; что тутъ былъ и Феодорецъ Пгумень Суздальскій (объ немъ см. ниже), и проч. Въ лѣтописяхъ нѣтъ и того, чтобы Ростиславъ, избравъ Константина, посылалъ его ставиться въ Царьградъ, какъ говоритъ Татищевъ.

(425) Такъ въ харатейныхъ, *Кіев.*, *Воскр.* и другихъ. Въ древней *Новгородской* сказано, что Мстиславъ добровольно отказался отъ Кіева: извѣстіе несогласное съ обстоятельствомъ происшествія. Далѣе: «бѣжящу «же ему (Мстиславу) на Василевъ, и постигоша и Бастіева чады и стрѣляша его, а дружину поимаша многу около его: яша Дмитра хороброго «и Олексу Дворского, Събыслава Жировичъ, Иванка Творирича. Рода, «Тивона (Туна) его и ныи. И снися (Мстиславу) съ братомъ Ярославомъ за *Уювою* и пошла Володимерю». *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Кіевъ взятъ измѣною Бояръ Мстиславовыхъ, Петра и Нестора Бориславичей (см. выше, примѣч. 422); но сей изобрѣтатель забылъ, что Петръ и Несторъ служили тогда Давиду и не могли находиться въ Кіевѣ, откуда выгналъ ихъ Мстиславъ.

Послѣдствіе ясно доказываеъ, что Кіевъ съ того времени зависѣлъ отъ Андрея. Въ «раткой лѣтописи XIII вѣка, внесенной въ харатейную Юрмичю Книгу (Синодалн. библиот. No 82) сказано: «нача быти Кіевъ-ское Княженіе въ воли его» (Андреевой).

Никон. Лѣт. говоритъ, что въ княженіе Мстислава, въ 1168 году, Ханъ Половецкій Айдаръ крестился въ Кіевѣ, а въ 1169 пріѣзжали послы отъ Папы; что въ сей годъ родилось много плодовъ; что въ 1170 были страшныя небесныя знаменія, громы и землетрясеніе. Татищевъ пишетъ, что въ 1168 году у Глѣба Юрьевича родился сынъ Владиміръ или Петръ, и что Глѣбъ роздалъ 200 гривенъ серебра нищимъ, а въ церкви и монастыри 300 гривенъ; что въ семь же году умеръ сынъ Всеволода Гавриила Псковскаго, Мстиславъ.

Конецъ Примѣчаній Второго Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ II.

СТР.

ГЛАВА I.

Великій Князь Святполкъ.

Г. 1015—1019.

Святполкъ похититель престола. Добродѣтель Бориса. Братоубійства. Безразсудная жестокость Ярослава. Великодушіе Новгородцевъ. Битва у Любеча. Союзъ Ярослава съ Императоромъ Пѣмедкимъ. Война съ Болеславомъ Храбрымъ. Битва на Бугѣ. Взятіе Кіева. Вторичное великодушіе Новгородцевъ. Вѣроломное избіеніе Поляковъ. Болеславъ оставляетъ Россію. Черная рѣка. Битва на Альтѣ. Вѣстиво и смерть Святполка

5

ГЛАВА II.

Великій Князь Ярославъ или Георгій.

Г. 1019—1054.

Война съ Полоцкимъ Княземъ. Побѣды Мстиславовы. Паденіе Козарской Державы. Голодъ въ Суздаль. Битва у Листвена. Миръ. Основаніе Юрьева или Дерпта. Завоеванія въ Польшѣ. Смерть Мстислава. Единовластіе. Судиславъ заключенъ. Новые Удѣлы. Побѣда надъ Печенѣгами. Каменные стѣны и Соборъ Св. Софій въ Кіевѣ. Митрополитъ. Строеніе монастырей. Любовь Ярослава къ книгамъ. Война съ Ятвягами, Литвою, Мазовшанами, Ямлю. Походъ на Грековъ. Древнее предсказаніе. Брачные союзы. Митрополитъ Россіянинъ. Наставленіе и кончина Ярослава. Гробъ его. Свойства сего Князя. Крещеніе костей. Первое народное училище. Кіевъ второй Царьградъ. Монета Ярослава. Демественное пѣніе. Россія убѣжище изгнанниковъ. Сѣверныя владѣнія Россіи. Законы

14

ГЛАВА III.

И правда Русская или Законы Ярославовы.

Законы уголовные. Денежныя пени за убійство. Вира. Гражданскія степени. Дикая Вира. Потокъ. Пеня за удары. Дворъ Княжескій есть мѣсто суда. Охраненіе собственности. Воровство. Оцѣнка вещей. Бортные знаки и межевые столбы. Пти-

целовство. Закигательство. Сводь. Кража людей. Бѣглые. Кабала. Долги. Торговля рабовъ. Сохраненіе пожитковъ. Росты. Улики, оправданія. Испытаніе желѣзомъ и водою. Право наследственное. Судии Присяжные. Общій характеръ законовъ. Уставъ о мостовыхъ. Уставъ перковный

ГЛАВА IV.

Великій Князь Изяславъ, названный въ крещеніи Димитріемъ.

Г. 1054—1077.

Удѣлы. Побѣда надъ Голядами и Торками. Половцы. Ужасныя чюдеса. Освобожденіе Судислава. Междуособія. Пораженіе Россіявъ на берегахъ Алты. Мятажь въ Кіевѣ. Бѣгство Великаго Князя. Разбитіе Половцевъ. Кіевляне хотять бѣжать въ Грецію. Изяславъ возвращается съ Поляками. Кіевъ новаи Капуя. Война съ Полоцкимъ Княземъ. Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба. Новое бѣгство Великаго Князя. Изяславъ у Нѣмецкаго Императора. Посольство Генрика IV въ Кіевъ. Письмо Папы къ Изяславу. Россіяне въ Силезіи. Возвращеніе Изяслава. Междуособіе. Смерть Великаго Князя. Свойства его. Уничтоженіе смертной казни. Монастырь Кіевопечерскій. Россіяне служатъ въ Греціи. Зависимость нашей Церкви отъ Греческой. Переписка съ Патріархами. Пророки и волшебники.

ГЛАВА V.

Великій Князь Всеволодъ.

Г. 1078—1093.

Междуособія. Олегъ въ Родосѣ. Подвиги Мономаха. Убіеніе Ярополка. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ. Засуха и моръ. Землетрясеніе. Видѣнія. Набѣги Половцевъ. Слабость Великаго Князя. Кончина его. Дочь Всеволодова за Генрикомъ IV. Митрополитъ Іоаннь. Его сочиненіе. Крестильницы. Праздникъ 9 Маія. Сношенія съ Римомъ

ГЛАВА VI.

Великій Князь Святополкъ-Михаиль.

Г. 1093—1112.

Великодушіе Мономаха. Война съ Половцами. Бракъ Святополковъ. Безпокойный Олегъ. Жалкое состояніе южной Россіи. Саранча. Побѣды. Вѣроломство Россіявъ. Междуособія. Гордость Олегова. Сожженіе монастыря Кіевопечерскаго. Храбрость и добродушіе Мстислава. Краснорѣчивое Мономахово письмо. Вѣроломство Олегова. Великодушіе Мстислава. Свѣздъ Князей. Злодѣйство Давида и Святополка. Ослѣпленіе Василька. Слезы Мономаховы. Рѣчь Митрополита. Прекрасная душа Василькова. Мечь Ростиславичей. Корыстолюбіе Поляковъ. Новое коварство Святополка. Умѣренность Ростиславичей. Пораженіе Венгровъ. Междуособія. Новый свѣздъ Князей. Умирненіе Давида. Строптивость Новгородцевъ. Соѣтъ Князей. Счастливая война съ Половцами. Война съ Мордвою

и съ Князьями Полоцкими. Бѣдствіе Россіянъ въ Семигаліи. Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами. Походъ знаменитыя. Имя Тмуророкаи исчезаетъ въ лѣтописяхъ. Кончина Святополкова. Еврей въ Кіевѣ. Брачныя союзы. Митрополиты. Князь Святоша. Св. Антоній Римлянинъ. Путешествіе Даниїла. Россіане въ Іерусалимѣ. Конецъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Янъ.

70

ГЛАВА VII.

Владиміръ Мономахъ, названный въ крещеніи Василиемъ.

Г. 1113—1125.

Грабятъ Жидовъ въ Кіевѣ. Мономахъ усмирять мятежь. Новое пренесеніе мощей Бориса и Глѣба. Законъ о ростахъ. Побѣды въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону. Черныя Клобуки. Бѣловежцы. Дѣла съ Греками. Мономахова шапка. Царевичъ Леонъ. Усмиреніе Минскаго Князя и Новгородцевъ. Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи. Ихъ неудача. Илѣтъ Володари. Смерть трехъ Князей знаменитыхъ. Кончина Мономахова. Свойства его. Поученіе. Основаніе Владиміра Залѣскаго. Гада, супруга Мономахова. Ея дѣти. Сочиненіе Митрополита Никифора.

97

ГЛАВА VIII.

Великій Князь Мстиславъ.

Г. 1125—1132.

Набѣгъ Половцевъ. Изгнаніе Ярослава Черниговскаго. Начало особенныхъ Князей, Муромскаго и Рязанскаго. Удаленіе Половцевъ за Волгу. Междоусобіе въ юго-западной Россіи. Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію. Война съ Чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Голодъ. Древнѣйшая грамота.

111

ГЛАВА IX.

Великій Князь Ярополкъ.

Г. 1132—1139.

Неустройство. Дань Печорская. Завоеваніе Дерита. Битва на Ждановой горѣ. Кровопролитіе въ южной Россіи. Изгнаніе Князи изъ Новгорода. Великодушіе Василька Полоцкаго. Псковъ отдѣлился отъ Новгорода. Уставъ о церковной дани. Новгородцы опять изгоняютъ Князи Междоусобіе въ южной Россіи. Миръ и кончина Великаго Князя. Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое Княженіе. Характеръ Владимірка. Борисъ воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ; является въ станъ Короля Французскаго; убитъ измѣнникомъ.

117

ГЛАВА X.

Великій Князь Всеволодъ Ольговичъ.

Г. 1139—1146.

Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава. Междоусобія. Мужество Андрей. Честность Всеволода. Его благоразуміе. Равнодушіе Новгородцевъ къ Княжеской чести. Безпокойства въ Новгородѣ.

Смерть Андрея Доброго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россияне въ Польнѣ. Первая вражда Георгія съ Изяславомъ. Мореходство Новгородцевъ. Браки. Походъ на Галичь. Юанчъ Берладникъ. Всеволодъ избираетъ наследника. Дѣла Польскія. Война съ Галицкимъ Княземъ. Мужество Всеволода Звенигородскаго. Кончина Всеволода.

125

ГЛАВА XI.

Великій Князь Игорь Ольговичъ.

Вѣче въ Кіевѣ. Измѣна Кіевлянъ. Рѣчь Изяслава. Горыстолубіе Черниговскихъ Князей. Прелательство Игорьъ взять въ плѣнъ. Грабежъ въ Кіевѣ.

134

ГЛАВА XII.

Великій Князь Изяславъ Мстиславичъ.

Г. 1146—1154.

Строгость Великаго Князя. Коварство Черниговскихъ Князей. Добродушіе Святослава. Георгій возстаетъ на Изяслава. Богатство Княжеское. Игорь Схмникъ. Нѣжность Святослава въ дружбѣ. Начало Москвы. Бродники. Поставленіе Россійскаго Митрополита. Любовь къ Мономаху. Измѣна Черниговскихъ Князей. Убіеніе Игоря. Война междуособная. Медленность Георгія. Народный обѣдъ въ Новѣгородѣ. Рѣчь Изяслава. Онустошеніе земли Суздальской. Несправедливость Великаго Князя. Битва у Переяславлѣ. Бѣгство Изяслава. Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками. Мужество Андрея. Памятникъ коню. Миръ. Коварство Георгія. Новая вражда. Добросердечіе Изяслава и Вячеслава. Побѣда Владиміркова. Бодрость Андрея. Хитрость Владимірка. Твердость Изяслава. Военская хитрость. Безпечность Георгія и торжество Изяслава. Ристаніе въ Кіевѣ. Справедливость Великаго Князя. Признательность Вячеслава. Благодарность къ Королю Венгерскому. Осада Кіева. Мирюліе Вячеслава. Шылкость Андрея. Отступленіе Георгія. Усердіе Кіевлянъ. Битва. Изяславъ раненъ. Бѣгство и вѣроломство Георгія. Помощь Венгровъ. Рѣчь Изясловава и побѣда. Притворство Владимірка. Простодушіе Гейзы. Любовь Георгія къ южной Россіи. Вѣроломство Владимірка. Подвиги Андрея. Насмѣшка Владиміркова. Печальная одежда. Смерть Владимірка. Рѣчь Ярослава. Сомнительная побѣда. Бракъ Изяславовъ. Дѣла Новгородскія. Кончина Изяслава. Характеръ его. Своевольство Полочанъ.

137

ГЛАВА XIII.

Великій Князь Ростиславъ-Михаилъ Мстиславичъ.

Г. 1154—1155.

Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу. Смерть его. Сановники придворные. Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава. Гордость Мстиславова. Своевольство Новгородцевъ. Кіевляне поддаютъ Изяславу. Георгій вступается въ Кіевъ.

175

ГЛАВА XIV.

Великій Князь Георгій или Юрій Владиміровичъ, прозваніемъ Долгорукій.

Г. 1155—1157.

Удѣлы. Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу. Тишина въ Россіи. Новое кровопролитіе. Берендѣи бьютъ Половцевъ. Союзъ съ Половцами. Смятеніе въ Новѣгородѣ. Союзъ противъ Георгія. Смерть его и свойства. Пенависть къ нему. Дѣла церковныя. 178

ГЛАВА XV.

Великій Князь Изяславъ Давидовичъ Кіевскій. Князь Андрей Суздальскій, прозванный Боголюбскимъ.

Г. 1157—1159.

Надѣніе Великаго Книженія Кіевского. Новое сильное Книженіе Владимірское. Присшествіи въ западной Россіи. Мятѣжный духъ Полочанъ. Раздоръ за Берладника. Безкорыстіе Святослава. Чеблагодарность Изяслава. Вѣгство Великаго Князя. Странное завѣщаніе Митрополита. Морь въ Новѣгородѣ. . . 183

ГЛАВА XVI.

Великій Князь Ростиславъ-Михаилъ вторично въ Кіевѣ. Андрей въ Владимірѣ Суздальскомъ.

Г. 1159—1167.

Злоба Изяслава. Союзъ Ростислава съ Святославомъ. Городъ Берладъ. Впаденіе Половцевъ. Андрей за Изяслава: властвуетъ въ Новѣгородѣ. Клевета на Ростислава. Ростиславъ изгнанъ. Смерть Изяслава. Берладникъ отравленъ ядомъ въ Греціи. Ссора и миръ Великаго Князя со Мстиславомъ. Удѣлы. Набѣгъ Ляховъ. Единовластіе Андрея. Изгнаніе братьевъ его въ Грецію. Кончина Святослава: ея слѣдствія. Вѣроломство Епископа. Безпокойства въ землѣ Полоцкой. Война съ Волгарами. Побѣда надъ Шведами. Россіяне бьютъ Половцевъ въ степяхъ. Кончина Великаго Князя. Его свойства. Союзы и браки. Дѣла церковныя. 190

ГЛАВА XVII.

Великій Князь Мстиславъ Изяславичъ Кіевскій. Андрей Суздальскій или Владимірскій.

Г. 1167—1169.

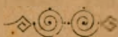
Вѣроломство Владиміра. Изгнаніе Святослава изъ Новгорода. Война съ Половцами. Рѣчь Мстислава. Клевета Болгарь. Пенависть Андрей ко Мстиславу. Взятіе и совершенное паденіе Кіева. 203

ОБЪЯСНЕНИЕ РИСУНКОВЪ,

приложенныхъ ко второму тому

„ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО“.

I.	Древнія византійскія мозаики въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Прядущая Богоматерь	20— 21
II.	Божія Матерь Перушимая стѣна	—
III.	1) Кіево-Софійскій соборъ (въ пылѣшнемъ его видѣ) 2) Тотъ-же соборъ по рисунку XVII вѣка 3, 4, 5) Древнія фрески на стѣнахъ Кіево-Софійскаго собора, изображающія слугъ княжескихъ и скomoroxовъ, пляшущихъ, поющихъ и играющихъ передъ княземъ	— — —
IV.	1, 2) Бытовыя сцены XII вѣка, по рисункамъ, приложеннымъ къ древней рукописи XIV вѣка, заключающей въ себѣ житіе свв. князей Бориса и Глѣба 3) Ярославова гробница въ Кіево-Софійскомъ соборѣ 4) Могица преподобнаго Нестора лѣтонисца въ Кіево-Печерской обители	44— 45 — —
V.	1) Кіевскія Золотыя ворота (въ прежнемъ видѣ) 2) Тѣ-же ворота (въ современномъ ихъ состояніи) 3) Древніе шелома XII вѣка (хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ) 4, 5) Бытовыя сцены XII вѣка, по рисункамъ древней рукописи XIV вѣка	140—141 — — —
VI.	Игорева икона Божіей Матери (въ Кіево-Печерской обители), по преданію, принадлежавшая некогда князю Игорю Святославичу	146—147
VII.	1) Успенскій соборъ во Владимірѣ (на р. Клязьмѣ), въ его прежнемъ видѣ 2) Тотъ-же соборъ (послѣ недавней реставраціи) 3) Золотыя ворота во Владимірѣ 4) Рождественскій монастырь XII вѣка во Владимірѣ 5) Церковь Рождества Богородицы, сооруженная на р. Перли Андреемъ Боголюбскимъ	192—193 — — — —

40. -

1877

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

098288

Biblioteka WSP Kielce

0258793